Digitized by Google
Распознавание текста
АВК/FR

COLUMBIA UNIVERSITY
THE
LIBRARIES
IN THE CITY OF NEW YORK

Digitized by Google
Распознавание текста
ABK/FR

ТОЛКОВАНІЕ

ПАСТЫРСКИХЪ ПОСЛАНІЙ

СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА.

Епископа Өеофана.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова монастыря.

МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собствен. домъ.
1894.

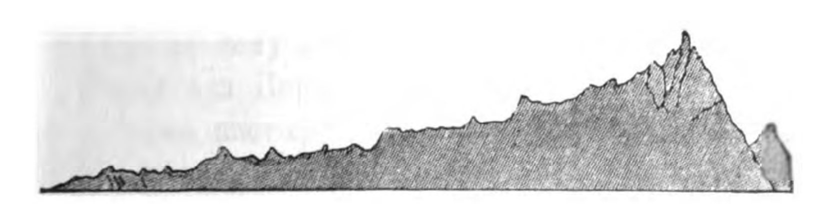
ТОЛКОВАНІЕ

ПАСТЫРСКИХЪ ПОСЛАНІЙ

СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА.

Епископа Ѳеофана.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ



МОСКВА.
Типо-Литографія И. Ефимова. Большая Якиманка, собствен. домъ.
1894.

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 12 апрѣля 1894 года.

Цензоръ Священникъ *Іоаннъ Петропавловскій.*

Reprinted by
JUH

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНІЕ.

Подъ Пастырскими посланіями разумѣемъ посланія св. Павла къ св. Титу и св. Тимоѳею. Пастырскими прилично ихъ наименовать потому, что они писаны къ пастырямъ и содержатъ наставленія о добромъ пастырствованіи. И въ прочихъ посланіяхъ говорится о пастыряхъ и пастырствѣ, но не главнымъ образомъ, а на ряду съ другими предметами; здѣсь же каждое посланіе—все къ симъ предметамъ и направлено. Всѣ они указываютъ, каковъ долженъ быть пастырь, какъ его избирать, какъ онъ долженъ жить, учить и править обществомъ христіанскимъ, и какъ стоять за истину противъ втѣсняющихся въ сіе общество лжеученій.—Въ прочихъ посланіяхъ излагается преимущественно христіанское ученіе,—догматическое и нравственное; и въ пастырскихъ посланіяхъ не мало говорится о семъ, только исключительно съ той стороны, какъ то и другое слѣдуетъ пастырю преподавать пасомымъ.

Судя по сему всякъ видитъ, сколь драгоцѣнны сіи посланія для Церкви Божіей и пастырей, ревнующихъ о добромъ пастырствованіи, и сколько бы было сожалѣнія достойно, еслибы среди Апостольскихъ посланій не обрѣлось таковыхъ!

Приступая къ истолкованію сихъ посланій, считаемъ нужнымъ сдѣлать предварительно нѣкоторыя общія о нихъ замѣчанія.

Первое о нихъ замѣчаніе касается *времени ихъ происхожденія*. Они всѣ написаны послѣ того времени, которое объемлется книгою Апостольскихъ Дѣяній и первыми узами св. Павла въ Римѣ. Въ среду теченія событій того времени ихъ никакъ нельзя втѣснить безъ крайнихъ натяжекъ, которыхъ неестественность сама бросается въ глаза и отнимаетъ всякую цѣну у построеваемыхъ съ сею цѣлію предположеній. Полагаемъ такъ по нижеслѣдующимъ основаніямъ.

Изъ посланія къ св. Титу видно, что Апостолъ, немного потрудившись въ Критѣ и не успѣвъ кончить всего, что нужнымъ считалъ, по неимѣнію времени, оставилъ тамъ св. Тита докончить недоконченное. Въ семъ посланіи, писанномъ съ дороги, говорится между прочимъ, чтобъ св. Титъ, когда присланы будутъ къ нему Артема или Тихикъ, пришелъ къ св. Павлу въ Никополь, гдѣ онъ предполагалъ зимовать, а Зину и Аполлоса прислалъ поскорѣе, т.-е. тотчасъ по полученіи посланія. Въ Дѣяніяхъ невидно, чтобъ Апостолъ касался когда либо Крита. Онъ только былъ провезенъ мимо, когда былъ влекомъ въ Римъ въ узахъ. Но къ этому времени пріурочить написаніе посланія очевидно нѣтъ никакой возможности. Почему, чтобъ помѣстить это событіе въ періодъ времени книги Дѣяній, остается одно средство,—втѣснить его гдѣ либо между другими событіями. Иные и дѣлаютъ такъ, говоря, что Апостолъ могъ или побывать въ Критѣ изъ Коринѳа, во время полтора-годичнаго тамъ пребыванія, — или завернуть туда при переѣздѣ изъ Коринѳа (Д. 18, 18) въ Сирію,—или такъ устроить свое третье проповѣдническое путешествіе изъ Антіохіи до Ефеса (Д. 18, 23), чтобъ побывать и въ Критѣ. Всѣ эти предположенія,

кромѣ неестественныхъ натяжекъ, при объясненіи обстоятельствъ поминаемыхъ въ посланіи, отстраняются тѣмъ, что по посланію Аполлосъ былъ уже извѣстенъ св. Павлу до написанія посланія, а по Дѣяніямъ онъ въ первый разъ является вѣдомымъ св. Павлу только по прибытіи его въ Ефесъ. Слѣдовательно прежде этого событія посланіе написаннымъ быть не могло. Другіе полагаютъ, что Апостолъ могъ побывать въ Критѣ изъ Ефеса, во время трехъ-годичнаго его тамъ пребыванія, или послѣ сего,—когда кончивъ дѣло свое въ Ефесѣ, направился въ Македонію (Д. 20, 1 и д.). Но въ послѣднемъ случаѣ очевидно нѣтъ для сего времени. Что касается до перваго, то оставляя въ сторонѣ другія неумѣстности, напомнимъ только, что еслибъ ужъ рѣшился св. Павелъ побывать въ Критѣ, то не сталъ бы спѣшить изъ него и оставлять дѣла недоконченными: тогда ничто не могло понудить его къ тому.

Посланіе къ св. Тимоѳею первое даетъ знать, что св. Павелъ *идый въ Македонію* умолилъ Тимоѳея пребыть въ Ефесѣ для вразумленія нѣкіихъ, *не инако учити* (—1, 3). И посланіе пишется, чтобы указать, какъ должно ему строить дѣла Церкви, на случай, еслибъ св. Павлу пришлось замедлить (—3, 14. 15). По Дѣяніямъ св. Павелъ изъ Ефеса въ Македонію направлялся только однажды, именно когда, кончивъ дѣло устроенія Церкви въ Ефесѣ и во всей Асіи, направился въ Македонію и Ахаію, имѣя въ мысли, побывъ тамъ, посѣтить Іерусалимъ, а потомъ отправиться въ Римъ (—Д. 19; 21; 20, 1 и дал.). Но въ этомъ случаѣ св. Тимоѳей не могъ быть оставленъ въ Ефесѣ, потому что предъ выбытіемъ св. Павла изъ Ефеса находился въ Македоніи (—Д. 19, 22), чрезъ

которую былъ посланъ св. Павломъ въ Коринѳъ (1 Кор. 4, 17). Св. Павелъ, будучи вынужденъ ускорить свое выбытіе изъ Ефеса, и направясь чрезъ Троаду въ Македонію, засталъ здѣсь еще св. Тимоѳея, какъ видно изъ того, что пиша отсюда посланіе къ Коринѳянамъ второе, ставитъ съ собою св. Тимоѳея (2 Кор. 1, 1). И отсюда св. Тимоѳей не былъ посланъ въ Ефесъ, а шествовалъ съ св. Павломъ въ Коринѳъ и былъ при немъ, когда онъ писалъ посланіе къ Римлянамъ (16, 21). Со св. Павломъ былъ онъ и на пути его изъ Еллады въ Іерусалимъ (Д. 20, 4). Можно бы только допустить, что св. Тимоѳей былъ отосланъ св. Павломъ въ Ефесъ съ предстоятелями Церквей, которые были вызываемы въ Милитъ (Д. 20, 17). Но тогда онъ не написалъ бы: *идый въ Македонію;* ибо направлялся въ Іерусалимъ. Такимъ образомъ къ этому времени никакъ нельзя отнести написаніе перваго посланія къ Тимоѳею въ Ефесъ, когда его тамъ быть не могло. Ктому же св. Павелъ, вышедъ изъ Ефеса, въ то время не былъ намѣренъ скоро воротиться въ него, а держалъ въ мысли планъ далекаго и долговременнаго путешествія— въ Римъ и въ Испанію.

Второе посланіе къ Тимоѳею писано изъ узъ (1, 8. 12. 16. 17; 2, 9; 4, 16. 17). Но это не могли быть первыя узы. Въ первыя узы св. Тимоѳей былъ при св. Павлѣ въ Римѣ (Кол. 1, 1; Филим. 1, 1; Фил. 1, 1; 2, 19). Хотя св. Павелъ намѣревался послать его въ Филиппы, но это уже послѣ того, какъ узнаетъ о благопріятномъ рѣшеніи своего дѣла (Фил. 2, 23). Если не было такого благопріятнаго рѣшенія, то конечно онъ не могъ быть посланъ, и самъ по себѣ не могъ отправиться, оставя св. Павла въ крайности, потому

что этого не позволила бы ему его совершенная преданность св. Павлу. Слѣдовательно въ первыя узы не приходилось писать посланіе къ св. Тимоѳею.

Ктому же, состояніе св. Павла, какъ оно изображается въ концѣ Дѣяній и въ посланіяхъ писанныхъ изъ первыхъ узъ, несходно съ состояніемъ, въ какомъ видимъ его изъ втораго посланія къ Тимоѳею. Тамъ онъ пользуется полною свободою, окруженъ близкими людьми, и свѣтлую питаетъ увѣренность скоро получить свободу (Филип. 2, 24). Здѣсь состояніе его мрачно, всѣ его оставили (2 Тим. 4, 10. 11. 16) и онъ предвидитъ, что время его отшествія настало (—4, 6).

Сверхъ того въ семъ посланіи поминаются нѣкоторыя обстоятельства, которымъ нельзя дать мѣсто въ теченіи дѣлъ св. Павла до первыхъ узъ. Таковы:— *фелонь, (егоже) оставихъ у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя* (— 13). *Ерастъ оста въ Коринѳѣ; Трофима оставихъ въ Милитѣ боляща* (— 20). Всякій читая сіи слова не можетъ иначе представлять поминаемые здѣсь случаи какъ такими, которые совершились только что предъ этимъ, т.-е. незадолго до писанія посланія. Между тѣмъ, если посланіе это писалось изъ первыхъ узъ и конечно къ концу двухгодичнаго въ нихъ пребыванія св. Павла, то всѣ они могли имѣть мѣсто не иначе, какъ года за четыре назадъ, т.-е. тогда, какъ св. Павелъ, посѣтивъ изъ Ефеса Коринѳъ, оттуда направлялся въ Іерусалимъ чрезъ Троаду и Милитъ. Кромѣ такой отдаленности времени, къ какому можно относить сіи случаи, въ теченіи дѣлъ св. Павла до первыхъ узъ,—отдаленности, не допускаемой образомъ рѣчи о нихъ, — есть болѣе рѣшительныя неудобства дать имъ тамъ мѣсто. Ерастъ могъ

остаться въ Коринѳѣ; но Трофимъ не былъ тогда оставленъ въ Милитѣ, потому что видимъ его со св. Павломъ въ Іерусалимѣ (Д. 21, 29). Также оставленіе фелони и книгъ въ Троадѣ,—вещей очевидно нужныхъ, предполагать заставляетъ, что св. Павелъ имѣлъ намѣреніе скоро опять проходить чрезъ то мѣсто. А въ то время не было у него такого намѣренія: онъ собирался въ Римъ и Испанію.—И еще одно обстоятельство: св. Маркъ былъ при св. Павлѣ въ первыя узы (Кол. 4, 10); а во второмъ посланіи къ Тимоѳею дается сему послѣднему наказъ: *Марка поемь приведи съ собою* (—4, 11). Такъ нельзя было написать изъ первыхъ узъ.

Такимъ образомъ очевидно, что второе посланіе къ Тимоѳею не могло быть написано изъ тѣхъ римскихъ св. Павла узъ, о коихъ говорятъ Дѣянія. Но какъ тоже очевидно, что оно написано въ узахъ, то небходимо признать, что послѣ тѣхъ узъ были вторыя узы, изъ которыхъ писалъ св. Павелъ сіе второе къ св. Тимоѳею посланіе. Если были вторыя узы, то былъ и промежутокъ времени между ними. И вотъ время для написанія посланій къ св. Титу и перваго къ св. Тимоѳею. Какъ ихъ происхожденію не оказалось мѣста въ ряду событій, объемлемыхъ книгою Дѣяній и первыми узами св. Павла, а тутъ открылся промежутокъ времени между первыми и вторыми узами, то и признается, что они написаны въ этотъ промежутокъ, а второе посланіе къ св. Тимоѳею — во вторыхъ узахъ. И это тѣмъ охотнѣе надо признавать достовѣрнымъ, что о семъ промежуткѣ кромѣ предложеннаго наведенія, не безосновательнаго,—есть и свидѣтельства, которымъ никакъ нельзя отказать въ силѣ.

Такъ св. Климентъ въ первомъ посланіи въ Корин-

ѳянамъ, гл. 5., свидѣтельствуетъ, что св. Павелъ, просвѣтивъ Востокъ Евангельскимъ ученіемъ, пронесъ потомъ проповѣдь свою до крайняго предѣла Запада, то-есть до Испаніи. Хотя онъ не называетъ прямо Испаніи, но, смотря отъ Рима, гдѣ былъ св. Климентъ, на крайнемъ концѣ Запада не другое что увидимъ, какъ Испанію. Второе свидѣтельство о посѣщеніи св. Павломъ Испаніи даетъ списокъ св. книгъ открытый Мураторіемъ (170 г.), гдѣ между прочимъ прописывается, что св. Павелъ изъ города, т.-е. Рима, отправлялся въ Испанію. Эти два свидѣтельства прямо ведутъ къ заключенію, что св. Павелъ получилъ свободу отъ первыхъ узъ: ибо до тѣхъ узъ онъ не былъ и не могъ быть въ Испаніи, какъ всякій видитъ изъ книги Дѣяній. Вотъ и промежутокъ между первыми и вторыми узами. Мы дополняемъ сіи свидѣтельства предположеніемъ, что св. Павелъ не прямо изъ Рима отправился въ Испанію, а побывавъ напередъ на Востокѣ, какъ сего требуютъ посланія, писанныя изъ первыхъ узъ.

Тоже подтверждаетъ Евсевій, который, въ своей исторіи пишетъ, что св. Павелъ вторично былъ въ узахъ въ Римѣ и тамъ скончался мученическою смертію. Вотъ его слова: „при Фестѣ Павелъ отправленъ былъ въ узахъ въ Римъ. Этимъ событіемъ св. Лука, описавшій дѣянія Апостоловъ, оканчиваетъ свое о нихъ повѣствованіе, — сказавъ, т.-е., что Павелъ въ Римѣ провелъ цѣлые два года на свободѣ, и проповѣдалъ Слово Божіе невозбранно (Дѣян. 28, 30. 31). За тѣмъ преданіе говоритъ, что оправдавшись предъ судомъ, Апостолъ снова отправился на проповѣдь Евангелія, и потомъ, вторично прибывъ въ Римъ, скончался тамъ мучени-

ческою смертію. Заключенный въ узы, онъ пишетъ второе посланіе къ Тимоѳею.—Это я говорю съ намѣреніемъ показать, что мученическая кончина Павла случилась не въ то пришествіе его въ Римъ, которое описываетъ Лука. Да и вѣроятно, что первое оправданіе Апостола было принято снисходительнѣе,—именно потому, что въ началѣ своего царствованія Неронъ обнаруживалъ болѣе кротости. Напротивъ впослѣдствіи, когда онъ сталъ отваживаться на ужасныя беззаконія, и Апостолъ вмѣстѣ съ другими сдѣлался жертвою его жестокости“ (Кн. 2, гл. 22).

Итакъ исполнилось то, что писалъ св. Павелъ къ Филиппійцамъ: *надѣюся о Господѣ, яко и самъ скоро пріиду къ вамъ* (—2, 24), и что еще рѣшительнѣе наказывалъ Филимону: *уготови ми обитель* (—22). Дѣло показало, что то были не слова отъ человѣческаго гаданія, а опредѣленныя пророченія Апостольскаго духа, которыя оправдались и событіемъ. Получилъ св. Павелъ свободу отъ первыхъ узъ и посѣтилъ Критъ, Церкви Малоазійскія, Македонію и Ахаію, и побылъ въ Испаніи, и не переставалъ трудиться, пока вторыя узы не положили конца его Апостольской дѣятельности.

Времени на все это могло достать съ избыткомъ: ибо промежутокъ тотъ могъ длиться пять лѣтъ,—отъ 62—63, до 67—68.—Но въ какомъ порядкѣ шли труды св. Павла, объ этомъ можно только гадать. Онъ могъ направиться прямо въ Филиппы, какъ обѣщалъ, а оттуда въ Малую Азію, въ Критъ, въ Коринѳъ и Испанію,—прямо или чрезъ Римъ. Но могъ возвратиться къ прежнимъ своимъ Церквамъ и тѣмъ же путемъ, какимъ былъ привезенъ въ Римъ, т.-е. западнымъ берегомъ Италіи, мимо Сициліи и Мальты на Критъ, и

далѣе.—Принимаемъ послѣднее и путь св. Павла отъ Крита ведемъ такъ: изъ Крита въ Миры, въ Колоссы и прочія Малоазійскія церкви, до Никополя Киликійскаго на границѣ Сиріи. На семъ пути отъ Крита до Никополя писано посланіе къ св. Титу, оставленному при проѣздѣ въ Критѣ. Можетъ быть св. Павелъ имѣлъ намѣреніе побыть въ Антіохіи и даже въ Іерусалимѣ; но узнавъ о начавшихся уже тамъ смутахъ, рѣшилъ перезимовать въ Никополѣ, гдѣ самъ могъ основать Церковь прежде, при переходахъ изъ Антіохіи въ Малоазійскія церкви. Перезимовавъ въ Никополѣ, св. Павелъ по тѣмъ же причинамъ не направился уже ни въ Антіохію, ни въ Іерусалимъ, но посѣтивъ опять перво-основанныя свои Церкви, въ Ликаоніи и въ Писидіи, чрезъ Фригію и Галатію прибылъ въ Ефесъ. Оставивъ здѣсь св. Тимоѳея, онъ чрезъ Милетъ, гдѣ остался Трофимъ больнымъ, и Троаду, гдѣ оставлены фелонь и книги, переѣхалъ въ Македонію исполнить, что обѣщалъ Филиппійцамъ, и отсюда написалъ первое посланіе къ св. Тимоѳею; изъ Македоніи обратился къ Коринѳу; изъ Коринѳа устремился въ Испанію или прямо, или чрезъ Римъ. Изъ Испаніи опять воротился въ Римъ и попалъ въ вторыя узы; отсюда писано второе посланіе къ св. Тимоѳею.

Такое распредѣленіе Апостольскихъ трудовъ дѣлается только примѣрно. Иные иначе распредѣляютъ. И пусть; какъ кому покажется лучше. Но никому нельзя утверждать рѣшительно, что дѣла шли именно такъ, какъ онъ нагадалъ. По нашему распредѣленію прежде написано посланіе къ св. Титу, затѣмъ посланіе къ св. Тимоѳею первое и наконецъ къ нему же второе посланіе. Кажется, и сами посланія оправдываютъ такой порядокъ.

Втораго общаго замѣчанія требуютъ *заблужденія*, о коихъ упоминаетъ св. Павелъ въ сихъ посланіяхъ. О нихъ поминается въ каждомъ посланіи, и поминается въ одинаковыхъ выраженіяхъ, изъ чего слѣдуетъ заключить, что они всѣ были одного рода, хотя можетъ быть и рознились между собою въ какихъ-либо частностяхъ. На первомъ мѣстѣ замѣтимъ, что не должно полагать, будто цѣль написанія посланій составляли сіи заблужденія. Въ составѣ посланій они не выдѣляются какъ-либо особенно, а поминаются наряду съ другими предметами, какъ предметы пастырскихъ заботъ, для воодушевленія пастырей заблуждающихъ вразумлять, а правовѣрующихъ охранять и остерегать отъ увлеченія ими. На второмъ мѣстѣ скажемъ, что на сіи заблужденія должно смотрѣть очами св. Павла, и если онъ представляетъ ихъ въ неопредѣленныхъ чертахъ, то и полагать надобно, что они въ ту пору еще не опредѣлились сами. Было видно, что это какое-то инакоученіе, странное, похожее на старушечьи бредни: но въ чемъ именно оно состояло, не видно; нечего потому и усиливаться опредѣлить его. Усилія эти привели къ очень произвольнымъ предположеніямъ, а предположенія къ вреднымъ для истины выводамъ. Довольно для насъ видѣть и знать, какъ должно относиться пастырямъ къ инакоученіямъ, когда они появятся среди паствы; на это и обращай наипаче вниманіе всякъ читающій посланіе, особенно пастыри.

Что точно инакоученія тѣ были неопредѣленны, видно изъ того, какъ ихъ называетъ св. Павелъ. Онъ говоритъ, что это были *басни и родословія безконечныя* (1 Тим. 1, 4), *буіи стязанія и родословія* (Тит. 3, 9), *іудейскія басни* (Тит. 1, 14), *скверныя и бабіи басни* (1 Тим.

4, 7), *суесловія* (1 Тим. 1, 6), *скверныя тщеглисія* (2 Тим. 2, 16), *буіи и ненаказанныя стязанія* (2 Тим. 2, 23), *скверныя суесловія и прекословія лжеименнаго разума* (1 Тим. 6, 20). Изъ опредѣленныхъ заблужденій указывается только,—будто *воскресеніе уже было* (2 Тим. 2, 18), и будто не должно брачиться и употреблять нѣкоторыя яства (1 Тим. 4, 3), не въ видахъ полнѣйшаго Богоугожденія, какъ училъ св. Павелъ Коринѳянъ (1 Кор. 7), а по какому-то суемудрію. Два лица, отпавши отъ истины, хулы изрыгали, за что преданы Апостоломъ сатанѣ (1 Тим. 1, 19. 20). Но это такія указанія, которыя не указываютъ на начала, изъ какихъ выходили тѣ заблужденія. Потому на основаніи ихъ никакихъ наведеній о какой-либо системѣ ученія дѣлать нельзя.

Сами лжеучители качествуются такъ: они суть *инакоучители* (1 Тим. 1, 3), не хотящіе покоряться здравому Апостольскому ученію, а инако отъ него представляющіе дѣло вѣры, по своему смышленію; почему суть непокоривцы (Тит. 1, 10. 16), истинѣ противляющіеся (2 Тим. 3, 7), не по какой другой причинѣ, а по одной гордынѣ ума (1 Тим. 6, 3). Они всегда учатся, но какъ слѣдуютъ только своему уму, которому не дано вѣдать истину самому, а только принимать открываемую, то они только учатся и учатся, а въ познаніе истины никогда пріити не могутъ (2 Тим. 3, 7). При всемъ томъ они не стыдятся хвалиться (1 Тим. 6, 21) своими постиженіями, возводя ихъ въ непреложныя истины. И это есть ихъ коренная прелесть, т.-е. самопрельщеніе, по коему сами бывъ прельщены, они и другихъ ревнуютъ прельщать (2 Тим. 3, 13). Почему и сказано объ нихъ: *непокориви, суесловцы, умомъ прель-*

щени (Тит. 1, 10), *человѣцы растлѣнніи умомъ* (2 Тим. 3, 8), которые берутся законоучительствовать, тогда какъ *не разумѣютъ ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ* (1 Тим. 1, 7). Поелику у всякаго изъ такихъ свой умъ царь въ головѣ, то одинъ ни за что не соглашается уступить другому, коль скоро расходятся они въ мысляхъ; оттого каждый изъ нихъ *недугуетъ* страстію къ словопреніямъ (1 Тим. 6, 4). Эти черты тогдашнихъ инакоучителей общи со всѣми, и послѣ появлявшимися инакоучителями, до настоящаго времени. Онѣ исходятъ изъ свойствъ ума, когда онъ самъ берется за то, къ чему не получилъ способности, по одному самомнѣнію и самоувѣренности.

Происхожденіе инакоученій и порожденіе инакоучителей уже хорошо опредѣляется указаніемъ ихъ свойствъ. Но то есть показаніе психологическое, которое одно не объясняетъ дѣла. Почему св. Павелъ идетъ далѣе и источникъ того и другаго указываетъ въ мірѣ духовъ лестчихъ, по которымъ и ученія тѣ называются ученіями бѣсовскими (1 Тим. 4, 1), и послѣдующіе имъ уловленными въ волю діавола и въ сѣти его попавшимися (2 Тим. 2, 26). И это идетъ къ заблужденіямъ всѣхъ временъ. Въ наше время осязательно это видится на спиритахъ.

Такія указанія драгоцѣннѣе для насъ точнаго опредѣленія самыхъ заблужденій, потому что и безъ сего опредѣленія они даютъ вѣрное руководство къ тому, какъ судить о всѣхъ инакоученіяхъ и какъ къ нимъ относиться. Апостолъ впрочемъ и прямыя въ семъ отношеніи даетъ правила. Они кратки: вѣрнымъ всѣмъ отвращаться отъ инакоучителей и ихъ инакоученія (1 Тим. 1, 4 и под.); пастырямъ сначала кротко вразум-

лять (2 Тим. 2, 25), потомъ нещадно обличать (Тит. 1, 11. 13), а наконецъ и совсѣмъ отсѣкать отъ общенія съ вѣрными, какъ негодные и вредные члены (1 Тим. 1, 18—20; Тит. 3, 10).

Изъ какихъ были эти инакоучители,—изъ іудеевъ, или изъ язычниковъ? Изъ тѣхъ и другихъ. Въ посланіи къ Титу говорится, что такими были паче *сущіи отъ обрѣзанія* (1, 10); но этимъ же самымъ подтверждается, что были въ числѣ ихъ и не сущіе отъ обрѣзанія. И положимъ, что были они изъ тѣхъ и другихъ. Больше же будемъ удерживать въ мысли показаніе св. Павла объ ихъ душевномъ настроеніи, какъ приводилось выше. Это люди разсудочнаго направленія. Поразительныя знаменія, сопровождавшія благовѣстіе, понудили ихъ признать истину его; они и обратились къ вѣрѣ христіанской. Но какъ христіанство полно дивныхъ таинъ и въ догматахъ, и въ жизни, а они, по настроенію своему, ничего непонятнаго и неосязаемаго терпѣть не могутъ, то вступивъ въ область Христову и встрѣчая повсюду тайности, они, по миновании перваго изумленія отъ блистанія силы Божіей, осѣнявшаго вѣру, пустились объяснять непостижимое, каждый конечно по тѣмъ началамъ знанія, какія дотолѣ усвоилъ. Какъ разсудокъ страдаетъ страстію къ диктаторству, то кто успѣвалъ объяснить что либо изъ таинъ вѣры, тотчасъ выступалъ съ словомъ учительства. чтобъ свое постиженіе сдѣлать общимъ. Выступая съ такимъ словомъ въ среду другихъ, встрѣчалъ, конечно, несогласныхъ съ нимъ; начинались споры и состязанія. И вотъ что засталъ св. Павелъ и въ Критѣ, и въ Ефесѣ. Почему и уроки его преимущественно направлены противъ сихъ состязаній (1 Тим. 1, 4; 6, 5. 20;

2 Тим. 2, 14. 23; Тит. 3, 5 и проч.). Отвращайтесь, говоритъ, отъ этихъ состязаній; никакой отъ нихъ пользы нѣтъ, а однѣ свары. Держите вѣру, или здравое ученіе, преданное вамъ, и старайтесь жить по вѣрѣ,—вотъ и все; а отъ этихъ кривотолковъ удаляйтесь (1 Тим. 1, 19; 4, 7; 2 Тим. 2, 2. 3. 14; Тит. 2, 11—15 и под.).

Удовольствуемся сказаннымъ и не продолжимъ своихъ общихъ замѣчаній о пастырскихъ посланіяхъ. Что потребуется сказать о каждомъ посланіи особо, то составитъ предметъ введенія въ каждое посланіе.

Вопроса о подлинности не предлагаемъ. Церковію даны сіи посланія, какъ подлинныя посланія св. Павла. Зачѣмъ мутить покойную, вслѣдствіе того, увѣренность въ семъ, предъявленіями совнѣ, сколько бы они по виду не казались представительными?

Руководители при толкованіи — св. Златоустъ, бл. Ѳеодоритъ, Амвросіастъ, Экуменій, Ѳеофилактъ.

Порядокъ толкованія будемъ держать тотъ, въ какомъ происходили посланія, по нашему предположенію, какъ говорилось выше, именно сначала предложимъ толкованіе посланія къ св. Титу, а потомъ посланій къ св. Тимоѳею.

ПОСЛАНІЕ КЪ ТИТУ.

ВВЕДЕНІЕ

въ толкованіе посланія къ Титу.

О св. Титѣ.

О св. Титѣ въ первый разъ поминается въ посланіи къ Галатамъ (—2, 3), что онъ былъ съ Апостоломъ Павломъ въ Іерусалимѣ, когда тамъ происходилъ Апостольскій соборъ, для опредѣленія, какъ принимать въ Церковь язычниковъ. Что было съ нимъ до того времени, о томъ святитель Димитрій пишетъ по преданію, что онъ былъ Критянинъ и принадлежалъ къ царскому тамошнему роду; былъ любитель мудрости, ревнитель благочестія не по-язычески и дѣвственникъ не по-язычески (Посл. св. Игн. къ Филадельф.). По особенному указанію свыше, сталъ онъ читать Пророка Исаію и отверзъ себѣ дверь къ познанію единаго истиннаго Бога, къ Которому и возгорѣлъ сердцемъ. Въ то время слышно стало въ Критѣ о Господѣ Спасителѣ, — Богѣ, явльшемся во плоти въ Іудеѣ, учащемъ истинному спасенію и предивныя дѣла творящемъ. Для собранія точныхъ свѣдѣній о происходящемъ въ Іудеѣ анѳипатъ Критскій, дядя св. Тита, со старѣйшинами послалъ туда св. Тита, какъ человѣка любомудраго и благоговѣйнаго. Достигнувъ Іерусалима, онъ видѣлъ Господа, бесѣдовалъ съ Нимъ и святыми Апостолами и видѣлъ дивныя знаменія. (Не былъ ли онъ въ числѣ еллиновъ, желавшихъ видѣть Господа въ день

торжественнаго входа Его въ Іерусалимъ?—Іоан. 12, 20—22). Потомъ былъ онъ свидѣтелемъ страданій Господа и крестной Его смерти; но удостовѣрился и о Его воскресеніи; дождался сошествія Св. Духа и былъ въ числѣ Критянъ, слышавшихъ, какъ Апостолы говорили, не учась, и по критски (Дѣян. 2, 11).—Все сіе, возвратясь въ Критъ, возвѣстилъ онъ соотечественникамъ своимъ, посылавшимъ его.

Св. Титъ былъ уже искренно вѣрующимъ, но св. крещенія еще не принялъ. Для этого онъ отправился опять туда, гдѣ дѣйствовали Апостолы,—въ этотъ разъ въ Антіохію, гдѣ обратился къ св. Павлу и былъ принятъ имъ предъ отбытіемъ въ Іерусалимъ на соборъ. Не крещенъ тотчасъ или по недостатку времени, или по причинѣ смущенія, тамъ ходившаго отъ ревнителей закона; а лучше потому, что Промыслу Божію угодно было употребить его въ орудіе очевиднѣйшаго удостовѣренія въ ненужности обрѣзанія, а слѣдовательно и всего закона, по Апостольскому образу дѣйствованія. Св. Павелъ пишетъ, что когда они были въ Іерусалимѣ, св. Тита не нудили обрѣзываться. Странно было бы требовать обрѣзанія отъ крещеннаго уже; почему надо полагать, что онъ не былъ еще крещенъ, хотя вполнѣ вѣровалъ. И Апостолъ назвалъ его только еллиномъ: *Еллинъ сый* (Гал. 2, 3). Крещеніе ему преподано тамъ же, послѣ того какъ Апостолы составили опредѣленіе о принятіи язычниковъ въ лоно Церкви безъ обрѣзанія, — въ подтвержденіе дѣломъ, что постановленіе ихъ есть неотложный законъ, которому съ сего времени всѣ должны слѣдовать.

Послѣ сего св. Титъ послѣдовалъ за Апостоломъ Павломъ, можетъ быть по избранію и прочихъ Апостоловъ, и сотрудничествовалъ ему. Вѣроятно, онъ сопровождалъ св. Павла во второе его Апостольское путешествіе, когда обращены Галаты, и сталъ извѣстенъ

Галатамъ съ сего времени. Поминаніе объ немъ въ посланіи къ нимъ было для нихъ очень вразумительно.

Очень вѣроятно, что онъ сопровождалъ св. Павла во все это путешествіе, и послѣ Филиппъ и Солуни былъ съ нимъ и въ Коринѳѣ. О послѣднемъ можно съ достовѣрностію заключить изъ того, что въ третье свое путешествіе, св. Павелъ, при самомъ выбытіи изъ Ефеса, посылалъ его въ Коринѳъ съ важнымъ порученіемъ,— именно удостовѣриться, какъ принято тамъ первое его посланіе, чего онъ не сдѣлалъ бы, еслибы св. Титъ не былъ извѣстенъ Коринѳянамъ. Пославъ его въ Коринѳъ — прямо, св. Павелъ самъ направился туда же чрезъ Троаду и Македонію. Св. Титу наказано было поспѣшить обратно со свѣдѣніями и встрѣтить Апостола въ Троадѣ; но онъ не успѣлъ этого исполнить. Пождавъ его въ Троадѣ и не дождавъ, св. Павелъ переправился въ Македонію и тамъ уже они встрѣтились. Принесенныя имъ свѣдѣнія утѣшили св Павла, но были однакожъ такого рода, что требовалось новое посланіе. Оно было написано и отправлено со св. Титомъ, впереди св. Павла, которому надлежало посѣтить прочія македонскія Церкви. Встрѣча со св. Титомъ и писаніе посланія вѣроятно происходили въ Филиппахъ.

Скоро послѣ сего начались узы св. Павла сначала въ Кесаріи палестинской, а потомъ въ Римѣ. Хотя ни въ Дѣяніяхъ, ни въ посланіяхъ не упоминается, что съ нимъ былъ св. Титъ; но какъ на возвратномъ пути изъ первыхъ узъ римскихъ мы видимъ его со св. Павломъ въ Критѣ, то естественно полагать, что онъ былъ при немъ или въ его распоряженіяхъ и во все время узъ.

Въ Критѣ св. Павелъ, какъ видно, останавливался мимоѣздомъ не надолго; но видя, что многое между тамошними вѣрующими требовало исправленія, оставилъ при нихъ св. Тита, да недоконченное исправитъ. Самъ

же направился далѣе въ Малую Азію, для посѣщенія тамошнихъ Церквей, — сначала фригійскихъ, потомъ писидійскихъ и ликаонскихъ.—намѣреваясь провесть зиму въ Никополѣ, полагаемъ—Киликійскомъ или Сирійскомъ. Св. Павелъ видѣлъ, что здѣсь будетъ ему нуженъ св. Титъ; почему, пиша посланіе, наказывалъ ему, чтобъ онъ пришелъ къ нему въ Никополь,—что конечно и было имъ исполнено.

Когда, перезимовавъ у Никополя, св. Павелъ направился чрезъ Ефесъ на Западъ, въ Македонію, Ахаію, Испанію и потомъ оказался во вторыхъ узахъ въ Римѣ; на всемъ этомъ пути вѣроятно съ нимъ былъ неразлучно св. Титъ; ибо видимъ его при св. Павлѣ въ Римѣ, — и онъ, пиша второе посланіе къ св. Тимоѳею изъ Рима, поминаетъ, что св. Титъ посланъ имъ въ Далматію по потребностямъ тамошнихъ Церквей.

Этимъ кончаются свѣдѣнія о св. Титѣ изъ Писанія. До конца жизнь его доводитъ преданіе, по которому онъ епископствовалъ въ Критѣ (Ист. Евс., кн. 3, гл. 4), и весь островъ вѣрою просвѣтивъ, въ старости глубокой, на 94 году отъ рожденія своего, преставился ко Господу. Память его августа 25 дня.

Св. Златоустъ говоритъ о немъ: „изъ спутниковъ Павла Титъ былъ мужъ опытнѣйшій. Ибо еслибы онъ не былъ опытнымъ, то Апостолъ не ввѣрилъ бы ему цѣлаго острова, не повелѣлъ бы ему дополнить недостающее или, какъ говоритъ онъ, *да недоконченная исправиши*. И то, что Апостолъ пишетъ краткое посланіе, служитъ также доказательствомъ добродѣтели Тита,—что онъ не нуждался въ длинныхъ рѣчахъ, а только въ нѣкоторомъ напоминаніи". Бл. Ѳеодоритъ прибавляетъ: „Тита св. Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ увѣнчалъ многими похвалами." А тамъ онъ говоритъ: *общникъ мнѣ, и къ вамъ споспѣшникъ*, дѣятель

тщаливѣйшій, которому достаточно указать дѣло, — и онъ тотчасъ безъ особыхъ понужденій исполнитъ его (2 Кор. 8, 23. 17).

О критскихъ христіанахъ.

Посланіе все обращено къ св. Титу. Но какъ оно пишется по потребностямъ критскихъ христіанъ, то при писаніи его, конечно, имѣлись въ виду и они. Почему не излишне предложить и о нихъ что̀ можно и что̀ сколько нибудь можетъ способствовать къ точнѣйшему пониманію посланія.

Какъ зашло христіанство въ Критъ?

По предложенному уже сказанію о св. Титѣ, оно взыскано самими Критянами и принесено къ нимъ св. Титомъ, посланнымъ для взысканія его. Св. Титъ, искренно увѣровавъ, и въ Критянахъ, конечно, засѣменилъ такую же вѣру. Она могла подтверждена и умножена быть бывавшими въ Іерусалимѣ Іудеями и увѣровавшими тамъ въ Господа подъ дѣйствіемъ Апостольскаго слова. Чтобы внесть къ нимъ и крещеніе, допустимъ, что св. Титъ,—или изъ Коринѳа, во второе Апостольское путешествіе св. Павла, или изъ Ефеса—въ третье, или въ то и другое,—былъ посыланъ въ Критъ и по собственной ревности, и по желанію Апостола, и установилъ тамъ крещеніе, распространивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и св. вѣру по всему острову. Можно предположить его тамъ дѣйствующимъ и во время узъ св. Павла, въ Кесаріи, а отчасти и въ Римѣ. Распространеніе вѣры тамъ усилено дѣйствіемъ Зины и Аполлоса, если слова о нихъ св. Павла: *Зину и Аполлоса скоро предпосли* (Тит. 3, 13), поймемъ такъ, что св. Павелъ, заѣзжая въ Критъ, засталъ ихъ тамъ и тамъ ихъ оставилъ вмѣстѣ съ Ти-

томъ, потомъ съ дороги уже велѣлъ поскорѣе прислать ихъ къ себѣ. Изъ сего будетъ слѣдовать, что они дѣйствовали благовѣстнически предъ заѣздомъ туда св. Павла, и конечно не безплодно.

Такими предположеніями достаточно объясняется такое широкое распространеніе по острову христіанства, что св. Павелъ, заѣхавъ туда и узнавъ объ этомъ, нашелъ нужнымъ поставить по всѣмъ градомъ пресвитеры (Тит. 1, 5). Христіанство, выходитъ, тамъ широкіе пустило корни; но іерархіи и прочаго церковнаго устройства еще не было. Для восполненія сего недостающаго и оставленъ былъ въ Критѣ св. Титъ.

Это послѣднее обстоятельство,—что не было іерархіи, и слѣдовательно голоса опредѣляющаго,—было причиною и того, что между христіанами появились многіе суесловцы, которые давали себѣ свободу судить и рядить о дѣлѣ христіанства и съ догматической, и съ нравственной стороны, какъ кому вздумается, по тѣмъ началамъ, въ какихъ кто утвердился до принятія христіанства, не сообразжаясь и не покоряясь тому образу здравыхъ словесъ, который повсюду составлялъ одинаковую норму христіанскаго ученія. Не видно, чтобъ у нихъ образовались какія-либо ереси, а только вошли въ обычай суесловія, стязанія и свары. Отрезвляющаго и остепеняющаго ихъ голоса не было. Апостолъ и видѣлъ, что для нихъ нужнѣйшее есть установить властныхъ блюстителей и образа ученія вѣры и образа жизни по вѣрѣ,—для чего и оставилъ у нихъ св. Тита.

О времени и мѣстѣ написанія посланія предположеніе высказано уже въ общемъ введеніи. Здѣсь приведемъ только слова св. Златоуста, который говоритъ: „мнѣ кажется, что Апостолъ писалъ это посланіе во

время между первымъ и вторымъ своимъ заключеніемъ (въ узы).“ И еще: „это посланіе, кажется мнѣ, предшествуетъ посланію къ Тимоѳею (второму). Ибо то писалъ онъ при концѣ жизни, находясь въ узахъ (послѣднихъ), а это въ такое время, когда былъ отпущенъ и свободенъ отъ узъ.“

Побужденіе и цѣль написанія посланія.

Св. Павелъ только что оставилъ св. Тита въ Критѣ: зачѣмъ же писать? Что понудило его къ тому?—Можетъ быть оставляя его, не успѣлъ онъ все сказать. что нужно было.—Вспомнивъ о томъ на дорогѣ, спѣшитъ восполнить недосказанное. Еще, — св. Титъ — самъ Критянинъ. Но какъ нѣсть пророкъ безъ чести, токмо въ отечествѣ своемъ, то и надлежало придать авторитетъ его словамъ и распоряженіямъ. Получивъ посланіе, св. Титъ могъ смѣло всѣмъ говорить: вотъ посмотрите! Такъ повелѣваетъ Апостолъ языковъ, которому Самъ Господь указалъ, какъ дѣйствовать среди васъ во спасеніе ваше. Ктому же св. Павелъ, какъ основоположитель Церкви, не могъ не поимѣть попеченія и о будущемъ Церкви, которая безъ цѣлесообразнаго дѣйствованія пастырей стоять не можетъ. Для того же, чтобъ они такъ дѣйствовали, нужно руководство. Духъ Божій и внушилъ ему воспользоваться предлежащимъ случаемъ и начертать правила для достодолжнаго дѣйствованія пастырей.

Раздѣленіе.

Послѣ обычнаго *Предисловія*, состоящаго изъ надписи съ привѣтствіемъ и начала посланія,—1, 1—5, слѣдуютъ *Правила* въ руководство св. Титу, и въ лицѣ

его всѣмъ устроителямъ церквей, — 1, 6 — 3, 11; въ концѣ прилагается и небольшое *Послѣсловіе,* — 3, 12—15.

Болѣе подробное раздѣленіе идетъ въ самомъ толкованіи.

ПРЕДИСЛОВІЕ

1, 1—5.

1) *Надпись и привѣтствіе* 1, 1—4.

Надпись и привѣтствіе въ семъ посланіи нѣсколько распространены противъ того, каковы онѣ обычно въ другихъ посланіяхъ, подобно тому какъ это имѣетъ мѣсто въ посланіяхъ къ Галатамъ и къ Римлянамъ. Съ послѣдними онѣ сходны и по мысли, и по выраженію. Причина, почему такъ сдѣлано и здѣсь, какъ и въ тѣхъ посланіяхъ, та, что, по важности предмета посланія, св. Павелъ счелъ нужнымъ мысли читающихъ навесть на него съ первыхъ же строкъ посланія.

Гл. 1, ст. 1. *Павелъ рабъ Божій, Апостолъ же Іисусъ Христовъ, по вѣрѣ избранныхъ Божіихъ и разуму истины, яже по благочестію.*

Въ другихъ посланіяхъ св. Павелъ называетъ себя рабомъ Іисусъ-Христовымъ, а здѣсь—рабомъ Божіимъ, чѣмъ даетъ разумѣть, что сказать ли: *рабъ Божій*, или: *рабъ Іисусъ-Христовъ*, есть одно и тоже. Ибо Сынъ Божій и воплотившись не оставилъ нѣдръ Отчихъ, но пребываетъ неизмѣнно едино со Отцемъ и есть Богъ присносущный. Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли, какъ безразлично онъ употребляетъ эти выраженія, называя себя иногда рабомъ Божіимъ и Апостоломъ Христовымъ, а иногда рабомъ Христовымъ: *Павелъ рабъ Іисусъ-Христовъ* (Римл. 1, 1)? Такъ онъ не полагалъ никакого различія между Отцемъ

и Сыномъ.“ Тоже наведеніе дѣлаютъ и всѣ другіе наши толковники. Бл. Ѳеодоритъ прилагаетъ: „Павелъ безразлично именуетъ себя рабомъ иногда Христовымъ, иногда Божіимъ; ибо знаетъ, что владычество общее.“ Продолжимъ это поясненіе словами бл. Іеронима: „Отецъ и Сынъ едино суть; почему кто увѣровалъ въ Сына, тотъ вѣруетъ и въ Отца. И рабство Ап. Павла одно, — къ Отцу ли его относить или къ Сыну.“ Почему—*же*, въ словѣ—*Апостолъ же* не означаетъ противоположенія какого-либо, а стоитъ въ значеніи: *и*.

Рабъ Божій—ветхозавѣтное обозначеніе людей богобоязненныхъ, богоугодныхъ, въ волѣ Божіей ходящихъ, и о себѣ небрегущихъ, которые любятъ истину и отвращаются отъ лжи, на которыхъ потому во всемъ можно положиться. Сказавъ это, Апостолъ и себѣ и Титу придалъ большой авторитетъ и расположилъ къ покорному выслушанію слова своего. Надо имѣть въ виду, что хотя посланіе надписано къ Титу, но назначалось для прочтенія всего христіанскаго въ Критѣ общества.

Апостолъ Христовъ — тоже для христіанъ, что̀ для ветхозавѣтныхъ Пророкъ. Пророки были посылаемы возвѣщать людямъ имѣющее быть спасеніе; а Апостолы возвѣщали о спасеніи совершившемся и даруемомъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Бл. Іеронимъ пишетъ: „сказать: *Апостолъ Іисусъ-Христовъ*, мнѣ кажется, тоже было тогда для вѣрующихъ, какъ сказалъ бы кто помірски: префектъ преторіи Августа Кесаря, военачальникъ Тиверія императора. Сказавъ это, св. Павелъ обязалъ вѣрующихъ — слушаться его, принимая слово его, какъ слово Самого Господа Іисуса Христа.“

По вѣрѣ избранныхъ Божіихъ. Мысль не та: поелику

я увѣровалъ, какъ вѣруютъ избранные, то поставленъ въ Апостолы, а та: Апостолъ Іисусъ-Христовъ по дѣлу вѣры,—посланный Іисусомъ Христомъ приводить къ вѣрѣ избранныхъ, учить ихъ вѣрѣ и держать въ порядкахъ, вѣрою требуемыхъ. „Апостолъ сказалъ симъ, что онъ на то поставленъ, чтобъ достойные избранія увѣровали“ (Ѳеод.). „Онъ выражаетъ, что ему ввѣрены избранные Божіи,... для нихъ я сталъ Апостоломъ, какъ и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *вся ваша суть*: *аще Павелъ, или Аполлосъ* (1 Кор. 3, 21. 22)“ (св. Злат.).

Но кто разумѣется здѣсь подъ *избранными?* Древній Израиль былъ избранъ въ народъ Божій изъ всѣхъ языковъ, т.-е. одинъ народъ изъ всѣхъ народовъ, народъ въ цѣломъ составѣ. Новый Израиль составляется не изъ одного народа, отдѣляемаго отъ другихъ; но изъ всѣхъ народовъ, не исключая и Іудеевъ, избираются достойныя лица по одиночкѣ и, сочетаваясь во едино, составляютъ новаго сего Израиля,—*родъ избранъ, царское священіе, языкъ святъ, людей обновленія* (1 Петр. 2, 9). Избираются таковые посредствомъ призыванія къ вѣрѣ. Пріявшій вѣру становится избраннымъ, освящается благодатными таинствами и получаетъ обязательство быть святымъ и непорочнымъ, чтобъ въ себѣ *возвѣщать добродѣтели* Того, Кто *изъ тмы призвалъ его въ чудный Свой свѣтъ* (тамже). Въ семъ смыслѣ избранные тоже что призванные, т.-е. всѣ христіане, исповѣдующіе истинную вѣру Христову. Всѣ христіане дѣйствительно должны быть таковыми, какими изображаетъ ихъ св. Петръ, чтобъ не по имени, а дѣломъ быть народомъ избраннымъ.

Но какъ въ средѣ древняго Израиля не всѣ оказывались достойными избранія, потому что ни дѣлами, ни нравомъ не выдерживали того, для чего избранъ

народъ: такъ и въ новомъ — не всѣ выдерживаютъ то, для чего призваны, не являютъ въ себѣ такихъ лицъ, какими слѣдуетъ быть призваннымъ къ вѣрѣ въ Господа Спасителя и прiявшимъ благодать въ таинствахъ. Отсюда произошло раздѣленiе между призванными и избранными. Избранными являются уже только тѣ, которые держатъ себя такъ, какъ слѣдуетъ держать себя призваннымъ ко Господу; а которые не держатъ себя такъ, тѣ остаются только призванными. И Спаситель нерѣдко говорилъ: *много званныхъ, мало же избранныхъ* (Матѳ. 20, 16; 22, 14).

Въ какомъ же смыслѣ у Апостола стоитъ въ настоящемъ мѣстѣ слово: *избранныхъ?* И въ томъ, и другомъ безъ различiя. Апостолъ всѣхъ призывалъ къ вѣрѣ, но, призвавши, не оставлялъ ихъ на произволъ, а напротивъ тѣмъ паче усугублялъ попеченiе о нихъ, да явятся во всемъ достойными призванiя, во всемъ истинными чадами вѣры и благодати. Я, говоритъ, — Апостолъ, чтобъ призывать всѣхъ къ вѣрѣ въ Господа Iисуса Христа, но не такъ, чтобъ дать только имъ имя, но такъ, чтобъ явить ихъ совершенными и въ жизни по духу вѣры, не призванными только дѣлать, но и избранными (Iерон.). Говоря такъ, онъ имѣлъ въ мысли напомнить сiе тѣмъ, которые, какъ видно изъ посланiя, только и дѣлали, что выдумывали разные вопросы о предметахъ вѣры и чрезъ то распложали споры и состязанiя безконечные, не ведущiе къ созиданiю добрыхъ нравовъ, а напротивъ разстроивающiе христiанское общество, посѣвая раздоры и раздѣленiя. Но еще болѣе къ сему направлено слѣдующее выраженiе:

И разуму истины, яже по благочестiю. — *Разуму* — ἐπίγνωσιν, — уразумѣнiю, признанiю, ясному сознанiю, опытному убѣжденiю. Какъ въ словѣ — *по вѣрѣ* разумѣется не Апостолова вѣра, а вѣра тѣхъ, кому онъ возвѣщалъ

Евангеліе, или приведеніе къ вѣрѣ, такъ и въ семъ словѣ разумѣется не Апостолово разумѣніе истины, а тѣхъ, кои послѣдовали слову проповѣди его. Я, говоритъ, Апостолъ, поставленный проповѣдію Евангелія приводить къ вѣрѣ и, по вѣрѣ, къ уразумѣнію истины. Вѣра первоначально даетъ только общее начертаніе истины; точнѣйшій обликъ ея съ чертами осязательными и приложеніемъ къ частностямъ пріемлется и постигается потомъ въ продолженіе жизни въ духѣ вѣры. Вѣрою принимается все на вѣру; а потомъ и опытомъ дознается, что все такъ есть, какъ вначалѣ повѣровалось. Іеронимъ пишетъ: „избранникъ Божій не тотчасъ уже и вѣрою обладаетъ въ мѣру избранія, или разумѣніе истины имѣетъ въ мѣру вѣры. Почему и Спаситель сказалъ увѣровавшимъ въ Него Іудеямъ: *аще пребудете во словеси Моемъ, уразумѣете истину, и истина свободитъ вы* (Іоан. 8, 31. 32). Евангелистъ свидѣтельствуетъ, что Господь сказалъ сіе хотя увѣровавшимъ, но еще не уразумѣвшимъ истины, которую могутъ постигнуть, если пребудутъ въ словѣ Его.“—Таже мысль и у св. Златоуста: „сначала мы были познаны, а потомъ познали; сначала мы были постигнуты, а потомъ постигли (1 Кор. 13, 12; Филип. 3, 12).“—Къ этому и направляема была Апостольская проповѣдь, и на это были обращаемы всѣ труды Апостоловъ. Почему св. Павелъ не сказалъ просто: я поставленъ доводить до уразумѣнія истины, но прибавилъ: *яже по благочестію*. Благочестіе обнимаетъ всѣ труды и усилія дѣятельнаго Богоугожденія. Относительно вѣры можно много надѣлать вопросовъ и на эти вопросы представить рѣшенія, которыя хотя не будутъ ложь, но не будутъ касаться и существа дѣла вѣры, а занимать одну праздную пытливость, не принося никакой пользы для жизни по вѣрѣ. Апостолъ говоритъ: ничего такого я не касаюсь и не поставленъ касаться; мое дѣло такъ представлять

истины вѣры и тѣми сторонами внѣдрять ихъ въ сердца ваши, которыми онѣ сильны возбуждать, укрѣплять и руководить васъ къ благочестію, или пребыванію въ живомъ союзѣ съ Богомъ, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ благодатію Святаго Духа: ибо въ этомъ существо христіанскаго благочестія. Все стороннее и чуждое такого направленія чуждо и меня, по самому моему назначенію и долгу Апостольскому.

„Есть истина и не по благочестію, напримѣръ: знаніе земледѣлія, знаніе искусствъ есть истинное знаніе; но та истина (которую я возвѣщаю) есть истина по благочестію (т.-е. по дѣлу установленія благочестія въ сердцахъ)" (св. Злат.). „Спрашивается, почему, сказавъ: *по вѣрѣ избранныхъ Божіихъ и разуму истины*, Апостолъ прибавилъ: *яже по благочестію*? Ужели есть какая либо истина, которая не по благочестію, и теперь въ отличіе отъ нея говорится о познаніи *истины, яже по благочестію?*—Есть истина, которая не имѣетъ прямаго отношенія ко благочестію: кто, напримѣръ, знаетъ грамматику или діалектику, такъ что умѣетъ правильно говорить и вѣрно различать истину отъ лжи; геометрія съ ариѳметикой и музыка также имѣютъ въ своемъ знаніи истину. Но всѣ такія познанія не суть познанія по благочестію. Знаніе *истины, яже по благочестію,* есть—знать Законъ, разумѣть Пророковъ, вѣровать Евангелію, не невѣдать и Апостоловъ. И есть много такихъ, которые очень свѣдущи въ дѣлѣ благочестія, тѣхъ же познаній, о коихъ я помянулъ, совсѣмъ чужды" (Іерон.).

Ст. 2. *О упованіи жизни вѣчныя, юже обѣтова неложный Богъ прежде лѣтъ вѣчныхъ.*

Этимъ дополняется составъ проповѣди, которая поручена Апостолу, и къ которой онъ приставленъ. Читающему посланія св. Павла не трудно замѣтить, что въ каждомъ посланіи многократно и разнообразно упоминаетъ

онъ о жизни вѣчной,—послѣднемъ концѣ домостроительства спасенія и послѣдней цѣли взыскавшихъ спасенія въ Господѣ. И чаяніе ея, по нему, въ духовномъ устроеніи вѣрующихъ до того неотложно, что онъ не усумнился утверждать: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Филип. 3, 20). *И аще въ животѣ семъ точію уповающіи есмы во Христа, окаяннѣйшіи всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. 15, 19). Такъ законоположилъ Самъ Спаситель, сказавъ: *идѣже есмь Азъ, ту и слуга Мой будетъ* (Ін. 12, 26). Христіанство въ духѣ и начинается отрѣшеніемъ отъ всего временнаго и устремленіемъ къ вѣчному. За тѣмъ уповательнымъ созерцаніемъ сего вѣчнаго христіанинъ воодушевляется и подкрѣпляется во все теченіе притруднаго шествія своего въ слѣдъ Христа Господа. Крѣпость мучениковъ и подвижниковъ на этомъ преимущественно утверждалась. Вкушеніе истиннаго и существеннаго нашего блага въ послѣдованіи Христу Спасителю приходитъ послѣ; но оно не отстраняетъ упованія живота вѣчно-блаженнаго, а возвышаетъ, совершенно перенося уповающаго во онъ вѣкъ. Почему Апостолъ и сказалъ: ἐπ᾽ ἐλπίδι—на упованіи, въ немъ указывая основу и для вѣры и для жизни въ духѣ вѣры, или для благочестія. Я, говоритъ, Апостолъ есмь, вотъ къ чему приставленный: вѣру поселять, къ истинному благочестію настроивать, къ тому и другому склоняя и воодушевляя упованіемъ жизни вѣчной—всеблаженной. Бл. Ѳеодоритъ кратко совмѣщаетъ все сіе въ слѣдующихъ словахъ: „Апостолъ сказалъ, что на то онъ и поставленъ, чтобы достойные избранія увѣровали, познали истину благочестія и получили надежду жизни вѣчной.“

Упованіе жизни вѣчной столь существенно въ экономіи спасенія, что св. Павелъ, несмотря на то, что говоритъ о семъ будто мимоходомъ, не счелъ излиш-

нимъ подтвердить его непререкаемыми доводами—истинностію Божіею и тѣмъ, что это входитъ въ вѣчные планы Божіи, говоря: *юже обѣтова нелжный Богъ прежде лѣтъ вѣчныхъ*. Св. Златоустъ говоритъ: „Если Богъ неложенъ, то несомнѣнно исполнится то, что Онъ обѣтовалъ; если Онъ неложенъ, то не должно сомнѣваться, хотя бы это исполнилось послѣ смерти.—И словами: *прежде лѣтъ вѣчныхъ* Апостолъ также доказываетъ достовѣрность обѣтованія. Такъ, говоритъ, предопредѣлено издревле. Не теперь за покаяніе наше, но издревле предопредѣлено это. Тоже говоритъ Апостолъ и въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ: *ихже предувѣдѣ, тѣхъ и предустави* (Римл. 8, 29), означая наше благородство,—то, что не нынѣ, но издревле Богъ возлюбилъ насъ; а быть возлюбленнымъ издревле и отъ начала—не маловажно.“ И всѣ наши толковники подъ словами: *прежде лѣтъ вѣчныхъ* разумѣютъ предвѣчное опредѣленіе Божіе. Другимъ кажется лучше разумѣть подъ симъ времена предшествовавшія пришествію Христову, въ кои чрезъ Пророковъ было изрекаемо такое обѣтованіе, начиная со времени паденія прародителей. Но и эти обѣтованія были изрекаемы не вновь, а потому, что такъ опредѣлено прежде всякаго времени въ вѣчныхъ совѣтахъ Божіихъ о бытіи тварей. Міръ вещественный не имѣетъ въ себѣ цѣли. Онъ—поприще и мѣсто, въ коемъ положено образовываться разумнымъ тварямъ для вѣчной жизни. Для сей жизни и созданъ человѣкъ; для ней и возсоздается въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Такъ положено въ совѣтѣ Божіемъ предвѣчно. Міръ же видимый преходящъ. Онъ прейдетъ, какъ средство, когда достигнуто будетъ то, что имъ посредствуется. Когда духовныя твари воспріимутъ свое благообразіе, тогда преображенъ будетъ и онъ, въ соотвѣтствіе— съ ними, и отброситъ настоящее грубое и тлѣнное свое состоя-

ніе. Такъ вѣчная жизнь стоитъ въ совѣтахъ Божіихъ, какъ исходное начало и конечная цѣль бытія всего сотвореннаго. Какъ невозможно солгатися вѣчному совѣту Божію, такъ невозможно не исполниться обѣтованію жизни вѣчной. Столь крѣпка основа упованія ея!

Ст. 3. *Яви же во времена своя слово Свое, проповѣданіемъ, еже мнѣ поручено бысть по повелѣнію Спасителя нашего Бога.*

Обѣтованіе жизни вѣчной было вѣрно и непреложно, но до времени сокровенно въ Богѣ. Пророки хотя возвѣщали о ней, но тоже прикровенно, давая способнымъ прозрѣвать ее какъ-бы сквозь сѣнь нѣкую. Но въ такой сокровенности и прикровенности оно не могло оставаться навсегда; потому что должно было быть принято ясною вѣрою и усвоено точнымъ исполненіемъ условій къ участію въ немъ. Однакожъ необходимо должно было оставаться въ такомъ видѣ извѣстное время, чтобъ люди промыслительными дѣйствіями Божіими достаточно приготовились къ принятію его. „Для чего такое промедленіе?“ спрашиваетъ св. Златоустъ, и отвѣчаетъ: „изъ попеченія объ насъ, и для того чтобъ сдѣлать это (явленіе сокровеннаго) благовременно. Что и выразилъ Апостолъ словами: *яви же во времена своя*. *Во своя*, т.-е. въ приличныя, надлежащія, сообразныя, подобно какъ и Пророкъ говоритъ: *время сотворити Господеви* (Пс. 118, 126).“ У Бога всему свое время. Пришло время явить сокровенные совѣты Свои, и явилъ. Но времена сіи Онъ держитъ во Своей власти (Дѣян. 1, 7), какъ и самое теченіе событій. И они отъ вѣка опредѣлены, и суть потому Божіи.

Яви, и яснымъ, не прикровеннымъ словомъ объявилъ, и самымъ дѣломъ устроилъ все, потребное для полученія участія въ семъ обѣтованіи. Почему слово сіе указываетъ на все домостроительство спасенія, совершен-

ное Господомъ Іисусомъ Христомъ, въ Коемъ и самый животъ вѣчный.

Слово Свое,—то слово, которымъ изрекъ и которымъ скрѣпилъ обѣтованіе, въ предвѣчномъ совѣтѣ. *Слово*—τον λογον,—сіе слово, т.-е. слово обѣтованія, какъ и обычно говорится: далъ слово, означая какое-либо обѣщаніе. Бл. Θеофилактъ пишетъ: „что *яви слово*, говоритъ, *Свое*, т.-е. Евангеліе: ибо Евангеліе все объемлетъ, какъ то, что въ настоящее время намъ дано, какъ-то: благочестіе, вѣру истину, такъ и то, что обѣщается въ будущемъ вѣкѣ, т.-е. жизнь вѣчную." Триvпостасный Богъ благоволилъ положить, чтобы для спасенія нашего Сынъ Божій воплотился, и пострадавъ плотію и крестную понесши смерть, воскресъ и вознесся на небеса, чтобъ сѣдя одесную Отца вѣчно ходатайствовать о насъ, и на устроеніе спасенія каждаго послалъ Духа Святаго, благодатію Коего и спасаемся, причастниками бывая жизни вѣчной. Сіе отъ вѣка положенное явилъ теперь Богъ и словомъ и дѣломъ. Подробнѣе объ этомъ пишетъ св. Павелъ ниже въ семъ же посланіи. Были, говоритъ, мы непотребны и погибельны: *егда же благодать и человѣколюбіе явися Спаса нашего Бога,... спасе насъ банею пакибытія и обновленія Духа Святаго;.... да оправдившеся благодатію Его, наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя* (3, 4—7. Тоже и 2, 11—13). Животъ вѣчный въ будущемъ пріемлется въ совершенствѣ; но зачинается и зрѣетъ здѣсь по законамъ воплощеннаго домостроительства. Почему явленіе слова обѣтованія есть возвѣщеніе о воплощенномъ домостроительствѣ, принятіе коего полною вѣрою и съ соотвѣтствующими трудами есть залогъ жизни вѣчной. Это выразилъ Апостолъ, указавъ на способъ явленія слова обѣтованія.

Проповѣданіемъ. Господь Іисусъ Христосъ, совершивъ и устроивъ все потребное для полученія живота

вѣчнаго, послалъ Апостоловъ въ міръ съ высокимъ проповѣданіемъ — звать всѣхъ къ полученію сего живота. Особая часть въ семъ трудѣ отдѣлена была на долю и св. Павла,—та, чтобъ шелъ къ язычникамъ и ихъ призывалъ къ участію въ наслѣдіи обѣтованія. Это порученіе далъ ему Самъ Господь, лично явившись ему на пути въ Дамаскъ и потомъ въ храмѣ Іерусалимскомъ. Все сіе и выразилъ здѣсь Апостолъ: *проповѣданіемъ, еже мнѣ поручено бысть по повелѣнію Спасителя нашего Бога.* Счелъ онъ нужнымъ выставить сіе, чтобъ расположить Критянъ къ смиренному выслушанію его слова и исполненію его распоряженій: ибо они не знали его вполнѣ. Св. Златоустъ дѣлаетъ при сихъ словахъ такія наведенія: *„яви слово Свое проповѣданіемъ,* т.-е., явно, съ дерзновеніемъ; ибо таково значеніе слова: *Проповѣданіе.* Какъ глашатай на зрѣлищѣ провозглашаетъ въ присутствіи всѣхъ, такъ и мы провозглашаемъ (по увѣренности въ истинѣ), — и ничего не прибавляемъ, но говоримъ то, что сами слышали. Достоинство провозвѣстника состоитъ въ томъ, чтобы сказать всѣмъ дѣйствительно бывшее. не прибавляя ничего и не убавляя. — Выраженіями: *еже мнѣ поручено бысть,* и: *по повелѣнію Спасителя,* Апостолъ показываетъ свою достовѣрность, чтобы никто не противился, не отказывался, не огорчался. Я, говоритъ, получилъ повелѣніе; почему ничего не властенъ (отмѣнять или измѣнять).—Я исполняю повелѣніе; а повелѣнія не въ нашей власти, но необходимо или исполнять ихъ, или за неисполненіе подвергнуться наказанію. Тоже выражаетъ Апостолъ и въ другомъ мѣстѣ, когда говоритъ: *нужда бо ми належитъ; горе же мнѣ есть, аще не благовѣствую* (1 Кор. 9, 16).“

Слова: *Спасителя нашего Бога,* въ настоящемъ мѣстѣ относятся къ Господу Іисусу Христу; ибо св. Павелъ

лично отъ Него получилъ повелѣніе проповѣдывать. Подобное выраженіе и въ другихъ мѣстахъ прямо указываетъ на Господа Іисуса, какъ: *ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (2, 13). А въ иныхъ слова: *Богъ Спасъ* употребляетъ св. Павелъ и о Богѣ Отцѣ.

Ст. 4. *Титу присному чаду по общей вѣрѣ: благодать, милость и миръ отъ Бога Отца, и Господа Іисуса Христа Спаса нашего.*

Это—благожелательное слово привѣта, обычное св. Павлу. *Прискымъ* (γνήσιος, подлинный, настоящій, истинный) *чадомъ* называетъ онъ Тита какъ потому, что сей послѣдній имъ утвержденъ къ вѣрѣ и отрожденъ чрезъ него благодатію Св. Духа во св. крещеніи, такъ и потому, что однажды бывъ наученъ вѣрѣ и жизни въ духѣ ея, онъ неизмѣнно хранилъ себя совершенно во всемъ согласнымъ съ св. Павломъ въ семъ отношеніи, его ли лично что касалось, или вѣрующихъ, имъ руководимыхъ. Какъ творенія признаются подлинными порожденіями извѣстныхъ писателей, когда они въ точности соотвѣтствуютъ духу тѣхъ писателей, коимъ приписываются: такъ Титъ указывалъ на св. Павла, какъ на своего духовнаго родителя, тѣмъ, что былъ совершенно одинаковъ съ нимъ и въ ученіи и въ образѣ дѣйствованія. Бл. Іеронимъ пишетъ: „слово, мудрость и ученіе, коими Титъ назидалъ церкви Христовы, представляли его собственнымъ сыномъ Апостола Павла.“ „Но возможно, противополагаетъ Экуменій,—чтобъ иной былъ чадомъ его, будучи просвѣщенъ и крещенъ имъ, но пересталъ быть чадомъ истиннымъ, начавъ грѣшить:“ „ибо, поясняетъ Ѳеофилактъ, въ такомъ случаѣ онъ дѣлался недостойнымъ именоваться чадомъ такого отца.“ „Посему, заключаетъ Ѳеодоритъ, сказанное: *присному чаду*, даетъ ви-

дѣть добродѣтель блаженнаго Тита.“ Пріукрасимъ всѣ сіи рѣчи словомъ св. Златоуста: „*присному* — истинному,—*чаду*, говоритъ; ибо могутъ быть и не истинные сыны, какъ напримѣръ тотъ, о которомъ онъ говоритъ: *аще нѣкій братъ именуемъ будетъ блудникъ, или лихоимецъ, или идолослужитель, или досадитель, или піяница, съ таковымъ ниже ясти* (1 Кор. 5, 11). Вотъ также сынъ, но не истинный; онъ — сынъ, потому что нѣкогда принялъ благодать и возрожденъ, но не истинный, потому что недостоинъ своего отца, и добровольно предалъ себя другому властителю. У плотскихъ дѣтей истинность и неистинность зависитъ отъ раждающей и раждающаго; а здѣсь не такъ, но отъ произволенія. Здѣсь можно и тому, кто былъ истиннымъ сыномъ, не остаться истиннымъ, и не истинному сдѣлаться истиннымъ; потому что это заключается не въ естественной необходимости, но въ свободномъ произволеніи, отъ чего и происходятъ частыя измѣненія.“

Въ томъ же смыслѣ, то-есть, чтобъ показать единство духа Титова съ своимъ, приложилъ Апостолъ и слова: *по общей вѣрѣ*. Они показываютъ и то, что Титъ чадо не по плоти, а по духу,—*по вѣрѣ;* но преимущественно то даютъ разумѣть, что по вѣрѣ, или по духу вѣры, у Тита ничего нѣтъ особеннаго противъ св. Павла: все у нихъ обще; что есть у св. Павла, то и у Тита; ничто отъ него не скрыто, и ничто изъ переданнаго ему не отвергнуто имъ и не измѣнено. Въ этомъ и главное доказательство того, что онъ — присное чадо. „Что ты — чадо мое, говоритъ какъ-бы Апостолъ, причина тому и доказательство — общая вѣра. Хвалитъ Тита, сказывая, что и самъ ничего не имѣетъ болѣе его по дѣлу вѣры“ (Экум.). Единство крови указываетъ на плотское сыновство; а единство вѣры—на духовное.

Помянулъ же здѣсь св. Павелъ о такомъ близкомъ съ собою родствѣ св. Тита, чтобъ внушить Титу—продолжать жить и дѣйствовать все въ томъ же духѣ, а Критянамъ—слушаться его, какъ самого св. Павла.

„Наконецъ это предисловіе посланія и Апостолово Титу привѣтствіе завершается такимъ благожеланіемъ: *благодать* и проч.“ (Іерон.). Тогоже самаго желаетъ Апостолъ въ привѣтствіяхъ своихъ и всѣмъ вѣрующимъ, какъ видно изъ другихъ его посланій. Но если для вѣрующихъ необходимы сіи дары Божіи, то насколько необходимѣе они для поставленнаго заводить должные порядки среди вѣрующихъ и руководить ихъ по пути спасенія,—въ каковомъ положеніи находился тогда св. Титъ! „Ему, какъ и всякому епископу, паче другихъ потребна благодатная Божія сила, какъ несущему претяжелыя бремена, — потребна милость, какъ такому, которому трудно избѣгать повинности предъ Богомъ во многомъ (ибо души всѣхъ взыщутся отъ его рукъ), — потребенъ миръ, какъ поставленному въ необходимость быть въ столкновеніяхъ и вести непрерывную борьбу“ (Θеоф.),—и съ своими и съ чужими, и съ внутренними и съ внѣшними, и съ видимыми и съ невидимыми. Св. Златоустъ говоритъ: „смотри, какъ онъ желаетъ учителю тогоже самаго, чего желаетъ ученикамъ и народу; потому что и самъ учитель, подобно имъ, имѣетъ нужду въ такихъ благахъ, и еще тѣмъ больше ихъ, чѣмъ больше имѣетъ онъ враговъ и чѣмъ больше у него случаевъ прогнѣвать Бога. Чѣмъ выше достоинство имѣющаго священство, тѣмъ больше у него и опасностей; ибо и одно исправное прохожденіе епископства можетъ возвести на небо, и одна неисправность въ этомъ дѣлѣ можетъ ввергнуть въ самую геенну... Такимъ образомъ учитель особенно имѣетъ нужду въ *благодати Божіей (милости)*

и миръ. Если онъ безъ нихъ будетъ управлять народомъ, то онъ все потеряетъ и погубитъ, не имѣя у себя кормила. Хотя бы онъ былъ опытенъ въ управленіи, но если не будетъ имѣть этихъ кормилъ — *благодати* (*милости*) и *мира* отъ Бога, то потопитъ корабль и плывущихъ."

„*Отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа Спаси нашего*. Желаетъ св. Павелъ сихъ благъ и даровъ Титу, или потому, что они ниспосылаются, какъ отъ Бога Отца, такъ и отъ Христа Іисуса Господа и что потому въ благодарномъ исповѣданіи можно относить ихъ всѣ и къ Тому и къ Другому; или потому, что благодать относится къ Отцу, а миръ къ Сыну." (Іеронимъ, который читалъ только: *благодать и миръ*). По сему примѣру (принимая чтеніе: *благодать, милость, и миръ*) можно возносить дары сіи и ко всѣмъ лицамъ Пресвятыя Троицы: благодать—къ Отцу, милость—къ Сыну, миръ—къ Духу Святому; исповѣдуя однакожъ, что они ниспосылаются нераздѣльнымъ дѣйствіемъ Триvпостаснаго Бога.

2) *Начало посланія*,—1, 5.

Въ другихъ посланіяхъ сія часть обычно занимаетъ нѣсколько стиховъ. Здѣсь она совмѣщается въ одномъ стихѣ. Это потому, что онъ одинъ много говоритъ,—сжато: ибо приводитъ на мысль всю исторію пребыванія св. Павла въ Критѣ, что сдѣлано имъ и что не додѣлано. Еслибъ написать все сіе, потребовался бы не одинъ десятокъ стиховъ. Но въ этомъ не настояло нужды; потому что Титъ, къ коему пишется посланіе, зналъ все сіе, какъ сотрудникъ. Довольно было намекнуть на то, и притомъ для того только, чтобъ не вдругъ (ex abrupto) начать самое посланіе. Это и дѣлаетъ св. Павелъ. Я, говоритъ, оставилъ тебя въ Критѣ докончить недоконченное и исправить неисправное.

Такъ потрудись. Вотъ тебѣ правила въ руководство. Правила въ руководство—предметъ посланія.

Ст. 5. *Сего ради оставихъ тя въ Критѣ, да недоконченная исправиши, и устроиши по всѣмъ градомъ пресвитеры, якоже тебѣ азъ повелѣхъ.*

Св. Павелъ, предполагается, по полученіи свободы отъ узъ, направлялся изъ Рима въ Малую Азію. Путь шелъ мимо Крита, гдѣ корабли останавливались. Остановили и тотъ корабль, на которомъ плылъ св. Павелъ. Сей остановки св. Павелъ не пропустилъ даромъ, но замѣтивъ, что здѣсь умѣстно не малое приложеніе Апостольской дѣятельности, остался у нихъ на нѣкоторое время. Во введеніи уже показано, что на островѣ было много вѣрующихъ; но имъ недоставало законченности и настоящаго устройства церковнаго. Это преимущественно и дѣлалъ теперь св. Павелъ вмѣстѣ и съ дальнѣйшимъ распространеніемъ вѣры. Но все кончить ему недоставало времени; почему сдѣлавъ, что могъ, для окончательнаго устройства всего оставилъ въ Критѣ св. Тита, а самъ поспѣшилъ въ Малую Азію. Св. Златоустъ удивляется такой неутомимости и говоритъ: „у древнихъ мужей вся жизнь была дѣятельна и исполнена подвиговъ; а у насъ—не такъ, но исполнена лѣности. Тѣ знали, что они для того и родились въ міръ, чтобы трудиться согласно съ волею Давшаго имъ бытіе; а мы, какъ будто родившіеся для того, чтобы ѣсть, пить и веселиться, не думаемъ ни о чемъ духовномъ. Говорю это не объ Апостолахъ только, но и о тѣхъ, которые были послѣ нихъ. Они, какъ видишь, ходили вездѣ, какъ-бы считая это своимъ единственнымъ дѣломъ, и всю жизнь проводили въ чужихъ странахъ, какъ-бы не имѣя на землѣ (роднаго) города. Послушай, что говоритъ бл. Павелъ: *сего ради оставихъ тя въ Критѣ*. Раздѣливъ

между собою вселенную, какъ-бы одинъ домъ, они управляли всѣмъ и заботились о всѣхъ, принявъ на себя одинъ одну часть, а другой—другую.“

Оставихъ тя — даютъ разумѣть, что св. Павелъ имѣлъ намѣреніе и нужду взять съ собою и имѣть при себѣ св. Тита; но ничего не даютъ разумѣть о томъ, что было съ Титомъ прежде того. Можно думать, что св. Павелъ тамъ его засталъ и сначала хотѣлъ взять его съ собою, но освѣдомясь и увидѣвъ нужды вѣрующихъ, оставилъ его тамъ еще на время. Но можно думать. что онъ прибылъ въ Критъ вмѣстѣ со св. Павломъ и оставленъ тамъ по нуждамъ тамошнихъ христіанъ. Что въ Римѣ при св. Павлѣ не видно св. Тита, и въ посланіяхъ, писанныхъ св. Павломъ изъ первыхъ узъ о немъ нѣтъ помина, это могло случиться отъ того, что св. Титъ, бывшій въ Критѣ, прибылъ въ Римъ предъ отъѣздомъ св. Павла оттуда. Но такъ, или иначе о семъ думать, не имѣетъ большаго значенія для пониманія посланія.

Да не докончанная исправиши. Не докончанная,—ἐλλείποντα, — недостающее, недостатки. Какъ христіанство началось и росло на островѣ само собою, безъ властнаго по опредѣленной нормѣ учрежденія порядковъ среди вѣрующихъ, то ничего нѣтъ дивнаго, что у нихъ иного недоставало, иное не такъ велось, какъ слѣдуетъ, можетъ быть и въ понятіяхъ христіанскихъ была не только неполнота, но и кривизна. Все сіе началъ тотчасъ исправлять и пополнять самъ св. Павелъ. Но какъ ему нужно было поспѣшить къ другимъ церквамъ, а между тѣмъ еще оставалось нѣчто требовавшее исправленія, то онъ оставилъ на островѣ св. Тита *доисправить* остававшееся неисправленнымъ. Почему сказалъ: *да... исправиши* — ἐπιδιορθώσῃ, — надъ-исправиши, поверхъ исправленнаго надбавишь потребныя исправленія

и доведешь ихъ до конца. Бл. Іеронимъ пишетъ: „Св. Павелъ, спѣша въ другія страны, оставилъ въ Критѣ св. Тита—исправить, что было неисправно и чего недоставало. Говоря: *да недоконченная исправиши*, онъ показываетъ, что Критяне еще не дошли до полнаго познанія истины, и хотя иное было исправлено у нихъ Апостоломъ, но иное оставалось еще требующимъ исправленія, какъ неисправное и несовершенное. На это указываетъ и предлогъ, приложенный къ глаголу: ἐπιδιορθώσῃ, — что не одно и тоже значитъ, какъ и διορθώσῃ, *да исправиши*, но, какъ-бы сказать,—*да—надъисправиши*, т.-е., да то, чего исправленіе мною начато, но не доведено до требуемой истиною мѣры, доисправиши, чтобы все у нихъ приняло настоящій видъ.“

И поставиши по всѣмъ градомъ пресвитеры. Это не единственное, что предлежало исправить; а между другими недостатками, исправить и этотъ. Особо же о немъ помянулъ Апостолъ по особенной важности священнаго чина въ Церкви. Безъ него ни ученіе, ни таинства, ни другіе всѣ порядки въ Церкви должнымъ образомъ исполняемы быть не могутъ. Онъ какъ-бы говоритъ: особенно же или главнымъ же образомъ позаботься поставить исправныхъ пресвитеровъ. Гдѣ есть исправный пресвитеръ, тамъ и все будетъ исправно. Слово—*поставиши*, тоже значитъ, что—*рукоположиши*. Такъ дѣйствовалъ вездѣ самъ св. Павелъ. Основавъ Церковь, онъ не оставлялъ ее самой себѣ, но рукополагалъ достойныхъ и имъ поручалъ назиданіе и управленіе вѣрующихъ, какъ видимъ изъ того, какъ дѣйствовалъ онъ въ первое свое Апостольское путешествіе, когда вмѣстѣ съ Варнавою, основавъ Церкви въ Дервіи, Листрѣ, Иконіи, Антіохіи (Писидійской), они не прежде удалились оттуда, какъ рукоположивъ пресвитеровъ во всѣ Церкви (Дѣян. 14, 23). Можно

допустить, что и въ Критѣ св. Павелъ самъ рукоположилъ иныхъ пресвитеровъ, но не всюду. Гдѣ они еще требовались, тамъ поручилъ онъ рукоположить ихъ св. Титу. Подъ *пресвитерами* всѣ наши толковники разумѣютъ епископовъ, какъ старѣйшинъ надъ іереями.—*По всѣмъ градомъ*. И доселѣ на Востокѣ держится обычай, чтобъ всякій городъ, по возможности, имѣлъ своего епископа. „Не хотѣлъ Апостолъ, чтобы весь островъ подчиненъ былъ одному лицу, но чтобы каждый имѣлъ свою часть въ своемъ попеченіи и наблюденіи; ибо такимъ образомъ и для него самого облегчится трудъ, и надъ подчиненными будетъ больше наблюденія, если учитель не будетъ развлекаться, предстоятельствуя надъ множествомъ Церквей, но будетъ заниматься только одною и ее устроять“ (св. Злат.).

Якоже тебѣ азъ повелѣхъ. Повелѣніе это конечно и все обнимало: что и какъ исправить, Апостолъ точно опредѣлилъ самъ. По примѣру повелѣннаго можно было видѣть, какъ исправить и то, что не указано словомъ. Но можетъ быть: *якоже повелѣхъ*, преимущественно или исключительно относится къ избранію и рукоположенію пресвитеровъ, такъ что слѣдующія за симъ слова: *аще кто* и проч. указываютъ будто на то, что именно или особенно повелѣно. Въ такомъ случаѣ, можно читать: *якоже тебѣ повелѣхъ*,—т.-е., *аще кто* и проч.

Смотря на то, какъ св. Павелъ свою власть и свои преимущества уступаетъ св. Титу, св. Златоустъ говоритъ: „Видишь ли, какъ душа его чиста отъ всякой зависти, какъ онъ всегда искалъ пользы поучаемыхъ, не разбирая, будетъ ли она достигнута имъ самимъ, или кѣмъ нибудь другимъ? Тамъ, гдѣ была опасность и великое затрудненіе, онъ исправлялъ все самъ личнымъ присутствіемъ; а что доставляло болѣе чести или славы, то поручаетъ ученику, именно: рукоположеніе

епископовъ и все другое, что имѣло нужду въ нѣкоторомъ исправленіи, или такъ сказать въ большемъ устройствѣ. Но что, скажи мнѣ, говоришь ты? — Твои дѣла онъ будетъ исправлять? — И ты не считаешь этого унизительнымъ и постыднымъ для себя? — Нисколько, говоритъ; ибо я имѣю въ виду только общую пользу, мною ли будетъ сдѣлано, или другимъ, для меня все равно. Такимъ долженъ быть предстоятель (Церкви), — искать не своей чести, но общей пользы."

ПРАВИЛА ВЪ РУКОВОДСТВО СВ. ТИТУ, А ВЪ ЛИЦѢ ЕГО И ВСѢМЪ УСТРОИТЕЛЯМЪ ЦЕРКВЕЙ.

1) *Относительно поставленія епископовъ,* — 1. 6—9.

Здѣсь опредѣляетъ св. Апостолъ, каковъ долженъ быть избираемый во епископы: — а) каковъ онъ долженъ быть по семейнымъ и гражданскимъ добродѣтелямъ — ст. 6; б) какими добрыми нравственными качествами долженъ украшаться, — ст. 7. 8 и в) сколь долженъ быть учителенъ, — ст. 9.

а) *Какого семьянина и гражданина можно считать достойнымъ епископства?*

Гл. 1, ст. 6. *Аще кто есть непороченъ, единыя жены мужъ, чада имый вѣрна, не во укореніи блуда или непокорива.*

Передъ этимъ, какъ сказано, умѣстно дополнить: *именно,* такую установляя связь сего текста съ предыдущимъ: поставь по всѣмъ городамъ старѣйшинъ церковныхъ, дѣйствуя при семъ такъ, какъ я тебѣ повелѣлъ, именно, — когда станешь избирать на это дѣло, то вотъ изъ какихъ избирай, — *аще кто есть непороченъ,* и проч.

Непороченъ, т.-е. „если жизнь его свободна отъ нареканія, если никто не можетъ укорить его въ (дурной) жизни („если онъ не подаетъ никакого повода къ основательному обвиненію." Өеод.). Ибо послушай, что говоритъ Христосъ: *аще убо свѣтъ, иже въ тебѣ, тма есть, то тма кольми* (Мѳ. 6, 23)" (св. Злат.). „Итакъ, во-первыхъ онъ долженъ быть непороченъ, ἀνέγκλητος,— что самое, другимъ словомъ выражено въ посланіи къ Тимоѳею, думаю, именно—ἀνεπίληπτος,—безукоризненъ (1 Тим. 3, 2). Не въ то только время, какъ его избирать и опредѣлять, онъ не долженъ имѣть на себѣ вины и грѣха, предъ этимъ только новымъ обращеніемъ и покаяніемъ омывъ свои грязноты; но быть таковымъ, чтобъ совѣсть не угрызала его ни за какой грѣхъ со времени его возрожденія во Христѣ (со времени крещенія). Ибо иначе какъ возможетъ предстоятель церкви изымать злаго изъ среды ея, когда самъ падалъ въ такой же порокъ? Или какъ ему свободно укорять согрѣшающаго, когда тайно въ сердцѣ сознаетъ, что самъ позволялъ себѣ то, въ чемъ обличаетъ другаго?" (Іерон.).

Единыя жены мужъ,—не двоеженецъ. Апостолъ почтилъ бракъ, не поставивъ его преградою къ полученію степени священства; но вмѣстѣ и брачнымъ удовольствіямъ не далъ поблажки, отказавъ въ немъ двоеженцамъ. Имѣется въ виду съ одной стороны воздержаніе. съ другой — преданность единой. То и другое предполагаетъ качества, могущія служить ручательствомъ, что избираемый можетъ добрѣ управить церковь, ему ввѣряемую. Св. Златоустъ говоритъ: „для чего Апостолъ представляетъ такого человѣка?—Онъ заграждаетъ уста еретикамъ, осуждавшимъ бракъ, показывая, что это дѣло нисколько не предосудительно, но такъ честно, что при немъ можно восходить даже на свя-

щенный престолъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ укоряетъ людей невоздержныхъ, не позволяя послѣ втораго брака принимать эту власть. Подлинно кто не сохранилъ благорасположенія къ умершей, тотъ можетъ ли быть хорошимъ предстоятелемъ? Какому не подвергнется онъ нареканію? Вы знаете, всѣ вы знаете, что хотя, законами и не запрещено вступать во второй бракъ, однако это дѣло подвергается многимъ нареканіемъ. А Апостолъ желаетъ, чтобы начальствующій не подавалъ подчиненнымъ никакого повода къ нареканіямъ.“

Бл. Іеронимъ смотритъ при семъ не столько на дѣло, сколько на то внутреннее расположеніе, которое сими словами желалъ внушить Апостолъ: „слова: *единыя жены мужъ* надо такъ понимать, чтобъ не выходило, будто всякій одноженецъ (по сему самому) лучше двоеженца; но такъ сказано, чтобъ показать, что тому легче склонять къ единобрачію и воздержанію, кто при такомъ урокѣ учитъ болѣе собственнымъ своимъ примѣромъ. Ибо положимъ, что какой-либо юноша потерялъ жену и будучи преодолѣваемъ потребностію плотскою, взялъ другую; но потерявъ вскорѣ и ее, рѣшился далѣе жить въ воздержаніи (отъ брачныхъ удовольствій). Возьмемъ и другаго, который до самой старости имѣлъ жену одну, и никогда не переставалъ отъ плотскаго съ нею дѣла. Кто изъ этихъ двухъ лучше, воздержнѣе и чище? Конечно тотъ, кто, потерпѣвъ несчастіе и во второмъ бракѣ, сталъ жить потомъ чисто и свято, а не тотъ, кто даже въ старческомъ возрастѣ не чуждался объятій супруги. Итакъ пусть не рукоплещетъ себѣ тотъ, кто избирается (на священство), поколику одноженецъ, будто онъ лучше всякаго двоеженца, когда въ избраніи его имѣло часть болѣе счастіе (не потерять жену), нежели доброе произволеніе (хранить воздержность). Иные это мѣсто понимаютъ такъ, что не должно из-

бирать въ епископы того, кто заразъ имѣетъ двухъ женъ. Иные совсѣмъ превратно толкуютъ его. Монтанъ и послѣдователи Новатова раскола, присвоившіе себѣ имя воздержниковъ и чистыхъ, думаютъ (на основаніи сего мѣста), будто вторые браки воспрещаются христіанамъ; тогда какъ Апостолъ единобрачіе предписалъ только для епископовъ и пресвитеровъ, а прочимъ сдѣлалъ въ семъ отношеніи послабленіе. Также Тертулліанъ написалъ книгу о единобрачіи, — еретическую; и всякій (безъ предубѣжденія читающій Апостола), не можетъ не видѣть, что онъ идетъ противъ Апостола."

Чада имый вѣрна, не въ укореніи блуда, или непокорива. Потребно, чтобъ дѣти избираемаго были вѣрующіе, не подлежали укору въ блудничаніи или въ непокоривости и строптивости. Имѣть одну жену и быть непорочнымъ зависитъ отъ произволенія человѣка; а что дѣти бываютъ неисправны, не всегда бываетъ по винѣ родителей. Почему не ошибочно дополнять, что Апостолъ разумѣетъ здѣсь такіе случаи, когда дѣти неисправны по винѣ родителей, по неумѣнію ихъ направить какъ должно, или по нерадѣнію о томъ. Но Апостолъ не выдѣлилъ этихъ случаевъ, потому что они бывали очень рѣдки; а можетъ быть и потому, что пусть дѣти дурны не по винѣ отца, все же тѣнь нѣкая падаетъ и на него; онъ же хочетъ, чтобъ на избираемомъ никто не видѣлъ пятна,—чтобъ онъ былъ во всемъ во очію всѣхъ безукоризненъ. Св. Златоустъ видитъ здѣсь родителя, виновнаго въ неисправности дѣтей, и утверждая, что такого справедливо не избирать въ епископы, такъ разъясняетъ сіе положеніе. „Ибо, говоритъ, кто не могъ научить своихъ дѣтей, тотъ какъ можетъ быть учителемъ другихъ? Если онъ не могъ устроить тѣхъ, которыхъ съ самаго начала имѣлъ при себѣ и воспитывалъ, и надъ которыми имѣлъ власть

какъ по законамъ, такъ и по природѣ, то какъ онъ можетъ быть полезнымъ для чужихъ? Еслибы не была велика безпечность отца, то онъ не допустилъ бы сдѣлаться злыми тѣмъ, надъ которыми имѣлъ власть съ самаго начала (ихъ жизни). Невозможно, поистинѣ невозможно, чтобы тотъ, кто съ самаго начала былъ воспитанъ съ великимъ тщаніемъ и окруженъ попеченіями, сдѣлался злымъ; ибо грѣхи не таковы по своей природѣ, чтобы они могли быть сильнѣе такого попеченія. Если же онъ считалъ воспитаніе дѣтей дѣломъ второстепеннымъ, заботясь только объ имуществѣ и не имѣя объ нихъ надлежащаго попеченія, то и поэтому онъ недостоинъ (священнаго сана). Если тамъ, гдѣ побуждала его природа, онъ имѣлъ такъ мало любви, или былъ такъ безразсуденъ, что больше заботился объ имуществѣ, нежели объ нихъ; то какъ можетъ онъ быть возведенъ на престолъ (епископскій) и на такую степень власти? Если онъ не могъ (воспитать своихъ дѣтей), то достоинъ великаго осужденія за лѣность; а если не старался, то достоинъ великаго осужденія за недостатокъ любви. Посему кто нерадитъ о своихъ дѣтяхъ, тотъ какъ можетъ пещись о чужихъ?“

Бл. Іеронимъ выдѣляетъ неповинныхъ въ неисправности дѣтей отцевъ; при всемъ томъ однакожъ во всей силѣ оставляетъ правило Апостола, не потому, чтобъ вины дѣтей дѣлали виновными неповинныхъ въ томъ родителей, но потому, что иначе стѣсняема и пресѣкаема будетъ свобода слова епископа. Онъ пишетъ: „быть епископу или пресвитеру безъ порока, и имѣть одну жену, это такія требованія, которыя состоятъ въ нашей власти. Но что дальше слѣдуетъ, имѣть сыновъ вѣрныхъ, не подлежащихъ укору въ блудѣ или непокоривости,—это такія требованія, которыя не въ нашей состоятъ власти. Почему, если родители хорошо

воспитали своихъ дѣтей и съ юныхъ лѣтъ научили ихъ исполненію заповѣдей Господнихъ, а они потомъ развратились, предались порокамъ и необузданности, то неужели вина въ этомъ падетъ на родителей и грѣхи сына ужели запятнаютъ святость невиннаго въ томъ отца? Исаакъ, напримѣръ, конечно училъ сына своего Исава всякому добру, но Исавъ оказался и блудникомъ и нечестивымъ до того, что священное право первородства своего продалъ за одно яство (Быт. 25). Тоже у Самуила,—который самъ таковъ былъ, что въ день нужды возопилъ ко Господу объ Израилѣ, и *Господь возгремѣ гласомъ веліимъ* на иноплеменниковъ враговъ Израиля, *и падоша* (1 Цар. 7, 10),—были дѣти, которые уклонились *во слѣдъ лихоиманія* и принимали дары, и оказались столь неправедными судіями, что Израильскій народъ по сему поводу испросилъ себѣ царя по примѣру другихъ народовъ (1 Цар. гл. 8). Итакъ, еслибъ въ числѣ избираемыхъ на священство были Исаакъ и Самуилъ, то Исаакъ за Исава, а Самуилъ за дѣтей своихъ, должны быть сочтены недостойными священства. Но въ такомъ случаѣ, тогда какъ дѣтямъ не вмѣняются грѣхи родителей, не поставить бы намъ грѣховъ дѣтей въ предосужденіе родителямъ? Какъ же разсудимъ? Во первыхъ надобно сказать, что имя священства столь свято, что хотя бы мы по своимъ дѣламъ не были недостойны епископства, но не должны быть допускаемы къ сей степени по причинѣ непорядочности дѣтей. Ибо съ какою свободою можемъ мы обличать чужихъ сыновъ и научать ихъ правымъ путямъ, когда обличаемый можетъ возразить намъ: прежде своихъ научи? Или съ какимъ лицемъ стану я укорять блудящаго, когда собственная моя совѣсть скажетъ мнѣ въ отвѣтъ: такъ лиши наслѣдства своего сына блудливаго,—отвергни своихъ дѣтей, предающихся порокамъ? Но когда непо-

требный сынъ подъ одной съ тобою живетъ кровлею, то ты, дѣйствуя такъ, т.-е. обличая чужихъ сыновъ, не вынимаешь ли спицу изъ чужаго ока, не видя бревна въ своемъ собственномъ? Итакъ слова Апостола не сквернятъ праведнаго по причинѣ пороковъ дѣтей, но ограждаютъ свободу слова для предстоятеля церкви,—чтобъ онъ таковъ былъ, чтобъ не боялся обличать чужихъ дѣтей по причинѣ порочности своихъ."

б) *Каковъ долженъ быть епископъ по нравамъ?* ст. 7. 8.

Ст. 7. *Подобаетъ бо епископу безъ порока быти, якоже Божію строителю: не себѣ угождающу (не дерзу, не напрасливу), не гнѣвливу, не піяницѣ, не бійцѣ, не сквернотяжательну.*

Подобаетъ епископу. Началъ рѣчь о пресвитерахъ, а здѣсь избираемаго называетъ епископомъ. Это наводитъ на мысль, что въ началѣ оба сіи слова употреблялись безразлично и были прилагаемы вообще къ предстоятелямъ христіанскихъ обществъ, или старѣйшинамъ, поставленнымъ наблюдать за христіанскими въ нихъ порядками. Но надо полагать, что Апостолы ставили епископовъ—архіереевъ, а епископы, когда требовала нужда, ставили пресвитеровъ—іереевъ.

Безъ порока быти, ανεγκλητον,—тоже что и предъ симъ: *аще кто непороченъ.* „Это общее требованіе, объемлющее все, что имѣетъ быть сказано: быть безъ порока есть быть безукоризненнымъ" (Экум.).

Яко Божію строителю, οικονομον,—економу, приставнику. Этимъ Апостолъ или даетъ только особое побужденіе къ безукоризненности. „Быть Божіимъ економомъ великое титло и достоинство, почему требуетъ особаго вниманія и бдительной тщательности" (Экум.). Или указываетъ новую сторону, съ которой епископъ особенно долженъ быть безукоризненъ. Прежде сказалъ, что онъ

долженъ быть безукоризненъ, какъ семьянинъ и гражданинъ; а здѣсь указываетъ, что онъ долженъ быть таковымъ въ порядкѣ церковной жизни, какъ Божій строитель, приставникъ и экономъ. Церковь — общество вѣрующихъ есть домъ Божій. Смотрѣть за симъ домомъ и наблюдать за должными въ немъ порядками приставляется епископъ. „Богъ поставляетъ его надъ домомъ Своимъ, Божіе занимаетъ онъ мѣсто; почему во всѣхъ отношеніяхъ долженъ быть точнымъ исполнителемъ воли Его“ (Θеоф.). Въ другомъ мѣстѣ св. Павелъ и Апостоловъ называетъ экономами Божіими и строителями таинъ Его, прибавляя: *а еже ищется въ строителехъ, да вѣренъ кто обращется* (1 Кор. 4, 1. 2). Это уже общій законъ для всѣхъ Божіихъ строителей, а въ числѣ ихъ и для епископовъ, Апостольскихъ намѣстниковъ. Бл. Іеронимъ подаетъ мысль, что св. Павелъ заимствовалъ сей урокъ изъ приточной рѣчи Христа Спасителя о мудромъ и вѣрномъ приставникѣ, поставленномъ *надъ челядію даяти во время житомѣріе* (Лук. 12, 42 и д.); ибо пишетъ: „Что требуется отъ строителей, это есть— да *вѣренъ кто обрящется,*—внушается быть ему не такимъ, чтобъ ѣлъ и пилъ съ пьяницами и билъ рабовъ и рабынь, но чтобъ, ожидая неизвѣстнаго пришествія Божія, раздавалъ въ свое время сорабамъ своимъ житомѣріе. Между приставникомъ и прочими то только различіе, что онъ—сорабъ поставленъ надъ сорабами своими. Да вѣдаетъ же епископъ и пресвитеръ, что имъ ввѣряется народъ, а не рабы.“ Судя по сему требуемая Апостоломъ отъ епископа безукоризненность въ церковномъ домостроеніи обязываетъ его, чтобъ не погрѣшалъ въ питаніи ввѣренныхъ ему душъ Божественными истинами, въ освященіи и укрѣпленіи ихъ благодатію чрезъ преподаніе св. таинствъ, наипаче въ руководствѣ всѣхъ по пути спасенія — незаблудному.

Вслѣдъ за симъ общимъ, Апостолъ указываетъ и частныя черты безукоризненности,—которыя тоже приводятъ на мысль помянутую приточную рѣчь Спасителя.—*Не себѣ угождающу*, μη αυθαδη, — не продерзу, который, увлекаясь своенравіемъ, ставитъ свой произволъ выше всего, не обращая вниманія на справедливыя желанія и нужды управляемыхъ. Славянскій переводъ перифразируетъ это слово еще другими двумя: *не дерзу, не напрасливу*. Св. Златоустъ говоритъ: „Кто имѣетъ внѣшнюю гражданскую власть, тотъ, какъ управляющій силою закона и по необходимости, справедливо не всегда соображается съ желаніями подчиненныхъ; но кто долженъ начальствовать надъ людьми, подчиняющимися ему добровольно и чувствующими благодарность за его управленіе, тотъ, если будетъ поступать во всемъ только по произволу, будто никому не имѣющій давать отчета, сдѣлаетъ свое управленіе насильственнымъ,—деспотическимъ.“ Тоже предписываетъ и св. Петръ, говоря: *старцы,... пасите еже въ васъ стадо Божіе, посѣщающе (назирающе) не нуждею, но волею и по Бозѣ... ни яко обладающе причту* (—наслѣдію Божію. 1 Петр. 5, 2).

Не гнѣвливу. „Какъ можетъ, говоритъ св. Златоустъ, учить другихъ обуздывать эту страсть тотъ, кто не научилъ этому себя самого? Власть поставляетъ человѣка во многія обстоятельства, которыя дѣлаютъ и весьма кроткаго тяжелымъ и суровымъ, подавая множество поводовъ къ гнѣву. Посему, если онъ напередъ не позаботился объ укрощеніи этой страсти, то будетъ (для подчиненныхъ) крайне тяжелымъ, повредитъ и погубитъ многое въ дѣлахъ своего управленія.“ Прибавимъ и слова блаж. Іеронима: „гнѣвливый всегда раздражается, и при маломъ неосторожномъ словѣ, или какой погрѣшности, приходитъ въ движеніе, какъ листъ

отъ вѣтра. И воистину ничего нѣтъ безобразнѣе ярящагося наставника, который, тогда какъ долженъ быть кроткимъ и по слѣдующему слову Писанія: *рабу Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учительну, незлобиву, съ кротостію наказующу противныя* (2 Тим. 2, 24. 25), выступаетъ напротивъ съ грознымъ видомъ, съ трясущимися губами, съ наморщеннымъ лбомъ, и съ лицемъ то блѣднѣющимъ, то краснѣющимъ, поражаетъ неистовымъ крикомъ, и погрѣшившихъ не къ добру влечетъ, а низвергаетъ своею свирѣпостію въ большее зло. Почему и Соломонъ говоритъ: *гнѣвъ губитъ и разумныя* (Прит. 15, 1). А св. Іаковъ учитъ, что *гнѣвъ мужа правды Божіей не содѣлываетъ* (Іак. 1, 20).“

Не піяницѣ, μη παροινον,—собственно, не шумливымъ какъ отъ вина, не бранчивымъ и ругательнымъ, придирающимся и съ оскорбительными обращающимся словами. Св. Златоустъ и говоритъ: „здѣсь онъ разумѣетъ оскорбителя. Епископу слѣдуетъ все дѣлать увѣщаніемъ, а не порицаніемъ и оскорбленіемъ; ибо какая, скажи, необходимость оскорблять? Надобно угрожать геенною, и такимъ образомъ приводить въ страхъ и трепетъ. Оскорбляемый же дѣлается болѣе дерзкимъ и презираетъ оскорбляющаго. Ибо ничто такъ не возбуждаетъ презрѣнія какъ оскорбленіе, которое наноситъ болѣе безчестія самому оскорбляющему, лишая его должнаго уваженія. Слово епископа должно быть исполнено великаго благочестія, напоминать грѣшникамъ о будущемъ судѣ и быть чистымъ отъ всякаго оскорбленія. Если же кто препятствуетъ ему въ исполненіи должнаго, то нужно дѣйствовать съ полною властію.“ Тоже Экуменій и Өеофилактъ, которые перифразируютъ это слово такъ: μη παροινον — μη ὑβριστην.

Но блаж. Өеодоритъ подъ пьяницею разумѣетъ здѣсь „упивающагося.“ Такъ же и бл. Іеронимъ, который

пишетъ: „Запрещаетъ также епископу быть любителемъ вина, что въ посланіи къ Тимоѳею выражается—*не многу вину внимающимъ* (1 Тим. 3, 8). Каково видѣть епископа подвыпившимъ, когда онъ, или подъ вліяніемъ пріятныхъ чувствъ смѣхъ возвышаетъ и хохочетъ не въ мѣру. унижая свое достоинство, или вспомнивъ о чемъ-либо скорбномъ, гудки начинаетъ справлять и плакать. Впрочемъ долго перечислять все непристойное, до чего доводитъ охмѣленіе. И въ Ветхомъ Завѣтѣ заповѣдано, чтобъ священники, когда приступаютъ службу совершать Богу, не пили вина (Лев. 10, 9). Такъ же Назореи должны были во всѣ дни обѣта своего воздерживаться отъ вина и сикера и отъ всего, что дѣлается отъ гроздъ винныхъ, потому что это лишаетъ умъ свойственнаго ему здравомыслія (Числ. 6, 3). Пусть говорятъ, что кто хочетъ; я же по совѣсти свидѣтельствую, что нарушеніе воздержанія въ семъ не обходится безъ вреда, тогда какъ соблюденіе его всегда полезно.“

Не бійцѣ,—ни тѣлесно, ни душевно, „ни руками не наносящимъ побоевъ и ранъ, ни словами горькими и ожесточительными (не разящимъ душъ)“ (Ѳеоф.). „Не біющимъ совѣсти немощныхъ братій“ (Экум.). „Ибо учитель есть врачъ душъ; а врачъ не наноситъ ударовъ, но наносящаго удары исправляетъ и врачуетъ“ (св. Злат.).

Бл. Іеронимъ, тоже совмѣщая и тѣлесное и душевное біеніе, говоритъ: „послѣ запрещенія винолюбія, повелѣваетъ еще — и не быть бійцею. Это и просто можно разумѣть, какъ внушеніе—не давать воли рукамъ, и не бросаться, подобно безумному, на другаго, чтобъ нанесть побои. Но лучше не бійцею назвать намъ того, кто кротокъ и терпѣливъ, знаетъ, когда что сказать, и когда помолчать, чтобъ неумѣстною рѣчью не поражать совѣсти немощныхъ. Апостолъ, начертывая образъ добраго предстоятеля церкви, не

то, надо полагать, запрещаетъ, чтобъ онъ не былъ драчуномъ, — что и въ простомъ народѣ, даже языческомъ, не одобряется; но то, какъ я сказалъ, чтобъ неумѣстною бранчивостію не губилъ того, кого можно исправить и спасти кротостію и тихостію."

Бл. Ѳеодоритъ особую указываетъ при семъ сторону дѣла, подъ *бійцею* разумѣя „не по разуму налагающаго наказанія."

Не скверностяжательну. Симъ не только запрещается епископу неправедными средствами стяжаніе, но вообще всякое исканіе и желаніе прибыточества считается срамнымъ въ лицѣ епископа. Сказываетъ Апостолъ, что онъ долженъ быть совершенно „нестяжателенъ" (Экум.), — „показывать полное презрѣніе къ богатству" (св. Злат.). Въ епископѣ всякая стяжательность, даже и праведная, срамна (Ѳеоф.). И не только срамна, но и крайне вредна для дѣлъ епископства: ибо ничто такъ не кривитъ праваго теченія дѣлъ, какъ ожиданіе, желаніе и исканіе прибытка. Блаженный Іеронимъ пишетъ: „также и желаніе сквернoприбыточества должно быть чуждо того, кто имѣетъ быть епископомъ. По Соломону, *лучше малое пріятіе съ правдою, нежели многая жита съ неправдою* (Прит. 15, 29); и: *лучше имя доброе, неже богатство много* (Прит. 22, 1). Епископъ, желающій подражать Апостолу, имѣя пищу и одѣяніе, сими доволенъ долженъ быть (1 Тим. 6, 8). Служащіе алтарю, отъ алтаря пусть и живутъ (1 Кор. 9, 13), — живутъ, говоритъ, а не богатятся. Почему и мѣдь при поясѣ для насъ не полагается, и одною ризою должны мы довольствоваться и не заботиться о завтрешнемъ днѣ (Матѳ. 10; Мар. 6). Желаніе скверностяжанія и есть забота болѣе чѣмъ о настоящемъ."

Ст. 8. *Но страннолюбиву, благолюбцу, цѣломудренну, праведну, преподобну, воздержательну*.

„Видишь ли, какой высокой требуетъ онъ добродѣтели?“ (св. Злат.). — „Доселѣ чего не долженъ имѣть епископъ или пресвитеръ, заповѣдывалось словомъ Апостола; теперь напротивъ излагается, что онъ долженъ имѣть“ (Iерон.).

Страннолюбиву. „Не только отъ другихъ не прибыточествовать, но и свое иждивать на странниковъ“ (Θеоф.). „Прежде всего отъ имѣющаго быть епископомъ ищется страннолюбіе. Ибо если всѣмъ желательно услышать оное въ Евангеліи предъуказанное слово: *страненъ бѣхъ и введосте Мене* (Мѳ. 25, 35), не тѣмъ ли паче епископу, котораго домъ долженъ быть общею для всѣхъ страннопріимницею? Мірянинъ одного или двухъ, или нѣсколькихъ—не многихъ--пріявъ въ домъ и упокоивъ, исполнитъ долгъ страннопріимства. Епископъ же, если не будетъ принимать всѣхъ, — нечеловѣченъ есть. И я боюсь, какъ бы,—подобно тому, какъ царица южская, приходившая отъ конецъ земли послушать мудрости Соломоновой, осудитъ людей времени (перваго пришествія Христова), и мужи ниневитскіе, покаявшіеся проповѣдію Іониною, осудятъ тѣхъ, кои по презорству и нерадѣнію не восхотѣли слушать большаго Іоны Спасителя, — такъ и многіе изъ народа, которые устранились отъ церковнаго чина, но усердно творятъ дѣла, которыя творить епископъ не считаетъ своимъ дѣломъ, не осудили епископовъ. О таковыхъ, думаю, и Іоаннъ пишетъ къ Гаію: *Возлюбленне, вѣрно твориши еже аще дѣлаеши въ братію и въ странныя, иже свидѣтельствоваша о твоей любви предъ церковію: ихже предпославъ достойно Богу, добрѣ твориши* (3 Іоан. ст. 5. 6). И поистинѣ, онъ Святымъ Духомъ, въ немъ глаголавшимъ, еще тогда обличилъ то, что имѣло быть въ церкви впослѣдствіи, говоря: *писахъ церкви: но первенстволюбецъ ихъ Діотрефъ не пріемлетъ насъ. Сего*

ради аще прiиду, воспомяну дѣла его, яже творитъ, словесы лукавыя укоряя насъ: и не доволенъ бывая о сихъ, ни самъ прiемлетъ братiю, и хотящимъ возбраняетъ, и отъ церкве изгонитъ (— —9. 10). Истинно, нынѣ можно видѣть это, предсказанное,—во многихъ городахъ, гдѣ бываетъ, что епископы или пресвитеры, видя мiрянъ страннолюбивыми и благолюбцами, неблаговолительно смотрятъ на это, какъ будто мiрянину нельзя уже дѣлать того, чего не дѣлаетъ епископъ. И такiе-то мiряне послужатъ въ осужденiе освященныхъ лицъ" (Iерон.). Страннолюбiе св. Павелъ вездѣ заповѣдуетъ цѣлымъ церквамъ; для чего устроялись общiя страннопрiимницы, попеченiе о коихъ лежало на епископѣ. Но чтобы онъ вѣрнѣе и охотнѣе исполнялъ это, надо прежде избранiя удостовѣриться, имѣетъ ли онъ расположенiе къ сему.

Благолюбцу. „Такъ называетъ Апостолъ кроткаго (тихаго, никого не смущающаго), во всемъ мѣрнаго, независтливаго" (Θеоф.). Или „раздающаго все свое имущество нуждающимся" (св. Злат.). Требуется симъ, чтобъ онъ былъ ревнитель всякаго рода добрымъ дѣломъ, паче же благотворцемъ. На немъ лежитъ попеченiе о бѣдныхъ и больныхъ, вдовахъ и сиротахъ. Потребное для сего доставляетъ паства; но надо, чтобъ у епископа или пресвитера лежало сердце къ такого рода дѣламъ.

Цѣломудренну, чистому отъ плотскихъ грѣховъ, возможныхъ и при супружеской жизни, или цѣломудренно и въ свое время пользующимся супружескимъ ложемъ, или даже совсѣмъ отъ него воздерживающимся, какъ это потомъ и узаконено соборами для епископовъ. Бл. Iеронимъ пишетъ: „надлежитъ быть епископу и цѣломудреннымъ, — σώφρονα, какъ говорятъ Греки. Если и мiрянамъ повелѣвается ради молитвы воздерживаться

отъ женъ, то что сказать о епископѣ, который каждодневно долженъ приносить Богу за грѣхи свои и народа своего жертвы непорочныя? Раскроемъ книгу Царствъ и найдемъ, что Авимелехъ священникъ не прежде далъ Давиду и отрокамъ его отъ хлѣбовъ предложенія, какъ спросивши, чисты ли отроки отъ жены,— не чужой, а отъ своей супруги (1 Цар. 21). И еслибъ не услышалъ, что они вчера и завчера не имѣли супружескаго дѣла, то конечно не уступилъ бы имъ хлѣбовъ тѣхъ. Но между хлѣбами предложенія и Тѣломъ Христовымъ такое разстояніе и различіе, какъ между тѣнію и тѣломъ, между образомъ и истиною, или между прообразомъ будущаго и тѣмъ, что предъизображалъ прообразъ. Посему какъ кротость, терпѣніе, трезвость, умѣренность, нестяжательность, страннолюбіе и благолюбіе должны быть въ епископѣ въ превосходнѣйшей степени, такъ и чистота или цѣломудріе священническое должно быть таково, чтобъ не только отъ дѣла плотскаго воздерживаться, но чтобъ у имѣющаго совершать таинство Тѣла Христова были чисты и умъ отъ помышленія о женѣ, и око отъ воззрѣнія на нее."

Праведну, т.-е. „нелицепріятну въ отношеніи къ людямъ" (Θеоф.). Требуется, чтобъ самъ никого не оневравдывалъ въ своихъ дѣлахъ, и чтобъ когда приходится разбирать дѣла пасомыхъ, безукоризненно соблюдалъ законъ справедливости. Бл. Іеронимъ пишетъ: „также и праведнымъ должно быть епископу, чтобъ предстоятельствуя предъ народомъ, соблюдалъ правду, воздавая каждому, что заслужилъ, и въ судѣ нелицепріятствуя. Между праведностію мірянина и епископа то различіе, что мірянинъ можетъ являться праведнымъ въ меньшемъ кругѣ, а епископъ долженъ соблюдать правду въ отношеніи къ столькимъ лицамъ, сколько у него пасомыхъ."

Преподобну, т.-е. „благоговѣинствующу предъ всѣмъ Божественнымъ, не опускающему ничего, что обязательно въ отношеніи къ Богу“ (Ѳеоф.). Епископу надлежитъ быть святу, т.-е. украшену всякими душевными и тѣлесными добродѣтелями. Но *преподобіе* есть высшій видъ святости, когда „она соединена бываетъ съ благочестіемъ и освящаема благоговѣинствомъ къ Богу и Ему всего посвященіемъ“ (Іерон.).

Воздержательну. „Разумѣетъ здѣсь Апостолъ не постящагося только, но воздерживающагося отъ всякой страсти, обнаруживаемой и языкомъ, и рукою, и безстыднымъ взоромъ; ибо въ томъ и состоитъ воздержаніе, чтобы не предаваться никакой страсти“ (св. Злат.). „Воздержательнымъ долженъ быть епископъ не отъ похоти только плотской и отъ объятій жены, но отъ всѣхъ душевныхъ страстей: не воспламеняться гнѣвомъ, не впадать въ печаль, не поражаться страхомъ и не увлекаться неумѣренно радостію. Воздержаніе поставлено у Апостола въ числѣ плодовъ Св. Духа. Если такимъ образомъ воздержаніе требуется отъ всѣхъ, не тѣмъ ли паче отъ епископа, который терпѣливо и кротко долженъ нести немощи немощныхъ и грѣхи грѣшащихъ, утѣшать малодушныхъ, поддерживать слабыхъ, никому зломъ за зло не воздавать, но побѣждать благимъ злое“ (Іерон.).

„Сказанное доселѣ о добродѣтеляхъ епископа къ жизни его относится; а что за симъ слѣдуетъ, относится къ познанію его“ (онъ же).

в) *Каковъ епископъ долженъ быть по учительству*,— ст. 9.

Ст. 9 *Держащемуся вѣрнаго словесе по ученію, да силенъ будетъ и утѣшати въ здравѣмъ ученіи, и противящіяся обличати*.

Держащемуся,—ἀντεχόμενον,—что означаетъ приверженнаго къ слову, такого, „который заботится и печется о немъ, поставляя сіе главнымъ своимъ дѣломъ“ (св. Злат., Ѳеоф.). Недовольно знать и содержать слово истины; надобно дорожить имъ какъ жизнію, съ желаніемъ, чтобъ оно всѣми было чтимо, и готовностію охранять честь его до положенія живота.

Вѣрнаго словесе. Словомъ означается все ученіе христіанское, которое есть слово, Христомъ Спасителемъ слышанное у Отца и принесенное на землю (Іоан. 8, 26; 14, 24) и Апостолами силою Духа Святаго распространенное по лицу ея (Матѳ. 28, 19; Іоан. 14, 26; 16, 13). *Вѣрно* слово сіе, какъ изшедшее отъ Бога. Который истиненъ есть и вѣренъ во всѣхъ словесахъ Своихъ. Вѣрно оно и въ томъ, что законополагаетъ, и въ томъ, что обѣщаетъ. Вѣрность сію Самъ Богъ подтверждалъ, когда самымъ дѣломъ подавалъ то, что обѣщало слово благовѣстія, сначала вѣрою одною пріемлемое. Итакъ *вѣрное* есть истинное (св. Злат.), то самое, которое отъ Бога изошло, точь-въ-точь то, безъ прибавки и убавки, и измѣненія. Но какъ узнать, что оно таково у избираемаго въ епископы?

Когда онъ держится слова, не того, которое самъ придумалъ, но которое принялъ чрезъ наученіе, κατὰ διδαχήν. Спаситель говоритъ, что Онъ наученъ Отцемъ. Апостолы научены Господомъ Спасителемъ, вѣрующіе всѣ научены Апостолами. Наученіе сіе составляло въ началѣ норму христіанскаго вѣдѣнія и свидѣтельство вѣрности его. Кто держался сего наученія, тотъ держался вѣрнаго словесе. И сіе-то Апостолъ поставляетъ въ законъ епископу: не вдавайся въ мудрованія; держи какъ принялъ; и какъ принялъ, такъ и преподавай. „Слово вѣрно, говоритъ св. Златоустъ, есть преподаваемое посредствомъ вѣры, не имѣющее нужды въ

умствованіяхъ или изслѣдованіяхъ." „Не умственныя доказательства потребны, а вѣрное преподаніе ученія" (Экум.). А чтобъ оно было таково, надлежитъ и въ сердцѣ держать его таковымъ, не перемѣшивая его съ своими мудрованіями. „И такое только слово будетъ благоспѣться, какъ слово самого Павла" (Ѳеоф.). „Какъ Слово Божіе вѣрно и всякаго пріятія достойно, такъ и епископъ такимъ да являетъ себя, чтобъ все, что говоритъ, было почитаемо достойнымъ вѣры и слова его были правиломъ истины" (Іерон.). И будетъ такъ; пусть только не мудритъ и передаетъ, какъ принялъ и наученъ. „Что изъ того, если онъ будетъ неискусенъ во внѣшней мудрости. Не помпа словесническая нужна, а здравыя сужденія и сила мыслей" (св. Злат.).

Да силенъ будетъ. Т.-е. если будетъ держаться *вѣрнаго словесе по ученію*, то будетъ силенъ; первое есть условіе послѣдняго. Кто привноситъ въ сіе, вѣрное по ученію слово, что-либо отъинуды, тотъ ослабляетъ его, дѣлаетъ безсильнымъ, и самъ является безсильнымъ. Сила слова епископскаго въ вѣрности слову по ученію. Тверди: такъ Богъ научилъ и повелѣлъ содержать; и будетъ слово твое побѣдоносно. Станешь мудрствовать, возбудишь противомудрствованіе; а отсюда только споры и раздраженіе, и для познанія истины всякой ущербъ.

И утѣшати въ здравѣмъ ученіи. Здравое ученіе „есть то, которое учитъ и догматамъ истиннымъ и жизни правой" (Экум.),—тоже, что вѣрное слово, которое пришло, получено и держится всѣми по наученію,—безъ всякой сторонней примѣси, ослабляющей его и дѣлающей немощнымъ и бездѣйственнымъ; подобно какъ вино разбавленное водою и попорченное примѣсями слабо, бездѣйственно и даже вредно. —

Утѣшати, *παρακαλεῖν*, — умолять, уговаривать, убѣждать. Апостолъ внушаетъ, что епископъ долженъ быть силенъ преподать вѣрное слово вѣрнымъ и держать сихъ послѣднихъ въ вѣрѣ ему, всякій разъ успокоивая ихъ мысли, коль скоро онѣ взволнуются привтеченіемъ чуждыхъ помышленій и мудрованій, посредствомъ убѣжденія и уговоренія, что вѣрно слово только то, которое онъ преподаетъ, — вѣрно, ибо такъ преподано и принято.

И противящіяся обличати. „Силенъ не своихъ только ограждать, но и враговъ отражать. Потому что если не будетъ и сего, то все можетъ разстроиться. Кто не умѣетъ бороться съ врагами, *плѣнять всякій разумъ въ послушаніе Христово* и низлагать мудрованія (2 Кор. 10, 5), тотъ да будетъ далекъ отъ учительскаго престола“ (св. Злат.). „Если не будутъ обличены и препобѣждены сіи противящіеся, то они легко могутъ развратить сердца простѣйшихъ“ (Іерон.).

На концѣ поставилъ Апостолъ учительство, въ исчисленіи того, чѣмъ долженъ быть украшенъ епископъ, — потому что въ епископѣ учительство завершаетъ всѣ прочія качества, составляя его отличительную черту. „Прочія качества можно находить и въ подчиненныхъ, какъ-то: непорочность, воспитаніе дѣтей въ послушаніи, страннолюбіе, справедливость, благочестіе; но епископа и пресвитера особенно отличаетъ то, чтобы онъ оглашалъ народъ ученіемъ, о чемъ нисколько не заботятся нынѣ“ (св. Злат.). „Если у епископа только жизнь свята, то живя такъ, онъ себя только пользуетъ; но если онъ и учителенъ, то и себя и другихъ созидаетъ. Это мѣсто направлено противъ тѣхъ, которые предаются бездѣйствію, лѣности и сну (въ дѣлѣ ученія), не обращая вниманія на то, что Апостолъ, послѣ перечисленія достойныхъ епископа качествъ

жизни, особое помѣстилъ указаніе — повелительное, чтобъ онъ былъ и учителенъ“ (Іерон.). „Кто не силенъ ни съ врагами бороться и плѣнять всякій разумъ въ послушаніе Христово, ни своихъ научать, убѣждать, утверждать, тотъ лжеепископъ есть. Что наипаче характеризуетъ епископа, это есть учить“ (Ѳеоф.).

2) *Правила на случай распространенія къмъ-либо неправыхъ мыслей*,—1, 10—16.

Тутъ два правила—распространяющимъ такія мысли заграждать уста (—11), а увлекающихся ими обличать нещадно (—13). Эти правила даются будто мимоходомъ. Сказавъ, что избираемый въ епископы долженъ быть силенъ и противящихся обличать, Апостолъ показываетъ, сколь необходимы такіе именно епископы, потому что много тамъ суесловцевъ, которые ходя по домамъ развращаютъ простѣйшихъ. Но пока-то изберутся могущіе противодѣйствовать имъ епископы и пока-то они начнутъ такое противодѣйствіе, дѣла сего нельзя оставлять такъ, чтобъ оно шло, какъ идетъ. И возлагается оно на самого Тита. Имѣя заповѣдь поставлять по всѣмъ градомъ пресвитеры, св. Титъ долженъ былъ обходить грады сіи. Въ семъ обхожденіи, онъ неизбѣжно долженъ былъ встрѣтиться съ того рода лицами. Говоритъ ему Апостолъ на этотъ случай: заграждай имъ уста. Заграждая уста и полагая начало противодѣйствія злымъ ученіямъ, св. Титъ давалъ вмѣстѣ образецъ, какъ дѣйствовать на нихъ и новопоставленнымъ епископамъ, на коихъ возлагаться имѣло и противящихся обличать. Далѣе, какъ такіе противящіеся уже дѣйствовали, то естественно были и увлеченные ими. И таковыхъ могъ встрѣтить св. Титъ. На сей случай пишетъ ему св. Павелъ: обличай ихъ нещадно. И въ этомъ образецъ дѣйствованія для

новопоставляемыхъ епископовъ. Такъ что это отдѣленіе, ст. 10 — 16, — даетъ наставленіе и св. Титу, и избираемымъ въ епископы.

Ст. 10. *Суть бо мнози непокориви, суесловцы, и умомъ прельщени, наипаче же сущіи отъ обрѣзанія.*

Потому, говоритъ, особенно надо такія учительныя избирать лица, что въ Критѣ много суесловцевъ, которыхъ опасно оставлять безъ обличенія и загражденія устъ. А чтобы это успѣшно дѣлать, надо быть способнымъ къ тому и умѣлымъ. Почему и пишу тебѣ: такихъ особенно ищи въ епископы.

Какія это именно суть лица, противъ которыхъ вооружаются здѣсь св. Титъ и въ лицѣ его будущіе епископы, св. Павелъ опредѣляетъ такими чертами:

Непокориви, — *ἀνυπότακτοι*, не по чину ходящіе, никакихъ порядковъ знать не хотящіе, самочинники и самовольники. Насаждая вѣру, насадители вѣры тутъ же заводили и всякіе порядки по духу сей вѣры. Было законополагаемо, какъ о всемъ судить и думать, какъ жить и дѣйствовать, и наипаче какъ къ Богу приближаться посредствомъ молитвъ и тайнодѣйствій. Непокоривые ничего такого не считали для себя обязательнымъ, а какъ имъ самимъ что подумалось и что показалось умѣстнымъ и возможнымъ, такъ и судили, такъ и дѣйствовали, такъ и другимъ внушали и думать и дѣйствовать. Это люди не хотящіе держаться общаго, но особящіеся и отособляющіе. „Видишь ли, какъ Апостолъ внушаетъ, отъ чего бываютъ такіе люди? Отъ желанія не повиноваться, а господствовать; на это онъ указываетъ“ (св. Злат.). „Онъ указалъ на корень всѣхъ золъ—неподчиненность. Неподчинительный, поколику не хочетъ состоять подъ начальствомъ, а наскакиваетъ чтобъ начальствовать надъ другими, очевидно ничему здравому и правому не на-

учился; потому что не хотѣлъ выдержать подучительства. Почему есть и суесловецъ“ (Θеоф.).

Суесловцы, *ματαιολογοι*, — пусторѣчивые, на вѣтеръ говорящіе, чтобъ только показать, что и они смышленые люди, понимающіе суть дѣла не хуже другихъ, а даже лучше самихъ учителей, умѣющіе составлять свои воззрѣнія, и ими освѣщать, расширять и углублять общія вѣрованія, не заботясь о томъ, къ чему могутъ привесть такія воззрѣнія,—не колеблютъ ли и не подрываютъ ли общей, всѣмъ преданной вѣры. Такихъ множество бываетъ во всѣ времена. Дѣло вѣры они знаютъ только поверхностно; ибо глубоко изучить ее мѣшаетъ имъ немощь—ковать свои воззрѣнія, которыя родясь прежде познанія истины, заслоняютъ ее у нихъ собою. Оттого бываетъ, что въ рѣчахъ ихъ всегда идутъ впередъ эти самородныя, большею частію незрѣлыя воззрѣнія: словъ много,—а существа дѣла—пусто. И вышло пусторѣчіе—суесловіе. „Учащій, если самъ, по причинѣ неподчиненности учительству, не научился, какъ должно, естественно бываетъ суесловцемъ, и не только суесловцемъ, но и умопрельщеннымъ“ (Экум.).

Умомъ прельщени, *φρεναπαται*, — умопрельщенны, „и себя и другихъ прельщающіе“ (Θеоф.),—прибавимъ,—своимъ умничаніемъ. Увлекшись своими воззрѣніями, они плѣняются ими, будто истинными, и ревнуютъ дѣлиться ими съ другими, будто высокими и глубокими истинами, основами всякой истины, такъ что безъ нихъ будто и все знаніе разсыплется. Такія самородныя воззрѣнія, даже и когда согласны бываютъ съ истиною, ничего къ ней не прибавляютъ ни въ ясности, ни въ твердости; но занимая собою вниманіе вмѣсто самой истины, тѣмъ самымъ отклоняютъ отъ праваго умозрѣнія, которое по существу

вѣры должно царствовать въ умѣ: время тратится попусту и портится вкусъ къ твердой истинѣ. Но когда они далеки отъ истины, то тутъ бываетъ уже прямое прельщеніе, ведущее къ пагубѣ. Увлекающійся ими тоже что пріемлющій иное благовѣстіе; — и на него, и безъ гласнаго суда, падаетъ тѣмъ не менѣе грозный судъ Апостола: *анаѳема да будетъ* (Гал. 1, 8).

Выставляя всѣ сіи черты, Апостолъ не указываетъ, о чемъ пустословятъ и чѣмъ прельщены и прельщаютъ оказавшіеся неподчинительными. Для св. Тита и для всѣхъ вѣрующихъ на Критѣ это было опредѣленно извѣстно. Намъ остается только гадать о томъ. Но вмѣсто всякаго гаданія, не лучше ли ограничиться наведеніемъ, что Апостолъ, оговаривая опредѣленныя лица, тогдашнія, для насъ однакожъ неудобоопредѣлимыя, намъ предпослалъ опредѣленный урокъ — избѣгать самимъ и другихъ отклонять отъ прельстительнаго позыва строить свои воззрѣнія по предметамъ вѣры, не въ духѣ подчиненія правиламъ вѣры, а въ духѣ преобладанія надъ ними, будто низшими насъ и нашего ума. Отъ этой болѣзни ума предостерегаетъ насъ Апостолъ.

Слова: *наипаче же сущіи отъ обрѣзанія*, наводятъ нѣсколько на то, о чемъ суесловили непокоривые; но очень нерѣшительно. Ибо *наипаче же* показываетъ, что то были не исключительно іудеи, но что были таковые же и изъ язычниковъ. Слѣдовательно нельзя съ рѣшительностію утверждать, что суесловія тѣ были обычныя іудействующимъ мудрованія о неотложной необходимости для вѣрующихъ исполнять и Моисеевъ законъ и постановленія ихъ старцевъ. Если далѣе мы не имѣемъ основанія полагать, что сущіе отъ обрѣзанія суесловили одно, а сущіе отъ необрѣзанія—другое; ибо въ такомъ случаѣ Апостолъ не поставилъ бы ихъ

подъ одинъ уровень, то необходимо признать, что тѣ и другіе держались нѣкоего мудрованія, коего нельзя назвать ни исключительно іудейскимъ, ни исключительно языческимъ, но которое было смѣсью того и другаго. Въ чемъ именно оно состояло, не видно; но было таково, что о его положеніяхъ можно было вести рѣчь среди христіанъ, не отталкивая ихъ вдругъ отъ него, — что и давало мудрователямъ входъ въ домы вѣрующихъ. Слѣдовательно въ немъ, кромѣ іудейскаго и языческаго, было и христіанское. Прикрываясь тою стороною, которая казалась христіанскою, они проникали въ домы, а потомъ наполняли уши и головы слышащихъ и тѣмъ, что было у нихъ іудейскаго и языческаго. Ядъ лжи дѣйствовалъ разрушительно, —и Апостолъ пресѣкаетъ зло, вѣроятно уже многими испытанное.

Ст. 11. *Ихже подобаетъ уста заграждати: иже вся домы развращаютъ, учаще, яже не подобаетъ, сквернаго ради прибытка.*

Кому это *подобаетъ?* Тѣмъ, кои имѣли быть поставлены епископами. Сказалъ выше (ст. 9) Апостолъ, что эти епископы должны быть таковы, чтобъ держались вѣрнаго ученія и были сильны своихъ утверждать въ истинѣ, а противящихся обличать. Почему же это особенно нужно? Потому что есть много суесловцевъ, не подчиняющихся истинѣ, которымъ подобаетъ заграждать уста. Ибо, чтобъ быть сильну это исполнять, надо и самому быть тверду въ истинѣ и умѣть раскрыть ложь и обличить ее въ тѣхъ, кои суесловятъ. Святый Златоустъ говоритъ: „если такой (поставляемый въ епископы) человѣкъ, принявъ на себя обязанность ученія, будетъ неспособенъ бороться съ безстыдными людьми и заграждать имъ уста, то онъ будетъ повиненъ въ погибели каждаго изъ погибаю-

щихъ. Посему, если Премудрый заповѣдуетъ: *не ищи, да будеши судія, егда не возможеши отъяти неправды* (Сир. 7, 6); то тѣмъ болѣе здѣсь можно сказать: не домогайся сдѣлаться учителемъ, если ты не имѣешь способности къ этому дѣлу, но уклоняйся и тогда, еслибы даже тебя привлекали.“

Впрочемъ очевидно само собою, что и св. Титъ, встрѣчая такія лица, не могъ и не долженъ былъ молчать: такъ что—*подобаетъ*, можно разумѣть, вообще всякому, на комъ лежитъ долгъ распространять истину и утверждать въ ней.

Заграждати уста можно или силою пастырской власти, или силою обличенія лжи и утвержденія истины. И первое въ настоящемъ случаѣ приложимо, если признать, что противящіеся суесловцы принадлежали къ обществу вѣрующихъ, только дѣйствовали среди его самовольно. Это на первый разъ; если же они и далѣе останутся въ своемъ упорствѣ, ихъ слѣдуетъ совсѣмъ отсѣкать, какъ и законоположилъ Апостолъ ниже (—3, 10). Но болѣе приложимо второе, потому что ко всѣмъ идетъ. Встрѣтивъ такихъ суесловцевъ, кто бы они ни были, надобно обличать лживость ихъ ученія такъ сильно, чтобъ они не имѣли что сказать въ защиту его. „Добрѣ сказалъ Апостолъ: *заграждать уста*, т.-е., силою обличенія лжи доводить ихъ до того, чтобъ они и слова сказать не посмѣли уже, — для того, чтобъ и слушающіе получили отъ того пользу“ (Экум.). „Что пользы (отъ такого загражденія устъ), когда они изъ непокоряющихся истинѣ? Для нихъ никакой, но полезно это для тѣхъ, которые могутъ развратиться, если епископъ молчаніемъ пройдетъ ихъ лживыя рѣчи и ученіе“ (Θеоф.).

Но такъ заграждать уста можно только встрѣчаясь съ суесловцами. Если же этого не случится, а из-

вѣстно только будетъ, что ходятъ какіе-то по домамъ и суесловятъ то и то, могущее развращать, то и въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ этого дѣла оставлять безъ вниманія, а надлежатъ, предъ вѣрующими, раскрывъ лживость узнанной лжи, обличить ее, истину же Божію, противоположную разсѣяваемой лжи, полнѣе разъяснить и сильнѣе подтвердить. И это будетъ тоже загражденіе, если не устъ суесловцевъ, то входа лжи ихъ въ души слышащихъ: ибо тамъ уже поселенъ противоотвѣщаяй ихъ лжи—помыслъ, вѣдѣцъ вѣрнаго словесе, сильный отразить слово лживое, біющіе уши.

Иже вся домы развращаютъ. Дается мысль, что они не открыто проповѣдуютъ, а украдкой ходятъ по домамъ. Такой образъ дѣйствій и приличенъ лжи, сознающей себя ложью, и тѣмъ обличающей, что она ложь есть.—*Учаще яже не подобаетъ.* Что же именно? Любопытно бы знать; но какъ Апостолъ не имѣлъ въ виду любопытство или пытливость пустую удовлетворять, то и не сказалъ сего. И намъ даетъ урокъ — не пытать попусту. Норма истины вѣдома; она проста и немногосложна. Критскіе христіане знали ее. И это было то, чему подобаетъ учить. Все же, несообразное съ нею, есть то, чему не подобаетъ учить, и что слѣдовательно учимымъ, знающимъ истину, слушать не подобаетъ. Этимъ однимъ словомъ Апостолъ сказалъ все.

Сквернаго ради прибытка. „Видишь, что есть неподчиненность въ связи съ сребролюбіемъ и скверностяжательностію. Все это рычаги въ рукахъ діавола, посредствомъ коихъ онъ разрушаетъ домы Божіи (т.-е. семейства христіанскія“ Өеоф.). „Есть ли что, въ чемъ беззаконновать не убѣдила и не склонила бы сія страсть?“ (Экум.).—Какой прибытокъ разумѣется? Обыкновенный, вещественный, — полученіе денегъ, вещей, пищи. Ревнуютъ пріобрѣтать учениковъ, чтобъ на ихъ

счетъ жить и имѣть довольство. Но св. Иларій и бл. Іеронимъ кромѣ сего считаютъ возможнымъ подъ прибыткомъ разумѣть самыхъ учениковъ, увлекаемыхъ ученіемъ суесловцевъ, примѣняясь къ словамъ Спасителя: *преходите море и сушу, сотворити единаго пришельца* (Матѳ. 23, 15). „Можно, пишетъ бл. Іеронимъ, и иначе истолковать сіи слова: *сквернаго ради прибытка*, именно, — что Апостолъ употребилъ этотъ обычный житейскій оборотъ рѣчи, чтобъ показать, какъ еретики, развращая умы, обыкновенно называютъ себя стяжателями людей, хотя убивать души прельщенныхъ не есть стяжаніе, а потеря. Напротивъ, кто, по Евангелію, обличитъ заблуждающаго брата, такъ что онъ обратится, тотъ воистину пріобрѣтаетъ его (Мѳ. 18, 15). Ибо какой прибытокъ можетъ быть больше или что драгоцѣннѣе того, какъ если кто пріобрѣтетъ душу человѣческую? Итакъ всякій учитель Церкви, правымъ путемъ привлекающій къ вѣрѣ во Христа, есть честный прибыточникъ; напротивъ всякій еретикъ, обольстительными рѣчами отклоняющій отъ истины и своему неподобающему ученію слѣдовать склоняющій, есть скверноприбыточникъ.“—Такой мысли нѣтъ у Апостола; но она можетъ быть допускаема, какъ побочное наведеніе, или иносказательное истолкованіе его слова, — которое, внѣ контекста, допустимо.

Ст. 12. *Рече же нѣкто отъ нихъ свой имъ пророкъ: Критяне присно лживи, зліи звѣріе, утробы праздныя.*

Усиливаетъ высказанное основаніе къ избранію въ епископы лицъ твердыхъ въ истинѣ и сильныхъ обличать ложь—тѣмъ, что Критяне по природному своему нраву падки на ложь, и слѣдовательно сами подаютъ руку суесловцамъ—прельщать ихъ и вводить въ заблужденіе. Этимъ Апостолъ переводитъ вниманіе св. Тита и будущихъ епископовъ отъ суесловцевъ на самихъ

Критянъ, говоря какъ-бы: мало заграждать уста суесловцевъ; надобно самихъ Критянъ убѣждать твердо держаться истины и не открывать уха всякому баснословцу, отвращающему отъ истины. И это будетъ, какъ замѣчено, загражденіемъ хода распространителямъ лжи. Таковъ смыслъ ст. 12—14.

Въ подтвержденіе того, что Критяне падки на ложь, басни и суесловіе, Апостолъ могъ указать на дѣйствительные опыты. Но лучшимъ счелъ привесть свидѣтельство поэта—Критянина же, чтобъ не сказалъ кто: ты нѣсколько дней пробылъ на островѣ и ужъ узналъ нашъ характеръ. Напередъ отвѣчаетъ такимъ Апостолъ: не я одинъ такъ думаю, вотъ свой же вашъ поэтъ давно-давно замѣтилъ это за вами. Ктому же взявши такое древнее свидѣтельство, Апостолъ даетъ разумѣть, что указываемое имъ недоброе свойство Критянъ есть не мимолетное и случайное, а устарѣлый порокъ, который чѣмъ труднѣе искоренить, тѣмъ обязательнѣе, для поставленныхъ исправлять среди ихъ все худое, на эту сторону направить свое вниманіе, заботу и трудъ.

Пророкомъ назвалъ Апостолъ поэта не потому, чтобъ въ самомъ дѣлѣ почиталъ его пророкомъ, а потому, что такъ думали о поэтахъ язычники, и вѣрили ихъ слову, будто откровенному свыше. И всѣ вѣрованія языческія держались на поэтахъ.—Приведенныя Апостоломъ слова сказалъ Эпименидъ (св. Злат., бл. Іерон.) и тоже потомъ повторилъ Каллимахъ (Θеод.). У Каллимаха стоитъ только первое слово: *лживи*. Весь же стихъ, какъ онъ приводится Апостоломъ, находится у Эпименида (бл. Іерон.). Названы такъ Критяне за то, что когда кто-то имъ натолковалъ, что у нихъ умеръ Зевсъ или Дій, и указалъ мѣсто; они легко повѣрили, устроили гробницу и всѣмъ твердили: вотъ у насъ гроб-

ница Зевса. Этимъ они обнаружили свое легковѣріе и падкость на ложь и басни, которыхъ не переставали уже потомъ держаться, пребывая такимъ образомъ присно лживыми, т.-е. неперестающими твердить ложь. Эту особенно черту ихъ Апостолъ и выставляетъ, чтобъ потомъ сказать: обличай ихъ, чтобъ не внимали баснямъ.

Для цѣли Апостола нужно было только первое слово *лживи*. Другія затѣмъ слова приведены только потому, что входятъ въ составъ стиха, который былъ вѣдомъ Апостолу (блажен. Іерон.). Потому нѣтъ нужды строить догадки, что имѣлъ въ мысли Апостолъ, приводя о Критянахъ слова: *зліи звѣріе, утробы праздныя*. Первыми означается дикость, необузданность, злонравіе; а вторыми—то, что любятъ поѣсть, попить, дѣла же дѣлать неохочи, празднолюбивы и лѣнивы. Можетъ быть впрочемъ такія черты дѣйствительно были въ характерѣ Критянъ, и Апостолъ намѣренно удержалъ означенныя слова стиха, не ограничившись первымъ словомъ, чтобъ потомъ дать уроки и относительно ихъ, какъ и можно заключить изъ того, чему учить заповѣдуетъ Апостолъ во второй главѣ. Но въ настоящемъ мѣстѣ нужно было для Апостола только первое—*лживи*, какъ требуется полагать теченіемъ рѣчи.

Ст. 13. *Свидѣтельство сіе истинно есть, еяже ради вины обличай ихъ нещадно, да здрави будутъ въ вѣрѣ*.

Говоря, что такое свидѣтельство истинно, Апостолъ имѣлъ въ виду первое слово свидѣтельства — *лживи*, разумѣя подъ симъ то, что они охотно открываютъ уши свои для всякаго пусторѣчія и всякихъ басней, какъ видно изъ послѣдующихъ за симъ словъ: обличай, чтобъ не внимали баснямъ. „Если они склонны ко лжи, то для нихъ нужно сильное и обличительное слово; кротостію такой человѣкъ не можетъ быть тронутъ.

Итакъ *обличай ихъ нещадно.* Ибо нужно не со всѣми обращаться одинаковымъ образомъ, но различно и разнообразно, смотря по лицамъ. Ибо какъ укоряя человѣка послушнаго и благороднаго, можно убить его и погубить; такъ и лаская человѣка, имѣющаго нужду въ сильномъ обличеніи, можно испортить его и не довести до исправленія" (св. Злат.). „Это: *обличай ихъ нещадно* не противорѣчитъ сказанному: *съ кротостію наказующу противныя* (2 Тим. 2, 25); потому что не увѣровавшимъ еще должно скромно и кротко проповѣдывать Божественное ученіе; а давшихъ обѣщаніе вѣровать, и покушающихся поступать вопреки вѣрѣ, надлежитъ врачевать суровыми врачевствами" (Θеод.).

Да здрави будутъ въ вѣрѣ. „Здѣсь Апостолъ говоритъ не о чужихъ, но о своихъ" (св. Злат.). Чужимъ— суесловцамъ вреднымъ — велѣлъ уста заграждать, а своихъ велитъ нещадно обличать—„глубоко поражать" (онъ же). И это не затѣмъ, чтобъ удовлетворить своему на нихъ неудовольствію, а чтобъ были здравы въ вѣрѣ. т.-е. чтобъ не принимали воззрѣній ложныхъ, съ вѣрою несообразныхъ (св. Злат.). Здравіе въ вѣрѣ есть въ точности держаться преданнаго. Тѣло дѣлается нездравымъ, когда принимаетъ чуждые ему элементы; и вѣра дѣлается нездравою, когда принимаютъ мысли разрушающія строй ея, или весь или по частямъ. Принимающій такія мысли съ убѣжденіемъ, что онѣ истинны, тогда какъ не истинны, повреждаетъ истинную вѣру и дѣлается-нездравымъ въ ней. Ибо не хранитъ *образа здравыхъ словесъ,* преподанныхъ Апостолами (2 Тим. 1, 13), и невѣрнымъ является *здравымъ словамъ Господа нашего Іисуса Христа и ученію, еже по благовѣрію.* Отъ чего и *недугуетъ* (1 Тим. 6, 3. 4). Чтобъ Критяне не подпали такому заболѣнію, Апостолъ заповѣдуетъ нещадно обличать ихъ, когда замѣчено будетъ, что

они безъ осторожности открываютъ ухо свое для суесловцевъ.

Ст. 14. *Не внимающе іудейскимъ баснемъ, ни заповѣдемъ человѣкъ отвращающихся отъ истины.*

Указывается способъ, какъ сохраняться здравыми въ вѣрѣ. Нещадное обличеніе отобьетъ охоту внимать чему либо чуждому вѣрѣ,—вѣра и сохранится у нихъ здравою, и они пребудутъ здравы въ вѣрѣ. Вѣра уже преподана имъ, и они ее содержатъ. Но приходятъ суесловцы, влагаютъ въ умъ чуждое вѣрѣ, кажущееся однакожъ истиннымъ; и — неискусные, не умѣя разгадать кроющуюся въ суесловіи ложь, начинаютъ думать, что можетъ быть и такъ есть. Этимъ—можетъ быть—вѣра уже поколеблена и здравіе ея пошатнуто. Продлись такое состояніе, повторись нѣсколько разъ кривые толки; и — ничего нѣтъ дивнаго, если сіи послѣдніе признаются болѣе красными, чѣмъ положенія вѣры. Вотъ и болѣзнь. Предотвращена будетъ сія болѣзнь, если не станутъ внимать ничему чуждому вѣрѣ. Не внимай,—и здравъ будешь въ вѣрѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „здравіе состоитъ въ томъ, чтобы не вводить ничего ложнаго, ничего чуждаго."

Это чуждое Апостолъ опредѣляетъ словами: басни іудейскія и заповѣди человѣкъ, отвращающихся отъ истины. Что именно разумѣлъ подъ симъ св. Павелъ, св. Титъ и Критяне знали ясно. Намъ же трудно это угадать. Ибо и басней іудейскихъ и заблужденій человѣческихъ было много. Но потери для насъ отъ сего никакой нѣтъ. И тѣ басни іудейскія и тѣ заблужденія человѣческія уже миновались, и нечего намъ ихъ опасаться. Для насъ осталась одна Апостольская заповѣдь — не внимать ничему, чуждому вѣрѣ. И не ту ли цѣль имѣлъ св. Павелъ, оставивъ неопредѣленнымъ для насъ (а не для тѣхъ, къ кому писалъ), чему не

внимать, чтобъ внушить, чтобъ мы вообще ничему не внимали, что видимъ несообразнымъ съ вѣрою, какъ бы оно красно ни казалось?

Подъ баснями іудейскими не слѣдуетъ разумѣть постановленія законныя, или строй подзаконной религіозной жизни, но или кривое толкованіе сихъ постановленій и ихъ значенія, или все, что послѣ придумано къ нимъ самими іудеями. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Апостолъ іудейскими баснями назвалъ не законъ, но предлагаемое іудеями толкованіе закона.“ Бл. Θеофилактъ прибавляетъ къ сему: „Святыя книги Ветхаго Завѣта, добрѣ понимаемыя, не суть басни. Какъ это можетъ быть, когда изъ нихъ мы научаемся Евангельской истинѣ?— Но неправыя толкованія и прибавленія (δευτερώσεις, повторительные законы)—вотъ что басни!“

Но что же это именно?—Были свои кривыя толкованія и прибавленія у всѣхъ іудейскихъ сектъ, — и у ессеевъ, и у саддукеевъ, и у фарисеевъ; были между іудеями и философскіе мудрователи и мечтатели—мистики, выдумавшіе каббалу. Не басни ли все это? Были и общеіудейскія басни, — напримѣръ о Мессіи, яко земномъ царѣ, и о царствѣ его,—чувственномъ и житейскомъ. И между христіанами изъ іудеевъ долго держалась баснь — о неотложности исполненія законныхъ постановленій (—особенно объ обрѣзаніи, субботѣ, и родахъ пищи позволенныхъ и запрещенныхъ) и для всѣхъ вѣрующихъ въ Господа Спасителя. — Что изъ этого всего разумѣлъ св. Павелъ, не видно. Но то несомнѣнно, что въ ученіе суесловцевъ, соблазнявшихъ Критянъ, иное и изъ этого входило. Ибо, какъ видится, то была смѣсь разнородныхъ ученій, въ коей имѣли свою часть и басни іудейскія, хоть мы не можемъ опредѣленно сказать, какія именно.

Что суть *заповѣди человѣкъ отвращающихся отъ ис-*

тины? Это или тоже, что басни іудейскія, или что нибудь кромѣ ихъ придуманное мудрованіемъ человѣческимъ, и именно языческимъ.

Въ первомъ случаѣ слова: *заповѣди человѣкъ* опредѣлятся тѣмъ, что кто станетъ разумѣть подъ баснями іудейскими. Блаж. Ѳеофилактъ, Экуменій, а отчасти и св. Златоустъ разумѣютъ обычаи іудейскіе законные, которые не будучи сами по себѣ, по своему происхожденію и назначенію, баснями, стали уже баснями, когда ихъ считаютъ обязательными послѣ того, какъ они потеряли свою силу. Въ этомъ случаѣ они перестаютъ уже быть заповѣдями Божіими, а начинаютъ быть заповѣдями человѣческими. Но Амвросіастъ подъ заповѣдями человѣческими разумѣетъ тѣ іудейскія постановленія, которыя потомъ самими іудеями прибавлены къ закону.

Во второмъ случаѣ *заповѣди человѣкъ* будутъ означать языческія мудрованія и обычаи. Такъ отчасти св. Златоустъ. Приходитъ на мысль, что такое пониманіе, можетъ быть, ближе къ истинѣ. Ибо какъ по ходу рѣчи видно, что мудрованія суесловцевъ соблазнявшихъ Критянъ, были смѣсь іудейства и язычества; то Апостолъ, заповѣдуя не внимать тому, что чуждо вѣрѣ и что можетъ сдѣлать вѣру нездравою, конечно имѣлъ въ виду какъ ту, такъ и другую сторону соблазнительныхъ мудрованій тѣхъ, и обозначивъ, что въ нихъ было іудейскаго, іудейскими баснями, вѣроятно словами: *заповѣди человѣкъ* означилъ то, что въ нихъ было языческаго. Къ подтвержденію сего можетъ служить и то качество сихъ человѣкъ, что они отвращаются отъ истины. Ибо хоть іудеевъ противившихся Евангелію было справедливо почитать отвращающимися отъ истины, но полнѣе такое присужденіе можетъ идти къ язычникамъ, совсѣмъ погрязавшимъ во лжи.

Св. Златоустъ видитъ въ словахъ Апостола внушеніе не внимать не какимъ-либо предполагаемымъ іудейскимъ и языческимъ лжеученіямъ, а іудейству и язычеству, какъ они были тогда предъ глазами. Онъ говоритъ: „если тѣ, которые соблюдаютъ правила касательно яствъ, не здравы, но больны — ибо о такихъ говоритъ Апостолъ: *изнемогающаго въ вѣрѣ пріемлите не въ сомнѣніе помышленій* (Римл. 14, 1),— то что сказать о тѣхъ, которые постятся и соблюдаютъ субботу вмѣстѣ съ іудеями, или ходятъ въ мѣста, считающіяся священными у язычниковъ, напримѣръ мѣсто въ Дафнѣ, такъ называемую пещеру Матроны, мѣсто въ Киликіи, называемое Кроновымъ? Могутъ ли они быть здравыми? — Такимъ образомъ не должно слушаться ни язычниковъ, ни іудеевъ; ибо это значитъ не быть здравымъ. Если ты содержишь вѣру, то для чего вводишь еще нѣчто другое, какъ будто вѣра недостаточна для оправданія? Для чего подчиняешь и порабощаешь себя закону? Или ты не надѣешься на вѣру? Это свойственно больному и невѣрующему; такой человѣкъ сомнѣвается, а душѣ вѣрующей несвойственно сомнѣваться.“

Можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ среди Критянъ ходили не какія либо новыя,—смѣшанныя изъ іудейства и язычества—ученія, а оставались прежнія іудейскія и языческія суевѣрія и обычаи, которымъ иные придавали важное значеніе и старались удержать въ нихъ другихъ.

Въ наше время можно здѣсь видѣть внушеніе остерегаться подпасть вліянію духа іудейскаго и языческаго, понимая подъ первымъ довольство одною фактическою и дѣятельною стороною жизни, а подъ вторымъ—свержёніе всякаго ига и для ума и для чувствъ съ желаніями и для внѣшняго дѣйствованія.

Ст. 15. *Вся убо чиста чистымъ: оскверненнымъ же и*

невѣрнымъ ничтоже чисто, но осквернися ихъ и умъ и совѣсть.

Стихи 15 и 16 указываютъ на нѣкоторые пункты или стороны лжеученія ходившаго среди Критянъ какъ-бы для примѣра. Можно ихъ съ предыдущимъ такъ соединить: сколь нелѣпо это ученіе, о томъ и говорить нечего. Возьмите вы то, что говорится въ немъ о различіи яствъ, будто есть какое-либо изъ нихъ, которое по природѣ своей можетъ дѣлать принимающаго оное нечистымъ. Простаго смысла достаточно, чтобъ знать, что пища не можетъ дѣлать ни чистымъ ни нечистымъ. Чистота или нечистота зависитъ отъ сердца. Кто чистъ сердцемъ, тотъ какую, кажущуюся нечистою, пищу ни употреблялъ бы, все чистъ и все ему чисто, и пища не дѣлаетъ его нечистымъ. Напротивъ кто нечистъ сердцемъ, того никакая, почитаемая чистою, пища не дѣлаетъ чистымъ, все онъ нечистъ. Того никакое питаніе не дѣлаетъ нечистымъ, а этого никакое питаніе не дѣлаетъ чистымъ; или того питаніе всегда чисто, а этого питаніе всегда нечисто. Апостолъ здѣсь тоже самое внушаетъ, чему научилъ Спаситель, что не входящее въ уста сквернитъ человѣка, а то, что исходитъ изъ сердца (Мѳ. 15, 11—19).

Для полнаго уразумѣнія сихъ положеній, надо имѣть во вниманіи не роды яствъ, а самое питаніе или вкушеніе. У одного питаніе чисто, потому что съ чистымъ сердцемъ принимается; а у другаго нечисто, потому что съ нечистымъ сердцемъ принимается. Чистое сердце—то, которое отрѣшившись отъ всякаго самоугодія, все направляетъ къ славѣ Божіей, даже аще ястъ и піетъ; оттого все у него чисто. А то сердце, которое преисполнено самоугодія, нечисто, и симъ самоугодіемъ всякое свое дѣйствіе и движеніе дѣлаетъ нечистымъ, потому что у него все дѣлается по самоугодію,

даже и то, что по виду кажется самоотверженнымъ и направленнымъ къ Богу. О такихъ и говоритъ Апостолъ: *осквернися ихъ и умъ и совѣсть*. Умъ оскверняется ложными понятіями, которыя принимаетъ безъ разсужденія, по одному влеченію сердца, или увлекаясь обычаями, или по тщеславію и суемудрію. Совѣсть оскверняется, когда человѣкъ, наперекоръ ей, дѣйствуетъ по тѣмъ ложнымъ понятіямъ, или когда вообще дѣйствуетъ невнимая совѣсти, или — съ совѣстію сомнительною. Такого рода состояніе неизбѣжно у тѣхъ, коихъ сердце преисполнено самоугодіемъ и вполнѣ возобладано извѣстными предметами, питающими и удовлетворяющими его. Тутъ не только не слушаютъ ума и совѣсти, но и ихъ самихъ понуждаютъ судить и опредѣлять въ угоду себѣ, или снисходительно или криво; всячески усиленно возставляютъ въ себѣ помышленіе, будто дѣйствуютъ право, по крайней мѣрѣ, сносно, хотя извнутри слышатъ нѣкое напоминаніе, неодобряющее ихъ.

Св. Златоустъ говоритъ, что въ Ветхомъ Завѣтѣ были запрещены нѣкоторыя яства, но, „не потому, чтобъ онѣ были нечисты, а чтобъ лучше обуздать плотоугодіе.—Богъ не сотворилъ ничего нечистаго; и нѣтъ ничего нечистаго кромѣ грѣха, потому что онъ касается души и ее оскверняетъ; а все прочее считается нечистымъ по предразсудку человѣческому.— Почему Апостолъ все приписалъ самимъ людямъ. Нѣтъ ничего, говоритъ, нечистаго, но нечисты сами они,— ихъ умъ и совѣсть, нечище которыхъ нѣтъ ничего. Вотъ въ чемъ состоитъ нечистота: они сами нечисты.— Должно быть разборчивымъ въ отношеніи къ тому, что оскверняетъ душу,—это подлинно есть нечистота, это — скверна; а все прочее нѣтъ. Тѣ, у которыхъ испорченъ вкусъ, думаютъ, что принимаемое ими не-

чисто; но это происходитъ отъ ихъ болѣзни. Посему нужно основательно знать, что по природѣ своей чисто и что нечисто. Что же нечисто? Грѣхъ, злоба, коварство, корыстолюбіе, лукавство. *Измыйтеся*, говоритъ Пророкъ, *и чисти будите, отъимите лукавство отъ душъ вашихъ* (Ис. 1, 16). — Тѣ (ветхозавѣтныя) очищенія были образами (истиннаго) очищенія.—Нынѣ же требуется отъ насъ не это (внѣшнее), но все отнесено къ душѣ. Тѣлесное ближе къ намъ; посему Богъ прежде и отвращалъ отъ него; но теперь не такъ; ибо не слѣдовало всегда оставаться при образахъ и держаться тѣней, но принять истину и ея держаться. Нечистота есть грѣхъ: его будемъ убѣгать, отъ него будемъ воздерживаться. *Аще*, говоритъ Премудрый, *приступиши къ нему, угрызнетъ тя* (Сир. 21, 2).“

Объ этой сторонѣ ученія помянулъ Апостолъ потому, что она особенно выдавалась, и нелѣпость ея такъ очевидна, что не требовала долгаго опроверженія. Видите, говоритъ какъ-бы онъ имъ, каковъ у нихъ этотъ пунктъ! Но каковъ этотъ, таковы и всѣ другіе.—Теперь посмотрите, каковы ихъ учители.

Ст. 16. *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его, мерзцы суще и непокориви, и на всякое дѣло благое неискусни.*

Апостолъ здѣсь тоже внушаетъ, что и Спаситель заповѣдалъ: *внемлите же отъ лживыхъ пророкъ..... Отъ плодъ ихъ познаете ихъ* (Мѳ. 7, 15. 16). Хотите ли, говоритъ онъ, удостовѣриться, что ученіе прельщающихъ васъ невѣрно, посмотрите, каковы они и какъ живутъ. Жизнь, не соотвѣтствующая ученію, подрываетъ силу ученія, обличая въ учащихъ недостатокъ убѣжденія, и особенно то, что ученіе ихъ — не цѣль и суть ихъ жизни, а средство. Св. Апостолы отличались всестороннею безукоризненностію житія, чистаго и само-

отверженнаго,—и это на первый разъ не отталкивало отъ нихъ, а потомъ и привлекало. Таковы всегда и всюду должны быть освященныя лица. То вѣрно, что и учители истины могутъ хромать въ дѣлахъ жизни; но и то несомнѣнно, что ничто такъ не отталкиваетъ отъ ученія какъ не хорошая жизнь учителей. У св. Павла цѣль слова была—отвратить отъ лжеученія, и какъ лжеучители представляли ему свою слабую сторону—въ неисправности жизни и нрава, то онъ этимъ воспользовался. Не будь этого, онъ и не коснулся бы сего, а иное что-либо указалъ бы въ лжеучителяхъ, что могло бы обличать лживость ихъ ученія. Ужъ онъ прежде указывалъ въ нихъ сквернoприбыточество (— —11); а теперь указываетъ нѣчто большее—лицедѣйство: *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его.*

Этотъ образъ выраженія показываетъ, что Апостолъ бьетъ *паче сущихъ отъ обрѣзанія.* Амвросіастъ пишетъ: „хотя ко всѣмъ еретикамъ можно относить слова сіи, но здѣсь Апостолъ говоритъ объ іудеяхъ, которые твердили о себѣ, что они одни знаютъ Бога Авраамова.—Знаютъ, но языкомъ только, а дѣлами отмещутся Его, какъ и Господь обличалъ ихъ: *аще чада Авраамля бысте были, дѣла Авраамля бысте творили* (Іоан. 8, 39). Бл. Өеодоритъ сводитъ это къ предмету рѣчи Апостола такъ: „они усиливаются выставить, что чтутъ Бога всяческихъ, но поступаютъ прямо вопреки тому, что Ему угодно. Ибо законъ ограничилъ Богъ опредѣленнымъ временемъ; они же въ оное время не исполняли закона, а когда кончилось время, крѣпко стоятъ за законъ.“

Не слушайте ихъ. Не Бога они чтутъ. Богъ у нихъ только на языкѣ, а въ сердцѣ у нихъ совсѣмъ другое. Бл. Іеронимъ пишетъ: „тѣ, у которыхъ осквернены и

умъ и совѣсть, *Бога исповѣдуютъ вѣдѣти, а дѣлы отмещутся Его*, по слову Исаіи Пророка: *людіе сіи устами почитаютъ Мене, сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене* (Ис. 29, 13). Итакъ, какъ иной устами чтитъ, а сердцемъ далеко отстоитъ, такъ иной словомъ Бога исповѣдуетъ, а дѣлами отметается Его. Но кто дѣлами отметается Бога, при устномъ исповѣданіи Его, тотъ мерзокъ предъ Богомъ; и поелику не убѣждается никакими основаніями истины, справедливо называется непокоривымъ и невѣрнымъ. Отсюда происходитъ и то, что онъ на всякое дѣло благое неискусенъ. И то, что, будучи влекомъ естественною добротою, дѣлаетъ онъ добраго, не добро̀, будучи оскверняемо развращеніемъ ума его. Думаютъ иные, что только тотъ отметается Бога, кто во время гоненія, будучи схваченъ язычниками, отрицается, что онъ христіанинъ. Но вотъ Апостолъ утверждаетъ, что Бога отметаются всѣмъ, что бы ни дѣлалъ кто превратнаго. Христосъ есть премудрость, правда, истина, святость, мужество. Отметается Онъ, какъ премудрость, немудростію, какъ правда—неправдою, какъ истина — ложью, какъ святость—порочностію, какъ мужество — малодушіемъ. И вообще сколько разъ побѣждаемы бываемъ мы страстями и грѣхами, столько разъ и Бога отметаемся. Напротивъ всякій разъ, какъ дѣлаемъ что добраго, исповѣдуемъ Бога. Не должно думать, что въ день суда Сынъ Божій отвергнется только тѣхъ, кои отверглись Его во время мученія; но всѣми дѣлами, словами и помышленіями Христосъ или будучи отверженъ, отвержется, или будучи исповѣданъ, исповѣдуетъ. Такъ всѣми добрыми словами и дѣлами свидѣтельствуется, что душа предана Христу.“

3) *Указаніе, чему и какъ слѣдуетъ учить вѣрныхъ, сообразуясь съ ихъ возрастомъ и состояніемъ.* 2, 1—3, 11.

Неправо учащіе, сказалъ выше Апостолъ (1, 11), учатъ, *яже не подобаетъ*; а ты, говоритъ онъ, обращаясь къ Титу, учи, *яже подобаетъ*. И тотчасъ указываетъ, что именно кому подобаетъ говорить. Не все обнимаетъ, а беретъ во вниманіе только а) старцевъ и старицъ (—2, 2. 3), б) юницъ и юношей (— —4—6), г) рабовъ (— —9. 10) и е) гражданскія добродѣтели (—3, 1. 2). Между же сими наставленіями вставляетъ в) напоминаніе, чтобъ учащій самъ во всемъ подавалъ примѣръ (—2, 7. 8) и учимымъ внушалъ, что д) затѣмъ и все домостроительство въ Христѣ Іисусѣ, чтобъ вѣрующіе, отвергшись нечестія и мірскихъ похотей, жили цѣломудренно, свято и благочестно, бывая ревнителями добрыхъ дѣлъ въ блаженномъ уповаціи (— — 11—14), ж) затѣмъ и благодать Святаго Духа, чтобъ претворять насъ изъ недобрыхъ въ добрыхъ (—3, 3—7) и з) заключаетъ: вотъ чему учи, а буіихъ стязаній чуждайся и еретиковъ отгоняй прочь (— —8—11).—Три раза повторяетъ Апостолъ: учи быть добрыми (2, 1. 15; 3, 8); три раза внушаетъ: чтобъ ни объ ученіи нашемъ, ни о насъ никто не имѣлъ основанія сказать что-либо укорное (—2, 5. 10. 15). Этимъ онъ опредѣляетъ *предметъ и цѣль* посланія. Можно потому предположить, что Критяне, принявъ вѣру, не заботились жить по вѣрѣ, а жили по прежнимъ обычаямъ,—іудеи—іудейскимъ, язычники — языческимъ, проводя между тѣмъ время въ распущеніи басней суевѣрія и въ пустыхъ и безполезныхъ состязаніяхъ. Къ исправленію этихъ неисправностей главнымъ образомъ направляетъ Апостолъ труды св. Тита, и послѣ

него епископовъ, поставленіе которыхъ по городамъ считаетъ самымъ вѣрнымъ средствомъ къ достиженію сей цѣли. Такова сущность всего посланія.

Ст. 1. *Ты же глаголи, яже подобаетъ здравому ученію.*

„Да не смущаютъ тебя, говоритъ Апостолъ, учащіе противному; ты по обычаю преподавай Божественныя наставленія“ (Өеод.). „Ты ради этого не умолкай; хотя бы они и не принимали (наставленій), ты исполняй свое дѣло; хотя бы они и не убѣждались, ты увѣщевай и совѣтуй“ (св. Злат.).

Но, кажется, Апостолъ этимъ желаетъ показать, куда должно направлять трудъ ученія. Суесловцы распространяютъ басни; ты же имъ заградивъ уста, а своихъ строго обличивъ, затѣмъ не вдавайся въ споры, а все вниманіе обрати на то, чтобъ преподавать здравое ученіе,—*глаголи, яже подобаетъ здравому ученію*, что сообразно съ здравымъ ученіемъ, чего требуетъ здравое ученіе, или—въ чемъ сущность здраваго ученія. Здравое ученіе есть не только то, которое преподаетъ истинное познаніе о Богѣ (Амвр.) и нашемъ къ Нему отношеніи, и паче о возсоединеніи съ Нимъ падшихъ, но и то, которое не довольствуется пребывать однимъ голымъ ученіемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ требуетъ и жизни сообразной съ ученіемъ и болѣе налегаетъ на исправленіе нравовъ, устраняясь отъ всякихъ безполезныхъ споровъ и состязаній. Ты, говоритъ, толкуй болѣе о томъ, чтобъ жили хорошо,—*да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати вѣровавшіи Богу* (—3, 8). Въ чемъ же—эта добрая жизнь и добронравіе вѣрующихъ?

а) *Въ чемъ добронравіе старцевъ и старицъ?*

Ст. 2. *Старцемъ трезвеннымъ быти, честнымъ, цѣломудреннымъ, здравствующимъ вѣрою, любовію, терпѣніемъ.*

Старецъ здѣсь не пресвитеръ, а престарѣлый лѣтами. Сему престарѣлому подобаетъ быть во первыхъ *трезвеннымъ*,—νηφαλίους. Трезвенность или трезвеніе есть трудомъ и опытомъ стяжанное вниманіе ума къ тому, что происходитъ внутри, и къ тому, какъ текутъ дѣла вовнѣ, то и другое предъ лицемъ Божіимъ,—вниманіе, сопровождаемое бодренностію, неослабнымъ напряженіемъ силъ, въ готовности ко всякому должному дѣлу. Какъ кормчій на кораблѣ зорко смотритъ и впередъ и по сторонамъ, чтобъ, какъ должно, направлять корабль, такъ и трезвенный острозорокъ ко всему, что внутри и вовнѣ, чтобъ какъ должно направлять свою духовную жизнь. Трезвеніе установляется не вдругъ, а долгимъ трудомъ, и уже послѣ того, какъ улягутся страсти. Какъ у старцевъ и естественно улегаются многія страсти, то и порядокъ естества требуетъ, чтобъ они были трезвенны. Однакожъ это не всегда бываетъ; не бываетъ, коль скоро предшествовавшая жизнь не была исправною. Потому въ сей заповѣди старцамъ скрыта заповѣдь и мужамъ—упражняться въ трезвеніи, чтобъ въ старости эту добродѣтель имѣть неотъемлемымъ качествомъ. Противоположно трезвенности невниманіе къ себѣ и дѣламъ своимъ, разсѣяніе мыслей, разлѣненіе и опущенность. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: трезвенность требуетъ—„всегда бодрствовать и трезвиться, и имѣть приличное возрасту благоразуміе.“ Св. Златоустъ говоритъ: „и старость имѣетъ недостатки; ей свойственны небрежность, лѣность, забывчивость, тупость и неподвижность. Посему Апостолъ и заповѣдуетъ *старцемъ трезвеннымъ быти.* Ибо человѣка въ этомъ возрастѣ многое располагаетъ быть нетрезвеннымъ, и наипаче то, о чемъ сказалъ я, т.-е.. притупленіе всѣхъ чувствъ, медлительность и нелегкодвижность“. Но кто себѣ внимаетъ, тотъ всегда можетъ

быть трезвеннымъ, т.-е. „бодреннымъ и готовымъ на все должное“ (Θеоф.).

Во вторыхъ—*быть честнымъ*, σεμνους,—„и по наружности благоприличнымъ“ (Θеод.). Трезвенность опредѣляетъ внутреннее настроенiе старца, а честность — внѣшнее поведенiе. Такъ онъ долженъ себя держать, чтобъ всѣхъ располагать къ почтительности въ отношенiи къ себѣ. Этимъ заповѣдуется степенность, сдержанность и нѣкая важность, въ движенiяхъ, рѣчахъ и всѣхъ дѣлахъ.

Въ третьихъ — быть *цѣломудреннымъ* σωφρονας. Св. Златоустъ говоритъ: „Подъ цѣломудренными онъ разумѣетъ здѣсь разсудительныхъ. Ибо цѣломудрiемъ (σωφροσυνη—отъ σωος—цѣлый, здравый, и φρονειν) называется здравое состоянiе ума.“ Такъ и Экуменiй съ Θеофилактомъ. И премудрый Сирахъ пишетъ: *коль есть красенъ сѣдинамъ судъ, и старѣйшимъ разумѣти совѣтъ! Коль красна старымъ премудрость и славнымъ разумѣнiе и совѣтъ* (—25, 6. 7)! Но другiе подъ цѣломудрiемъ разумѣютъ здѣсь чистоту отъ плотскихъ грѣховъ и похотливости. Iеронимъ пишетъ: „цѣломудренными быть заповѣдуетъ Апостолъ старцамъ, чтобъ не предавались плотской похотливости въ возрастѣ, который естественно чуждъ бываетъ ея, и чтобъ при охладѣвшей для ней крови не служили соблазнительнымъ примѣромъ для юношей.“ Туже мысль можно видѣть у бл. Θеодорита, который слово: *цѣломудреннымъ* — толкуетъ: „попечительнымъ о доброй жизни.“ Не чужда она, можно полагать, и св. Златоуста; ибо сказавъ вышеприведенное, онъ прибавляетъ: „есть, подлинно есть и между старцами люди неистовые.“ Экуменiй хотя и говоритъ: „нельзя думать, чтобъ св. Павелъ требовалъ отъ старцевъ воздержанiя отъ похоти плотской, когда оно естественно въ нихъ уже предполагается;“ но

этимъ выражается только, сколько несообразна съ старостію похотливость, а не то, чтобъ она не одолѣвала и старыхъ. И Премудрый говоритъ, что душѣ его отвратительна жизнь старика прелюбодѣя, умаляющагося умомъ (Сир. 25, 3. 4). Бываютъ, выходитъ, и старцы похотливые. Похоть обезсмысливаетъ ихъ и увлекаетъ вслѣдъ себя. Потому недивно, что св. Павелъ и это имѣлъ въ виду, заповѣдуя внушать старцамъ, чтобъ были цѣломудренны.

Три сіи — цѣломудріе, честность и трезвеніе обнимаютъ жизнь во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ, т.-е. къ себѣ, другимъ людямъ и къ Богу; ибо трезвеніе иначе установиться не можетъ, какъ когда умъ сольется съ помышленіемъ о Богѣ. Изъ сего видно, что Апостолъ хочетъ, чтобъ старцы представляли всесторонне образцовую жизнь. Сіи три совмѣщаютъ и всѣ степени жизни богоугодной—духовную, душевную и тѣлесную. Трезвеніемъ духъ вводится въ тѣсное общеніе съ Богомъ; но духъ, ставъ такимъ образомъ въ чинъ свой, не отрицаетъ душевную и тѣлесную жизнь, а ихъ одухотворяетъ. Одухотвореніе души является въ честности, въ коей сочетавается правда съ любовію; а одухотвореніе тѣла—въ цѣломудріи, обнимающемъ и всякую отрѣшенность отъ всего чувственнаго, и полную чистоту отъ страстей.

Здравствующимъ вѣрою, любовію, терпѣніемъ, — „чтобы имъ и искренно вѣровать, и отличаться любовію къ ближнему, и мужественно переносить, что терпятъ отъ непріязненныхъ враговъ истины“ (Θеод.). Вѣра здравая не исповѣданіе только правое содержитъ, но паче во глубинѣ души вѣрнымъ имѣетъ Бога и себя вѣрною Ему всегда и во всемъ представлять полагаетъ. Любовь, Божію отеческую къ себѣ любовь ощущая, своею къ Нему любовію пламенѣетъ, обнимая ею и

всѣхъ носящихъ образъ Божій. Терпѣніе—плодъ вѣры и любви, напаяемый упованіемъ и зрѣющій подъ дѣйствіемъ его, или въ его атмосферѣ, и еще вѣрнѣе, въ его теплицѣ. Оно на себѣ держитъ и несетъ и дѣло вѣры и трудъ любви; наипаче же благодушно переноситъ все встрѣчаемое изъ-за нихъ, — притрудное, тѣсное, скорбное, наводящее бѣды, страданія и смерть. Эти три — верхъ совершенства жизни по Богу, во Христѣ Іисусѣ, благодатію Св. Духа,—совершенства, коимъ преукрашаться кому болѣе естественно, какъ не старцамъ?

Бл. Іеронимъ при толкованіи сего мѣста счелъ не излишнимъ пространно поговорить о сихъ добродѣтеляхъ. „Которые возымѣютъ здравость вѣры, тѣ услышатъ отъ Спасителя: *вѣра твоя спасе тя* (Мар. 10, 52),—или какъ въ другомъ мѣстѣ: *ни во Израили толики вѣры обрѣтохъ* (Мѳ. 8, 10). За такую здравость вѣры они содѣлаются сынами Авраама, о коемъ написано: *вѣрова Авраамъ Богови и вмѣнися ему въ правду* (Быт. 15, 6). И Аввакумъ, понимая о сей здравой вѣрѣ, говоритъ: *праведный отъ вѣры живъ будетъ* (Аввак. 2, 4). Перечитай посланіе Апостола Павла къ Евреямъ и перечисли весь помѣщенный тамъ каталогъ сыновъ вѣры. Тамъ написано: *вѣрою множайшую жертву Авель паче Каина принесе Богу* (— 11, 4); *вѣрою, Енохъ преложенъ бысть не видѣти смерти* (— — 5); и Ной, *о сихъ яже не у видѣ*, повѣривъ Богу, *сотвори ковчегъ*, и Авраамъ *изыде не вѣдый. камо грядетъ* (— — 7. 8). И чтобъ не подумалось, что Свящ. Писаніе не указываетъ ни одного примѣра вѣры среди женъ, пишется въ томъ посланіи, что и *Сарра силу во удержаніе сѣмене пріятъ и паче времене возраста роди, понеже вѣрна непщева Обѣтовавшаго* (— — 11). Похваляется тамъ вѣра Исаака, Іакова. Іосифа, Моисея, Раавы и другихъ, которыхъ

лучше познаешь, читая само посланіе. Но какъ есть здравость вѣры, такъ есть здравость и въ любви. Кто же обладаетъ здравостію любви, если не тотъ, кто возлюбилъ Бога всею душею своею, всѣмъ сердцемъ своимъ и всѣми силами своими? Потомъ, слыша заповѣдь Христову, и на ближняго обратитъ любовь; ибо на сихъ двухъ заповѣдяхъ весь законъ и пророки висятъ. Кто имѣетъ здравую любовь, тотъ не завидуетъ, не превозносится, не дѣйствуетъ безчинно и безчестно, не раздражается гнѣвомъ, не мыслитъ зла, не радуется о неправдѣ, радуется же объ истинѣ, все терпитъ, всему вѣру емлетъ, вся уповаетъ (1 Кор. 13, 4—7). Какъ любовь николиже отпадаетъ, то пребывающій въ здравой любви и самъ никогда не отпадаетъ. Его ни скорбь, ни тѣснота, ни гладъ, ни гоненіе, ни нагота, ни бѣда, не могутъ разлучить отъ здравой любви, какую имѣетъ онъ во Христѣ Іисусѣ. Но что я говорю о мечѣ и прочихъ меньшихъ вещахъ, не могущихъ разлучить обладающаго здравою любовію, когда ни смерть, ни животъ, ни ангелы, ни начала, ни силы, ни настоящая, ни грядущая, ни высота, ни глубина, ни ина кая тварь не могутъ разлучить того, кто имѣетъ здравую любовь во Христѣ Іисусѣ (Римл. 8, 35—39)? Уразумѣвши такимъ образомъ, что есть здравая любовь, возьмемъ для примѣра изъ Писанія и то, что говорится о тѣхъ, у коихъ не здрава любовь. Говоритъ Спаситель о послѣднихъ временахъ: *за умноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ* (Мѳ. 24, 12). Горяча любовь въ тѣхъ, кои горятъ духомъ; въ тѣхъ же, кои подпали вліянію жестокихъ вѣтровъ, дующихъ съ сѣвера, она холодна, какъ ледъ. *Отъ лица бо сѣвера возгорятся злая на всѣхъ обитающихъ на земли* (Іер. 1, 14). Этою хладностію любви окоченѣлъ нѣкогда и Амнонъ въ отношеніи къ Ѳамари сестрѣ своей (2 Цар.

13). Опасаться надобно, какъ бы и насъ иногда не преодолѣла подобная болѣзнь любви. Ибо случается, что у насъ любовь къ юницѣ, или какой либо женщинѣ сначала бываетъ свята; но потомъ, когда душа разнѣжится и разслабнетъ отъ страстности, здравая наша любовь мало-по-малу начинаетъ вянуть и переходитъ въ болѣзнь, а наконецъ приводитъ и на край пагубы. Почему Апостолъ и предписываетъ Тимоѳею строго внушать юнымъ, чтобъ всячески блюли себя въ чистотѣ (1 Тим. 5). Полная чистота бываетъ въ духѣ, душѣ и плоти: чтобъ не соблазнялось око, прильпнувъ въ красотѣ лица женскаго, чтобъ не услаждалось ухо слышаніемъ льстивыхъ рѣчей, и умъ, прежде крѣпкій, не разслабъ отъ такихъ прелестей. Итакъ да блюдутся, какъ юноши, такъ и старцы, какъ юницы, такъ и старицы, и со всякимъ тщаніемъ да хранятъ сердце свое, чтобъ вмѣсто здравости любви не привзошла болѣзнь любви, и вмѣсто любви святой не вкралась не святая, ввергающая въ геенну. — Кто здравъ въ вѣрѣ и здравъ въ любви, тотъ здравъ бываетъ и въ терпѣніи, — въ терпѣніи, наипаче испытываемомъ въ искушеніяхъ, кои *претерпѣвый до конца спасенъ будетъ* (Мѳ. 24, 13).“

Ст. 3. *Старицамъ такожде во украшеніи святолѣпнымъ, не клеветливымъ, не вину многу порабощеннымъ, доброучительнымъ, (4) да уцѣломудрятъ юныя.*

И подъ старицами разумѣетъ Апостолъ престарѣлыхъ женъ, какъ пишетъ бл. Ѳеодоритъ: „старицами наименовалъ Апостолъ преклонныхъ лѣтами, а не удостоившихся какого либо служенія (въ церкви,—не діакониссъ).“ Такъ разумѣютъ и всѣ наши; только Экуменій видитъ здѣсь діакониссъ. Его конечно имѣлъ въ виду и Ѳеофилактъ, когда, сказавъ, что Апостолъ говоритъ здѣсь о женахъ престарѣлыхъ лѣтами, присовокупилъ: „нѣ-

которые впрочемъ думаютъ, что здѣсь рѣчь о діакониссахъ."—Бл. Іеронимъ пишетъ: „хотя Апостолъ Петръ заповѣдуетъ, чтобъ мужи воздавали честь женамъ своимъ, *яко немощнѣйшему сосуду* (1 Пет. 3, 7), не должно однакожъ думать, что жена, имѣя немощный сосудъ тѣлесный, потому самому немощна и душею. Почему въ настоящемъ мѣстѣ предписывается имъ, чтобъ и въ нихъ исполнялось сказанное Апостоломъ: *сила — — въ немощахъ совершается* (2 Кор. 12, 9): ибо говорится, чтобъ и онѣ имѣли все то, что заповѣдано мужамъ — старцамъ; въ слѣдующихъ словахъ: *старицамъ такожде*, т.-е., чтобъ и онѣ такъ же, какъ мужи — старцы, были во всемъ честны, трезвенны, цѣломудренны, здравствующи вѣрою, любовію и терпѣніемъ, и притомъ, сообразно съ поломъ своимъ, ходили въ одѣяніи святолѣпномъ, или, какъ лучше говорится въ греческомъ: ἐν καταστήματι (поступи, позѣ) ἱεροπρεπεῖς, чтобъ и самая поступь ихъ и движеніе, взоръ и рѣчь представляли нѣкое священнолѣпное достоинство."

И дѣйствительно: *во украшеніи*, не обнимаетъ всего, что содержится въ греческомъ словѣ: ἐν καταστήματι. Это слово, какъ указываетъ блаж. Іеронимъ, обнимаетъ все внѣшнее—и осанку, и поступь, и взоръ, и рѣчь, и движеніе, вообще внѣшнее себя-держаніе, куда входитъ и одежда. Учи, говоритъ, чтобъ во всемъ этомъ онѣ были *святолѣпны*. Св. Златоустъ и говоритъ, что старицы „самою внѣшностію и одеждою должны показывать скромность." А бл. Ѳеодоритъ пишетъ, что имъ заповѣдуется здѣсь „благообразіе степеннаго поведенія." Священнолѣпность не указываетъ на церковный чинъ старицъ, а на качество ихъ внѣшняго себя-держанія, т.-е., чтобъ онѣ такъ себя держали, какъ будто въ церкви находятся, или какъ тѣ, которые

служать въ церкви, и скромно и благоговѣйно, чтобъ и вокругъ себя распространять благоговѣинство и степенность.

Не клеветливымъ быть учи также старицъ,—μὴ διαβόλους, чтобъ были чужды пересудовъ, наговоровъ, сплетенъ, и всякаго злорѣчія, кои всѣ суть часть діаволова, орудіе взаимной немирности, раздоровъ и браней, а нерѣдко и бѣдъ для оговариваемыхъ. Бл. Іеронимъ пишетъ: „поелику этотъ классъ женъ бываетъ обыкновенно болтливъ, по слову тогоже Апостола: *купно же праздны учатся обходити домы: не точію же праздны, но и блядивы* (болтливы) *и оплазивы* (любопытны), *глаголющія яже не подобаетъ* (1 Тим. 5, 13), то онъ и здѣсь желаетъ, чтобъ онѣ были неклеветливыми, т.-е., неосудительницами, не такими, которыя бы, въ угоду однимъ наговаривали на другихъ, или которыя бы, какъ уже миновавшія возрастъ юнотный, о юноткахъ такъ разсуждали и говорили: та такъ-то одѣвается, эта такъ-то выступаетъ, вонъ та съ такими-то знакома,—любитъ того-то, любима такимъ-то: тогда какъ,— хотя бы во всемъ этомъ было что и укорное, — имъ слѣдуетъ не столько предъ другими осуждать, сколько наединѣ въ духѣ любви Христовой исправлять,—учить паче, чтобъ не дѣлали, нежели публично осуждать, что сдѣлали.“

Не вину многу порабощеннымъ. Не употребленіе вина запрещаетъ, а предотвращаетъ злоупотребленіе имъ,— чтобъ не пили много и не пристращались къ вину. Употреблять вино въ старости, будто и естество требуетъ,—чтобъ поддерживать энергію и способствовать отправленіямъ питанія. Но употребленіе его излишнее тому и другому не помогаетъ, а вредитъ; и пристрастившійся къ сему скоро совсѣмъ себя разстроиваетъ, и тѣлесно и душевно. Ибо вино раздражаетъ похот-

ливость, и старыхъ заставляетъ безобразничать въ семъ состояніи паче юныхъ. Св. Златоустъ говоритъ: „этотъ недостатокъ (винопитіе) свойственъ старости: ибо съ лѣтами человѣкъ охлаждается, и отъ того происходитъ сильное расположеніе къ вину. Посему Апостолъ особенно предостерегаетъ ихъ отъ этого, всячески истребляя пьянство и желая, чтобы они были свободны отъ сей болѣзни и избѣгали происходящаго отъ нея посрамленія. Съ теченіемъ времени легче поднимаются испаренія снизу вверхъ и мозговыя перепонки повреждаются отъ старости; отсюда особенно и происходитъ склонность къ пьянству. Правда, этотъ возрастъ (старость) особенно имѣетъ нужду въ винѣ, — ибо онъ слабъ, — но имѣетъ нужду не въ большомъ количествѣ, равно какъ и молодицы, не по той же причинѣ, но потому что у нихъ сильно воспламеняется огонь пожеланій.“ Продолжимъ это наставленіе словами бл. Іеронима: „излишнее употребленіе вина запрещается старицамъ, потому что нетрезвость тоже производитъ въ старыхъ, что въ юныхъ производитъ похоть. Послѣ же сего какъ старица станетъ учить юницъ чистотѣ, когда юница, если начнетъ подражать старицѣ въ винопитіи, чистою себя сохранить едва ли можетъ?“

Доброучительнымъ, — чтобъ и примѣромъ и словомъ учили всякому добру. Старость многоопытная, по естественному порядку, есть руководительница младости. Но какъ въ житейскомъ быту, только занимавшіеся сими дѣлами и разумно въ нихъ дѣйствовавшіе могутъ руководить младшихъ: такъ тѣмъ паче въ порядкѣ религіозно-нравственномъ, только сами усердно и разумно его проходившіе могутъ наставлять въ жизни сего рода. Почему Апостолъ и поставилъ сіе дѣло старости послѣ того, какъ украсилъ ее многими добрыми качествами. И дѣйствительно, если старицы бу-

дутъ имѣть все доселѣ указанное, то естественно явятся доброучительными, однимъ примѣромъ, еслибъ даже недоставало слова, которому впрочемъ нельзя недоставать, потому что указанія въ семъ порядкѣ жизни не требуютъ многословія. Старость многоопытная и въ простой бесѣдѣ, безъ особаго напряженія, многому учитъ. И молодость, желающая научаться, сама собою прилѣпляется къ ней, и усердно внимаетъ. Бл. Іеронимъ и пишетъ: „послѣ того какъ научилъ, какими должны быть старицы, теперь позволяетъ имъ взять и бразды ученія, чтобъ сдѣлавшись именно таковыми, онѣ имѣли дерзновеніе и смѣлость учить и другихъ женъ младшихъ всякому добру.“ Св. Златоустъ возражаетъ: „какъ же учить ты запрещаешь женамъ? Здѣсь дозволяешь, а въ другомъ мѣстѣ говоришь: *женѣ учити не позволяю* (1 Тим. 2, 12)?“ И отвѣчаетъ: „но послушай, что онъ тамъ прибавилъ къ сему: *ниже владѣти мужемъ*. Мужамъ свыше предоставлено учить какъ мужей, такъ и женъ; а женамъ онъ позволяетъ предлагать увѣщанія дома, а отнюдь не предсѣдательствовать (въ церкви), или вести продолжительную рѣчь.“ „Тамъ онъ говоритъ о публичномъ ученіи въ церкви, которое женамъ не дозволяется, а здѣсь объ ученіи домашнемъ, притомъ только женъ младшихъ, какъ показываютъ слѣдующія слова“ (блаж. Ѳеоф.).

Да уцѣломудрятъ юныя. Уцѣломудрятъ,— не да цѣломудрыми научаютъ быть, — объ этомъ ниже есть особое слово,—но да умудряютъ,—σωφρονίζωσι,—да преподаютъ имъ мудрость христіанскаго житія. „Видишь ли, говоритъ св. Златоустъ, какъ онъ соглашаетъ и соединяетъ людей, какъ подчиняетъ младшихъ старшимъ? Ибо не о дочеряхъ онъ говоритъ, но вообще о юныхъ по возрасту. Каждая старшая, говоритъ, пусть вразумляетъ младшую.“ Вотъ Апостольское указаніе,

что пастырямъ и можно и должно заводить среди пасомыхъ взаимно-обученіе, и особенно относительно женъ: ибо не всегда удобно вести бесѣды съ женами, и наипаче юными.

б) *Въ чемъ добронравіе молодицъ и юношей*, ст. 4—6.

Ст. 4. 5. *Да уцѣломудрятъ юныя, мужелюбицамъ быти, чадолюбицамъ, цѣломудреннымъ, чистымъ, домы добрѣ правящимъ, благимъ, покоряющимся своимъ мужемъ, да не слово Божіе хулится.*

Пишетъ Апостолъ правила пастырю, чему и какъ учить пасомыхъ, и часть сего труда слагаетъ на старицъ, именно въ дѣлѣ наученія юнѣйшихъ женъ. Но старицы обязуются учить по наученію и указанію пастыря. Слѣдовательно источникъ наученія все же одинъ—законопоставленный пастырь; старицы только орудія. И блюстительство за юнѣйшими не снимается съ пастыря, а только облегчается. Чему же учить молодыхъ женъ?

Мужелюбицамъ быти. „Это важнѣйшее изъ домашнихъ благъ,—*жена и мужъ между собою согласны*, какъ говоритъ Премудрый (Сир. 25, 2). Когда есть это, тогда не будетъ ничего непріятнаго. Ибо когда глава въ союзѣ съ тѣломъ и нѣтъ между ними никакого раздѣленія, то какимъ образомъ и все прочее не будетъ въ согласіи? Когда главные члены въ мирѣ, то кто можетъ нарушить и возмутить этотъ миръ? Напротивъ, если они находятся въ худыхъ между собою отношеніяхъ, то въ домѣ не будетъ ничего порядочнаго. Нѣтъ ничего лучше взаимнаго ихъ согласія; оно полезнѣе богатства, благородства, власти и всего другаго. Не просто сказалъ Апостолъ: должны быть въ мирѣ, но—*любить мужей*. Ибо когда будетъ между ними любовь, то не проникнетъ къ нимъ никакое разногласіе; отъ ней раждаются и прочія блага“ (св. Злат.).

Дѣтолюбицамъ. Значитъ подъ *юными* разумѣетъ Апостолъ не дѣвицъ, а молодыхъ женъ, такихъ однакожъ, у которыхъ есть уже и дѣти. Дѣтолюбіе естественно матерямъ, какъ и отцамъ. Если напоминается о немъ, то не столько ради того, чтобъ внушить дѣтолюбіе, сколько для того, чтобъ привесть на мысль качество онаго: ибо не всякая любовь къ дѣтямъ есть истинная любовь. Бл. Іеронимъ и пишетъ: „дѣтей же такъ да любятъ, чтобъ утверждать ихъ въ наученіи Божественномъ. Не хотѣть опечаливать дѣтей, научая ихъ тому, что добро, и оставлять имъ свободу грѣшить, не значитъ любить дѣтей, а паче ненавидѣть."

Ст. 5. *Цѣломудреннымъ,* — цѣломудріемъ супружескимъ, по которому даже удовольствія брачнаго ложа почитаютъ не главнымъ дѣломъ супружества, но придѣлкомъ, вызываемымъ необходимостію естества, а не только не позволяютъ себѣ подобныя удовольствія помимо сего ложа. Бл. Іеронимъ пишетъ: „Апостолъ хочетъ, чтобъ онѣ любили мужей своихъ чисто, хочетъ, чтобъ между мужемъ и женою было нѣкое стыдливое и скромное любленіе, и жены со стыдѣніемъ, какъ-бы по необходимости пола, воздавали паче мужамъ должное, нежели сами отъ нихъ того требовали, и вѣровали, что и самое дѣло дѣторожденія совершаютъ предъ лицемъ Бога и Ангеловъ."

Чистыми. Это или однозначительно съ цѣломудріемъ, или цѣломудріе означаетъ вѣрность супружескую и воздержное употребленіе удовольствій брачнаго ложа; а чистота, чтобъ и сердце держать сколько можно отрѣшеннымъ отъ сихъ сластей, и паче не позволять себѣ увлекаться любовію къ стороннимъ лицамъ. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „жена, любящая мужа, и цѣломудренна будетъ и непорочна, т.-е., тѣломъ и сердцемъ чиста и отъ смѣшенія съ сторонними и отъ похотливаго любленія ихъ."

Домы добрѣ правящимъ. При любви къ мужу и дѣтямъ на женѣ лежитъ хозяйство и всѣ дѣла по дому. Тутъ и труда не мало требуется, паче же благоразумія и усердія. Но когда есть сказанная любовь, то она всему научитъ жену. Св. Златоустъ говоритъ: „все доброе происходитъ отъ любви; и добрыми и попечительными о домѣ жены бываютъ отъ любви и привязанности къ мужу. Напротивъ жена, презирающая мужа, нерадитъ и о домѣ. Отъ любви происходитъ постоянное цѣломудріе, отъ любви уничтожается всякій раздоръ; если мужъ будетъ язычникъ, то онъ скоро обратится; если – христіанинъ, то будетъ лучше. Видишь ли снисхожденіе Павла? Тотъ, кто всячески старался отклонить насъ отъ заботъ житейскихъ, теперь оказываетъ великое попеченіе о дѣлахъ домашнихъ. Ибо когда эти дѣла будутъ управляемы хорошо, тогда и духовныя найдутъ себѣ мѣсто, а иначе и они разстроятся. Жена, попечительная о домѣ, будетъ и цѣломудренною; жена, попечительная о домѣ, будетъ и бережливою; она не станетъ допускать ни роскоши, ни безвременныхъ расходовъ, ни чего нибудь другаго подобнаго.“

Благимъ. Когда любятъ мужей и дѣтей, то ужъ и благи къ нимъ. Но возможно, что вдавшись слишкомъ въ попеченіе о хозяйствѣ, онѣ пристрастятся къ вещамъ житейскимъ и впадутъ въ скупость, лишающую должнаго членовъ семьи. Въ семьѣ сверхъ того бываютъ слуги, и иная хозяйка изъ попечительности о домѣ не бываетъ къ нимъ блага. И еще, — кромѣ удовлетворенія потребностей лицъ семьи, нельзя оставлять безъ вниманія и стороннихъ — нуждающихся. Такъ, чтобъ попечительныя хозяйки не сдѣлались, по сему самому, скупыми, жестокими къ слугамъ, немилосердыми къ нуждающимся, Апостолъ повелѣваетъ

имъ при попеченіи о домѣ, быть и благими. Иные и читаютъ такъ: οικουρους αγαθας—быть добрыми хозяйками, — не раздѣляя запятою сихъ словъ. Бл. Іеронимъ пишетъ: „учить надо юныхъ женъ, чтобъ имѣли попеченіе о домѣ. Но какъ могло бы случиться, что иныя стали бы исправлять это попеченіе съ жестокостію, и по поводу заповѣди Апостола, иная хозяйка явилась бы немилосердою къ слугамъ, то Апостолъ присовокупилъ: *благимъ*, чтобъ жены-хозяйки тогда почитали себя добрѣ правящими домы, когда благостно относятся къ слугамъ, а не съ жесткостію, пораждающею страхъ."

Покоряющимся своимъ мужемъ. Покорность женъ мужьямъ есть первоначальное Божіе присужденіе, которое естественно исполняется, такъ что отступленіе отъ него есть исключеніе изъ общаго естественнаго порядка дѣлъ. Апостолъ выставляетъ его, „чтобъ христіанскія жены, по какимъ либо побужденіямъ, не забыли о семъ Божіемъ опредѣленіи, подчиняющемъ ихъ мужьямъ. Богъ сказалъ женѣ: *къ мужу твоему обращеніе твое и той тобою обладати будетъ* (Быт. 3, 16). Не мужу сказалъ Господь: ты будешь обладать женою, но самой женѣ; чтобъ за нею оставалась и награда за покорность, если, самоохотно покоряясь заповѣди Божіей, самоохотно будетъ служить мужу и супругу своему покаряться; такъ что это подчиненіе свободно и исполнено любви, по коей покоряются во всемъ мужу, боясь оскорбить его. Не мужъ созданъ жены ради, а жена мужа ради. И какъ глава жены—мужъ, глава же мужа—Христосъ; то жена, не покоряющаяся мужу своему, т.-е. главѣ своей, такою же виною виновна, какою мужъ, не покоряющійся Христу—Главѣ своей" (бл. Іерон.).

Но Апостолъ для христіанскихъ женъ особое вы-

ставляетъ побужденіе къ покорности мужьямъ,—именно: *да не слово Божіе хулится.* Если прежде покорная жена, ставъ христіанкою, сдѣлается непокорною, то этимъ подастъ мужу справедливый предлогъ — хулить слово Божіе — или Евангеліе: какое это Божіе слово, или какая вѣра, что женъ учитъ не покоряться мужамъ?!—И будетъ ущербъ Евангелію и вѣрѣ. Чтобъ этого не случилось, Апостолъ, кромѣ того общаго Божія опредѣленія — женамъ состоять въ покорности мужьямъ, побуждаетъ ихъ къ тому и опасностію повредить слову Божію. Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „видишь ли, что онъ преимущественно заботится о проповѣди, а не о мірскихъ дѣлахъ? Такъ и (о покорности властямъ) въ посланіи къ Тимоѳею онъ говоритъ: *да тихое и безмолвное житіе поживетъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тим. 2, 2); и здѣсь: *да не слово Божіе хулится.* Если вѣрующая жена, живущая съ невѣрующимъ мужемъ, не добродѣтельна, то обыкновенно произносится хула на Бога; если же она живетъ честно, то проповѣдь пріобрѣтаетъ славу отъ ней и добрыхъ дѣлъ ея. Пусть выслушаютъ это жены, живущія съ злыми, или невѣрными мужьями, пусть выслушаютъ и научатся своимъ обращеніемъ привлекать ихъ къ благочестію. Если ты и не пріобрѣтешь никакой другой пользы, если и не привлечешь мужа къ общенію въ правыхъ догматахъ, то по крайней мѣрѣ заградишь ему уста и не допустишь хулить христіанство. А это не маловажное, но великое дѣло,— чтобы наше ученіе было уважаемо за наше поведеніе.“ Тоже пишетъ и Амвросіастъ: жены да будутъ благопокорливы мужьямъ, „чтобъ мужья, если они невѣрны, радовались паче тому, что онѣ стали христіанками, а не хулили имя Божіе, видя, что онѣ охотнѣе имъ повинуются, боясь оскорбить Бога, по внушенію

своей вѣры.“ Не было ли и такихъ случаевъ, „что иныя подъ предлогомъ благочестія оставляли мужей, и это навлекало хулу на проповѣдь,“ какъ догадывается бл. Ѳеодоритъ?

Ст. 6. *Юноши такожде моли цѣломудрствовати.*

Юношамъ только цѣломудріе внушать заповѣдуетъ. Это потому, что другія страсти почти не безпокоятъ ихъ: одна противная цѣломудрію господствуетъ въ нихъ. Потому, коль скоро устоятъ противъ ней, о другихъ и говорить нечего. Ктому же цѣломудріе, разумѣется и душею и тѣломъ,—есть такая добродѣтель, съ которою въ существенной связи состоятъ и всѣ другія. Цѣломудренный и страхъ Божій имѣетъ, и воздерженъ, и внимателенъ ко всему, и чуждъ всякихъ увлеченій, и степененъ, и во всемъ исправенъ. Потому пастырь, убѣждая быть цѣломудренными, и не говоря говорить будетъ, чтобъ украшались и всѣми добродѣтелями. Бл. Іеронимъ и здѣсь *такожде* относитъ ко всему предыдущему. Въ отношеніи къ старицамъ *такожде* (ст. 3) онъ понималъ: какъ старцы; а въ отношеніи къ юношамъ понимаетъ: какъ тѣ и другія. Что же собственно юношей касается, это все обнимаетъ однимъ словомъ: *цѣломудрствовати*, — „и душею и тѣломъ, и дѣломъ и мыслію, чтобъ ни на какого юношу не падало подозрѣніе въ грѣхѣ плотской нечистоты.“ Амвросіастъ прибавляетъ къ сему: „какъ юности свойственна неудержимость, и она скора на паденіе; потому заповѣдуется удерживать ее спасительными держалами, чтобъ, обуздана бывая Божественными законами, она правымъ путемъ шествовала.“ Приложимъ и слова св. Златоуста: „видишь, какъ онъ вездѣ внушаетъ соблюдать должное. Наставленіе женщинъ онъ предоставилъ преимущественно женщинамъ, поручивъ старшимъ младшихъ; а все дѣло наставленія

мужей поручаетъ и предоставляетъ самому (Титу). Ничто, поистинѣ ничто не бываетъ такъ трудно и тяжело для молодаго возраста, какъ преодолѣвать постыдныя удовольствія. Не столько любовь къ деньгамъ, или желаніе славы, или что нибудь другое смущаетъ этотъ возрастъ, сколько сладострастіе. Посему Апостолъ, оставивъ все прочее, и направляетъ свое увѣщаніе противъ этой опасной болѣзни.

Моли, говоритъ,—уговаривай, убѣждай; ибо здѣсь ни строгость заповѣди, ни страхъ власти не сильны оказывать вліяніе. Скорѣе подѣйствуетъ отеческое увѣщаніе, прививая къ сердцу, словами любви, убѣжденія могущія возбуждать и напрягать энергію воли на противленіе возстающимъ плотскимъ влеченіямъ.

в) *Напоминаніе, чтобъ учащій самъ во всемъ былъ образцовымъ,*—2, 7. 8.

Учи, говоритъ; но конечно не затѣмъ, чтобъ только знали, а наипаче для того, чтобъ и жили сообразно съ ученіемъ. Какъ въ семъ отношеніи самое лучшее побужденіе и указаніе есть примѣръ учащаго, то Апостолъ и прилагаетъ:

Ст. 7. 8. *О всемъ же самъ себе подавая образъ добрыхъ дѣлъ, во ученіи независтное, честность, нетлѣніе, слово здравое, незазорное: да противный посрамится, ничтоже имѣя глаголати о насъ укорно.*

Двѣ образцовости представлять въ себѣ заповѣдуетъ Апостолъ св. Титу: образцовость въ жизни, и образцовость въ учительствѣ; такъ что все сказанное можно выразить коротко такъ: но главное, будь самъ образцемъ во всемъ,—и въ жизни и въ учительствѣ.

Образцовость въ жизни являема бываетъ богатствомъ добрыхъ дѣлъ: самъ себя представляй образцемъ добрыхъ

дѣлъ. „Пусть, говоритъ, старшія женщины научаютъ младшихъ, а самъ ты поучай молодыхъ людей цѣломудрію; для всѣхъ же пусть будетъ общимъ училищемъ и образцемъ добродѣтели твоя свѣтлая жизнь, открытая всѣмъ, какъ-бы какое первоначальное изображеніе, заключающее въ себѣ всѣ добродѣтели и легко представляющее примѣры для всѣхъ, желающихъ научиться чему либо доброму“ (св. Злат.). „Образцемъ предлагаемыхъ тобою ученій да будетъ жизнь; потому что слово, свидѣтельствуемое дѣлами, дѣлается достойнымъ вѣроятія“ (Ѳеод.). „Какъ должно дѣлать то, чему учитъ слово, пусть показываетъ примѣръ жизни“ (Амвр.). „Для учащаго никакой нѣтъ пользы—стяжать навыкъ въ наученіи и натереть языкъ въ говореніи, если онъ не будетъ учить болѣе примѣромъ, чѣмъ словомъ. Если нецѣломудренный станетъ убѣждать слушателей къ цѣломудрію, слово его будетъ слабо и бездѣйственно, какъ бы ни былъ онъ краснорѣчивъ. Напротивъ если онъ самъ чистъ и цѣломудренъ, то хотя бы онъ былъ невѣжда въ словѣ и косенъ глаголати, примѣромъ своимъ побудитъ ихъ къ преспѣянію въ сей добродѣтели чрезъ подражаніе ему“ (Іерон.).

Образцовость въ учительствѣ представлять учитъ Апостолъ и расположеніями, съ какими слѣдуетъ преподавать ученіе, и содержаніемъ его.

Образцовыя расположенія въ дѣлѣ ученія опредѣляются словами: *независтное, честность, нетлѣніе.*—*Независтное, ἀδιαφθορίαν*, у иныхъ—*ἀφθορίαν*, у нѣкоторыхъ,—*ἀφθονίαν*. Послѣднее дало поводъ перевесть по-славянски—*независтное*. Независтный, напримѣръ, источникъ значитъ—для всѣхъ достаточный, ни для кого не закрытый, бери всякій и сколько хочешь. Независтность въ ученіи будетъ—всѣмъ и все преподать. не такъ, чтобъ одно преподать, а другое удержать.

или однимъ преподать все, а другимъ часть,—а всѣмъ все, подражая святому Павлу, который Ефесянамъ говорилъ, что необинуясь преподалъ имъ всю волю Божію. Въ этомъ значеніи независтность будетъ тоже, что *цѣлость*, какъ значится и въ славянскомъ подъ чертою, т.-е. для цѣлаго общества, и цѣлый корпусъ ученія преподавай. Ибо διαφθείρειν одежду, напримѣръ, значитъ—разодрать на части. Всячески слову ἀδιαφθορίαν надо давать особое значеніе, отличное отъ ἀφθαρσίαν—которое стоитъ чрезъ слово. Лучше всего положить, что Апостолъ внушаетъ: въ ученіи преподавай всѣмъ все, являй себя полнымъ источникомъ ученія, преизливающимся, жаждущимъ подѣлиться со всѣми, чѣмъ полно сердце, отъ преизбытка коего и уста говорятъ, какъ и Спаситель сказалъ объ учителяхъ: *всякъ книжникъ научився царствію небесному, подобенъ есть человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая* и *ветхая* (Мѳ. 13, 52). И не преимущественно ли надо видѣть здѣсь указаніе на эту жажду ученія, или неудержимое желаніе изливаться въ словѣ отъ полноты вѣдѣнія Божія, полнымъ сердцемъ содержимаго и любимаго?

Честность,—σεμνότητα,—въ ученіи являетъ учитель, когда преподаетъ ученіе благоговѣйно, какъ-бы предъ Богомъ во Христѣ глаголя, и почтительно къ слушающимъ, обращая къ нимъ слово не какъ начальникъ къ подчиненнымъ, а какъ доброжелательный отецъ къ дѣтямъ (Экум.), съ кротостію и любовію. Это требуетъ, чтобы въ самомъ образѣ выраженій рѣчь поучающая соблюдала строгую важность сообразно съ предметомъ, при всей простотѣ, требуемой необходимостію приспособляться къ понятіямъ слушающихъ,—чтобъ не было ни напыщенности, ни низости и пошлости, ни шуточныхъ оборотовъ, ни утонченности, обычной въ суетныхъ

мудрованіяхъ, или,—какъ пишетъ бл. Θеофилактъ,—„чтобъ не было ничего юношескаго, могущаго разсѣять неразумныхъ и подвигнуть на смѣхъ, но чтобъ все было благочестно, важно и достойно Бога.“

Нетлѣніе въ ученіи прямо подаетъ ту мысль, что въ немъ не должны быть допускаемы не только ложь, но и суемудрыя предположенія, растлѣвающія слово истины. Но какъ эта мысль содержится въ слѣдующихъ словахъ: *слово здравое и незазорное*, то здѣсь подъ нетлѣніемъ лучше разумѣть нерастлѣнное, неповрежденное страстями—расположеніе духа, съ какимъ надлежитъ преподавать ученіе, чтобъ не было при семъ ни тщеславія, ни сквернoприбыточества, ни другихъ какихъ земныхъ побужденій.

Ст. 8. Образцовое содержаніе ученія опредѣляютъ слова: *слово здравое, незазорное*,—Слово *здравое* есть, которое назидаетъ, да *здравствуютъ* слушающіе *въ вѣрѣ* и твердыми пребываютъ *въ здравомъ ученіи* (Тит. 1, 13. 9). Какъ тѣло здоровое есть то, которое, будучи неповрежденно ни въ какой части, живетъ полною, свойственною ему жизнію, такъ и слово учительное здравое есть то, которое предлагаетъ ученіе, неповрежденное ни въ какой части и содержащее все, что предназначено ему содержать, по намѣренію Того, Кто низпослалъ на землю сіе слово истины. Такое слово и насаждаетъ, и напаяетъ, и возращаетъ вѣру здравую и ученіе здравое, догматическое (Экум.). Слово незазорное,—ακαταγνωςον,—то, котораго ни въ чемъ укорить нельзя, которое исправно во всѣхъ отношеніяхъ, и имѣетъ все, что имѣть ему слѣдуетъ, по предложеннымъ выше требованіямъ отъ него. „Слово здравое и незазорное есть слово православное, не содержащее ничего укорнаго“ (Θеоф.).

Эту безукоризненность слова можно почесть чертою,

совмѣщающею въ себѣ всѣ, требуемыя отъ него совершенства, объ украшеніи коими слова должно простирать ревность до того, чтобъ даже врагъ, *противный*,—зорко слѣдящій за нимъ и злобно подсматривающій, чтобъ открыть въ немъ что либо худое, остался посрамленнымъ въ семъ покушеніи, *ничтоже имѣя глаголати о насъ укорное*. Св. Златоустъ говоритъ: „противнымъ Апостолъ называетъ діавола и всякаго, кто ему служитъ. Когда и жизнь (учителя) свѣтла, и ученіе соотвѣтствуетъ ей, когда оно скромно, кротко, снисходительно и не подаетъ противникамъ никакого повода къ осужденію, то бываетъ великая и неизреченная польза. Посему весьма нужно служеніе слова, слова не какого-нибудь, но искуснаго и безукоризненнаго, которое не подавало бы никакого повода къ нареканію желающимъ этого.“ Блаж. Іеронимъ прилагаетъ такое поясненіе: „требуя слова незазорнаго, Апостолъ не того хочетъ, чтобъ учитель такъ являлъ себя искуснымъ въ словѣ и такъ мудрымъ въ жизни, чтобъ ни отъ кого не терпѣлъ укора (были укоряемы и Апостолы и Евангелисты отъ еретиковъ и язычниковъ), но того, чтобъ онъ ничего не говорилъ и не дѣлалъ достойнаго порицанія и укоренія, хотя бы враги тщательно старались найти въ немъ что-либо такое,—хочетъ, чтобъ враги, святостію жизни и ученія будучи поражены, смѣлости не имѣли осуждать, или сплетать что-либо правдоподобное къ укоренію. Примѣръ сему показалъ самъ Апостолъ, ибо говоритъ о своемъ образѣ дѣйствованія: *да отсѣку вину хотящимъ вины* (2 Кор. 11, 12).“

г) *Въ чемъ добронравіе рабовъ*, ст. 9. 10.

Ст. 9. 10. *Рабы, своимъ господемъ повиноватися, во всемъ благоугоднымъ быти, не прекословнымъ, не краду-*

щимъ, но вѣру всяку являющимъ благу: да ученіе Спасителя нашего Бога украшаютъ во всемъ.

Рабовъ учи. Господъ пропускаетъ, можетъ быть потому, что вообще не полную пишетъ программу, кого чему и какъ учить, а можетъ быть и потому, что господа и сами могли легко уразумѣть, какого образа дѣйствованія относительно рабовъ должно имъ держаться и удобно то исполнять; рабы же, получивъ и восчувствовавъ великія свои духовныя преимущества во Христѣ Іисусѣ, могли легко увлечься и подумать, что они прочее свободны отъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ господамъ. Апостолъ и напоминаетъ Титу, чтобъ онъ предотвращалъ это уклоненіе рабовъ отъ праваго пути, предполагая, можетъ быть, какъ бы Титъ не подумалъ, что рабовъ можно оставлять и безъ всякаго особаго назиданія. Бл. Іеронимъ пишетъ: „такъ какъ Господь и Спаситель нашъ, Который говоритъ въ Евангеліи: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи и Азъ упокою васъ* (Мѳ. 11, 28), никакого состоянія, возраста и пола не устраняетъ отъ блаженства; то Апостолъ предписываетъ заповѣди и для рабовъ, т.-е. какъ членовъ тѣла Христова и части Церкви Его; и какъ выше показалъ, чему Титъ долженъ учить старцевъ и старицъ, молодицъ и юношей, такъ теперь показываетъ, какія заповѣди пригожи для рабовъ.“

Учи, говоритъ, рабовъ, во первыхъ *повиноватися господемъ своимъ*,—это главное; потому что если это есть, трудно прорваться чему либо другому, несообразному съ правымъ образомъ дѣйствованія рабовъ: развѣ, можетъ быть, привзойдетъ какая неправость въ духѣ повиновенія. Почему св. Златоустъ говоритъ при семъ словѣ: „справедливо Апостолъ учитъ въ другомъ мѣстѣ: *служаще, якоже Господу, а не яко человѣкомъ* (Еф.

6, 7). Ибо хотя ты и служишь господину, но можетъ быть основаніемъ этому служитъ страхъ (человѣческій, что отнимаетъ цѣну у твоего служенія). Но кто служитъ со страхомъ Божіимъ, тотъ получитъ великую награду."

Во всемъ бл. Іеронимъ относитъ къ *повиноватися*. „Во первыхъ учи, говоритъ Апостолъ, чтобъ рабы повиновались господамъ своимъ во всемъ. Впрочемъ, въ томъ во всемъ, что не противно Богу: т.-е. если господинъ повелѣваетъ то, что не противно Свящ. Писанію, то чтобъ повиновался рабъ господину; если же приказываетъ что противное ему, то чтобъ повиновался паче Господу духа, чѣмъ господину тѣла. Внимай, сколь сообразныя съ лицами даетъ Апостолъ заповѣди!" Бл. Ѳеодоритъ, не указывая, къ чему относить это слово, опредѣляетъ только его относительный смыслъ: „сказано: *во всемъ*, то-есть относящемся къ оказанію тѣлесныхъ услугъ господамъ, ибо если господинъ велитъ нечествовать, то это не обязываетъ раба повиноваться."—Но обыкновенно *во всемъ* относится къ слѣдующему слову—

Благоугоднымъ быти,—*εὐαρέστους εἶναι*, не угодливыми, а такими, чтобъ господамъ благоугодно было и пріятно имѣть ихъ, чтобъ имѣніе такихъ слугъ доставляло имъ удовольствіе, по причинѣ ихъ послушности, разумной исполнительности и всегдашней вѣрности, ради коихъ на нихъ можно во всемъ полагаться и быть насчетъ ихъ совершенно покойными. Но бл. Іеронимъ находитъ возможнымъ въ словѣ—*благоугоднымъ быти*—видѣть и ту мысль, чтобъ слуги угоднымъ себѣ находили быть слугами, довольствовались своимъ положеніемъ. Онъ пишетъ: „это слово, хоть не вполнѣ, но отчасти можемъ мы такъ истолковать: чтобъ довольны были, т.-е., чтобъ не казалось имъ, что Богъ неправъ, присудивъ имъ такое состояніе. Но какъ

бѣдный по мѣрѣ своей можетъ спастися, какъ женщина при слабости пола своего не исключается изъ царства Божія и всякое состояніе по чину своему можетъ получить блаженство, такъ и рабы пусть довольствуются тѣмъ, что рабы суть, и не думаютъ, что не могутъ уже служить Богу, по той причинѣ, что подчинены людямъ, но вѣруютъ, что пребывая во всемъ покорными господамъ своимъ и довольствуясь своимъ положеніемъ, они волѣ Божіей благоугождаютъ, и тѣмъ спасаются.“

Не прекословнымъ, — чтобъ не прекословили, не по лучшему разумѣнію дѣла, но по одной сварливости и ропотливости, когда почасту и дѣлаютъ и ворчатъ. „Самый большой въ рабахъ порокъ, пишетъ бл. Іеронимъ, — поперечить господамъ и ворчать съ собою, когда они что приказываютъ. Апостолъ и велитъ Титу, здравымъ ученіемъ отклонять отъ такой неисправности рабовъ изъ христіанъ. Ибо если рабу нельзя ужъ не исполнять того, что повелѣваетъ господинъ, то почему не дѣлать ему этого съ добрымъ изволеніемъ? Прекословіемъ своимъ онъ господина оскорбляетъ, а что приказано, все же не можетъ не сдѣлать.“

10. *Не крадущимъ*, μὴ νοσφιζομένους, — не отъособляющими что изъ господскаго и не отдѣляющими тайкомъ въ свою пользу или на свою долю. Разумѣется такое присвоеніе себѣ господскаго добра, которое не бросается въ глаза, дѣлается тайкомъ и такъ, что слѣдовъ невидно; запрещается хитрое искусство поживляться господскимъ добромъ, состоя между тѣмъ у господъ на добромъ счету.

Но вѣру всяку являющимъ благу.—*Вѣру всяку*—всякую вѣрность: вѣрность *благу*—съ добрымъ изволеніемъ, съ добрыми цѣлями, въ добрыхъ дѣлахъ и на добро: чтобъ не казаться только вѣрными, но въ на-

строеніи сердечномъ быть такими. „Видишь, что требуетъ отъ рабовъ? То, что паче всего успокоиваетъ господъ, именно чтобъ не прекословили, не крали, но были вѣрны во всемъ“ (Θеоф.).

Да ученіе Спасителя нашего Бога украшаютъ во всемъ. „Такими, говоритъ, добрыми дѣлами да украшаютъ слуги ученіе Господа нашего. Тогда господа не только не станутъ запрещать вѣровать, но даже рады будутъ тому, видя, что вѣра и для нихъ самихъ оказывается полезною“ (Амвр.). Напротивъ „если рабъ не воздерживаетъ своей руки и не обуздываетъ языка, то по какому поводу язычники будутъ удивляться нашему ученію? Если же они увидятъ раба любомудрствующимъ во Христѣ, показывающимъ большее воздержаніе, нежели ихъ философы, и служащимъ съ великою готовностію и усердіемъ, то несомнѣнно будутъ удивляться силѣ проповѣди. Ибо язычники судятъ о догматахъ не по ученію, а по дѣламъ и жизни. Итакъ пусть будутъ для нихъ учителями и жены и рабы — своимъ поведеніемъ. И у нихъ и вездѣ признается, что рабы вообще грубы, необразованны, упорны, мало способны къ добродѣтели, — не отъ природы, — нѣтъ, но отъ воспитанія и нерадѣнія объ нихъ господъ ихъ.—Итакъ, когда язычники увидятъ, что сила проповѣди, обуздавъ этотъ грубый родъ людей, сдѣлала ихъ честнѣйшими и скромнѣйшими изъ всѣхъ, то хотя бы господа были самые безразсудные изъ людей, они получатъ высокое понятіе о нашихъ догматахъ. И чѣмъ болѣе злы были прежде такіе люди (рабы), тѣмъ болѣе (господа) будутъ удивляться силѣ проповѣди. Такъ и врачу мы удивляемся тогда, когда человѣка отчаяннаго, не принимающаго никакой пищи, онъ исцѣлитъ и исправитъ“ (св. Злат.).

д) *Внушеніе, что за тѣмъ и все домостроительство спасенія во Христѣ Іисусѣ, чтобъ вѣрующіе дѣлались ревнителями добрыхъ дѣлъ,*—11—15.

Ст. 11. *Явися бо благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ.*

Прочитавши все доселѣ сказанное Апостоломъ, иной могъ спросить, чего ради такъ много заботиться о рабахъ, когда объ нихъ мало кто думаетъ? А другой могъ подумать, чего ради заповѣдуешь учить все только тому, какъ жить: будто только и предметовъ? Апостолъ отвѣчаетъ: о рабахъ забочусь потому, что благодать Божія спасительная явилась *всѣмъ* человѣкамъ, не исключая и рабовъ; а повелѣваю учить наипаче тому, какъ жить, потому, что сія спасительная благодать, всѣхъ объемлющая, затѣмъ и явилась, чтобъ сдѣлать насъ ревнителями добрыхъ дѣлъ, научивъ жить цѣломудренно, благочестно и праведно. Первый отвѣтъ содержится въ настоящемъ стихѣ, а второй—въ послѣдующихъ за нимъ.

Св. Златоустъ поставляетъ настоящій стихъ въ прямую связь съ предыдущимъ наставленіемъ рабамъ: „заповѣдавъ рабамъ имѣть великую добродѣтель, — ибо подлинно великая добродѣтель—украшать во всемъ ученіе Бога и Спаса нашего, не подавая господамъ никакого повода къ неудовольствію, даже въ маловажныхъ дѣлахъ, — Апостолъ приводитъ и справедливую причину, почему рабы должны быть такими. Какую же причину? *Явися бо,* говоритъ онъ, *благодать Божія, спасительная всѣмъ человѣкомъ.*“—*Благодать Божія,*— это домостроительство спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, — что Сынъ Божій воплотился, пострадалъ, умеръ, воскресъ, вознесся на небо и Духа Святаго

ниспослалъ, Который чрезъ Апостоловъ устроилъ Церковь Божію на землѣ, въ которую всякому открытъ входъ: приходи, принимай ученіе вѣрою, освящайся таинствами и затѣмъ живи свято подъ руководствомъ пастырей,—рабъ ли ты, или свободный. „Для сего-то и воплотился Единородный Сынъ Божій, пишетъ бл. Ѳеодоритъ, чтобы всѣхъ людей, и господъ и слугъ, сподобить спасенія, уготовивъ ихъ къ тому, чтобъ вмѣстѣ съ злочестіемъ оставили и беззаконную жизнь.“ „У насъ нѣтъ никакого различенія раба и свободнаго, грека и варвара, обрѣзаннаго и необрѣзаннаго, женскаго пола и мужескаго; но всѣ мы едино есмы во Христѣ, всѣ къ единому призваны царству, примирены бывъ съ Богомъ Отцемъ, не своими заслугами, но благодатію Спасителя нашего — Христа Господа, Который есть присно-живая благодать, выну ходатайственно предстоящая о насъ предъ лицемъ Бога Отца“ (Іерон.).

Но можно, отвлекши вниманіе отъ рабовъ, видѣть въ сихъ словахъ Апостола общее всѣмъ христіанамъ побужденіе къ тому, чтобы прекраснымъ житіемъ ревностно украшать ученіе Спасителя нашего Бога. Такъ дѣлаетъ св. Златоустъ, который, приведши предыдущія слова, прибавилъ: „подлинно тѣ, которые имѣютъ учителемъ своимъ Бога и получили отпущеніе грѣховъ безчисленныхъ, какъ могутъ не быть такими, какими я теперь изобразилъ ихъ (разумѣется, — въ предыдущихъ заповѣдяхъ Апостола разнымъ лицамъ)? Вы знаете, что не мало пристыждаетъ (стыдиться заставляетъ недолжнаго) и вразумляетъ душу между прочимъ и то, что она, бывъ виновна въ безчисленныхъ грѣхахъ, не подверглась наказанію, но получила прощеніе и безчисленныя блага. Если-бы кто нибудь, имѣя раба, провинившагося множество разъ, не нака-

залъ его ремнями, но даровалъ бы ему прощеніе и почтилъ его великими дарами, потребовавъ только отъ него исправности на будущее время и приказавъ остерегаться отъ тѣхъ же проступковъ; то скажи мнѣ, ужели бы не постарался быть исправнымъ получившій такую милость? Впрочемъ не подумай, будто благодать состоитъ не только въ прощеніи прежнихъ грѣховъ, но и на будущее время дѣлаетъ насъ безопасными (отъ наказанія), хотя и это зависитъ отъ благодати. Еслибы она избавляла дѣлающихъ зло отъ наказанія навсегда, то она была бы не благодатію, а нѣкоторымъ поводомъ къ развращенію и погибели.“ — Познаніе великой благодати во Христѣ Іисусѣ не разслабляетъ, а въ напряженіе приводитъ нравственныя силы вѣрующихъ; ибо существо благодати есть — дѣлать насъ нравственно во всемъ исправными,—какъ и сказываютъ слѣдующія за симъ слова.

Ст. 12. *Наказующи насъ, да отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, цѣломудренно и праведно и благочестно поживемъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ.*

Начинается отвѣтъ на второй вопросъ: чего ради учить все о должной жизни? Именно,—того ради, что для такой жизни — все домостроительство спасенія въ Господѣ Іисусѣ, названное здѣсь спасительною благодатію. Сія благодать не знаніе голое сообщаетъ, а жизнь передѣлываетъ. Какъ же это?—*Наказующи насъ,*— *παιδεύουσα*. Дѣтямъ не читаютъ теорій, а прямо говорятъ: не такъ стоишь, не туда пошелъ, не то дѣлаешь,—и тотчасъ берутъ за руку и исправляютъ, какъ слѣдуетъ всему быть; такъ что тутъ идетъ заразъ и слово и дѣло. Такъ же дѣйствуетъ и благодать спасительная. Зоветъ; но первый шагъ по зову есть уже жизненный шагъ. Именно,—отвергнись нечестія и мірскихъ похотей, и начни новую жизнь, противную пер-

вой. *Отвергнись*, не познай только несостоятельность прежнихъ порядковъ, но отвратись отъ нихъ чувствомъ, мерзкими ихъ возымѣй, возненавидь и брось. И Спаситель еще прежде сказалъ: *да отвергнется себе* желающій идти вслѣдъ Мене. А еще прежде Пророкъ предуказалъ: *выдьте изъ среды ихъ и нечистотѣ ихъ не прикасайтеся* (Ис. 52, 11). Въ этомъ основа дѣятельнаго христіанства! Отчего плохи христіане? Оттого, что не имѣютъ этого отверженія и не вышли изъ недоброй среды. Св. Златоустъ и говоритъ при семъ: „вотъ основаніе всякой добродѣтели! Не сказалъ: дабы мы избѣгали, но—*да отвержемся;* отверженіе означаетъ совершенное удаленіе, полную ненависть, рѣшительное отвращеніе."

Чего же именно отвергнуться требуетъ Апостолъ? *Нечестія и мірскихъ похотей*. Нечестіемъ обнимаются всякія неправыя понятія о Богѣ и всякій, несообразный съ истиннымъ понятіемъ о Богѣ, образъ Богопочтенія,—всѣ неправыя религіи. „Нечестіемъ называетъ Апостолъ нечестивое ученіе (св. Злат.), нечестивые догматы (Экум.), идолопоклонство" (Θеоф.). Подъ мірскими похотями разумѣется самоугодливая жизнь въ похотяхъ сердца и страстяхъ, къ удовлетворенію которыхъ направлены всѣ обычаи міра, и которымъ въ жертву приносятся всѣ законы правды и любви. „Мірскими похотями Апостолъ назвалъ порочную жизнь; или (общѣе) мірскія похоти суть все то, что приноситъ намъ пользу только для настоящей жизни (безъ отношенія къ будущей); все, что исчезаетъ вмѣстѣ съ настоящею жизнію, есть мірская похоть" (св. Злат.): „любоиманіе, сластолюбіе, (гордыня) и подобное" (Θеоф.). Все сіе обозначилъ св. Петръ, когда написалъ: *довлѣетъ вамъ мимошедшее время житія, волю языческую творившимъ, ходившимъ въ нечистотахъ, въ похотехъ, въ піянствѣ, въ козлогласованіихъ, въ лихоиманіи и бого-*

мерзскихъ идолослуженіихъ (1 Петр. 4, 3). Довольно; насытились и пресытились. Все сіе бросить надлежитъ и оставить позади себя. Такъ учитъ, влечетъ и располагаетъ благодать, чтобъ уже *не человѣческими похотми, но воли Божіей прочее во плоти жити время* (там.—2),—именно: *цѣломудренно, и праведно, и благочестно*.

Цѣломудренно, удаляясь отъ плотскихъ грѣховъ и ревнуя о чистотѣ. Но можно здѣсь разумѣть чистоту и отъ всѣхъ страстей, и тѣлесныхъ, и душевныхъ, оскверняющихъ душу и дѣлающихъ ее нечистою предъ Богомъ и невѣрною Ему. Такъ св. Златоустъ: „цѣломудріе, какъ всегда я говорю, состоитъ не только въ томъ, чтобы воздерживаться отъ прелюбодѣянія, но и въ томъ, чтобы воздерживаться и отъ прочихъ страстей. Посему и любостяжательный — нецѣломудренъ; какъ тотъ (прелюбодѣй) пристрастенъ къ тѣлесному наслажденію, такъ этотъ (любостяжательный) къ богатству; даже послѣдній невоздержнѣе перваго, тѣмъ болѣе, чѣмъ менѣе сильное дѣйствуетъ на него побужденіе. Тамъ пожеланіе такъ естественно, что, хотя бы иной не приближался къ женѣ, природа дѣйствуетъ и производитъ свое; а здѣсь не бываетъ такъ.“ Что сказано здѣсь о любостяжаніи, тоже идетъ и къ прочимъ страстямъ—гордости, тщеславію, ненависти, зависти, гнѣву, самоволію и непокоривости, и проч. Всѣ, дѣйствующіе по симъ страстямъ, дѣйствуютъ нецѣломудренно,—нездравоумно, не такъ, какъ слѣдуетъ жить одаренному высшею силою, умомъ или духомъ.

Праведно, какъ слѣдуетъ человѣку—христіанину. Христіанину же слѣдуетъ не только не нарушать предѣловъ правды въ отношеніи къ другимъ, но и дѣлать имъ всякое добро. Законъ христіанской правды—любовь, которая требуетъ въ случаѣ нужды и душу поло-

жить за други своя. Какъ цѣломудріе, въ обширнѣйшемъ смыслѣ, требуетъ самоотверженнаго житія, съ всестороннимъ попраніемъ всякаго самоугодія, все къ себѣ стягивающаго: такъ праведность требуетъ благотворнаго дѣйствованія, все отъ себя на ближнихъ устремляющаго.

Благочестно, со страхомъ и благоговѣинствомъ предъ Богомъ, вездѣсущимъ, всевидящимъ и все содержащимъ, Ему, яко Владыкѣ своему, все посвящая, — и большое и малое, и душевное и тѣлесное, и видимое и невидимое,—и всячески ревнуя, да славится имя Его пресвятое не въ насъ только, но и чрезъ насъ. Благочестіе обнимаетъ всестороннее отношеніе нашего ума и сердца къ Богу, наипаче же молитвенное Ему всегда предстояніе и твореніе всего во славу Его.

Цѣломудріе, праведность и благочестіе—обнимаютъ всю святую жизнь и совмѣщаютъ всѣ заповѣди и всю волю Божію, въ коей ходить обязательство пріемлютъ приступающіе къ Богу въ истинной вѣрѣ. Сознающіе сіе христіане и ревнуютъ жить такъ во все время, пока живутъ въ вѣцѣ семъ, въ настоящей жизни, чтобъ достойно приготовиться къ блаженной жизни въ вѣкѣ будущемъ. Христіанинъ что есть?—Вѣруетъ искренно и освящаясь таинствами, вседушно ревнуетъ объ угожденіи Богу святою жизнію, въ несомнѣнномъ чаяніи блаженной вѣчности. На землѣ онъ только руками и ногами, а сознаніемъ, умомъ и сердцемъ—весь на небѣ.

Ст. 13. *Ждуще блаженнаго упованія и явленія славы великаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа.*

Блаженное упованіе есть упованіе блаженства въ царствѣ небесномъ. Оно благодатію Божіею вселяется въ сердцѣ истинно вѣрующаго въ самомъ дѣйствіи призванія и новаго рожденія въ купели крещенія. Рожденный здѣсь отъ Духа есть чадо Божіе, и такимъ себя

сознаетъ и чувствуетъ во глубинѣ сердца. Чувствуя же себя такимъ, чувствуетъ, что Божій есть и все Божіе своимъ имѣетъ и прямой есть наслѣдникъ Божій. *Самый Духъ спослушествуетъ духови нашему, яко есмы чада Божія. Аще же чада, и наслѣдницы: наслѣдницы убо Богу, сонаслѣдницы же Христу* (Римл. 8, 16. 17). Такимъ образомъ блаженное упованіе или упованіе блаженства вѣчнаго есть неотъемлемая черта во внутреннемъ настроеніи истинныхъ христіанъ, и они пребываютъ на землѣ *ждуще* его, не какъ неопредѣленнаго чего-то и не съ колебаніемъ какимъ-либо, — можетъ быть будетъ, а можетъ быть и нѣтъ,—но такъ, какъ ждетъ кто прибытія дорогаго лица, которое уже идетъ, приближается, уже слышны шаги его. — Почему христіанину, который не носитъ въ сердцѣ такого чаянія, надлежитъ поскорѣе разсудить, чего ради такъ, и поспѣшить возстановить сію существенную черту во внутреннемъ строѣ своемъ. Безъ упованія человѣку жить нельзя; но ихъ два: одно въ вѣцѣ семъ, а другое—въ будущемъ. О первомъ сказалъ Апостолъ: *аще въ животѣ семъ точію уповающе есмы, окаяннѣйшіи всѣхъ человѣкъ есмы* (1 Кор. 15, 19). А о второмъ: *наше житіе на небесѣхъ есть* (Фил. 3, 20). Слѣдовательно первому не должно быть у насъ мѣста; второе же одно должно господствовать въ насъ, да пребываетъ *животъ нашъ сокровенъ со Христомъ въ Бозѣ* (Кол. 3, 3). Ибо нѣтъ словъ для изображенія того, что ожидаетъ на небѣ истинно вѣрующихъ и вѣрныхъ вѣрѣ. „Всякій умъ превышаютъ будущія блага“ (св. Злат.).

Явленіе славы великаго Бога нашего Іисуса Христа есть второе Его пришествіе, когда явится Онъ во славѣ и по судѣ откроетъ вѣчное царство Свое во всемъ его неизреченномъ величіи и свѣтлости. Тотчасъ по смерти вѣрные вступаютъ въ преддверіе сего

царства, которое и само исполняетъ неизреченнаго блаженства. Полное же ихъ ублаженіе послѣдуетъ по воскресеніи. Но если это ублажаетъ, сколь блаженно то—послѣднее? Знаютъ сіе блаженные, и желательно ждутъ явленія во славѣ Христа Господа, умѣряя сіе желаніе развѣ благожеланіемъ къ живущимъ на землѣ, чтобы всѣ предопредѣленные успѣли пройти приготовительный къ тому курсъ.

Спасителя нашего Іисуса Христа назвалъ Апостолъ Богомъ, и Богомъ великимъ. „Гдѣ тѣ, взываетъ св. Златоустъ, которые говорятъ, будто Сынъ меньше Отца? *Великаго* говоритъ, *Бога и Спаса нашего, Іисуса Христа*. Когда называетъ онъ Его Богомъ великимъ, то называетъ великимъ не по отношенію къ чему нибудь, но безусловно великимъ,—такимъ, послѣ Котораго уже никто не великъ, потому что всякій другой великъ только относительно; если же относительно, то великъ по сравненію, а не по природѣ; Онъ же великъ безъ сравненія.“ Пишетъ и бл. Іеронимъ: „гдѣ змій—Арій? Гдѣ ужъ—Евномій?—Великимъ Богомъ именуется Іисусъ Христосъ Спаситель, не Перворожденный всея твари, не Слово Божіе и Премудрость, но Іисусъ Христосъ; каковыя слова совмѣщаютъ и воспринятаго человѣка. Ибо мы не говоримъ, что инъ есть Іисусъ Христосъ и ино Слово, какъ богохульствуетъ новая ересь; но одного и тогоже, Который и прежде вѣкъ и послѣ вѣковъ, и прежде міра, и послѣ Маріи, или паче — изъ Маріи, именуемъ великимъ Богомъ и Спасителемъ нашимъ Іисусомъ Христомъ.“

Ст. 14. *Иже далъ есть Себе за ны, да избавитъ ны отъ всякаго беззаконія, и очиститъ Себѣ люди избранны, ревнители добрымъ дѣломъ.*

„Для сего-то Христосъ за всѣхъ насъ пріялъ смерть, чтобы, прекративъ мучительство смерти, избавить насъ

отъ горькаго онаго рабства и сдѣлать Своимъ собственнымъ народомъ, любителемъ и ревнителемъ похвальныхъ дѣлъ“ (Θеод.). Прежде указалъ, чего требуетъ отъ насъ и что производитъ въ насъ спасительная благодать. Теперь показываетъ основаніе тому, утверждая, что затѣмъ все воплощенное домостроительство, чтобъ сдѣлать насъ чуждыми грѣха и богатыми всякими добродѣтелями. Ибо *далъ есть Себе* значитъ — благоволилъ пріять на Себя и совершить воплощенное домостроительство, средоточіе коего есть крестная смерть Богочеловѣка. *Да избавитъ,*—λυτρώσηται,—да искупитъ, да дастъ за насъ выкупъ. Какъ? Удовлетворивъ смертію своею правдѣ Божіей за всѣ грѣхи наши, такъ чтобъ ни одного изъ нихъ не оставалось на насъ такого, за который требовалось бы отплачиваться намъ самимъ. Но это не все: съ искупленнаго раба снимаются узы рабства, и онъ получаетъ свободу дѣйствовать самъ по себѣ. Мы въ узахъ рабства грѣху. Искупивъ насъ, Спаситель разбиваетъ сіи узы, *яко ктому не работати намъ грѣху*, и мы получаемъ свободу дѣйствовать сами по себѣ такъ, какъ требуетъ естество наше, по образу Божію созданное, а не по влеченію грѣха — пришлаго тиранна. И сіе есть полное искупленіе, или избавленіе. „Не такъ, чтобъ отъ одного (беззаконія) избавить, а отъ другаго нѣтъ; но отъ всякаго беззаконія. Почтимъ же свое избавленіе, (стыдясь омрачить его грѣхомъ какимъ)“ (Θеоф.).

И очиститъ Себѣ люди избранны. — *Очиститъ,* — καθαρίσῃ, — какъ очищаютъ долги уплатою за нихъ. Или примѣнительно къ состоянію рабовъ искупленныхъ, кои получаются нечесаные, испачканные, въ ранахъ и рубищахъ, — *очиститъ* значитъ—всякую нечистоту грѣховную смоетъ, всякую рану страстей уврачуетъ, и въ красныя одежды добродѣтелей облечетъ.

Люди избранны,—λαον περιουσιον.—Περιουσιος,—отмѣнный, отличный, отособленный отъ другихъ и ничего общаго съ ними не имѣющій (св. Злат., Феоф.). Или—собственный, въ собственность свою обращенный въ силу искупленія и къ дѣламъ по духу своему приставленный. „Метафорически взято отъ слугъ, вращающихся около имущества,—περι την ουσιαν,—и достоянія господина своего" (Феоф.). Итакъ далъ есть Себе Спаситель, чтобъ искупить насъ, очистить отъ всякой нечистоты и ранъ, и сдѣлавъ отмѣнными, приставить къ дѣламъ по духу Своему. Какъ? „Купелію Божественнаго крещенія и дѣланіемъ Божественныхъ и очистительныхъ заповѣдей Его" (Феоф.). „Христосъ Іисусъ, великій Богъ нашъ и Спаситель, искупивъ насъ кровію Своею, сдѣлалъ изъ насъ Себѣ особенный христіанскій народъ,—который тогда только можетъ быть особеннымъ, когда будетъ ревнителемъ добрыхъ дѣлъ" (Іерон.).

Ревнители добрымъ дѣломъ, т.-е. „съ жаромъ стремящимися къ добродѣтели и показывающими ревность ко всѣмъ добрымъ дѣламъ и пламенное подражаніе (Самому Спасителю)" (Феоф.). „Не просто требуетъ дѣлъ, но быть *ревнителями,* т.-е., совершающими добрыя дѣла съ великою ревностію и съ надлежащимъ усердіемъ. Избавить обремененныхъ множествомъ золъ и исцѣлить неизлечимо больныхъ — было дѣломъ Его человѣколюбія; а дальнѣйшее есть дѣло и наше и Его" (св. Злат.).

Ст. 15. *Сія глаголи, и моли, и обличай со всякимъ повелѣніемъ: да никтоже тя преобидитъ (презираетъ).*

Всю предшествующую вводную рѣчь велъ Апостолъ того ради, чтобъ доказать, что какъ для вѣрующихъ главное дѣло есть бѣгать всего худаго и дѣлать всякое добро, такъ для пастырей главнымъ дѣломъ долж-

но быть учить ихъ сему, учить настаивая, чтобъ они непремѣнно были таковы, и употребляя къ тому всякіе способы убѣжденія. *Глаголи*, говори просто, что такъ и такъ должно жить. Есть нравы, для которыхъ ничего больше и не требуется: только укажи, — и ужъ будетъ сдѣлано. Для кого мало простаго указанія, того, говоритъ, *умоли*, т.-е., уговаривай, убѣждай любовною и благожелательною рѣчью. Убѣжденіе совершается указаніемъ такихъ сторонъ въ заповѣдуемомъ дѣлѣ, которыя привлекаютъ къ нему сердце, подвигаютъ на него и возбуждаютъ энергію къ совершенію его. Всякое доброе дѣло имѣетъ сіи стороны; но онѣ не для всѣхъ ясны. И требуется выказать ихъ... и умолить тѣмъ дѣлать его. Для кого и этого мало, на того остается уже дѣйствовать только силою обличенія, пристыженія, укора и власти: такого, говоритъ, *обличай со всякимъ повелѣніемъ*. „Сперва *глаголи и умоляй*, то-есть учи болѣе кроткою рѣчью, а потомъ *обличай*, и не просто, но *со всякимъ повелѣніемъ*, то-есть, настоятельно и властно“ (Ѳеоф.).—„Три глагола употребилъ: *глаголи*, *моли*, *обличай*. *Глаголи*, кажется, надо относить къ простому ученію. Что касается до *моли*, то оно тоже значитъ, что въ словахъ: *по Христѣ убо молимъ* (2 Кор. 5, 20), когда учащій и себя смиряетъ и уничижаетъ, будто проситель, чтобъ только пріобрѣсть того, кого убѣждаетъ. А третье — *обличай* умѣстно уже послѣ убѣжденія. Которые презрятъ умоленіе, тѣ достойны обличенія и заслуживаютъ услышать: *забысте утѣшеніе, еже вамъ, яко сыновомъ, глаголетъ* (Евр. 12, 5). Къ Тимоѳею пиша, Апостолъ обличеніе поставилъ впереди умоленія: *обличи... умоли* (2 Тим. 4, 2). А здѣсь желаетъ, чтобъ учениковъ прежде умоляли, и тогда уже обличать. когда умоленіе останется безплоднымъ,—и обличать *со вся-*

кимъ повелѣніемъ. Это — *со всякимъ повелѣніемъ* относится только къ обличенію, а не къ двумъ первымъ (то-есть *учи, моли*). Ибо нельзя говорить: *моли* со всякимъ повелѣніемъ, или *глаголи* со всякимъ повелѣніемъ, но только обличай со всякимъ повелѣніемъ" (Іерон.). Св. Златоустъ различіе въ характерахъ учительной рѣчи объясняетъ разностію предметовъ. „Есть грѣхи, отъ которыхъ нужно отклонять повелѣніями; именно: убѣждая презирать богатство, быть послушными и т. п., нужно увѣщавать (умолять); а исправлять прелюбодѣя, блудника и корыстолюбца нужно *съ повелѣніемъ*; чародѣя же, волшебника и тому подобныхъ людей (нужно обличать) не просто съ повелѣніемъ, но *со всякимъ повелѣніемъ*. Видишь ли, съ какою силою, и какою великою властію дѣйствовать заповѣдуетъ онъ Титу?"

Можно видѣть здѣсь предписаніе пастырю: не спи, а дѣйствуй, всякія употребляя мѣры къ тому, чтобъ заставить своихъ пасомыхъ жить, какъ должно.

Да никтоже тя преобидитъ (презираетъ). Если не будешь учить, умолять и властно обличать, то неисправные станутъ наконецъ у тебя на глазахъ дѣлать все неподобное, думая и говоря: на этого что смотрѣть? Ничего не скажетъ.—Хоть ты самъ и исправенъ по жизни, но если будешь нерадѣть о пасомыхъ, то всѣ станутъ тебя презирать и ни во что ставить. Не то внушаетъ, чтобъ жизнію своею не подавалъ повода къ презрѣнію себя, но чтобъ нерадѣніемъ о своемъ пастырскомъ долгѣ не подавалъ пасомымъ свободы ни во что себя вмѣнять. Почему и глаголъ употребленъ такой: μηδεις σου περιφρονειτω; чтобъ никто тебя не презиралъ не за то, что въ тебѣ, въ нравѣ твоемъ, а за то, что около тебя и на тебѣ, т.-е. за твое нерадѣніе учить, умолять и обличать пасомыхъ.

е) *Въ чемъ добронравіе христіанина какъ граждана?*

3, 1. 2.

Ст. 1. *Воспоминай тѣмъ начальствующимъ и владѣющимъ повиноватися и покарятися, и ко всякому дѣлу благу готовымъ быти.*

Прежде показано, какимъ семейнымъ добродѣтелямъ надлежитъ учить вѣрующихъ; теперь показываетъ, какимъ гражданскимъ добродѣтелямъ учить ихъ слѣдуетъ, или, что тоже, какими и въ семъ отношеніи добродѣтелями должны украшаться христіане.

Первое здѣсь — отношеніе къ начальству. Какъ же должно держать себя въ отношеніи къ нему? *Повиноватися и покарятися.* Какъ вездѣ, такъ и здѣсь Апостолъ конечно разумѣетъ повиновеніе нелицемѣрное, чтобъ видимою покорностію прикрывать вѣрованіе свое и жить по вѣрѣ безмятежно, но по совѣсти, по убѣжденію, что начальство отъ Бога и что начальствующіе суть слуги Божіи; почему покорность имъ есть покорность волѣ Божіей. Такъ прямо выходитъ изъ вѣры во все-распорядительный Промыслъ Божій. Здѣсь не выставляетъ сего на видъ св. Павелъ потому, что пишетъ не вѣрующимъ, а Титу, который зналъ, какихъ началъ держится въ семъ отношеніи св. Павелъ.

Онъ пишетъ—*воспоминай тѣмъ*, т.-е. христіанамъ; потому что покорность сія была повсюдна, по обычному гражданскому устройству. Иные забывались; но тотчасъ получали вразумленіе отъ самой власти. Апостолъ желаетъ, чтобъ это предотвращено было домашними внушеніями и чтобъ изъ христіанъ никто не подавалъ повода властямъ напоминать ему о покорности. Забываться же христіанамъ могло подать поводъ

то, что они, по вѣрѣ, стали гражданами иного міра, и имѣютъ иного Царя,—Христа Господа. Напоминай, говоритъ, чтобъ они не впали въ такое заблужденіе.

Начальствующимъ и владѣющимъ,—ἀρχαῖς καὶ ἐξουσίαις,—началамъ и властямъ. Вѣрнѣе этимъ означается безъ различія всякое гражданское начальство, и большое и малое. Но славянскій переводъ подаетъ мысль, что Апостолъ хочетъ обучить христіанъ покаряться не царямъ только,—*владѣющимъ*, но и ближайшимъ властямъ,—*начальствующимъ*, хоть нельзя утверждать, что это непремѣнно такъ было; греческія слова наоборотъ въ ἀρχαὶ указываютъ высшія власти, а въ ἐξουσίαι—низшіе чины.

Повиноватися и покарятися,—ὑποτάσσεσθαι, πειθαρχεῖν. Первое означаетъ вообще подчиненность, охотную или неохотную; а второе—сердечную покорность, всёдушное послушаніе, съ убѣжденіемъ, что такъ должно.

Блажен. Іеронимъ предлагаетъ при семъ такое соображеніе: „подобное пишется и къ Римлянамъ: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется: нѣсть бо власть аще не отъ Бога* (—13, 1). Такая заповѣдь, какъ здѣсь такъ и тамъ, потому, думаю, выставлена, что тогда былъ еще въ силѣ догматъ Іуды Галилеянина и имѣлъ многихъ послѣдователей, какъ объ этомъ и въ книгѣ Дѣяній поминается (—5, 37). Онъ, какъ можно съ вѣроятностію полагать, училъ на основаніи закона, что никого не должно именовать властителемъ, кромѣ единаго Бога, и что тѣмъ, которые вносятъ десятины въ храмъ, не должно платить дань кесарю. Эта ересь такъ разрослась, что не только увлекала много народа, но возмущала и фарисеевъ; такъ что они и къ Самому Господу подступали съ вопросомъ: *достойно ли есть дати кинсонъ кесареви, или ни?* На что получили премудрый отвѣтъ: *воздадите кесарева кесареви, и Божія*

Богови (Мѳ. 22, 17. 21). Сообразуясь съ этимъ отвѣтомъ, и Апостолъ Павелъ учитъ, что вѣрующіе должны слушаться началъ и властей.“

И ко всякому дѣлу благу готовымъ быти. Или вообще указывается примѣрное благоповеденіе среди согражданъ, чтобъ всѣ видѣли и знали, что христіане народъ добрый, кроткій, благопомощный, благотворительный. Экуменій: *готовы*—ετοιμοι толкуетъ—ηυτρεπισμενοι,—благонастроенны, благонравны, не внѣшно только добры, но и во внутреннѣйшемъ настроеніи сердца таковы.—Или—готовы на всякое доброе дѣло, къ какому приглашаетъ начальство и власть, чтобъ и они знали, что христіане—первые на добро. Это напримѣръ, какъ у насъ теперь приглашаютъ то погорѣльцамъ помогать, то дѣлать вкладъ на леченіе раненыхъ, то облегчать участь голодающихъ отъ неурожая, и подобное. Блаженный Ѳеодоритъ видитъ въ сихъ словахъ указаніе, доколѣ должно простираться повиновеніе начальникамъ: „ибо не во всемъ должно покорствовать начальникамъ, но вносить пошлину и подать, воздавать подобающую честь; а если прикажутъ нечествовать, то открыто прекословить.“ Тоже и у Іеронима: „если что доброе повелѣваетъ правитель, то повинуйся волѣ повелѣвающаго. А если что худое и богопротивное, то отвѣчай ему Апостольскимъ отвѣтомъ: *повиноватися подобаетъ Богови паче, нежели человѣкомъ* (Дѣян. 5, 29).

Ст. 2. *Ни единаго хулити, не сварливымъ быти, но тихимъ, всяку являющимъ кротость ко всѣмъ человѣкомъ.*

Слова эти суть болѣе подробное поясненіе предыдущихъ словъ: *ко всякому дѣлу благому готовымъ быти*, и вмѣстѣ съ ними опредѣляютъ вторую половину общественныхъ добродѣтелей,—именно при покорности властямъ, соблюдать добрыя отношенія и къ согражданамъ. Готовность на всякое доброе дѣло все уже обни-

маетъ и въ семъ отношеніи. Апостолъ здѣсь указываетъ еще, чтобъ устраняемо было то, что особенно разстроиваетъ добрыя отношенія гражданъ, именно: учи, говоритъ, чтобъ христіане никого не задирали не только дѣломъ, но и словомъ; пусть живутъ такъ тихо, что будто ихъ нѣтъ, и чтобъ другіе о существованіи ихъ знали только по добрымъ дѣламъ.

Ни единаго хулити, то-есть „ни о комъ не отзываться худо“ (Θеод.). „Хотя худо кто поступаетъ, не злословь его и не укоряй“ (Θеоф.). „*Михаилъ Архангелъ, егда съ діаволомъ препираяся, глаголаше о Моvсеовѣ тѣлеси, не смѣяше суда навести хульна, но рече: да запретитъ тебѣ Господь* (Іуд. ст. 9). Если Михаилъ не смѣлъ навести *хульна словесе* на діавола, достойнѣйшаго всякаго хуленія, не тѣмъ ли паче мы должны соблюдать себя чистыми отъ злословія? Заслуживалъ діаволъ хуленія; но слово хульное не должно было исходить изъ устъ Архангела“ (Іерон.). „Послушаемся сего внушенія. Уста наши должны быть чисты отъ укоризнъ; ибо хотя бы и справедливы были наши укоризны, но не наше дѣло высказывать ихъ; изслѣдывать—дѣло судіи; *ты же почто осуждаеши брата твоего* (Римл. 14, 10)? Ктому же, если ты укоряешь другихъ, то скоро и самъ подвергнешься томуже. Посему блаж. Павелъ и предлагаетъ такое увѣщаніе: *тѣмже мняйся стояти, да блюдется, да не падетъ*“ (1 Кор. 10, 12) (св. Златоустъ). Ничто такъ не разстроиваетъ добрыхъ отношеній общежитія, какъ худыя другъ о другѣ рѣчи. Напротивъ ничто такъ не скрѣпляетъ содружества, какъ добрыя рѣчи, особенно когда бы рѣчи худыя были заслужены. Законъ общежитія основной—не пускать въ ходъ злыхъ рѣчей, и доходящія отынуды пресѣкать. Потокъ злыхъ рѣчей есть ядъ, разъѣдающій союзъ добраго сожительства.

Не сварливымъ быти,—αμαχους, не быть воевателями,—не заводить ссоръ, споровъ и судовъ и противъ зла не замышлять и не воздвигать зла. Это тоже, что Господь сказалъ: *Азъ же глаголю вамъ не противитися злу* (Мѳ. 5, 39). Когда дождевую воду запружаютъ, она все больше и больше надымается; а когда даютъ стекать свободно, она течетъ маленькимъ ручейкомъ и скоро престаетъ. Такъ бываетъ, и когда со стороны подымается враждебность. Пригнись; она перекатится какъ волна,—и конецъ. Станешь противъ,—она надмится до непреодолимой силы. Блаженный Іеронимъ пишетъ: „если мы—сыны мира и желаемъ, чтобъ почивалъ на насъ миръ, если мы приступили къ небесному Іерусалиму, имя свое отъ мира получившему, то да имѣемъ миръ даже съ тѣми, кои возненавидѣли миръ, и съ своей стороны да пребываемъ мирны со всѣми человѣки,—не съ кроткими только, но и съ задорными и бранчивыми: ибо съ тихими быть мирну, какая добродѣтель? Будемъ давать мѣсто гнѣву, показывая тихую кротость ко всѣмъ человѣкамъ. Не желаніемъ пустой славы руководясь, должны мы являть себя кроткими ко всѣмъ человѣкамъ; но пусть, когда всѣхъ сносить будемъ и за неправды не воздавать отмщеніемъ, самыя дѣла предъ всѣми славны бываютъ. Можетъ иной по тщеславію и молвы ради народной притворяться кроткимъ и брать личину доброты; но если нѣтъ у кого кротости истинной, сердечной, укоренившейся, то не знаю, удастся ли ему всѣхъ увѣрить въ своей кротости.“

Послѣднія слова блажен. Іеронима истолковываютъ и слѣдующія за симъ слова Апостола: *всяку являющимъ кротость ко всѣмъ человѣкомъ*. И Экуменій равно пишетъ: „къ Іудеямъ и Еллинамъ, къ друзьямъ и врагамъ, къ онеправдывающимъ и вредъ причиняющимъ“ (И

св. Злат. съ Θеоф.). Уступчивость представляется нѣкоторою потерею и ущербомъ, но на дѣлѣ она всегда выигрываетъ если не въ настоящемъ, то въ будущемъ, не только вѣчномъ, но и временномъ. Потерянное возвращается съ лихвою.

ж) *Внушеніе, что за тѣмъ и благодать Св. Духа, чтобы претворять насъ недобрыхъ въ добрыхъ,*—3—7.

Ст. 3. *Бѣхомъ бо иногда и мы несмысленни, и непокориви, и прельщени, работающе похотемъ и сластемъ различнымъ, въ злобѣ и зависти живуще, мерзцы суще, и ненавидяще другъ друга.*

Бѣхомъ бо. Чрезъ это *бо* рѣчь сія связуется прямо съ предыдущею, что не слѣдуетъ ни единаго хулити. Почему? Потому что намъ не слѣдуетъ уже быть такими. Были и мы таковы же; но теперь стали инаковы, по благодати Спаса нашего, обновившаго насъ и изъ худыхъ сдѣлавшаго хорошими. Такъ св. Златоустъ: „никого не порицай, ибо и ты былъ такимъ же. Бывшій прежде такимъже и измѣнившійся не долженъ укорять такихъ людей, но молиться и благодарить Дарующаго ему и Готоваго дать имъ освобожденіе отъ прежнихъ грѣховъ. Никто не долженъ хвалиться: ибо всѣ согрѣшили. Итакъ, когда ты, будучи самъ исправенъ, хочешь порицать кого либо, то вспомни о своей прежней жизни и неизвѣстности будущаго, и удержи свое негодованіе. Еслибы ты съ самаго дѣтства жилъ добродѣтельно, и тогда ты имѣлъ бы много грѣховъ; а если не имѣешь ихъ, какъ ты думаешь, то знай, что это зависитъ не отъ твоей силы, но отъ благодати Божіей; ибо, еслибы Онъ не призвалъ (къ вѣрѣ) твоихъ предковъ, то и ты былъ бы невѣрнымъ.“—Такъ блажен. Θеодоритъ: „приведемъ себѣ на память прежнее наше поведеніе, представимъ въ умѣ, сколько въ насъ было худыхъ качествъ; и когда таковыми были, Богъ вся-

ческихъ сподобилъ насъ спасенія. Посему и мы будемъ переносить злонравіе пребывающихъ еще въ заблужденіи.“

Но можно, отвлекши мысль отъ связи съ предыдущимъ, видѣть и въ семъ отдѣленіи (ст. 3—7), какъ и во встрѣченномъ уже нами выше (2, 11—14), указаніе на побужденіе, почему особенно христіане должны быть чужды всякаго порока и украшены всѣми добродѣтелями. Потому что были нехороши, а теперь огражде-ны благодатію Духа въ купели къ новой святой жизни, чтобъ ставъ праведными сподобиться наслѣдія жизни вѣчной, блаженной. Отличіе настоящаго отдѣленія отъ встрѣченнаго выше то, что тамъ говорится о призваніи къ святой жизни, а здѣсь о новомъ для сей жизни рожденіи и о снабженіи насъ достаточными къ тому силами. На тѣхъ, кои возрождены и снабжены силами къ святой жизни, лежитъ неотложный долгъ быть святыми. И если они не окажутся такими, то съ такимъ неразуміемъ ничто сравниться не можетъ. Такъ отчасти Амвросіастъ: „Апостолъ поминаетъ, что сіи блага, которыхъ не имѣетъ невѣріе, даны христіанамъ; чтобъ, сіяя всякою правдою, они давали всѣмъ разумѣть, что суть чтители истиннаго Бога. Ибо когда они, бывъ нѣкогда несмысленными, являются нынѣ во всемъ благосмысленными, то чрезъ это въ нихъ прославляется Богъ.

Бѣхомъ бо иногда и мы.—*Иногда,*—прежде увѣрованія и освященія благодатію Божіею.—*И мы.* Апостолъ очевидно разумѣетъ Критянъ; но и себя причислилъ къ нимъ, чтобы смягчить рѣчь. У насъ въ ходячей рѣчи соотвѣтствуетъ этому фраза: и мы съ вами. Блажен. Ѳеодоритъ такъ объясняетъ это—*и мы*: „Божественный Апостолъ и себя включилъ въ тоже число, не какъ подлежащаго всѣмъ этимъ обвиненіямъ, но какъ быв-

шаго гонителя; ибо не всѣмъ порокамъ подлежали всѣ, но одни—тѣмъ, а другіе—другимъ; однакоже всѣ улучили спасеніе.“

Несмысленни, и непокориви, и прельщени. Изображается сими словами, какъ, когда живутъ въ грѣхахъ и страстяхъ, поражены и извращены бываютъ всѣ силы души. Мысленная сила поражается *несмысліемъ,* теряетъ здравыя понятія о Богѣ, мірѣ, человѣкѣ, о цѣли настоящей жизни, о цѣли окружающихъ насъ вещей и значеніи всего бывающаго съ нами. Потерявъ же такія понятія, она теряетъ силу управлять жизнію человѣка, и онъ ходитъ, какъ во мракѣ, впадая отъ неразумія въ неразуміе. Такъ съ язычниками и было. „Не безсмысленно ли было служить такимъ богамъ (какіе были у язычниковъ), и приносить людей въ жертву?“ (Θеоф.). А изображенія ихъ жизни ихъ же писателями читать нельзя безъ отвращенія.—Дѣятельная сила заражается *непокоривостію,* по коей ни Божескихъ, ни человѣческихъ законовъ знать не хочетъ, и никакихъ уваженій не берутъ въ счетъ, кромѣ своей воли. Такъ хочу, и никто мнѣ не указъ; а хочетъ только того, что внушаетъ самость и самоугодіе въ удовлетвореніе страстей. Что ни говори, слушать не хочетъ. Απειθεις— именно такихъ и представляетъ, непринимающихъ никакихъ резоновъ.—Чувствующая сила бываетъ возобладана *прелестію,* по коей считаетъ хорошимъ, пріятнымъ и красивымъ то, что по свойству своему дурно, отвратительно и безобразно. Она теряетъ природный свой вкусъ.

Или можно полагать, что здѣсь указывается на пораженіе высшей духовной стороны человѣческаго естества: *несмысліемъ*—исчезновеніе помышленія о Богѣ и страха Божія; *непокоривостію* — невниманіе къ гласу совѣсти и заглушеніе его; *прельщеніемъ* — пристрастіе

къ вещамъ чувственнымъ. Это все, всегда и всюду имѣетъ мѣсто, когда кто предается самоугодію и страстямъ, кто бы онъ ни былъ, язычникъ или христіанинъ, ученый или неученый, простой или благородный. Ибо грѣхъ, какъ и ядъ, не имѣетъ лицепріятія.

Работающе похотемъ и сластемъ различнымъ. Когда поражены высшія силы и высшая сторона человѣческаго естества, тогда мѣсто законовъ, лежащихъ въ нихъ и долженствовавшихъ править дѣяніями человѣка, заступаютъ похоти и сласти, и жизнь начинаетъ течь по ихъ требованіямъ. Высшія силы тогда у нихъ въ работѣ состоятъ: умъ придумываетъ средства къ удовлетворенію ихъ и прикрытію такого удовлетворенія, которому непригоже быть видиму; воля, какъ ведомая, ведется вслѣдъ ихъ, какъ осля на обрывочкѣ; и чувство, не разъ испытавъ безвкусіе похотныхъ сластей, все влечется къ нимъ, прельщаемо бывая обманчивымъ чаяніемъ — встрѣтить и вкусить наконецъ и на этомъ пути какое-нибудь благо прочное. Тутъ настоящее рабство внутри человѣка, — тираннія грѣха. — Подъ похотями разумѣются страсти душевныя и тѣлесныя. Онѣ возбуждаютъ пожеланія предметовъ, коими обычно удовлетворяются. А сласти суть тѣ минутныя пріятности, какія доставляетъ удовлетвореніе страстей. Всякая страсть имѣетъ свою сласть, которою манетъ къ предметамъ своимъ; всѣ же сласти сливаются въ одной коренной — самоугодіи. Въ сластяхъ — сила страстей. Страсти побѣждаютъ всегда обѣщаніемъ сластей. Грѣшникъ сластолюбивъ; оттого не разгибаясь и работаетъ страстямъ.

Несмысліе, непокоривость, прельщенность, рабство похотямъ и сластямъ составляютъ внутренній строй грѣшника. Чѣмъ онъ обнаруживается вовнѣ, въ дѣлахъ? *Жизнію въ злобѣ и зависти.* Эгоизмъ и самоугодіе все

къ себѣ стягиваетъ. Какъ и внѣ встрѣчаются они съ такими же направленіями, то естественно вступаютъ въ столкновенія. Полагающій имъ преграду возбуждаетъ непріязнь къ себѣ въ разныхъ степеняхъ, на верху которыхъ стоитъ злоба — желаніе уничтожить противника подсѣченіемъ присущихъ ему силъ: когда онъ богатъ - истощеніемъ богатства; когда во власти, — подрывомъ власти и проч. Это и есть злоба или злодѣйство. Оно имѣетъ мѣсто особенно, когда эгоистъ гордъ. силенъ и характеромъ, и подручными средствами. — Но бываетъ, что иной возбуждаетъ непріязнь не помѣхою, а однимъ тѣмъ, что стоитъ выше и живетъ богаче и веселѣе. Изъ-за него начинаетъ точить зависть, которая сильнаго тоже ведетъ ко злодѣйству, а безсильнаго самого снѣдаетъ и истощаетъ. Тамъ, гдѣ господствуютъ страсти, злоба и зависть непрестанно въ движеніи болѣе или менѣе сильномъ. И бываетъ ли кто отъ нихъ свободенъ?

Мерзцы суще. Кто непріязнствуетъ къ другимъ въ нескрываемой злобѣ и зависти, тотъ обратно къ себѣ возбуждаетъ непріязнь: отъ него начинаютъ отвращаться, — или гнушаясь имъ, или ужасъ къ нему питая. Это и выражаетъ — στυγητοί. Люди злобные и завистливые естественно отвратительны.

И выходитъ такимъ образомъ, что люди, обладаемые страстями, живутъ *ненавидяще другъ друга*. Потому что каждый одинъ нераздѣльно хочетъ обладать благомъ, къ которому съ такимъ же желаніемъ протягиваетъ руку и другой. Въ природѣ эгоизма — себя только любить. Онъ напередъ уже ко всѣмъ холоденъ; и лишь только встрѣтитъ въ другихъ противное себѣ, тотчасъ претворяетъ свою холодность въ непріязнь. Эгоизмъ умѣряется иногда симпатическими чувствами; но это не погашаетъ его ненависти, а только расширяетъ:

ибо тогда ненавистью онъ ограждаетъ не себя только, но и все принятое въ сферу своего сочувствія; выходитъ па тія на партію.

Ст. 4. 5. *Егда же благодать и человѣколюбіе явися Спаса нашего Бога, не отъ дѣлъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы, но по своей Его милости, спасе насъ банею пакибытія и обновленія Духа Святаго.*

Такъ вотъ каковы были мы до вѣры и благодати, когда жили въ рабствѣ похотямъ и сластямъ. Теперь же мы инаковы и есмы и должны быть. Ибо благодать избавила насъ отъ того рабства, обновивъ естество наше въ купели крещенія и обязавъ къ жизни, по духу и силѣ его обновленія.

Благодать,—χρηςοτης,—благостыня,—*и человѣколюбіе Спаса нашего Бога* явились въ воплощенномъ домостроительствѣ, „чрезъ вочеловѣченіе Единороднаго, когда Единородный Сынъ Божій, воплотившись и намъ во всемъ ставъ подобнымъ“ (Экум. и Ѳеоф.), совершилъ и устроилъ все потребное для нашего спасенія. *Явися* — указываетъ на устроеніе спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ; а приложеніе его къ каждому изъ насъ вѣрующихъ или явленіе силы его въ насъ ниже означается въ словахъ: *спасе насъ банею пакибытія*. Слова — *Спаса нашего Бога* возводятъ къ Богу Отцу: ибо ниже говорится, что сей Богъ Спасъ нашъ спасъ насъ чрезъ *обновленіе Святаго Духа, егоже излія Іисусъ Христомъ*. „Тщательнѣе вникнувъ, пишетъ бл. Іеронимъ, найдемъ въ семъ отдѣленьицѣ явственнѣйше Пресвятую Троицу. Благостыня и человѣколюбіе Спаса нашего Бога, не другаго, какъ Бога Отца, чрезъ баню пакибытія и обновленіе Духа Святаго, Котораго излилъ Онъ на насъ чрезъ Іисуса Христа, праведными насъ сдѣлали для наслѣдія жизни вѣчной. Спасеніе вѣрующихъ есть таинство Пресвятыя Троицы.“ Тоже и у Ѳеодорита.

Не отъ дълъ праведныхъ, ихже сотворихомъ мы. Устроеніе спасенія вызвано не добродѣтелями нашими великими, а напротивъ крайнею нашею худобою и безпомощностію. Благость Божія не потерпѣла оставить насъ въ рукахъ паденія и погибели нашей, — и благоволила устроить намъ дивный образъ спасенія. Одно только преимущество было за нами, — то, что мы — твореніе всеблагаго, премудраго и всемогущаго Бога, не раскаявающагося въ дарованіяхъ Своихъ. И это привлекло благость къ намъ Божію, устроившую спасеніе наше. Но не одно общее устроеніе спасенія, но и призваніе каждаго къ полученію сего спасенія тоже есть не плодъ цѣнныхъ дѣлъ нашихъ, но дѣло благости Божіей. Изъ всѣхъ опытовъ призванія только Корнилій сотникъ призванъ потому, что молитва и милостыни его дошли до Бога; но то былъ особенный промыслительный случай для проложенія пути къ принятію въ лоно Церкви овецъ, кои не были отъ двора Израилева. Общій же порядокъ призванія есть дѣло благости, какъ въ началѣ, такъ теперь, такъ и до конца вѣка. Надобно однакожъ строго различать призваніе къ устроенному спасенію, и содѣваніе спасенія тѣмъ способомъ, какъ оно устроено. Съ момента внятія призванію и перваго по нему шага начинается уже участіе въ содѣяніи спасенія и собственнаго труда и усилія, которое и идетъ объ руку съ благодатію до самаго окончательнаго совершенія спасенія. Все отъ благости; но Божія благость непоблажлива.

Но по своей Его милости спасе насъ банею пакибытія. Сіе говоритъ не на спасеніе другихъ смотрящій, а самъ воспріявшій спасеніе. Въ чувствѣ спасенія благодарными устами возвѣщаетъ: *спасе*. Отъ чего *спасе*? Отъ всѣхъ худобъ, о коихъ говорено выше, и отъ рабства похотямъ и сластямъ, подъ игомъ коего стенали мы.

Спасе насъ,—кого насъ? Всѣхъ увѣровавшихъ въ Господа Іисуса Христа. „Наименовавъ себя и Апостоловъ, св. Павелъ разумѣлъ всѣхъ увѣровавшихъ во Христа, показывая, каковы они были до возрожденія въ банѣ животворной, и какими стали послѣ того“. (Іерон.). Какъ спасе?—*Банею пакибытія и обновленія Духа Святаго.* „Увы! взываетъ св. Златоустъ. Такъ глубоко были мы погружены во злѣ, что не могли уже очиститься, но имѣли нужду въ возрожденіи. Это подлинно было новое рожденіе, новаго бытія полученіе. Какъ подъ сгнившій домъ никто не подставляетъ подпоръ и не приколачиваетъ ничего къ старому зданію, но разрушивъ его до основанія, сполна воздвигаетъ и возобновляетъ, такъ поступилъ и Онъ — Спасъ нашъ: не поправилъ насъ, а возсоздалъ сполна. Это означаютъ слова: *и обновленія Духа Святаго.* Онъ сполна сдѣлалъ насъ новыми. Какимъ образомъ? Святымъ Духомъ. Столь великую имѣемъ мы нужду въ благодати!“

Ст. 6. 7. *Егоже излія на насъ обильно, Іисусъ Христомъ Спасителемъ нашимъ, да оправдившеся благодатію Его, наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя.*

Духа Святаго Богъ Отецъ излилъ обильно на всѣхъ вѣрующихъ чрезъ Христа Спасителя. Изрекая Апостоламъ обѣтованіе о семъ, Господь говорилъ: *Азъ умолю Отца, и иного Утѣшителя дастъ вамъ* (Ін. 14, 16). Далѣе: *Утѣшитель же, Духъ Святый, Егоже послетъ Отецъ во имя Мое* (тамже, 26); и потомъ: *Утѣшитель, Егоже Азъ послю вамъ отъ Отца* (Ін. 15, 26). Такъ Господь Іисусъ Христосъ посредствуетъ въ ниспосланіи на Апостоловъ, а чрезъ нихъ и на всѣхъ вѣрующихъ Пресвятаго Духа. Положено было въ совѣтѣ Божіемъ, чтобъ Сынъ Божій, воплотившись и прошедши чрезъ крестныя страданія и смерть, прославился въ воскресеніи и вознесеніи, и тѣмъ проложилъ путь нис-

хожденію Св. Духа. Сей законъ Божескихъ въ устроеніи спасенія нашего дѣйствій открылъ св. Евангелистъ Іоаннъ, сказавъ: *не у бѣ Духъ Святый, яко Іисусъ не у бѣ прославленъ*,—Святый Духъ, Котораго имѣли пріять вѣрующіе, въ такомъ обиліи, что *рѣки отъ чрева ихъ потекутъ воды живы* (Ін. 7, 38. 39). Излитъ Духъ Святый первоначально на Апостоловъ, а чрезъ нихъ изливался Онъ и на всѣхъ вѣрующихъ. И видимъ въ Дѣяніяхъ и Посланіяхъ многіе примѣры, осязательно о томъ свидѣтельствующіе. Апостолы обыкновенно возвѣщали Евангеліе о спасеніи, увѣровавшихъ крестили, на крещенныхъ возлагали руки, и Духъ Святый изливался на нихъ, свидѣтельствуя о томъ явными благодатными дарованіями. Вѣрующіе всѣ знали сіе и испытывали, и Апостолъ нелестно въ лице имъ говорилъ, что Богъ излилъ на насъ съ вами Духа Святаго Іисусъ-Христомъ Спасителемъ нашимъ. Доразумѣвается: какъ сами вы знаете и испытали.

Да оправдившеся благодатію Его. — *Оправдившеся*,— не объявленные правыми, а сдѣлавшись праведными. святыми и чистыми, такими, въ которыхъ и слѣда нѣтъ прежде указанныхъ нравственныхъ худобъ. Совершаетъ сіе благодать. Она, нисходя на насъ, отвращаетъ отъ всего худаго и воодушевляетъ на все доброе, давая силу и дѣйствовать по сему воодушевленію. Дѣйствуя такъ, мы все злое изъ себя изгоняемъ, все же доброе насаждаемъ и укореняемъ,—и дѣлаемся такимъ образомъ во всемъ чистыми и непорочными. Се и цѣль домостроительства спасенія нашего. Се мѣта, куда надо направлять всѣ труды дѣйствованія нашего на землѣ. Конецъ же, вѣнчающій сіи труды — *наслѣдіе жизни вѣчныя*.

Да..... наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя. Упованіе наслѣдія есть существенная черта во внутрен-

немъ строѣ вѣрующихъ. Это вездѣ ярко выставляется у Апостола. И по существу домостроительства такъ должно быть. Гдѣ Я, тамъ будетъ слуга Мой, обѣтовалъ Господь. Наслѣдіе жизни вѣчной закрѣплено за нами. Не такъ, что можетъ быть получимъ, но такъ, что оно наше уже, только время не настало получить его. „Что значитъ: *по упованію?* Т.-е. какъ возуповали, такъ и получимъ, или: мы уже наслѣдники этого" (св. Златоустъ). Только бы ревновать не переставали о томъ, чтобъ быть праведными и святыми, и преуспѣвали въ томъ. Даромъ призваны къ наслѣдію, даромъ снабжены силами, чтобъ дойти до него; но дается оно не даромъ, а *комуждо по дѣламъ.*

Вѣрно слово!

Эти слова отнесены къ слѣдующему стиху; но по существу дѣла относятся къ предыдущей рѣчи. Ими запечатлѣваетъ Апостолъ вѣрность всего сказаннаго въ 3—7 ст., паче же обѣтованія наслѣдія жизни вѣчной. Пишетъ бл. Іеронимъ: „что сказалъ: *вѣрно слово,*— сіе должно соединять съ предыдущими словами: *да оправдившеся благодатію Его, наслѣдницы будемъ по упованію жизни вѣчныя.* Ибо всякой вѣры достойно слово о наслѣдіи Божіемъ и объ упованіи жизни вѣчныя." Такъ и св. Златоустъ: „такъ какъ онъ сказалъ о будущемъ, то прибавилъ и это для удостовѣренія. Это истинно, говоритъ, и ясно изъ предшествующаго. Тотъ, кто избавилъ насъ отъ такого беззаконія и такихъ золъ, безъ сомнѣнія подастъ намъ и будущія блага, если мы пребудемъ въ благодати; ибо все совершается однимъ и тѣмже Промысломъ."

з) *Вотъ чему учи, а пустыхъ стязаній отрицайся и еретиковъ прогоняй*—3, 8—11.

Ст. 8. *(Чадо Тите) вѣрно слово,—и о сихъ хощу тя*

извѣщати (утвердити), да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати вѣровавшіи Богу: сія суть полезна человѣкомъ и добра.

Чадо Тите — изъ нашихъ толковниковъ никто не читаетъ. *Вѣрно слово,* какъ показано, соединяется съ предыдущимъ, какъ подтвердительное слово.

О сихъ — можно относить и къ предыдущему и къ послѣдующему. Такъ Экуменій: „*о сихъ,* т.-е. о томъ, что сказано выше, и о томъ, что слѣдуетъ: *да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати.*“ Въ первомъ случаѣ будетъ: и вотъ о чемъ хочу, чтобъ ты училъ, что внушалъ, въ чемъ убѣждалъ, разумѣя обѣтованіе жизни вѣчной, — *буихъ же стязаній отступай.* Говори и толкуй о догматахъ просвѣщающихъ умъ и сердце утверждающихъ въ добромъ настроеніи и благихъ надеждахъ, а не о пустыхъ мечтаніяхъ, ни къ чему не полезныхъ. Во второмъ случаѣ будетъ: кромѣ вышесказаннаго учи ихъ еще и слѣдующему. Вышесказанное—всѣ добродѣтели, о коихъ учить заповѣдано выше, особенно же тѣ, о коихъ говорится въ первомъ и второмъ стихѣ настоящей главы, т.-е., чтобъ никого не обижали, а были тихи и кротки. Слѣдующее—добрыя дѣла, милостивость и благотворительность. Учи и внушай, говоритъ, чтобъ не только не обижали, но и благотворительны были.

Хощу тя извѣщати, — διαβεβαιοῦσθαι, — утверждати. Не св. Тита хочетъ убѣждать въ семъ Апостолъ, а хочетъ, чтобъ св. Титъ убѣждалъ вѣрующихъ въ необходимости такъ дѣйствовать. Или онъ хочетъ, чтобъ св. Титъ убѣдился въ томъ, что этому именно наипаче слѣдуетъ учить вѣрующихъ.

Да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати.—Да пекутся,—не мимоходомъ и не кое-какъ чтобъ дѣлали добрыя дѣла, а вседушно пеклись о томъ, день и ночь о

томъ только и думали, какъ бы и какое бы доброе дѣло гдѣ либо сдѣлать. *Прилѣжати*,—προΐστασθαι,—стоять впереди, изъ всѣхъ выдаваться. Когда обижаютъ, уступай, будто прячься; а когда доброе дѣло предлежитъ, будь напереди всѣхъ, не давай никому упредить тебя, первый хватайся за него, чтобъ о вѣрующихъ общее утвердилось мнѣніе, что въ добрыхъ дѣлахъ они всегда первые. Почему и приложилъ: да пекутся о семъ *вѣровавшіи Богу*. Почему они такъ должны дѣйствовать, это прямо слѣдуетъ изъ предыдущаго указанія на то, какими были мы до вѣры, и какими стали отъ вѣры, и какими въ силу ея утѣшаемся обѣтованіями. Столько милостей получивши, будь самъ милостивъ и добротворенъ.

Выпишемъ, что сказали о семъ наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „сказавъ о человѣколюбіи Божіемъ, о неизреченномъ Его попеченіи объ насъ и о томъ, каковы мы были и какими Онъ сдѣлалъ насъ, Апостолъ продолжаетъ: *и о сихъ хощу тя утверждати, да пекутся добрымъ дѣломъ прилѣжати вѣровавшіи Богу;* т.-е. объ этомъ бесѣдовать и такимъ образомъ располагать къ милосердію. Ибо вышесказанное можетъ расположить насъ не только къ смиренномудрію и къ тому, чтобъ мы не гордились и не порицали другихъ, но и ко всякой другой добродѣтели. Напомнивъ о попеченіи Божіемъ и необычайномъ Его человѣколюбіи, онъ убѣждаетъ слушателей быть милосердыми, и притомъ не просто и не случайно, но какъ? *да пекутся,* говоритъ, *добрымъ дѣломъ прилѣжати,* т.-е. и обижаемымъ помогать, не деньгами только, но и своимъ заступленіемъ, и вдовъ и сиротъ защищать, и всѣмъ вообще бѣдствующимъ доставлять спокойствіе; ибо это значитъ *добрымъ дѣломъ прилѣжати.*" Нѣкоторыя изъ этихъ мыслей полнѣе выражены бл. Ѳеофилактомъ.

„Помянувъ о неизреченной Божіей благости, говоритъ: хочу, чтобъ ты такъ училъ объ этомъ, чтобъ вѣрующіе научились не только смиренномудрствовать и не обижать другихъ, но и милость имъ всякую оказывать. Ибо кто памятуетъ о милости Божіей, какой сподобился, тотъ и самъ будетъ милостивъ. *Да пекутся*, говоритъ, т.-е., чтобъ они всегдашнимъ дѣломъ и постоянною заботою имѣли то, чтобъ помогать онеправдываемымъ: о вдовахъ, сиротахъ и вообще о всѣхъ нуждающихся промышлять. Ибо это значатъ слова: *добрымъ дѣломъ прилежати*, — προΐστασθαι, — не ожидать, чтобъ нуждающіеся приходили къ нимъ, а самимъ о нихъ попеченіе имѣть."

Сія суть полезна человѣкомъ и добра. Вотъ о чемъ хорошо и полезно учить! Или — вотъ чѣмъ занимать свой умъ и о чемъ прилѣжать хорошо и полезно всякому! Хочетъ Апостолъ и ученіе учителей и заботу вѣрующихъ направить къ стяжанію жизни вѣчной подблагодатною и святою жизнію. „Ничего нѣтъ очевиднѣе, какъ то, что милостивость и человѣколюбіе и для настоящаго хороши и на будущее полезны: здѣсь имъ—похвала, а въ день суда—вѣнецъ. И объ нихъ-то заботиться убѣждаетъ онъ правителя народа (Божія)" (Амвр.).

Ст. 9. *Буіихъ же стязаній и родословій и реній и сваровъ законныхъ отступай: суть бо неполезны и суетны*.

Тому учи, а слѣдующаго устраняйся. Чего же?— *Буіихъ стязаній*,—ζητήσεις, — изысканій, пытаній, вопросовъ, что то, что это,—почему одно такъ, а другое этакъ,—что въ другомъ мѣстѣ названо совопросничествомъ. Не всякое изысканіе и пытаніе укорно. И Спаситель внушалъ испытывать Писанія, потому что въ нихъ указывается путь къ вѣчному животу. Такъ пытать Писаніе, чтобъ открыть и уяснить сей

путь похвально. Но можно тоже Писаніе испытывать непохвально, когда пытаютъ не прямое содержаніе написаннаго, а что либо окольное; почему, напримѣръ, здѣсь такая буква стоитъ, а тамъ такая, или какая тайна откроется, если сопоставить буквы такъ и такъ. Такое изысканіе питаетъ пустую пытливость, никакой пищи не доставляя ни вѣрѣ, ни добронравію (Іеронимъ). У іудеевъ много было подобныхъ пытаній, и между ними много было лицъ, которыя кичились тѣмъ, и другихъ старались занимать. Такихъ и подобныхъ изысканій избѣгать повелѣваетъ Апостолъ, которыя болѣе представляютъ утонченности, чѣмъ доставляютъ назиданія; почему и называются *буіими*, неразумными, безтолковыми. Амвросіастъ пишетъ: „*буіими стязаніями* Апостолъ называетъ тѣ, которыя нисколько не содѣйствуютъ спасенію, и никакого не даютъ опытнаго вѣдѣнія къ устроенію жизни добродѣтельной.“ Бл. Ѳеодоритъ перифразируетъ сіи слова такъ: „старайся избѣгать безполезныхъ собесѣдованій; потому что не приносятъ никакой пользы ни собесѣдующимъ, ни слушающимъ.“

Родословій. Указывается одинъ изъ предметовъ буіихъ стязаній. Если относить это къ язычникамъ, то у нихъ были смѣшныя родословія ихъ боговъ; а если къ іудеямъ, то у нихъ было въ обычаѣ выставлять на видъ свое происхожденіе отъ великихъ праотцевъ, и вести свои родословныя линіи. Экуменій пишетъ: „говоря о родословіяхъ, Апостолъ имѣетъ въ виду или еллиновъ, которые исчисляютъ родословія своихъ боговъ, говоря: такой-то родилъ такого-то; или іудеевъ, которые не отличаясь добродѣтелями, прикрываются именами своихъ родоначальниковъ, и по причинѣ ихъ высокая о себѣ мудрствуютъ. Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ наши, говорятъ они, праотцы. Буіими и эти

родословія называетъ Апостолъ, какъ безполезныя. Ибо какая польза грѣшащему имѣть праотцемъ Авраама? Скорѣе въ этомъ осужденіе, что происходя отъ такихъ лицъ, они оказались непотребными.“ Св. Златоустъ говоритъ, что Апостолъ имѣетъ здѣсь въ виду только іудеевъ: „Апостолъ намекаетъ здѣсь на іудеевъ, которые, превозносясь праотцемъ своимъ Авраамомъ, о самихъ себѣ нерадѣли. Посему онъ и называетъ такія родословія неполезными и суетными. Дѣйствительно безумно надѣяться на вещи безполезныя.“

Реній и сваровъ законныхъ. Тамъ указывалось на мирныя изысканія, только пустыя, а тутъ — не на пустыя только, но и на немирныя, — задорные споры, похожіе на войну, съ ретивымъ рвеніемъ устоять на своемъ. Предметъ споровъ—законъ. Нравственный законъ охотно принимали и язычники; къ христіанамъ же перешли всѣ ветхозавѣтныя Писанія и съ исторіею народа Божія. И тутъ не о чемъ было спорить. Споры шли объ обрядовой сторонѣ закона, и еще болѣе о многихъ прибавленіяхъ къ нему, навязанныхъ іудеямъ ихъ позднѣйшими учителями въ видахъ точнѣйшаго исполненія того или другаго предписанія законнаго. Христіане не порицали того, что предписывалось въ законѣ, но почитали то ненужнымъ уже въ новой благодати, почему отказывались отъ исполненія того. Іудеи же, защищая свое, въ жаркіе вступали споры. Отсюда рвенія и свары; а пользы отъ того никакой. Апостолъ и предписываетъ устраняться отъ сего. Περιΐστασο, — минуй, не обращай на то вниманія. У тебя есть предметы важные; а этими пустяками не занимайся и всѣхъ пасомыхъ учи пропускать все сіе и подобное мимо ушей.

Суть бо неполезны и суетны. „Ибо никакъ не должно, оставляя дѣла необходимыя, иждивать время на суесловія и безплодные споры. Какая польза словопретися

тамъ, гдѣ нѣтъ надежды, чтобъ кто либо плѣненъ былъ во Христа“ (Өеоф.). Апостолъ исходитъ изъ того убѣжденія, что какъ таинства вѣры и правила жизни христіанской несомнѣнно истинны и непреложны; то все другое ложъ и пустяки, которыми вѣрующимъ не слѣдуетъ заниматься. Что не созидаетъ вѣры и добронравія, то безполезно, и отъ того надлежитъ удаляться. Бл. Өеофилактъ спрашиваетъ: „но какъ же выше онъ заповѣдалъ заграждать уста противящимся?“ и отвѣчаетъ: „это, когда видно, что они причиняютъ другимъ вредъ; говорить же такимъ, надѣясь принесть имъ самимъ пользу, не берись: ничего не успѣешь, потому что они неисправимы.“

Можетъ быть слова Апостола пригоже раздѣлить такъ, чтобъ *стязанія и родословія* относить къ языческимъ мудрованіямъ о своихъ богахъ, а *рвенія и свары* къ іудейскимъ спорамъ о достоинствѣ ихъ закона. Вѣрующіе Критяне были и изъ язычниковъ и изъ іудеевъ. И тѣ и другіе, можно предположить, не совсѣмъ отказались еще отъ своихъ воззрѣній и навыковъ. Почему поднимали вопросы то о томъ, то о другомъ,—изыскивали, заводили бесѣды, спорили,—и большею частію не пользы ища, а лишь чтобъ посуесловить. Къ этому можетъ быть нерѣдко присоединялись и невѣрующіе, какъ іудеи, такъ и язычники. Шли шумные разговоры и стязанія, а толку никакого. Апостолъ и предписалъ пресѣчь это. Учи, говоритъ, тому, что созидаетъ въ вѣрѣ и утверждаетъ въ доброй жизни; а отъ пустословія и самъ удаляйся и вѣрующихъ обязывай къ томуже.

Ст. 10. *Еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся.*

Это ужъ совсѣмъ другое. Тамъ говорилось о ведущихъ пустыя изысканія и безполезные споры. а здѣсь представляется лице опасное, еретикъ, который не о

пустомъ чемъ и безполезномъ разглагольствуетъ, но умствуетъ несогласно съ общесодержимымъ ученіемъ, и можетъ произвести раздѣленіе въ обществѣ вѣрующихъ, увлекая вслѣдъ себя. Такого нельзя пропускать безъ вниманія; но, во первыхъ, въ чаяніи, *еда како дастъ ему Богъ покаяніе въ разумъ истины* (2 Тим. 2, 25), поспѣшить обратиться къ нему съ вразумленіемъ, и если первое окажется безуспѣшнымъ, повторить его;—и потомъ, во вторыхъ, уже отрещись отъ него. Два только сдѣлать опыта вразумленія указывается, чтобъ усиленнымъ давленіемъ не углубить упорства въ иномыслящемъ, и чтобъ вмѣстѣ съ тѣмъ не дать ему повода научиться изворотливостямъ въ отстаиваніи своей лжи. Амвросіастъ пишетъ: „Еретики обычно, опираясь на словахъ Писанія, учатъ противно Писанію. Придавая словамъ Писанія свой собственный смыслъ, они его авторитетомъ одобрительнымъ подкрѣпляютъ неправое мудрованіе ума своего. Ибо нечестіе, зная, какой большой вѣсъ имѣетъ авторитетъ Писанія, подъ его именемъ слагаетъ ложъ, чтобъ, поелику худая вещь не можетъ быть принята сама по себѣ (подъ своимъ именемъ), она показалась удобопріемлемою подъ чужимъ добрымъ именемъ. — Такихъ людей Апостолъ велитъ однажды и дважды вразумлять, чтобъ быть имъ безотвѣтными; но не больше. Потому что если чаще ихъ обличать, то они еще болѣе сдѣлаются возбудительными на зло. Кто часто кого укоряетъ, тотъ дѣлаетъ его болѣе ретивымъ къ погубленію множайшихъ. Почему лучше отсылать ихъ прочь, чтобъ, ослабѣвъ въ ревности соблазнять другихъ, они одни только сами по крайней мѣрѣ гибли.“

Отрицайся,—скажи рѣшительно: ты не нашъ, отойди прочь отъ насъ; какъ добрый пастырь, отгоняй этихъ волковъ отъ своего стада. Это однозначительно съ

отлученіемъ отъ Церкви. Но тогда надо подъ еретикомъ разумѣть принадлежащаго къ сонму мѣстныхъ вѣрующихъ. Между тѣмъ онъ можетъ быть чужой, отынуды пришедшій; въ такомъ случаѣ *отрицайся*—будетъ,—не связывайся съ нимъ, разъ и два вразуми, и брось, отворотись отъ него, пусть идетъ своею дорогою. Бл. Θеодоритъ пишетъ: „Когда предпріемлющимъ учить противному два и три раза преподашь надлежащее ученіе, и потомъ увидишь, что остаются они при своихъ лукавыхъ догматахъ, тогда не входи уже съ ними въ собесѣдованія, потому что безполезный это трудъ." Тоже говоритъ и св. Златоустъ: „когда кто нибудь развратился до такой степени, что никакимъ образомъ не рѣшается перемѣнить своего мнѣнія, то для чего тебѣ трудиться напрасно, сѣя сѣмя на камени, тогда какъ можно употребить этотъ усердный трудъ для своихъ, бесѣдуя съ ними о милосердіи и другихъ добродѣтеляхъ. О людяхъ, подающихъ надежду на исправленіе и только оказывающихъ сопротивленіе (можно и болѣе позаботиться); а когда кто нибудь (держится ереси) явно и открыто предъ всѣми, то для чего напрасно спорить съ нимъ, для чего бить воздухъ?"

Ст. 11. *Вѣдый, яко развратися таковый, согрѣшаетъ, и есть самоосужденъ.*

Причина, почему, послѣ двукратнаго вразумленія еретика, не слѣдуетъ болѣе имъ заниматься, та, что, *развратися и согрѣшаетъ.*—*Развратися,*—ἐξέστραπται,—въ конецъ развратился; воспринялъ превратный умъ, съ которымъ ничего не подѣлаешь; потому что онъ потерялъ способность видѣть истину, бывъ наполненъ противными ей предубѣжденіями. Усвоенныя имъ ложныя начала омрачаютъ очи его, и онъ среди дня не видитъ свѣта, его окружающаго и всѣхъ другихъ просвѣщающаго.

Согрѣшаетъ,—ἁμαρτάνει,—обыкновенно употребляется о грѣхахъ нравственныхъ, или о нарушеніи заповѣдей. Но здѣсь говорится о ложномъ ученіи, въ отношеніи къ которому грѣхомъ можно считать непокорность яснымъ указаніямъ Слова Божія, или противленіе ясно выраженной волѣ Божіей,—упорство во лжи въ угодность своеличнымъ предубѣжденіямъ, несмотря на противорѣчіе ея ясной истинѣ Божіей. *Согрѣшаетъ*—будетъ: упорно остается въ своемъ заблужденіи, несмотря ни на какія вразумленія.

И есть самоосужденъ. Какъ самоосужденъ, когда не сознаетъ своей ошибки?—Можетъ быть это тоже значитъ, что самъ виноватъ; говорили, вразумляли,—не хотѣлъ слушать,—и пожинай плоды упорства,—кто виноватъ? Плодъ же упорства въ ереси есть потеря царствія Божія. Въ другомъ мѣстѣ Апостолъ, перечисливъ дѣла плотскія, въ числѣ которыхъ поставлены и ереси, заключилъ: *таковая творящіи царствія Божія не наслѣдятъ* (Гал. 5, 21). Еретикъ, упорно стоящій въ ереси, отселѣ уже самъ себя приговариваетъ къ сему лишенію царствія,—не приговаривая приговариваетъ самымъ дѣйствіемъ упорства въ ереси, не смотря на изобличеніе излюбленной имъ лжи. Здѣсь пока онъ не видитъ и не слышитъ такого надъ собою приговора. Но можно, при словѣ Апостола, переноситься мыслію къ послѣднему суду, гдѣ еретикъ самъ увидитъ свою ошибку и самъ себя осудитъ, что видя не видалъ, не имѣя что сказать въ свое оправданіе. Въ такомъ случаѣ *сомоосужденъ*—будетъ тоже, что безоправдателенъ, ничего не имѣющій сказать въ свое оправданіе (Экум.).

По гречески стоитъ: *согрѣшаетъ, будучи самоосужденъ,—ὢν αὐτοκατάκριτος*. Это подаетъ ту мысль, что совѣсть осуждаетъ его (Экум.) за несогласіе съ исти-

ною очевидною, а онъ не слушаетъ совѣсти, стыдясь уступкою посрамиться. Онъ приноситъ въ жертву своему самолюбію ясно сознаваемую истину, и грѣшитъ, идя противъ совѣсти. Между еретиками не всѣ таковы; но между противящимися истинѣ не малое число есть такихъ, къ которымъ приложимъ такой приговоръ.

ПОСЛѢСЛОВІЕ,—3, 12—15.

Здѣсь св. Павелъ а) дѣлаетъ нѣкоторыя распоряженія,—12—14,—б) посылаетъ цѣлованія и в) даетъ послѣднее благословеніе, —15.

а).

Ст. 12. *Егда послю Артему къ тебѣ или Тихика, потщися пріити ко мнѣ въ Никополь: тамо бо судихъ озимѣти.*

Оставилъ въ Критѣ св. Тита *недоконченная исправить* (1, 5), а тутъ опять къ себѣ зоветъ. Какъ такъ? Но нѣтъ нужды предполагать, что этотъ случай имѣлъ мѣсто скоро послѣ отбытія св. Павла изъ Крита. Могло послѣ того миновать какихъ нибудь полгода, въ какое время св. Титъ могъ въ достаточной мѣрѣ привесть въ порядокъ дѣла критской церкви. Св. Павлу естественно было придти къ желанію узнать, что и какъ онъ тамъ устроилъ, чтобъ пересмотрѣвъ все и обсудивъ, дать ему нужныя наставленія для дальнѣйшаго дѣйствованія. Такъ св. Златоустъ, Экуменій, Ѳеофилактъ. Вотъ слова ихъ: „что ты говоришь? Поставивъ Тита въ Критѣ, ты опять вызываешь его къ себѣ?—Не съ тѣмъ, чтобы отвлечь его отъ должности, но чтобы больше утвердить" (св. Злат.). „Чтобы больше приспособить его къ дѣлу и дать совѣтъ, что и какъ слѣдуетъ дѣлать далѣе" (Экум.). „Это для его же пользы, чтобъ лучше наладить его на дѣло, обсудивъ, какъ исполнено имъ ввѣренное ему" (Ѳеоф.). Амвросіастъ прибавляетъ, что послѣ посланія и къ себѣ зоветъ Тита св. Павелъ не для утвержденія его только въ дѣлахъ церковныхъ, но и по желанію видѣть его, любимаго.

Какой разумѣть здѣсь Никополь? Св. Златоустъ, Θеодоритъ, Экуменій разумѣютъ Никополь Θракійскій, близъ границы между Θракіею и Македоніею, на половинѣ разстоянія между Филиппами, на берегу моря, и Филиппополемъ на Марицѣ. Θеофилактъ разумѣетъ Никополь на Дунаѣ, который значится и въ древнихъ картахъ тамъ-же, гдѣ и нынѣ стоитъ. Бл. Іеронимъ разумѣетъ Никополь Эпирскій, получившій названіе такое отъ побѣды, одержанной Августомъ надъ Антоніемъ и Клеопатрою. Нынѣ—это Превеза. Былъ еще Никополь Киликійскій, недалеко отъ Тарса, близъ границы съ Сиріею и Арменіею. На какомъ изъ нихъ остановиться? На каждомъ можно, судя потому, какъ кто вообразитъ себѣ путь шествія Апостола Павла. Можно вообразить его такъ: писалъ св. Павелъ изъ Рима къ Филимону, чтобъ приготовилъ ему комнату, и нужды церкви Колосской и сопредѣльныхъ ей требовали особой заботы его. Потому недивно, что онъ изъ Крита направился по тому же пути, по которому слѣдовалъ прежде въ Римъ, т.-е. Муры. Отсюда взошелъ къ Колоссамъ, и устроивъ здѣсь дѣла, поспѣшилъ къ востоку для посѣщенія церквей Писидійскихъ, Ликаонскихъ и Киликійскихъ, первородныхъ чадъ своихъ, имѣя въ мысли побывать и въ Антіохіи. Но приближаясь къ предѣламъ Сиріи, узналъ что тамъ начались истребительные нападки на евреевъ, и положилъ не идти туда, а озимѣть въ Никополѣ Киликійскомъ, такъ какъ зима была близко. Сюда-то и приглашалъ онъ Тита. Тихика взялъ онъ въ Колоссахъ, куда сей былъ посланъ отнести посланіе. Перезимовавъ въ Никополѣ, Апостолъ опять направился на Западъ, посѣтилъ церкви Киликійскія, Фригійскія, Галатійскія, побывалъ въ Ефесѣ, Македоніи и Ахаіи, и чрезъ Никополь Епирскій, или еще иначе какъ, отправился далѣе въ Испа-

нію. Предлагаемъ такое начертаніе пути, потому что оно кажется болѣе подходящимъ. О семъ уже говорено во введеніи.

О Тихикѣ поминалось уже въ другихъ посланіяхъ. Объ Артемѣ говорится въ первый разъ и болѣе о немъ ничего неизвѣстно. Преданіе передаетъ, что онъ потомъ былъ епископомъ въ Листрахъ. Онъ причисляется къ 70 Апостоламъ. Память его 30 октября.

Бл. Іеронимъ даетъ соображеніе, зачѣмъ посылается въ Критъ Артема или Тихикъ. За тѣмъ, чтобъ остаться тамъ вмѣсто Тита и чтобы церковь Критская не сиротствовала безъ мужа Апостольскаго. „Изъ этого видна отеческая любовь Апостола къ Критянамъ. Ему нужно было видѣться съ Титомъ по дѣламъ Евангельской проповѣди; но не прежде велитъ ему двинуться къ себѣ, какъ по приходѣ къ нему Тихика или Артемы, чтобъ заступить мѣсто его.“

Ст. 13. *Зину законника и Аполлоса скоро предпосли, и да ничтоже имъ скудно будетъ.*

Зина законникъ, только здѣсь поминаемый,—потому что хорошо изучилъ и зналъ законъ, получилъ такое прозваніе; оно удержалось при немъ и по его обращеніи. *Аполлосъ,* извѣстный вѣдецъ Писанія, мужъ сильный въ словѣ. Они не получили еще особыхъ епархій въ управленіе, а сотрудничествовали Ап. Павлу (св. Злат. и др.). Относительно ихъ пишетъ св. Павелъ: *скоро предпосли.—Предпосли,*—προπεμφον,—или дальше ихъ поскорѣе проводи, или поскорѣе ко мнѣ пошли прежде себя, не дожидаясь, когда я позову тебя. И въ томъ и въ другомъ значеніи употреблялъ уже сіе слово св. Павелъ,—въ первомъ, когда уповалъ Римлянами *проводитися* въ Испанію (Римл. 15, 24), во второмъ, когда писалъ къ Коринѳянамъ проводить къ себѣ съ миромъ св. Тимоѳея (1 Кор. 16, 11).

Въ первомъ случаѣ получимъ такую мысль: Зина и Аполлосъ были при св. Павлѣ. Имѣя нужду, по дѣлу проповѣди, послать ихъ куда-то, можетъ въ Ахаію, онъ, по обстоятельствамъ, направилъ ихъ туда чрезъ Критъ, и пишетъ Титу, чтобъ онъ не задерживалъ ихъ, а препроводилъ далѣе поскорѣе, снабдивъ всѣмъ нужнымъ. При этомъ можно предположить, что посланіе къ Титу было отправлено съ ними, или они отправлены съ относителемъ посланія, — а можетъ быть и писано было сіе посланіе по поводу направленія ихъ этою дорогою.

Во второмъ случаѣ будетъ такая мысль: Зина и Аполлосъ были въ Критѣ и трудились тамъ въ проповѣди Евангелія еще до прибытія туда мимоѣздомъ св. Павла. Отъѣзжая изъ Крита, св. Павелъ оставилъ ихъ тамъ продолжать дѣло проповѣди, вмѣстѣ съ Титомъ. Но теперь имѣя въ нихъ нужду, по тому же дѣлу проповѣди въ той мѣстности, гдѣ самъ находился, пишетъ къ Титу, чтобъ поскорѣе послалъ ихъ къ нему, прежде чѣмъ самъ будетъ позванъ,—тотчасъ по полученіи сего посланія.

И да ничтоже скудно будетъ имъ. Снабди ихъ всѣмъ нужнымъ, пищею, одеждою и извѣстною суммою денегъ на путевыя издержки (Іерон., Экум., Ѳеоф.); чтобъ они ни въ чемъ не имѣли недостатка.

Зина пасъ Христову церковь въ Діосполѣ. Память его сентября 27. Причисленъ къ 70. Аполлосъ, по Іерониму, былъ епископомъ въ Коринѳѣ; но мѣсяцесловы пишутъ, что онъ епископствовалъ въ Смирнѣ, прежде св. Поликарпа; причисленъ къ 70; память его сентября 10 и декабря 8.

Ст. 14. *Да учатся же и наши добрымъ дѣломъ прилѣжати въ нужная требованія, да не будутъ безплодни.*

Написалъ: снабди всѣмъ нужнымъ; а гдѣ взять?

Титъ, какъ и всѣ вѣропроповѣдники, конечно ничего не имѣлъ. Такъ могъ подумать читающій. Апостолъ указываетъ источникъ: это пусть сдѣлаютъ *наши*, т.-е. вѣрующіе Критяне. Пусть учатся добрымъ дѣламъ, помогая въ нуждахъ всѣмъ нуждающимся. Но если всѣмъ, то тѣмъ паче труждающимся въ проповѣди. Дѣйствуя такъ, они плодъ покажутъ вѣры и благодати, и плодъ сей имъ же самимъ обратится въ пользу. Бл. Іеронимъ, сказавъ, что сими словами св. Павелъ даетъ отвѣтъ на возможный вопросъ: откуда взять Титу нужное?—прибавляетъ: „нашими, своими назвалъ Апостолъ увѣровавшихъ во Христа, которые, поколику Христовы суть, могли справедливо быть названы Павловыми и Титовыми. Имѣешь, говоритъ какъ-бы Апостолъ, власть надъ учениками; учи же ихъ не быть безплодными, но пусть послужатъ Евангелистамъ и мужамъ Апостольскимъ, занимающимся спасительными трудами проповѣди,—и послужатъ не во всемъ, а въ нужныхъ потребностяхъ, которыя опредѣляются такъ: *имуще пищу и одежду сими довольни будемъ* (1 Тим. 6, 8). Ибо служащіе алтарю, отъ алтаря должны и питаться, и сдѣлавшіеся причастными нашихъ духовныхъ благъ, должны дѣлать насъ причастниками своихъ вещественныхъ благъ. На случай, чтобъ Критяне не оказали невниманія къ симъ словамъ посланія, или къ внушеніямъ Тита, Апостолъ называетъ безплодными тѣхъ, которые не хотятъ послужить Евангелистамъ отъ имѣній своихъ. А о безплодныхъ написано: *всяко древо, еже не творитъ плода добра, посѣкаютъ е, и во огнь вметаютъ* (Мѳ. 7, 19). И еще: *сѣяй скудостію, скудостію и пожнетъ* (2 Кор. 9, 6). Не хотѣть доставлять потребное Апостольскимъ мужамъ и Евангелистамъ Христовымъ, значитъ обличить себя въ безплодности.“ Апостолъ внушаетъ Титу, пишетъ блаж. Ѳеодоритъ: „научи

увѣровавшихъ имѣть попеченіе о тѣлесныхъ услугахъ тѣмъ, кому ввѣрено учить Божественному. Ибо имъ надлежитъ приносить и таковые плоды."

„Видишь ли, продолжаетъ туже рѣчь св. Златоустъ, какъ Апостолъ заботится больше о вѣрующихъ подающихъ. чѣмъ о проповѣдникахъ принимающихъ? Можно было бы снабдить ихъ и чрезъ многихъ другихъ, но я, говоритъ, забочусь о нашихъ. Ибо что пользы, скажи мнѣ. еслибы другіе собирающіе сокровища питали учителей? Нашимъ тогда не было бы никакой пользы; они остались бы безплодными.—Скажи мнѣ, Христосъ напитавшій пятью хлѣбами пять тысячъ, и семью—четыре тысячи, развѣ не могъ пропитать Себя и бывшихъ съ Нимъ? Для чего же Онъ принималъ пищу отъ женъ? *Хождаху по Немъ жены,* говоритъ Писаніе, *и служаху Ему* (Марк. 15, 41). Онъ дѣлалъ это для наученія насъ тому, что Онъ печется о дѣлающихъ благодѣянія. Такъ же Павелъ помогавшій своими руками другимъ, развѣ не могъ не принимать пропитанія ни отъ кого? Но смотри, какъ онъ принималъ и просилъ,—и вотъ для чего: *не яко ищу даянія*, говоритъ онъ, *но ищу плода множащагося въ слово ваше* (Филип. 4, 17)."

б).

Ст. 15. *Цѣлуютъ тя со мною сущіи вси. Цѣлуй любящія ны въ вѣрѣ.*

Сущіи со мною,—сотрудники въ дѣлѣ проповѣди, извѣстные Титу и Тита пріятельски знающіе. Говоритъ это Апостолъ, и обычаю удовлетворяя, и вмѣстѣ свидѣтельствуя о достоинствѣ Тита, что „онъ таковъ, что заслужилъ любовь всѣхъ сущихъ съ Павломъ. Великая похвала Титу быть привѣтствуему отъ всѣхъ чрезъ Павла" (Іерон.).

Любящія ны въ вѣрѣ,—цѣлуй „или любящихъ насъ вѣрно и нелицемѣрно, или любящихъ насъ вѣрныхъ, т.-е. христіанъ“ (Ѳеоф.). Бл. Іеронимъ понимаетъ такъ: любящихъ насъ въ духѣ вѣры, или въ силу вѣры. „Еслибы всякій любящій, пишетъ онъ, любилъ въ вѣрѣ, и не было бы иныхъ любящихъ безъ вѣры, то Апостолъ никакъ къ любви не присовокупилъ бы вѣры, говоря: *цѣлуй любящія ны въ вѣрѣ.* Любятъ и матери дѣтей, до того, что на смерть за нихъ готовы, но любятъ не въ вѣрѣ; любятъ и жены мужей, но любовь эта не отъ вѣры. Одна любовь святыхъ любитъ въ вѣрѣ,— до того, что хотя бы любимый былъ изъ невѣрныхъ, святый любитъ его въ вѣрѣ, по слову Писанія: *любите враги ваша* (Лук. 6, 35). Любитъ святый враговъ своихъ, и потому любитъ въ вѣрѣ: ибо вѣруетъ Тому, Кто обѣтовалъ за исполненіе заповѣди Своей воздать милостивымъ возданіемъ.“ Амвросіастъ прибавляетъ: „Апостолъ тѣхъ обозначаетъ достойными своего цѣлованія, которые любятъ его по любви ко Христу Господу нашему.“

в).

(Ст. 15)... *Благодать со всѣми вами. Аминь.*

Послѣднее наконецъ благословеніе преподавая, Апостолъ говоритъ: *благодать со всѣми вами.* „Молитвенно благожелательствуетъ, да сохранится въ нихъ даръ Божій или человѣколюбіе Божіе выну пребудетъ съ ними, сохраняя ихъ благодатію и во благодати. Или: да пребудетъ всегда благодать съ ними, наипаче въ ней нуждающимися, ограждая и души ихъ и тѣла во Святомъ Духѣ“ (Ѳеоф.). „Какъ прочіе Апостолы, по слову Господа, входя въ домъ, говорили: *миръ дому сему* (Мѳ. 10, 12); и если достоинъ былъ домъ, то миръ ихъ почивалъ на немъ, а если онъ оказывался

недостойнымъ, то возвращался къ тѣмъ, которые желали благословить имъ его: такъ и теперь св. Павелъ молитвенно благожелалъ вѣрующимъ благодати,—и это конечно вмѣстѣ съ молитвеннымъ благожеланіемъ имѣло свое дѣйствіе, если благословляемые являли себя таками, какими желалъ имъ быть благословляющій.“

Приложимъ слова бл. Ѳеодорита, которыми онъ закончилъ свое толкованіе сего посланія. „Сіе написалъ Божественный Апостолъ блаженному Титу; но и намъ всѣмъ доставилъ заключающуюся въ этомъ пользу; потому что и мы какъ изъ общихъ сокровищъ, извлекаемъ изъ сего богатство. Да дастъ же намъ Богъ и хранить собранное, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ! Съ Нимъ Отцу со Всесвятымъ Духомъ слава, честь и держава, нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ! Аминь.

ПОСЛАНІЯ КЪ ТИМОѲЕЮ.

ВВЕДЕНІЕ.

1) О св. Тимоѳеѣ.

Св. Тимоѳей былъ любимѣйшій ученикъ св. Павла, восхваляемый имъ высокими похвалами во многихъ мѣстахъ своихъ посланій. И самъ онъ преискренно любилъ св. Павла, какъ отца, и никогда не оставлялъ его съ того времени, какъ былъ избранъ имъ и взятъ съ собою на труды проповѣдническіе. Въ первый разъ Ап. Павелъ, какъ поминаетъ книга Дѣяній, встрѣтилъ св. Тимоѳея во второе свое Апостольское путешествіе, когда послѣ собора, бывшаго въ Іерусалимѣ, въ сопровожденіи Силы, посѣщая предварительно преждеоснованныя имъ Церкви, прибылъ въ Листру Ликаонскую. Здѣсь свидѣтельствовали о немъ братія вѣрующіе.—и мѣстные и сосѣдняго города Иконіи (Дѣян. 16, 2),—свидѣтельствовали, конечно, не объ одной нравственной его добротѣ, но и о полнотѣ вѣдѣнія Евангельскаго съ ревностію распространять его, защищать и укоренять. По этому поводу Духъ Божій указалъ въ немъ св. Павлу добраго ему помощника въ дѣлѣ благовѣстія,—и онъ избралъ его и взялъ съ собою.

Преданіе впрочемъ возводитъ первую встрѣчу Ап. Павла съ св. Тимоѳеемъ ко времени перваго въ Листрѣ насажденія имъ вѣры, прилагая, что тогда же родилось у него и намѣреніе употребить его въ дѣло благовѣстія. Когда св. Павелъ съ Варнавою, изгнанные изъ

Иконіи, прибѣжавъ въ грады Ликаонскіе, исцѣлили въ Листрѣ хромаго отъ чрева матери его, тогда Листряне подумали, что они боги въ образѣ человѣковъ и собрались-было принесть имъ жертву. Когда же Апостолы убѣдили ихъ, что не суть боги, а посланники Божіи, на то посланные, чтобъ отклонять людей отъ ложной вѣры и приводить къ истинной,—и растолковали имъ, въ чемъ сія истинная вѣра,—тогда они во множествѣ оставляли прежнее нечестіе и вѣровали въ Евангеліе (Дѣян. 14). Въ числѣ ихъ, пишетъ св. Димитрій Ростовскій (Ген. 22), были бабка и мать св. Тимоѳея, вдовствовавшая по смерти мужа. Они увѣровали въ числѣ первыхъ; съ ними вмѣстѣ увѣровалъ и св. Тимоѳей, какъ можно заключать изъ словъ св. Павла, въ которыхъ онъ воспоминаетъ о началѣ его увѣрованія: *воспоминаніе пріемля о сущей въ тебѣ нелицемѣрнѣй вѣрѣ, яже вселися прежде въ бабу твою Лоїду, и въ матерь твою Евникію, извѣстенъ же есмь, яко и въ тебѣ* (2 Тим. 1, 5),—т.-е., что и ты не отсталъ отъ нихъ. Обрадованные увѣрованіемъ, они приняли Апостоловъ въ домъ свой и всякимъ довольствомъ упокоили. Тутъ мать предала единственное чадо свое св. Тимоѳея св. Павлу, какъ даръ за чудо, явленное въ городѣ ихъ, а паче за пріятую ими свѣтлость благочестія. Св. Павелъ принялъ его и, видя юношу доброумнымъ и кроткимъ, и благодать Божію прозрѣвъ въ немъ, возлюбилъ его и положилъ взять его съ собою, — только не въ ту пору, а послѣ; потому что онъ еще былъ молодъ и имѣлъ нужду въ приготовленіи къ труду благовѣстія. Оставивъ его до времени въ домѣ, св. Павелъ поручилъ его мудрѣйшимъ вѣрующимъ, чтобъ руководили его въ уразумѣніи Писаній и пріучали къ трудамъ по дѣлу вѣры среди вѣрующихъ и невѣрующихъ.

Какъ видно, время это не потрачено напрасно. И

св. Павелъ, пришедъ сюда во второй разъ, спустя нѣсколько лѣтъ со св. Силою. нашелъ св. Тимоѳея и добрымъ вѣдцемъ Божественныхъ Писаній (2 Тим. 3, 15), и преуспѣвающимъ въ добродѣтели, и доброе стяжавшимъ свидѣтельство отъ всѣхъ христіанъ (Д. 16). Онъ и прежде конечно не чуждъ былъ вѣдѣнія Писаній,—до чего не могли допустить его мать и бабка, благочестивыя; но теперь онъ навыкъ читать въ нихъ предуказаніе Евангельскаго ученія. Вѣроятно и прежде богобоязненными воспитательницами своими наученъ онъ былъ всякимъ добрымъ дѣламъ; но теперь его научили обращать труды добродѣланія на другой предметъ, именно на способствованіе успѣхамъ Евангелія. Видя это, св. Павелъ и положилъ теперь же взять его съ собою „во Апостольство и сотворить всѣхъ трудовъ и путей своихъ сошественника и соучастника неотступна, и сослужителя о Господѣ вѣрна."

Положивъ это, св. Павелъ положилъ и обрѣзать Тимоѳея, не по необходимости сего для спасенія, а по благопотребности сего для успѣховъ проповѣди. Необрѣзанный не имѣлъ бы свободнаго къ Іудеямъ доступа и въ домахъ, тѣмъ болѣе въ синагогахъ, и еще болѣе съ наставленіемъ о томъ, какъ должно вѣровать и спасаться. Какъ порядокъ, въ какомъ велась тогда проповѣдь, требовалъ этого, то Апостолъ и рѣшилъ обрѣзать св. Тимоѳея. Съ его стороны это была мѣра благоразумія, по тому началу, котораго всегда держался онъ: *всѣмъ быхъ вся* (1 Кор. 9, 19—22), а со стороны св. Тимоѳея, примѣръ полной покорности учителю, подражанія ему и преданности, и первая жертва любви къ ближнимъ и ревности объ ихъ спасеніи.

Такъ приготовившись, пошли на проповѣдь далѣе. На первыхъ порахъ св. Тимоѳей не видѣнъ дѣйствующимъ; онъ только смотрѣлъ и учился. Видѣлъ обра-

щеніе Галатовъ, а, можетъ быть, Колоссянъ, Лаодикійцевъ и Іерапольцевъ (Дѣян. 16, 6). Былъ свидѣтелемъ, какъ Духъ Божій не попустилъ имъ идти ни въ Асію, ни въ Виѳинію, а направилъ чрезъ Троаду въ Македонію. Наблюдалъ успѣхи проповѣди въ Филиппахъ, Солуни и Беріи, съ сопровождавшими ее знаменіями и чудесами. Вѣроятно что нибудь и дѣлалъ онъ во всѣхъ этихъ мѣстахъ.

Но въ первый разъ свидѣтельство о немъ встрѣчается уже при описаніи дѣлъ въ Берíи, именно, что онъ, когда св. Павелъ вынужденъ былъ перебраться въ Аѳины, оставленъ былъ здѣсь съ Силою, на время, конечно не безъ назначенія продолжать дѣло проповѣди. Провожавшіе св. Павла въ Аѳины получили наказъ къ свв. Силѣ и Тимоѳею, чтобъ они поскорѣе постарались соединиться съ нимъ. Поспѣшилъ къ нему вѣроятно одинъ св. Тимоѳей и разсказалъ о томъ, что терпятъ и чѣмъ смущаются македонскія братія. Это понудило св. Павла написать къ Солунянамъ первое посланіе въ утѣшеніе и вразумленіе ихъ, и послать его съ Тимоѳеемъ же, давъ и ему заповѣдь утвердить и утѣшить ихъ въ вѣрѣ (1 Сол. 3, 2). Тутъ св. Павелъ называетъ уже его *братомъ* своимъ, *служителемъ Божіимъ* и *споспѣшникомъ себѣ въ благовѣстіи Христовѣ:* что конечно было не слово ласканія, а истина дѣла. Возвратился св. Тимоѳей уже съ Силою, и нашелъ св. Павла въ Коринѳѣ, куда перешелъ онъ изъ Аѳинъ (Дѣян. 18, 5).

Послѣ сего, во время полуторагодичнаго пребыванія св. Павла въ Коринѳѣ, во время путешествія его въ Іерусалимъ на праздникъ, пребыванія въ Антіохіи, вторичнаго посѣщенія малоазійскихъ церквей въ Киликіи, Ликаоніи, Фригіи и Галатіи, и трехгодичнаго почти пребыванія его въ Ефесѣ, о св. Тимоѳеѣ не по-

минается. Но онъ, конечно, съ нимъ былъ во все это время; ибо для того и взятъ, чтобъ быть при немъ,— съ нимъ былъ, и дѣйствовалъ съ нимъ, по его указанію и руководству.

Поминается о немъ уже къ концу пребыванія св. Павла въ Ефесѣ. Услышалъ Ап. Павелъ о нѣкоторыхъ нестроеніяхъ въ Церкви Коринѳской и положилъ побывать у нихъ; но какъ еще нужно было кое-что сдѣлать въ Ефесѣ, то онъ послалъ напередъ туда св. Тимоѳея, чтобъ онъ тамъ уладилъ дѣла по своему усмотрѣнію. Между тѣмъ какъ св. Тимоѳей двигался въ Коринѳъ чрезъ Македонію, пришли къ св. Павлу посланные изъ Коринѳской Церкви съ посланіемъ. Узнавъ опредѣленно, въ чемъ состояли тамошнія нестроенія, св. Павелъ написалъ къ Коринѳянамъ посланіе первое, и отправилъ его со св. Титомъ. Въ этомъ посланіи онъ поминаетъ, что послалъ къ нимъ *Тимоѳея, чадо возлюбленно и вѣрно о Господѣ,* чтобъ онъ напомнилъ имъ пути о Господѣ (1 Кор. 4, 17); а послѣ прибавляетъ: *когда придетъ къ вамъ Тимоѳей, смотрите, чтобъ онъ былъ у васъ безъ страха: дѣло бо Божіе дѣлаетъ, якоже и азъ* (1 Кор. 16, 10).

Вслѣдъ за симъ возстаніе невѣрующихъ въ Ефесѣ понудило св. Павла оставить этотъ городъ прежде положеннаго времени, и онъ направился въ Коринѳъ чрезъ Македонію. Двигался онъ туда неспѣшно; ибо ему надо было прежде прибытія въ Коринѳъ видѣться съ Титомъ, чтобъ узнать, какъ принято посланіе и что произвело среди вѣрующихъ. Не дождавшись его въ Троадѣ, переѣхалъ онъ въ Македонію, и здѣсь встрѣтилъ Тита. Тутъ же засталъ онъ и св. Тимоѳея, который не успѣлъ выдти въ Коринѳъ. Узнавъ отъ Тита, какъ шли дѣла въ Коринѳѣ, св. Павелъ пишетъ къ нимъ второе посланіе, въ коемъ въ надписаніи ставитъ

вмѣстѣ съ собою и св. Тимоѳея. Посланіе послано опять со св. Титомъ, а св. Тимоѳей пошелъ туда со св. Павломъ, послѣ него. Ибо тамъ видимъ его во время писанія оттуда св. Павломъ посланія къ Римлянамъ, которымъ онъ пишетъ цѣлованіе и отъ Тимоѳея, *споспѣшника своего* (16, 21). И на возвратномъ пути оттуда, послѣ трехмѣсячнаго тамъ пребыванія, видимъ св. Тимоѳея со св. Павломъ, въ числѣ другихъ спутниковъ его (Дѣян. 20, 4).

Св. Павелъ направлялся въ Іерусалимъ. На семъ пути былъ онъ въ Филиппахъ, въ Троадѣ, въ Милетѣ, Родосѣ, въ Тирѣ и Кесаріи и во многихъ другихъ прибрежныхъ городахъ, гдѣ были вѣрующіе, вѣроятно ученики св. Павла. Въ Іерусалимѣ св. Павелъ, по случаю возстанія Іудеевъ, взятъ властями, и въ узахъ пробылъ два года въ Кесаріи; откуда, все же узникомъ, отправленъ въ Римъ, гдѣ еще просидѣлъ въ узахъ два года. Во все это время о св. Тимоѳеѣ поминается лишь въ Троадѣ и въ Римѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что онъ неотлучно былъ со св. Павломъ: таково было его назначеніе.

Что онъ былъ въ Римѣ, видно изъ надписаній въ посланіяхъ, писанныхъ св. Павломъ изъ Рима къ Колоссаемъ, къ Филимону и къ Филиппійцамъ, гдѣ св. Павелъ вмѣстѣ съ собою ставитъ и св. Тимоѳея. Въ посланіи къ Филиппійцамъ св. Павелъ пишетъ, что намѣренъ послать къ нимъ св. Тимоѳея, какъ только узнаетъ о своемъ освобожденіи. Вѣроятно это обѣщаніе было исполнено; и когда св. Павелъ самъ отплылъ изъ Рима въ Малую Азію, какъ обѣщалъ Филимону, чрезъ Критъ, св. Тимоѳей, можно полагать, направился въ Македонію, чтобъ, побывъ въ Филиппахъ, соединиться опять со св. Павломъ, что вѣроятно и было въ Никополѣ Киликійскомъ, гдѣ зимовалъ св. Павелъ.

Увидѣвшись съ нимъ, онъ далъ ему знать, какъ идутъ дѣла въ Македоніи, и какъ желательно и нужно его тамъ присутствіе.

Перезимовавъ въ Никополѣ, весною св. Павелъ направился въ Македонію чрезъ Ефесъ. Долго въ Ефесѣ, по сказанному, а можетъ быть и другимъ обстоятельствамъ, ему оставаться было невозможно. Почему, видя, что тамъ нѣчто требуетъ исправленія властною рукою, и что потребна властная рука для держанія должныхъ порядковъ между вѣрующими, онъ рукоположилъ св. Тимоѳея во епископа, по пророчеству, съ возложеніемъ рукъ священничества (1 Тим. 1, 18; 4, 14. 2 Тим. 1, 6), и оставилъ его тамъ, а самъ отправился въ Македонію, сѣдши на корабль въ Милетѣ (гдѣ оставилъ Трофима по причинѣ болѣзни его), чтобъ чрезъ Троаду (гдѣ у Карпа оставилъ фелонь и можетъ быть книги) прибыть въ Филиппы. Отсюда писалъ онъ первое посланіе къ св. Тимоѳею, давая ему наставленія о пасеніи паствы и воодушевляя къ трудамъ по сему важному дѣлу.

. Апостолъ выражалъ въ семъ посланіи намѣреніе, скоро воротиться въ Ефесъ, вѣроятно посѣтивши Церкви Македонскія и Ахайскія. Но обстоятельства такъ сложились, что этого исполнить ему не удалось. Преданіе гласитъ, что въ Коринѳѣ встрѣтился онъ со св. Петромъ (Цер. Ист. Евсевія 2, 25) и съ нимъ отправился на Западъ. Св. Петръ прямо въ Римъ, а св. Павелъ прежде въ Испанію, и потомъ въ Римъ, гдѣ оба они попали въ узы и увѣнчались мученическою смертію. Изъ сихъ узъ св. Павелъ писалъ къ св. Тимоѳею второе посланіе о томъ же, о чемъ писалъ прежде, приглашая его поспѣшить въ Римъ къ нему, оставленному всѣми, и дѣлая ему другія нѣкоторыя порученія. Нѣтъ сомнѣнія, что это желаніе Божественнаго учи-

теля было поспѣшно исполнено любимымъ и любящимъ ученикомъ.

По мученической смерти св. Павла, св. Тимоѳей возвратился въ Ефесъ и правилъ тамошнею церковью до своей кончины, тоже мученической, пользуясь руководствомъ и св. Іоанна Богослова, который здѣсь жилъ и руководилъ пастырей всѣхъ церквей Асійскихъ. Во время заточенія св. Іоанна Богослова въ Патмосѣ дѣло руководства всѣхъ церквей исправлялъ св. Тимоѳей, пишетъ св. Димитрій Ростовскій.

Мученическая кончина его (со словъ патріарха Фотія) была такая: совершался Ефесянами язычниками какой-то праздникъ, въ который мужи и жены, перерядившись и надѣвъ маски, ходили по улицамъ города съ идолами и дреколіями въ рукахъ, при безчинныхъ пѣсняхъ и крикахъ, разбойнически нападая на срѣтающихся и убивая ихъ. Попался имъ на встрѣчу св. Тимоѳей и можетъ быть, пользуясь случаемъ, простеръ къ нимъ слово увѣщанія. Но тѣ не только не послушали его, а еще напали на него и избили почти до смерти. Когда прошла толпа, оставивъ на мѣстѣ св. Тимоѳея, подошли христіане вѣрные и, нашедши его еще дышащимъ, подняли и вынесли за городъ (на воздухъ, или тамъ было жилище — его или другаго кого изъ вѣрныхъ). Здѣсь онъ скоро скончался и былъ погребенъ на мѣстѣ называемомъ Піонъ. Мощи его св. Артеміемъ мученикомъ перенесены изъ Ефеса въ Царьградъ, при Констанціи, и положены въ церкви св. Апостоловъ, вмѣстѣ съ Ев. Лукою и Ап. Андреемъ Первозваннымъ.

У насъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ водится обычай языческій—ходить лѣтнею ночью въ извѣстные дни съ криками, пѣснями и еще съ сохою — чтобъ прогнать коровью смерть. Въ это время не попадайся никто на встрѣчу; убьютъ, почитая встрѣтившагося коровьею

смертію преобразившеюся. Подобное нѣчто могло быть и у Ефесянъ язычниковъ.

2) *О посланіяхъ къ св. Тимоѳею.*

Послѣ сказаннаго въ общемъ введеніи въ пастырскія посланія и въ очертаніи теченія жизни св. Тимоѳея, о посланіяхъ къ нему св. Павла остается сказать очень немногое.

а) *О мѣстѣ о времени написанія ихъ.*

Повторимъ сказанное уже. *Первое* посланіе писано изъ Македоніи, вѣроятно *изъ Филиппъ*, куда обѣщался св. Павелъ прибыть, и гдѣ слѣдовательно имѣлъ побужденіе подольше побыть. *Время* написанія его—между первыми и вторыми узами, какъ и посланіе къ Титу. Если Апостолъ изъ первыхъ узъ получилъ свободу въ 62—63 г., то, опредѣливъ на пребываніе его въ Критѣ и въ малоазійскихъ церквахъ и на перезимованіе въ Никополѣ года полтора—два, будемъ имѣть 64—65 г. — *Второе* посланіе писано изъ *Рима*, когда св. Павелъ былъ въ узахъ и ждалъ конца мученическаго (4, 6). Сею мученическою кончиною, бывшею въ 67 — 68 г., опредѣляется и время написанія сего посланія.

б) *Поводы и побужденія къ написанію ихъ.*

Св. Тимоѳей никогда почти не разлучался съ св. Павломъ съ того времени, какъ взятъ имъ къ себѣ, и если иногда посылаемъ былъ на какое дѣло, то всегда подъ ближайшимъ наблюденіемъ и руководствомъ св. Павла. Теперь онъ оставленъ самостоятельнымъ дѣйствователемъ, и по всей широтѣ церковнаго управленія, а главное—оставленъ одинъ. Отечески къ

нему расположенный св. Павелъ видѣлъ, какъ должна быть прискорбна душа св. Тимоѳея и какъ при такихъ чувствахъ трудно ему вести дѣла, требовавшія полнаго вниманія и напряженія силъ, не разслабляемыхъ скорбными чувствами. Почему, немного спустя по разлученіи съ нимъ, пишетъ къ нему посланіе, которое, хотя бы ничего не содержало особеннаго, было бы для него и утѣшеніемъ и воодушевленіемъ, свидѣтельствуя о томъ, какъ духовный отецъ его помнитъ его и думаетъ о немъ. Но посланіе по содержанію своему не просторѣчиво, а представляетъ довольно подробное указаніе, какъ св. Тимоѳею, какъ пастырю, дѣйствовать должно по разнымъ частямъ добраго пастырствованія, — каковое указаніе освобождало его отъ гаданія, такъ ли поступить или иначе, укрѣпляло въ веденіи порядковъ безъ раздумываній, колебаній и безъ опасеній поступить не какъ слѣдуетъ, и тѣмъ воодушевляло на дѣла, одобряемыя совѣстію и убѣжденіемъ въ ихъ несомнѣнной умѣстности. — Сколько въ этомъ утѣшенія и сколько благопоспѣшенія доброму пастырствованію!

Къ этому можно прибавить и слѣдующее: оставляя св. Тимоѳея правителемъ Церкви, св. Павелъ, конечно, многое сказалъ ему на сей предметъ; но могъ и не успѣть или не имѣть времени все сказать. Въ продолженіе пути въ Македонію, онъ, всегда занятый устроеніемъ Церквей, передумывалъ конечно, что предлежитъ св. Тимоѳею и что сказано ему въ руководство. Это могло открыть ему, что недосказано и что изъ сказаннаго пояснить и подтвердить надо. Дополненія сіи онъ могъ сдѣлать и возвратившись, какъ надѣялся; но, какъ уже научился онъ многими опытами, ему не всегда приходилось такъ вести дѣла свои, какъ загадывалъ. Часто теченіе обстоятельствъ, или особыя указанія

свыше, направляли его шаги совсѣмъ не такъ, какъ онъ предполагалъ. Имѣя сіе въ мысли, не могъ онъ не думать, что и возвращеніе его въ Ефесъ могло замедлиться или даже и совсѣмъ не состояться. Это предположеніе сильно было заставить его сѣсть и написать св. Тимоѳею, что считалъ нужнымъ дополнить или уяснить и точнѣе опредѣлить въ пастырской его дѣятельности.— Содержаніе посланій это подтверждаетъ осязательно.

Сказанное больше идетъ къ первому посланію, въ которомъ не указывается никакого частнаго обстоятельства, какое можно бы почесть поводомъ къ писанію посланія. Что касается втораго посланія, то написать его заставила Апостола необходимость имѣть при себѣ св. Тимоѳея и нѣкоторыя оставленныя имъ по дорогѣ вещи, въ чаяніи скораго возвращенія. Всѣ меня оставили, пишетъ онъ. Поспѣши ко мнѣ и захвати по дорогѣ такія и такія вещи. Можетъ быть это одно написать и имѣлось въ виду. Тогда имѣли бы во второмъ семъ посланіи посланіе, подобное посланію къ Филимону сего же Апостола, или посланію св. Іоанна къ Гаію и нѣкоей госпожѣ. Но какъ Апостолъ находился въ узахъ и участь его была въ рукахъ человѣка, отъ котораго каждую минуту можно было ожидать смерти, то св. Павелъ счелъ умѣстнымъ приложить къ посланію и еще нѣчто о добромъ пастырствованіи. Какъ это важнѣйшій предметъ, то о немъ рѣчь предлежала впереди, — и пошла нѣсколько пространно, такъ что составила главный предметъ посланія, а то, что заставило писать, явилось въ видѣ приписки или послѣсловія.

в) *Содержаніе посланій.*

Содержаніе обоихъ посланій — одно: наставленіе пастырю о добромъ пастырствованіи: *да увѣси, како*

подобаетъ въ дому Божіи жити (1 Тим. 3, 15), какъ жить и дѣйствовать въ Церкви Божіей, которая есть домъ Божій. Различіе между ними то, что тогда какъ первое посланіе касается болѣе практической стороны пастырскаго служенія или разныхъ сторонъ и частей дѣятельности пастырей, второе живописуетъ духъ и характеръ сего служенія и дѣятельности въ чертахъ общихъ, всеобъемлющихъ. При толкованіи выяснится это само собою.

г) *Раздѣленіе.*

Раздѣленіе и сихъ посланій, какъ всѣхъ другихъ, одинаково: между предисловіемъ и послѣсловіемъ излагается главный предметъ посланія, или главное его содержаніе. Эти отдѣленія будутъ означаемы при толкованіи. Замѣтимъ только, что послѣсловіе втораго посланія, какъ указано, указываетъ поводъ и побужденіе къ писанію его; а первое посланіе почти не имѣетъ послѣсловія, равно какъ и никакихъ почти обстоятельственныхъ свѣдѣній. Такъ осязательно симъ удостовѣряемся, что поводомъ и побужденіемъ къ написанію его послужило желаніе дать подробное наставленіе по дѣламъ пастырской дѣятельности.

ПЕРВОЕ ПОСЛАНІЕ КЪ ТИМОѲЕЮ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

1, 1—7.

1) *Надпись и привѣтствіе*,—1, 1. 2.

1, 1. *Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ, по повелѣнію Бога Спаса нашего и Господа Іисуса Христа, упованія нашего.*

Надпись сія по духу сходна съ надписями всѣхъ другихъ посланій св. Павла, а по выраженіямъ напоминаетъ надпись посланія къ Титу. Она короче сей послѣдней и можетъ быть сочтена сокращеніемъ ея. И тамъ говорится, что проповѣданіе Евангелія ввѣрено Апостолу по повелѣнію Спасителя нашего Бога, какъ и здѣсь; только тамъ это относится паче къ Господу Іисусу, а здѣсь паче къ Богу Отцу, или къ Богу въ Троицѣ покланяемому. И тамъ вводится указаніе на упованіе какъ и здѣсь, съ тою лишь разностію, что тогда какъ тамъ въ основаніе упованія положено обѣтованіе неложнаго Бога, здѣсь представлено основаніе самому обѣтованію въ лицѣ Господа Іисуса, равно какъ въ Немъ же видится и осуществленіе уповаемаго—обѣтованнаго.

Павелъ посланникъ, — ἀπόστολος. „Поелику намѣренъ писать законоположенія Тимоѳею (и въ лицѣ его всей Церкви), то провозглашаетъ себя Апостоломъ, чтобъ слово свое сдѣлать достойнымъ безпрекословнаго пріятія. Не мое, говоритъ, буду изрекать, но Пославшаго

меня; смотри же, не преслушай“ (Ѳеоф.). „И вездѣ въ своихъ посланіяхъ св. Павелъ къ своему имени прибавляетъ имя Апостола, научая симъ слушателя, что не должно полагать, что сказанное имъ есть слово человѣческое; потому что посланникъ ничего не говоритъ отъ своего лица; слѣдовательно, назвавъ себя посланникомъ, онъ тотчасъ обращаетъ мысль слушателя къ Тому, Кто его послалъ. Посему онъ во всѣхъ посланіяхъ ставитъ это имя напереди, доставляя чрезъ это своимъ словамъ высшую степень достовѣрности“ (св. Злат.).

Посланникъ по повелѣнію Бога. „Не сказалъ: *званъ*, но—по повелѣнію. Выраженіе: *по повелѣнію* сильнѣе выраженія: *званъ*“ (св. Злат.). „Апостолъ даетъ знать ученику, что не восхитилъ онъ Апостольское званіе, но получилъ повелѣніе отъ Бога предлагать всѣмъ спасительную проповѣдь“ (Ѳеод.). „Званіе Апостола было велико, высоко и досточтимо; почему видимъ, что Павелъ вездѣ указываетъ на основанія сего званія своего, (желая показать), что онъ не восхищаетъ себѣ чести, но пріемлетъ ее (какъ справедливо ему принадлежащую), и что такъ поступаетъ вслѣдствіе необходимости („долгъ имѣю неотложный, Владычнее повелѣніе исполняю“ Ѳеоф.). Притомъ, когда онъ называетъ себя *званнымъ* (Римл. 1, 1), и когда говоритъ: *волею Божіею* (1 Кор. 1, 1), и подобное, — всѣмъ этимъ устраняетъ всякую мысль о любочестіи и гордости. Потому что какъ тотъ, кто домогается той чести, которая не была дана ему отъ Бога, подлежитъ строжайшему осужденію, такъ и тотъ, кто отстраняетъ отъ себя и отвергаетъ ее, становится виновнымъ въ другаго рода грѣхахъ, — въ непослушаніи и непокорности. Поэтому Павелъ и теперь, въ началѣ посланія къ Тимоѳею, говоритъ о семъ въ такихъ словахъ:

„Павелъ посланникъ Іисусъ Христовъ, по повелѣнію Бога“ (св. Злат.).

Апостолъ по повелѣнію Бога. „Гдѣ же дано такое повелѣніе? Въ Дѣяніяхъ, гдѣ говоритъ Духъ Святый: *отдѣлите Ми Варнаву и Савла* (13, 2), гдѣ Господь Іисусъ говоритъ къ самому Павлу: *иди, яко Азъ во языки далече послю тя* (22, 21). Но что Сынъ или Духъ повелѣлъ, то св. Павелъ означаетъ повелѣннымъ отъ Отца. Ибо едина есть воля Пресвятыя Троицы“ (Экум.). И здѣсь св. Павелъ повелѣніе объ Апостольствованіи представляетъ исходящимъ отъ Бога Спаса и Господа Іисуса, „почитая власть такую въ равной степени принадлежащею Имъ“ (св. Злат.). „Вмѣстѣ съ Богомъ наименовалъ и Владыку Христа, показывая имъ равночестіе, и Бога назвалъ спасеніемъ, а Христа — упованіемъ, не раздѣляя симъ именъ и не усвояя того одному, а другаго другому, но то и другое разумѣя о каждомъ; потому что и блаженный Давидъ то и другое приписалъ одному лицу: *услыши ны Боже Спасителю нашъ, упованіе всѣхъ концевъ земли*“ (Ѳеод.).

Къ слову: *Бога*, приложено здѣсь: *Спаса нашего*. Подъ словомъ *Богъ*, когда оно стоитъ одно, обычнѣе разумѣется Богъ Отецъ; а при словѣ *Спаситель* всегда помышляется Господь Іисусъ, Сынъ Божій воплотившійся нашего ради спасенія. Соединены же они здѣсь по нераздѣльности Отца и Сына, по коей все Отчее есть Сыновнее, и Сыновнее—Отчее. Можно при словѣ *Богъ* помышлять здѣсь и о Богѣ, въ Троицѣ покланяемомъ, Отцѣ, Сынѣ и Святомъ Духѣ. Ибо какъ все домостроительство спасенія устроено, такъ и спасеніе каждаго вѣрующаго устрояется, по благоволенію и прозрѣнію Отца, во святыни Духа, въ силу послушанія и кропленія крове Іисусъ-Христовы (1 Петр. 1, 2).

Богъ нераздѣльно есть Спаситель нашъ: ибо нераздѣльны всѣ дѣйствія Бога Тріѵпостаснаго.

Господь Іисусъ Христосъ наименованъ упованіемъ нашимъ; потому что Онъ съ нами есть *до скончанія вѣка* (Матѳ. 28, 20); если же Онъ съ нами, то *кто на насъ* (Римл. 8, 31)? Паче же потому такъ наименованъ Господь Іисусъ, что въ Немъ созерцается осуществленіе уповаемаго, пресѣкающее всякое колебаніе упованія. Онъ есть сшедый и возшедый: сшелъ, воплотился, умеръ на крестѣ, воскресъ, вознесся на небо и сѣдитъ одесную Отца. Это все нашимъ естествомъ и насъ ради. Наше естество провелъ Онъ симъ путемъ, новымъ и живымъ, чтобъ всѣ во очію видѣли, куда вводитъ путь шествія въ слѣдъ Господа, и всѣ горѣли несомнѣннымъ упованіемъ, что гдѣ Онъ, тамъ будутъ и слуги Его (Іоан. 12, 26).

Соединенно же наводитъ Апостолъ на сіи помышленія о Богѣ Спасѣ въ Троицѣ покланяемомъ и о Сынѣ воплощенномъ, упованіи нашемъ,—не недоброму поблажая обычаю выдѣлять въ мысли Сына воплощенна изъ тріѵпостасной единости, а напротивъ научая Сына и воплощенна созерцать нераздѣльнымъ отъ сей тріѵпостасной единости: ибо Онъ воплотился не оставль нѣдра Отча, и ничего ни привнесъ, ни умалилъ, ни измѣнилъ въ тайнѣ Божеской троичности. Научаетъ же онъ сему такимъ наведеніемъ: Богъ тріѵпостасный—Спасъ; но упованіе спасенія Господь Іисусъ — Сынъ воплотившійся. Но какъ Богъ — Спасъ, если нѣтъ упованія спасенія, положеннаго въ Сынѣ воплотившемся? Слѣдовательно Сынъ и воплотившійся тамъ есть, въ Богѣ Тріѵпостасномъ, — и утверждается то о Немъ помышленіе, что Онъ есть Спасъ.

Чего ради св. Павелъ внѣдряетъ здѣсь во вниманіе наипаче сіи наименованія: Бога — Спаса, Господа

Іисуса—упованія, и притомъ тѣмъ и другимъ осѣняетъ вмѣстѣ съ Тимоѳеемъ и себя?—Видится, что належала нужда воодушевляться. Можетъ быть св. Павелъ былъ вытѣсненъ изъ Ефеса непріязненностію, и св. Тимоѳея тамъ оставилъ въ опасности отъ ея злокозненностей. Почему благовременно возводитъ помышленія его къ Спасу и Упованію: чѣмъ „ободряетъ духъ его, говоря какъ-бы: мы имѣемъ Спасителя — Бога, и надежду—Христа. Мы много терпимъ, за то имѣемъ великія надежды; мы подвергаемся опасностямъ, намъ строятъ козни, но мы имѣемъ Избавителя, — не человѣка, а Бога. Слѣдовательно, ни Избавитель нашъ не изнеможетъ, потому что Онъ Богъ, и какія бы ни угрожали намъ опасности, онѣ не одолѣютъ насъ; ни надежда наша не посрамитъ насъ, потому что наша надежда—Христосъ. Мы переносимъ несчастія, (укрѣпляясь) сими двумя,—или тѣмъ, что скоро избавимся (спасемся) отъ бѣдствій, или тѣмъ, что питаемъ себя лучшими надеждами. Слѣдовательно, что́ бы мы ни перенесли (здѣсь), говоритъ онъ, все настоящее ничего не значитъ“ (св. Злат.).

Ст. 2. *Тимоѳею присному чаду въ вѣрѣ: благодать, милость и миръ отъ Бога Отца нашего и Христа Іисуса Господа нашего.*

Присному—γνησιω,—подлинному, настоящему, истинному. *Въ вѣрѣ*—показываетъ, въ какомъ отношеніи и чрезъ что сталъ чадомъ,—не по естеству, а по вѣрѣ, коею породилъ его духовно, какъ и о Коринѳянахъ сказалъ: *о Христѣ Іисусѣ благовѣствованіемъ азъ вы родихъ* (1 Кор. 4, 15),—и какъ вообще о христіанахъ говоритъ св. Петръ: *порождени не отъ сѣмене истлѣнна, но неистлѣнна, словомъ живаго Бога и пребывающа во вѣки* (1 Петр. 1, 23). Говоритъ же все сіе св. Павелъ, изъявляя теплую любовь свою къ Тимоѳею, какъ отца

къ сыну,—похваляя его, какъ явившаго такую вѣру, что походилъ ею на св. Павла, какъ сынъ на отца,—и воодушевляя его къ перенесенію трудностей, какія неизбѣжно долженъ былъ встрѣтить въ настоящее время въ Ефесѣ.

Такія мысли находимъ у св. отцевъ, разнообразно выраженными. Св. Златоустъ говоритъ: „сходное съ симъ выраженіе употребилъ Апостолъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ, когда сказалъ: *о Христѣ Іисусѣ азъ вы родихъ,*—т.-е. родилъ по вѣрѣ. Слово *присному* прибавилъ онъ, желая выразить этимъ, что онъ совершенное и большее, нежели другіе, имѣетъ съ нимъ сходство; притомъ не только это (хотѣлъ онъ выразить), но и свою любовь и великое къ нему расположеніе. Замѣть также, какая въ этомъ (заключается) похвала (для Тимоѳея), что Апостолъ называетъ его не только сыномъ своимъ, но и приснымъ чадомъ. Въ вѣрѣ между ними не было никакого различія. И у людей по законамъ естества случается, что сынъ бываетъ похожъ на отца, однако не въ такой мѣрѣ, какъ (когда сіе сходство имѣетъ основаніе) въ Богѣ (по вѣрѣ); потому что тогда сходство бываетъ совершеннѣе. Здѣсь, хотя они по естеству одно и тоже, однакожъ различаются между собою во многихъ другихъ отношеніяхъ,—цвѣтомъ, видомъ, разумомъ, возрастомъ, произволеніемъ и другими душевными и тѣлесными, наружными и внутренними свойствами; а тамъ (въ Богѣ, по вѣрѣ) ни одно изъ этихъ различій не имѣетъ мѣста.“ Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ весьма кстати сочеталъ слово *вѣра* съ именемъ, выражающимъ благоволеніе (чадо); потому что не природа, но вѣра сдѣлала Тимоѳея чадомъ (св. Павлу); увѣровавъ въ Божественную проповѣдь, удостоился онъ того, чтобы Божественнаго Апостола называть отцемъ.“ Приложимъ и сказанное

бл. Ѳеофилактомъ: „*чаду въ вѣрѣ,* т.-е. мною рожденному чрезъ вѣру. Похваляя же его, называетъ не только чадомъ, но и *приснымъ,*—приснымъ, потому что Тимоѳей паче другихъ сохраняетъ сходство съ нимъ по вѣрѣ, и потому, что св. Павелъ искренно любилъ его. Очень премудро приложилъ онъ: *въ вѣрѣ,* чтобъ наиболѣе воодушевить въ ней Тимоѳея. Ибо если съ начала онъ показывалъ такую вѣру, что удостоенъ именоваться чадомъ Павла, и чадомъ приснымъ, то тѣмъ паче въ нее, какъ во всеоружіе, долженъ онъ облещись теперь, чтобъ не смущаться и не падать (духомъ при на лежащихъ стѣсненіяхъ). Являть мужественное дерзновеніе есть дѣло вѣры.“

Благодать, милость и *миръ.* — *Милость* — источное начало; ибо, помилосердовавъ о насъ, Тріѵпостасный Богъ устроилъ намъ дивный образъ спасенія; *благодать,* какъ сила, дѣйствующая во спасеніе всякаго вѣрующаго, пріемлема будучи чрезъ святыя таинства во св. Церкви по вѣрѣ; *миръ,* какъ вожделеннѣйшій плодъ въ насъ милости и благодати человѣколюбиваго Бога.

Все же сіе *отъ Бога Отца и Господа Іисуса Христа.* Не говоритъ только—*отъ Бога Отца,* чтобы кто углубляясь въ созерцаніе всемилостиваго Бога, по дѣлу устроенія нашего спасенія, не устранялъ изъ мысли Сына Божія воплощенна, безъ Коего никто не приходитъ ко Отцу. Не говоритъ только и — *отъ Господа Іисуса,* чтобы кто, обозрѣвая дѣло устроенія нашего спасенія, не пресѣкъ восхожденія своего къ источнику его помышленіемъ о Сынѣ воплощенномъ, но простирался выше и глубже,—къ Богу Отцу, въ тайну Тріѵпостаснаго Бога. Но соединяетъ то и другое, чтобъ научить насъ, въ дѣлѣ устроенія нашего спасенія нераздѣльно дѣйствующими созерцать Отца и Сына и

Святаго Духа, Бога единаго, и Сыномъ воплощеннымъ не заслонять Отца и Духа, и тѣмъ паче не упираться на единомъ человѣческомъ Его естествѣ или на единомъ человѣкѣ Іисусѣ.

Зачѣмъ здѣсь, какъ и въ посланіи къ Титу, усугублено молитвенное благожеланіе прибавленіемъ: *милость?* Затѣмъ, что пастыри и учители имѣютъ нужду въ сугубой помощи и теплѣйшемъ благоволеніи Божіемъ (св. Злат., Ѳеоф., Экум.).

2) *Начало посланія и предметъ.* 1, 3—7.

Внушай всѣмъ не заниматься иными ученіями и баснями, а все вниманіе и ревность обращать на главное—святую христіанскую жизнь по вѣрѣ.

Ст. 3. 4. *Якоже умолихъ тя пребыти во Ефесѣ, идый въ Македонію, да завѣщаеши нѣкимъ не инако учити, ниже внимати баснемъ и родословіемъ безконечнымъ, яже стязанія творятъ паче, нежели Божіе строеніе, еже въ вѣрѣ.*

Якоже. Соотвѣтствующей сему: *якоже*, частицы нѣтъ. Ее надобно дополнить своею мыслію, такъ: какъ я упросилъ тебя остаться въ Ефесѣ сдѣлать то и то, то и дѣлай это. Я пропишу тебѣ на это нѣсколько указаній и правилъ. Правила сіи — содержаніе посланія.—*Умолихъ.* „Сыну отцемъ быть умоляему не слѣдовало; но по теплой къ нему любви, и вмѣстѣ, чтобъ показать ему примѣръ смиренія, Апостолъ умоляетъ его“ (Амвр.). Тутъ могло быть дѣло взаимной любви. Св. Тимоѳей желалъ идти съ св. Павломъ, боясь за него по причинѣ трудностей и опасностей, какимъ онъ могъ подвергнуться въ дальнѣйшемъ пути, при непріязненности къ нему невѣрующихъ, которая вѣроятно выжила его и изъ Ефеса. Почему надо было

упросить его оторваться на время отъ любимаго и старательно блюдомаго учителя-отца. И св. Павелъ не могъ не видѣть трудовъ и опасностей, какія долженъ былъ встрѣтить св. Тимоѳей, оставшись въ Ефесѣ. Почему не повелѣваетъ ему властно: останься, но умоляетъ, чтобъ это было дѣломъ собственнаго произволенія, которое могло придать ему болѣе силы къ понесенію труда и опасностей и устранить всякую возможность ропотливости. Св. Златоустъ говоритъ: „послушай, какая кроткая рѣчь, какъ онъ говоритъ къ нему не голосомъ учителя, а слуги. Онъ не сказалъ: я приказалъ или — повелѣлъ, или даже — убѣждалъ; но что? *Умолихъ тя.*—Впрочемъ не со всѣми учениками мы должны такъ поступать, но только съ кроткими и благонравными; а съ другими — испорченными и не вполнѣ преданными,—иначе: подобно тому, какъ и онъ, въ другомъ мѣстѣ пиша, говоритъ: *обличай со всякимъ повелѣніемъ* (Тит. 2, 15).“

Пребыти во Ефесѣ, — προσμεῖναι, пережидать, перебыть немного безъ меня; потому что Апостолъ имѣлъ намѣреніе скоро возвратиться, если не окажется нужды замедлить (—3, 14. 15).

Идый въ Македонію. Св. Павелъ не оставилъ бы Ефеса, не устроивъ тамъ всего, еслибъ не заставила его какая-либо крайняя нужда. Нужда сія могла и его лично касаться, какъ въ первый разъ, еще до узъ, когда онъ вѣрующими упрошенъ былъ удалиться по причинѣ угрожавшей ему смерти. Могла она быть и со стороны Македонскихъ церквей. Тамъ что-нибудь требовало неотложно личнаго присутствія св. Павла. Онъ и отправился туда, оставивъ въ Ефесѣ намѣстникомъ своимъ св. Тимоѳея, въ увѣренности, что онъ одинъ сможетъ устроить, что предлежало тамъ устроять.

Да завѣщаеши нѣкимъ, — παραγγείλῃς; что значитъ и

просто возвѣщать, и—возвѣщать повелѣніе и заповѣдь, приказывать, властно къ чему обязывать. „Не сказалъ: умоли, но — *да завѣщаеши,* что отзывается властною строгостію“ (св. Злат., Ѳеоф.). *Нѣкимъ.* Не указываетъ опредѣленныхъ лицъ; потому что они конечно были извѣстны св. Тимоѳею. Или можетъ быть этимъ внушаетъ св. Тимоѳею, въ рѣчахъ къ вѣрующимъ не означать поименно инако учащихъ, чтобъ тѣмъ не раздражить ихъ еще болѣе. Св. Златоустъ говоритъ: „Онъ не перечисляетъ ихъ по именамъ, дабы гласностію обличенія не содѣлать ихъ еще болѣе безстыдными.“ Впрочемъ ниже онъ указываетъ двоихъ, Именея и Александра, преданныхъ сатанѣ (—1, 20).

Не инако учити,—μὴ ἑτεροδιδασκαλεῖν,—что значитъ: „иныя ученія привводить“ (Ѳеоф.), — *инако,* не какъ повелѣно, учительствовать. Норма христіанскаго ученія была преподана Господомъ, запечатлѣна и восполнена Духомъ Святымъ, и составляла *образъ здравыхъ словесъ* (2 Тим. 1, 13), который Апостолы всюду передавали новопросвѣщаемымъ. Поелику происхожденіе сего ученія отъ Бога, Который есть самая истина, было для Апостоловъ такъ осязательно очевидно; то они всякое, не только противное, но и разное отъ сего, ученіе справедливо считали несовмѣстнымъ съ вѣрою Христовою, — и такое убѣжденіе передавали всѣмъ вѣрующимъ. Они не терпѣли, чтобъ вѣрующіе вступали въ споръ, а прямо, съ перваго взгляда отвращались отъ всякаго ученія, которое было *ино.* У васъ несомнѣнная истина, говорили они; почему все *иное*—не истина, нечего вамъ и слухъ свой осквернять, открывая его для такихъ рѣчей. Коль скоро оказывался кто-либо такой, который, нахватавшись отъ инуды *иныхъ* ученій, начиналъ заводить о нихъ рѣчь въ слухъ вѣрующихъ; то они заграждали ему уста, запрещая говорить, или

совсѣмъ изгоняли изъ общества вѣрныхъ, если таковые не покорялись такому запрещенію. Какъ сами дѣйствовали, такъ заповѣдывали дѣйствовать и тѣмъ, которыхъ оставляли въ церквахъ вмѣсто себя, — такъ теперь заповѣдуетъ и св. Павелъ Тимоѳею: не позволяй никому привводить иныя ученія.

Св. Павелъ не опредѣляетъ, что это было за иное ученіе, и кто были иноучащіе. Довольно одного того, что ученіе было ино, и учащіе учили инако, чтобъ отвратиться и отвращать отъ того и этихъ. Когда бы всегда это правило сохранялось среди вѣрующихъ, сколько бы уклоненій отъ истины предотвращено было однимъ этимъ!

Эти инакоучащіе могли быть и изъ язычниковъ, которые покушаясь согласить вѣру Христову съ языческими мудрованіями, составляли нѣкое смѣшанное ученіе и его начинали проповѣдывать. Но вѣрнѣе положить, что они были изъ іудеевъ; ибо тогда о предметахъ вѣры могли разсуждать терпимо сколько-нибудь только іудеи. Наши толковники такъ и говорятъ, что то были іудеи. Св. Златоустъ говоритъ: „здѣсь находились нѣкоторые лжеапостолы изъ іудеевъ, которые хотѣли снова привлечь вѣрныхъ къ закону (Моѵсееву); въ этомъ повсюду обвиняетъ ихъ Апостолъ. Между тѣмъ они дѣлали это не столько по внушенію совѣсти, сколько по тщеславію и изъ желанія имѣть учениковъ; потому что они соперничали съ блаженнымъ Павломъ и питали къ нему зависть.“ Такъ и другіе.

Ниже внимати баснемъ и родословіемъ безконечнымъ.— *Ниже внимати,* — вниманія не обращать, въ умѣ не держать, не заниматься, — не имѣть такими предметами, о коихъ обычно говорятъ: изъ ума у меня это не выходитъ, а напротивъ такими, о коихъ говорятъ: стоитъ ли объ этомъ думать и говорить?—Св. Павелъ

ставитъ закономъ, что коль скоро какое ученіе ино отъ ученія Богопреданнаго, то отъ него тотчасъ слѣдуетъ отвращать и ухо и умъ, не заводя споровъ и состязаній.

Басни и родословія были и у язычниковъ и у іудеевъ. Басни, μῦθοι, —языческія—всѣ мудрованія язычниковъ, особенно ихъ миѳологія, содержаніе которой составляло родословіе ихъ боговъ. Блаж. Ѳеофилактъ пишетъ: „очень вѣроятно, что Апостолъ здѣсь намекаетъ и на еллиновъ; ибо и у нихъ есть мѵѳы и родословія, въ коихъ они ведутъ каталогъ своихъ боговъ“ (тоже и у св. Злат.). Родословіе у іудеевъ—то, что „они перечисляли обычно своихъ дѣдовъ и прадѣдовъ, мечтая тѣмъ присвоить себѣ нѣкую историческую славу“ (Ѳеоф.). „Перечень дѣдовъ и прадѣдовъ проводили они до Авраама, думая ими прикрасить себя, сами не дѣлая ничего достойнаго похвалы“ (Экум.). Басни же іудейскія— „не самое ученіе закона, но іудейское толкованіе онаго, называемое у нихъ вторословіемъ (мишна)“ (Ѳеоф.). *Безконечными* (ἀπεράντοις отъ πέρας, предѣлъ, цѣль, конецъ) назвалъ Апостолъ басни и родословія или потому, что толкамъ объ этомъ конца нѣтъ, или потому, что толки объ этомъ не имѣютъ доброй цѣли и пользы никакой не приносятъ, или потому, что они запутаны, не имѣютъ опредѣленности, такъ что ихъ трудно схватить умомъ (св. Злат., Экум., Ѳеоф.). Въ наше время баснями, отъ коихъ слѣдуетъ отвращать и слухъ и умъ, можно назвать фантастическую исторію самообразованія міра, безъ творческаго Божіяго дѣйствія.

Яже стязанія творятъ паче.—Стязанія, — ζητήσεις, изысканія изслѣдованія, совопросничество, пытаніе. „Стязаніе трактуетъ, что, отъ чего, для чего, какъ, какимъ образомъ сдѣлалось и естъ то или другое, — что не способствуетъ, а скорѣе препятствуетъ спасе-

нію“ (Амвр.). Помянутыя басни и родословія, какъ человѣческія измышленія, не носятъ печати удостовѣряющаго въ истинѣ авторитета; почему раздражаютъ пытливость и пораждаютъ стязанія или изысканія и образуютъ навыкъ къ тому. Навыкшій же сему тѣмъ ужъ только и занимается, что пытаетъ; отъ чего область вѣры заслоняется, тускнѣетъ, забывается, и душа наполняется пустыми и безплодными представленіями и соображеніями.—Тогда вѣра замираетъ; если же при семъ пытливость добываетъ такія самодѣльныя опредѣленія и рѣшенія, которыя несогласны съ вѣрою, то вѣра совсѣмъ разоряется.

Такъ изысканія не творятъ *Божія строенія, еже въ вѣрѣ. Строеніе,—οἰκονομίαν,*—экономію. Экономія занимается хозяйственнымъ добромъ, его пріобрѣтеніемъ, умноженіемъ и употребленіемъ, чтобы всѣмъ въ домѣ всего было достаточно. Домъ Божій—Церковь, устрояющая спасеніе вѣрующихъ. Богъ наполнилъ сей домъ всякимъ добромъ во спасеніе наше. Экономія Божія въ семъ домѣ состоитъ въ томъ, чтобъ всѣ безпрепятственно пользовались всякимъ добромъ находящимся въ немъ и устрояли чрезъ то свое спасеніе. Распоряжается всѣмъ здѣсь Божія благодать; рука, пріемлющая отъ ней нужное добро, есть вѣра. Что способствуетъ вѣрѣ, то способствуетъ пріятію всякаго добра отъ благодати къ совершенію спасенія, и чрезъ это благопріятно Божіей экономіи; а что не таково, то неблагопріятно Божіей экономіи. Апостолъ утверждаетъ, что стязанія, пораждаемыя человѣческими измышленіями, неблагопріятны Божіей экономіи, *Божію строенію еже въ вѣрѣ,*—разстраиваютъ вѣру,—сію единственную руку, предназначенную и гожую къ пріятію добра изъ Божіей экономіи, раздаваемаго щедро благодатію, и тѣмъ пресѣкаютъ дѣйство спасенія, созидаемаго благодатію по вѣрѣ. Наши тол-

ковники преимущественно обращают внимание на эту зловредность для вѣры, происходящую отъ стязаній и изысканій. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Богъ ввелъ такую экономію, чтобъ въ ней все было принимаемо вѣрою; а они вводятъ изысканія, разстраивающія сію Божію экономію.“ Экуменій спрашиваетъ: „какая Божія экономія?“ и отвѣчаетъ: „та, чтобъ блага Его принимать вѣрою, потому что они непостижимы; а заводить изысканія относительно каждаго изъ нихъ противно Божіимъ по дому Его распоряженіямъ.“ Поясняетъ сіе бл. Ѳеодоритъ: „излишнія изысканія неразумны, а вѣра просвѣщаетъ умъ и открываетъ Божественное домостроительство.“

Св. Златоустъ пространнѣе разсуждаетъ о семъ предметѣ, и прочитывать его сужденія не безполезно во всякое время. Приводимъ ихъ.

„Видишь ли, какъ онъ порицаетъ неумѣстное изслѣдованіе? Ибо гдѣ есть вѣра, тамъ не нужно изслѣдованіе; гдѣ ничего не нужно изслѣдовать, зачѣмъ тамъ заниматься изслѣдованіемъ? Изслѣдованіе разоряетъ вѣру: кто изслѣдуетъ что-либо, тотъ еще не дошелъ до (познанія) того; невозможно, чтобы вѣрилъ тотъ, кто занимается изслѣдованіемъ. Посему-то Апостолъ и говоритъ: не будемъ заниматься изслѣдованіемъ, потому что изслѣдованіе уже не есть вѣра; ибо вѣра дѣйствуетъ успокоительно на умъ. Но (скажетъ кто), какъ же Самъ Христосъ Господь сказалъ: *ищите и обрящете* (Мѳ. 7, 7), и: *испытайте Писанія* (Іоан. 5, 39)? Въ первомъ мѣстѣ, *ищите* означаетъ прошеніе, сильное желаніе; а въ другомъ, *испытайте Писанія*, не только не налагаетъ никакой обязанности изслѣдованія, но даже устраняетъ ее; *испытайте*—тоже что—изучайте и узнавайте подлинный смыслъ Писанія, не для того чтобъ вѣчно заниматься изслѣдованіемъ, а

чтобы прекратить всякое изслѣдованіе. Богъ восхотѣлъ даровать намъ многое, но нашъ умъ не объемлетъ величія Его домостроительства. Поэтому-то, что составляетъ величайшее врачевство для душъ нашихъ, должно совершаться при помощи вѣры: наши изслѣдованія несообразны съ домостроительствомъ Божіимъ. А что устрояется при помощи вѣры? То, что мы пріемлемъ Божіи благодѣянія, содѣлываемся лучшими, ни въ чемъ не сомнѣваемся, ни объ чемъ не недоумѣваемъ и приходимъ въ совершенное успокоеніе. Между тѣмъ то, что совершаетъ и устрояетъ вѣра, разрушаетъ наша пытливость, возбуждая множество вопросовъ и ниспровергая вѣру. — Не будемъ же заниматься изысканіями; ибо мы для того и называемся вѣрными, чтобы несомнѣнно вѣрили тому, что намъ сказано, и ни въ чемъ не сомнѣвались. Еслибы сказанное намъ происходило отъ людей, тогда слѣдовало бы заниматься изслѣдованіемъ сего; но такъ какъ оно происходитъ отъ Бога, то нужно только благоговѣть предъ этимъ и вѣрить сему. Если же не будемъ вѣрить этому, то не будемъ убѣждены и въ томъ, что существуетъ Богъ. Ибо какъ ты можешь знать о томъ, что существуетъ Богъ, когда ты подвергаешь изслѣдованію Его слова? Первый признакъ того, что ты знаешь Бога, состоитъ въ томъ, чтобы вѣрить сказанному Имъ, не требуя ни объясненій, ни доказательствъ. Справедливо подвергать изслѣдованію ученіе еллиновъ, потому что оно изобрѣтено человѣческою мудростію; а наше ученіе открыла намъ благодать Св. Духа.“

Ст. 5. *Конецъ же завѣщанія есть любы отъ чиста сердца, и совѣсти благія, и вѣры нелицемѣрныя.*

Тамъ сказалъ, чѣмъ не слѣдуетъ заниматься, а здѣсь указываетъ, на что исключительно должно быть обращено все вниманіе и устремлена ревность. Тутъ глав-

ное—любовь, а ея качествованіе, оживленіе и направленіе составляютъ чистое сердце, совѣсть благая и вѣра нелицемѣрная. И всѣ они нераздѣльны, одна въ другую входятъ, одна другую поддерживаютъ и возращаютъ. Любовь — райское многоплодное древо, а почва, атмосфера, теплота, свѣтъ и влага, необходимыя для питанія и возращенія сего древа, суть чистота сердца, покой совѣсти и вѣра нелицемѣрная. Вотъ о чемъ надлежитъ ревновать, и вотъ какъ должно направлять всю заботу и все напряженіе силъ! Се—конецъ всего.

Для пасомыхъ въ этомъ послѣдняя цѣль нравственныхъ стремленій, а для пастыря—*конецъ завѣщанія*,—παραγγελιας,—пастырскихъ увѣщаній, совѣтовъ, повелѣній, трудовъ и заботъ. Сюда направь свою дѣятельность и когда успѣешь сдѣлать своихъ пасомыхъ такими, чтобъ означенныя добродѣтели,—любовь чистосердечная, добросовѣстная и вѣрою проникнутая, — составляли отличительныя черты ихъ нрава; тогда явишься пастыремъ добрымъ, дѣлателемъ непостыднымъ. „Тебѣ, говоритъ св. Павелъ Тимоѳею, надлежитъ научить ихъ, чтобъ искренно любили благодѣтеля Бога, и имѣли чистую вѣру, подкрѣпляемую свидѣтельствомъ совѣсти“ (Ѳеод.). Тогда и никакое иное ученіе не проникнетъ въ нихъ, и никакими баснями не станутъ они заниматься. Иное ученіе производитъ раздѣленіе. Когда союзъ любви крѣпокъ до того, что никакое раздѣляющее вліяніе не сильно его расторгнуть, тогда, не поддаваясь расторгающей силѣ иноученія, онъ отразитъ и самое иноученіе. „Если внѣдришь въ нихъ любовь, то и всякій растлѣнный догматъ не найдетъ среди ихъ мѣста,“ пишетъ бл. Ѳеофилактъ. И св. Златоустъ говоритъ: „ничто не приноситъ такого вреда человѣческому роду, какъ пренебреженіе дружескихъ

отношеній и малая заботливость о сохраненіи ихъ; между тѣмъ опять ничто не можетъ дать такого хорошаго направленія жизни, какъ стараніе поддерживать ихъ всѣми силами. Такое (пренебреженіе) послужило источникомъ всѣхъ ересей. — Почему Павелъ, сказавъ: *да завѣщаеши нѣкимъ не инако учити*, показываетъ въ любви путь, которымъ можно сего достигнуть.“

Конецъ завѣщанія—любы. Какая любовь? Всесторонняя, и къ Богу и къ ближнимъ. Любовь къ Богу ревнуетъ о славѣ Божіей, слѣдовательно и о томъ, чтобъ всюду царствовала истина Божія; такая же ревность не допуститъ, чтобъ поднимала гдѣ-либо голову ложь, противная истинѣ Божіей. Любовь къ ближнимъ ревнуетъ объ ихъ благобытіи временномъ, паче же объ ихъ блаженствѣ вѣчномъ; и такъ какъ послѣднее условливается сохраненіемъ вѣры чистою и неповрежденною, ревнуетъ, чтобъ никакое иное ученіе не повредило чистоты ихъ вѣры.

Любы отъ чиста сердца: ибо бываетъ любовь и отъ нечистаго сердца (Экум.), и такая, которая самое сердце дѣлаетъ нечистымъ. Это любовь плотская. Бываетъ любовь эгоистическая, которая любитъ не во благо любимаго, а для себя; почему коль скоро потребуется жертва самоотверженія, она не выдерживаетъ пробы и отступаетъ назадъ. Любовь настоящая все сердце наполняетъ и любитъ безъ всякихъ разсчетовъ, не ограничиваясь однимъ чувствомъ, но всегда спѣша къ дѣлу. Св. Златоустъ толкуетъ: „о какой любви говоритъ Апостолъ? Объ искренней, которая не ограничивается одними словами, но проистекаетъ изъ душевнаго расположенія, благоумія и состраданія. *Отъ чиста*, говоритъ, *сердца*, т.-е., изъ прямодушнаго взаимнообщенія, или искренней дружбы.“

Любы — отъ совѣсти благія,—такой, которая не допускаетъ, чтобъ совѣсть упрекнула въ томъ, что не все сдѣлано, чего она требовала для любимаго, или такой, которая при всей готовности и всемъ усиліи дѣлать все для блага другаго, никакъ однакожъ не допускаетъ ничего такого, что противно требованіямъ совѣсти, или прямымъ заповѣдямъ Божіимъ. Она любитъ брата, но не паче Бога, а ради Бога, за волю котораго всегда стоитъ совѣсть, носительница ея. Или любовь отъ совѣсти благой есть такая любовь, о бытіи которой въ сердцѣ свидѣтельствуетъ совѣсть, о которой говоритъ не слово, или внѣшнее показательство, но „внутренній помыслъ, который не можетъ лгать предъ самимъ собою. Ибо есть ли кто такой, кто притворялся бы предъ самимъ собою, или покушался отъ себя укрыться?“ (Экум.).

Любы — отъ вѣры нелицемѣрныя. Взаимная любовь насаждена въ сердцѣ; она есть естественное въ насъ чувство. Всѣ естественно любили бы себя взаимно, еслибы не привзошелъ эгоизмъ, вслѣдствіе паденія. Послѣ сего рядомъ съ симпатическими чувствами, изъ любви исходящими, у насъ стоятъ и чувства эгоистическія, погашающія любовь симпатизирующую. Въ естественномъ порядкѣ у иныхъ преобладаютъ эгоистическія чувства, и тогда нѣтъ хода требованіямъ любви; а у иныхъ — чувства симпатическія, и тогда любви большой просторъ. Эта послѣдняя любовь, по естественному настроенію, дѣйствующая по сочувствію и состраданію, есть качество достойное уваженія; но она не имѣетъ полной цѣны или вѣса, если не освящается отношеніемъ своимъ къ Богу, т.-е., если не проникается вѣрою, чтобъ изъ ней черпать источное возбужденіе, воодушевленіе и крѣпость. Только при этомъ любовь восходитъ на степень ***любви крѣпкой***,

яко смерть; а безъ сего нечѣмъ поддерживать самоотверженія, жертвъ котораго поминутно требуютъ дѣла и труды любви.

Вѣра нелицемѣрная обнимаетъ всѣ догматы; и они всѣ дѣйствительно таковы, что коль скоро нелицемѣрно содержатся сердцемъ, то непремѣнно вызываютъ чувства и дѣла любви, и воодушевляютъ на нихъ; особенно таковы догматы о промышленіи, искупленіи и будущемъ блаженствѣ. Богъ все видитъ, и все, что по любви къ Нему дѣлается для братій, принимаетъ такъ, какъ бы оно непосредственно дѣлалось для Него; вѣрующій сему какъ не поспѣшитъ чрезъ руку брата вложить требуемое въ руку Божію? Сынъ Божій, воплотившись, предалъ Себя за насъ; вѣрующій сему пожалѣетъ ли приносить въ жертву Ему требуемое въ помощь братіямъ о Господѣ? Вѣра внушаетъ, что жертвуемое брату слагается въ вѣчныхъ кровахъ Божіихъ, чтобъ потомъ самому же жертвующему послужить какъ-бы коштомъ вѣчнымъ въ царствіи небесномъ; какой же вѣрующій сему нелицемѣрно поскупится *сѣять о благословеніи, чтобъ о благословеніи и пожать* (2 Кор. 9, 6)?—Такъ любовь наитствуется, освящается, множится, и укрѣпляется вѣрою нелицемѣрною.

Ст. 6. *Въ нихже нѣцыи погрѣшивше, уклонишася въ суесловія.*

Погрѣшивше, — αστοχησαντες. „Слово — αστοχειν, употребляется о тѣхъ, кои неискусно стрѣляютъ“ (Ѳеоф.), не въ цѣль, но мимо цѣли направляютъ стрѣлы. Указалъ Апостолъ цѣль для пастырскихъ и учительскихъ трудовъ въ любви отъ чистаго сердца, доброй совѣсти и вѣры нелицемѣрной; теперь говоритъ о худыхъ послѣдствіяхъ, если кто изъ нихъ не къ этому направляетъ свои заботы и усилія, и о послѣдствіяхъ для нихъ самихъ, какъ учителей. Нѣкоторые, говоритъ,

не къ этой цѣли направляя свои учительскіе труды, уклонились въ суесловія, то-есть къ тому, что предъ симъ осудилъ, къ баснямъ, родословіямъ и безплоднымъ изысканіямъ. *Уклонились*,—ἐξετράπησαν, сбились съ прямой дороги, направились въ сторону. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ правильно выразился,—*ἀστοχήσαντες*; потому что нужно искусство для того, чтобы прямо въ цѣль направлять удары, а не мимо ея. Поэтому необходимо, чтобы они были управляемы Духомъ Святымъ; ибо много есть причинъ, которыя совращаютъ съ прямаго пути,—между тѣмъ только одну цѣль нужно имѣть въ виду.“—Одна есть норма истины,—богопреданная; что̀ лежитъ внѣ области, ею очерчиваемой, то не можетъ носить печати истины, и кто говоритъ о томъ, пусторѣчитъ. А пусторѣчивый что за учитель? Такимъ образомъ уклоняющійся отъ означенной цѣли, потому самому теряетъ титло настоящаго учителя.

Ст. 7. *Хотяще быти законоучители, не разумѣюще ни яже глаголютъ, ни о нихже утверждаютъ.*

Сказавъ, что они уклонились съ прямаго пути, теперь объясняетъ, въ чемъ это уклоненіе (Ѳеоф.),—именно, въ томъ, что захотѣли или вздумали учить закону, когда время закона уже прошло. Было время для закона,—и тогда кто училъ закону, не суесловилъ; а теперь, когда сила закона уже престала, выступать учителемъ его значитъ трудиться попусту, суесловить. Дѣйствуя такъ, продолжаетъ Апостолъ, они *не разумѣютъ яже глаголютъ*, не знаютъ, что говорятъ,—сами себя обличаютъ въ томъ, что „не знаютъ цѣли закона, ни времени, до коего ему предназначено было властвовать“ (Ѳеоф.). „Еслибъ они знали законъ, то вѣровали бы во Христа; ибо, зная какъ должно законъ, они увидѣли бы, что онъ препровождаетъ ко Христу“ (Экум.). Слова: *глаголютъ и утверждаютъ*, не на раз-

ность предметовъ указываютъ, а на степень напряженія въ ученіи. Утверждаютъ, настойчиво твердятъ, что безъ того и того въ законѣ опредѣленнаго спастись нѣтъ возможности. Блаж. Ѳеофилактъ пишетъ: „о чемъ это утверждаютъ? Можетъ-быть объ очищеніяхъ и разныхъ другихъ тѣлесныхъ дѣяніяхъ, соблюдавшихся по закону." Это онъ заимствовалъ изъ св. Златоуста, который говоритъ: „вѣроятно они разсуждали о законѣ и много говорили объ очищеніяхъ и о другихъ внѣшнихъ обрядахъ."

Но кто такіе они были? Какъ видится, они были въ средѣ вѣрующихъ, но не понимали силы вѣры и толковали о силѣ закона. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ даетъ разумѣть, что говоритъ это не о явныхъ противникахъ, но объ утверждающихъ, что увѣровали въ Господа, но искажающихъ Евангельское ученіе, предположивъ, что несмысленныя ихъ разсужденія премудрѣе словесъ Божіихъ. А что они были изъ іудеевъ, ясно даетъ сіе видѣть сказанное: *хотяще быти законоучители*.

Св. Златоустъ дѣлаетъ здѣсь общее наведеніе объ омраченіи ума чрезъ уклоненіе отъ главной цѣли—чистосердечной и добросовѣстной любви въ духѣ вѣры. „Невѣдѣніе, говоритъ онъ, получило свое начало отъ уклоненія отъ любви. Когда душа предается предметамъ плотскимъ, тогда притупляется ея проницательность; и когда она уклоняется отъ любви, тогда помрачается ея умственный взоръ. Въ комъ укореняется привязанность къ скоропреходящему, тотъ находясь въ состояніи опьяненія отъ страстей, не можетъ уже быть нелицепріятнымъ судіею истины."

ПРАВИЛА ВЪ РУКОВОДСТВО СВ. ТИМОѲЕЮ, ПРИ ИСПОЛНЕНІИ ВОЗЛОЖЕННАГО НА НЕГО АРХИПАСТЫРСКАГО ДѢЛА.

Возложено на него не допускать, чтобъ среди вѣрующихъ ходили толки и ученія, пустыя и суесловивыя, а все вниманіе обращать на созиданіе и укрѣпленіе вѣрующихъ въ святой, полной любви, жизни въ духѣ вѣры. Теперь частныя даются предписанія, на что именно должно напрягать силу слова и пастырской власти, дѣйствуя въ этомъ направленіи. Это и служитъ содержаніемъ всего посланія, въ которомъ можно различать слѣдующія части: 2) какіе порядки слѣдуетъ заводить и содержать среди пасомыхъ,—2—3, 13; 3) какъ на нихъ дѣйствовать и ихъ руководить,—3, 14—6, 19; 1) то и другое по духу вѣры Христовой,—1, 8—20. Какъ это послѣднее—*духъ вѣры Христовой*, очевидно, должно служить руководящимъ при семъ началомъ; то о вѣрѣ во Христа Господа не разъ поминается въ теченіи посланія, какъ о подтвердительномъ и оживительномъ для предписываемыхъ правилъ началѣ. Въ самомъ же началѣ ей посвящается особое отдѣленіе,—всѣ остальные стихи первой главы. Итакъ первыя наставленія идутъ—

1) *О вѣрѣ въ Господа Іисуса, пришедшаго въ міръ грѣшниковъ спасти,*—1, 8—20.

Это отдѣленіе можно счесть продолженіемъ предыдущихъ словъ; по крайней мѣрѣ оно къ нимъ прикрѣп-

ляется теченіемъ рѣчи. Сказалъ, что тѣ, которые, оставя главное — любовь въ духѣ вѣры, покушаются выставлять значеніе закона, сами не понимаютъ, что говорятъ. Теперь разъясняетъ это, говоря: а) время закона уже прошло,—8—10; б) настало время Евангелія, которое мнѣ ввѣрено,—11—14); в) почему—хочешь спастися, — вѣруй въ Господа, — 15 — 17; и г) заключаетъ: вотъ о чемъ учить главнымъ образомъ завѣщаваю тебѣ,—18—20.

а).

Время закона уже прошло,—1, 8—10.

Такая мысль не выражена буквально, но составляетъ внутренній смыслъ сихъ стиховъ, безъ коего понять ихъ невозможно.

Ст. 8. *Вѣмы же, яко добръ законъ есть*, *аще кто его законнѣ творитъ*.

Апостолъ будто смягчаетъ предыдущій укоръ выставляющимъ значеніе закона, что они не знаютъ, что дѣлаютъ: уступаю, что *законъ добръ*. Но тутъ же прибавляетъ такое условіе, которое сильно отнять всякое дерзновеніе у выступающихъ съ ученіемъ о силѣ закона: *аще кто его законнѣ творитъ*,—творитъ,—χρῆται,—пользуется имъ законно, т.-е. въ духѣ самаго закона, по внутреннему его смыслу и значенію. Я знаю, говоритъ, что законъ хорошъ; но вы нехорошо учите о немъ. Вы выставляете значеніе его безусловно, а оно подлежитъ условію: *аще*. Разбери теперь это условіе и найдешь, что исполненіе его должно вести къ узрѣнію престанія закона. Законъ — пѣстунъ во Христа,—онъ тѣнь, тѣло же Христосъ. Слѣдуй сему пѣстуну, иди по сей тѣни,—и дойдешь до Христа, обѣ-

тованнаго Избавителя. Пока не приходилъ Христосъ, вы все были подъ пѣстунствомъ, шли по тѣни; а когда пришелъ Христосъ, пѣстунству конецъ, и тѣнь должна быть оставлена позади. А вы все твердите: законъ, законъ. Слѣдовательно вы незаконно имъ пользуетесь, употребляете его не по значенію и духу его; почему не знаете, что говорите.

По особенному значенію сего мѣста, выписываемъ, что сказали, разсуждая о немъ, св. отцы и учители. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „не законъ порицаю, но худыхъ учителей закона. Ибо знаю, что законъ полезенъ для вознамѣрившихся соблюдать цѣль закона. Сіе значатъ слова: *аще кто его законнѣ творитъ*, т.-е., если кто слѣдуетъ цѣли закона. Цѣль же закона привести насъ къ Владыкѣ Христу, и по пришествіи Его законъ не имѣетъ уже силы. Это сказалъ Апостолъ и въ посланіи къ Галатамъ: *азъ закономъ закону умрохъ, да Богови живъ буду* (Гал. 2, 19). Ибо закону же повинуясь, говоритъ, не храню я закона.“ Тоже читаемъ и у Амвросіаста: „не отрицаетъ Апостолъ, что законъ, данный чрезъ Моѵсея, добръ, такъ однакожъ, чтобъ признаваемъ былъ смыслъ его, и то, для чего онъ данъ, пріемлемо. Но тотъ знаетъ законъ и то, для чего онъ данъ, кто, слыша проповѣдь о Христѣ, оставляетъ законъ. Тотъ законно пользуется закономъ, кто умѣетъ различать въ немъ данное на время отъ непрестающаго, и признаетъ, что относящееся въ немъ къ таинству Христа не должно уже быть (по пришествіи Христа) соблюдаемо на будущее время; ибо это значило бы вѣровать, что имѣетъ еще придти Тотъ, Кто уже пришелъ.“ И у бл. Ѳеофилакта: „законно пользуется закономъ тотъ, кто приводится имъ ко Христу. Законъ, не имѣя силы оправдывать, препровождаетъ (ищущаго праведности) ко Христу,—и это есть цѣль его: такъ

что законно,—т.-е., такъ, какъ повелѣваетъ самъ законъ,—пользуется закономъ тотъ, кто закону предпочитаетъ Христа.“ Это взято у св. Златоуста, который говоритъ: „если надлежащимъ образомъ будешь пользоваться закономъ, то онъ приведетъ тебя ко Христу. Ибо такъ какъ цѣль закона состоитъ въ оправданіи человѣка, а между тѣмъ онъ не въ состояніи (этого сдѣлать); то онъ приводитъ къ Тому, Кто можетъ (исполнить сіе).“

Ст. 9. 10. *Вѣдый сіе, яко праведнику законъ не лежитъ, но беззаконнымъ и непокоривымъ, нечестивымъ же и грѣшнымъ, неправеднымъ и скверньмъ, отца и матере досадителемъ, мужеубійцамъ, блудникомъ, мужеложникомъ, разбойникомъ, клеветникомъ, скотоложникомъ, лживымъ, клятвопреступникомъ, и аще что ино здравому ученію противится.*

Слова: *вѣдый сіе, яко праведнику законъ не лежитъ,* объясняютъ, кто правильно пользуется закономъ, или правильно къ нему относится, указывая, что это есть тотъ, кто держитъ убѣжденіе, что праведнику законъ не лежитъ, что онъ уже отъ него свободенъ. Подъ праведникомъ здѣсь слѣдуетъ разумѣть человѣка христіанина, который, увѣровавъ во Христа, получилъ оправданіе, то есть получилъ отпущеніе грѣховъ и благодатное обновленіе, являемое святою жизнію. Для такого конечно не нуженъ законъ, какъ указатель должнаго, имъ руководитъ благодать Св. Духа, высшаго закона. „Праведнику не лежитъ законъ, говоритъ св. Златоустъ, потому что онъ не дожидается того, чтобы законъ научилъ его тому, что нужно дѣлать, имѣя внутри себя наставляющую его благодать Св. Духа,—не нужно наставленіе тому, кто не имѣетъ недостатка въ наставникѣ.“ Такъ какъ онъ приводится къ сему, т.-е. вѣрѣ во Христа и благодати Его закономъ, ибо такова

цѣль его; то слѣдуетъ, что законно закономъ пользуется тотъ, кто достигнувъ цѣли закона слагаетъ съ себя иго его, по полному убѣжденію: что онъ уже теперь не лежитъ на немъ. Иначе сказать, „тотъ надлежащимъ образомъ пользуется закономъ, кто знаетъ, что не имѣетъ въ немъ нужды,“ какъ говоритъ св. Златоустъ. Напротивъ на тѣхъ, которые не приступили еще къ оправданію вѣрою и благодатію и остаются во грѣхахъ, онъ лежитъ всею тяжестію ига своего, — обязательства, осужденія и страха, для того, чтобъ дѣйствіемъ на нихъ тяготы такого ига побудить ихъ взыскать облегченія и свободы, которыя предъ лицемъ ихъ предлагаются благовѣстіемъ Евангелія.

Можно предположить, что св. Павелъ, дѣлая оговорку о добротѣ закона подъ сказаннымъ условіемъ, имѣлъ въ виду увѣровавшихъ іудеевъ, которые однакожъ не успѣли еще отрѣшиться отъ закона. Онъ говоритъ какъ-бы имъ: ничего; это не послужитъ вамъ къ худу, если вы будете при семъ относиться къ закону законно, т.-е., будете держать то убѣжденіе, что не онъ спасаетъ и оживляетъ васъ къ правдѣ, а благодать по вѣрѣ, онъ же есть какъ нѣчто у васъ внѣшнее, стороннее. Только такое отношеніе къ закону есть правильное, законное, держимое по смыслу самого закона. Тѣ же, которые выставляютъ значеніе закона безусловно, не знаютъ что дѣлаютъ; не слушайте ихъ.

Но можно принять, что Апостолъ выражаетъ общее положеніе, подъ какимъ условіемъ законъ бываетъ добръ. То и назначеніе закона, чтобы тотъ, кто по его руководству приходитъ туда, куда онъ ведетъ, оставлялъ его, по убѣжденію, что онъ уже не лежитъ на немъ.

Экуменій пишетъ: „законно пользуется закономъ тотъ, кто вѣдаетъ, что онъ не нуженъ ему для пра-

ведной жизни.“ А такого рода лица кто такія? На это отвѣчаетъ Амвросіастъ: „это тѣ, которые, получивъ отпущеніе грѣховъ, стали праведны, чтобъ не жить уже подъ закономъ, отъ котораго освобождены благодатію Божіею чрезъ вѣру во Христа, но исполняя въ сердцѣ Творцемъ написанное (и теперь благодатію возстановленное и оживленное), чаять прочее дня суднаго, когда праведники получатъ праведное воздаяніе.“ Тутъ же Амвросіастъ объясняетъ, что первоначально образъ праведной жизни начертанъ въ естествѣ человѣка, чтобъ, живя по нему, люди являлись праведными и Богоугодными. Потомъ, когда люди, предавшись страстямъ, стали попирать тотъ законъ естества, — Богъ далъ въ руководство писанный законъ чрезъ Моѵсея, такъ что будь въ силѣ законъ естества, писанному закону не было бы мѣста. Почему въ настоящее время, когда благодать чрезъ вѣру возстановляетъ въ силѣ начертанное Творцемъ въ естествѣ,—законъ, пришедшій по причинѣ разстройства сего начертанія, уже не нуженъ тѣмъ, въ которыхъ оно возстановляется благодатію чрезъ вѣру. Подобное сему пишетъ и Экуменій: „законъ *преступленій ради приложися* (Гал. 3, 19); такъ что для праведнаго, который живетъ право по любви къ добродѣтели, а не по страху закона, онъ не нуженъ, а нуженъ тѣмъ, которые не сами отъ себя влекутся къ добродѣтели, но если и дѣлаютъ это, то только боясь угрозы закона.“

На праведникѣ, говоритъ, законъ не лежитъ, потому что, увѣровавъ въ Господа и получивъ благодать, онъ въ себѣ носитъ законъ исполненнымъ; а лежитъ онъ на неправедникахъ, которымъ еще предлежитъ исполнить назначеніе закона. Сказавъ это, Апостолъ указываетъ далѣе, кто суть такіе неправедники, употребляя для сего сначала общія наименованія, а потомъ пере-

ходя и къ частностямъ. Но и въ общихъ наименованіяхъ замѣтно движеніе отъ болѣе общаго къ менѣе общему.

Беззаконнымъ и непокоривымъ. Беззаконникъ—тотъ, кто нарушаетъ безстрашно нравственный законъ; а непокоривецъ,—*ανυποτακτος*,—тотъ, кто не подчиняется заведеннымъ порядкамъ, гражданскимъ и общежитейскимъ. Такіе живутъ по своей волѣ, сами себѣ бывая закономъ. Въ этомъ отношеніи они схожи съ праведниками; ибо и эти сами себѣ законъ. Только эти сами себѣ законъ на всякое добро, а тѣ на всякое худо, по влеченію самоугодія и страстей.

Нечестивыхъ и грѣшныхъ можно различать такъ: первые суть нарушители заповѣдей въ отношеніи къ Богу, которые страха Божія не имѣютъ и ничего священнаго не чтутъ; а вторые суть нарушители всѣхъ другихъ заповѣдей—въ отношеніи къ себѣ самимъ и ближнимъ.

Эти послѣдніе въ отношеніи къ другимъ всякую правду нарушаютъ, а себѣ всякое угодіе творятъ въ похотяхъ и тѣмъ сквернятъ себя. Апостолъ и называетъ ихъ *неправедными и скверными.*

По этимъ двумъ видамъ распредѣляются и слѣдующія перечисленія беззаконниковъ въ частности. Къ первому относятся: отца и матери досадители, мужеубійцы, разбойники, клеветники, лжецы, клятвопреступники; а ко второму: блудники, мужеложники, скотоложники. Что это за люди, понятно изъ ихъ наименованій. Нѣкоторыя впрочемъ наименованія яснѣе будутъ поняты, если указать корни соотвѣтствующихъ имъ греческихъ словъ. *Отца и матере досадителемъ*—*πατραλωαις, μητραλωαις*, — такимъ лицамъ, которыя крѣпко бьютъ отца и мать, какъ крѣпко бьютъ молотельщики молотимый хлѣбъ. *Αλωαις* отъ *αλοαω*—молочу. *Разбойникомъ,*—*ανδραποδισταις*, такимъ лицамъ, которые насиліемъ или хитростію обращаютъ въ рабство.

И аще что ино здравому ученію противится. Здравое ученіе даетъ мысль объ ученіи болѣе теоретическомъ, въ которомъ нѣтъ ничего ложнаго, такого, что слѣдовало бы признать заблужденіемъ. Ложь и заблужденіе — болѣзни ученія. Здравому ученію онѣ чужды. Проповѣданное Апостолами христіанское ученіе здраво во всемъ его составѣ. — Но ученіе христіанское хотя исходитъ изъ теоретическихъ догматовъ, но все преимущественно направлено къ устроенію доброй, святой и праведной жизни. Почему и разумѣя подъ здравымъ ученіемъ ученіе христіанское, можно понимать его, какъ ученіе, излагающее правила святой и праведной жизни съ показаніемъ и способовъ преуспѣянія въ ней. Противно здравому ученію будетъ то, что противно чистой, святой нравственности. Апостолъ употребляетъ это слово (здравое ученіе) и въ другихъ мѣстахъ,— 2 Тим. 4, 3; Тит. 2, 1, — но все, или въ обличеніе недобрыхъ нравовъ, или въ руководство къ указанію добрыхъ. Въ настоящемъ мѣстѣ, переименовавъ нѣсколько беззаконниковъ, на коихъ лежитъ законъ, выставляетъ онъ наконецъ общее положеніе (Ѳеоф.): и вообще на всѣхъ тѣхъ лежитъ законъ, кои въ какомъ бы то ни было отношеніи живутъ противно здравому ученію, или здравымъ правиламъ святой и праведной жизни. Которые слѣдуютъ здравому ученію, у тѣхъ и душа здрава; а которые живутъ противно ему, въ тѣхъ качествуетъ „болѣзнь души развращенной“ (св. Злат.).

Для такихъ нуженъ врачъ и врачевство. Законъ затѣмъ и лежитъ на нихъ, чтобъ обличая, грозя и сокрушая, привесть ихъ въ сознаніе своей болѣзни и опасности отъ нея, и чрезъ то побудить ихъ обратиться къ единому Врачу и Его врачевству. Когда же они это сдѣлаютъ, то и для нихъ станетъ излишенъ законъ: ибо тогда и въ нихъ онъ достигнетъ своей

цѣли, и уступитъ мѣсто иному владыкѣ и руководителю.

б).

Настало время Евангелія,—1, 11—14.

И этого Апостолъ не выражаетъ слово въ слово, но ясно даетъ разумѣть всѣмъ строемъ рѣчи. Ибо говоритъ: законъ не лежитъ праведнику *по благовѣстію,*—аа) въ силу Евангелія, которое теперь всюду проповѣдуется и пріемлется (—ст. 11). Что это по Божіему устроенію дѣлается, бб) удостовѣрьтесь изъ моей жизни. Я былъ на вашей сторонѣ, и гналъ Евангеліе. Богъ же такъ перетворилъ меня, что не только вѣрующимъ сдѣлалъ, но и проповѣдь Евангелія мнѣ ввѣрилъ, ст. 12 — 14. Изъ этого явно можете усмотрѣть, что время закона миновало, и настало время Евангелія. Такова воля Божія.

аа).

Ст. 11. *По благовѣстію славы блаженнаго Бога, еже мнѣ ввѣрено бысть.*

По благовѣстію относится ко всей предыдущей рѣчи, паче же къ тому, что праведнику законъ не лежитъ. Законъ престалъ, потому что теперь благовѣствуется Евангеліе. Благовѣстіе же Евангелія не ограничивалось однимъ словомъ, но тотчасъ же среди тѣхъ, кои вѣровали, заводило новые порядки жизни, по Божію повелѣнію. Очевидно теперь, что Богъ вводитъ новое домостроительство спасенія. Въ силу сего законъ и не лежитъ праведнику, т.-е. тому, кто получаетъ оправданіе и праведность въ вѣрѣ Евангельской, „*По благовѣстію,* говоритъ св. Златоустъ, значитъ, что для тѣхъ, кто вѣруетъ въ него, законъ уже не нуженъ.“

По благовѣстію славы, тоже что по славному благовѣстію; славно же оно и потому, что носитъ печать Божественности, и потому, что паче всего другаго возвѣщаетъ славу безпредѣльнаго милосердія къ намъ Божія, и потому, что пріемлющихъ его облекаетъ здѣсь славою духовною, а въ будущемъ вѣкѣ обѣщаетъ облечь и видимою славою дивною.

Почему изъ всѣхъ качествъ Евангелія Апостолъ помянулъ преимущественно о его славности, причина сему та, что онъ желалъ отвлечь вниманіе имѣвшихъ читать его посланіе отъ внѣшней неславности Евангелія, равно какъ и вѣрующихъ въ него, и направить его къ узрѣнію славы того и другихъ внутренней, существенной, непрестающей. Это же нужно было въ противовѣсъ закону, который все еще продолжалъ пока пользоваться славою, чтобъ оставляющіе его не считали себя покрываемыми стыдомъ по причинѣ увѣрованія Евангелію, яко переходящіе отъ славнаго къ неславному. Св. Златоустъ говоритъ: „благовѣстіемъ славы назвалъ Апостолъ Евангеліе не по другой какой причинѣ, какъ ради тѣхъ, которые стыдятся гоненій и Христовыхъ страданій. И ради того называетъ онъ Евангеліе благовѣстіемъ славы, что желалъ показать, что страданіе Христа Господа составляетъ Его славу,— или даже онъ намекаетъ симъ на будущее. Ибо хотя настоящее наше исполнено стыда и поношенія, за то будущее вовсе не таково.“

Къ сему же направлено и то, что *Бога* наименовалъ Апостолъ *блаженнымъ,* указывая тѣмъ на источникъ и цѣль Евангельскаго домостроительства. Богъ всеблаженный въ Себѣ благоволилъ создать разумныя твари для участія въ семъ блаженствѣ; и когда онѣ по неразумію уклонились отъ сей цѣли своего сотворенія, благоволилъ возвратить ихъ къ сему назначенію, див-

нымъ нѣкіимъ образомъ, который возвѣщается Евангеліемъ. Евангельская вѣра есть путь къ причастію Божескаго всеблаженства. Почему нельзя лучше возвеличить его, какъ назвавъ дѣломъ блаженнаго и всеублажающаго Бога.

Слова: *еже мнѣ ввѣрено бысть*, служатъ переходомъ ко второму моменту настоящаго отдѣленія. Ими внушаетъ св. Павелъ, что говоря, что теперь настало Евангеліе, онъ говоритъ, какъ знающій дѣло. Ибо если ему ввѣрено Евангеліе, то онъ знаетъ силу его, и придавая ему показанное значеніе, выставляетъ его такимъ, каково оно въ существѣ своемъ есть. Это внушеніе тѣмъ убѣдительнѣе должно казаться, что Евангеліе не отъ него самого имѣетъ начало, а оно ему ввѣрено, и ввѣрено свыше, потому что оно есть Божіе.

бб).

Ст. 12. *И благодарю укрѣпляющаго мя Христа Іисуса Господа нашего, яко вѣрна мя непщева, положивъ мя въ службу.*

Благодаря Бога за свое призваніе къ Апостольству и за укрѣпленіе въ трудахъ благовѣстія, Апостолъ показываетъ, что еслибъ престаніе закона и замѣненіе его Евангеліемъ не было по Божію благоволенію и устроенію, то Богъ не отторгъ бы его, ревнителя закона, отъ закона, который онъ защищалъ съ такою ревностію, не ввѣрилъ бы ему проповѣди Евангелія и не сталъ бы укрѣплять въ трудахъ по сему дѣлу. Для самого Апостола это служило воодушевительнымъ убѣжденіемъ, что новое Евангельское домостроительство взамѣнъ ветхаго идетъ прямо отъ Бога. Но и на другихъ оно не могло не производить тогоже впечатлѣнія; почему св. Павелъ всюду поминаетъ о немъ съ

тою цѣлію, чтобъ въ этомъ представлять наглядное доказательство, что если вводится теперь Евангельское домостроительство вмѣсто закона, то это не отъ человѣкъ, а отъ Бога, что тутъ дѣйствуетъ Богъ, а люди служатъ только орудіями Ему. Св. Тимоѳей все это зналъ, и нечего было бы говорить ему о семъ; но хотя посланіе къ нему писано, однако назначалось не для одного его.

Благодарю укрѣпляющаго мя,—ἐνδυναμώσαντι—укрѣпившаго, давшаго силу, или укрѣплявшаго, дававшаго силу. Первое будетъ указывать на обращеніе св. Павла, какъ Господь далъ ему силу увѣровать, а второе—на труды въ проповѣданіи Евангелія, въ коихъ укрѣплялъ его Господь: ибо они были выше человѣческихъ силъ. Первую мысль высказываетъ Амвросіастъ: „Всякій невѣрующій страдаетъ немощію духа, связанъ будучи плотскимъ умомъ, да не вѣруетъ духовнымъ вещамъ. Почему Апостолъ выражаетъ здѣсь свою благодарность Христу Господу, что явленіемъ ему Божественнаго величія Своего немощному уму его далъ силу увѣровать;—потому что до сего онъ почиталъ невѣроятнымъ, что проповѣдывалось о Божествѣ Господа, Его двоякомъ рожденіи, и воскресеніи, и о надеждахъ отъ Него.“ Вторую мысль выражаютъ всѣ другіе наши толковники. Бл. Ѳеодоритъ такія слова влагаетъ въ уста св. Павлу: „не собственною своею дѣйствуя силою, предлагаю людямъ ученіе сіе, но утверждаемый и укрѣпляемый Спасшимъ меня, Который отважившагося неистовствовать противъ Него сдѣлалъ вѣрнымъ служителемъ Евангелія.“ Св. Златоустъ видитъ въ словахъ Апостола исповѣданіе великаго ему содѣйствія свыше. „Ибо посуди, какъ трудно было устоять противъ ежедневныхъ поруганій, укоризнъ, навѣтовъ, опасностей, споровъ, порицаній, смертей, и не придти въ уныніе, не пасть

духомъ, не поколебаться и, несмотря на то, что отовсюду каждый день бросали въ него цѣлыя тысячи стрѣлъ, стоять съ твердымъ, безтрепетнымъ видомъ. Это было выше человѣческихъ силъ.“

Христа Іисуса Господа нашего. Въ сознаніи христіанъ первое видится лице Христа Господа, Сына Божія воплощеннаго, а за завѣсою плоти Его созерцается тріѵпостасный Богъ, единымъ изъ лицъ Своихъ воплощенію быть изволившій. Это въ сознаніи печатлѣется вѣрою, но потомъ жизнь даетъ и опытныя въ томъ удостовѣренія, что все въ насъ отъ Христа Господа. Такихъ удостовѣреній никто изъ внимающихъ себѣ не лишенъ. Павелъ же святый постоянно ощущалъ близость укрѣпляющаго Его Господа; почему, какъ прежде воодушевленно исповѣдалъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя Іисусѣ Христѣ* (Фил. 4, 13),—такъ здѣсь благодаритъ Его же, *укрѣпляющаго.*

Благодаритъ Господа укрѣплявшаго, слѣдовательно всѣ успѣхи относитъ къ Нему. Но какъ укрѣплять достойно только дѣйствующаго и употребляющаго свои усилія, то вмѣстѣ съ тѣмъ подаетъ мысль, что при вѣрѣ во Всеукрѣпляющаго были и свои всевозможныя усилія. Смотря на дѣло съ сихъ сторонъ, св. Златоустъ видитъ въ словахъ Апостола съ одной стороны свидѣтельство о его смиреніи, съ другой—удостовѣреніе, что въ жизни по духу вѣры не все отъ Господа, но что требуется участіе и своей воли. Онъ говоритъ: „Апостолъ сказалъ, что мнѣ ввѣрено благовѣствованіе славы Божіей, и такъ какъ этимъ превознесъ себя и громко похвалилъ, то вслѣдъ за симъ смиряетъ себя, дабы ты не подумалъ, что онъ говоритъ сіе по гордости. *Благодарю,* говоритъ, *укрѣпляющаго Мя Господа.* Видишь ли, какъ всегда онъ скрываетъ свои заслуги и все приписываетъ Богу, — впрочемъ такъ,

что чрезъ это не уничтожаетъ свободы воли! Ибо невѣрующій вѣроятно могъ бы сказать: если все принадлежитъ Богу и мы сами отъ себя ничего не привносимъ, но Богъ, подобно деревьямъ и камнямъ, обращаетъ насъ отъ порока къ любомудрію, то почему Онъ сдѣлалъ такимъ Павла, а Іуду нѣтъ? Поэтому смотри, съ какимъ благоразуміемъ, предотвращая это возраженіе, выражается Апостолъ. Онъ говоритъ: *благодарю укрѣпляющаго мя Христа Іисуса,*—это относится къ Богу; затѣмъ указываетъ и на то, что принадлежитъ ему: *яко вѣрна мя непщева,*—конечно потому, что онъ самъ имѣлъ содѣйствовать сему."

Яко вѣрна мя непщева. Благодаритъ, что Богъ почелъ его достойнымъ довѣрія, провидѣвъ, что онъ будетъ вѣренъ Ему. А что это такъ было, доказательствомъ тому служитъ то, что Богъ поручилъ ему служеніе благовѣстію Евангелія: *положивъ мя въ службу,* — приставивъ служить Евангелію. Ибо какой хозяинъ ввѣритъ экономію по дому своему такому лицу, въ вѣрности котораго не удостовѣренъ? Такъ и Господь ввѣрилъ св. Павлу благовѣстіе, зная, по предвѣдѣнію, что онъ будетъ вѣренъ. „А чтобъ убѣдиться, что Богъ избралъ его, предвидѣвъ, каковъ онъ будетъ, послушай, что говоритъ Самъ Богъ еще прежде, нежели Апостолъ приступилъ къ проповѣди: *сосудъ избранъ Ми еси, пронести имя Мое предъ языки* (Дѣян. 9, 15)." (св. Злат). Сознавая это въ промыслительныхъ о себѣ распоряженіяхъ Господа, Апостолъ благодаритъ Его. Благодареніемъ этимъ онъ не столько выражаетъ радость о признаніи себя вѣрнымъ, сколько возвеличиваетъ порученное ему служеніе Евангелію; а это потому, что само Евангельское домостроительство чрезмѣрно велико. По причинѣ великости его велико и быть сочтену достойнымъ ввѣренія служенія

ему, и почтену довѣріемъ въ семъ дѣлѣ. Такимъ образомъ Апостолъ выставляетъ преимущественную высоту Евангелія, не говоря о томъ буквою. Амвросіастъ пишетъ: „Апостолъ почтенъ достойнымъ того, чтобы ему ввѣрено было распоряженіе по дѣлу таинства Господня (т.-е. Евангелія), дабы онъ чрезъ законъ подтвердилъ истину того, что прежде по любви къ закону почиталъ невѣроятнымъ.“ Это онъ подтверждалъ не ученіемъ только, но и самымъ дѣломъ избранія своего на служеніе Евангелію. Всякій другой не столько бы подтвердилъ это, сколько Павелъ, ревнитель закона, претворенный еще въ болѣе ревностнаго служителя Евангелію.

Но остановимся вниманіемъ на самомъ довѣріи св. Павлу и избраніи его. Для св. Павла, какъ гонителя Церкви, было бы велико, еслибъ онъ приведенъ былъ только къ вѣрѣ; но онъ не только приведенъ къ вѣрѣ, но еще поставленъ служителемъ ей и распространителемъ ея: подобно тому, какъ еслибъ какой виновный слуга не только былъ опять принятъ въ домъ, но и поставленъ распорядителемъ по дому. Апостолъ видитъ въ семъ чрезмѣрность милости къ себѣ и благодаритъ. Св. Златоустъ такія слова влагаетъ въ уста св. Павла: „я благодарю Господа за то, что Онъ удостоилъ меня сего служенія; потому что это составляетъ признакъ того, что Онъ считаетъ меня вѣрнымъ. Ибо подобно тому, какъ въ домѣ управляющій не только бываетъ благодаренъ господину за его довѣріе, но и поставляетъ оное признакомъ того, что господинъ считаетъ его болѣе достойнымъ довѣрія нежели другихъ: такъ подобнымъ образомъ было и здѣсь.“

Св. Златоустъ съ словами: *вѣрна мя непщева,* соединяетъ еще такую мысль, что „онъ не измѣнилъ Гос-

поду ни въ чемъ, говорилъ, что все Ему принадлежитъ, даже свое собственное называлъ Божіимъ, не присвояя себѣ славы Божіей.“ Въ этомъ онъ уподоблялся хорошему домоправителю, который, забывая себя, только о хозяйскомъ добрѣ печется и все благоуспѣшное относитъ къ мудрости хозяина. „Св. Павлу принадлежало только то, что онъ былъ годенъ для проповѣди, но чтобъ и дѣломъ совершить то, къ чему признанъ годнымъ, на это онъ пріялъ силу свыше, безъ коей ни въ чемъ не могъ бы онъ успѣть“ (Ѳеоф.). Это и исповѣдуетъ св. Павелъ, какъ здѣсь, такъ и во многихъ другихъ мѣстахъ. „Ибо послушай, что говоритъ онъ: *мужіе,* что вы на насъ взираете? *мы подобострастни есмы вамъ человѣцы* (Дѣян. 14, 15). И опять: *паче всѣхъ ихъ потрудихся, не азъ же, но благодать Божія, яже со мною* (1 Кор. 15, 10). И еще: *Богъ есть дѣйствуяй въ насъ и еже хотѣти и еже дѣяти* (Фил. 2, 13). Вотъ это и значитъ: *вѣрна мя непщева*“ (св. Злат.),—то-есть провидѣлъ, что онъ ничего себѣ не присвоитъ, но все относить будетъ къ Господу, какъ источнику вразумленія и силы.

Амвросіастъ чувствуетъ въ сихъ словахъ Апостола радость его во страданіяхъ за Господа, противъ Коего прежде шелъ. Говорится это уже въ концѣ поприща ввѣреннаго служенія, пройденнаго среди скорбей, лишеній и гоненій. Господь провидѣлъ, что несмотря на все это онъ будетъ вѣренъ. Видя это оправданнымъ, Апостолъ благодаритъ Господа. „Такую преданную вѣрность являлъ Апостолъ Господу, отъ Коего прежде отрицался, что болѣе радовался въ страданіяхъ за проповѣданіе вѣры въ Него, нежели сколько прежде восхищался своими преслѣдованіями вѣрныхъ.“

Ст. 13. *Бывша иногда хулителя и гонителя и досадителя: но помилованъ быхъ, яко невѣдый сотворихъ въ невѣрствіи.*

Хулителемъ называетъ себя. потому что хулилъ Іисуса Христа Господа и былъ воистину богохульникомъ; *гонителемъ,*—потому что гналъ вѣрующихъ въ Господа и разстроивалъ ихъ общества и церкви; *досадителемъ,* — потому что бранилъ и поносилъ всячески и вѣру и вѣрующихъ. Какъ безжалостно онъ выставляетъ свою прежнюю дурноту! Но это за тѣмъ, чтобъ тѣмъ въ болѣе яркомъ свѣтѣ выставить милость къ нему Божію,—что несмотря на то, помилованъ. „Смотри, говоритъ св. Златоустъ, какъ онъ, описывая свою прежнюю жизнь, превозноситъ милость и человѣколюбіе Божіе: прежде *бывша мя,* говоритъ, *хульника и гонителя и досадителя*. Видишь ли его смиреніе, какъ онъ несамолюбивъ, какая у него смиренная душа? Онъ не довольствуется тѣмъ, что назвалъ себя хулителемъ и гонителемъ; а показываетъ еще, что онъ дѣлалъ это съ особеннымъ ожесточеніемъ. Ибо, говоритъ онъ, я не въ себѣ только укрывалъ зло и не довольствовался тѣмъ, что самъ былъ хулителемъ, но еще преслѣдовалъ тѣхъ, которые хотѣли жить благочестно. Я довелъ богохульство до величайшаго неистовства.— За это я достоинъ былъ всякаго наказанія, но не наказанъ, потому что помилованъ.“

А помилованъ, потому что *не вѣдый сотворихъ въ невѣрствіи.* Я не вѣдалъ, что преслѣдуя христіанъ, я возставалъ противъ Бога и разорялъ дѣло Его: ибо не вѣровалъ, что Іисусъ Христосъ есть Богъ и Евангельское домостроительство, замѣнявшее законъ, есть дѣло Божіе. „Я слѣпотствовалъ, не видѣлъ свѣта,—не ненавистію движимый, воздвигъ брань, но подвизаясь за законъ“ (Ѳеод.). „Онъ сознается въ невѣдѣніи, которое происходило отъ невѣрія“ (св. Злат.). „Онъ дѣйствовалъ такъ не по злобѣ, а по ошибкѣ, коей удобно дается прощеніе, коль скоро привходитъ раскаяніе. А

кто знаетъ, что то, что онъ отвергаетъ, истинно, тотъ не по ошибкѣ дѣйствуетъ, а по злой волѣ, и такого рана неисцѣльна. Ибо онъ, ненавистію побуждаемъ, ложнымъ называетъ то, о чемъ знаетъ, что оно истинно" (Амврос.). Сердце св. Павла не было развращено и повреждено какою-либо страстію. Онъ такъ дѣятельно ревновалъ по законѣ, потому что въ славѣ закона видѣлъ славу Бога, давшаго законъ. Почему слѣдовало только измѣнить его убѣжденіе, что теперь не въ славѣ закона слава Божія, а въ славѣ Евангелія, чтобъ измѣнить его образъ дѣйствій и изъ гонителя сдѣлать его еще болѣе ревностнымъ распространителемъ Евангелія, которое гналъ. Это и совершено явленіемъ ему Господа.

Ст. 14. *Упреумножися же благодать Господа нашего Іисуса Христа съ вѣрою и любовію, яже о Христѣ Іисусѣ.*

Упреумножися благодать,—чрезмѣрно великая явлена мнѣ благодать, которая превзошла всякую мѣру, всякое ожиданіе,—была *благодать возблагодать* (Іоан. 1, 16). Апостолъ хочетъ сказать, что не только не наказанъ за свои хулы и гоненіе, а помилованъ, но сверхъ того еще преизобильно облагодатствованъ; подъ чѣмъ можно разумѣть и всѣ духовныя блага, подаемыя всякому вѣрующему, какъ-то: возрожденіе, силу дѣйствующую во спасеніе, освященіе, всыновленіе и царство небесное,—и особенную благодать Апостольства. Что и послѣдней не слѣдуетъ исключать изъ круга даровъ преумножившейся къ св. Павлу благодати, видно изъ того, что слова сіи состоятъ въ прямой связи съ предыдущею рѣчью, гдѣ Апостолъ изъявляетъ благодареніе Господу за довѣріе къ нему и возложеніе на него служенія Евангельскому домостроительству, что и есть Апостольство. Наши толковники преимущественно останавливаютъ вниманіе на дарахъ благодати общихъ

всѣмъ христіанамъ. Св. Златоустъ говоритъ: *„помилованъ,* говоритъ, *быхъ.* Но развѣ это только (ты получилъ), развѣ милосердіе (простиралось) до того только, что ты не понесъ наказанія? Нѣтъ, (оно простиралось до того, что ты получилъ) другія многія и великія (благодѣянія). Ибо Богъ не только освободилъ насъ отъ угрожавшаго намъ наказанія, но и сдѣлалъ праведными, и сынами, и братьями, и друзьями, и наслѣдниками, и сонаслѣдниками. Поэтому онъ и говоритъ: *упреумножися благодать,* выражая ту мысль, что дары сіи превзошли (предѣлы) милосердія. Ибо такъ поступать свойственно не милующему только, но и любящему и совершенно преданному.“

Благодать преумножилась, говоритъ, *съ вѣрою и любовію.* Призванный увѣровалъ, увѣровавъ возлюбилъ; вѣра и любовь привлекли преизобильную благодать; онѣ сдѣлали изъ сердца пространный сосудъ для вмѣщенія преизобильной благодати. „Этими словами Апостолъ показалъ, что къ полученному имъ привносъ онъ отъ себя. Ибо, получивъ свыше благодать, привнесъ вѣру и любовь; увѣровалъ искренно, возлюбилъ со всею горячностію и не переставалъ пламенѣть сею любовію.“—Св. Златоустъ и здѣсь, какъ выше, дѣлаетъ наведеніе объ участіи свободной воли въ дѣлѣ спасенія. Онъ говоритъ: „сказавши многое о человѣколюбіи Божіемъ, что (Богъ) помиловалъ его,—хотя онъ и былъ хулителемъ и гонителемъ и притѣснителемъ, — и не только не ограничился этимъ, но удостоилъ его еще великихъ другихъ (благодѣяній), Апостолъ опять подтверждаетъ то, (что сказано) противъ невѣрныхъ, т.-е., что не слѣдуетъ говорить, что свобода воли не существуетъ,—прибавляя слѣдующія слова: *съ вѣрою и любовію, яже о Христѣ Іисусѣ.* Съ своей стороны, говоритъ онъ, мы только то привнесли, что повѣрили

тому, что Онъ можетъ спасти насъ, (и возлюбили Его). Ибо нужна намъ не одна только вѣра, но и любовь. (Прибавляю сіе) для того, что нынѣ много такихъ, которые вѣруютъ, что Христосъ есть Богъ, однакожъ не любятъ Его и не поступаютъ такъ, какъ слѣдуетъ любящимъ Его.“

О Христѣ Іисусѣ—относится какъ къ любви, такъ и къ вѣрѣ, и означаетъ то, что тѣ—вѣра и любовь—были въ духѣ Христовомъ, по Евангельскому домостроительству, христіанскія. По св. Златоусту, *во Христѣ* тоже что *чрезъ Христа;* но *чрезъ Христа* онъ понимаетъ какъ—по домостроительству Христову. „Что значитъ чрезъ Христа?“ спрашиваетъ;—и отвѣчаетъ: „то, что Онъ былъ для насъ виновникомъ сего, а не законъ,“—того, т.-е., чтобъ съ вѣрою и любовію упреумножилась для каждаго благодать: ибо таково домостроительство Христово. Почему заключаетъ далѣе св. Златоустъ: „видишь, какихъ благъ для насъ былъ виновникомъ Христосъ, и какихъ законъ?“

Прибавимъ къ сему: слѣдовательно достойно было Апостолу изливать свою благодарность Господу, что не только христіаниномъ сдѣлалъ его, но и Апостоломъ христіанства,—и изліяніемъ такой благодарности всѣмъ внушать, что теперь никому не слѣдуетъ уже обращаться къ оскудѣвшему источнику закона, но спѣшить къ преизобильному источнику благодати о Христѣ Іисусѣ.

в).

Почему, если хочешь спастися,—вѣруй въ Господа.

Вѣруй; ибо аа) Христосъ Господь за тѣмъ и пришелъ, чтобъ грѣшниковъ спасти, и иного пути ко спасенію нѣтъ, ст. 15, бб) образецъ тебѣ спасенія симъ

путемъ – я, который за тѣмъ и помилованъ, чтобъ всѣ видѣли, куда слѣдуетъ направляться хотящимъ спастися, и спѣшили туда съ полною надеждою. Поминая о семъ простомъ и дѣйственномъ способѣ спасенія, вв) не могу удержаться, чтобѣ не воззвать: честь и слава Премудрому Богу! — Бл. Ѳеодоритъ содержаніе сихъ стиховъ выражаетъ такъ: „Апостолъ, обнаруживъ, что было съ нимъ самимъ, доказываетъ, что благодать сія предложена всѣмъ.“

аа).

Ст. 15. *Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно, яко Христосъ Іисусъ пріиде въ міръ грѣшныя спасти, отъ нихже первый есмь азъ.*

Апостолъ не говоритъ буквою: если хочешь спастися, вѣруй; а только указываетъ самое надежное средство ко спасенію. Желающій спасенія уже самъ собою устремится къ нему. *Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно,* — слово о спасеніи грѣшниковъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Самъ Онъ свидѣтельствовалъ: *изыдохъ отъ Отца и пріидохъ въ міръ* (Іоан. 16, 28). Чего ради? *Не праведниковъ взыскать, но грѣшниковъ на покаяніе* спасительное (Матѳ. 9, 13). Пошла проповѣдь: *покайтеся и вѣруйте во Евангеліе,* и потекли на гласъ сей всѣ сокрушенные сердцемъ и смиренные. Потекли и спасаются. Возвѣщаемое словомъ Евангелія спасеніе исполняется въ нихъ дѣломъ. Ни одного истинно увѣровавшаго и искренно взыскавшаго не обманула надежда. Всѣ спасаются. И всякій, кто бы ни восхотѣлъ приступить къ Господу, спасенъ будетъ. Удостовѣряю въ томъ собственнымъ моимъ примѣромъ. Я первый изъ грѣшниковъ и спасенъ. Какому же еще грѣшнику послѣ меня возможно не быть спасену? — Почему и удостовѣряю, что *слово* о семъ *вѣрно и вся-*

каго пріятія достойно. Вѣрно, — „т.-е. не ложно и истинно“ (Ѳеод.). *Всякаго пріятія достойно,*—достойно пріятія открытымъ сердцемъ, безъ малѣйшей тѣни сомнѣнія и колебанія. „Поелику казалось невѣроятнымъ, чтобы человѣкъ, несмотря на то, что онъ всю предшествовавшую жизнь провелъ (не принеся никакой) пользы, и тщетно истратилъ ее на злыя дѣла, могъ потомъ спастись чрезъ одну вѣру: поэтому онъ и говоритъ: *вѣрно слово.*—И въ доказательство сего приводитъ себя самого: меня хульника и гонителя помиловалъ Богъ, и не только помиловалъ, но и содѣлалъ вѣрующимъ. Онъ не только не стыдится, называя себя грѣшникомъ, но еще особенно радуется о семъ; такъ какъ чрезъ это онъ лучше всего могъ показать великое чудо попеченія Божія (о грѣшникахъ)“ (св. Злат.).

Апостолъ называетъ себя первымъ изъ грѣшниковъ. Это по чувству сокрушенія и раскаянія, что прежде хулилъ Господа и гналъ Церковь Его. Хоть и было здѣсь нѣкое извиненіе въ невѣдѣніи; но сердце сокрушенное не любитъ выставлять смягчающія вину обстоятельства, а прибѣгаетъ къ одной милости, безотвѣтно считая себя виновнымъ, и получивъ помилованіе, все его въ цѣлости относитъ къ милости, какъ къ единому источнику. Уже въ этомъ Апостолъ являетъ настоящій образецъ для всѣхъ кающихся; но еще болѣе въ томъ, что онъ такъ говоритъ о себѣ и такъ себя чувствуетъ, послѣ стольких трудовъ во славу Божію и послѣ стольких милостей къ нему Божіихъ. Не перестаетъ болѣть сердце, если сознаетъ себя оскорбившимъ возлюбленнаго, хотя онъ оскорбляемъ былъ прежде возлюбленія. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ, что „Апостолъ, называя себя первымъ изъ всѣхъ грѣшниковъ, простирается за самый предѣлъ смиренія.“

Но другіе иное нѣкое предлагаютъ при семъ разсу-

жденіе. Св. Златоустъ говоритъ: „какъ Апостолъ, сказавъ въ другомъ мѣстѣ, что онъ *по правдѣ законнѣй непороченъ* (Фил. 3, 6), здѣсь говоритъ, что онъ грѣшникъ и первый изъ грѣшниковъ? Это потому, что въ сравненіи съ тою праведностію, которой причастниками содѣлалъ насъ Богъ (во Христѣ Іисусѣ) и которой поистинѣ нужно искать, грѣшны даже тѣ, которые были праведны въ законѣ: *вси бо согрѣшиша и лишени суть славы Божія* (Римл. 3, 23). Поэтому онъ не просто сказалъ: по правдѣ, но: *по правдѣ законнѣй.* Ибо подобно тому, какъ человѣкъ, который пріобрѣлъ много денегъ, хотя самъ по себѣ и кажется богатымъ, однако когда сравнитъ свои стяжанія съ сокровищами царскими, то увидитъ себя весьма бѣднымъ и первымъ бѣднякомъ: такъ и здѣсь, сравнивая одну (законную) праведность съ другою (благодатною), св. Павелъ показываетъ ничтожество (первой). И не только сіе говоритъ, но еще признаетъ грѣшниками тѣхъ, которые стяжали перваго рода (праведность).“ Туже мысль выражаетъ и бл. Өеофилактъ, съ нѣкоторымъ особымъ оттѣнкомъ. „Св. Павелъ ставитъ себя въ ряду грѣшниковъ, потому что предъ правдою, яже о Христѣ, правда, яже по закону, нынѣ грѣхъ есть, такъ какъ время ея уже прошло. Пока было ея время, она была правдою, подобно какъ въ ночи и луна и свѣча свѣтъ есть. Но когда явился Христосъ, какъ солнце, тогда затмилъ ее. Итакъ погрѣшаетъ и неразумно дѣйствуетъ, кто пользуется свѣчею (подзаконной правды), когда возсіяло солнце (правды Христовой).“

6б).

Ст. 16. *Но сего ради помилованъ быхъ, да во мнѣ первомъ покажетъ Іисусъ Христосъ все долготерпѣніе, за образъ хотящихъ вѣровати Ему въ жизнь вѣчную.*

Какое глубокое смиреніе! Какое сокрушенное сознаніе своей прежней вины! Я, говоритъ, столько грѣшенъ, что Господь, долготерпя мнѣ, истощилъ на мнѣ все Свое долготерпѣніе. И это Онъ сдѣлалъ не потому, чтобъ нашелъ что-либо достойное во мнѣ, но потому, что никто больше меня не дѣлалъ возможнымъ представить образецъ помилованія такой, чтобъ всякій грѣшникъ, смотря на помилованіе меня, не колебался, что и онъ помилованъ будетъ, и смѣло приступалъ вѣровать Господу въ несомнѣнной надеждѣ, что и онъ получитъ жизнь вѣчную. Ужъ если я помилованъ; кто можетъ сомнѣваться, что и онъ помилованъ будетъ?

Пространно изображаетъ это св. Златоустъ: „Видишь ли, какъ опять смиряетъ и уничижаетъ себя Апостолъ, приводя нѣчто иное болѣе уничижительное? Ибо, сказавъ, что онъ помилованъ ради своего невѣдѣнія, онъ указываетъ на то, что помилованный не очень великій грѣшникъ и не долженъ быть строго осуждаемъ. Но то выраженіе, что онъ помилованъ для того, дабы никто изъ согрѣшившихъ не отчаявался болѣе, но былъ увѣренъ, что и онъ тоже самое получитъ, составляетъ весьма важное и очень сильное (себя уничиженіе). Такъ что Апостолъ, когда говорилъ о себѣ: я первый изъ грѣшниковъ и хулитель, и гонитель, и досадитель, и *нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ* (1 Кор. 15, 9), и подобное сему высказывалъ,— и тогда ничего не сказалъ въ такой степени уничижительное для себя. Пояснимъ это примѣромъ. Представимъ себѣ многолюдный городъ, котораго всѣ жители были бы люди злые, — правда одни больше, другіе меньше, однако всѣ достойны осужденія: впрочемъ въ числѣ этихъ многихъ одинъ кто нибудь больше всѣхъ заслуживалъ бы осужденія и наказанія, и былъ чело-

вѣкъ, испытавшій всѣ виды преступленій. Еслибы, положимъ, кто нибудь сказалъ, что царь хочетъ простить ихъ всѣхъ, то они не такъ легко повѣрили бы сему извѣстію, пока не увидѣли бы, что самый преступный изъ всѣхъ ихъ уже получилъ сіе. Ибо тогда не оставалось бы никакого сомнѣнія. Тоже самое говоритъ и Павелъ, — что Богъ, желая увѣрить людей въ томъ, что Онъ все имъ прощаетъ, помиловалъ того, кто болѣе всѣхъ согрѣшилъ. Потому что, если я, говоритъ онъ, получилъ прощеніе, то пусть никто уже не усумнится относительно другихъ. И чрезъ это Апостолъ показываетъ, что онъ не заслуживалъ прощенія, но ради спасенія другихъ первый сподобился его. Слѣдовательно, пусть никто, говоритъ онъ, не сомнѣвается въ спасеніи, когда я спасенъ. И замѣть смиренномудріе сего блаженнаго (мужа). Онъ не сказалъ: да покажетъ во мнѣ долготерпѣніе, но — *все долготерпѣніе*, какъ-бы говоря такъ: ни надъ кѣмъ другимъ Богъ не явилъ больше Своего долготерпѣнія какъ надо мною, и не обрѣлъ другаго такого грѣшника, который нуждался бы во всемъ Его милосердіи, во всемъ долготерпѣніи, а не отчасти, подобно тѣмъ, которые отчасти только согрѣшили. *За образъ*, говоритъ, *хотящихъ вѣровати Ему въ жизнь вѣчную*, т.-е., для ободренія, для поощренія ихъ.“

Бл. Ѳеодоритъ, для поясненія сказаннаго Апостоломъ, приводитъ другое сравненіе, въ которомъ показываетъ, что въ Господѣ получается не только помилованіе и отпущеніе грѣховъ, но и уврачеваніе грѣховныхъ ранъ. „Какъ врачъ, говоритъ какъ-бы Апостолъ, когда въ одномъ домѣ, въ одно и тоже время, много больныхъ, и всѣ отчаяваются въ выздоровленіи, взявъ одного наиболѣе трудно-больнаго, и давая ему цѣлительныя врачевства и приведя его въ совершенное

здравіе, этимъ самымъ влагаетъ довѣріе къ себѣ и во всѣхъ больныхъ: такъ и Владыка Христосъ, врачъ душъ, вочеловѣчившійся нашего ради спасенія, изведя на среду меня, всѣхъ беззаконнѣйшаго, не только избавилъ отъ прежнихъ скверНъ, но и осыпалъ величайшими дарами, чрезъ меня показуя всѣмъ людямъ неизмѣримое долготерпѣніе, чтобы никто изъ величайшихъ беззаконниковъ, взирая на меня, не отчаявался въ спасеніи. Но Божественный Апостолъ сказалъ это, водясь скромнымъ о себѣ образомъ мыслей. Надлежитъ знать, что не (нравственную) жизнь свою сознавалъ онъ беззаконною; но говорилъ такъ, припоминая свои покушенія на Церковь, какъ пишетъ въ посланіи къ Коринөянамъ: *нѣсмь достоинъ нарещися Апостолъ, зане гонихъ Церковь Божію* (1 Кор. 15, 9)."

Вѣровати Ему въ жизнь вѣчную.—Въ жизнь вѣчную—показываетъ, что чаяніе сей жизни есть неотъемлемая принадлежность вѣры въ Господа Спасителя. „Вѣра во Христа бываетъ въ надеждѣ получить жизнь вѣчную" (Экум.). Жизнь вѣчная — вѣнецъ вѣры въ Господа. Вѣра въ Господа есть таинство возстановленія падшаго. Возстановленіе сіе тотчасъ и начинается, какъ только кто приступитъ вѣрою къ Господу. Но зрѣетъ и совершается большею частію сокровенно. Во всей свѣтлости оно явится въ будущей жизни, гдѣ получитъ и соотвѣтственное себѣ внѣшнее положеніе и состояніе. Чаяніе сего воодушевляетъ вѣрующихъ къ трудамъ по возстановленію, а начатки возстановленія питаютъ и оживляютъ самое чаяніе. Вотъ почему Апостолъ, когда касается общихъ чертъ вѣры, никогда не забываетъ помянуть и о жизни вѣчной.

вв).

Ст. 17. *Царю же вѣковъ нетлѣнному, невидимому, единому премудрому Богу, честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь.*

„Воспомянувъ о благодѣяніяхъ Божіихъ, Апостолъ обращаетъ языкъ къ пѣснословію“ (Ѳеод.). Апостолу Павлу обычно при истолкованіи дѣла воплощеннаго домостроительства возноситься къ Богу въ благодареніи и славословіи. Такъ и здѣсь, возшедши къ созерцанію неизреченной премудрости и благости Божіей въ томъ, что по отмѣненіи закона открылъ Онъ пространную дверь спасенія въ Господѣ Іисусѣ для всѣхъ хотящихъ вѣровать въ Него, славословитъ Бога. Честь и слава Богу, благоволящему спасать грѣшныхъ!

Помянувъ, что Богъ въ вѣрѣ всѣмъ открылъ дверь спасенія съ обѣтованіемъ жизни вѣчной, Апостолъ именуетъ Бога царемъ вѣковъ, нетлѣннымъ, въ показаніе, что исполненіе такого обѣтованія Богъ держитъ въ рукахъ Своихъ. Какъ нетлѣнный, жизнь въ Себѣ имѣющій непрестающую, не заимствованную и не истощающуюся, Онъ даетъ и вѣрующимъ жизнь, какъ Царь вѣковъ—жизнь вѣчную, и какъ невидимый—такую вѣчную жизнь, которой подобія не найдемъ ни въ чемъ видимомъ. — Премудрость Божія, столь ясно проявленная въ твореніи, наипаче возсіявшею зрится въ воплощенномъ домостроительствѣ. Почему Апостолъ, подвигнутый къ славословію созерцаніемъ сего домостроительства, величаетъ Бога здѣсь,—какъ и вездѣ,—премудрымъ.—Честь и слава, Божеское поклоненіе и славословіе.—да будетъ или да воздастся.

Наши толковники преимущественно обращаютъ при

семъ вниманіе на то, къ Кому относится сіе славословіе. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „поелику Апостолъ показалъ, что Владыка Христосъ есть податель стольких благъ, то, желая научить, что сдѣлано сіе по благоволенію Бога Отца и при содѣйствіи Божія Духа, отъ единаго лица перешелъ къ общему естеству и вознесъ пѣснопѣніе Троицѣ, и умолчавъ о Лицахъ, пѣснословитъ Божіе естество. Ибо не трудно и узнать, что сказанное принадлежитъ не только Богу Отцу, но и Сыну и Святому Духу. Ибо Царь вѣковъ—не одинъ Отецъ, но и Единородный Сынъ,—такъ какъ Онъ есть творецъ вѣковъ,—а также и Духъ Святый,—такъ какъ и Его вѣчнымъ назвалъ Божественный Апостолъ, сказавъ: *иже Духомъ Святымъ* (греч. αιωνιου, вѣчнымъ) *принесе Себе непорочна Богу* (Евр. 9, 14). Также и нетлѣніе и невидимость свойственны и Сыну и Духу. А какъ сіе такимъ образомъ приведено въ ясность, то и имя Бога, поистинѣ, есть имя единой Троицы. Ибо кромѣ Ея нѣтъ инаго Бога по естеству.“

Тоже и у другихъ. Бл. Ѳеофилактъ прилагаетъ нѣчто къ истолкованію словъ: *единому премудрому*. Это, говоритъ, сказано „для того, чтобъ показать, что хотя и Ангелы и люди имѣютъ премудрость, но настояще премудръ одинъ Богъ, какъ источникъ и виновникъ премудрости, всѣ же другія твари, имѣющія премудрость, дѣлаются причастными ея.“

Св. Златоустъ, изъ словъ: *честь и слава,* дѣлаетъ такое приложеніе. „Честь и слава воздается не словами. Поэтому, такъ какъ и Онъ почтилъ насъ не словами, а самымъ дѣломъ, то и мы воздадимъ Ему честь самымъ дѣломъ.“ Продолжаетъ сіе приложеніе бл. Ѳеофилактъ: „слава и честь словомъ воздаваемая являетъ насъ только благодарными, а воздаваемая дѣломъ дѣлаетъ насъ подражателями Ему,—что гораз-

до больше. Богъ требуетъ отъ насъ прославленія Его и словомъ, чтобъ мы любили Его, Ему внимали и повиновались, и чрезъ это сами же получали пользу; подобно тому какъ и дивящійся (смотрящій) на славу солнечнаго свѣта, себѣ самому доставляетъ пользу, наслаждаясь свѣтомъ и пользуясь имъ при дѣлахъ своихъ, а не пользующійся имъ самому себѣ причиняетъ ущербъ и лишеніе.“

г).

Вотъ о чемъ учить завѣщаваю тебѣ,—1, 18—20.

Ст. 18. *Сіе же завѣщаніе предаю ти, чадо Тимоѳее, по бывшихъ на тя прежнихъ пророчествіихъ, да воинствуеши въ нихъ доброе воинство.*

Сіе же, ταύτην, — таковое, вотъ какое *завѣщаніе.* Какое же? То, что изображено предъ симъ, чтобъ и самъ уклонялся и другихъ отклонялъ отъ суесловій всякихъ, а занималъ вниманіе однимъ тѣмъ, что спасеніе только въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, для чего Онъ и въ міръ пришелъ.

Предаю ти, чадо. Даетъ заповѣдь, пишетъ законъ,— дѣйствіе нѣкако властительское (Ѳеоф.), тяготящее и отталкивающее. Чтобъ смягчить его, Апостолъ говоритъ, — *предаю,* παρατίθεμαι, предлагаю, — и прибавляетъ—*чадо.* „Даетъ заповѣдь, какъ сыну, какъ родному,—не повелительно, не властительски, но отечески: *чадо Тимоѳее*“ (св. Злат.). Впрочемъ *предаю* есть— передаю, въ томъ смыслѣ, что Апостолы свыше пріяли залогъ вѣры, который передавали своимъ преемникамъ. Въ этомъ указывается обязательство — благоговѣйно пріявъ, строго блюсти. Св. Златоустъ говоритъ: „выраженіе—*предаю*—показываетъ, что преданное нужно строго хранить, и что оно не отъ насъ произошло.

Ибо не мы изобрѣли его, но Богъ даровалъ намъ его. Но что Онъ даровалъ намъ, то мы должны хранить. Онъ какъ будто такъ говоритъ: не я заповѣдаю тебѣ, но Тотъ, Кто избралъ тебя.“

Подъ *бывшими пророчествами* Апостолъ вѣроятно разумѣетъ или общій вѣрующихъ голосъ одобренія св. Тимоѳеею въ Иконіи и Листрѣ, слышанный св. Павломъ, какъ голосъ Божій, въ связи съ какимъ либо ему самому внушеніемъ при семъ свыше, или какія-либо прореченія о св. Тимоѳеѣ бывшихъ тогда въ церквахъ пророковъ, подобно прореченіямъ ихъ объ ожидавшихъ св. Павла узахъ, или указанія свыше самому Павлу бывшія, вѣдомыя и Тимоѳею, одно изъ которыхъ, можетъ быть, повторилось и при самомъ назначеніи его замѣнить Апостола въ Ефесѣ (Ѳеод.). Всяко видѣть слѣдуетъ въ семъ свидѣтельство, съ какимъ вниманіемъ Апостолъ избиралъ себѣ преемниковъ, и указаніе, съ какимъ всегда должно сіе дѣлать въ церкви. На эту сторону дѣла обращаетъ особое вниманіе св. Златоустъ. „Званіе наставника (вѣрныхъ) и священника весьма важно и достойно удивленія, и воистину Божеское указаніе потребно для того, чтобы для сего былъ избранъ человѣкъ достойный. Такъ и было въ древности; такъ бываетъ и нынѣ, когда мы безъ пристрастія человѣческаго совершаемъ избраніе, когда при этомъ не взираемъ ни на что житейское, ни на дружбу, ни на вражду. Ибо хотя мы не въ такой степени причастны Духа, но довольно благаго намѣренія для того, чтобъ привлечь свыше указаніе достойнаго быть рукоположену. И Апостолы, когда избирали Матѳія, не были причастны Духа, но предоставивъ устроеніе дѣла молитвѣ, причислили его къ лику Апостоловъ. Ибо они не взирали на дружбу человѣческую. Такъ должно бы совершаться сіе и теперь у насъ.

Но мы, дошедши до крайней степени нерадѣнія, пропускаемъ безъ вниманія и то, что вполнѣ очевидно. Если же мы очевиднаго не усматриваемъ, то какъ же Богъ откроетъ намъ неизвѣстное? Если въ маломъ, говоритъ Онъ, вы не были вѣрны, то кто поручитъ вамъ великое?—Но въ то время, такъ какъ ничто не совершалось по человѣческому пристрастію, то и священникъ поставляемъ былъ чрезъ пророчество.—Что значитъ — чрезъ пророчество? По внушенію Святаго Духа. Ибо пророчество состоитъ не въ томъ только, чтобы предсказывать будущее, но и въ томъ, чтобъ указывать настоящее. Ибо Богъ открываетъ волю Свою праведникамъ. Слова: *отдѣлите ми Варнаву и Савла* (Дѣян. 13, 2) были пророчествомъ. Такъ былъ избранъ и Тимоѳей.—Но здѣсь Апостолъ говоритъ о многихъ пророчествахъ, разумѣя, быть можетъ, и то, по которому принялъ его къ себѣ въ началѣ, и это, когда рукоположилъ, какъ самъ пишетъ ниже: *не неради о своемъ дарованіи* (—— 4, 14)."

Апостолъ избралъ на мѣсто себя св. Тимоѳея и ввѣрилъ ему Ефесскую церковь, въ полной увѣренности, что онъ исполнитъ какъ должно возложенное на него дѣло, удостовѣренъ будучи въ семъ бывшими указаніями свыше. Говоритъ же о семъ св. Тимоѳею, чтобъ воодушевить его ревностію и мужествомъ. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы возбудить его къ ревности и заставить трезвиться и бодрствовать, онъ напоминаетъ ему объ избравшемъ и рукоположившемъ его, говоря какъ-бы такъ: тебя избралъ Богъ, Онъ ввѣрилъ тебѣ Церковь; не по человѣческому избранію ты сдѣлался служителемъ вѣры: не оскорби, не посрами Божественнаго избранія."

Да воинствуеши въ нихъ доброе воинство. Управленіе Церковію, охраненіе вѣрныхъ съ руководствомъ

ихъ въ дѣлѣ спасенія сравниваетъ Апостолъ съ веденіемъ войны или воеваніемъ. Ибо тутъ непрерывная война съ невѣріемъ, суевѣріемъ, суемудріемъ, слѣпою непріязнію, война и съ людьми и съ темными силами, возстающими противъ истины чрезъ людей. Посему Апостолъ и пишетъ св. Тимоѳею: *да воинствуеши*, говоря какъ-бы: „надлежитъ тебѣ оказать себя достойнымъ избранія, привести въ исполненіе пророчества, и мужественно вступить въ борьбу съ супостатами демонами" (Ѳеод.). „Воздвигнута сильная брань и вообще противъ всѣхъ, но особенно противъ учителей; почему намъ нужно всегда держать наготовѣ крѣпкое оружіе, именно—трезвенность, бодрствованіе, неусыпную бдительность; мы должны быть готовы на кровавыя битвы, должны ополчиться и не имѣть въ себѣ ни малѣйшей изнѣженности" (св. Злат.).

Да воинствуеши въ нихъ. — *Въ нихъ* относится къ пророчествамъ, и означаетъ: во исполненіе ихъ, въ силу ихъ, по духу ихъ,—изъ нихъ заимствуя себѣ и побужденіе воодушевляющее, и руководство вразумляющее. „Они (эти пророчества) избрали тебя на то, на что избрали; внимай же имъ, будь имъ послушенъ, проходи исправно добрую службу воина" (св. Злат.). „Ради которыхъ (пророчествъ) ты принятъ, и изъ-за которыхъ избранъ, въ тѣхъ и чрезъ тѣхъ воинствуй, силою Духа Святаго, отъ Коего и пророчества" (Экум.).

Да воинствуеши доброе воинство, даетъ *или* такую мысль: держи это воинствованіе, потому что оно добро; ибо что можетъ быть добрѣе, какъ способствовать спасенію другихъ, содѣйствуя исполненію того, чего ради Господь нашъ пришелъ въ міръ? *или* такую: держи воинствованіе добрымъ образомъ, такъ чтобъ оно признано было добрымъ; ибо и доброе можно дѣлать недобрымъ образомъ, когда недобрыя при семъ

имѣютъ цѣли и недобрыя употребляютъ средства. Св. Златоустъ указываетъ при семъ, какое вообще въ нравственномъ порядкѣ бываетъ недоброе воинствованіе. „Апостолъ сказалъ: проходи добрую службу воина, — добрую, ибо есть и злая служба воина, о которомъ онъ говоритъ: *якоже представисте уды ваша рабы нечистотѣ и беззаконію* (Римл. 6, 19),—въ оружія грѣху и нечистотѣ. И эти проходили службу воина, но подъ властію тиранна, а ты проходи подъ властію Царя.“

Ст. 19. *Имѣя вѣру и благую совѣсть, юже нѣцыи отринувше, отъ вѣры отпадоша.*

Что въ началѣ указалъ, какъ норму для наученія и руководства пасомыхъ, то теперь возлагаетъ, какъ нравственный долгъ, на самаго учителя. Тамъ говорилъ: *конецъ завѣщанія любы отъ чиста сердца и совѣсти благія и вѣры нелицемѣрныя* (— —5); здѣсь внушаетъ: *воинствуй доброе воинство, имѣя вѣру и благую совѣсть*. Главное и въ пасомыхъ и въ пасущемъ — вѣра и благая совѣсть. Вѣра обнимаетъ все вѣруемое, — Бога въ Троицѣ покланяемаго Творца, Вседержителя, Промыслителя, Искупителя, Освятителя и Судію, — паче же то, что Онъ, желающій спасенія всякаго грѣшника и устроившій дивный для всѣхъ образъ спасенія, пріиметъ и меня, съ вѣрою приступающаго къ Нему за спасеніемъ, и спасетъ, какъ Самъ вѣдаетъ. Совѣсть же благая требуетъ „жизни, украшенной цѣломудріемъ и правдою, (любовію и благочестіемъ). Надлежитъ съ вѣрою сопрягать и такую похвальную жизнь“ (Ѳеод.). И это какъ пасомымъ, такъ тѣмъ паче пасущему. И Апостолъ здѣсь какъ-бы говоритъ поставленному пасти и учить Тимоѳею: „не думай удовольствоваться тѣмъ однимъ, что ты по пророчествамъ поставленъ священствовать; но тебѣ над-

лежитъ имѣть вѣру правую, чтобъ право раздаять слово истины, и благую совѣсть, или жизнь незазорную, изъ коей благая совѣсть, чтобъ могъ ты и надъ другими предстоятельствовать благотворно“ (Ѳеоф.). „Добрый учитель воздерживается отъ всего противнаго истинѣ, и тѣмъ своей проповѣди придаетъ наибольшую достовѣрность. Однимъ примѣромъ добрыхъ дѣлъ многихъ привлекаетъ онъ къ вѣрованію, располагая ихъ полагаться на его слово“ (Амвр.). „Потому учитель долженъ сначала научить себя самаго. Ибо подобно тому, какъ военачальникъ, еслибы онъ прежде не былъ отличнымъ воиномъ, то не былъ бы никогда и военачальникомъ: такъ и учащій. Это Апостолъ говоритъ и въ другомъ мѣстѣ: *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду*. 1 Кор. 9, 27“ (св. Злат.).

Юже нѣцыи отринувше, отъ вѣры отпадоша. — *Юже* — совѣсть, — *отринувше* — оттолкнувъ, презрѣвъ, поправъ, отпали отъ вѣры. Такъ много правость вѣры зависитъ отъ доброй жизни. Спаситель самое увѣрованіе или уразумѣніе, что Его ученіе отъ Бога есть, поставилъ въ зависимость отъ ревностнаго желанія творить волю Божію (Іоан. 7, 17). Но какъ начало, такъ и продолженіе вѣрованія, или прочность и правость вѣры зависятъ отъ доброй совѣсти. Кто попираетъ совѣсть, тотъ очевидно не цѣнитъ и вѣры. Почему, если онъ учитель, то проповѣдуетъ ученіе свое лицемѣрно (Амвр.). Ктому же небрегущій о доброй совѣсти, позволяя себѣ произволъ въ области жизни, навыкаетъ терпѣть и допускать произволъ и въ области мысли, держимой въ порядкѣ у вѣрующаго вѣрою. Этотъ произволъ охотно принимаетъ всякія предположенія, несогласныя съ вѣрою, которыя, не бывъ устранены, скоро переходятъ въ вѣроятности, а наконецъ держимы бываютъ съ убѣжденіемъ, въ противность

вѣрѣ. Особенно это случается въ отношеніи къ тѣмъ пунктамъ вѣры, которые сильно безпокоятъ за недобрую жизнь. Дошедшій до сего есть уже отпадшій отъ вѣры, хоть живетъ среди вѣрующихъ. Такимъ образомъ „если жизнь бываетъ нечиста, то отсюда порождаются и превратные догматы“ (Өеоф.). „Развратная жизнь часто служитъ основаніемъ нечестія. Иные не вынося обличеній совѣсти, съ ними отвергали и простирающійся на все Промыслъ Божій, и бывающее приписали судьбѣ и року“ (Өеод.). „Когда жизнь становится достойною осужденія, тогда возникаетъ такое же ученіе. И можно видѣть многихъ, которые низпадши въ бездну грѣховъ совратились въ язычество. Они для того, чтобъ не терзаться страхомъ будущаго суда, стараются убѣдить себя въ душѣ, что угрозы тѣ ложны. А все сіе отъ того, что много поблажаютъ уму (какъ поблажаютъ сердцу), и умствуя, все подвергаютъ изслѣдованію. Умствованіе производитъ кораблекрушеніе (въ душѣ), а вѣра есть въ нѣкоторомъ смыслѣ надежный корабль, — и уклоняющіеся отъ него неизбѣжно терпятъ кораблекрушеніе,—чему Апостолъ указываетъ и примѣръ“ (св. Злат.).

Ст. 20. *Отъ нихже есть Именей и Александръ, ихже предахъ сатанѣ, да накажутся не хулити.*

Отъ нихже. Слѣдовательно тамъ не двое было такихъ; выставляются же эти двое, вѣроятно, по причинѣ неудержимости ихъ языка, по которой они всюду разносили хульныя рѣчи о домостроительствѣ спасенія въ Господѣ Іисусѣ. За это подпали и особенному наказанію,—духовному, но для всѣхъ видимому и не нестрашному, именно, — преданію сатанѣ. Не въ первый уже разъ употребляетъ Апостолъ это наказаніе; въ Коринѳѣ ему же подвергнутъ былъ кровосмѣсникъ (1 Кор. 5, 5). Но что это за преданіе сатанѣ?

Есть двѣ области,—свѣтлая область вѣры и добродѣтели, въ Богѣ живущая и Богомъ живимая,—и темная область богоборства и грѣха, врагомъ нашимъ, сатаною, устрояемая и блюдомая. Первая есть Церковь святыхъ Божіихъ, вторая—все, что внѣ Церкви. Такимъ образомъ, выступающій изъ Церкви или отлучаемый отъ нея, неизбѣжно подпадаетъ его власти и вліянію. Св. Златоустъ говоритъ: „если хочешь знать, какъ Апостолъ предавалъ виновныхъ сатанѣ, послушай. *Собравшимся*, говоритъ, *вамъ и моему духу, съ силою Господа нашего Іисуса Христа, предати таковаго сатанѣ* (1 Кор. 5, 4). Слѣдовательно, виновнаго тотчасъ извергали изъ общаго собранія, отлучали отъ стада, онъ оставался одинокимъ и нагимъ, предавался волку. Ибо подобно тому, какъ облако покрывало еврейскій станъ, такъ Духъ Святый—Церковь. Поэтому кто былъ извергаемъ изъ нея, тотъ сгаралъ; а извергаемъ былъ изъ нея виновный по суду Апостоловъ. Такъ и Господь предалъ Іуду сатанѣ. Ибо тотчасъ *по хлѣбѣ вниде въ онъ сатана* (Іоан. 13, 27).“

Но этимъ однимъ невидимымъ, въ духѣ совершавшимся бѣдствіемъ, дѣло наказанія преданіемъ сатанѣ не ограничивалось. Наказывались нѣкоторые виновные для вразумленія прочихъ; потому наказаніе должно было быть видимо, состоя или въ болѣзняхъ и лишеніяхъ тѣлесныхъ, или въ изступленіи ума, по временамъ бывавшаго. И надо положить, что какъ въ Коринѳѣ виновный преданъ сатанѣ во изможденіе плоти; такъ нѣчто подобное пострадали и наказанные тѣмъ же въ Ефесѣ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ предалъ ихъ діаволу, какъ жестокому исполнителю казни. Ибо (тогда обычно) отлученные отъ церкви и лишенные благодати подвергались жестокимъ ударамъ отъ сопротивника, впадая въ трудныя болѣзни, страданія, утра-

ты, и другія бѣдствія. Сатанѣ пріятно налагать это на людей, такъ какъ онъ, по слову Пророка, и врагъ и местникъ (Пс. 8, 3)." Въ поясненіе этого Амвросіастъ прибавляетъ: „вотъ почему въ Евангеліи сказано между прочимъ тридцатиосьмилѣтнему разслабленному: *ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ* (Іоан. 5, 14), показывая, что по причинѣ грѣха иногда тѣла подвергаются болѣзнямъ. А что орудіемъ къ тому служитъ діаволъ, сіе объяснилъ Господь, говоря въ одномъ случаѣ: *сію же дщерь Авраамлю сущу, юже связа сатана се осмоенадесяте лѣто, не достояше ли разрѣшитися ей отъ юзы сея въ день субботный* (Лук. 13, 16)?"

Такому наказанію предалъ св. Павелъ тѣхъ двухъ виновныхъ въ бытность свою въ Ефесѣ, лично и торжественно въ присутствіи всѣхъ вѣрующихъ, и, можетъ быть, невѣрующихъ. Цѣль: *да научатся не хулити*. Кто? Не эти только двое, но и всѣ, причастные тойже винѣ, хотя и менѣе ихъ дерзкіе. Виною ихъ была хула. „Апостолъ не объявилъ самой хулы; потому что писалъ тому, кто зналъ дѣло" (Ѳеод.). Но очевидно, она была поднимаема на дѣло Божіе,—домостроительство спасенія въ Господѣ. Чтобъ пресѣчь такое хуленіе, Апостолъ торжественно наказалъ главныхъ виновныхъ, чтобъ и ихъ исправить и прочихъ вразумить. „Обучаемымъ, увидѣвъ происходящій отъ хулы вредъ, естественно было перемѣнить свой образъ мыслей" (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ при семъ: „но какъ же сатана научаетъ не хулить? Ибо если онъ учитъ другихъ не хулить, то тѣмъ болѣе слѣдовало бы ему научить этому себя самого. Если же онъ донынѣ не можетъ этому научить себя, то не можетъ и другихъ. — Апостолъ не сказалъ: да научатъ ихъ не хулить, но: *да научатся не хулити*. Не онъ

совершаетъ это, но это бываетъ слѣдствіемъ (его дѣйствій). Подобнымъ образомъ и въ другомъ мѣстѣ Апостолъ говоритъ о соблудившемъ: *предати таковаго сатанѣ во изможденіе плоти*, не съ тою цѣлію, чтобы спасти тѣло, но *да духъ спасется* (1 Кор. 5, 5). То-есть, это сказано безлично. Какимъ же образомъ происходитъ это? Подобно тому, какъ палачи, будучи сами исполнены безчисленныхъ преступленій, вразумляютъ другихъ, такъ и здѣсь (тоже самое говорится) о лукавомъ демонѣ.—Но для чего (Апостолъ) ты самъ не наказалъ ихъ, какъ онаго Варіисуса, какъ Кифа — Ананію, но предалъ ихъ сатанѣ?—Для того, чтобъ со строгостію наказанія соединить болѣе сильное осужденіе ихъ вины; притомъ не маловажнымъ было для Апостола показать, что имѣетъ силу повелѣвать діаволу. Ибо чрезъ сіе становилось очевиднымъ, что діаволъ покоряется, и уже противъ воли подчиняется Апостоламъ (исполняя ихъ приговоры). Поэтому сіе не мало содѣйствовало проявленію благодатныхъ дарованій."

2) *Какіе порядки заводить и держать среди христіанъ?*— 2,—3, 13.

Порядки, какихъ касается здѣсь св. Павелъ, суть порядки церковные. Два предмета занимаютъ здѣсь Апостола: А) наставленія относительно церковныхъ собраній, — гл. 2, — и Б) наставленія относительно лицъ избираемыхъ въ церковный клиръ,—3, 1—13.

А) Наставленія относительно церковныхъ собраній.

Собираются христіане воедино въ храмы для молитвы. О молитвѣ и наставленіе, именно: а) о комъ молиться,—2, 1 — 7, — и б) какіе при семъ держать

порядки,—2, 8—15. Это предметы, на которые обратить вниманіе требовало состояніе Ефесскихъ христіанъ.

а) *О комъ молиться въ церковныхъ собраніяхъ*,—2, 1—7?

Молиться заповѣдуетъ Апостолъ аа) о всѣхъ людяхъ, — и о язычникахъ, а въ числѣ ихъ особенно о властяхъ—ст. 1. 2. бб) Побужденіемъ къ каковой молитвѣ поставляетъ онъ: *α*) *да тихое и безмолвное житіе поживемъ*,—ст. 2,—и β) особенно то, что сіе пріятно Богу, Который хощетъ всѣмъ спастися и въ познаніе истины пріити,—ст. 3. 4; — какъ это видно: *αα*) изъ учрежденія Имъ единаго посредства между Собою и всѣми людьми, не исключая язычниковъ, — ст. 5. 6; и ββ) какъ сіе подтверждается назначеніемъ для призванія язычниковъ особаго Апостола, — самого св. Павла,—ст. 7.

аа).

2, 1. 2. *Молю убо прежде всѣхъ творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія за вся человѣки: за царя, и за всѣхъ, иже во власти суть, да тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ.*

Убо,—частица выводная. Выше внушалъ, чтобъ св. Тимоѳей всѣхъ отклонялъ отъ суесловій и направлялъ къ жизни въ духѣ вѣры по чистой совѣсти, увѣряя, что дѣйствуя такъ, онъ будетъ добрѣ вести свое воинствованіе. Теперь говоритъ: въ сихъ видахъ дѣлай то и то.

Прежде всего проситъ озаботиться должнымъ веденіемъ молитвъ въ собраніяхъ вѣрующихъ. И требуя сего, первое, что предлагаетъ вниманіе, есть,—о комъ молиться, — молиться о всѣхъ людяхъ, и о невѣрующихъ, и въ числѣ ихъ о царѣ и властяхъ.—Почему?

Потому, вѣроятно, что объ этомъ паче всего требовалось напомнить Ефесеянамъ: ибо предметъ,—молитва о всѣхъ и о властяхъ,—хотя и не неваженъ, но не первый. Или можетъ быть такой порядокъ молитвословій въ церковныхъ собраніяхъ требовалось ввести, и гласно о томъ всѣмъ предъявить, въ отвращеніе распространенной о христіанахъ врагами ихъ молвы, будто они человѣконенавистники, какъ видно изъ того, что чуждаются всѣхъ людей и обычаевъ людскихъ (языческихъ), и будто собираясь особо отъ другихъ, они затѣваютъ крамолы. Апостолъ и поставилъ закономъ, чтобъ Ефесяне, а чрезъ нихъ и всѣ христіане, собираясь на молитву, прежде всего молились за всѣхъ людей и за власти. Христіане послѣ сего всѣмъ могли показывать: вотъ посмотрите, какъ намъ предписано молиться, и судите, человѣконенавистники ли мы и крамольники. Этотъ порядокъ молитвословія сохраняется доселѣ въ церкви. Не по указанію ли святаго Павла?

Молю, смиренный оборотъ рѣчи, убѣждающій, но нисколько не умаляющій силы законоположенія. Чрезъ это не оставляется на произволъ, такъ ли молиться, или иначе, если кто захочетъ того. Подобная мягкая форма неотложныхъ приказаній соблюдается и въ общежитейскихъ отношеніяхъ.

Творити молитвы, моленія, прошенія, благодаренія. Послѣднее—*благодаренія* отличается отъ другихъ и предметомъ, и чувствомъ, и словомъ. Что касается до первыхъ трехъ, то они представляются одинозначащими, и можетъ быть собраны св. Павломъ воедино, чтобъ только выразить: всячески молитесь, молитесь всеусердно. Такъ полагаетъ бл. Ѳеофилактъ: „*молитвы, моленія, прошенія*, какъ однозначащія, собраны Апостоломъ для возбужденія молитвенной энергіи, и для

выраженія, настаиваніемъ чрезъ сіи реченія на одномъ, требованія неотложно поступать такъ, какъ онъ заповѣдуетъ.“ Но тотъ же блаж. Ѳеофилактъ далѣе говоритъ: „нѣкоторые, впрочемъ, полюбопытствовали отыскать и различіе въ сихъ реченіяхъ.“ Сдѣлалъ это прежде бл. Ѳеодоритъ, изъ котораго онъ заимствуетъ показаніе и самыхъ чертъ различія.

Можно видѣть въ сихъ реченіяхъ указанія и на разные предметы молитвъ и на качества молитвъ или разныя состоянія молящагося. Такъ *молитва,—δεησις* отъ δεω,—по предмету есть „прошеніе объ избавленіи отъ скорбнаго“ (Ѳеод., Ѳеоф.),—того, что причиняетъ скорбь, держитъ въ тѣснотѣ и крайности; а по состоянію молящагося есть чувство нужды и потребности предмета молитвы, отъ коего (чувства) зараждается самая молитва; отсутствіе коего дѣлаетъ молящагося равнодушнымъ проговаривателемъ молитвы, а присутствіе своею мѣрою опредѣляетъ мѣру жара молитвеннаго. Хотящему молиться прежде всего надлежитъ запастись этимъ чувствомъ. и безъ него не приступать къ молитвѣ. — *Моленіе,—προσευχη*, — по предмету есть „испрашиваніе благъ“ (Ѳеод., Ѳеоф.); а по состоянію молящагося есть изъ сердца исторгающаяся, вопленная молитва, вызывающая предложеніе обѣтовъ и готовность на всякія жертвы, въ иныхъ же случаяхъ сопровождаемая постами, бдѣніями и другими лишеніями.—*Прошеніе,—*εντευξις (отъ εντυγχανω, говорить за кого предъ кѣмъ),—есть по предмету ходатайственный за другихъ вопль съ жалобою на враговъ видимыхъ и невидимыхъ и испрашиваніемъ помощи противъ нихъ (Ѳеод., Ѳеоф.); а по состоянію молящагося, есть съ одной стороны уповательное дерзновеніе предъ Богомъ, съ другой—неотступность въ молитвѣ, приточно заповѣданная и Спасителемъ. По св. Лѣствичнику, хода-

таинственный за другихъ вопль къ Богу прилично воспринимать друзьямъ Божіимъ, и слѣдовательно требуетъ высокаго совершенства нравственнаго и великой близости къ Богу; неотступность же всякому не непристойна.

Но все же общее всѣмъ симъ тремъ есть испрашиваніе у Бога благопотребнаго, какого бы рода оно ни было;—отъ коего прямо отлично *благодареніе*, обращаемое обычно не на чаемыя блага, а на блага уже полученныя, вкушенныя и вкушаемыя. Василій Великій учитъ всякую молитву начинать благодареніемъ, увѣряя, что благодареніе за полученныя блага сильнѣе всякаго прошенія ходатайствуетъ о дарованіи благъ новыхъ. У Апостола оно поставлено здѣсь послѣ прошеній, можетъ быть, для того, чтобъ, еслибъ оно было поставлено впереди прошеній, мы не подумали, что *за вся человѣки* просить только слѣдуетъ, а не и—благодарить. Апостолъ требуетъ, чтобъ мы благодарили за другихъ, въ той увѣренности, что ничто такъ не сильно свидѣтельствовать о нашей взаимной любви, оживлять ее и укрѣплять, какъ благодареніе за блага, полученныя другими. Почему и поставилъ *благодареніе* предъ—*за вся человѣки*.

За вся человѣки, за всѣхъ людей, не только вѣрныхъ, но и невѣрныхъ. Св. Златоустъ съ движеніемъ говоритъ при семъ: „Знаютъ посвященные въ таинства, какъ бываетъ у насъ при ежедневномъ Богослуженіи, каждый день и утромъ и вечеромъ,—какъ мы творимъ молитву за весь міръ.—Священникъ есть какъ-бы общій отецъ цѣлой вселенной; по этому прилично ему заботиться обо всѣхъ, подобно тому, какъ печется о всѣхъ Богъ, на службу Которому онъ поставленъ. Вслѣдствіе того Апостолъ и заповѣдуетъ молиться за всѣхъ.— Отсюда проистекаютъ два благія слѣдствія: съ одной стороны чрезъ это разрушается ненависть, которую

иные питаютъ ко внѣшнимъ (не принадлежащимъ къ Церкви); потому что никто не можетъ питать враждебныхъ чувствъ къ тому, о комъ моленіе творитъ. Съ другой и тѣ (внѣшніе) становятся лучше, отчасти потому, что за нихъ возносятъ молитвы (по невидимому вліянію молитвы),—отчасти и потому, что они (слыша, что за нихъ молятся) отлагаютъ ожесточеніе противъ насъ. Ибо ничто столько не содѣйствуетъ успѣху ученія, какъ то, чтобы любить и быть любимымъ. Подумай также о томъ, что значило для тѣхъ, которые злоумышляли, наносили побои, изгоняли, умерщвляли (христіанъ), — услыхать, что тѣ, которые переносятъ такія страданія, возносятъ къ Богу прилежныя молитвы за причиняющихъ имъ (эти страданія)! Видишь ли, въ какой степени, согласно съ желаніемъ Апостола, христіанинъ долженъ быть выше всѣхъ? Ибо подобно тому, какъ къ малымъ дѣтямъ нисколько не уменьшается (отцева) любовь, хотя бы дитя, взятое на руки, даже ударило своего отца по лицу; такъ и мы нисколько не должны уменьшать нашей любви ко внѣшнимъ, хотя бы мы переносили отъ нихъ и удары.—*Молю*, говоритъ, *творити.... и благодаренія за вся человѣки*. Потому что нужно благодарить Бога и за тѣ блага, которыя посылаются другимъ, напримѣръ за то, что Онъ солнце сіяетъ на злыя и благія, и дождитъ на праведныя и неправедныя. Видишь ли, что онъ соединяетъ и связываетъ насъ другъ съ другомъ не только посредствомъ молитвы, но и посредствомъ благодаренія? Потому что кто обязанъ благодарить Бога за блага, ниспосланныя его ближнему, тотъ обязанъ и любить его и дружески быть къ нему расположеннымъ.—А если нужно благодарить за то, что ниспосылается ближнему, то тѣмъ болѣе—за то, что совершается съ нами самими, и въ тайнѣ, и по нашему желанію, и противъ нашей воли.

и за то, что кажется намъ даже непріятнымъ; потому что Богъ все намъ во благо устрояетъ.“

За царя, и за всѣхъ, иже во власти суть.—Иже во власти суть, не тѣ, кои въ рукахъ власти состоятъ, подвластные, но сами въ своихъ рукахъ держатъ власть надъ другими, властители разныхъ степеней; των εν υπεροχη οντων, — сущихъ на высотѣ, стоящихъ выше другихъ,—тоже всѣхъ, т.-е. всякихъ степеней. „Хотя бы цари (и прочія подъ ними власти) были невѣрны; однакожъ должно объ нихъ молиться: ибо тогда они всѣ были таковы“ (Ѳеоф.). „Такъ и плѣнные въ Вавилонѣ Іудеи писали оставшимся въ Іудеѣ, чтобы принесли молитву за Навуходоносора и сына его Валтасара (Ѳеод.). Но чего ради Апостолъ не сказалъ прямо — за царя и за власти, но прежде сказалъ: за всѣхъ людей, а потомъ уже и—за царя съ властями? Того ради, чтобъ не сочли его льстецомъ, говорящимъ не потому, что такъ требуетъ истина Божія, а по нѣкіимъ внѣшнимъ уваженіямъ. Еслибъ онъ сказалъ прежде—за царей, или за однихъ царей; тогда, можетъ быть, кто-либо заподозрилъ бы его въ этомъ. Это навело бы вообще на его слова невыгодную тѣнь (св. Злат., Ѳеоф.).

6б).

Молясь о всѣхъ и особенно о властяхъ, что слѣдуетъ имѣть въ виду, чего имъ желать? — α) мира и благоденствія, чтобъ среди ихъ мира и намъ покойно было преуспѣвать въ благочестіи и чистотѣ. Но какъ въ слѣдъ за симъ Апостолъ поминаетъ о дѣлѣ наиболѣе Богу пріятномъ, именно спасеніи всѣхъ, то этимъ внушаетъ, что молясь о внѣшнемъ благѣ всѣхъ, должно молиться и β) о внутреннемъ ихъ благѣ, именно, чтобы всѣ познали единственный путь спасенія и всту-

пили на него,—что наиболѣе пріятно Богу, ст. 3, 4, какъ видно αα) изъ учрежденія Имъ единаго посредничества между Собою и всѣми людьми, — и язычниками, ст. 5—6,—и какъ ββ) подтверждается назначеніемъ особаго Апостола для призванія язычниковъ, самого св. Павла,—ст. 7.

α).

Да тихое и безмолвное житіе поживемъ, во всякомъ благочестіи и чистотѣ.

Прямо выходитъ: молитесь за всѣхъ и за власти, чтобъ намъ было хорошо. Но намъ какъ можетъ быть хорошо, если и всѣмъ не хорошо? Посему надо видѣть въ сихъ словахъ заключенною и молитву о мирѣ и благоденствіи всѣхъ: власти — чтобъ имѣли силу внутри и обладали средствами защиты всѣхъ совнѣ, чтобъ имѣя власть внутри, правду блюли, злотворцамъ не давали ходу и способы къ благосостоянію размножали (Амвр.); подвластные чтобъ, пользуясь порядками, блюдомыми властями, жили спокойно и счастливо. Когда такимъ образомъ всѣ будутъ наслаждаться миромъ, тогда и намъ можно будетъ жить мирною и безмятежною жизнію.—Далѣе,—такъ какъ при мирѣ не-нашихъ, нашъ миръ не есть необходимое слѣдствіе, а случайность, болѣе или менѣе вѣроятная; то поставляя въ такую тѣсную связь нашъ миръ и безмятежіе съ молитвою о всѣхъ и о властяхъ, не даетъ ли Апостолъ доразумѣть, что молитва о нихъ должна имѣть и такой пунктъ: расположи, Господи, ихъ сердца къ намъ, чтобъ, благосклонно относясь къ намъ, они не мѣшали намъ жить мирно и безмятежно.

Св. Златоустъ полагаетъ, что сказать такія слова побудило Апостола желаніе предовратить возможное

у вѣрующихъ смущеніе при заповѣди молиться о невѣрныхъ во время совершенія таинствъ. Онъ говоритъ: „такъ какъ вѣроятнымъ было, что душа христіанина, слыша это (творить молитву за всѣхъ), могла придти въ недоумѣніе и не согласиться съ этимъ наставленіемъ, что при совершеніи таинствъ должно приносить молитвы за язычника; то посмотри, что онъ говоритъ и какія предлагаетъ выгоды, дабы хотя такимъ образомъ склонить ихъ къ принятію его внушенія. *Да тихое*, говоритъ, *и безмолвное житіе поживемъ*,— т.-е., ихъ спасеніе приноситъ для насъ успокоеніе; подобно тому, какъ и въ посланіи къ Римлянамъ, убѣждая ихъ повиноваться начальникамъ, говоритъ: *не токмо за гнѣвъ, но и за совѣсть* (Римл. 13, 5); такъ какъ Богъ учредилъ власти для общей пользы. Ибо не было ли бы это ни съ чѣмъ несообразно, еслибы мы,—когда другіе выступаютъ въ походъ и облекаются въ оружіе съ тою цѣлію, чтобы мы пребывали безопасны,—за тѣхъ, которые подвергаются опасности и несутъ бремя военной службы, не творили даже молитвъ? Поэтому это вовсе не есть ласкательство, а дѣлается по требованію справедливости. Ибо еслибы они не избѣжали опасности и не имѣли успѣха въ войнахъ, то тогда по необходимости и наши дѣла пришли бы въ замѣшательство и нестроеніе; тогда,— послѣ того, какъ они потерпѣли бы пораженіе, — и намъ самимъ слѣдовало бы идти на войну, или бѣжать и повсюду скитаться. Они составляютъ, говоритъ онъ, какъ-бы нѣкотораго рода оплотъ, поставленный впереди, который охраняетъ спокойствіе пребывающихъ внутри его.“

Не имѣлъ ли въ мысли Апостолъ поставить исключительнымъ предметомъ молитвы за всѣхъ и за царя ихъ обращеніе къ вѣрѣ, чтобъ, объединившись такимъ

образомъ въ духѣ, всѣмъ безмятежно жить въ мирѣ и согласіи, преуспѣвая въ благочестіи и чистотѣ? — Съ этою мыслію въ совершенномъ стояла бы соотвѣтствіи слѣдующая за симъ рѣчь: *сіе бо добро* и пр. Впрочемъ кажущаяся своекорыстность въ побужденіяхъ къ молитвѣ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ*, совершенно устраняется обращеніемъ сего тихаго и безмятежнаго житія въ средство къ нравственному преспѣянію: *во всякомъ благочестіи и чистотѣ*. Миръ и безмятежіе—внѣшняя сторона; внутри царить должны благочестіе и чистота. Апостолъ желаетъ перваго для втораго. Се — образецъ истинно христіанскаго общества! Когда въ немъ не на утѣхи и всякое самоугодіе въ похотяхъ обращаютъ свое благоденствіе, а на процвѣтаніе богоугодной жизни въ благочестіи и чистотѣ. *Благочестіе*, блюдя правую вѣру, къ Богу устремляетъ, Богу угождать заставляетъ и все во славу Божію обращать научаетъ; *чистота* требуетъ чистоты тѣла отъ похотей плотскихъ, и чистоты души отъ страстей душевныхъ. Она обозначена у Апостола словами—σεμνότης, что означаетъ жизнь, всесторонне воздержную, безстрастную, разумно-степенную, привлекающую общее уваженіе. Мирное и безмятежное житіе по Апостолу получаетъ цѣну только отъ обобщенія такихъ добродѣтелей въ обществѣ; ради чего оно должно быть желательно и составлять предметъ молитвы. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Эти слова *(въ благочестіи и чистотѣ поживемъ)* приложилъ Апостолъ потому, что для многихъ жизнь мирная, невозмущаемая бранями, служитъ поводомъ къ однимъ утѣхамъ и взаимнымъ неудовольствіямъ, отъ которыхъ раждаются и неправые догматы. *Да поживемъ*, говоритъ, не въ утѣхахъ и взаимно-оскорбленіяхъ, но *во всякомъ благочестіи*, — во всякомъ, не только въ правовѣріи чистѣйшемъ, сво-

бодномъ отъ всякихъ ересей, но и въ жизни по вѣрѣ (ибо есть нечестіе, и жизнію являемое, о коемъ говорится: *Бога исповѣдуютъ вѣдати, дѣлы же отмещутся Его* — Тит. 1, 16). Равнымъ образомъ,—да поживемъ *во всякой чистотѣ,* σεμνότητι,—означаетъ,—да поживемъ не только въ воздержаніи отъ дѣлъ плотской похоти, но и во всякой добродѣтели. Итакъ намъ, когда наслаждаемся внѣшнимъ миромъ, должно мирствовать и въ душѣ, живя въ благочестіи и чистотѣ: ибо въ такомъ только случаѣ и будемъ мы жить жизнію, воистину мирною и безмятежною. Есть три рода браней, возмущающихъ миръ: со стороны варваровъ, со стороны навѣтниковъ, съ нами живущихъ въ одномъ мѣстѣ, и со стороны страстей, внутри возстающихъ на насъ. Брань варварскую прекращаетъ бодренность и мужество царей, которымъ и мы должны содѣйствовать молитвами своими; прочія же двѣ брани мы сами должны усмирять, — ту, которая идетъ отъ ненавидящихъ насъ—кроткою уступчивостію и молитвами, какъ далъ примѣръ Пророкъ Давидъ, говоря: *съ ненавидящими мира бѣхъ миренъ* (Пс. 119, 6), и: *оболгаху мя, азъ же молихся* (Пс. 108, 4),—а ту, которая возстаетъ внутрь насъ самихъ—всѣми оружіями правды" (тоже и у св. Злат.). Только когда подавлять будешь сію внутреннюю брань, полную цѣну получитъ и внѣшнее безмятежіе. Св. Златоустъ говоритъ: „Какую тебѣ принесетъ пользу то, что вселенная будетъ наслаждаться миромъ, если у тебя будетъ брань внутри съ самимъ собою? Надобно имѣть этотъ (внутренній) миръ. Если будемъ имѣть его, тогда ничто внѣшнее не можетъ намъ причинить вреда. Если же кто, когда царствуетъ миръ внѣ, находится въ смятеніи внутри, то онъ очень несчастный человѣкъ. — Когда наше тѣло возстаетъ противъ души, возбуждаетъ противъ нея

плотскія страсти, и въ самой душѣ воздвигаются то гнѣвъ, то зависть; тогда невозможно, не положивъ конца сей брани, вкусить блага внѣшняго безмятежія. Посему Апостолъ, сказавъ: *да тихое и безмолвное житіе поживемъ,* на этомъ не остановился, но присовокупилъ: *во всякомъ благочестіи и чистотѣ;* чтобъ побудить къ водворенію внутренняго мира. Ибо невозможно пребывать въ благочестіи и чистотѣ, если не водворенъ этотъ миръ. Потому что, когда пытливыя умствованія колеблютъ нашу вѣру, тогда какой можетъ быть миръ? Когда тревожитъ насъ духъ нечестія, тогда какое можетъ быть спокойствіе?"

β).

Ст. 3. 4. *Сіе бо добро и пріятно предъ Спасителемъ нашимъ Богомъ, Иже всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися, и въ разумъ истины пріити.*

Пріятно предъ Богомъ, а *добро* какъ? Можно и *добро* понимать также, какъ добро предъ Богомъ; но можно въ словѣ—*добро* видѣть указаніе на внутреннюю нравственную доброту дѣла молитвы, какъ свидѣтельство любви ко всѣмъ. — Богъ — *Спаситель* нашъ не потому только, что желаетъ спасенія, но потому, что устроилъ образъ спасенія и всѣхъ спасающихся спасаетъ симъ образомъ, дѣятельно имъ вспомоществуя воспользоваться имъ. — Желающій всѣмъ спасенія, Богъ желаетъ, чтобъ всѣ пришли въ познаніе истины о спасеніи, именно, что оно только въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Это есть неотложное условіе спасенія. Молитва вѣрныхъ о спасеніи невѣрныхъ пріятна Богу вѣрно потому, что она содѣйствуетъ исполненію сего условія.

Больше и больше утверждается мысль, что Апостолъ, заповѣдуя молиться за всѣхъ людей и съ вла-

стями ихъ, разумѣлъ молитву о спасеніи ихъ. Только такой мысли вполнѣ соотвѣтствуютъ настоящіе стихи. Молитесь о спасеніи всѣхъ, потому что это пріятно Богу, хотящему всѣмъ спастися. Но если и не признать этой мысли исключительною, всячески при первой слѣдуетъ признать ее второю главнѣйшею: такъ какъ на ней преимущественно останавливаетъ вниманіе Апостолъ. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Божественный Апостолъ не только ради сего (*да тихое житіе поживемъ*) повелѣваетъ совершать молитвы за царей, но и для того, чтобы отложивъ нечестіе, обучились они благочестію.“ Экуменій продолжаетъ: „ибо молиться за всѣхъ людей, даже и еллиновъ (невѣрныхъ), да обратятся, добро и пріятно Богу.“ „Что это значитъ (т.-е. добро и пріятно)?“ спрашиваетъ св. Златоустъ и отвѣчаетъ: „то, что пріятно Богу и Онъ желаетъ того, чтобъ молились за (спасеніе) всѣхъ. Ибо Онъ *всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити*. Подражай убо Богу. Если Онъ желаетъ, чтобы всѣ спаслися, пожелай и ты тогоже; и если желаешь сего, то молись о семъ; ибо такимъ людямъ свойственно молиться. Видишь ли, какъ Апостолъ всѣми средствами убѣждаетъ душу въ томъ, что нужно молиться и объ язычникахъ. Это, говоритъ, Богу угодно, чрезъ это дѣлаемся мы подобными Ему, потому что желаемъ того же, чего и Онъ желаетъ.“

Богъ Спаситель хощетъ всѣмъ спастися. Чего же ради не всѣ спасены и не всѣ спасаются?—Того ради, что Богъ, хотящій всѣмъ спастися, не всемогущею Своею силою содѣваетъ спасеніе ихъ, но, устроивъ и предложивъ всѣмъ дивный и единственный образъ спасенія, хочетъ, чтобы всѣ спасались, самоохотно приступая къ сему образу спасенія и разумно пользуясь имъ. Почему Апостолъ сказавъ: Богъ, Спаситель нашъ,

хощетъ всѣмъ спастися, присовокупилъ: *и въ разумъ истины пріити*, въ послѣднемъ полагая условіе къ первому. *Въ разумъ истины пріити*, т.-е., придти въ познаніе истины. „Какой истины? Именно вѣры въ Него“ (св. Злат.), — вѣры въ то, что нѣтъ иного спасенія, какъ въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, какъ тотчасъ и говорится (ст. 5). Проповѣдь пошла по міру. Слышащіе внимаютъ, слагаютъ въ сердцѣ слышанное, уразумѣваютъ истину, доходятъ до рѣшенія идти вслѣдъ ея, идутъ и спасаются Богоучрежденнымъ образомъ. Весь этотъ путь есть путь свободнаго, разумнаго произволенія, коему сопутствуетъ благодать, утверждая движенія его.

И вотъ гдѣ съ одной стороны причина, что не всѣ спасаются, съ другой — мѣсто вліянію молитвы вѣрныхъ о спасеніи невѣрныхъ.

Не всѣ спасаются, потому что не всѣ внимаютъ слову истины, не всѣ склоняются на него, не всѣ слѣдуютъ ему,—словомъ, не всѣ хотятъ. „Если Богъ желаетъ (всѣмъ спастися), то почему же не бываетъ того, чего хочетъ Богъ?“ спрашиваетъ Экуменій, — и отвѣчаетъ: „потому что тѣ не хотятъ; ибо Богъ ничего здѣсь не дѣлаетъ принудительно.“ Подобное сему читаемъ и у Амвросіаста: „если Богъ, Который именуется всемогущимъ, хощетъ всѣмъ человѣкамъ спастися, то какъ же не исполняется Его хотѣніе?—Богъ хощетъ всѣмъ человѣкамъ спастися, но если они приступятъ къ Нему. Ибо Онъ не такъ сего хощетъ, чтобъ спасаемы были и нехотящіе; но такъ хочетъ имъ спастися, если и сами они восхотятъ того. Онъ какъ никого не лишаетъ спасенія всемогущею силою Своею, такъ никого ею и не спасаетъ. Врачъ объявляетъ обществу, что онъ готовъ всѣхъ врачевать; но конечно если больные будутъ обращаться къ нему. Такъ и здѣсь. — обращающіеся къ Врачу душъ спа-

саются. Не истинно было бы спасеніе, еслибъ оно подавалось противъ воли. И порадоваться полученному спасенію не могъ бы тотъ, кто получилъ бы его, еслибъ это было возможно, принужденно; не говорю уже о томъ, что здѣсь больной духомъ не можетъ воспріять духовнаго врачевства, если вседушно не предастъ себя дѣйствію его. Тутъ происходитъ не тѣлесное, но духовное врачеваніе, которое никакой не приноситъ пользы ни тѣмъ, которые въ немъ сомнѣваются, ни тѣмъ, которые не хотятъ его. Ибо вѣра, дающая спасеніе, если душа не воспріиметъ ея всѣмъ желаніемъ, не только никакой не принесетъ пользы, но и повредитъ (послужитъ къ большему осужденію). Благодать вѣры имѣетъ силу вливать спасительное врачевство только въ тѣхъ, которые вседушно предаютъ себя ей.“

Мѣсто вліянію молитвы вѣрныхъ о спасеніи невѣрныхъ имѣется на всѣхъ поворотахъ движенія свободнаго произволенія путемъ спасенія, отъ перваго внятія слову истины до воспріятія спасенія. Она вліяетъ и на первое внятіе благовѣстію, и на уразумѣніе, въ чемъ дѣло, и на склоненіе къ нему, и на рѣшеніе послѣдовать ему. Какъ? Этого осязательно указать нельзя; но что оно есть, на это наводитъ настоящее мѣсто. Богу, говоритъ, пріятно, когда вѣрные молятся о спасеніи невѣрныхъ, конечно потому, что это содѣйствуетъ спасенію ихъ. Какъ это спасеніе условлено познаніемъ истины или полнымъ пріятіемъ вѣры, къ которому свободное произволеніе достигаетъ, сдѣлавъ въ своемъ движеніи нѣсколько поворотовъ, то очевидно, что содѣйствующая спасенію невѣрныхъ молитва вѣрныхъ вліяетъ на благоуспѣшное совершеніе всѣхъ этихъ поворотовъ произволенія, и наконецъ на самое воспріятіе спасенія. Св. Церковь вѣруетъ сему, выражая свою вѣру молитвою объ оглашенныхъ, кои суть шествующіе къ воспріятію спасенія.

га).

Ст. 5. 6. *Единъ бо есть Богъ, и единъ ходатай Бога и человѣковъ, человѣкъ Христосъ Іисусъ, давый Себе избавленіе за всѣхъ: свидѣтельство времены своими.*

Частица—*бо*—связываетъ сію рѣчь съ предыдущею, какъ причину. Къ чему же именно она относится въ сей силѣ? Можно относить ее къ непосредственно стоящему впереди: *въ познаніе истины пріити*, такъ: Богъ всѣмъ хочетъ спастися чрезъ познаніе истины,—именно той, что спасеніе въ Господѣ Іисусѣ, и только въ Немъ, потому что другаго пути ко спасенію нѣтъ. Какъ единъ есть Богъ, такъ единъ же и посредникъ между Богомъ и человѣками. Люди, во Адамѣ, отпали отъ Бога, въ Коемъ ихъ животъ,—отпали и погрязли въ область смерти. Предлежало имъ или вѣчно оставаться въ сей смерти, или открыть путь къ возсоединенію съ Богомъ, безъ Коего сила смерти не могла быть пресѣчена, и жизнь ихъ не могла стать въ истинный свой чинъ. Какъ этого ни сами они и никакая другая тварь, хотя бы самая высшая, открыть и устроить не имѣла силы; то заступилось за нихъ безпредѣльное человѣколюбіе Божіе. Совѣтъ Божій положилъ воплотиться, для изъятія людей изъ ихъ крайней бѣды, Сыну Божію Единородному, неотдѣляясь отъ нѣдръ Отчихъ, чтобъ умерши плотію уничтожить силу смерти, и оживотворивъ въ себѣ человѣческое естество воскресеніемъ, содѣлаться живымъ соединителемъ человѣковъ съ Богомъ. Сынъ Божій пришелъ на землю, воплотился, пострадалъ, умеръ на крестѣ, воскресъ. вознесся на небеса, — и сѣдитъ одесную Бога Отца, человѣческимъ естествомъ, которое такимъ образомъ въ Его лицѣ бывъ соединено съ Его Боже-

ствомъ, пребываетъ соединеннымъ съ Богомъ Отцемъ, съ Коимъ не переставалъ Онъ быть едино. Затѣмъ, — вѣрующіе въ Него и сочетавающіеся съ Нимъ таинственно, содѣлываются едино съ Нимъ, и чрезъ Него соединяются съ Богомъ; какъ это засвидѣтельствовалъ Онъ Самъ, говоря съ учениками: *Азъ во Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 20). Иного пути къ возсоединенію съ Богомъ, въ коемъ (возсоединеніи) спасеніе, нѣтъ. *Никтоже пріидетъ къ Отцу, токмо Мною* (Іоан. 14, 6), говоритъ Господь. „Апостолъ здѣсь говоритъ подобно тому, какъ говорилъ въ другомъ мѣстѣ: *единъ Богъ Отецъ, и единъ Господь Іисусъ Христосъ* (1 Кор. 8, 6)“ (св. Злат.). Другаго посредника нѣтъ и быть не можетъ. Какъ единъ Богъ, такъ и посредникъ между Богомъ и человѣками одинъ. Другаго не ищи, и еслибъ кто предлагалъ тебѣ указать его, не иди въ слѣдъ его. Слѣдовательно и спасенія другаго нѣтъ, какъ въ живомъ сочетаніи съ Господомъ Іисусомъ. Сію-то истину познать и хощетъ Богъ, хотящій всѣмъ спастися, — познать, пріять, и по ней улучить спасеніе.

Ходатай,—μεσιτης,—есть не слово ходатайственное говорящій въ защиту, а самымъ дѣломъ стоящій посредѣ и соединяющій посредствуемыхъ, — есть соединитель, „совокупившій въ себѣ разъединенное“ (Ѳеод.), и соединитель живый. Такова сущность Его.

Такъ какъ говоря: *единъ Богъ* и *единъ ходатай,* Апостолъ имѣлъ въ виду только показать, что другаго спасенія нѣтъ, какъ въ Господѣ Іисусѣ, — какъ Богъ одинъ, такъ и посредникъ между Богомъ и людьми одинъ; то всѣ другіе, могущіе раждаться при семъ, вопросы могутъ быть обходимы безъ ущерба пониманію словъ Апостола. Позволительно однакожъ при нихъ стороною помыслить, что когда говорится: *единъ есть*

Богъ, то сіе говорится не въ ущербъ истинѣ тріѵпостасности Бога, но въ показаніе, что воплощеніе единаго лица Бога тріѵпостаснаго не породило никакого раздѣленія въ единомъ естествѣ Божіемъ. Воплотившійся Сынъ не сталъ внѣ Бога, какъ можетъ навесть на такую мысль слово — *посредникъ:* ибо въ посредникѣ между Богомъ и человѣками есть Богъ отъ Бога и человѣкъ отъ человѣкъ. Ставъ такимъ чрезъ воплощеніе, Сынъ не сталъ внѣ Отца; но воспринялъ, совершилъ и держитъ воплощенное посредничество, не оставляя нѣдръ Отца. Устроенное ради нашего спасенія, сіе посредничество не раздѣлило Бога. Богъ и при немъ единъ есть.

Равно когда говорится—*единъ посредникъ,* то говорится не въ ущербъ истинѣ двухъ естествъ въ посредникѣ, но въ показаніе, что два въ Немъ естества не дѣлаютъ двухъ посредниковъ. И при двухъ естествахъ Онъ единъ есть. Какъ посредникъ, Онъ есть Богъ отъ Бога и человѣкъ отъ человѣкъ; но едино есть лице — Сынъ Божій воплотившійся. Экуменій пишетъ: „поелику имѣющему быть посредникомъ между Богомъ и человѣкомъ надлежало быть причастнымъ ихъ обоихъ, чтобъ имѣть возможность посредствовать между ними; то Сынъ Божій, превѣчное Слово, пришелъ (къ намъ на землю) воплотившись, будучи такимъ образомъ изъ двухъ естествъ, Божества и человѣчества, но по соединеніи ихъ мыслимый и покланяемый во единой ѵпостаси.“

Почему, когда въ слѣдъ за симъ говорится: *человѣкъ Христосъ Іисусъ,* то этимъ не единство естества въ Немъ утверждается,—не утверждается, что Онъ только человѣкъ, а не и Богъ,—а лишь показывается, какъ Онъ сталъ посредникомъ; сталъ же Онъ посредникомъ чрезъ вочеловѣченіе. Такъ блаж. Ѳеодоритъ: „Апостолъ назвалъ Христа Іисуса человѣкомъ; потому что

назвалъ посредникомъ, а посредникомъ сдѣлался Христосъ вочеловѣчившись.“ Можно посему слово—*человѣкъ* понимать, какъ—вочеловѣчившійся, такъ: одинъ посредникъ, вочеловѣчившійся, подразумѣвая — Сынъ Божій, именуемый Христосъ Іисусъ.

Наши толковники преимущественно обращаютъ при семъ слово свое на уясненіе значенія посредничества. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Какъ намѣревающійся примирить какія-либо два лица, препирающіяся между собою, ставъ посреди ихъ и держа одного правою, а другаго лѣвою рукою, приводитъ ихъ въ пріязнь: такъ и Христосъ, съ Божескимъ естествомъ соединивъ человѣчество, установилъ нерушимый и неразрывный миръ. А если Христосъ, по ученію Арія и Евномія, непричастенъ сущности Отца, то какой Онъ посредникъ? Съ нами (въ такомъ случаѣ) Онъ будетъ соединенъ, такъ какъ по человѣчеству единосущенъ намъ; но съ Отцемъ не будетъ имѣть единенія, если, какъ учатъ они, отдѣленъ Онъ отъ Божія естества. Но Божественный Апостолъ назвалъ Его посредникомъ, слѣдовательно состоящимъ въ единеніи и съ Отцемъ по Божеству и съ нами по человѣчеству.“ Св. Златоустъ говоритъ: „посредникъ долженъ пріобщаться обѣимъ сторонамъ, по отношенію къ которымъ онъ есть посредникъ; ибо посреднику свойственно, обладая тѣмъ, что принадлежитъ той и другой сторонѣ, для которыхъ есть посредникъ, приводитъ ихъ ко взаимному общенію. Если же принадлежащее одной сторонѣ онъ имѣетъ, а съ другою разобщенъ, то въ такомъ случаѣ онъ вовсе не посредникъ. Слѣдовательно если Христосъ Іисусъ непричастенъ естеству Отца, то Онъ не есть посредникъ, но разобщенъ съ Нимъ. Почему признаемъ, что какъ Онъ содѣлался причастникомъ человѣческой природы, п. ч. пришелъ къ людямъ, такъ и естества Божескаго Онъ

есть причастникъ, потому что пришелъ отъ Бога. Такъ какъ чрезъ Него соединялось два естества, то Онъ долженъ былъ быть близкимъ къ обоимъ естествамъ. Ибо подобно тому, какъ какое либо мѣсто, занимающее средину (между двумя мѣстностями), прикасается къ каждой изъ нихъ; такъ и соединяющій между собою два естества долженъ быть причастникомъ обоихъ естествъ. Слѣдовательно и Христосъ Іисусъ какъ содѣлался человѣкомъ. такъ былъ и Богомъ. Будучи только человѣкомъ, Онъ не содѣлался бы посредникомъ; потому что Ему надлежало (Божески) бесѣдовать съ Богомъ. Равнымъ образомъ, будучи только Богомъ, Онъ не былъ бы посредникомъ; потому что Его не приняли бы тѣ (Экум. не снесли бы. Лучше: Онъ не могъ бы представлять лица тѣхъ), для которыхъ Онъ служитъ посредникомъ."

Давый Себе избавленіе за всѣхъ. Избавленіе, — ἀντίλυτρον, — выкупъ. Посредничество было дѣломъ не легкимъ; не въ словѣ только ходатайственномъ оно состояло, но и въ дѣлѣ, и требовало жертвы. Это по состоянію тѣхъ, за коихъ посредникъ принялъ на себя ходатайство. Послѣдніе отпали отъ Бога чрезъ грѣхъ и состояли подъ гнѣвомъ Божіимъ за вину грѣха, — по причинѣ грѣха подлежали тиранству сатаны, а чрезъ то и другое—смерти. Богъ возблаговолилъ примириться съ отпадшими; но чтобъ отпадшіе поднялись до способности вступить въ примиреніе, надлежало высвободить ихъ изъ всѣхъ узъ, которыя держали ихъ въ низкомъ рабствѣ, — именно правды Божіей прогнѣванной, грѣха, діавола, смерти. Совершить сіе взялъ на себя Посредникъ, безъ вины понести то, что лежало на виновныхъ посредствуемыхъ. Воплотившись, Онъ воспринялъ на Себя человѣческое естество чистое и безгрѣшное, и имъ предавъ Себя на крестную смерть, удовлетворилъ чрезъ то правдѣ

Божіей; правда Божія удовлетворенная открыла врата изліянію милости и благодати на виновныхъ,—которые, приняты бывая въ милость и освящаясь благодатію, сокрушаютъ узы грѣха, а чрезъ это свергаютъ и узы рабства діаволу; такимъ образомъ становятся наконецъ они сынами воскресенія, надъ коими смерть не имѣетъ власти. Всѣмъ симъ въ совокупности совершается выкупъ, и таинство посредничества входитъ въ силу. Корень и начало всему есть то, что воплотившійся Сынъ Божій, какъ посредникъ, предалъ Себя, предалъ на смерть крестную. Почему Апостолъ и совмѣщаетъ все дѣло посредничества въ семъ одномъ: *давый Себе избавленіе*.

Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Когда всѣ состояли подъ владычествомъ смерти, Христосъ не подлежалъ смерти.—и какъ Богъ, потому что имѣлъ естество безсмертное, и какъ человѣкъ, потому что не сотворилъ грѣха, причинившаго смерть. Но Онъ Самъ Себя предалъ (на смерть), какъ нѣкую искупительную цѣну, и всѣхъ освободилъ отъ рабства смерти."

Замѣтимъ при семъ между прочимъ, не потому ли также впереди сказалъ о посредникѣ Апостолъ,—что Онъ есть *человѣкъ Христосъ Іисусъ*,—что имѣлъ въ слѣдъ за симъ сказать: *давый Себе избавленіе?* Ибо чтобы принесть такую жертву, Ему надлежало возымѣть то, что принесть, именно человѣчество, и стать человѣкомъ. *Потреба имѣти что и сему, еже принесетъ* (Евр. 8, 3), говоритъ Апостолъ въ другомъ мѣстѣ. Что же это такое? Плоть и кровь. *Понеже дѣти пріобщишася плоти и крови, и Той пріискреннѣ пріобщися тѣхже, да смертію упразднитъ имущаго державу смерти, сирѣчь діавола, и избавитъ сихъ, елицы страхомъ смерти повинни бѣша работѣ* (Евр. 2, 14. 15).

Свидѣтельство времены своими. Это придаточныя сло-

ва. И трудно опредѣлить, какая мысль была при семъ у Апостола. Поставимъ сіи слова въ соотношеніе съ предыдущимъ. Сынъ Божій, воплотившись для посредничества между Богомъ и людьми, предалъ Себя на смерть во искупленіе всѣхъ,—всѣхъ, не іудеевъ только, но и язычниковъ. Это дѣло безпредѣльнаго человѣколюбія къ намъ Бога Отца, предавшаго Сына, и Бога Сына предавшаго Себя, есть свидѣтельство. Чего? Того, что *Богъ хощетъ всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити,*—не іудеямъ только, но и язычникамъ. Почему вы, вѣрные, молясь о невѣрныхъ язычникахъ, дѣлаете дѣло пріятное Богу, потому что этимъ содѣйствуете исполненію того, чего желаетъ Богъ, т.-е. спасенію всѣхъ,—и язычниковъ. А что это есть прямое желаніе Бога, видно изъ того, что учрежденное Имъ посредничество между Собою и людьми обнимаетъ всѣхъ людей, и что Посредникъ, предавъ Себя на смерть, предалъ во искупленіе всѣхъ людей безъ различія и исключенія. Такое теченіе мыслей видитъ у Апостола св. Златоустъ: „*Давый Себе избавленіе за всѣхъ.* Что же, ужели за язычниковъ, скажи мнѣ? Да.—И несмотря на то, что Христосъ умеръ и за язычниковъ, ужели ты не согласишься молиться за нихъ? Такъ почему же, скажешь ты, они не увѣровали?—Потому что не захотѣли (выше сказалъ: потому что вселенная еще не достигла истины), а съ Его стороны сдѣлано все. Объ этомъ свидѣтельствуетъ Его страданіе, говоритъ онъ.“—Всѣмъ,—и язычникамъ,—быть спасенными было отъ вѣка опредѣлено. Таково вѣчное Божіе хотѣніе; но свидѣтельство о томъ дано въ свое время,—*времены своими*,—т.-е. „въ подобающее или надлежащее время“ (св. Злат.), „когда люди способными уже содѣлались къ увѣрованію“ (Экум.),—„во времена предначертанныя и предопредѣленныя преблаженною

Троицею“ (Климентъ у Экум.). Свидѣтельство сіе, въ свое время явленное, есть самое учрежденіе сего спасенія всѣхъ. Симъ тоже выражается, что читаемъ въ посланіи къ Галатамъ: *егда же пріиде кончина лѣта, посла Богъ Сына Своего, да подзаконныя искупитъ* (Гал. 4, 4).—Истолковывать и распространять это свидѣтельство, далѣе говоритъ Апостолъ, возложено на меня.

33).

Ст. 7. *Въ неже поставленъ быхъ азъ проповѣдникъ и Апостолъ, истину глаголю о Христѣ, не лгу, учитель языковъ въ вѣрѣ и истинѣ.*

Въ неже, — во свидѣтельство. Свидѣтельство предъ симъ опредѣлилось, какъ свидѣтельство о томъ, что Богъ хощетъ всѣмъ,—и язычникамъ,—спастися. Дано сіе свидѣтельство тѣмъ, что Сынъ Божій воплотившійся сталъ посредникомъ между Богомъ и людьми—для всѣхъ людей,—и что Онъ предалъ Себя на смерть для избавленія тоже всѣхъ людей,—и язычниковъ. Это свидѣтельство истолковывать и распространять всюду я поставленъ, говоритъ Апостолъ;—поставленъ нарочито, въ каковомъ поставленіи вы должны видѣть новое подтвержденіе того, что Богъ всѣмъ,—и язычникамъ, хочетъ спастися. Ибо устроивъ дивный образъ спасенія всѣхъ въ воплощенномъ домостроительствѣ, — въ крестной смерти Воплощеннаго, — не попустилъ быть ему въ неизвѣстности, но избралъ особаго о немъ проповѣдника и послалъ его во всю вселенную учить язычниковъ—вѣровать въ сіе. Св. Златоустъ видитъ у Апостола это именно побужденіе, почему онъ поминаетъ о своемъ назначеніи. „Апостолъ, говоритъ онъ. сказалъ о себѣ, что онъ избранъ учителемъ языковъ,—намекая на то, что нынѣ благодать разлилась повсюду во все-

ленной.“ Онъ поставляетъ сіе внушеніе также въ связи и съ заповѣдію молиться за язычниковъ: „такъ какъ Христосъ пострадалъ за язычниковъ, и я избранъ учителемъ языковъ, то почему ты не молишься за нихъ? Видишь ли обильно изліянную благодать? Ибо у іудеевъ не были приносимы за нихъ молитвы, а нынѣ благодать распростерлась и надъ ними.“

Въ словахъ: *проповѣдникъ, Апостолъ, учитель,* замѣчается нашими толковниками нѣкая постепенность, хотя дѣло было одно. Блаж. Ѳеофилактъ пишетъ: „Къ этому свидѣтельству я приставленъ проповѣдникомъ, чтобъ проповѣдывать о немъ, то-есть, о крестѣ и смерти Христа Господа. И поставленъ не просто проповѣдникомъ, чтобъ проповѣдывать въ одномъ какомъ мѣстѣ, но и Апостоломъ, — посланникомъ, — чтобы всюду обходить съ проповѣдію.“ Дополняетъ сіе Экуменій: „Поелику можно проповѣдать и мимоходомъ, то присовокупилъ: *учитель;* я, говоритъ, не довольствовался одну какую сказать проповѣдь, но училъ неотступно, пока не научалъ. Этимъ-то и показывалъ я особенную Божію попечительность о язычникахъ.“

Чего ради вставилъ Апостолъ въ рѣчь о своемъ назначеніи удостовѣрительныя въ томъ слова: *истину глаголю о Христѣ, не лгу?* Св. Тимоѳей былъ любимый ученикъ св. Павла и зналъ все; потому для удостовѣренія его въ семъ не было нужды такъ говорить. Но Апостолъ могъ сказать такъ съ подразумѣваніемъ: какъ ты знаешь; и сказать потому же, почему лица, душа въ душу живущія, пересказываютъ иногда другъ другу, что знаютъ и что уже нѣсколько разъ пересказывали, потому что пріятно объ этомъ вспоминать и пересказывать. Но можно предположить и то, что Апостолъ пиша сіе имѣлъ въ виду Ефесянъ, отъ которыхъ св. Тимоѳей конечно не долженъ былъ скрывать посланія.

А Ефесянамъ сказать сіе никакъ не излишне было: ибо еще не всѣ они увѣровали, и изъ увѣровавшихъ не всѣ обращены св. Павломъ, а многіе послѣ него увѣровали. Для такихъ слова сіи налагали печать Божескаго авторитета для однихъ на увѣрованныя уже истины, а для другихъ — на предлагаемыя увѣрованію.—Замѣтить не излишне, что удостовѣреніе сіе относится не къ тому, что св. Павелъ былъ поставленъ Апостоломъ вообще, но что поставленъ быть Апостоломъ и учителемъ именно язычниковъ. Это не могло не быть пріятнымъ и привлекательнымъ для язычниковъ, изъ коихъ преимущественно состояла церковь Ефесская, и не могло не подѣйствовать успокоительно на ихъ вѣру, въ коей успокоясь, они не колеблясь могли противостоять навѣваемымъ совнѣ сомнѣніямъ, отъ распространеннаго въ Ефесѣ языческаго суемудрія.

Слова: *въ вѣрѣ и истинѣ* указываютъ или на предметъ проповѣди и ученія: я учитель языковъ, поставленный учить ихъ вѣрѣ и истинѣ (Амвр.); или на характеръ ученія: не умствовать учу, а вѣровать, и не умствованіями доказываю свое ученіе, а предлагаю его вѣрѣ, удостовѣряя, что оно истинно. „Проповѣдую, не силлогизмами или логическими доказательствами вооружась, и не въ риторическое хитрословесіе облекая ученіе свое, а вѣрѣ его предлагаю. Но чтобъ не подумалъ кто, что вѣровать предлагается какой-либо прелести, онъ прибавилъ: *въ истинѣ*. Хотя вѣрѣ предлагаю, но предлагаемое истинно. Преподаемое хотя вѣрѣ преподается, но преподается въ истинѣ. И способные къ вѣрѣ вѣруютъ: чѣмъ доказывается сила проповѣди“ (изъ св. Злат., Ѳеоф., Экум. перифразъ). Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Сего-то таинства (то-есть спасенія всѣхъ крестною смертію Господа) проповѣдникомъ и Апостоломъ поставленъ я, говоритъ Павелъ, и съ

подобающею вѣрою и истиною предлагаю это всѣмъ; потому что слова подтверждаю чудотвореніемъ.“ Мысль таже, что и выше изложена, съ нѣкоторымъ оттѣнкомъ, — что ученіе не вѣрно только и истинно, но и удостовѣрительно: я предъявляю и документы удостовѣрительные.

б) *Какіе держать въ церковныхъ собраніяхъ порядки.*
2, 8 — 15.

Все слово Апостола обращено здѣсь на бб) упорядоченіе женъ,—9—15; только одинъ текстъ данъ на аа) общее очертаніе церковныхъ молитвословій, съ внѣшней и внутренней стороны,—ст. 8.

аа).

Ст. 8. *Хощу убо, да молитвы творятъ мужіе на всякомъ мѣстѣ, воздѣюще преподобныя руки безъ гнѣва и размышленія.*

Собирались на молитву не въ одномъ мѣстѣ, а въ нѣсколькихъ; во всякомъ изъ такихъ мѣстъ, молитвы творить или исправлять Богослуженіе Апостолъ заповѣдуетъ мужамъ, жены же пусть слушаютъ и молятся въ безмолвіи; но при семъ всѣ молящіеся должны быть непорочны, имѣть чистую совѣсть, не питать неудовольствія на другихъ, и не держать сомнѣнія, будто не услышитъ Богъ. Таково общее очертаніе молитвословій церковныхъ.

Хощу убо. Хощетъ Апостолъ Апостольскимъ хотѣніемъ, равносильнымъ законоположенію. *Убо*—связываетъ начинающуюся рѣчь съ предыдущею, и именно съ первыми стихами сей главы,—1. 2. Тамъ заповѣдано творить молитвы за всѣхъ, къ чему нужда была присоединить пояснительныя положенія,—3—7. Теперь

опять возвращается къ наставленіямъ о молитвѣ, и говоритъ: вообще же церковныя молитвословія совершайте такъ и такъ.

Хощу, да молитвы творятъ мужіе. Собираясь вмѣстѣ, пѣли псалмы Пророка Давида и новыя пѣсни, сложенныя по движенію Духа Божія, во славу Пресвятыя Троицы, Христа Господа, Его смерти и воскресенія. и о прочихъ таинствахъ христіанскихъ. Иныя молитвы были читаемы въ слухъ всѣхъ, большею частію изъ употреблявшихся уже, а иногда и новыя, о коихъ впрочемъ надо замѣтить, что послѣ безпорядковъ въ Коринѳской церкви, онѣ не были допускаемы безъ вѣдома и разрѣшенія предстоятелей церкви. Всѣ такія молитвы, читаемыя и поемыя въ общемъ собраніи вѣрныхъ, должны, говоритъ Апостолъ, быть творимы мужами. Мужами, конечно, не всѣми собравшимися, и не всякимъ по ряду. Ибо дарованія были различны, и обязательно было для получившихъ дары сколько употреблять полученный даръ во благо церкви (1 Петр. 4, 10), столько же не браться за дѣло, на которое не получилъ дарованія. Почему надо полагать, что и молитвы въ собраніи вѣрныхъ были творимы мужами, получившими къ тому даръ. Какъ они обозначались? Имѣвшіе расположеніе къ читанію и говоренію молитвъ были всѣмъ замѣтны. Они и отряжались обществомъ вѣрныхъ на твореніе молитвъ, вступали же въ дѣло одни по молитвенномъ освященіи, а другіе—по таинственномъ рукоположеніи. Тѣ и другіе составляли клиръ. Св. Павелъ имѣлъ обычай заводить его всюду, гдѣ ни основывалъ Христовыхъ церквей (Дѣян. 14, 23). Его, вѣроятно, разумѣетъ онъ и подъ *мужіе.* Всякое собраніе вѣрныхъ въ Ефесѣ конечно имѣло и своего совершителя таинъ,—предстоятеля,—и своихъ молитвослововъ. Объ нихъ и слово, — чтобъ они творили

молитвы, а другіе не вмѣшивались произвольно въ это дѣло; иначе въ церкви не можетъ все идти благообразно и по чину (1 Кор. 14, 40). Что говоритъ: *на всякомъ мѣстѣ*,—это не имѣетъ особаго значенія въ настоящемъ предписаніи; ибо забота у Апостола не о мѣстѣ молитвы, а о томъ, „какимъ образомъ нужно молиться" (св. Злат.). Слова эти наводятъ однакожъ на нѣкоторыя стороннія соображенія. Храмовъ еще не было; собирались на молитву въ домахъ, которые какими либо боголюбцами были отдаваемы на сіе святое дѣло. Когда одинъ домъ не могъ вмѣщать всѣхъ вѣровавшихъ въ городѣ или селѣ, назначали другой, третій и т. д. Такъ и въ Ефесѣ былъ не одинъ домъ. Апостолъ предписываетъ: во всякомъ мѣстѣ, гдѣ собираются вѣрующіе на молитву, молитву творить должны *мужіе*, разумѣя опредѣленныхъ мужей,—τοὺς ἄνδρας.—*Во всякомъ мѣстѣ*. Такъ исполнилось пророченіе Господа: *грядетъ часъ, егда ни въ горѣ сей* (Самарянской), *ни во Іерусалимѣхъ поклонятся Отцу* (Іоан. 4, 21),—и пророческое видѣніе: *на всякомъ мѣстѣ ѳиміамъ приносится имени Моему и жертва чиста* (Малах. 1, 11). Іудеи имѣли одно мѣсто для богослуженія; имъ не позволительно было въ другомъ мѣстѣ приносить Богу жертвы. „Апостолъ вводитъ противоположныя тому постановленія и, освободивъ отъ этой необходимости, говоритъ, что наши обычаи не таковы, каковы у іудеевъ. Ибо подобно тому, какъ обо всѣхъ повелѣваетъ онъ приносить молитвы, потому что за всѣхъ умеръ Христосъ, и для всѣхъ, говоритъ онъ, я проповѣдую; такъ равнымъ образомъ молиться намъ хорошо вездѣ" (св. злат., Ѳеод.).

Воздѣюще преподобныя руки. „Воздѣвать руки и молиться свойственно было іереямъ Ветхаго Завѣта" (Ѳеод.). Тоже дѣлать Апостолъ велитъ и христіанскимъ

мужамъ, исправляющимъ общественное Богослуженіе. Но Апостольское же преданіе есть, какъ говоритъ Василій Великій, христіанамъ, при совершеніи молитвъ, творить на себѣ крестное знаменіе. Въ нашемъ Богослуженіи совмѣщается то и другое,—и воздѣяніе рукъ и крестное знаменіе, сопровождаемы бывая поклонами поясными и земными. Воздѣяніе рукъ умъ къ Богу возноситъ, а крестное знаменіе—путь восхожденія къ Богу показываетъ: ибо дверь приближенія къ Богу—крестъ Христовъ.

Но Апостолъ при семъ не столько на внѣшность обращаетъ вниманіе, сколько на состояніе души; почему не просто сказалъ: *воздѣюще руки*, но *руки преподобныя*, то-есть незапятнанныя никакимъ порокомъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ *преподобныя?*—Чистыя. А что значитъ—чистыя?—Конечно, — не водою вымытыя, а чистыя отъ любостяжанія, убійствъ, хищенія, уязвленія.“ Бл. Ѳеодоритъ тоже выражаетъ такъ: „Апостолъ повелѣваетъ дѣлать сіе (воздѣвать руки) *преподобно*, т.-е., освободившись отъ всякой неправды и отъ всякаго беззаконія,“ — или „очистивъ ихъ милостынею“ (Экум.), „которая била бы изъ нихъ, какъ изъ ключа бьетъ вода“ (Ѳеоф.). Такъ это слово требуетъ приступать къ молитвѣ съ чистою совѣстію и съ чистымъ сердцемъ. „Ибо руки тогда лишь бываютъ преподобны и святы, когда сердце чисто“ (Амвр.).

Безъ гнѣва и размышленія. Въ состояніи гнѣва и невозможно молиться. „И во время молитвы развѣ кто либо гнѣвается?“ (св. Злат.). Но помнить зло можно и при молитвѣ; потому что это чувство тихо и скрытно. Когда на верху молитва, въ низу можетъ скрытно утаиваться злопомнѣніе. Наши всѣ толковники и разумѣютъ здѣсь памятозлобіе. „Пусть душа молящагося будетъ чиста и свободна отъ всякой страсти, пусть

никто не приступаетъ къ Богу съ враждою, пусть никто не приступаетъ съ негодованіемъ“ (св. Злат.). „Такъ узаконилъ и Господь: если придешь *принести даръ твой ко олтарю, и ту помянеши, яко братъ твой иматъ нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ олтаремъ, и шедъ смирися съ братомъ твоимъ, и тогда пришедъ принеси даръ твой.* Мѳ. 5, 23. 24“ (Ѳеод.). И еще: *егда стоите молящеся, отпущайте, аще что имате на кого*—Марк. 11, 25 (св. Злат.). „Итакъ Апостолъ учитъ, что въ молитвѣ надлежитъ быть мирну духомъ, если желаемъ, чтобъ она принесла плодъ“ (Амвр.).

Безъ размышленія,—χωρὶς διαλογισμοῦ,—безъ раздумыванія, безъ колебанія въ мысляхъ, услышитъ ли Богъ. Просящему чего либо молитвенно св. Іаковъ предписываетъ: *да проситъ съ вѣрою, ничтоже сумняся. Сумняйся бо уподобися волненію морскому вѣтры возметаему и развѣваему. Да не мнитъ бо человѣкъ онъ, яко пріиметъ что отъ Бога* (Іак. 1, 6. 7). Такъ разумѣютъ всѣ наши толковники. Св. Златоустъ: „Что значитъ—*безъ размышленія?* Послушаемъ. Значитъ, что не нужно нисколько сомнѣваться въ томъ, что мы будемъ услышаны. Ибо Господь говоритъ: *елика аще воспросите вѣрующе, пріимете* (Матѳ. 21, 22).“ Ѳеодоритъ: *безъ размышленія* значитъ,—безъ сомнѣнія, вѣруя, что непремѣнно получишь, чего просишь.“ Экуменій: „*безъ размышленія*, т.-е., безъ раздумыванія, услышитъ ли меня Богъ? Не всуе ли, не напрасно ли я молюсь? Ибо надлежитъ быть увѣрену, что Богъ услышитъ, если просимъ у Него того, что Ему любезно, чисты суще.“ Ѳеофилактъ: „*размышленіемъ* назвалъ Апостолъ сомнѣніе, и учитъ, чтобъ молящійся молился безъ сомнѣнія и колебанія въ мысляхъ, получитъ или не получитъ, чего проситъ; только бы просилъ сообразнаго съ волею Божіею,—духовнаго, и безъ гнѣва и съ чи-

стыми руками."—„Если такимъ образомъ приступаешь, то во всякомъ случаѣ получишь просимое. Ибо *аще вы, лукави суще, умѣете даянія блага даяти чадомъ вашимъ, кольми паче Отецъ вашъ небесный дастъ блага просящимъ у Него* (Матѳ. 7, 11)" (св. Злат.).

6б).

Сдѣлавъ такое общее начертаніе порядка въ церковныхъ молитвословіяхъ, Апостолъ занимается затѣмъ, какъ должны держать себя женщины въ сихъ собраніяхъ. Вѣроятно этотъ предметъ требовалъ особаго вниманія, по вкравшимся неисправностямъ. И эти неисправности, конечно, дали Апостолу поводъ α) предписать то, что онъ предписалъ. Именно: αα) молиться въ томъ же духѣ, какъ и мужіе; ββ) являться въ собранія въ одеждахъ пристойныхъ, — ст. 9, — заботясь γγ) украшать себя не пышными нарядами, а добрыми дѣлами; δδ) въ дѣло же ученія не вмѣшиваться — ст. 10; и вообще быть въ отношеніи къ мужчинамъ въ подчиненіи,—ст. 11. 12. Такъ какъ послѣднее внушеніе могло показаться не совсѣмъ пріятнымъ, то Апостолъ β) смягчаетъ его, αα) выставляя основанія, почему такъ, а не иначе должно быть,—ст. 13. 14,—и ββ) утѣшая женъ, что и имъ отворена дверь спасенія.— ст. 15.

α).

Ст. 9. 10. *Такожде и жены во украшеніи лѣпотномъ, со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ, да украшаютъ себе, не въ плетеніихъ, ни златомъ, или бисерми, или ризами многоцѣнными, но, еже подобаетъ женамъ обѣщавающимся благочестію, дѣлы благими.*

аа).

Такожде — показываетъ, что Апостолъ продолжаетъ учить о порядкахъ въ молитвенныхъ собраніяхъ. Почему хотя не говоритъ онъ, что хощетъ, чтобъ и жены такимъ же образомъ молились, но даетъ ясно видѣть, что таково его хотѣніе. Хощетъ, чтобъ и жены молились безъ гнѣва и размышленія и имѣя чистую совѣсть, не запятнанную никакимъ порокомъ. Св. Златоустъ говоритъ: „равнымъ образомъ, говоритъ, хочу, чтобы и женщины приступали къ Богу безъ гнѣва и безъ размышленія,—имѣя преподобныя руки, неоскверненныя корыстолюбіемъ и грабительствомъ, и не слѣдуя своимъ вожделѣніямъ.“ Такъ и Ѳеофилактъ съ Экуменіемъ. Если не доразумѣвать здѣсь такого хотѣнія Апостола, то рѣчь стиховъ 9 и 10 отдалится отъ общаго содержанія сего отдѣленія, — 8 — 15, будетъ все только о томъ, какъ одѣваться женщинамъ. Тогда какъ признавъ, что Апостолъ имѣлъ въ мысли — главнымъ образомъ дать урокъ о молитвѣ, рѣчь объ убранствѣ женъ будетъ только дополнительною, показывая, какъ должны одѣваться женщины, когда являются въ собранія на молитву.

ββ).

Должны являться *въ украшеніи лѣпотномъ, со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ*. Св. Златоустъ, сказавъ, какъ женщины должны молиться, подобно мужамъ, прибавляетъ: „впрочемъ отъ женщинъ св. Павелъ требуетъ нѣчто и большее. Чего же именно? Чтобъ онѣ приходили молиться Богу *въ украшеніи лѣпотномъ*. Что онъ называетъ украшеніемъ лѣпотнымъ? Платье, которое со всѣхъ сторонъ прикрывало бы ихъ благопри-

стойно,—было прилично, но неизысканно; ибо первое прилично, а послѣднее не считается благопристойнымъ.“ *Украшеніе*,—καταστολη,—одежда, до пятъ спускающаяся, все тѣло покрывающая, и вообще нарядъ, но скромный и смиренный; на что указываетъ и *лѣпотное*—κοσμιος,—красивое, но по благопристойности и приличію къ лицу, мѣсту, окружающимъ, слѣдовательно исключающее всякое щегольство. Требуетъ Апостолъ, чтобъ женщины приходили въ собранія на молитву „въ одеждѣ пристойной, но не щегольской, чтобы привлекать взоры смотрящихъ“ (Экум.); „чтобъ самая одежда показывала честность души“ (Ѳеод.).

Слова: *со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ* указываютъ на форму одежды или покрой, требуя, чтобъ они не нарушали стыдливости свойственной женскому полу, и цѣломудрія, которымъ украшаться должны онѣ всюду. Но можно распространить смыслъ сихъ словъ, заключивъ подъ ними — походку, движеніе, мину, взоръ, стояніе и поклонъ; потому что все сіе можетъ носить печать стыдливости и цѣломудрія, и напротивъ обличать отсутствіе ихъ, укорное для женъ. Амвросіастъ пишетъ: „Апостолъ увѣщаваетъ, чтобъ женщины молились держа себя въ смиренномъ положеніи (и одѣяніи), а не гордостно. Кто хочетъ быть услышанъ, тому надо преклонять главу, отбросивъ всякую помпу, чтобъ привлечь милосердіе Божіе. Гордостное положеніе не вымаливаетъ просимаго, и заставляетъ думать не хорошо о просящемъ. Кто изъ благоразумныхъ людей не отвращается отъ женщины, пышно и гордо украшенной? Не тѣмъ ли паче отвращается отъ нея Богъ, когда видитъ, что тѣло, созданное Имъ свободнымъ, обвязывается и обременяется металлами?“

γγ).

Да украшають себе. Дополнивъ рѣчь послѣ *такожде* словами: *хощу да молятся,* и къ внѣшнему образу совершенія молитвы отнесши: *во украшеніи лѣпотномъ, со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ,* — по необходимости слѣдуетъ далѣе читать: *и да украшають себе.* Это общій урокъ, простирающійся и за стѣны молитвеннаго собранія. Не украшать себя женщины не могутъ, и нельзя на нихъ налагать обязательство: не украшай себя; но можно склонность къ украшеніямъ переводить съ пустыхъ украшеній на многозначащія и существенно цѣнныя. Это и дѣлаетъ здѣсь Апостолъ. Украшаютъ себя, говоритъ, пусть женщины не *плетеніями,*—не щегольскимъ заплетаніемъ волосъ, какъ прямо сказалъ св. Петръ (1 Петр. 3, 3),—не *золотомъ,*—чѣмъ-нибудь изъ золота, подобно тому какъ доселѣ на востокѣ женщины обвѣшиваютъ себя кругомъ золотыми монетами, — *или бисерами,*—въ серьгахъ и ожерельяхъ, *или ризами многоцѣнными,* — платьями изъ дорогихъ матерій, какъ о богачѣ Спаситель сказалъ: *облачашеся въ порфиру и виссонъ* (Лк. 16, 19),—ничѣмъ такимъ не должны онѣ себя украшать, потому что все это нынѣ есть, а завтра нѣтъ; но пусть украшаютъ себя тѣмъ, что негиблюще, и что многоцѣнно не предъ людьми только, но и предъ Богомъ, не во времени только, но и въ вѣчности, именно: *дѣлами благими,* всякаго рода добрыми дѣлами,—милостынею. страннопріимствомъ, хожденіемъ за больными, добровольными и смиренными всѣмъ послугами, добрымъ правленіемъ домашнихъ дѣлъ, молитвами, постами, благоговѣинствомъ, — и это такъ постоянно, чтобъ такія добродѣтели составляли отличительный ихъ характеръ. и чтобъ, когда входитъ какая изъ женъ въ собраніе,

смотрящіе на это, помышляли: вотъ пришла милостынница, вотъ страннопріимница, вотъ сердобольная, вотъ услужница, вотъ молитвенница, вотъ постница, вотъ благоговѣйница, и подобное, а не то, какъ помышляютъ при входѣ нарядницъ: какіе брилліанты и под.

Побужденіемъ къ тому ставитъ св. Павелъ обѣтъ быть благочестивыми: *еже подобаетъ женамъ, обѣщавающимся благочестію*. Какой это разумѣется обѣтъ? Надо полагать, — не частный, какимъ, вѣроятно, облагали себя, напримѣръ діакониссы, но общій, бывающій, при приступаніи къ вѣрѣ въ Господа и гласно изрекаемый при крещеніи. Тутъ крещающимъ берется обязательство, а крещаемымъ дается обѣтъ: отвергшеся нечестія и мірскихъ похотей, жить прочее благочестно, цѣломудренно и праведно (Тит. 2, 12). Объ этомъ и напоминаетъ Апостолъ, давая разумѣть, какъ послѣ такого обѣта непристало украшать себя пустыми украшеніями, а не добрыми дѣлами, какъ подобаетъ. „Вы, говоритъ онъ, обѣщаете (въ крещеніи) благочестіе и добродѣтель“ (Ѳеод.). Ими и подобаетъ украшать себя христіанскимъ женамъ, когда являются чтить истиннаго Бога“ (Ѳеоф.). „А которая жена въ домъ Божій является съ помпою, та не для Бога входитъ въ него, а для людей, чтобъ славимою быть отъ нихъ; за что отъ Бога ничего не получаетъ, кромѣ укора. Чѣмъ болѣе блестящею представляется она людямъ, тѣмъ болѣе презрѣнною бываетъ предъ Богомъ“ (Амвр.).

Св. Златоустъ сильное при семъ простираетъ слово обличенія къ женамъ нарядницамъ. „Ты приходишь молиться Богу, а между тѣмъ окружаешь себя золотыми украшеніями и головными уборами. Вѣдь ты пришла не плясать, ни принимать участіе въ брачномъ торжествѣ, ни являться среди торжественнаго шествія. Тамъ умѣстны золотыя украшенія, тамъ головные уборы, тамъ дорогія платья. А здѣсь ничего этого не нужно.

Ты пришла просить, молиться о грѣхахъ своихъ, молитву приносить о своихъ прегрѣшеніяхъ. умолять Господа, чтобы склонить Его къ милосердію. Зачѣмъ же украшаешь себя? Этотъ нарядъ неприличенъ той, которая молится. Какъ можешь ты воздыхать? Какъ можешь плакать? Какъ можешь усильно молиться, будучи одѣта въ такой нарядъ? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смѣха для того, кто будетъ видѣть ихъ; потому что плачущей не слѣдуетъ носить золота. Плачъ ея будетъ лицемѣріе, и притворство. И въ самомъ дѣлѣ, какъ же это не лицемѣріе когда таже самая душа, отъ которой родилась эта тщеславная помпа въ нарядахъ,—таже самая и слезы проливаетъ? Удали отъ себя это притворство: ибо Богъ поругаемъ не бываетъ. Это свойственно актерамъ и плясунамъ, которые проводятъ дни свои на сценѣ; а честной женщинѣ все это неприлично.—Апостолъ заповѣдуетъ тебѣ одѣваться скромно, *со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ*. Поэтому не подражай блудницамъ, которыя посредствомъ такого наряда привлекаютъ къ себѣ любовниковъ.—Замѣть, что Апостолъ, говоря о скромности въ нарядахъ, изгоняетъ изъ нихъ даже то, что служитъ лишь признакомъ богатства,—золото, бисеры, многоцѣнныя ризы. Но если это такъ, то не гораздо ли больше должно быть изгоняемо то, что служитъ признакомъ одной пустой суетности,—притиранья, подкрашиваніе вѣкъ, жеманную походку, изнѣженный голосъ, взглядъ влажный и всякаго блуда исполненный, изысканность, съ какою накидываютъ на себя покрывало или надѣваютъ платье, искуснѣйшимъ образомъ устроенный поясъ, вычурную обувь. На все это онъ указываетъ, говоря: *въ украшеніи честномъ*, равно какъ и словами: *со стыдѣніемъ и цѣломудріемъ*.—Будьте, умоляю васъ, снисходительны ко мнѣ; потому что слово мое не съ тою цѣлію содержитъ въ

себѣ такое рѣзкое обличеніе, чтобы уязвить, или опечалить васъ, но чтобы удалить отъ стада моего все чужое."

дд).

Ст. 11. 12. *Жена въ безмолвіи да учится со всякимъ покореніемъ. Женѣ же учити не повелѣваю, ниже владѣти мужемъ, но быти въ безмолвіи.*

Въ собраніяхъ церковныхъ съ молитвою соединяемы были поученія. Совершать то и другое въ церкви женамъ запрещаетъ Апостолъ. Молиться молись: затѣмъ и пришла; а совершеніе молитвы не твое дѣло. Равно поучаться поучайся, но сама браться за это дѣло не дерзай, даже и вопросовъ не смѣй предлагать, какъ сказано въ другомъ поcлавіи (1 Кор. 14, 35). Поучайся молча,—въ *безмолвіи*, и исполняй это дѣло *со всякимъ покореніемъ:* подъ чѣмъ разумѣется или покорность этому закону о молчаніи въ церкви, или покорность ученію, какое предлагаютъ опредѣленные на то мужи. Въ первомъ отношеніи предлежитъ укрощать позывъ къ говорливости, во второмъ страсть къ совопросничеству (отводъ для сей страсти сдѣлалъ Апостолъ въ посл. къ Коринѳянамъ, говоря: дома мужей пусть спрашиваютъ). То и другое—подвигъ; но покоряй себя. И способъ къ сему и свидѣтельство о семъ есть молчаніе. „Великой стыдливости требуетъ блаженный Павелъ отъ женщинъ, великой степенности. Поэтому обращаетъ вниманіе не только на внѣшній ихъ видъ и одежду, но и на голосъ. Что же именно говоритъ онъ? *Жена въ безмолвіи да учится.* Что это значитъ? То, что, по его словамъ, жена не должна говорить въ церкви; тоже самое сказалъ онъ и въ посланіи къ Коринѳянамъ: *срамно есть женѣ въ церкви глаголати* (1 Кор. 14, 35). Онъ говоритъ, что женѣ надлежитъ до того быть молчаливою, что она не должна говорить въ церкви не только о житейскомъ,

но и о духовныхъ предметахъ. Въ этомъ состоитъ для нея приличіе, въ этомъ стыдливость, это можетъ украсить ее больше всякой одежды. Если такимъ образомъ она будетъ вести себя, то она будетъ имѣть возможность совершать молитвы со всякою благопристойностію“ (св. Злат.).

Женѣ же учити не повелѣваю,—οὐκ ἐπιτρέπω; больше чѣмъ не даю позволенія, но въ тойже силѣ, какъ у насъ говорится: не велѣно,—запрещено рѣшительно,—запрещаю. Это въ церкви; дома же онѣ какъ вопрошать могутъ мужей, такъ въ случаѣ и учить, дѣтей напримѣръ, мужей невѣрныхъ и другихъ, которые не совсѣмъ исправно вѣруютъ. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Знай однакожъ, что Апостолъ не вообще учить запрещаетъ женамъ, но только въ церкви; а внѣ церкви это ей не запрещается. Такъ Прискилла (вмѣстѣ съ Акиллою) оглашала здравымъ ученіемъ Аполлоса; такъ вѣрной женѣ не запрещено оглашать невѣрнаго мужа;“—„дѣтей же учить даже повелѣно имъ“ (Экум.).—*Ниже владѣти мужемъ*, тоже разумѣется здѣсь—въ церкви, хотя такое правило имѣетъ и общее значеніе. *Владѣти*, — αὐθεντεῖν,—быть госпожею мужа, обращаться съ нимъ какъ съ слугою, командовать имъ. Какъ подъ женою здѣсь разумѣется женщина вообще, такъ и подъ мужемъ — вообще мужчина, а не мужъ той, которая вздумала бы распоряжаться ученіемъ въ церкви. Мысль Апостола та, чтобъ никакая женщина въ церкви не позволяла себѣ распоряжаться ученіемъ въ церкви, не кричала поставленному учить: того не говори, этого не касайся, а говори о томъ и томъ, и подобное, тѣмъ болѣе не требовала: молчи ты, я буду говорить; но чтобъ была *въ безмолвіи*, сидѣла молча и смирно, не говоря и не двигаясь.

Какой поводъ къ такому предписанію? Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Поелику и женщины сподоблялись пророческой благодати, то по необходимости поставляетъ за-

конъ и о семъ, и не поставляетъ женщинъ въ церкви учительницами."—Этимъ дается намекъ, что вѣроятно ученыя Ефесянки, какъ прежде Коринѳянки, и не имѣя дара пророческаго, а одною ученостію руководясь, выступали въ качествѣ учительницъ въ церкви, и при этомъ дѣлали ошибки въ ученіи. Чтобъ пресѣчь имѣвшій произойти отсюда вредъ, Апостолъ запретилъ совсѣмъ женамъ вести рѣчи въ церкви. Но св. Златоустъ поводомъ къ сей заповѣди поставляетъ желаніе Апостола пресѣчь свойственную женамъ говорливость: позволь имъ говорить,—онѣ подымутъ такой шумъ, кокого и на торжищѣ не встрѣтишь. „Апостолъ, желая отнять у нихъ всякій поводъ къ разговорамъ, сказалъ: пусть онѣ не учать, но пусть ведутъ себя такъ, какъ прилично учащимся. Такимъ образомъ онѣ покажутъ и покорность. Вообще многорѣчивъ родъ ихъ; почему Апостолъ всѣми мѣрами старается обуздать ихъ."

β).

Не здѣсь только, но и повсюду въ Писаніи говорится, что женщины должны находиться въ подчиненномъ отношеніи. Таковъ уже чинъ ихъ естества, —„сего требуетъ сама природа" (Ѳеод.). Апостолъ въ основаніе своему предписанію и выставляетъ здѣсь сей чинъ естества, выводя его изъ исторіи сотворенія мужа и жены. Но не довольствуется симъ, а направляетъ къ томуже и наведеніе изъ исторіи паденія.

аа).

Ст. 13. *Адамъ бо прежде созданъ бысть, потомъ же Ева.* Какъ жена создана послѣ мужа, то и всегда должна быть позади его. Ибо это прежде-созданіе показываетъ, что мужъ и въ естествѣ своемъ имѣетъ нѣчто пре-

имущественное. Жена создана изъ одной части мужа; почему, естественно, не все въ такой степени имѣетъ, въ какой имѣетъ то мужъ. Изъ бока мужнина взято то, изъ чего она создана, чтобъ всегда была около мужа, подъ бокомъ у него, какъ помощница, а не какъ госпожа. „Предпочитаетъ Апостолъ мужа женѣ, потому что тотъ первымъ созданъ: чтобъ жена была ниже мужа, потому что она создана послѣ мужа и изъ мужа“ (Амвр.). „Онъ говоритъ какъ-бы: мужескій полъ надѣленъ большимъ преимуществомъ, какъ прежде созданный. А въ другомъ мѣстѣ онъ ставитъ его еще выше, когда говоритъ: *не созданъ бысть мужъ жены ради, но жена мужа ради*“ (1 Кор. 11, 9) (св. Злат.). „Поелику, говоритъ, въ самомъ созданіи родъ мужескій удостоенъ первенства, а Ева создана второю; то должны послѣ сего и всѣ жены второстепенныя имѣть мѣста послѣ мужей, и покорствовать имъ. Ибо сила того, что тогда совершено по отношенію къ Адаму и Евѣ, простирается на весь родъ мужескій и женскій“ (Ѳеоф.).

Ст. 14. *И Адамъ не прельстися, жена же прельстившися, въ преступленіи бысть.*

Кромѣ чина естества, указываемаго образомъ сотворенія мужа и жены, Апостолъ въ основаніе подчиненности жены мужу выставляетъ и то, что въ дѣлѣ паденія она прельстилась первая и Адама прельстила; за что и присуждено ей: *къ мужу обращеніе твое* (Быт. 3, 16). По творенію она, хотя и вторствующая, но почтена нѣкіимъ равночестіемъ мужу; а по паденіи она потеряла это. Почему подчиненіе жены мужу есть какъ-бы епитимія, наложенная на нее за прельщеніе праматерію праотца Адама. Въ Евѣ виновною въ семъ сдѣлался весь родъ женскій,—и это не по одному вмѣненію, а потому что унаслѣдовалъ и самое дѣло Евы прельщать мужескій родъ; что доселѣ дѣлается имъ не случайно,

а по дѣйствующему въ немъ постоянно позыву нравиться и прельщать. Чтобъ умалить происходящее изъ сей склонности зло, жена подчинена мужу.

Св. Златоустъ примѣняетъ это къ предшествующей рѣчи къ женамъ, да не учатъ. Взялась, говоритъ, учить нѣкогда жена, и все извратила, чѣмъ явно показала, что негожа въ учители. Онъ говоритъ: „Для чего Апостолъ говоритъ сіе (*Адамъ не прельстися*, и проч.)? Для того, чтобы на основаніи многихъ причинъ предоставить первенство мужу. Ибо, говоритъ, мужчина долженъ имѣть первенство, вопервыхъ, потому, что онъ прежде созданъ, вовторыхъ, на основаніи того, что случилось въ послѣдствіи времени. Учила нѣкогда жена, и все ниспровергла, и сдѣлала его виновнымъ въ преслушаніи. За то и подчинилъ ее Богъ, что она во зло употребила власть или лучше сказать равночестіе. *Къ мужу твоему обращеніе твое,* сказано; а прежде этого событія сіе не было сказано.—Адамъ преступилъ заповѣдь не потому, что былъ увлеченъ страстію, а только повинуясь женѣ. Такъ,—учила однажды жена, и все ниспровергла. Поэтому и сказалъ Апостолъ: да не учитъ.“—

Но какъ же Адамъ не прельстился? Развѣ онъ не согрѣшилъ? Согрѣшилъ; но инымъ образомъ, чѣмъ жена. Жена прельстилась словами змія, или діавола, говорившаго языкомъ змія, и вкусила запрещеннаго плода, а Адамъ вкусилъ, послушавшись жены. Еслибы къ нему обратился врагъ, можетъ быть, Адамъ не прельстился бы его словами, а усмотрѣлъ скрытую подъ ними ложь и пагубный обманъ, и паденія не было бы. Но жену врагъ легко обольстилъ, а та обольстила мужа, — и паденіе состоялось. Такимъ образомъ она оказалась легкопрельщаемою. „Легокъ родъ сей, легкопріимчивъ, легкообольстимъ“ (Ѳеоф.). Почему слово Апостола:

Адамъ не прельстися, можно понимать, какъ исторія паденія даетъ разумѣть: не Адамъ прельщенъ діаволомъ. Такъ Амвросіастъ: „діаволъ не мужа прельстилъ, а жену; мужъ же женою былъ доведенъ до преступленія: за что не слѣдуетъ давать ей поблажки, а должно держать ее въ смирительномъ положеніи.“

Св. Златоустъ полагаетъ еще, что Адамъ непрельстившимся названъ сравнительно съ женою. На вопросъ: какъ же Адамъ не прельстился? онъ отвѣчаетъ: „Внимательно слушай. Жена говоритъ: *змій прельстилъ мя* (Быт. 3, 13); между тѣмъ Адамъ не говоритъ: жена прельстила меня, но: *та ми даде и ядохъ* (— — 12) (Это тоже, что и у Амвросіаста).—(Далѣе—). Притомъ не одно и тоже значитъ быть обольщеннымъ отъ единоплеменной и сродной себѣ, и быть обольщеннымъ отъ звѣря, раба, подчиненнаго: послѣднее собственно и есть обольщеніе. Итакъ, только сравнительно съ женою Апостолъ говоритъ о немъ, что онъ не прельстился; потому что она была обольщена отъ раба и подчиненнаго, а онъ отъ свободной. Опять не объ Адамѣ сказано: *и видѣ, яко добро древо во снѣдь* (— —6), но о женѣ, и что она вкусила и дала мужу своему.“

Бл. Ѳеодоритъ такъ толкуетъ. Сіе — *не прельстися,* Апостолъ сказалъ вмѣсто: не первый прельстися, и въ этомъ слѣдовалъ Писанію. Ибо жена, когда потребованъ былъ у ней отчетъ, сказала: *змій прельсти мя, и ядохъ;* Адамъ же говоритъ не такъ: но, *жена, юже далъ еси со мною, та ми даде отъ древа, и ядохъ* (—12. 13). И Ева, послушавшись змія, не имѣетъ оправданія; Адаму же служитъ малымъ оправданіемъ, что обольщенный женою, не самъ сорвалъ и плодъ съ древа, но жена, первая вкусивъ, дала и мужу. Посему-то и сказалъ Апостолъ: *Адамъ не прельстися.*

33).

Ст. 15. *Спасется же чадородія ради, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ.*

Отяготивъ такимъ образомъ жену и виною и вслѣдствіе того подчиненнымъ положеніемъ относительно мужа, Апостолъ утѣшаетъ ее тѣмъ, что все сказанное не затворяетъ предъ нею двери спасенія: *спасется*. По грамматическому строю рѣчь сія относится къ Евѣ; а по смыслу обнимаетъ весь родъ женскій. Праматерь согрѣшила и за это подпала карѣ Божіей. Но какъ милостивому Богу благоугодно было устроить дивный образъ спасенія падшимъ, то и ей открыто спасеніе, а въ лицѣ ея и всему женскому роду. Всякая жена, говоритъ Апостолъ, спасется. Какъ? Для женщинъ— не особыя условія спасенія, а тѣ же, какія опредѣлены вообще человѣчеству: вѣра и любовь,—*аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви*: *въ вѣрѣ* въ Господа Спасителя, о Коемъ благовѣстіе услышала первая жена, указанномъ въ будущемъ сѣмени жены (Быт. 3, 15); *въ любви* къ Богу и ближнимъ, родительницѣ, питательницѣ и содержательницѣ всѣхъ добродѣтелей. Что къ сему присовокупилъ Апостолъ: *и во святыни съ цѣломудріемъ*, не есть какая либо особенность въ условіяхъ спасенія, а есть только внѣшнее, или видимое облаченіе спасающейся женской души, вѣрующей и любящей. *Святыня*, у Апостола означаетъ и вообще святую и праведную жизнь, и въ особенности святыню тѣлесную, чистоту отъ плотскихъ похотѣній и грѣховъ. Въ настоящемъ мѣстѣ общая женская святость указана уже въ вѣрѣ и любви; потому подъ святынею остается разумѣть особенную святыню,—чистоту, въ каковомъ смыслѣ она будетъ однозначительна съ цѣломудріемъ. Отличіе между

ними можно положить развѣ такое, что святыню принять за вѣрность брачному ложу или замужнюю непорочность тѣла и души, а цѣломудріе за раздѣленіе съ мужемъ брачнаго ложа не въ угоду похоти, а изъ покорности закону естества, Богомъ данному съ намѣреніемъ плоды сего посвящать во славу Божію. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Подъ *святынею* Апостолъ разумѣетъ чистоту тѣла. Но поелику не всѣ—дѣвы, то прибавилъ: *съ цѣломудріемъ*. Ибо цѣломудріе не отрицается у тѣхъ, кои законно пользуются бракомъ.“ Есть и брачное цѣломудріе чистое,—когда брачная жизнь проводится трезвенно, а не въ сластяхъ похотныхъ. Оба же эти слова употребилъ Апостолъ, чтобъ яснѣе выставить, чѣмъ видимо должна отличаться спасающая душу свою жена. Такъ указываетъ условія спасенія женъ бл. Ѳеодоритъ. „Если захотятъ, пишетъ онъ, то не только не потерпятъ отъ Евы никакого вреда, но пріобрѣтутъ еще весьма великую пользу своею вѣрою и любовію, сохраняя святыню и цѣломудріе.“ Онъ не касается вопроса, почему Апостолъ сказалъ: *чадородія ради спасется?* Что за спасеніе отъ чадородія, это рѣшаютъ другіе наши толковники.

Само собою разумѣется, что чадородіе само по себѣ не можетъ содѣвать спасенія, какъ и всякое другое дѣло естественное,—пища, питіе, сонъ. Но какъ пища, питіе и сонъ могутъ быть употребляемы такъ, что будутъ или содѣйствовать или вредить спасенію, такъ и чадородіе. Какъ же чадородіе обратить въ пособіе ко спасенію? Можно бы такъ сказать: чадородіе дано естеству четы первозданной, и какъ дѣлу естества, ему слѣдовало бы происходить не только легко, но и пріятно. Но привзошло паденіе, и привнесло въ сіе дѣло естества болѣзни: *въ болѣзнехъ родиши чада* (Быт. 3, 16). Болѣзни — наказаніе, естественная женамъ епитимія. Если теперь жена, мучась болѣзнями рожденія, будетъ

переносить ихъ въ этомъ именно смыслѣ, т.-е. какъ наказаніе, напоминающее о грѣхѣ и призывающее къ покаянію, то чадородіе ея будетъ происходить въ порядкѣ спасенія.—Но этого одного мало. Въ такихъ расположеніяхъ подъемлема будучи, тягота чадородія только не будетъ мѣшать спасенію; а ему надобно не только не мѣшать, но и содѣйствовать спасенію. Какъ же это оно можетъ дѣлать? Если, по рожденіи, къ нему будетъ присоединяемо и воспитаніе дѣтей, въ страхѣ Божіемъ во славу Божію. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ говоритъ какъ-бы: вы, жены, не сокрушайтесь о томъ, что полъ вашъ подпалъ осужденію; Богъ даровалъ вамъ особое нѣкое средство ко спасенію, именно воспитаніе дѣтей, такъ что вы можете заслужить спасеніе не только сами чрезъ себя, но и чрезъ другихъ.“—И нѣсколько ниже: „дѣторожденіе есть дѣло природы. Но женѣ даровано не только это (зависящее отъ природы), но и то, что относится къ воспитанію дѣтей.—Въ томъ не малая, но великая будетъ состоять для нихъ награда, что онѣ воспитали ратоборцевъ Христу.“ Экуменій пишетъ: „Подъ дѣторожденіемъ Апостолъ разумѣетъ не только рожденіе, но и воспитаніе дѣтей.—Что же,—скажетъ кто, — дѣвы, бездѣтныя вдовы (лишившіяся мужа до рожденія дѣтей), жены безплодныя погибли? — Да не будетъ! Не то говоритъ Апостолъ, что жены не спасутся (безъ чадородія) собственною своею добродѣтелію, но что и чадородіе будетъ для нихъ пособіемъ ко спасенію, если,—что само собою разумѣется,—онѣ содѣваютъ спасеніе собственною своею добродѣтелію.“ Бл. Ѳеофилактъ прибавляетъ къ сему нѣчто особенное: „не родить только, но и воспитать должно. И это есть настоящее дѣторожденіе; иначе же это не дѣторожденіе, а дѣторастлѣніе. Воспитаніе впрочемъ дѣтей способствуетъ спасенію женъ не безъ собственной ихъ добродѣтели. Жена добродѣтель-

ная воспитываетъ и дѣтей въ добродѣтели. Сущая въ ней добродѣтель чрезъ воспитаніе переходитъ и въ дѣтей. Мнѣ кажется, что Апостолъ, запретивъ выше женамъ учить въ церкви, теперь въ утѣшеніе даетъ имъ, кого учить. Если хочешь учить, учи дѣтей. — Нѣкоторые впрочемъ, не знать какъ, дѣторожденіе поняли, какъ рожденіе бывшее отъ Пресвятыя Богородицы. Она, говорятъ, родивши Спасителя, спасла женъ. Но такое пониманіе не сообразно съ послѣдующею за симъ рѣчью.“

Б) Наставленія относительно лицъ, избираемыхъ въ клиръ церковный

3, 1 13.

Сказалъ св. Павелъ, что церковными собраніями и молитвами въ нихъ должны заправлять *мужіе* (2, 8),— конечно не всякій мужчина, но мужи избранные и на это посвященные. Теперь показываетъ, какими достоинствами должны отличаться лица, избираемыя на сіе дѣло, вообще въ клиръ. Была потребность въ этихъ лицахъ. Христіанъ стало много, собирались они въ разныхъ мѣстахъ; надлежало опредѣлить, кому смотрѣть за ними. Св. Павелъ и самъ всюду это дѣлалъ (Дѣян. 14, 23). Были они поставлены имъ и для Ефеса, какъ и для всей Асіи (Дѣян. 20, 17. 18; 19, 26). Но теперь поставленныхъ имъ оказалось мало. Не имѣя времени лично это сдѣлать, потому что нужды вѣрующихъ вызвали его скоро въ Македонію, онъ поручилъ это исполнить св. Тимоѳею, какъ въ Критѣ св. Титу, и пишетъ, какого свойства должны быть лица, избираемыя на это,—именно, а) епископы,—и б) діаконы съ діакониссами.

а) *Свойства достойныхъ епископства.* 3, 1—7.

Опредѣляетъ Апостолъ, что избираемый на епископство долженъ браться за сіе служеніе аа) со всею ревностію,—ст. 1; бб) долженъ отличаться добрымъ нравомъ и достохвальнымъ поведеніемъ, — ст. 2. 3; вв) доказать прежде свою способность къ управленію церковію добрымъ управленіемъ своего дома, — ст. 4. 5; гг) быть не изъ недавно крещеныхъ, — ст. 6; дд) пользоваться уваженіемъ и среди невѣрныхъ,—ст. 7.

аа).

3, 1. *Вѣрно слово: аще кто епископства хощетъ, добра дѣла желаетъ.*

Слова: *вѣрно слово* наши толковники относятъ къ предыдущей рѣчи, т.-е. къ тому, что сказано о спасеніи женъ чрезъ доброе воспитаніе дѣтей, при исполненіи и общихъ условій ко спасенію. — что спасеніе сіе очень благонадежно, потому что кромѣ ихъ собственныхъ дѣлъ въ свое спасеніе, имъ будутъ приписаны и добрыя дѣла дѣтей. Желая показать, что говоритъ сіе не затѣмъ только, чтобъ сказать нѣчто утѣшительное женамъ, а что такъ воистину есть, Апостолъ прибавляетъ удостовѣрительное: *вѣрно слово.* И это очень умѣстно. Между тѣмъ послѣдующая рѣчь не требуетъ никакого удостовѣренія: тутъ пишутся указанія, справедливость и умѣстность которыхъ очевидна сама-собою. Св. Златоустъ, а за нимъ Экуменій, и въ чтеніи слова сіи соединяютъ съ предыдущею рѣчью, и третью главу начинаютъ съ: *аще кто епископства хощетъ.* Бл. Ѳеофилактъ хотя третью главу начинаетъ съ *вѣрно слово,* но толкованіемъ относитъ его къ предыдущей рѣчи. Св. Златоустъ говоритъ:

„*Върно слово*—относится къ этому (о чемъ говоримъ, т.-е. о способствованіи спасенію женъ чрезъ воспитаніе дѣтей), а не къ тому (что слѣдуетъ): *аще кто епископства хощетъ*. Такъ какъ по этому поводу могло возникнуть недоумѣніе, то онъ и говоритъ: *върно слово*, что отцы и матери могутъ пожать плоды добродѣтели своихъ дѣтей, когда хорошо воспитаютъ ихъ.“ Тоже и у Экуменія съ Θеофилактомъ. — Такъ и признать слѣдуетъ.

Аще кто епископства желаетъ.—*Желаетъ*, ορεγεται,— означаетъ такое желаніе, каково бываетъ желаніе пищи у того, у кого возбудился аппетитъ. Дѣло епископства многотрудно и многоопасно. Не выдержать его, какъ должно, тому, кто приступаетъ къ нему равнодушно. Почему требуется ревностное желаніе епископства,— не того, чтобъ быть епископомъ и пользоваться властію и почетомъ, но самаго дѣла епископства, т.-е. смотрѣнія за спасаемыми и руководства ихъ ко спасенію. На епископство избирали. Почему надо полагать, что Апостолъ указываетъ здѣсь на такое ревностное желаніе по избраніи, и его называетъ *желаніемъ добраго дъла*, потому что предметъ его добръ, — просвѣщать истиною, очищать понятія, исправлять нравы, руководить къ высшему совершенству въ духовной жизни, отражать лжеученія и лжеучителей, утѣшать скорбныхъ, устроять пособія бѣднымъ и немоществующимъ, — быть отцемъ многопопечительнымъ и благоустроительнымъ. Кто на всѣ такія дѣла воспламеняясь ревностію, желаетъ епископства, тотъ добраго дѣла желаетъ,—ищетъ не удовлетворенія недобраго похотѣнія чести и славы, а желаетъ потрудиться во благо другихъ, быть всѣмъ слугою, не жалѣя себя. Св. Златоустъ говоритъ: „я не порицаю такого, говоритъ Апостолъ. Если кто имѣетъ такое желаніе и притомъ

домогается не одного начальства и власти, но исполненія обязанностей по управленію (паствою); „(желаетъ служить, предстательствовать, руководить — Экум.);“ то я не порицаю его. Ибо онъ добраго дѣла желаетъ. Кто такимъ образомъ желаетъ сего, пусть желаетъ, ибо епископство такъ названо потому, что имѣетъ надзоръ за всѣми (ввѣренными).“ Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ не обвиняетъ просто пожеланіе, но любоначаліе, и учитъ заботиться не о чести, но о добродѣтели, не сана желать, но домогаться дѣла, требуемаго саномъ.“

Что здѣсь разумѣется у Апостола подъ епископствомъ? Пресвитерство, отвѣчаетъ Бл. Ѳеодоритъ. „*Епископомъ* называетъ здѣсь Апостолъ пресвитера, какъ это доказали мы, толкуя посланіе къ Филиппійцамъ. Но не трудно дознать сіе и отсюда; потому что послѣ законовъ епископамъ пишетъ законы, относящіеся къ діаконамъ. Тогда однихъ и тѣхъ же называли пресвитерами и епископами; иногда и называемыхъ нынѣ епископами именовали апостолами вторствующими. Но по прошествіи времени, Апостольское наименованіе оставили дѣйствительнымъ Апостоламъ, а епископское наименованіе присвоили къ называвшимся древле Апостолами (вторствующими). Такими Апостолами были у Критянъ Титъ, у жителей Асіи Тимоѳей.—Впрочемъ, хотя Божественный Апостолъ узаконилъ сіе и пресвитерамъ, но явно, что епископамъ первымъ надлежитъ сохранять сіи законы, какъ пріявшимъ большую честь.“

бб).

Ст. 2. *Подобаетъ убо епископу быти непорочну, единыя жены мужу, трезвену, цѣломудру, благоговѣйну, честну, страннолюбиву, учительну.*

„Говоря о епископствѣ, Апостолъ показываетъ вообще, каковъ долженъ быть епископъ, не относя своего увѣщанія собственно къ Тимоѳею, но бесѣдуя съ нимъ, какъ-бы со всѣми, и чрезъ него наставляя всѣхъ“ (св. Злат.).

Первое, что подобаетъ ему, есть — *быти непорочну*, *ἀνεπίληπτον*, „безукоризненну, чтобъ не подавалъ никакого основательнаго и справедливаго повода къ укоризнѣ и обвиненію“ (Ѳеодоритъ). Но такимъ быть ему нельзя, если онъ не украшенъ всѣми добродѣтелями. „Сказавъ: *непорочну,* Апостолъ назвалъ всякую добродѣтель.—Такимъ образомъ, если кто сознаетъ себя виновнымъ въ какомъ либо преступленіи, то онъ нехорошо дѣлаетъ, желая такого званія, отъ котораго удалилъ себя своими поступками. Потому что такому слѣдуетъ не повелѣвать, а повиноваться. Ибо начальникъ долженъ быть свѣтлѣе всякаго свѣтильника и вести жизнь безукоризненную, такъ чтобы всѣ смотрѣли на него и по его жизни устрояли свою собственную жизнь“ (св. Злат.).

Единыя жены мужу, — не то чтобъ двухъ женъ не имѣлъ заразъ, ибо это и всякому христіанину воспрещено; но чтобъ однажды былъ женатъ, былъ одноженецъ. Того, кто на второй женѣ женатъ, не слѣдуетъ избирать въ епископы. Амвросіастъ пишетъ: „хотя имѣть вторую жену не воспрещено, но достойный епископства долженъ воздерживаться и отъ позволеннаго другимъ, по причинѣ высокости сего чина. Желающій его долженъ быть несравненно выше всѣхъ.“ Равно не то сіе значитъ, чтобъ непремѣнно былъ женатъ. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „говоря сіе, Апостолъ не законополагаетъ, что епископъ непремѣнно долженъ быть женатъ. Какъ могъ повелѣть это говорившій: *хощу, да вси человѣцы будутъ якоже и азъ?* (1 Кор.

7, 7).“ Насколько двоеженецъ негожъ для епископства, настолько неженатый гожъ болѣе одноженца. Почему и тогда, какъ только была возможность, не только въ епископы, но и во священники были избираемы неженатые, въ безпопеченіи житейскомъ Богу работавшіе. Доставлялъ такихъ лицъ чинъ аскетовъ, родившійся вмѣстѣ съ христіанствомъ и Апостолами благословленный и утвержденный въ Церкви.

Но какъ же епископъ—и женатъ? Но вопервыхъ здѣсь, какъ разумѣетъ Ѳеодоритъ, епископъ означаетъ пресвитера. Настоящими епископами были (вторствующіе) Апостолы, какъ напр. Титъ и Тимоѳей; а они были безбрачны. Вѣроятно и въ другихъ мѣстахъ на настоящее епископство были назначаемы подобныя имъ лица. Вовторыхъ, нужда заставляла; ибо тогда дѣвство еще не распространилось такъ, чтобъ всюду можно было находить дѣвственника, хотя начало было ему положено. Между тѣмъ епископы были нужны; почему избирали ихъ изъ такихъ, которые хотя женаты, но живутъ воздержно. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „язычники не упражнялись въ дѣвствѣ; Іудеи не дозволяли его, потому что плодородіе почитали благословеніемъ. Итакъ, поелику въ то время невозможно было безъ труда найти соблюдающихъ плотскую чистоту, Апостолъ Павелъ велитъ рукополагать изъ бывшихъ въ брачномъ состояніи тѣхъ, которые чтили цѣломудріе.“ Св. Златоустъ еще прежде его говорилъ: „Если человѣкъ связанный узами брака (неизбѣжно) заботится о мірскихъ дѣлахъ, а епископъ не долженъ заботиться о мірскомъ, то отчего Апостолъ сказалъ: *единыя жены мужу?* Нѣкоторые полагаютъ, что здѣсь онъ указываетъ на того епископа, который былъ бы свободенъ отъ брачныхъ узъ. А если не это (должно здѣсь разумѣть); то—что онъ, имѣя жену, можетъ жить, какъ-будто не имѣя ея.“

Трезвену. Трезвеніе острозорко смотритъ за всѣмъ, происходящимъ въ душѣ, хорошему даетъ мѣсто и ходъ, а нехорошее отвергаетъ и изгоняетъ вонъ, и такимъ образомъ добрѣ правитъ теченіе внутренней жизни, отъ который сама-собою благоустрояется и внѣшняя. Трезвеніе епископское смотритъ за всѣмъ происходящимъ въ стадѣ его и доброе утверждаетъ, а недоброе исправляетъ; особенно зорко смотритъ епископъ не подкрадываются ли какіе волки, не щадящіе стада, чтобъ, когда увидитъ такихъ, отгонять ихъ жезломъ пастырства своего. Онъ поставляется стражемъ дома Божія; почему долженъ бодренно стеречь домъ сей. „Подобаетъ ему быть бодрственну, и способну предусматривать. какъ должно дѣйствовать“ (Ѳеод.); „быть острозорку, всегда неусыпну, внимательно-наблюдательну, чтобы все видѣть и всегда быть готову ко всякому нужному дѣлу“ (Ѳеоф.). „*Трезвену*,—т.-е. онъ долженъ быть прозорливымъ, со всѣхъ сторонъ имѣть тысячу глазъ,—долженъ быть проницательнымъ и ничѣмъ не помрачать своего умственнаго взора. Ибо много есть такихъ случайностей, которыя не даютъ ясно видѣть, какъ слѣдуетъ дѣйствовать. Почему онъ долженъ быть неусыпно бодрствующимъ, имѣющимъ попеченіе не только о своихъ дѣлахъ, но и о томъ, что касается другихъ, – онъ долженъ бодрствовать, пламенѣть духомъ и, такъ сказать, дышать огнемъ, съ большею ревностію нести труды и обязанности (своего сана), нежели какъ полководецъ, который день и ночь обходитъ воинство,—обо всемъ имѣть заботу и попеченіе“ (св. Злат.).

Цѣломудру. Такъ какъ о плотскомъ цѣломудріи было уже слово въ словахъ: *единыя жены мужу*, то здѣсь подъ цѣломудріемъ слѣдуетъ разумѣть „душевное преспѣяніе“ (Ѳеод.), именно—здравоуміе, или благоразуміе какъ въ своемъ собственномъ поведеніи, такъ и паче

въ веденіи дѣлъ по управленію паствою. Какъ опрятная одежда хорошо сидитъ на всемъ тѣлѣ, такъ что все въ ней и въ мѣру, и къ мѣсту, и къ лицу, такъ благоразумно ведомыя дѣла благообразно да украшаютъ ликъ епископа, да будетъ онъ κατεσταλμένος (Ѳеоф.).

Благоговѣйну, честну. Два сіи слова отвѣчаютъ одному греческому,—κόσμιον, которое Бл. Ѳеофалактъ истолковалъ,—σεμνοπρεπῆ. И вѣроятно нашъ славянскій переводъ хотѣлъ выразить полнѣе смыслъ сего послѣдняго слова, которое значитъ—благолѣпно честный, и показываетъ, что ликъ епископа долженъ сіять такимъ священнымъ благолѣпіемъ, которое вызываетъ всеобщее уваженіе. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „ему надлежитъ быть степенну и въ выговорѣ, и въ наружности, и во взглядѣ, и въ походкѣ, чтобы и въ тѣлѣ видно было душевное благообразіе.“

Страннопріимну,—„доброхотно принимающему пришельцевъ“ (Ѳеод.). „Ибо если онъ къ однимъ только мѣстнымъ жителямъ привѣтливъ, радушенъ и милостивъ, то болитъ пристрастіемъ. Но ему надо къ страннымъ еще болѣе быть щедрымъ; ибо это очевиднѣе свидѣтельствуетъ о его братолюбіи“ (Ѳеоф.).

Учительну. „Указанныя предъ симъ качества („благоразуміе, преподобіе и страннолюбіе“—Экум.) имѣютъ многіе и изъ подчиненныхъ,—ибо и они въ этомъ отношеніи должны быть равны начальникамъ. Почему Апостолъ, показывая преимущество епископа, прибавилъ: *учительну.* Отъ подчиненнаго этого уже не требуется; но оно требуется болѣе всего отъ того, кому ввѣрена эта должность епископства“ (св. Злат.). „Разумѣетъ же подъ симъ Апостолъ не краснорѣчіемъ отличающагося, но обученнаго Божественному и способнаго подать надлежащій совѣтъ“ (Ѳеоф.). *Учительну,*—διδακτικόν,—выражаетъ, что епископъ долженъ быть такъ полонъ

учительности, чтобъ, какъ только случай, ученіе текло изъ устъ его рѣкою,—чтобъ всегда могъ онъ исполнить и исполнялъ, что потомъ написалъ Апостолъ во второмъ посланіи: *проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ* (2 Тим. 4, 2).

Ст. 3. *Не піяницѣ, не бійцѣ, не сварливу, не мшелоимцу, но кротку, не завистливу, не сребролюбцу.*

Не піяницѣ. „Сіе самъ истолковалъ Апостолъ въ предписаніи діаконамъ, быть *не вину многу внимающимъ* (1 Тим. 3, 8)" (Өеод.).

Не бійцѣ,—μη πληκτην,—не драчуну, какимъ нерѣдко оказывается *вину много внимающій.* Но въ отношеніи къ исполненію начальнической должности, съ которою соединено наказаніе неисправныхъ, можетъ сіе означать и—не строго-взыскательну, не вспыльчиву, не жестоко-наказательну. Бл. Өеодоритъ пишетъ: „Запрещаетъ симъ Апостолъ не наказаніе налагать во-время, но дѣлать сіе недолжнымъ образомъ. А что повелѣваетъ наказывать, о семъ, како услышимъ вскорѣ, скажетъ самъ: *согрѣшающихъ предъ всѣми обличай* (1 Тим. 5, 20); и еще: *обличи, запрети* (2 Тим. 4. 2). И пиша къ Галатамъ сказалъ онъ: *о несмысленніи Галате* (— 3, 1),—и еще: *тако ли несмысленни есте* (—— 3)."

Не сварливу,—αμαχον. Въ греческомъ слово сіе стоитъ тамъ, гдѣ въ славянскомъ стоитъ—*не завистливу,* котораго нѣтъ въ греческомъ. Значитъ оно: „не любящу заводить тяжбы" (Өеод.),—и вообще споры и раздоры,—non litigosum,—не бранчиву, по Амвросіасту.

Не скверностяжательну,—μη αισχροκερδη, – Өеодоритъ и Өеофилактъ не читаютъ; но св. Златоустъ и Экуменій читаютъ. Указываетъ на такого, который къ стяжанію не употребляетъ такихъ средствъ, которыя не одобряются общимъ судомъ, какъ напримѣръ—ростъ; а мо-

жетъ быть и на такого, который ни за что не согласится покривать въ чемъ сквернаго ради прибытка, а тѣмъ паче вообще все служеніе свое обратить къ сей цѣли.

Но кротку. „Научаетъ, какъ можно быть небійцею и несварливымъ. Кто кротокъ, тотъ не будетъ таковымъ“ (Ѳеоф.). Кроткій миролюбиво переноситъ личныя непріятности и оскорбленія. Таковъ наипаче долженъ быть епископъ. „Онъ долженъ умѣть переносить сдѣланные противъ него проступки; (но только такіе). Ибо оставлять безъ вниманія, что терпятъ обиднаго другіе,— не признакъ скромности (свойственной епископу). Сказано: *начальствуй со тщаніемъ*—Римл. 12, 8“ (Ѳеод.).

Не сребролюбцу. „Не сказалъ Апостолъ: нестяжательну, потому что даетъ умѣренные законы, но: не любящему денегъ. Ибо возможно имѣть у себя деньги, но распоряжаться ими, какъ должно, и не имъ раболѣпствовать, но быть господиномъ ихъ“ (Ѳеод.). Ктому же ему должно быть и благотворительну,—для чего необходимо имѣть, изъ чего благотворить, но имѣть безъ привязанности къ имѣемому, дабы не сокращалась рука благодѣющая. „Поелику выше сказалъ, что ему должно быть *страннолюбиву;* то теперь прибавляетъ: *не сребролюбцу,* показывая, что будетъ онъ страннолюбивъ, если не будетъ сребролюбивъ, и вмѣстѣ научая, что подъ предлогомъ страннолюбія не долженъ онъ собирать сокровищъ“ (Ѳеоф.).

Св. Златоустъ изумляется, что св. Павелъ поминаетъ здѣсь о такихъ порокахъ, которые и во всякомъ христіанинѣ, и даже нехристіанинѣ, нетерпимы,—„очень грубыхъ“ (Экум.). Почему слова: *не піяницѣ, не бійцѣ* истолковалъ не въ собственномъ ихъ смыслѣ, а въ значеніи переносномъ: „*Не піяницѣ.* Не о томъ говоритъ Апостолъ, кто упивается виномъ, но о бранчивомъ и продерзскомъ. *Не бійцѣ.* Здѣсь идетъ рѣчь не о тѣхъ,

которые бьютъ руками; но, такъ какъ есть люди, которые безвременно возмущаютъ совѣсть братій, то, мнѣ кажется, онъ здѣсь на нихъ намекаетъ.“ Тоже повторяютъ и Экуменій съ Өеофилактомъ. Наконецъ св. Златоустъ такую обращаетъ рѣчь къ Апостолу: „Впрочемъ, что ты говоришь, скажи мнѣ? Бесѣдуя о епископѣ, сказалъ, что онъ не долженъ быть пьяницею, между тѣмъ какъ надлежало бы сказать что нибудь болѣе важное. Отчего, напримѣръ, не сказалъ, что епископъ долженъ быть Ангеломъ, не быть подверженнымъ ни одной человѣческой страсти? Или почему не выразилъ тѣхъ великихъ требованій, о которыхъ говорилъ Христосъ и которыя должны исполнять даже подчиненные,— что нужно распять себя и всегда быть готову отдать душу свою за другихъ? *Пастырь добрый*, говорилъ Онъ, *душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. 10, 11); — также: *иже не пріиметъ креста своего и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Мене достоинъ* (Мө. 10, 38); но сказалъ: *не піяницъ?* Благія можно имѣть надежды, если въ этомъ нужно наставлять епископа!!—Но отъ чего ты не сказалъ, что онъ долженъ отрѣшиться отъ земли, но даже того не заповѣдалъ епископу, что заповѣдалъ мірянамъ? Этимъ говорилъ: *умертвите уды ваша, яже на земли* (Кол. 3, 5), — и еще: *иже Христовы суть, плоть распяша* (Гал. 5, 24). Почему же не сказалъ этого и епископу?— Потому что такихъ не много можно было найдти, между тѣмъ епископовъ требовалось много, которые бы предстоятельствовали въ отдаленныхъ городахъ. Поэтому, такъ какъ въ послѣдствіи времени могли возникать навѣты противъ Церкви, то Апостолъ говоритъ объ умѣренной добродѣтели, а не объ этой вызвышенной и выспренней, потому что многимъ свойственно быть трезвенными, честными, цѣломудрыми.“ Это же занимало и Амвросіаста, — и онъ пишетъ: „Для того указалъ

здѣсь Апостолъ низшія добродѣтели, чтобъ, если кто окажется имѣющимъ высшія, и сомнѣнія не было, что онъ достоинъ епископства. Если кто, влекомый высшими стремленіями, и душу и тѣло свое посвящаетъ Богу, то такой тѣмъ паче достоинъ."

вв).

Ст. 4. *Свой домъ добрѣ правящу, чада имущу въ послушаніи со всякою чистотою (честностію).*

Церковь—домъ Божій, которымъ править избирается епископъ. Способенъ ли на сіе служеніе избираемый, можно судить по тому, какъ онъ правитъ своимъ домомъ. Кто хорошо правитъ домомъ, отъ того можно ожидать, что онъ хорошо будетъ управлять и церковію. Хоть это дѣло шире и предметы управленія сложнѣе, и цѣли его возвышеннѣе, но управленіе, какъ управленіе, одинаковыхъ требуетъ пріемовъ. То правда, что заключеніе отъ хорошаго домоправленія къ хорошему управленію церковію не необходимо слѣдуетъ, но всякій хорошій управитель дома, при избраніи на предстоятельство въ церкви, не можетъ не имѣть перевѣса надъ другими, подавая добрыя надежды. „Тоже говорятъ и внѣшніе, что хорошій домоправитель скорѣе можетъ сдѣлаться хорошимъ правителемъ дѣлъ гражданскихъ" (св. Злат.). Домъ обнимаетъ и лица живущія въ немъ, и имущество его, и его внѣшнія отношенія къ правительству и частнымъ лицамъ. Все сіе есть и въ церкви: есть и лица всѣхъ состояній и возрастовъ,—есть и свое имущество, опредѣляемое на содержаніе бѣдныхъ, больныхъ, престарѣлыхъ, вдовъ и сиротъ, кромѣ домовъ собранія,—есть и свои отношенія ко внѣшнимъ. Кто въ домѣ оказалъ опытъ хорошаго управленія по всѣмъ частямъ, тотъ, вступая въ управленіе церковію, вступитъ не на новое

и совсѣмъ невѣдомое ему дѣло. Почему скорѣе найдется, какъ дѣйствовать въ томъ или другомъ случаѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „и церковь есть тоже самое, что малый домъ, и подобно тому, какъ въ дому находятся дѣти, жена, слуги, и надъ ними всѣми возвышается своею властію мужъ; такъ и въ церкви не иное что, а тоже самое (встрѣчаемъ)—дѣтей, женъ, слугъ. Если предстоятель церкви имѣетъ соучастниковъ своей власти, то и тамъ мужъ имѣетъ соучастницею власти жену. Но здѣсь должно заботиться о пропитаніи вдовицъ и дѣвственницъ? И тамъ тоже мужъ имѣетъ на своемъ пропитаніи рабовъ и дочерей.“

Чада имуща въ послушаніи со всякою честностію. Изъ всѣхъ предметовъ управленія по дому особому предлагаетъ вниманію избирателей поведеніе дѣтей; не въ томъ конечно значеніи, что у кого дѣти хороши, тотъ хорошій правитель, потому что тутъ все можетъ зависѣть отъ естественныхъ причинъ, но въ томъ особенно, что коль скоро дѣти не хороши, то отецъ какой уже правитель? „Дома долженъ онъ показать хорошій примѣръ управленія. Ибо кто повѣритъ, что чужаго заставитъ слушаться себя тотъ, кто своего сына не умѣлъ держать въ послушаніи?“ (св. Злат.).—Изъ добродѣтелей, рекомендующихъ чадъ, указываетъ Апостолъ на послушаніе и всякую честность: послушаніе къ родителю, какъ главѣ дома, а честность предъ всѣми, и въ домѣ, и вовнѣ. Можно поэтому сказать, что эти двѣ черты обнимаютъ все доброе поведеніе дѣтей. Почему бл. Ѳеодоритъ, — „*имущу чада* съ такими свойствами,—толкуетъ: учащу дѣтей всякой добродѣтели; для чего требуется, чтобы дѣйствовало не одно расположеніе самыхъ дѣтей, но и собственное его произволеніе.“ Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „*со всякою честностію* значитъ, — и въ словѣ, и въ дѣлѣ, и въ одеждѣ, — и

притомъ предъ всѣми и во всякое время,“ и наводитъ: „какъ можно надѣяться, что сдѣлаетъ честными чужихъ, когда своимъ кровнымъ попуститъ жить нечестно?“—

Ст. 5. *Аще же кто своего дому не умѣетъ правити, како о Церкви Божіей прилѣжати возможетъ?*

Слово: *не умѣетъ* указываетъ на недостатокъ или благоразумія или характера, а слово: *прилѣжати* обличаетъ лѣность, недостатокъ усердія къ благосостоянію дома. Если, судя по домоправленію, въ комъ не предвидится ни усердія, ни характера, ни благоразумія, по управленію церковію, отъ того какъ можно ожидать хорошаго управленія ею,—ожидать, что онъ позаботится о ея благѣ? Отъ меньшаго Апостолъ заключаетъ къ большему. „Кто не умѣетъ распоряжаться малымъ, тому можно ли ввѣрять попеченіе о важнѣйшемъ и Божественномъ?“ (Ѳеод.). „Домомъ управлять легче. Поэтому какъ можетъ управлять дѣлами церковными тотъ, кто и домъ свой нехорошо устрояетъ?“ (св. Злат.). „Если онъ не могъ быть хорошимъ правителемъ того, что и не велико, и удобоопредѣлимо, то гдѣ ему управить столькихъ душъ нравы и помыслы, недомыслимые“? (Ѳеоф.).

гг).

Ст. 6. *Не новокрещенну, да не возгордѣвся въ судъ впадетъ діяволь.*

Новокрещенный, какъ ни будь онъ воспламененъ духомъ, все же есть новичекъ въ дѣлѣ вѣры и жизни по вѣрѣ. Потому естественно во многомъ стоитъ ниже другихъ, равно горящихъ духомъ, но давно уже вступившихъ въ путь послѣдованія Господу, которые и знаютъ больше и испытали множайшее. Хотя впослѣдствіи онъ можетъ опередить всѣхъ, но теперь онъ позади многихъ, и стать ему руководителемъ и учителемъ всѣхъ

и такихъ непригоже. Но Апостолъ не эту непригожесть выставляетъ, какъ причину, почему новокрещеннаго не слѣдуетъ поставлять епископомъ, а нравственную опасность для него самого,—что возгордится и за то подпадетъ такому же осужденію, какому подвергся діаволъ, съ неба сверженный за гордость. Новичку въ обществѣ вѣрующихъ, „такому, который не обученъ предварительно божественному, и включенный въ списокъ учениковъ, не упражнялся сперва въ добродѣтели,—получивъ предсѣданіе, не мудрено дать въ себѣ мѣсто страсти высокомѣрія“ (Ѳеод.). Но какимъ судомъ угрожаетъ ему Апостолъ? Какъ и въ какой судъ, осужденіе и присужденіе по суду, или наказаніе впадетъ онъ, и гдѣ? — Апостолъ не указываетъ этого; потому можно думать, что онъ хотѣлъ только сказать, что такой достоинъ будетъ суда, подобнаго суду діаволю,—станетъ въ этотъ рядъ, и предъ лицемъ Божіимъ и во мнѣніи вѣрующихъ, не опредѣляя, какъ объявленъ будетъ такой судъ и присужденіе по нему. Худое послѣдствіе возгордѣнія Апостолъ ограничиваетъ нравственнымъ состояніемъ самого возгордѣвшаго, — что онъ низпадетъ съ той высоты свѣтлаго состоянія, въ какое поставила его благодать Духа Святаго чрезъ св. Таинства, совершенныя надъ нимъ. Ибо гордость обнажаетъ отъ сей благодати, заграждаетъ ей входы внутрь и поставляетъ разгордѣвшаго опять въ то худое состояніе по духу, въ какомъ былъ до вѣры, или даже ниже его; а тутъ онъ опять попадаетъ въ руки діавола, отъ власти котораго избавила было его Божія благодать по вѣрѣ. Нѣкоторые это послѣднее слѣдствіе возгордѣнія и разумѣютъ подъ судомъ діаволимъ.

Не новокрещенну, — μη νεοφυτον, не новонасажденну, не новопривиту. Выраженіе взято изъ приточной рѣчи Спасителя, гдѣ Онъ Себя называетъ масличнымъ дре-

вомъ, а всѣхъ вѣрующихъ отростками, вѣтвями и прививками сего древа. Прививаются къ Господу крещенные, которые чрезъ крещеніе облекаются въ Него, Его жизнію исполняются, какъ прививки соками древа, къ коему привиты. Почему новонасажденный тоже что новокрещенный. Но подъ симъ словомъ не разумѣется юный возрастомъ. И св. Тимоѳей былъ юнъ,—и „самъ божественный Павелъ, будучи въ юности, сподобился призванія“ (Ѳеод.). Но это не попрепятствовало св. Павлу быть первенствующимъ, а св. Тимоѳею вторствующимъ Апостоломъ. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ присовокупляетъ: *не новокрещенну,* разумѣя здѣсь не того, кто былъ бы юнъ возрастомъ, а новооглашеннаго, подобно какъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ: *азъ насадихъ* (1 Кор. 3, 6). Онъ сказалъ сіе, желая означить сего послѣдняго (новонасажденнаго). Ибо что препятствовало сказать: не юну?—Ктому же онъ самъ поставилъ епископомъ Тимоѳея, несмотря на то, что онъ былъ молодъ, о чемъ и свидѣтельствуетъ, говоря къ нему: *никтоже о юности твоей да нерадитъ* (1 Тим. 4, 12),—(показывая. что юность не препятствуетъ сему, когда достойна). Апостолъ зналъ, что св. Тимоѳей обладалъ многими добродѣтелями, что онъ достигъ до великаго совершенства въ жизни, что онъ былъ многосвѣдущъ: *изъ млада священная писанія умѣеши* (2 Тим. 3, 15),—говоритъ къ нему въ посланіи Апостолъ. А что онъ соблюдалъ строжайшій постъ, сіе видно изъ слѣдующихъ словъ Апостола: „мало вина пріемли ради частыхъ твоихъ недуговъ“ (1 Тим. 5, 23). Еслибъ Апостолъ не зналъ о столь высокихъ его добродѣтеляхъ, то и не писалъ бы и не поручилъ бы столь высокаго служенія ученику. (Итакъ—*не новокрещенну* не значитъ не юну.) Но такъ какъ въ то время многіе изъ язычниковъ (почтенныхъ) обращались и крестились, то и говоритъ Апостолъ:

новокрещеннаго, т.-е. новооглашеннаго не вдругъ возводите на высоту власти. Ибо если онъ, прежде нежели обучится всему, или станетъ совершеннымъ ученикомъ, вдругъ будетъ поставленъ учителемъ, то впадетъ въ высокомѣріе; если не научившись повиноваться, займетъ мѣсто начальника, то сдѣлается надменнымъ. Почему и прибавилъ: *да не возгордѣвся въ судъ впадетъ діаволь,*— т.-е. чтобы не подпалъ тому-же осужденію, какому тотъ подвергся за свою гордость."

Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „Судомъ Апостолъ назвалъ здѣсь наказаніе," подобное тому, какому подвергся діаволъ. Такъ и всѣ другіе толковники. Но Амвросіастъ видитъ здѣсь иное нѣчто. Онъ пишетъ: „воистину бываетъ такъ, что неискушенный въ вѣрѣ надымается гордостію, особенно если получитъ посвященіе. Ибо по новости чина и власти возмечтавъ о себѣ много, начинаетъ онъ думать, что и по совершенствамъ стоитъ выше другихъ. Ктому же видя, что въ первый годъ рожденія въ новую жизнь почтенъ такою честію, впадаетъ въ помышленіе, что онъ призванъ не для своего преспѣянія, а для другихъ,—какъ бы болѣе самъ оказывалъ вѣрѣ благодѣяній, нежели сколько получилъ отъ нея. Но возгордившись вслѣдствіе такихъ помышленій, попадается онъ въ сѣти діавола. Ибо сатана, воспользовавшись случаемъ его возгордѣнія, низвергаетъ его въ пропасть. Въ семъ смыслѣ у Соломона говорится: *Богъ гордымъ противится* (Прит. 3, 34). И тотъ же Апостолъ въ другомъ посланіи говоритъ: *аще кто мнитъ себя быти что, ничтоже сый, умомъ льститъ себе* (Гал. 6, 3). И Господь сказалъ: *всякъ возносяйся смирится* (Лук. 14, 11)."

дд).

Ст 7. *Подобаетъ же ему и свидѣтельство добро имѣти отъ внѣшнихъ, да не въ поношеніе впадетъ и въ сѣть неприязнену.*

„Не сказалъ: надлежитъ ему имѣть свидѣтельство, но *и свидѣтельство имѣти*, т.-е. между прочимъ и это, а не одно это только" (св. Злат.). Сказавъ, что епископъ долженъ быть безукоризненъ (—2), и изобразивъ разныя стороны такой безукоризненности среди вѣрующихъ, теперь прибавляетъ ко всему тому и *доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ*, то-есть отъ непринадлежащихъ къ Церкви вѣрующихъ, іудеевъ и еллиновъ. Имѣть свидѣтельство не то значитъ, чтобъ надлежало добыть форменное свидѣтельство отъ не своихъ и представить своимъ, но то, чтобъ избираемый въ епископы пользовался доброю славою и среди невѣрныхъ. Въ какомъ отношеніи? Конечно не по внѣшнему положенію, но по всѣмъ извѣстной доброй нравственности и житейскимъ добродѣтелямъ. Св. Златоустъ, прилагая къ сему слова Спасителя: *тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ ваша добрая дѣла и прославятъ Отца вашего, Иже есть на небесѣхъ* (Матѳ. 5, 16), говоритъ: „пусть поступки его будутъ свѣтлы. Ибо подобно тому, какъ никто не назоветъ солнца темнымъ, даже самый слѣпой, потому что онъ стыдится идти противъ общаго мнѣнія,—такъ и совершенно праведнаго никто не станетъ порицать. Правда, язычники часто клеветали на нихъ (епископовъ, или христіанъ вообще) ради ихъ вѣрованій, но праведной ихъ жизни не порицали, напротивъ вмѣстѣ съ другими удивлялись и приходили въ изумленіе (взирая на нее). И на Апостоловъ клеветали; но что? Что они льстецы и обманщики, —

т.-е., ради ихъ проповѣди,—и это дѣлали потому, что ни въ чемъ не могли укорить ихъ жизни. Ибо почему никто не сказалъ объ нихъ, что они любодѣи, нечестивцы, корыстолюбцы, но—льстецы, что относилось къ одной только проповѣди? Не потому ли, что они вели жизнь безукоризненную? Конечно, потому. Поэтому и мы (епископы) такъ должны жить; и тогда и объ насъ никто не станетъ худо говорить, хотя бы это былъ нашъ врагъ или невѣрный. Ибо кто ведетъ праведную жизнь, тотъ и у невѣрныхъ становится достойнымъ уваженія: истина и врагамъ заграждаетъ уста." Св. Златоустъ, какъ очевидно, имѣетъ здѣсь въ виду доброе свидѣтельство внѣшнихъ болѣе о нравственной жизни избираемаго; а Амвросіастъ—болѣе о житейскихъ добрыхъ его качествахъ: „Слѣдуя слову Господа, Апостолъ говоритъ, что имѣющій быть епископомъ долженъ имѣть доброе свидѣтельство и отъ внѣшнихъ; потому что вѣрный въ меньшемъ, будетъ вѣренъ и въ большемъ. Кто въ меньшемъ, т.-е. въ мірскихъ дѣлахъ и въ житейскихъ соотношеніяхъ невѣрнымъ оказывается, тотъ, нѣтъ сомнѣнія, будетъ невѣренъ и въ отношеніи къ Божественнымъ вещамъ. Напротивъ кто людямъ изъявляетъ вѣрность, тотъ тѣмъ болѣе будетъ изъявлять ее Богу."

Доброе свидѣтельство внѣшнихъ прежнее ли поведеніе избираемаго имѣетъ въ основаніи, когда онъ самъ былъ внѣшнимъ, или новое, когда онъ сталъ внутреннимъ, Апостолъ не указываетъ. Нечего потому и гадать объ этомъ. Было бы доброе свидѣтельство отъ внѣшнихъ, а когда и какъ оно образовалось, на это нечего смотрѣть. Тогда изъ обращающихся были многіе такіе, которые прежде жили зазорно; но сдѣлавшись христіанами, начинали жить безукоризненно, и вслѣдствіе того пріобрѣтали доброе о себѣ мнѣніе и среди тѣхъ, которые прежде зазирали ихъ жизнь. Такихъ еще ско-

рѣе слѣдовало избирать: ибо чрезъ то наияснѣйше представляемо могло быть взору всѣхъ благотворное дѣйствіе вѣры Христовой.

Да не въ поношеніе впадетъ и въ сѣть непріязнену. Это въ случаѣ, еслибъ избрали не имѣющаго добраго свидѣтельства отъ внѣшнихъ, и тѣмъ паче имѣющаго недоброе свидѣтельство. Но какое дѣло внутреннимъ до внѣшнихъ, когда они по совѣсти признаютъ избираемаго достойнымъ? Внѣшніе могутъ не знать его хорошо, или злонамѣренно клеветать на него. Будто и слѣдуетъ правду приносить въ жертву ихъ неправдѣ?! Не потому надо брать во вниманіе ихъ свидѣтельство, чтобъ жертвовать ихъ неправдѣ правдою; но, оставляя у себя и для себя правду правдою, т.-е., не измѣняя своего добраго мнѣнія о неимѣющемъ добраго свидѣтельства отъ внѣшнихъ, лучше не избирать его во избѣжаніе худыхъ отъ того послѣдствій. Св. Златоустъ говоритъ: „а если онъ будетъ оклеветанъ и случайно подвергнется несправедливому обвиненію?—Можетъ и это случиться.— Но въ такомъ случаѣ не должно его избирать изъ среды другихъ; ибо это внушаетъ большія опасенія.“

Опасности двѣ: *да не въ поношеніе впадетъ и въ сѣть непріязнену*.

Да не впадетъ въ поношеніе. Но онъ уже въ поношеніи, если не имѣетъ добраго свидѣтельства. Какого еще поношенія опасаться? Можетъ быть Апостолъ подъ: *да не въ поношеніе впадетъ* разумѣетъ—да не падетъ подъ тяжестію его, какъ въ—*не введи насъ во искушеніе*, разумѣется: не дай намъ пасть подъ тяжестію его. Пока, оставаясь частнымъ лицемъ, слышалъ онъ недобрые о себѣ отзывы, легко сносилъ ихъ, пропуская мимо ушей. А когда поставятъ его главою общества вѣрующихъ, тогда нелегко ему оставаться равнодушнымъ къ тому. Начнутъ его давить то стыдъ и предъ собою и предъ

своими и предъ чужими, такъ что и на люди показаться неохотно,—то досада, гнѣвъ и злость. Эти непріятныя движенія сердца и сами уже суть *сѣть непріязненная*,—по греч. του διαβολου,—діавольская. Но они могутъ для врага послужить поводомъ къ сплетенію еще болѣе опасной сѣти. Отяготившись и обезсилѣвъ, онъ можетъ, подъ дѣйствіемъ недремлющаго врага, бросить и епископство и самое христіанство, и „обратиться къ прежней беззаконной жизни“ (Ѳеод.).—Какъ такая опасность очень возможна,—опасность большая, а избѣжать ее очень легко, то благоразумнѣе такъ поступать, чтобъ не подвергать ей никого.

Или—*да не въ поношеніе впадетъ*, чтобъ не впасть еще въ большее поношеніе, которое съ него можетъ перейдти и на все общество вѣрующихъ и тѣмъ пресѣчь благоуспѣшное дѣйствіе Евангелія (Ѳеоф.). Что можно тоже назвать сѣтью вражьею: ибо сѣти устрояются то на вверженіе въ грѣхъ и пагубу, то на воспрепятствованіе расширенію круга добра. Соблазнъ для невѣрныхъ отъ поношенія епископа вѣрныхъ есть тоже сѣть діаволова.

б) *Свойства достойныхъ діаконства*. 3,—8—13.

Діаконы введены Апостолами съ самаго начала основанія Церкви. Первоначально имъ назначено было удовлетворять вещественныя нужды вѣрующихъ; но на этомъ дѣло не остановилось, ибо скоро видимъ св. Стефана проповѣдующимъ слово Евангельское. Если проповѣдь слова имъ позволяема или поручаема была; то тѣмъ паче не могло быть чуждо имъ служеніе при совершеніи Божественныхъ таинствъ. Отсюда можно положить, что діаконы были избираемы—быть помощниками пресвитерамъ и епископамъ въ ихъ служеніи

Церкви по всѣмъ частямъ,—и, какъ такіе, подобно имъ получали особую благодать чрезъ рукоположеніе. Судя по сему, нельзя не видѣть, сколь было необходимо, чтобъ и на сіе служеніе были избираемы лица достойныя; тѣмъ паче, что вступивъ на сію степень, они вступали на путь движенія и къ высшимъ степенямъ служенія Церкви, какъ здѣсь же и обозначается. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства требуемыя отъ избираемыхъ на сіе служеніе лицъ свойства сходны съ свойствами, требуемыми отъ избираемыхъ въ епископы или пресвитеры. Особенность видна только въ нѣсколькихъ чертахъ,—именно, что они должны быть прежде испытуемы и имѣть таинство вѣры въ чистой совѣсти, воодушевляясь къ доброму служенію чаяніемъ получить высшее служеніе. О епископахъ этого не говорится, потому что въ первомъ они уже испытанными являются къ избранію, и послѣднее получаютъ.—Часть служенія по церкви удобнѣе могла быть исполняема женщинами, какъ напримѣръ при крещеніи женъ и хожденіи за болящими изъ нихъ; для исполненія такого служенія были назначаемы діакониссы. Апостолъ не забылъ о нихъ сказать слово, — краткое, въ одномъ стихѣ, но много обнимающее.

Ст. 8. *Діакономъ такожде чистымъ, не двоязычнымъ, не вину многу внимающимъ, не скверностяжательнымъ.*

Бл. Ѳеодоритъ, какъ видѣли, полагаетъ, что выше словомъ—епископы—обозначаются пресвитеры. Но св. Златоустъ утверждаетъ, что симъ словомъ означаются епископы, а пресвитеровъ Апостолъ пропустилъ, давая судить о нихъ по епископамъ. „Сказавши о епископахъ и начертавъ ихъ образъ, и показавъ, что они должны имѣть, и чего избѣгать, Апостолъ опускаетъ чинъ пресвитеровъ и переходитъ къ діаконамъ. Почему такъ? Потому что не велико разстояніе между пресвитерами

и епископами. И первые получили тоже даръ учительства и также суть предстоятели церкви; поэтому тоже самое, что онъ сказалъ о епископахъ, приличествуетъ и пресвитерамъ. Ибо первые однимъ только тѣмъ отличаются отъ послѣднихъ, что совершаютъ рукоположеніе ихъ,—и въ этомъ одномъ заключается ихъ преимущество предъ пресвитерами.“ Тогоже мнѣнія и Экуменій съ Ѳеофилактомъ.—Приходитъ на мысль, не было ли такъ, что Апостолы поставляли только епископовъ, которые одни и совершали все по церкви. Пресвитеровъ же епископы избирали и посвящали въ помощь себѣ только въ такомъ случаѣ, если сами одни не могли всѣмъ управиться.

Діакономъ такожде. „То-есть, и имъ должно имѣть тоже самое, что и епископамъ. Что же это тоже самое?—То-есть, быть непорочными, цѣломудренными, страннопріимными, кроткими, не сварливыми, не сребролюбцами“ (св. Злат.). „И они да водятся такими же законами“ (Ѳеод.).

Чистымъ,—σεμνους,—честнымъ. „Они должны, говоритъ, кромѣ сказаннаго, имѣть и честность“ (Ѳеоф.). Σεμνος отъ σεβω—чту, благовѣинствую, въ религіозномъ порядкѣ,—означаетъ и того, кто достоинъ нѣкоего священнагб и благоговѣйнаго почитанія, и того, кто самъ благоговѣенъ, страха Божія исполненъ,—богобоязненъ. Разумѣется честность не житейская, а нравственная степенность и религіозное благоговѣинство.

Не двоязычнымъ,—μη διλογους,—не двусловнымъ,—„не говорящимъ одному одно, а другому другое, но украшающимъ языкъ истиною“ (Ѳеод.); или „не одно на умѣ держащимъ, а другое говорящимъ“ (Ѳеоф.). Какъ такого рода рѣчи, кромѣ неискренности, обличаютъ и нѣкое лукавство, то св. Златоустъ говоритъ: „*не двоязычнымъ*, то-есть, не лукавымъ, не хитрымъ.

Ибо ничто столько не дѣлаетъ человѣка безчестнымъ, какъ лукавство; и ничто столько не приноситъ вреда Церкви, какъ хитрость.“

Не вину многу внимающимъ. Много вину внимаетъ, кто любитъ выпить. Но „кому ввѣряется служеніе въ церкви, тѣмъ преимущественно надлежитъ освободиться отъ этой страсти“ (Ѳеод.). „Не сказалъ: не пьяницамъ (упивающимся), потому что это ужъ крайне грубо и низко. но: не многопійцамъ. Ибо хотя и не упивается кто, пьетъ однакожъ много,—все же настроеніе души его дѣлается никуда негожимъ. Древніе, вступая въ служеніе во святилищѣ, совсѣмъ оставляли употребленіе вина“ (Ѳеоф., Экум.).

Не скверностяжательнымъ. „Скверностяжатель не тотъ, кто, какъ предполагали, не чуждается получать какія либо выгоды, но кто охочь собирать выгоды съ вещей срамныхъ и крайне неприличныхъ“ (Ѳеод.), — или „кто не отказывается ни отъ какой выгоды, откуда бы она ни приходила. Принимай здѣсь скверностяжателя за скупаго любостяжателя и сребролюбца“ (Ѳеоф.). „Скверными стяжаніями достоитъ называть и тѣ, которыя заботливо пріобрѣтаются подъ видомъ благочестія“ (Амвр.). Послѣдняго тѣмъ паче надлежало опасаться въ діаконахъ, что ихъ дѣло было успокоить нуждающихся вѣрующихъ изъ церковнаго достоянія.

Ст. 9. *Имущимъ таинство вѣры въ чистѣй совѣсти*.

Таинство вѣры есть то, о коемъ ниже Апостолъ сказалъ: *исповѣдуемо велія благочестія тайна: Богъ явися во плоти... вознесеся въ славѣ* (— — 16). Богъ низшелъ на землю въ воплощеніи и устроилъ намъ дивный образъ спасенія. Таинство есть сіе, потому что непостижимо для насъ и по откровеніи и по устроеніи самымъ дѣломъ спасенія,—непостижимо и въ томъ, какъ это

совершено Богомъ воплощеннымъ, и въ томъ, какъ намъ дѣйственно усвояется и насъ спасаетъ. Пріемлется же сіе таинство вѣрою, что такъ несомнѣнно есть, такъ какъ Самъ Богъ все сіе и содѣлалъ и истолковалъ намъ, и что пріемлющій и дѣлающій все, какъ опредѣлено въ семъ образѣ спасенія. несомнѣнно получаетъ спасеніе.

Содержать такое *таинство вѣры въ чистѣй совѣсти* есть чисточердечно, по всей совѣсти, сему вѣровать, неколеблясь и нераздвояясь въ мысляхъ, глубокое во всемъ питая убѣжденіе и не допуская никакихъ противныхъ тому помышленій. Или такъ: совѣсть чиста, когда кто всеусильно дѣлаетъ все требуемое заповѣдями или исполняетъ всякую познанную волю Божію. Такая совѣсть всю душу освящаетъ и умиротворяетъ,— и дѣлаетъ ее сосудомъ пригоднымъ къ содержанію и храненію Божественнаго и пренебеснаго таинства вѣры. Апостолъ и внушаетъ, чтобъ избираемый въ діаконы въ такой чистой совѣсти содержалъ таинство вѣры, то-есть вѣруя и жилъ чисто и безукоризненно, и по внѣшнему поведенію и по внутреннимъ чувствамъ и настроеніямъ. Св. Златоустъ говоритъ: „этимъ Апостолъ показываетъ, что значитъ быть непорочнымъ.“ Бл. Ѳеодоритъ прибавляетъ: „быть подтверждающимъ вѣру дѣлами. Ибо чистою совѣстію Апостолъ назвалъ добрыя дѣла. Дѣлатель ихъ не уязвляется совѣстію.“ Бл. Ѳеофилактъ поясняетъ: „съ храненіемъ праваго догмата имѣющимъ и жизнь непорочную. Ибо чистою совѣсть бываетъ при непорочной жизни.“

Ст. 10. *И сіи убо да искушаются прежде, потомъ же да служатъ, непорочни суще.*

И сіи убо,—и будучи таковыми, или бывъ признаны такими, то-есть *имѣющими таинство вѣры въ чистой совѣсти,* и прочія показанныя выше добрыя качества,

да искушаются,—да подвергаются испытанію, въ которомъ они показали бы, что всѣ видимыя въ нихъ доброты глубоко лежатъ въ сердцѣ, составляя черты установившагося ихъ нрава, а не кажущееся нѣчто и случайное Можетъ быть испытанію сему подлежали они особенно со стороны способности къ исправленію дѣлъ діаконства,—благоразумны ли, распорядительны ли, внимательны ли: ибо многіе, обладая хорошими свойствами сердца, бываютъ очень неискусны въ веденіи внѣшнихъ дѣлъ. Это требованіе испытанія равносильно тому, что скажетъ онъ ниже; *руки скоро не возлагай ни на когоже* (—5, 22), - и тому, что сказалъ уже о епископахъ, да не будетъ онъ *новокрещенъ*. Такъ св. Златоустъ: „Смотри,—онъ и здѣсь говоритъ: *не новокрещену*. Ибо выраженіе: *и сіи да искушаются прежде*, тоже значитъ, что сказанное имъ о епископахъ.“ Тоже пишетъ и Ѳеофилактъ: „какъ, говоритъ, относительно епископа я требовалъ, чтобъ онъ былъ не новокрещенъ, такъ требую, чтобъ и эти не были допускаемы до служенія, не бывъ испытаны, но послѣ того, какъ, бывъ довольно потерты подъ испытаніемъ, окажутся безукоризненными: подобно тому, какъ (и въ житейскомъ быту) новокупленному рабу никто не поручитъ распорядительной какой либо должности, прежде чѣмъ онъ по времени окажетъ себя на то гожимъ.“

Потомъ же да служатъ,—διακονείτωσαν,—да допускаются до служенія, или лучше, да поставляются въ діаконы, — да вдіаконяются. Такъ бл. Ѳеодоритъ: „надобно, чтобы прежде испытана была жизнь ихъ, а потомъ уже сподоблялись они духовной благодати.“ *Непорочни суще*, — не „если непорочны,“ но будучи такимъ образомъ, или оказываясь послѣ сего безукоризненными во всѣхъ отношеніяхъ, ничего не имѣя

въ себѣ, чего не одобряла бы чья либо совѣсть изъ всего общества христіанъ.

Ст. 11. *Женамъ такожде чистымъ, не клеветливымъ, (не навадницамъ), трезвеннымъ, вѣрнымъ во всемъ.*

Подъ *женами* здѣсь не разумѣются ни женщины вообще, — потому что къ чему бы вставлять рѣчь о нихъ среди рѣчи о лицахъ служащихъ въ церкви? — Ни жены діаконовъ, потому что тогда стояло бы: женамъ ихъ. Но какъ рѣчь идетъ о лицахъ служащихъ церкви, то и подъ женами здѣсь надо разумѣть такія же лица изъ женскаго пола. Такими были діакониссы; о нихъ и слово. Такъ св. Златоустъ: „*женамъ*, т.-е. діакониссамъ. Нѣкоторые полагаютъ, что это просто сказано о женщинахъ; но это несправедливо. Ибо что могъ имѣть Апостолъ въ виду, вставляя въ среду своей рѣчи нѣсколько словъ о женщинахъ? Но онъ говоритъ здѣсь о такихъ женщинахъ, которыя облечены званіемъ діакониссъ. Объ нихъ прилично было сказать, что сказано. Ибо сіе званіе весьма нужно, полезно и достойно уваженія въ церкви“ (св. Злат.).

Такожде. „Что поставилъ въ законъ мужамъ, тоже почти самое поставляетъ и женщинамъ. Какъ діаконовъ нарекъ *честными*, такъ честными же нарекаетъ и діакониссъ; какъ тѣмъ предписалъ быть *не двоязычными*, такъ и симъ поставляетъ въ обязанность быть не клеветливыми; какъ тѣмъ узаконилъ *не вину многу внимать*, такъ и симъ повелѣлъ быть *трезвенными*“ (Ѳеод.).

Чистыми — и здѣсь, какъ выше честными, — σεμνας, — пользующимся уваженіемъ и благоговѣйнымъ.

Не клеветливымъ, — μη διαβολους, не навадницамъ, ложные распускающимъ слухи о другихъ, „которыя, какъ обычно старухамъ, ходятъ по домамъ и нашептываютъ той про эту“ (Ѳеоф.).

Трезвеннымъ,—*νηφαλίους,*—внимательнымъ къ себѣ и бодреннымъ. „Такъ какъ легокъ и удобопрельстимъ родъ сей, то не должно, говоритъ, имъ дремать, но быть бодренно-бдительными“ (Ѳеоф.). Это и въ отношеніи къ себѣ и въ отношеніи къ возлагаемымъ на нихъ дѣламъ.

Вѣрнымъ во всемъ,—„то-есть стойкимъ и въ словѣ, и въ дѣлахъ“ (Ѳеоф.), такимъ, на которыхъ во всемъ можно положиться, что вѣрно и точно исполнятъ все порученное и такъ, какъ поручено, что не выдадутъ ничего имъ ввѣреннаго, и своего даннаго слова никогда и никакъ не нарушатъ.

Ст. 12. *Діакони да бываютъ единыя жены мужи, чада добрѣ правяще и своя домы.*

Единыя жены мужи. „Видишь ли, что и отъ діаконовъ Апостолъ требуетъ тойже самой добродѣтели (что и отъ епископовъ)? Хотя они по сану и неравны епископу, однако должны быть столь же непорочны, столь же чисты“ (св. Злат.). „Разумѣть сіе должно по прежнему толкованію“ (Ѳеод.).

Чада добрѣ правяще и своя домы. „Сіе поставилъ въ законъ и называемымъ у него епископами“ (Ѳеод.). „Вездѣ онъ говоритъ объ управленіи дѣтьми, дабы прочіе не имѣли повода къ соблазну“ (св. Злат.).

Ст. 13. *Иже бо добрѣ служивше, степень себѣ добръ снискаютъ, и многое дерзновеніе въ вѣрѣ, яже о Христѣ Іисусѣ.*

Воодушевляетъ Апостолъ діакона къ доброму діаконствованію, обѣщая добрые отъ сего плоды и внѣшніе, и внутренніе, и по церкви, и по сердечному отношенію въ вѣрѣ къ Господу Іисусу. Предъ этимъ будто пропущено одно слово. Сказалъ, что достойный діаконства долженъ быть такой и такой, и кто окажется такимъ, того испытавъ, ставь въ діаконы. Ожидалось бы или:

и внушай ему, чтобъ добрѣ діаконствовалъ, или: ты же, діаконъ, добрѣ діаконствуй. Но это дается самимъ доразумѣть и говорится только: ибо добрѣ подіаконствовавшіе не безъ плода потрудятся. Воодушевленіе такое нужнымъ сочтено для діаконовъ потому, что служеніе ихъ многохлопотливо и многотрудно, и по душѣ и по тѣлу.

Добрѣ служившіи, — διακονήσαντες, — подіаконствовавшіе, діаконскую должность добрѣ исправлявшіе, *степень себѣ добръ снискаютъ*, — само собою разумѣется, — степень въ церковномъ служеніи, т.-е., послѣ діаконства удостоятся пресвитерства, а потомъ и епископства. Св. Златоустъ говоритъ: „онъ какъ-бы говоритъ: тѣ, которые показали себя бодренно усердными въ низшихъ степеняхъ, скоро достигнутъ и прочихъ (высшихъ).“ Въ началѣ сказалъ, что кто епископства желаетъ, добраго дѣла желаетъ. Теперь указываетъ, какая къ тому лежитъ дорога, именно, — доброе служеніе церкви въ діаконствѣ. И опытъ показалъ, что добрѣ діаконствовавшіе славны были потомъ и на степеняхъ пресвитерства и епископства (Ѳеоф.).

Это плодъ отъ добраго діаконствованія по положенію въ Церкви. По внутреннему преспѣянію отъ этого получится *многое дерзновеніе въ вѣрѣ, яже о Христѣ Іисусѣ*, т.-е. многое дерзновеніе предъ Господомъ, въ силу вѣры въ Него, — стяжутъ „великое совершенство (въ духѣ) и дерзновеніе въ вѣрѣ во Іисуса Христа“ (св. Злат.). „Кто же можетъ стяжать такое дерзновеніе, какъ не тотъ, кто съ вѣрою и живетъ праведно?“ (Экум.). Праведная жизнь діакона — доброе діаконствованіе. Церковь — домъ Господа Іисуса. Служа Церкви, Самому Господу служатъ. Но какъ въ житейскомъ быту, вѣрно и усердно работающій домовладыкѣ и доступъ къ нему имѣетъ и слово предъ нимъ должное не робѣетъ ска-

зать: такъ и вѣрно служащіе въ церкви, самою совѣстію своею уполномочиваются, смѣло воззрѣвать къ Господу и изрекать предъ Нимъ желанія сердца своего,—о себѣ и о вѣрующихъ. Достигшій сего усерднымъ трудомъ въ діаконствѣ есть уже достоинъ стоять на степени пресвитера и епископа, чтобъ дерзновенно возносить къ Господу ходатайственныя о сонмѣ вѣрующихъ молитвы.

3) *Какъ дѣйствовать на пасомыхъ и ихъ руководить,*— 3, 14—6, 19.

Здѣсь св. Павелъ сначала даетъ наставленія А) вообще о достодолжномъ пастырствованіи, — ученіи, назиданіи, руководствѣ, наиболѣе съ той стороны, какъ пастырю себя къ тому подготовлять и какъ-бы воспитывать,—3, 14—4, 16; а потомъ Б) указываетъ, какъ учить и руководить пасомыхъ, судя по ихъ разнымъ состояніямъ,—5—6, 19.

А) Общія наставленія о достодолжномъ пастырствованіи,—3, 14—4, 16.

Не будемъ напередъ указывать частныхъ въ семъ отдѣленіи подраздѣленій, а будемъ означать ихъ по теченію Апостольскаго слова.

а).

На первомъ мѣстѣ ставитъ св. Апостолъ указаніе, что единственный руководитель учителю истины въ истинѣ есть св. Церковь, и что первая истина ученія его есть: *Богъ явися во плоти.* — Но этому предпосылаетъ онъ нѣкое утѣшеніе любимому ученику своему,— недавно отъ него осиротѣвшему.

Гл. 3. Ст. 14. *Сія пишу тебѣ, уповая пріити къ тебѣ скоро.*

Сія пишу — не предыдущее только, но и послѣдующее, сіе посланіе пишу, *уповая пріити къ тебѣ скоро*. Послѣднія слова не ту внушали св. Тимоѳею мысль, будто св. Павелъ пишетъ только кое-что, гожее на время, пока придетъ, а когда придетъ, сообщитъ болѣе важное и полное. Ибо посланіе содержитъ важныя и подробныя наставленія. Напротивъ, они должны были служить для него утѣшеніемъ въ скорби, которую могла навѣять сія самая полнота и подробность наставленій. Видя это, св. Тимоѳей могъ подумать: вѣрно не воротится уже дорогой мой отецъ и любимый наставникъ,—подумать и начать скорбѣть. Въ предотвращеніе такого думанія и такой скорби Апостолъ удостовѣряетъ: *сія пишу*, не какъ прощальное завѣщаніе, но уповаю, что скоро и самъ къ тебѣ ворочусь. Св. Златоустъ говоритъ: „дабы чрезъ то, что дѣлаетъ ему наставленіе касательно такихъ предметовъ, не повергнуть ученика въ скорбь, Апостолъ говоритъ: не потому я пишу это, что уже больше не приду къ тебѣ; напротивъ, я приду. Впрочемъ, если случится, что замедлю, то, говоритъ, ты не сокрушайся объ этомъ. Такимъ образомъ онъ пишетъ сіе къ Тимоѳею съ тою цѣлію, чтобъ облегчить скорбь его; что же касается до прочихъ (имѣвшихъ читать посланіе Ефесеянъ, то это служило къ тому)—чтобы воздвигнуть ихъ отъ недѣятельности и сдѣлать болѣе ревностными. Ибо его присутствіе, хотя бы оно было только обѣщано, могло сдѣлать много.“

Ст. 15. *Аще же замедлю, да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть Церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины*.

Что подробное даю наставленіе, то это на случай, если замедлю. Тебѣ надобно знать, какъ слѣдуетъ жить и дѣйствовать среди вѣрующихъ, какъ архипастырю. Я и пишу тебѣ объ этомъ подробно. Хотя

ты все почти знаешь, видѣвши, какъ мы съ тобою благоустрояли церкви Божіи; но и тебѣ нужно напоминаніе, чтобъ освѣжая въ мысли, какъ все въ церкви бываетъ благообразно, ты увѣреннѣе соотвѣтственно тому дѣйствовалъ. не приходя въ смущеніе при сплетеніи обстоятельствъ и не сбиваясь отъ того съ должнаго пути. Но болѣе нужно это для другихъ, чтобъ видѣли, что ты получилъ заповѣдь именно такъ, а не иначе дѣйствовать, а не дѣйствуешь по своему произволу.

„Въ словахъ: *уповаю пріити... аще же замедлю* — Апостолъ обнаруживаетъ незнаніе; потому что такъ говорить свойственно незнающему" (св. Злат.). Св. Павелъ, какъ и всѣ Апостолы, ревностно и неутомимо дѣйствовалъ, исполняя возложенное на него дѣло: строилъ планы, обдумывалъ средства. Но при этомъ и ходъ дѣла и успѣхъ въ немъ предавалъ въ волю Божію, ко всякому задуманному шагу прилагая: аще волею Божіею, благопоспѣшенъ буду. Онъ все предавалъ водительству Божію, которое могло совсѣмъ другое дать направленіе его движенію, нежели какое онъ думалъ имѣть, какъ это уже не разъ испыталъ. „Почему, такъ какъ онъ во всемъ водился Духомъ и по своей волѣ ничего не дѣлалъ изъ того, что дѣлалъ, то и сказалъ такъ нерѣшительно" (св. Злат.). Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „ни Божественные Пророки, ни Богомудрые Апостолы не предвидѣли всего. Что служило на пользу, то и открывала имъ благодать Духа. Сіе означаетъ и незнаніе, выраженное въ настоящихъ словахъ Апостола. Ибо сказавъ: *уповаю пріити*, присовокупилъ: *аще же замедлю*. Ибо часто задерживала его какая нибудь потребность (или извѣщеніе свыше). Посему говоритъ: пишу это, научая, какъ должно вести себя тѣмъ, кому ввѣрено попеченіе о другихъ; потому что *домомъ Божіимъ* и *церковію* назвалъ онъ собраніе вѣрующихъ."

Како подобаетъ жити,—ἀναστρέφεσθαι,—обращаться,—себя держать, и съ другими сноситься и на нихъ дѣйствовать,—*въ дому Божіемъ*,—въ церкви или обществѣ вѣрующихъ. Пастырь пасетъ. Непасущій пастырь — какой пастырь? Его дѣло быть среди пасомыхъ и дѣйствовать: учить, назидать, исправлять, утѣшать, отрезвлять, защищать,—„упорядочивать церковь" (Амвр.), или стадо вѣрующихъ. Къ этому и направляются теперь наставленія Апостола. Сказанное предъ симъ есть какъ-бы предисловіе къ нижеслѣдующимъ наставленіямъ.

Домъ Божій, церковь Бога жива есть общество вѣрующихъ. Богъ вездѣ есть, но въ церкви Онъ есть особеннымъ образомъ,—есть внутрь каждаго изъ вѣрующихъ, а чрезъ то и въ цѣломъ сонмѣ ихъ,—тоже не внѣшно, но внутренно, всѣхъ животворя, одушевляя и объединяя, и ихъ другъ съ другомъ и всѣхъ съ Собою. Богъ Отецъ обѣтовалъ: *вселюся въ нихъ и похожду* (2 Кор. 6, 16). Богъ Сынъ удостовѣрилъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни* (Мө. 28, 20). О Духѣ Святомъ дано свидѣтельство: *храмъ Божій есте и Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16). Тріѵпостасный Богъ,—живый и зиждяй, — живетъ въ сонмѣ вѣрующихъ. въ тѣлѣ Церкви. Тайну сію открылъ Спаситель, говоря: *Азъ во Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 20),—прибавимъ изъ другихъ мѣстъ: благодатію и дѣйствіемъ Св. Духа. „Не говори, что церковь люди собрали. Она есть дѣло Бога,—Бога живаго и страшнаго, а не мертваго и немощнаго, каковы боги еллиновъ" (Өеоф.). „Она Богомъ устрояется, Богу посвящается и Бога имѣетъ живущимъ въ себѣ" (Экум.).

Но и Церковь особеннымъ образомъ имѣетъ Бога въ себѣ живущимъ, — не такъ какъ вещественный домъ своего владѣльца. Этотъ не состоитъ въ союзѣ съ жи-

вущимъ въ немъ и не чувствуетъ, какъ онъ живетъ. А Церковь, животворимая живущимъ въ ней Богомъ, сочетана съ Нимъ живымъ союзомъ и чувствуетъ живущимъ Его въ себѣ, чувствуетъ и то, что живетъ Имъ, — и что поэтому паче и есть домъ Его. Богъ творитъ Себѣ домъ изъ душъ, обращая ихъ къ Себѣ, очищая, освящая и преисполняя, и Собою всѣхъ исполняя, всѣхъ сочетаваетъ во едино, и живыхъ и отшедшихъ, и всѣхъ содержа въ живомъ между собою единеніи.

Сія-то Церковь есть столпъ и утвержденіе истины. Ибо есть Церковь Бога жива, который есть Богъ истины, или самая истина. Почему все въ ней истинно, — истинно исповѣданіе вѣры, истинно освященіе таинствами, истинно облагодатствованіе, истинна жизнь по Богу, Богомъ въ ней зиждемая, истинна помощь Божія, истинны обѣтованія, животворящія труждающихся въ домѣ Божіемъ, — все истинно въ ней; и въ другомъ гдѣ либо мѣстѣ не ищи истины. Есть подобія нѣкія истины и внѣ ея; но настоящая истина только въ ней. Возрадуйся и благослови Бога, истинствующаго въ Церкви, и тебя содѣлавшаго причастникомъ своей истины и сотаинникомъ ея!

Слова: *столпъ и утвержденіе* выражаютъ твердость, непреложность и неизмѣнность истины. Но Церковь есть собраніе человѣковъ, которые обычно измѣнчивы: какъ же она столпъ и твердыня истины? Церковь такою есть, яко домъ Бога живаго, единаго истинствующаго, и какъ союзъ человѣковъ обоженныхъ. Истинные сыны церкви — человѣки, но не какъ человѣки. Всѣ человѣки — не настоящіе, вслѣдствіе паденія, человѣки; а тѣ, которые вступаютъ въ Церковь, благодатію Божіею дѣлаются истинными человѣками. Истина водворяется во всемъ ихъ существѣ. Почему отъ нихъ

должна исходить одна истина. Сіе все творитъ живущій въ нихъ Богъ живый и истинный. Церковь есть столпъ истины, какъ твердо и непоколебимо стоящая въ истинѣ и хранящая ее,—есть утвержденіе (истины), какъ успокоительница умовъ, когда они взволнованы бываютъ пришедшею ложью. Потому обязательно то считать истиннымъ, что содержитъ вся Церковь, и возникающія недоумѣнія рѣшать голосомъ Церкви, выражаемымъ соборомъ пастырей.

Наши толковники между прочимъ проводятъ здѣсь ту мысль, что св. Церковь христіанская есть истина въ отношеніи къ церкви ветхозавѣтной, въ которой все было тѣнь ея.—Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „Церковь есть истины совмѣщеніе. Ибо все, въ ней совершаемое, истинно, а не сѣновидно, не образно, каково то, что въ церкви подзаконной: вмѣсто звонковъ въ ней свѣтлоблестящая проповѣдь; вмѣсто дорогихъ украшеній одеждъ (священныхъ) преславная жизнь, внутренними богатая плодами; архіерей въ ней – Сынъ Божій; великая жертва — Божественное Тѣло Его“ (сокращенно изъ св. Злат. и Экум.).

Ст. 16. *И исповѣдуемо, велія есть благочестія тайна: Богъ явися во плоти, оправдася въ Дусѣ, показася Ангеломъ, проповѣданъ бысть во языцѣхъ, вѣровася въ мірѣ, вознесеся во славѣ.*

Вотъ какой истины Церковь есть столпъ и утвержденіе: *Богъ явися во плоти!* Сію истину св. Церковь возвѣщаетъ и подтверждаетъ самымъ существованіемъ своимъ. Ибо она есть зданіе, коего основаніе есть Христосъ Господь (1 Кор. 3, 11); есть тѣло, коего глава есть Онъ же,—Богъ Слово, содѣлавшееся плотію. Какъ видящій живое тѣло, въ этомъ самомъ имѣетъ удостовѣреніе о главѣ, и видящій прочное зданіе—удостовѣреніе объ основаніи: такъ видящій Церковь удостовѣряется, что несомнѣнно *Богъ явися во плоти.*

Поминая о семъ, Апостолъ имѣлъ въ мысли представить вниманію, что эта истина не такова, что прячется въ какомъ либо безвѣстномъ уголкѣ, но истина повсюдная, повсюду возглашаемая и признаваемая, и на небѣ между Ангелами, и на землѣ между всѣми народами,—по всей твари она проповѣдуется, вѣруется, прославляется. Это нужно было представить, чтобъ въ умѣ св. Тимоѳея напечатлѣть неотложное требованіе: вотъ какой истины держись! Ею мѣряй всякое ученіе, и все несообразное съ нею отвергай.

Но впереди сего онъ счелъ нужнымъ указать, что это всюду возвѣщаемое не есть что либо легкое, никакой трудности къ принятію того не представляющее, а напротивъ есть тайна, и тайна великая: чѣмъ и вниманіе къ ней сильное возбуждалъ, и дорожить ею научалъ, и давалъ разумѣть, что ничего другаго большаго никто уже открыть и показать не можетъ.

И исповѣдуемо, велія есть благочестія тайна.—Благочестіемъ назвалъ Апостолъ нашу вѣру (Экум.) христіанскую; а *тайною благочестія* то, что сущность вѣры нашей сокровенна, и по причинѣ непостижимости ея, и по причинѣ сокровенности ея дѣйствія въ насъ. Зародилась она въ тайнѣ тріѵпостаснаго Бога прежде вѣкъ, и приведена въ исполненіе непостижимѣйшимъ для всѣхъ тварныхъ умовъ образомъ, и усвояется или причастными себя дѣлаетъ вѣрующихъ тоже сокровенно: ибо какъ *духъ, идѣже хощетъ, дышетъ, и гласъ его слышиши, но не вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ: тако есть всякъ рожденный отъ Духа* (Іоан. 3, 8). Сокровенно и то, чѣмъ завершается такое начало новаго рожденія, именно — живое общеніе съ Богомъ чрезъ Господа Спасителя благодатію Духа Святаго, общеніе, въ коемъ Богъ есть дѣйствуяй вся во всѣхъ (1 Кор. 12, 6), безъ нарушенія одна-

кожъ свободы и безъ отъятія цѣны и достоинства у дѣйствій ея.

Велика же сія *тайна* нашего *благочестія*, — и по лицу устроившему его, и по силамъ или средствамъ употребляемымъ для усвоенія его, и паче по концу, коимъ завершится дѣйствіе его, т.-е. обновленію неба и земли и возсіянію блаженнаго царствія Божія, — и велико *исповѣдуемо*; ибо только что кто узнаетъ о ней и обозритъ умнымъ окомъ все возвѣщаемое и обѣщаваемое ею, не можетъ удержаться, чтобъ не воззвать: велія тайна!—Безпрекословно и неудержимо всѣми исповѣдуется величіе ея. Самые невѣры, хотя не признаютъ истины вѣры нашей, не могутъ не признать, что содержаніе ея пренебесно, возвышенно,—выше и величественнѣе всего, что могли бы придумать самые великіе, ангельскіе умы.

Или—велика тайна, какъ тайна, яко глубоко таинственная и непостижимая, — и это *исповѣдуемо*, т.-е. безпрекословно всѣми признается она непостижимою, недомыслимою, неизслѣдимою, „не подлежащею взысканію,“ какъ говоритъ св. Златоустъ. Созерцая ее, какъ она открыта, изумляйся, какъ дѣлали всѣ святые, восходившіе къ такому созерцанію, исповѣдуя притомъ и величіе ея и непроницаемую таинственность. Проникнуть же во глубину ея не пытайся и не напрягай своего малаго ума, чтобъ и его не потерять.

Богъ явися во плоти...вознесеся въ славѣ. Апостолъ описываетъ или изображаетъ сію тайну не со стороны сущности ея, а со стороны явленія ея,—представляетъ все теченіе сего ея проявленія. Богъ подвигся съ неба и низшедши на землю, принялъ на Себя человѣческое плотяное естество, совершилъ великія знаменія и чудеса, даже въ самой смерти, понудившія увѣровать,

что Онъ есть воистину Богъ, вознесся на небо, срѣтенный, сопровождаемый, исповѣдуемый и прославляемый Ангелами, оттуда Духа Божественнаго ниспослалъ, которымъ просвѣщенные, укрѣпленные и воодушевленные Апостолы, прошедши всю землю, всѣмъ языкамъ возвѣстили о предивномъ семъ дѣлѣ, — явленіи Бога во плоти, и всюду насадили вѣру въ мірѣ, — каковое насажденіе и дало бытіе Церкви, *яже есть столпъ и утвержденіе истины* сей. Въ сихъ немногихъ словахъ Апостолъ совмѣстилъ все исповѣданіе вѣры нашей.

Богъ явися во плоти, не такимъ явленіемъ, какимъ являлся праотцамъ, но такимъ, въ коемъ *Слово-Богъ плоть бысть и вселися въ ны* (Ін. 1, 14),—съ человѣками почеловѣчески поживе, принявъ въ Свою ѵпостась наше плотяное естество, чтобъ совершить воплощенное домостроительство нашего спасенія, и потомъ навсегда уже пребыть Богомъ ненагимъ и человѣкомъ непростымъ, чтобъ и ходатайствовать о насъ выну. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „сущій Богъ и Божій Сынъ, имѣя невидимое естество, когда вочеловѣчился, содѣлался для всѣхъ явнымъ. Ясно же научилъ насъ Апостолъ о двухъ естествахъ, сказавъ, что естество Божіе явилось во плоти.“ „Воистину сіе есть *велія тайна,* говоритъ св. Златоустъ; потому что человѣкъ содѣлался Богомъ, Богъ человѣкомъ.“ Всѣ видѣли человѣка, но не могли не исповѣдать, что Онъ—Богъ. Такъ неотразимо печатлѣлось Имъ въ сознаніи всѣхъ, что *въ Немъ обитаетъ вся полнота Божества тѣлеснѣ* (Кол. 2, 9).

Почему вслѣдъ за симъ и говоритъ Апостолъ: *оправдася въ Дусѣ.* Было признано, что Онъ воистину, или праведно, есть то, чѣмъ Себя именовалъ, т.-е. Сынъ Божій и Богъ. Онъ явно всѣмъ говорилъ. что есть Сынъ Божій, равный Богу Отцу. Въ семъ словѣ Своемъ Онъ *оправдася*. Какъ? *Въ Дусѣ*, — проявленіями Боже-

скаго всемогущества, всевѣдѣнія и святости,—властію надъ природою видимою и надъ духами невидимыми. Слово *оправдася* никакъ нельзя къ Богу воплощенну прилагать въ такомъ же смыслѣ, какъ оно прилагается къ людямъ оправдываемымъ. „Какою правдою *оправдася* сама—Правда, *Солнце правды* по слову Малахіи (—4, 2), что означаетъ явленнѣйшую и чистѣйшую правду? Какъ таковый, Онъ не оправдывается, а оправдываетъ. Почему и Пророкъ сказалъ о Немъ: *Иже грѣха не сотвори, ниже обрѣтеся лесть во устѣхъ Его* (Ис. 53, 9)" (Экум.).—„*Оправдася въ Дусѣ* — значитъ, что Онъ Духомъ Божіимъ творилъ чудеса, какъ Самъ говоритъ: *аще ли Азъ о Дусѣ изгоню бѣсы* (Мѳ. 12, 28). Чудесами доказано и сдѣлано явнымъ, что Христосъ—истинный Богъ и Сынъ Божій. Такъ и сотникъ у креста, видя, что колеблется земля, и вселенная наполнилась мглою, воскликнулъ: *воистину человѣкъ сей Сынъ бѣ Божій* (Мр. 15, 39)" (Ѳеод.). Почему св. Іоаннъ свидѣтельствуетъ: *и видѣхомъ славу Его, славу, яко Единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14). Какъ это совершилось и у всѣхъ, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ св. Павелъ, — удостовѣряя, что бывшій отъ сѣмене Давидова по плоти нареченъ,—всѣми признанъ—Сыномъ Божіимъ *въ силѣ, по Духу святыни, изъ воскресенія отъ мертвыхъ* (Римл. 1, 4).

Показася Ангеломъ. — *Показася,* — ὀφθη, — узрѣнъ былъ. Ибо и Ангелы не видятъ Божескаго естества, какъ оно есть, а только въ проявленіяхъ Его. Слова Спасителя: *Ангелы... выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѳ. 18, 10), указываютъ на умное лицезрѣніе Бога, или видѣніе Его въ томъ, чѣмъ благоугодно Ему проявлять имъ Свое невидимое присутствіе. Но въ Господѣ Спасителѣ они узрѣли Его осязательнѣе. Въ глазахъ душа видна. Въ очахъ Богочеловѣка мо-

жетъ быть узрѣнъ Богъ и въ такой мѣрѣ, въ какой способны воспріять лучи сіянія Божества очи, смотрящія на Него. Св. Златоустъ и говоритъ: „слѣдовательно и Ангелы вмѣстѣ съ нами увидѣли Сына Божія, а прежде не видѣли Его. Поистинѣ великая тайна!" — Тоже пишетъ и Бл. Ѳеодоритъ: „невидимаго Божія естества не видѣли и Ангелы, увидѣли же воплотившееся." Ибо отъ самаго рожденія Бога во плоти до вознесенія были при Немъ, въ вознесеніи сопровождали Его и по вознесеніи окружаютъ престолъ Его. Блаженный Ѳеофилактъ пишетъ: „о, таинство! Съ нами и Ангелы увидѣли Сына Божія, не видѣвши Его прежде. Ибо, говоритъ Евангеліе, *се Ангелы приступиша и служаху Ему* (Мѳ. 4, 11). И не здѣсь только, но отъ самаго рожденія до вознесенія они служили Ему. Во время рожденія Ангелы поютъ пѣснь Ему и благовѣствуютъ о Немъ пастырямъ; и во время вознесенія служатъ Ему."

Или не разумѣетъ ли здѣсь св. Павелъ нѣкоего особаго явленія Господа Спасителя міру ангельскому по вознесеніи,—такого явленія, въ коемъ они узрѣли Богочеловѣчество во всей Его пренебесной славѣ. Что нѣчто подобное вѣроятно было совершено на небесѣхъ, на сіе указываютъ слова Апостола Павла: *егда же паки вводитъ перворѳднаго во вселенную, глаголетъ: и да поклонятся Ему вси Ангели Божіи* (Евр. 1, 6),—чему быть умѣстно было только по минованіи состоянія уничиженія и вступленіи въ славу, какая имѣема была *прежде міръ не бысть* (Іоан. 17, 5), — и слова Ап. Петра: *иже есть одесную Бога, возшедъ на небо, покоршимся Ему Ангеломъ и властемъ и силамъ* (1 Петр. 3, 22). — Такая мысль видна у Амвросіаста: „*показася* Ангеломъ, уже не въ уничиженномъ видѣ, но въ величіи силы и власти. Ибо Онъ до тѣхъ поръ видѣнъ

былъ въ смиренномъ зракѣ по причинѣ плоти, пока, побѣдивъ смерть, воскресъ изъ мертвыхъ, — и узрѣно было величіе Того, Кто бывъ рожденъ какъ человѣкъ, не былъ весь человѣкомъ. И Ангелы, познавъ таинство, прежде сокровенное и теперь явленное во плоти, преклонили колѣна предъ Нимъ, яко предъ Богомъ, благодареніе воздая."

Проповѣданъ бысть во языцѣхъ—Апостолами, коимъ дана заповѣдь *научить вся языки* (Мө. 28, 19), и кои *изшедше проповѣдаху всюду, Господу поспѣшствующу и слово утверждающу послѣдствующими знаменми* (Мр. 16, 20). Ко времени написанія сего посланія едва ли оставался языкъ, не слышавшій благовѣстія Евангелія. Языки, нѣкако отверженные и въ нечаяніе вложшіеся,— не народъ,—призваны въ народъ и, наряду съ народомъ, ущедрены всѣми сокровищами, сокрытыми въ воплощенномъ домостроительствѣ, которое чрезъ сіе является осчастливленіемъ всего человѣчества.

Вѣровася въ мірѣ. „По всей вселенной услышали о Немъ и увѣровали въ Него. На это указываетъ Пророкъ, когда говоритъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ* (Псал. 18, 5)" (св. Злат.). „Онъ не только *проповѣдася*, но и увѣровали въ Него; и отъ увѣровавшихъ пріемлетъ Божеское поклоненіе" (Өеод.). „Что служитъ великимъ знаменіемъ силы Проповѣданнаго, и истины проповѣди" (Өеоф.).

Вознесеся во славѣ. „Хотя совершилось сіе прежде проповѣди; но Апостолъ отнесъ это на конецъ, научая, что справедливо увѣровали проповѣди; потому что повелѣвшій проповѣдывать — на небесахъ, и имѣетъ сѣдѣніе одесную" (Өеод.). Но въ какой славѣ вознесеся? — Хотя „самое то — вознестися, преславно" (Экум.); но надо полагать, что вознесеніе Господне было сопровождаемо особою нѣкоею славою, не видѣн-

ною людьми, но узрѣнною Ангелами и воспѣтою ихъ славословіемъ. Въ моментъ вознесенія видимъ присущими Ангеловъ, которые Апостоламъ возвѣстили только о будущемъ явленіи Господа во славѣ, сами конечно и видя и воспѣвая ее въ сіе самое время. Они были оторваны на мгновеніе отъ торжества, бывшаго въ ту минуту въ міру Ангельскомъ. А что оно было, о семъ даютъ разумѣть всѣ мѣста, говорящія о прославленіи Господа по воскресеніи и вознесеніи. Ангельскій міръ получалъ теперь новое устройство и торжествовалъ вступленіе на него. Духъ Божій открылъ о семъ Апостоламъ,—и они сказали о семъ намъ.

Такова великая тайна нашего благочестія, и вмѣстѣ сила воплощеннаго домостроительства, по всему пространству вселенной возвѣщаемая, исповѣдуемая и дивно дѣйствующая. Она—основаніе Церкви, которая въ силу сей тайны ей ввѣренной и есть столпъ и утвержденіе истины. Она—основаніе спасенія всякаго вѣрующаго. Спасеніе зачинается воспріятіемъ ея, зрѣетъ подъ дѣйствіемъ ея и завершается вступленіемъ спасаемаго въ самое сердце ея. Вѣрующему чаще надлежитъ поминать о ней, нежели какъ часто дышетъ. Это будетъ пренебеснымъ свѣтомъ обливать и его жизнь и все сущее; отсюда воодушевленіе, отсюда нравственная крѣпость, отсюда окрыляющая надежда. Но, какъ замѣчаетъ св. Златоустъ, вѣрующіе, не въ похвалу себѣ, не совсѣмъ являются вѣрными въ семъ отношеніи. „Замѣть, говоритъ онъ, что св. Павелъ промышленіе Божіе о насъ (въ воплощенномъ домостроительствѣ) вездѣ называетъ тайною,—и справедливо. Ибо она не была извѣстна, даже и Ангеламъ не была открыта; объявлена же уже Церковію.—Будемъ же жить сообразно съ достоинствомъ сей тайны. Тѣ, которымъ довѣряются тайны, въ нѣкоторомъ смыслѣ

великіе люди. Еслибы царь ввѣрилъ намъ какую либо тайну, то скажи мнѣ, ужели бы мы не почли этого признакомъ великаго къ намъ благоволенія? Между тѣмъ нынѣ Богъ ввѣряетъ намъ Свою тайну, — и мы, какъ будто не великое сдѣлано для насъ благодѣяніе, остаемся неблагодарны къ Благодѣтелю. Вострепещемъ, — что остаемся нечувствительны къ сему благодѣянію!"

Св. Тимоѳею напомнилъ Апостолъ о сей тайнѣ, указывая ему въ ней неистощимый предметъ для бесѣдъ съ вѣрными и вмѣстѣ сильное орудіе для нравственнаго ихъ управленія. Но по теченію рѣчи видно и то, что помянуть о ней имѣлъ онъ нужду, чтобъ дать своему намѣстнику норму истины, какъ мѣрку для оцѣнки привходящихъ ученій, говоря какъ-бы: все несообразное съ нею, въ какомъ бы то ни было отношеніи, отвергай нещадно, какъ ложь, или примѣсь лжи. Что таково было намѣреніе св. Павла, можно гадать по тому, что вслѣдъ за симъ онъ предсказываетъ имѣющее появиться ложное ученіе.

б).

Предсказывая это, Апостолъ аа) характеризуетъ лжеучителей 4, 1. 2, бб) указываетъ нѣкоторые предметы лжеученія,—ст. 3, и вв) обличивъ неосновательность его,—ст. 3—5, гг) возлагаетъ на св. Тимоѳея долгъ, истолкованіемъ сего вооружать вѣрующихъ противъ такого будущаго лжеученія,—ст. 6.

аа).

4, 1. *Духъ же явственнѣ глаголетъ, яко въ послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ и ученіемъ бѣсовскимъ.*

Въ этомъ стихѣ опредѣляется умовая сторона лжеучителей, и именно, откуда они позаимствуютъ свое лжеученіе, а въ слѣдующемъ,—нравственная, именно, каковы они въ отношеніи къ совѣсти. То и другое, хотя крайне обличительно, но можетъ быть относимо ко всѣмъ лжеучителямъ, съ рѣдкими исключеніями.

Духъ, явственно глаголющій, есть Духъ Святый, пребывавшій въ Апостолахъ и преизобильно исполнявшій ихъ св. дарами Своими, напоминавшій имъ бывшее и предуказывавшій имѣвшее быть,—все въ отношеніи къ царству Божію. Онъ и св. Павлу открылъ, что имѣло быть по сихъ; а св. Павелъ открытое Св. Духомъ судилъ нужнымъ сообщить вѣрующимъ. Слова: *Духъ глаголетъ,* „равно боголѣпны, какъ и выраженія (пророческія): *сія глаголетъ Господь,*—и: *сія глаголетъ Богъ Саваоѳъ*“ (Ѳеод.). „Не умалчиваетъ же Апостолъ объ открытомъ Духомъ Святымъ будущемъ въ назиданіе и предостереженіе церквей; чтобъ предувѣдомленныя о семъ церкви заботливую держали осмотрительность, какъ бы не обошли ихъ такіе люди“ (Амвр.).

Кому Духъ глаголетъ, — св. Павлу, или всюду по церквамъ? Были случаи, что глаголаніе Духа шло по церквамъ Божіимъ, и Апостолъ слышалъ его уже отъ церквей. Таково было свидѣтельство Духа объ ожидавшихъ Апостола въ Іерусалимѣ узахъ, слыша о коемъ Апостолъ говорилъ: не знаю, что такое будетъ (Дѣян. 20, 22. 23; 21. 11). Но были случаи, когда Духъ явственно самому Апостолу глаголалъ. — Такъ Онъ возбранилъ ему глаголать слово во Асіи, и не позволилъ пойти въ Виѳинію (Дѣян. 16, 6. 7). Въ настоящемъ случаѣ можно допустить то и другое: и по церквамъ шелъ глаголъ сей, и св. Павелъ его слышалъ отъ Духа Св. И слышалъ *явственнѣ,* ρητως, — членораздѣльнымъ словомъ изреченный глаголъ. Какъ? И

въ ушахъ могъ онъ отзываться, и печатлѣться прямо въ умѣ и сердцѣ, но тоже опредѣленнымъ словомъ. Прибавилъ же такое слово,—ρητως,—Апостолъ, чтобъ дать знать, что свидѣтельство Духа о семъ „очевидно, ясно, безпрекословно, такъ что вовсе не остается мѣста сомнѣнію“ (св. Злат.).

Такъ знайте навѣрно, говоритъ, что въ *послѣдняя времена отступятъ нѣцыи отъ вѣры.—Послѣдняя времена* не тѣ, что будутъ предъ концемъ міра и вторымъ пришествіемъ Христовымъ, — а тѣ, кои будутъ послѣ насъ,—послѣдующія. *Отступятъ* прямо значитъ: оставятъ вѣру Христову и сдѣлаются нехристіанами, какъ Юліанъ отступникъ. Но, судя по указаннымъ ниже предметамъ лжеученія грядущаго, можно положить, что это отступленіе будетъ отъ чистоты вѣры христіанской. Лжеученіе зародится между христіанами и изъ христіанскихъ началъ, неправо понятыхъ и криво истолкованныхъ человѣческимъ суемудріемъ помимо голоса Церкви. И лжеучители и увлеченные ими будутъ считать себя христіанами, и даже совершеннѣйшими изъ христіанъ, какъ оказалось потомъ.

Но эти, отступить имѣющіе, сами же и лжеучителями будутъ, или лжеучители будутъ особо, ниже характеризуемые, а здѣсь говорится только о тѣхъ, кои увлечены будутъ ихъ лжеученіемъ? — *Отступятъ*: указываетъ прямо на имѣющихъ отступить по увлеченію другихъ; но въ объясненіи, какъ они отступятъ, нельзя не видѣть изображенія и того, какъ отступятъ и самые увлекатели къ отступленію. То и другое будетъ. У однихъ, суемудрыхъ, зародится лжеученіе; отпадши по причинѣ его отъ единости вѣры, и чрезъ то отъ единаго тѣла Церкви, они и другихъ, нетвердыхъ въ вѣрѣ, увлекутъ. Это св. Павелъ предсказалъ Ефесянамъ гораздо прежде, въ рѣчи, которую держалъ къ

пресвитерамъ ихъ, прощаясь съ ними въ Милетѣ: *внидутъ волцы тяжцы въ васъ, не щадящіи стада. И отъ васъ самѣхъ востанутъ мужіе глаголющіи развращенная, еже отторгати ученики въ слѣдъ себе* (Дѣян. 20, 29. 30). Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Апостолъ показалъ, что нѣкоторые, сперва присоединясь къ церковному тѣлу, впослѣдствіи станутъ учителями лжи. Ибо сіе значатъ слова: *отступятъ нѣцыи отъ вѣры, внемлюще духовомъ лестчимъ.*" И св. Златоустъ говоритъ: „будетъ время, говоритъ Апостолъ, когда тѣ, которые сдѣлались причастниками вѣры, станутъ дѣйствовать достойно осужденія, подавая гибельные совѣты не только касательно пищи, но и касательно браковъ, и всего тому подобнаго."

Внемлюще духомъ лестчимъ. Вотъ какъ зарождаться будетъ лжеученіе и происхожденіе отступленія! Двѣ силы будутъ влечь къ отступленію: духи лестчіи и ученіе бѣсовское; то—свнутри, а это совнѣ. Станутъ внимать духамъ лестчимъ, примутъ ложныя воззрѣнія, признаютъ ихъ истинными, и отступятъ отъ вѣры, истину возвѣщающей относительно того, о чемъ они приняли ложныя воззрѣнія и убѣжденія. Отступленію отъ вѣры видимому, отпаденіемъ отъ церкви выражаемому, предшествуетъ отпаденіе отъ ней внутреннее, происходящее отъ согласія на несообразныя съ вѣрою внушенія духовъ лестчихъ. *Лестчіе духи*—это нечистыя силы, слуги отца лжи, демоны или бѣсы. Лестчими названы, потому что увлекаютъ въ ложь лестію, прельщеніемъ, обманомъ. Прикрываютъ ложь видимостію истины и увлекаютъ. Но какъ?—непосредственно сами, или чрезъ другихъ людей? — Апостолъ не различаетъ этого, а указываетъ только, откуда ложь. Вонмутъ, говоритъ, духамъ лестчимъ, и отступятъ отъ вѣры. Можно такъ положить: замѣтивъ лица, болѣе падкія на новости, духи лжи внутренно собьютъ ихъ съ пути

истины къ отступленію, а потомъ другихъ станутъ увлекать при помощи ихъ, и внѣшно, чрезъ слово ихъ лжеучительное, и внутренно, чрезъ обольщеніе въ помыслахъ. Какъ и увлеченіе сихъ послѣднихъ, или окончательное ихъ согласіе на ложь не обходится безъ внутренняго воздѣйствія духовъ лестчихъ, то Апостолъ это напередъ и выставляетъ на видъ, какъ источное начало отпаденія отъ истинной вѣры въ ложь. Тутъ тоже бываетъ, что и при паденіяхъ въ грѣхъ. Ко грѣху и примѣры другихъ, и свои нѣкіе позывы влекутъ; но самое увлеченіе и паденіе не обходится безъ участія нечистыхъ силъ. Онѣ отуманиваютъ умъ и призрачными прелестями окружаютъ грѣхъ; и воля склоняется на грѣхъ. За этимъ внутреннимъ паденіемъ слѣдуетъ уже и внѣшнее. Такъ и въ отпаденіи отъ вѣры,—полномъ или въ нѣкоторыхъ только пунктахъ,—участвуютъ и свои соображенія, и рѣчи другихъ; но окончательное согласіе на принятіе лжи и послѣдованіе ей не обходится безъ отуманенія духами лжи, которые, прикрывая ложь обольстительною видимостію истины, исторгаютъ это согласіе на нее. Что и выражаетъ Апостолъ словами: *внемлюще духовомъ лестчимъ*.

Ученіемъ бѣсовскимъ Апостолъ назвалъ тотъ образъ воззрѣнія на христіанство, который составляется внутри подъ дѣйствіемъ духовъ лестчихъ, и затѣмъ облекаясь въ соотвѣтственныя выраженія, ходитъ среди людей въ видѣ особаго нѣкоего ученія, какъ соблазнъ и влеченіе къ отступленію отъ истины въ ложь. Бѣсы нападаютъ, въ сознаніи вѣрующихъ, сначала на одну какую сторону вѣры, въ которой имъ легче представить кажущуюся несостоятельность истины, и призрачную состоятельность противоположной ей лжи. Успѣвши въ этомъ, они затѣмъ научаютъ и тому, какъ по духу сей лжи перестроить и все христіанское ученіе.

Когда это состоится и сформированное воззрѣніе получитъ свое выраженіе и строй, — лжеученіе готово. Бѣсы разжигаютъ послѣ сего наученныхъ ими ревностію будто по истинѣ Божіей, — и они неудержимо стремятся распространять внушенное имъ духами лестчими лжеученіе. Внемлющій ему внемлетъ бѣсовскому ученію, потому что оно отъ нихъ получило начало. При этомъ и бѣсы не дремлютъ, но спѣшатъ прямо дѣйствовать соблазнительно на душу, въ которую входъ открываетъ имъ изъявленное къ ихъ лжеученію вниманіе. Таковъ второй дѣйствователь во влеченіи вѣрующихъ къ отступленію отъ вѣры. Какое нелестное происхожденіе лжеученія и ревности лжеучителей! „Демонамъ внимая, пишетъ Ѳеофилактъ, лжеучители охуждали иныя яства и бракъ. Впрочемъ Апостолъ разумѣетъ при семъ и всѣ другія ереси; ибо всѣ онѣ отъ прелести духовъ лжи и ученія бѣсовскаго.“ Амвросіастъ же наводитъ изъ сего: „что лучше можно было напередъ сказать о лжеучителяхъ, и лжеученіи, чтобъ побудить избѣгать ихъ или паче осуждать, какъ назвавъ ихъ воззрѣніе прелестію и ихъ ученіе бѣсовскимъ? Послѣ сего, услышавъ рѣчи, противныя истинѣ, всякій уже зналъ, что это есть ученіе бѣсами сложенное, какъ предсказалъ чрезъ Апостола Духъ Святый.“ — И въ этомъ, конечно, имѣлъ самое сильное побужденіе отвращать отъ него слухъ свой.

Ст. 2. *Въ лицемѣріи лжесловесникъ, сожженныхъ своею совѣстію.*

Какъ успѣваютъ распространители бѣсовскихъ ученій увлекать въ слѣдъ себя?—Лицемѣрствомъ. Принимаютъ видъ людей нѣкако особенныхъ, постигшихъ всю премудрость, одѣваются въ личину святости, — и тѣмъ расположивъ къ себѣ слушающихъ, дѣлаютъ то, что сіи охотно пьютъ ядъ ихъ лжеученія, и увлека-

ются. Это и выразилъ Апостолъ словами: *въ лицемѣріи лжесловесникъ*. Лжесловесниками назвалъ ихъ св. Павелъ потому, что въ ихъ ученіи, яко ложномъ, только слова и слова, и ничего отвѣчающаго дѣйствительности, какъ и въ призракахъ. Далѣе, такъ какъ ложь не можетъ держать въ должномъ напряженіи нравственныя силы, то лжесловесники сіи естественно послабляютъ себѣ во многомъ, даже и въ тѣхъ вещахъ, которыя, какъ недолжныя, запрещаются ихъ ученіемъ,— чего однакожъ явно дѣлать не могутъ, потому что это подрывало бы ихъ учительскій вѣсъ и самое ученіе. Отсюда неизбѣжно у нихъ лицемѣріе, или забота казаться святыми и непорочными при несвятой и не-непорочной жизни. Это одна сторона лицемѣрія. Къ ней, можно сказать, неизбѣжно присоединяется и другая, именно: когда допускаются дѣла, противныя ученію, тогда ослабляется или совсѣмъ исчезаетъ убѣжденіе въ состоятельнссти самаго ученія въ душѣ проповѣдующаго его, и дѣлается онъ тогда проповѣдующимъ безъ убѣжденія или лицемѣрнымъ учителемъ. Эту сторону особенно и выставляютъ наши толковники при сихъ словахъ Апостола. „*Въ лицемѣріи*, пишетъ Экуменій, значитъ: въ хитрости и лукавой изворотливости, по которой, и зная, что сготовленные ими догматы ложны, ухитряются свое лжесловесіе представлять въ видѣ истины.“ Тоже у Ѳеофилакта: „о чемъ они лжесловятъ, не по невѣдѣнію лжесловятъ, но зная, что то ложно, притворно учатъ тому, какъ истинному“ (изъ св. Злат.). Бл. Ѳеодоритъ беретъ общѣе: „возложивъ на себя имя христіанъ, учатъ совершенно противному.“

Поминаетъ св. Павелъ о такомъ лицемѣріи въ предотвращеніе будущихъ отступленій отъ вѣры. Ибо ничто такъ не отвращаетъ отъ учителей, какъ усмотрѣніе въ нихъ лицемѣрства.

Сожженныхъ своею совѣстію. Лицемѣріе и вовнѣ отчасти видимо, а сожженіе совѣстію—совсѣмъ внутреннее дѣло. Только въ послѣднихъ степеняхъ оно обнаруживается нѣкоторымъ дерзкимъ безстыдствомъ въ преслѣдованіи недобрыми сознаваемыхъ цѣлей. Всяко однакожъ Апостолъ поставилъ на видъ и эту характеристическую черту лжеучителей, въ предотвращеніе увлеченія въ слѣдъ ихъ, въ такой мысли: замѣтишь лицемѣріе, присмотрись и увидишь сожженіе совѣстію; а коль скоро это замѣтишь, то чего добраго можешь ожидать отъ такихъ людей?

Сожженіе совѣстію подаетъ двѣ мысли: или ту, что у нихъ совѣсть сожжена, или ту, что они обожжены совѣстію. Сама совѣсть никогда не сгараетъ; но душа можетъ дойти до такого нечувствія къ ея внушеніямъ и обличеніямъ, что совѣсти будто нѣтъ, сгорѣла. Лжеучители представляются Апостоломъ живущими несогласно съ ученіемъ, и учащими словомъ несогласно съ убѣжденіемъ. Этого совѣсть не могла оставлять безъ обличеній, и конечно обличала ихъ. Если теперь несмотря на это продолжаютъ жить и дѣйствовать все въ томъ-же духѣ, то очевидно, что совѣсть уже заглушена ими, или они стали глухи къ ея внушеніямъ,—тоже что сожжены. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „*сожженными совѣстію* назвалъ ихъ Апостолъ, показывая крайнюю ихъ безсовѣстность; потому что прижигаемое мѣсто, омертвѣвъ, теряетъ прежнюю чувствительность.“

Можно сожженіе совѣстію понимать, какъ обожженіе, или вѣрнѣе нажженіе совѣстію. Къ этому подаетъ поводъ греческое: κεκαυστηριασμένων. Καυστηριάζειν значитъ нажигать знакъ. На востокѣ на животныхъ хозяева нажигаютъ знаки, по которымъ и они сами и другіе признаютъ, что это ихъ животныя. Подобные знаки на челѣ сознанія лжеучителей нажигаетъ и со-

вѣсть, такъ что имѣющіе очи видѣть видятъ и познаютъ, что они принадлежатъ къ числу виновныхъ, и здѣсь достойныхъ осужденія, и готовыхъ къ осужденію тамъ, на судѣ Божіемъ,—носятъ осужденіе сами въ себѣ. Блаженный Ѳеофилактъ пишетъ: „поелику они знали за собою много нечистаго, то совѣсть имѣла въ нихъ нажженные знаки ихъ нечистой жизни" (тоже и у Экум.). Поясняетъ сіе Амвросіастъ: „какъ нажегъ повреждаетъ кожу и напечатлѣваетъ знакъ, такъ и совѣсть намѣчаетъ лжеучителей въ пагубу, за ихъ лживость, по коей они лукаво одно держатъ въ умѣ, а другое выражаютъ въ словѣ. Апостолъ даетъ разумѣть, что такіе не могутъ измѣниться на лучшее, чтобы спастись: ибо какъ нажегъ (на животныхъ) не можетъ измѣниться, такъ и ихъ душа исправиться. Нѣтъ ничего хуже лицемѣрія."

66).

Ст. 3, 1 полов. *Возбраняющихъ женитися, удалятися отъ брашенъ.*

Только два предмета изъ всего лжеученія указываетъ, вѣроятно потому, что они, какъ явные, рѣзче выдаваться имѣли изъ ряда другихъ, не такъ явныхъ, и притомъ ясно указывать на начала, на которыхъ построено будетъ все лжеученіе; съ нихъ можетъ быть лжесловесники начинать имѣли и рѣчь совратительную; и успѣвши уже сбить съ толку въ этихъ пунктахъ, переходить къ изложенію всего лжеученія и особенно своихъ злыхъ началъ.

Воздерживаться отъ брака и яствъ само по себѣ не укорно; укорно это можетъ быть только по тѣмъ мыслямъ, съ какими дѣлается. Вѣрно по началамъ лжесловесниковъ тѣхъ выходило, что бракъ и нѣкоторыя яства нечисты. Кто бы сталъ воздерживать-

ся отъ нихъ въ этомъ духѣ, тотъ изрекалъ бы хулу на Создателя всяческихъ. Блаж. Өеодоритъ пишетъ: „они мерзкими называютъ и бракъ и большую часть яствъ, въ поруганіе Создателю оныхъ, Который сотворилъ сіе для употребленія (незазорнаго).“ Почему такого рода воздержаніе Апостолъ называетъ укорнымъ, и предостерегаетъ отъ него.

Въ какомъ духѣ и по какимъ побужденіямъ вѣрующимъ можно воздерживаться отъ брака, это указалъ Апостолъ въ первомъ посланіи къ Коринөянамъ (гл. 7). Тамъ же указалъ онъ, что и воздерживаться отъ всего подобаетъ подвизающемуся, подавая самъ примѣръ тому (1 Кор. 9, 25. 27). Погрѣшали лжесловесники не тѣмъ, что внушали безбрачіе и воздержаніе, а тѣмъ, что то и другое обращали въ неотложный законъ и притомъ по ложнымъ началамъ. Это и осуждаетъ Апостолъ. Онъ „не безбрачіе и воздержаніе отвергаетъ, но обвиняетъ принуждающихъ вмѣнять сіе въ законъ“ (Өеод.); будто прачащающіеся ихъ потому самому уже нечистыми бываютъ и становятся въ рядъ погибающихъ.

Бл. Өеофилактъ ставитъ вопросъ: „что же? — Мы развѣ не возбраняемъ брачиться?“—И отвѣчаетъ: „никакъ. Но тѣхъ, которые не хотятъ брачиться, направляемъ къ храненію дѣвства, внушая, что оно честнѣйше есть. Но отсюда не слѣдуетъ, что бракъ уже безчестенъ; подобно тому, какъ изъ того, что золото честнѣйше есть, не слѣдуетъ, что серебро нечестно. Да и вообще честнѣйшее потому есть честнѣйше, что оно честнѣе честнаго, и лучшее — лучше хорошаго, а не худаго. Итакъ могущій пусть емлется за золото дѣвства; а кто не можетъ этого, пусть принимаетъ серебро брака.“

Кто такіе эти лжеучители?—Отъ нѣкоторыхъ яствъ воздерживались іудеи. Но они имѣли опредѣленную о

томъ заповѣдь, и пока оставались іудеями, не могли иначе дѣйствовать. Св. Павелъ въ другихъ посланіяхъ и не укоряетъ ихъ за это, а только учитъ, что теперь уже храненіе сего закона не своевременно. Но, какъ видится, въ настоящемъ мѣстѣ не ихъ разумѣетъ Апостолъ, а такихъ, которые воздерживались не по Божіей заповѣди, но по своему суемудрію, хотя можно почесть вѣроятнымъ, что примѣръ воздержанія отъ яствъ они позаимствовали у іудеевъ и даже по его поводу построили свое лжеученіе. Итакъ возбраненіе яствъ хотя нѣкоею малою частію можно почесть опирающимся на іудействѣ, не въ духѣ однакожъ іудейскомъ. Что же касается до возбраненія брака, то ему ни іудейство, ни язычество не могло подать повода и опоры. Это нѣчто совсѣмъ новое. Откуда же оно? — Не есть ли оно, можетъ быть, порожденіе лжеученія, вкрадывавшагося въ Колоссы и ходившаго по Фригіи, въ которомъ выдающимся пунктомъ стояло непощадѣніе плоти (Кол. 2, 23)? Къ нему очень естественно было придать возбраненіе брака,—что Ефесеяне и сдѣлали.

Изъ слова—*возбраняющихъ*, нельзя прямо заключать, что это было уже на дѣлѣ, теперь дѣлалось; ибо по связи съ предыдущею рѣчью это можетъ означать и: имѣющихъ возбранять. Но нельзя не признать, что начатки уже были; уже ходило такое ученіе, но было еще безсильно и по малочисленности послѣдователей и можетъ быть по неустановленію всей системы. То и другое еще ожидалось въ будущемъ; Апостолъ и предостерегаетъ. Изъ открывшихся послѣ ересей можно видѣть здѣсь указываемыми Манихеевъ, Энкратитовъ, Маркіонитовъ. Такъ св. Златоустъ и всѣ другіе наши толковники.

Грамматически: *возбраняющихъ... удалятися отъ брашенъ* прямо значило бы: требовали не удаляться отъ брашенъ, то-есть, принимать всякую пищу беззазорно.

Но это противно было бы мысли Апостола. Почему надобно сіе понимать такъ, какъ-бы стояло: „возбраняющихъ женитися и повелѣвающихъ удалятися отъ брашенъ“ (Өеоф.). Экуменій приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ еллинскихъ писателей, чтобъ показать, что въ словахъ Апостола не ошибка, но что и аттической рѣчи свойственно такъ выражаться.

вв).

Ст. 3, 2 полов. *Яже Богъ сотвори въ снѣденіе со благодареніемъ вѣрнымъ и познавшимъ истину.*

Указавъ нѣкоторые предметы лжеученія, св. Павелъ тутъ же коротко, но рѣшительно обличаетъ его несостоятельность,—останавливая впрочемъ вниманіе только на послѣднемъ, на запрещеніи яствъ. Первое же — запрещеніе жениться не удостоиваетъ вниманія, вѣроятно потому, что нелѣпость его для всякаго сама собою очевидна: ибо еслибъ обобщилось, прямо повело бы къ прекращенію существованія рода человѣческаго. Амвросіастъ и пишетъ: „о томъ, что родились, не скорбятъ, а браки запрещаютъ,“ — являясь человѣконенавистниками. Можетъ быть и потому мимошелъ Апостолъ сей предметъ лжеученія, что онъ только зараждался, выступалъ робко, между тѣмъ какъ заблужденіе относительно употребленія яствъ ходило уже открыто по церквамъ, вносимое впрочемъ іудействующими въ иномъ смыслѣ, нежели какъ этими Ефесскими лжеучителями. На него и напираетъ Апостолъ, оставляя первое въ сторонѣ. Св. Златоустъ замѣчаетъ между прочимъ, что „Апостолъ поступилъ такъ потому, что не хотѣлъ мысли о томъ (будто бракъ нечистъ) посѣвать преждевременно въ душахъ вѣрующихъ; но обличаетъ одно то, что уже получило начало, именно заблужденіе относительно пищи.“

Обличаетъ указаніемъ на цѣль, для которой созданы брашна: *яже Богъ сотвори въ снѣденіе*. Богъ вложилъ въ естество человѣка, какъ животное, потребность пищи, и около его же среди тварей разсѣялъ такія, кои могутъ удовлетворять сію потребность снѣденіемъ ихъ. Это разрѣшилъ Онъ имъ еще въ раю; это же подтвердилъ при изгнаніи изъ него и расширилъ въ заповѣдяхъ и благословеніяхъ, данныхъ праведному Ною по потопѣ. Устроилъ такъ Богъ для того, чтобъ люди, видя въ приготовленіи Имъ для нихъ около ихъ потребной пищи, познавали въ этомъ Божію о нихъ благопопечительность, и вкушали пищу *со благодареніемъ*. Это благодареніе должно было питать религіозныя чувства къ Богу и въ пунктахъ вѣрованія о Богѣ осіявать ликъ Его чертами свѣтлыми, привлекательными и возбудительными. Такимъ образомъ въ этомъ, самомъ простомъ повидимому дѣлѣ, снѣденіи пищи, Богъ помѣстилъ самое внушительное, и вмѣстѣ немолчное, училище вѣры и благочестія. — Лжеучители же внушая, что есть яства, дѣлающія человѣка нечистымъ, извращали такой Божій порядокъ и уклоняли отъ намѣренія Божія въ дарованіи человѣку потребности пищи и самой пищи: мракъ нѣкій набрасывали на твореніе Божіе, и это немолчное училище о Богѣ и должныхъ къ Нему чувствахъ умолкнуть заставляли. Очевидно, что они нечестивцы: „наводили на недобрыя помышленія о Творцѣ человѣка, и внушеніемъ, будто есть яства нечистыя и достойныя отвращенія, располагали вѣрить, что они другаго имѣютъ творца, — не добраго“ (Амвр.).

Такъ симъ краткимъ напоминаніемъ о цѣли сотворенія брашенъ Апостолъ достаточно обличилъ несостоятельность ложнаго о нихъ ученія. Но конечно такое обличеніе понятно и убѣдительно могло быть

только для тѣхъ, у коихъ живо религіозное чувство и сильны здравыя о Богѣ понятія. Почему св. Павелъ и прибавилъ: *вѣрнымъ познавшимъ истину*. Не въ томъ смыслѣ сказалъ онъ это, чтобъ для такихъ только и создалъ Богъ брашна въ снѣденіе, но въ томъ, что таковые и употребляютъ ихъ согласно съ намѣреніемъ Божіимъ въ созданіи ихъ, т.-е., снѣдаютъ ихъ со благодареніемъ. Какъ онъ писалъ къ вѣрнымъ и познавшимъ истину, то рѣчь его внушала: вы, вѣрные и познавшіе истину, вкушая брашна со благодареніемъ, точно и полно исполняете намѣреніе Божіе въ созданіи ихъ; ваше благодареніе освящаетъ всякую пищу; и вкушайте ее, ничтоже сумняся, и не поддавайтесь смущенію, какое хотятъ поселить въ васъ лжесловесники, толкуя, будто есть нечистыя яства. Можно рѣчь Апостола перефразировать такъ: которыя (брашна) Богъ создалъ, чтобъ вѣрные вкушали ихъ со благодареніемъ, ничтоже сумняся. О невѣрныхъ и слова нѣтъ; тѣ вкушаютъ пищу безъ всякихъ благихъ помышленій, лишь бы только поѣсть и усладиться, подобно нечистымъ животнымъ. Они и чистыя яства, если ужъ различать ихъ, дѣлаютъ нечистыми своимъ неблагодарнымъ сердцемъ и однимъ чувственнымъ услажденіемъ гортани и чрева. „Яства нечисты для того, кто вкушаетъ ихъ безъ благодаренія и хвалы Создавшему“ (Амвр.).

Что же, скажетъ кто, ужели наслажденіе брашнами воспрещено?—Наслажденіе естественно сопровождаетъ вкушеніе пріятной пищи; но у тѣхъ, которые принимаютъ ее съ благодарными къ Богу чувствами, наслажденіе теряетъ характеръ чувственности, одухотворяется и освящается. Когда вкушаютъ брашна, чтобъ насладиться, творя угодіе плоти въ похоти, тогда являются погруженными въ чувственность; а когда принимаютъ

яства въ удовлетвореніе неизбѣжной потребности, съ благодареніемъ, тогда чувствуютъ сладость, не дѣлаясь чувственными. Возношеніе при семъ ума и сердца къ Богу дѣлаетъ самую сладость нѣкако отрѣшенною и обезвеществленною. Такіе пріемлютъ пищу, но не плотоугодствуютъ въ ней. Снѣденіе, — μεταληψις, — причастіе, принятіе. Экуменій пишетъ: „смотри, какъ словомъ — μεταληψις, — Апостолъ изгналъ усладу, τρυφην? — Μεταληψις означаетъ умѣренное принятіе пищи.“ „Μεταληψις, пишетъ Ѳеофилактъ, блюдетъ умѣренность, τρυφη не знаетъ мѣры. Впрочемъ и наслажденіе пищею не само по себѣ нечисто, но потому, что разслабляетъ душу предающихся ему“ (Тотъ и другой изъ св. Злат.).

Подъ истиною, въ словахъ: *познавшихъ истину*, разумѣется вѣра христіанская, единая содержащая истинныя и здравыя о всемъ сущемъ воззрѣнія. Тутъ же конечно совмѣщается и истина относительно брашенъ, что ихъ надлежитъ принимать съ благодареніемъ въ умѣренное удовлетвореніе потребности тѣла. Такъ смотрящіе на это и дѣйствуютъ въ семъ отношеніи съ полнымъ убѣжденіемъ, что дѣйствуютъ вѣрно, согласно съ волею Божіею. Каковое убѣжденіе и свѣтлости и святости придаетъ простому употребленію пищи, и окружаетъ его особымъ нѣкіимъ чувствомъ. Или можетъ быть, тутъ предъуказывается „та истина, о коей тотчасъ будетъ рѣчь, то-есть всякое созданіе Божіе добро“ (Ѳеоф.).

Ст. 4. *Зане всякое созданіе Божіе добро, и ничтоже отметно, со благодареніемъ пріемлемо.*

То приводилъ доводъ изъ нравственно-религіознаго строя, а теперь беретъ дѣло со стороны догмата. Все, изшедшее изъ творческихъ Божіихъ рукъ, добро. Добро и всякое брашно, назначенное человѣку въ снѣ-

деніе. Слѣд. лжесловесники тѣ лгутъ, запрещая нѣкоторыя брашна, по той причинѣ, что они будто нечисты. Ничего нѣтъ нечистаго самого по себѣ; все добро и пріятно, то-есть можетъ быть употребляемо въ пищу беззазорно. „Слова: *всякое созданіе Божіе добро*, Апостолъ заимствовалъ изъ Моvсеева писанія. *Видѣ Богъ*, сказано, *вся елика сотвори, и се добра зѣло* (Быт. 1, 31). А что добро, то, *со благодареніемъ пріемлемо*, въ памятованіе Божіе, оказывается святымъ“ (Ѳеод.). „Выраженіемъ: *всякое созданіе Божіе* Апостолъ обозначаетъ здѣсь то, что можетъ быть употребляемо въ пищу. Если все такое есть созданіе Божіе, то и добро: ибо *вся добра зѣло*“ (св. Злат.).

Ничтоже отметно, ничего изъ съѣдомаго не должно отвергать, ничѣмъ не брезговать и не гнушаться, будто нечистымъ и богопротивнымъ; напротивъ все такое принимать, какъ благодѣяніе и даръ отъ руки Господней. Почему и принимать то должно со благодареніемъ. Кто принимаетъ съѣдомыя брашна со благодареніемъ, для того всѣ они чисты и святы, въ силу сего самаго благодаренія. „Благодареніе все очищаетъ; а неблагодарный и самъ нечистъ и скверенъ“ (Ѳеоф.). „Неблагодарность и чистое дѣлаетъ нечистымъ. Нечисто произволеніе, которое не благодаритъ Бога“ (св. Злат.). *Вся чиста чистымъ: оскверненнымъ же и невѣрнымъ ничтоже чисто* (Тит. 1, 15).

Ст. 5. *Освящается бо словомъ Божіимъ и молитвою.*

Освящается словомъ Божіимъ—можно такъ разумѣть: *освящается*,—освящено есть однажды навсегда,—*словомъ Божіимъ*,—тѣмъ словомъ, какое изрекъ Богъ по сотвореніи, что *вся добра*. Этимъ словомъ все, въ томъ числѣ и все съѣдобное, признано и предлагается, какъ святое. Почему и пріемлемо должно быть беззазорною совѣстію, какъ чистое и святое, съ полнымъ въ томъ

убѣжденіемъ безъ малѣйшаго сомнѣнія. Или — *освящается* теперь, въ часъ вкушенія, и освящается *словомъ Бога*, — призываніемъ имени Божія; такъ что: *и молитвою*,—только поясняетъ: *словомъ Божіимъ*. Призываніе имени Божія, и молитвенное къ Богу обращеніе дѣлаетъ святою всякую пріемлемую пищу, для того, кто ее принимаетъ въ такомъ духѣ. Но зачѣмъ же еще и особое освященіе, когда, какъ сказано предъ симъ, всякая пища добра и никакая неотметна?—Можно на это отвѣтить такъ,—что этимъ указывается только на то, какъ исполняется условіе, подъ коимъ, по Божію опредѣленію, ничтоже отметно, именно, на возношеніе благодарныхъ къ Богу чувствъ за дарованіе брашенъ съ прошеніемъ благословенія Его принять предлежащую пищу. Кто такъ принимаетъ пищу, тотъ становится въ рядъ тѣхъ, для коихъ все пріемлемое въ пищу бываетъ свято и чисто.

Или св. Павелъ дѣлаетъ здѣсь какъ-бы нѣкую уступку: пусть будетъ, положимъ, что есть что либо нечистое; но и такое все освящается, когда призовешь имя Божіе. Такъ св. Златоустъ: „если *все добро*, то что значитъ: *освящается словомъ и молитвою?* Ибо очевидно, что то, что освящается, признается нечистымъ. — Не такъ нужно принимать эти слова. Здѣсь Агостолъ говоритъ противъ тѣхъ, которые нѣкоторыя яства считали чѣмъ-то сквернымъ. Поэтому онъ и высказываетъ двѣ главныя мысли: во первыхъ, что нѣтъ ни одного созданія, которое было бы скверно, и во вторыхъ,—что еслибы что нибудь и было скверно, то ты имѣешь противъ этого врачевство: осѣни знаменіемъ креста, возблагодари, воздай славу Богу, и всякая нечистота исчезнетъ. — Неужели и идоложертвенное, скажешь ты, можетъ быть такимъ образомъ очищено? (Да; впрочемъ тогда), когда ты не знаешь, что это

есть идоложертвенное; а если знаешь и несмотря на то вкусишь отъ этого, то сдѣлаешься нечистымъ, не потому что это идоложертвенное, а потому что, получивъ заповѣдь не пріобщаться къ демонамъ, ты чрезъ это вошелъ съ ними въ общеніе. Слѣдовательно (идоложертвенное) не по природѣ своей нечисто, но оно становится таковымъ вслѣдствіе твоего произволенія и преслушанія. — Что же? Ужели и свиное мясо не есть нечисто? Нисколько, когда вкушаешь его со благодареніемъ, съ крестнымъ знаменіемъ; равнымъ образомъ и все прочее не бываетъ нечистымъ. Нечисто произволеніе, которое не благодаритъ Бога." Тоже у Ѳеофилакта съ Экуменіемъ.

Въ сихъ словахъ Апостола видно начало молитвословій предъ вкушеніемъ и послѣ вкушенія пищи, равно какъ и священныхъ чтеній, въ продолженіе стола.

гг).

Ст. 6, 1 полов. *Сія вся сказуя братіи, добръ будеши служитель Іисуса Христа.*

Сія вся: что же именно? То, о чемъ говорилъ доселѣ начиная съ ст. 15, 3-ей главы, — что Церковь есть столпъ и утвержденіе истины, что велія благочестія тайна, около которой группируются всѣ другія истины вѣры, есть: *Богъ явися во плоти*,—что содержа строго сію тайну и всякую другую истину, Церковію возвѣщаемую, должно отвергать все съ симъ несогласное, и теперь уже сущее и имѣющее явиться послѣ, какъ ученіе бѣсовское,—и именно будто не должно брачиться и вкушать нѣкія брашна, какъ нечистыя (св. Злат., Экум., Ѳеоф.).

Сказуя,—ὑποτιθέμενος, предлагая. „Видишь ли, что онъ здѣсь нисколько не обнаруживаетъ власти, а только снисхожденіе? *Сказуя*, говоритъ. Не сказалъ:

приказывая, не сказалъ: заповѣдуя, но: *сказуя*, т.-е. какъ-бы совѣтуя; предлагай сіе и заводи рѣчь о вѣрѣ" (св. Злат.). Это замѣчается объ образѣ наученія паствы, самое же наученіе ея лежитъ на пастырѣ, какъ неотъемлемый долгъ, отступая отъ котораго, или не ревностно исполняя который, онъ уже является не тѣмъ, чѣмъ долженъ быть по намѣренію Господа, учредившаго въ Церкви пастырство. Это внушаетъ Апостолъ, говоря въ слѣдъ за симъ: *добръ будеши служитель Іисуса Христа*. Сія сказуя, добрымъ будешь служителемъ Іисуса Христа, а не сказуя—будешь не добрымъ служителемъ, — будешь рабомъ неключимымъ. *Служителемъ,—διάκονος*, названъ пастырь, потому что его долгъ не властвовать и величаться, а вѣрно „исполнять повелѣнное и передавать единовѣрнымъ Владычнія наказанія" (Ѳеод.). А служителемъ *Іисуса Христа*,— потому что пастырство беретъ начало отъ Господа Іисуса Христа, и всякій пастырь отъ руки Господни пріемлетъ рукоположеніе, чрезъ руки сопастырей. Почему, трудясь въ пасеніи стада, онъ долженъ содержать въ мысли и сердцѣ, что не себѣ или людямъ служитъ, а Господу, Его дѣло совершая и Его волю исполняя. Въ настоящемъ мѣстѣ только одна часть добраго служенія пастыря обозначается, — служеніе словомъ. „Добрѣ служитъ онъ Господу, научая пасомыхъ тому, чему учимыми имъ быть хощетъ Христосъ" (Экум.). По теченію рѣчи видно, что эта часть служенія исполняется имъ не тольво возвѣщеніемъ истины чистой, но и отверженіемъ нечистыхъ ученій, — и не только отверженіемъ наличныхъ нечистыхъ ученій, но и предусмотрѣніемъ имѣющихъ появиться и подготовленіемъ паствы къ отраженію ихъ. Впрочемъ и это послѣднее не можетъ быть лучше исполнено, какъ полнымъ разъясненіемъ и напечатлѣніемъ въ умахъ вѣрующихъ

чистой истины,—или образа здравыхъ словесъ. „Что можетъ быть благопромыслительнѣе и предохранительнѣе для паствы, какъ не то, чтобъ ученіе христіанское было преподано ей и преподаваемо неповрежденно и полно, дабы оно, твердо укоренясь на полѣ Господнемъ, и плодъ приносило обильный и прочный,—такой, который и въ день суда выдержалъ бы пробу огня и не былъ имъ сожженъ. Таковъ долгъ добраго учителя и вѣрнаго служителя Христова“ (Амвр.).

в).

Содержа истину Божію и укореняя ее въ умахъ и сердцахъ паствы, пастырь долженъ и себя не забывать, но внимая себѣ, себя созидать и благоустроять,—какъ аа) въ вѣдѣніи—4, 6. 7, такъ и бб) въ истинномъ благочестіи,——7—10.

аа).

Гл. 4. Ст. 6 (2-я полов.). *Питаемъ словесы вѣры и добрымъ ученіемъ, емуже послѣдовалъ еси.*

Доброе служеніе пастыря Господу, въ преподаніи истины паствѣ и предохраненіи ея отъ ученій бѣсовскихъ, Апостолъ поставляетъ подъ условіе питанія самого пастыря словесами вѣры и добрымъ ученіемъ. Дѣйствуя, говоритъ, такъ въ семъ дѣлѣ ученія паствы, добръ будешь служитель, силу получая къ тому отъ питанія себя истиною. Если пастырь обязанъ такъ дѣйствовать, какъ указано, то обязанъ исполнять условіе къ указанному должному дѣйствованію. Почему—*питаемъ* имѣетъ такое значеніе, какъ-бы сказано было: и самъ себя питай. Сила слова Апостольскаго здѣсь въ словѣ: *питаемъ*. „Не только другихъ наставляй, но и самъ упражняйся въ этомъ“ (св. Злат.). „Тебѣ первому изъ всѣхъ надлежитъ прилежно зани-

маться духовнымъ ученіемъ и обогащаться имъ" (Өеод.). „Сказалъ: сіе предлагай другимъ. Теперь говоритъ: но и самъ ты будь питаемь (тѣмиже истинами), вращая ихъ въ умѣ своемъ и какъ-бы пережевывая. Ибо непрестанное къ нимъ вниманіе внушая, сказалъ онъ: *питаемь*" (Өеоф.). Т.-е. „духовною въ нихъ питаясь пищею: *ибо не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ* (Мө. 4, 4). Тебѣ должно не братіямъ только сіе предлагать, но и самого себя тѣмъ-же питать" (Экум.) „*Питаемь*, говоритъ, указывая на постоянное вниманіе къ такого рода предметамъ. Ибо подобно тому, какъ мы каждый день употребляемъ сію (тѣлесную) пищу, такъ и слово о вѣрѣ всегда принимать и имъ всегда питаться должно. Что значитъ: *питаемь?* Пережевывая, постоянно повторяя (въ умѣ) одно и тоже, всегда поучаясь одному и томуже" (св. Злат.).

Словеса вѣры суть благовѣстіе Евангелія, объемлющее все воплощенное домостроительство,—вѣру нашу составляющее и вѣрою пріемлемое и содержимое. Оно же есть и *доброе ученіе*, какъ изъ добраго источника идущее, какъ само въ себѣ доброкачественное, и какъ для пріемлющихъ его благотворное теперь, и ведущее ихъ къ доброму концу. Но кажется, преимущественное вниманіе остановить имѣлъ въ мысли Апостолъ на словахъ: *емуже послѣдовалъ еси*. Ты уже знаешь его и твердо содержишь всею душею. Этимъ содержимымъ уже и питай себя, обновляя его воспоминаніемъ въ сознаніи и оживляя въ сердцѣ сочувствіемъ и любовію къ нему. Но это ужъ само собою бываетъ. Внушеніе Апостола идетъ далѣе: этимъ ученіемъ, которое уже содержишь, питай себя, за новымъ же какимъ либо не гоняйся, а напротивъ сразу отвергай его, какъ чуждое, лишь только услышишь его. Что предано тебѣ, то содержи; отъ непреданнаго, идущаго отъинуды, отвращай слухъ и вниманіе.

Ст. 7 (1-я полов.). *Скверныхъ же и бабіихъ басней отрицайся.*

Скверныхъ—βεβήλους, — пошлыхъ, такихъ, которыми брезговать слѣдуетъ. Напоминаетъ Апостолъ о томъ же, что въ началѣ посланія сказалъ: *ниже внимати баснемъ и родословіемъ безконечнымъ* (—1, 4),—т.-е. о ходящихъ пустыхъ рѣчахъ и ученіяхъ лжесловесниковъ. Ни тамъ, ни здѣсь не сказываетъ опредѣленно, въ чемъ эти басни состояли, потому, можетъ быть, что не стоило и поминать объ нихъ, или потому, что какъ норма истины извѣстна, то все чуждое ей само собою опредѣлялось и было извѣстно св. Тимоѳею. Обще же напоминаетъ только для воодушевленія къ отрицанію и противодѣйствію. Наши впрочемъ толковники полагаютъ, что здѣсь Апостолъ разумѣетъ іудейскія убѣжденія, или ту часть іудейства, которая вошла въ составъ ученія лжесловесниковъ. Ѳеодоритъ пишетъ: „*бабіими баснями* назвалъ Апостолъ іудейскія ученія, не законъ, но лживое перетолкованіе закона и неблаговременное его храненіе.“ Св. Златоустъ выставляетъ и причину такого наименованія: „о какихъ басняхъ онъ здѣсь говоритъ?— Объ іудейскихъ вычисленіяхъ и наблюденіяхъ? Развѣ ихъ онъ называетъ баснями?—Да, или потому, что они измышлены, или потому, что несвоевременны. Что благовременно, то полезно. А что безвременно, то не только не полезно, но и вредно.—Ктому же представь себѣ: еслибы человѣкъ на двадцатомъ году жизни прильнулъ къ сосцамъ кормилицы, то въ какой степени онъ былъ бы достоинъ посмѣянія за безвременность? Видишь, что онъ называетъ сіе и нечистымъ, и бабьимъ. И называетъ такъ частію потому, что это уже устарѣло, частію потому, что составляетъ препятствіе для вѣры.“

Но Экуменій допускаетъ, что можетъ быть тутъ ра-

зумѣетъ Апостолъ „и еллинскія бредни, равно какъ бредни тогдашнихъ еретиковъ. Ибо. поистинѣ. походятъ на пустыя, въ бреду произносимыя старушенками слова, такія, напримѣръ, сказанія еллиновъ: Зевсъ (Юпитеръ) свалялся съ Ирою (Юноною); Арій (Марсъ) соблудилъ съ Венерою; Ифестъ (Вулканъ) сброшенъ съ неба.“

Очень вѣроятно, что ученія лжесловесниковъ взяты частію у іудеевъ, частію у еллиновъ, частію почерпнуты изъ другихъ восточныхъ вѣръ. Какъ вѣрующіе, въ самомъ дѣйствіи увѣрованія все то отвергаютъ, то, по увѣрованіи, нечего уже болѣе и заниматься тѣмъ. Почему Апостолъ пишетъ не: отрицай—какъ-бы состязайся, а: *отрицайся*. „Чрезъ это онъ показываетъ, что окончательно нужно избѣгать сего. Именно слова его имѣютъ такой смыслъ: даже не принимай на себя труда когда либо вступать въ разговоръ съ ними: кромѣ развѣ того случая, когда предвидишь какой либо вредъ отъ того, что мы, будто по нашему безсилію, отказываемся отъ собесѣдованія съ ними“ (св. Злат.).

66).

Ст. 7 (2-я полов.). *Обучай же себе ко благочестію.*

Благочестіемъ называетъ Апостолъ жизнь въ духѣ вѣры христіанской. Хотя жизнь сія обнимаетъ не одно достодолжное отношеніе къ Богу, что собственно есть благочестіе, но и всякіе подвиги и весь кругъ добродѣланія; но такъ какъ и эти двѣ стороны ея, или части, блюдутся христіанами ради Бога и Ему посвящаются, такъ что *животъ ихъ* всецѣло *сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ* (Кол. 3, 3), то Апостолъ и назвалъ всю жизнь по вѣрѣ *благочестіемъ*. „Обучай себе *ко благочестію,* т.-е., въ вѣрѣ чистой и жизни праведной (упражняйся), къ наилучшему поведенію (настрои-

вай себя); потому что въ этомъ состоитъ благочестіе" (св. Злат.). „Оно есть съ правою вѣрою соединенное ревностное тщаніе о жизни богоугодной" (Экум.).

Но что здѣсь хочетъ внушить Апостолъ, то совмѣщается въ словѣ: *обучай себе. Обучай* — γυμναζου — упражняй себя въ дѣлахъ благочестія христіанскаго, чтобъ сдѣлаться искуснымъ ихъ дѣлателемъ, какъ гимнасты упражняются въ тѣлодвиженіяхъ разныхъ, чтобъ пріобрѣсть въ нихъ навыкъ и искусство. Тѣло способно къ очень ловкимъ движеніямъ, но его надо къ сему пріучить упражненіями. Такъ и вѣрующій, по крещеніи и пріятіи благодати, способенъ, то-есть и готовъ и силенъ на всякія дѣла и подвиги въ духѣ и по требованію св. вѣры; но чтобы все сіе дѣлать достодолжно и плодотворно, для сего надлежитъ упражнять себя въ такого рода дѣлахъ. Но гимнастъ сначала упражняется въ разныхъ тѣлодвиженіяхъ одинъ, особо, только примѣрно, а на дѣлѣ пригодятся ему сіи тѣлодвиженія послѣ; христіанскій же гимнастъ прямо вступаетъ не въ примѣрныя, но въ настоящія дѣла, и ихъ совершеніемъ обучаетъ себя къ наилучшему ихъ совершенію. Потому *обучай себе* тоже значитъ, что—не пропускай ни одного случая, въ коемъ можешь совершить дѣло по духу своей вѣры, или даже и болѣе—изыскивай такіе случаи, чтобы поскорѣе утвердиться въ дѣлахъ по вѣрѣ нашей, и потомъ уже безъ труда являть себя предъ Богомъ и человѣками *дѣлателемъ непостыднымъ* (2 Тим. 2, 15). Опытъ уже показалъ, что такое упражненіе себя необходимо для стяжанія совершенства въ жизни,—и упражненіе всестороннее, т.-е. и въ томъ, какъ вести внѣшнія свои дѣла, или держать свое поведеніе, и въ томъ, какъ держать въ порядкѣ внутри возникающія разнообразныя движенія. Ревностное упражненіе въ томъ и дру-

гомъ всегда увѣнчавается успѣхомъ,—т.-е. навыкомъ въ угодной Богу жизни и внутренней и внѣшней. Само собою сіе совершенство не приходитъ: надо обучать себя. Такъ у всякаго вѣрующаго, тѣмъ паче у пастыря вѣрныхъ. Почему и св. Тимоѳею неизлишне было сказать: *обучай себе ко благочестію*.

Ст. 8. *Тѣлесное бо обученіе вмалѣ есть полезно: а благочестіе на все полезно есть, обѣтованіе имѣюще живота нынѣшняго и грядущаго.*

О какомъ тѣлесномъ обученіи здѣсь говорится? — Объ укрѣпленіи тѣла гимнастическими упражненіями и пріученіи его къ скорымъ и ловкимъ движеніямъ: ибо говоритъ: σωματικη γυμνασια,—тѣлесное упражненіе. Зачѣмъ же приводится оно здѣсь на мысль? За тѣмъ, чтобъ чрезъ это возбудить къ большей ревности упражняться въ дѣлахъ и трудахъ благочестія. Апостолъ говоритъ какъ-бы такъ: тѣ, которые на играхъ желаютъ получить вѣнцы, усердно упражняются въ тѣлесной гимнастикѣ, чтобъ укрѣпить тѣло свое и пріучить его къ ловкимъ движеніямъ. Но если для тлѣнныхъ вѣнцевъ столько употребляютъ трудовъ въ гимнастикѣ тѣлесной, то какъ не употребить гораздо больше трудовъ въ гимнастикѣ духовной, то-есть въ обученіи себя благочестію для вѣнцевъ нетлѣнныхъ?! То тѣлесное *обученіе* или упражненіе *вмалѣ полезно*, т.-е. полезно на малое нѣчто или на малое время, „т.-е. только для тѣла, и только для настоящей жизни“ (Экум.). Полезно на малое нѣчто, именно, — на укрѣпленіе тѣла, пріученіе его къ легкимъ движеніямъ, и чрезъ то на полученіе вѣнцевъ въ состязаніяхъ на играхъ народныхъ, а то и другое малозначительно; полезно на малое время,—только на настоящую жизнь, и то не всю. А благочестіе *на все полезно*, т.-е., и для благоденствія въ настоящей жизни, и для вѣчнаго

блаженства въ будущей, — *обѣтованіе имуще живота нынѣшняго и грядущаго. Обѣтованіе имуще* указываетъ на то, что Самъ Богъ, по неизмѣнной правдѣ Своей и неистощимой благости, благоволилъ сочетать съ благочестіемъ, или жизнію въ духѣ вѣры Христовой и благоденствіе временное и блаженство вѣчное. Подъ *животомъ* разумѣется не жизнь, какъ жизнь, а качество жизни, жизнь желанная, счастливая и блаженная, безъ чего жизнь не жизнь. Если таково благочестіе, то соотвѣтственно сему должно быть ведено и упражненіе въ немъ, то-есть со столь же большею ревностію, во сколько плодъ его выше плода, доставляемаго тѣлеснымъ упражненіемъ.

Подъ тѣлеснымъ обученіемъ, внѣ контекста, иные, особенно отцы подвижники, разумѣютъ тѣлесные подвиги, и въ словахъ Апостола видятъ опредѣленіе относительной ихъ цѣны, сравнительно съ подвигами духовными. Но въ контекстѣ, по теченію рѣчи, здѣсь разумѣются гимнастическія упражненія тѣла. Св. Златоустъ говоритъ: „нѣкоторые полагаютъ, что это сказано о постѣ. Но съ этимъ нельзя согласиться: постъ составляетъ не тѣлесное, а духовное упражненіе. Ибо еслибы онъ былъ тѣлеснымъ упражненіемъ, то питалъ бы тѣло. Если же онъ истощаетъ, утончаетъ и изсушаетъ тѣло, то и не составляетъ тѣлеснаго упражненія. Слѣдовательно не объ этомъ говоритъ онъ, а о тѣлесныхъ (гимнастическихъ) упражненіяхъ, которыми иные занимаются и не во время состязаній, и какѣ ратоборцы, все дѣлаютъ, отъ всего воздерживаются, тяжелый переносятъ трудъ. Но для чего, спросишь ты, упоминаетъ онъ здѣсь о тѣлесномъ (гимнастическомъ) упражненіи? — Для того, чтобы чрезъ сравненіе показать превосходство духовныхъ подвиговъ (въ благочестіи); потому что первое (тѣлесная гимнастика), бу-

дучи соединено съ большими трудами, не приноситъ большой пользы, и ничего такого, о чемъ стоило бы говорить; а послѣдніе (подвиги благочестія) приносятъ неизмѣнную и обильную пользу.—Перваго рода упражненіе не приноситъ выгоды, а только нѣсколько пользы доставляетъ тѣлу. А упражненіе въ благочестіи приноситъ плодъ и на будущую жизнь: и здѣсь и тамъ доставляетъ утѣшеніе.“ Объясняя это послѣднее, бл. Ѳеофилактъ прибавляетъ: „и здѣсь, говоритъ, снабдѣваетъ человѣка благочестіе. Ибо необличаемый совѣстію ни въ чемъ худомъ, и здѣсь веселится духомъ, вѣрныя имѣя обѣтованія будущихъ благъ, тамъ же и самымъ дѣломъ заживетъ истинною жизнію.“ Первую впрочемъ часть этого объясненія онъ взялъ у тогоже св. Златоуста, у котораго она пространнѣе изложена: „и здѣсь мы пребываетъ въ благомъ уповаміи. Ибо тотъ, кто не знаетъ за собой никакого преступленія и творитъ добрыя дѣла, радуется и въ настоящей жизни. Между тѣмъ какъ человѣкъ порочный не только тамъ, но и здѣсь переноситъ наказаніе, постоянно живя въ страхѣ, ни на кого не смѣя взглянуть съ дерзновеніемъ, трепеща, блѣднѣя, томясь. Развѣ не таковы корыстолюбцы, воры, которые не увѣрены въ томъ, чѣмъ владѣютъ? Развѣ прелюбодѣи и человѣкоубійцы не ведутъ самой тягостной жизни, съ недовѣрчивостію взирая на самое солнце? Неужели это есть жизнь? Это не жизнь, а скорѣе самая тяжелая смерть.“

Ст. 9. *Вѣрно слово и всякаго пріятія достойно.*

„То-есть, слово сіе истинно и достойно того, чтобъ всѣ принимали его, какъ несомнѣнное. Какое же это слово? То, что благочестіе и здѣсь и тамъ полезно“ (Ѳеоф.). „Поелику упомянулъ о жизни будущей, а она есть нѣчто невидимое; то по необходимости прибавилъ удостовѣреніе, что слово о семъ вѣрно, какъ

достойное вѣры и украшенное истиною. Подвигоположнику надлежитъ воодушевлять подвижниковъ удостовѣреніемъ въ вѣрности наградъ“ (Ѳеод.).

Въ другой разъ въ семъ посланіи произноситъ Апостолъ это удостовѣрительное выраженіе: выше о томъ, что Господь Іисусъ Христосъ пришелъ въ міръ грѣшниковъ спасти (—1, 15), а здѣсь о томъ, что въ благочестіи, или въ жизни по духу вѣры Христовой, надлежитъ упражняться паче, нежели борцы упражняются въ тѣлесной гимнастикѣ, такъ какъ благочестіе имѣетъ за собою обѣтованіе счастія временнаго и блаженства вѣчнаго. Это дѣлаетъ онъ для напечатлѣнія въ умахъ и сердцахъ читателей посланія того убѣжденія, что какъ вѣра въ пришествіе Господа Іисуса для спасенія грѣшниковъ, такъ и ревностное упражненіе въ благочестіи, или жизни по духу вѣры Христовой одинаково обязательны для послѣдователей Христовыхъ, и что только на сочетаніи ихъ обоихъ твердо стоять можетъ упованіе спасенія и полученія блаженства вѣчнаго. Этою-то непоколебимостію упованія воодушевляясь, мы и переносимъ все за Христа Господа.

Ст. 10. *На сіе бо и труждаемся и поношаеми есмы, яко уповахомъ на Бога жива, Иже есть Спаситель всѣмъ человѣкомъ, паче же вѣрнымъ.*

Неложность обѣтованія и несомнѣнность полученія уповаемаго подтверждаетъ Апостолъ собственнымъ примѣромъ (Ѳеод.). Что вѣра и жизнь по вѣрѣ приносятъ животъ вѣчный, убѣжденіе въ этомъ составляетъ нашу силу. Изъ-за чего мы поднимаемъ такіе труды, и предаемъ себя всякому поношенію? Не изъ-за чего другаго, какъ изъ-за того, что увѣрены въ полученіи за то живота вѣчнаго. А эта увѣренность на чемъ стоитъ? На томъ, что мы возуповали (ἠλπίκαμεν) на Бога жива, совершенно увѣрились въ истинѣ слова

Его и всецѣло на Него положились. Это приложеніе подаетъ мысль, что Апостолъ хотѣлъ какъ-бы такъ сказать: слово обѣтованія мы слышали изъ устъ Самого Бога, совершенно увѣрились въ Немъ и положились на Него, что обѣтованное несомнѣнно исполнено будетъ. Безъ этого дополненія мысли одинъ примѣръ Апостоловъ не былъ бы доказателенъ. Но когда за этимъ примѣромъ видимъ лице Бога живаго, дающаго обѣтованіе, тогда онъ, дѣлаясь представителемъ дѣйствія слова живаго Бога, всякому доказываетъ несомнѣнность упованія въ равной силѣ, какъ-бы онъ самъ слышалъ слово изъ устъ Бога живаго. Св. Павелъ не здѣсь только, но и въ другихъ мѣстахъ выставляетъ свою увѣренность въ несомнѣнности упованія,—и она была для него живительною силою въ понесеніи Апостольскихъ трудовъ. Теку, говоритъ, не на безвѣстное, *подвизаюся, не яко воздухъ біяй* (не на вѣтеръ) (1 Кор. 9, 26).

Пишется сіе св. Тимоѳею, который раздѣлялъ съ Ап. Павломъ всѣ труды его и несомнѣнно былъ исполненъ тѣмъ же духомъ упованія. Почему—*мы* (труждаемся,—уповахомъ) здѣсь звучитъ, какъ—*мы съ тобою*. Въ лицѣ же ихъ конечно наводится мысль и на всѣхъ Апостоловъ и на всѣхъ труждающихся въ благовѣстіи. Напоминается же сіе св. Тимоѳею, чтобъ вызвать и возставить тотъ-же всегда оживлявшій его духъ упованія, и сказать какъ-бы: будь какъ всегда. Ибо св. Тимоѳею предлежало теперь одному нести труды, которые прежде раздѣлялъ онъ со св. Павломъ. Св. Златоустъ говоритъ: „здѣсь Апостолъ возбуждаетъ св. Тимоѳея къ перенесенію опасностей, чтобъ онъ не упадалъ духомъ, имѣя въ Богѣ столь сильнаго помощника, и не нуждался въ содѣйствіи другихъ, но охотно все съ мужествомъ переносилъ.“

Богъ именуется Богомъ живымъ, чтобъ выразить, что упованіе наше не идеально, не на идеѣ Бога утверждается, а на словѣ Бога живаго, самымъ дѣломъ совершившаго и устроившаго все, потребное для полученія уповаемаго. Мы лицемъ къ лицу видѣли и дѣйственно познали Бога живаго, почему уповаемъ не колеблясь. Или для того слово сіе—*жива* прибавлено, что Богъ, какъ Сый, всегда можетъ исполнить обѣтованное. Люди, будь то князи, нынѣ есть, а завтра ихъ нѣтъ. Богъ же всегда живъ есть, чтобъ даровать, что обѣтовалъ. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „здѣсь воины царскіе, перенесши многіе труды и опасности, часто не получаютъ должнаго воздаянія, когда случится между тѣмъ умереть царю; а нашъ Царь всегда живъ есть, всегда и воздастъ."

Богъ есть *Спаситель всѣхъ человѣковъ,* потому что *всѣмъ человѣкомъ хощетъ спастися и въ разумъ истины пріити* (1 Тим. 2, 4),—и не только хочетъ спастися всѣмъ, но и устроилъ дивный образъ спасенія, всѣмъ открытый, и всегда сильный спасти всякаго, кто ни захочетъ воспользоваться имъ. Но почему Онъ есть Спаситель *паче вѣрнымъ?* Потому что спасительное Божіе хотѣніе, спасительная Божія сила и спасительное Божіе устроеніе (экономія спасенія) простираются на всѣхъ и для спасенія всѣхъ довлѣтельны; но на дѣлѣ спасаются, или дѣлаются причастными сихъ спасительностей, только вѣрные, т.-е. только увѣровавшіе въ благовѣстіе и по принятіи благодати живущіе въ духѣ вѣры. Такъ что Богъ, и всегда желающій и всегда сильный спасти всѣхъ, въ дѣйствительности Спаситель есть только вѣрныхъ. Μαλιστα—значитъ и: такъ, именно такъ. Почему: *паче же вѣрнымъ* можно перевесть: именно вѣрнымъ. *Же,* δε,—частицы нѣтъ въ греческомъ. Прибавить же сіе: именно вѣрнымъ, нужно

было св. Павлу, потому что писалъ объ упованіи живота вѣчнаго, котораго невѣрные не могутъ быть причастны. „Богъ здѣсь есть всѣхъ Спаситель, а тамъ не всѣхъ, но только достойныхъ спасенными быть“ (Экум.). Но и здѣсь Богъ — Спаситель особенное являетъ попеченіе о вѣрныхъ: ибо еслибъ этого не было, давно бы ихъ стерли съ лица земли (Экум.). Св. Златоустъ говоритъ: „какимъ образомъ, спросишь ты, Богъ есть Спаситель паче вѣрныхъ?—Тѣмъ, что обнаруживаетъ великую заботливость о вѣрныхъ. Еслибъ Онъ не былъ Спаситель ихъ, то ничто не воспрепятствовало бы давно погибнуть тѣмъ, противъ которыхъ всѣ ратуютъ.“

г).

По указаніи, какъ себя созидать, св. Павелъ даетъ уроки св. Тимоѳею и о томъ, какъ назидать паству. Два здѣсь главныхъ пункта: живи примѣрно, и учи ревностно,—*внимай себѣ и ученію;* прочее прилагается, какъ побужденіе къ ревностному пастырствованію,— 11—16.

Ст. 11. *Завѣщавай сія и учи.*

Слова сіи кажутся заключеніемъ предшествующей рѣчи; но лучше признать ихъ переходомъ къ послѣдующей, давъ имъ такой смыслъ: не только самъ себя питай словесами вѣры и обучай благочестію, въ упованіи вѣчнаго живота, но и паству свою томуже учи и такъ наказывай ей дѣйствовать.

Сія,—„т.-е. обучаться благочестію, ожидать воздаяній, взирать на Подвигоположника“ (Ѳеод.).

Завѣщавай и учи,—можно и къ одному и томуже относить, именно, къ ученію,—учи, увѣщавай, убѣждай,— и такъ разумѣть, что словомъ—*учи* означается ученіе, а словомъ—*завѣщавай* властное повелѣніе пастырское. Такое различіе въ сихъ словахъ полагаютъ наши тол-

ковники. Св. Златоустъ говоритъ: „при устроеніи человѣческихъ дѣлъ, иногда требуется наставленіе, а иногда приказаніе. Еслибы поэтому ты сталъ приказывать тамъ, гдѣ слѣдуетъ учить, то ты былъ бы достоинъ посмѣянія. И наоборотъ, еслибы ты началъ учить тамъ, гдѣ нужно приказывать, то случилось бы съ тобою тоже самое. Напримѣръ,—что не должно быть злымъ (что не должно красть, Ѳеоф.), этому слѣдуетъ не учить, а это должно приказывать и запрещать съ особою силою; равно какъ и то должно приказывать, что не нужно держаться іудейскихъ заблужденій. Если же ты намѣреваешься говорить о томъ, что должно раздавать имѣніе, что должно хранить дѣвство, или если думаешь бесѣдовать о вѣрѣ, то въ такомъ случаѣ необходимымъ становится ученіе. Поэтому и употребляетъ св. Павелъ оба эти выраженія: *завѣщавай и учи.*—Также, если кто носитъ привѣски (по суевѣрію, въ отвращеніе зла) или что-нибудь подобное, и творитъ сіе, зная, что это есть зло, то въ такомъ случаѣ нужнымъ бываетъ одно только приказаніе; когда—не зная того, — наставленіе.— Видишь ли, что священникъ долженъ и приказывать и говорить со властію, а не все учить?“

Ст. 12. *Никтоже о юности твоей да нерадитъ: но образъ буди вѣрнымъ словомъ, житіемъ, любовію, духомъ, вѣрою, чистотою.*

То-есть, назидай паству своимъ добронравіемъ, добрымъ житіемъ и добрыми дѣлами, чтобъ она слѣдовала за тобою, несмотря на твою юность. „Хочешь, говоритъ Апостолъ, чтобы не пренебрегали тобою, когда приказываешь,— будь одушевленнымъ закономъ,— показывай въ себѣ преспѣяніе законовъ,—пусть жизнь твоя свидѣтельствуетъ о словѣ“ (Ѳеод.). „Св. Тимоѳей по лѣтамъ былъ юнъ, а по нравамъ—важный старецъ. Апостолъ и увѣщаваетъ его: пребудь такимъ, чтобы

преспѣяніе твое во всемъ представляло образецъ добрыхъ дѣлъ, чтобъ въ тебѣ юномъ видна была уваженія и удивленія достойная обученность (disciplina), чтобъ дѣла твои не давали видѣть твоего возраста, и всѣ имѣли тебя не какъ юнаго, а какъ старца, чтобъ старшіе возрастомъ краснѣли, не являя себя, подобно тебѣ, важными въ обращеніи и нравахъ, а юные имѣли въ тебѣ сверстника своего учителемъ. — Дивенъ этотъ юный, — святѣйшій Тимоѳей, когда его примѣръ силенъ былъ обуздывать необученную юность, и обличать не блюдущую свойственной ей важности старость“ (Амвр.).

Да нерадитъ — μη καταφρονείτω, — да не презираетъ никто юности твоей, или тебя по причинѣ юности твоей. Какъ нельзя заставить не презирать, то смыслъ Апостольскаго внушенія таковъ: не доводи себя до того, чтобъ тебя презирали, не подавай повода къ презрѣнію тебя и неуваженію къ тебѣ. Какъ въ этомъ успѣть, показываютъ слѣдующія слова: *но образъ буди*. „Покажи жизнь, благоукрашенную добронравіемъ, и не будетъ презираема юность твоя, а напротивъ будетъ привлекать общее удивленіе“ (Ѳеоф.). „До тѣхъ поръ, пока ты будешь вести жизнь приличную (твоему сану), никто не станетъ презирать тебя за возрастъ, но еще больше всякій будетъ удивляться тебѣ“ (св. Злат.).

И такой еще можетъ быть здѣсь смыслъ: по сознанію своей юности, не молчи и не пропускай безъ вниманія, когда нужно говорить, обличать, исправлять, дѣйствовать со властію; ибо если допустишь это, неисправные предъ глазами твоими начнутъ безчинствовать, ни во что ставя твою власть. Тутъ уже не тебя, Тимоѳея, но въ твоемъ лицѣ епископа будутъ презирать, ему преданную Апостольскую власть созидать Церковь святую. Этого же никакъ нельзя допускать.

„Учитель не долженъ быть въ пренебреженіи“ (св. Злат.). „Епископъ, дѣйствуя какъ епископъ, долженъ вести рѣчь и разсуждать властно“ (Экум.). „Должное повелѣвай властно, и никто не будетъ тебя презирать“ (Ѳеоф.).

Но какъ же заявитъ епископъ кротость, заповѣданную ему выше (—3, 3)? На это св. Златоустъ говоритъ: „гдѣ же, скажешь ты, кротость, если никогда не испытаетъ онъ пренебреженія?—Въ тѣхъ вещахъ, которыя лично его касаются, пусть онъ, подвергшись пренебреженію, переноситъ сіе, ибо такимъ образомъ долготерпѣніе его будетъ содѣйствовать успѣху ученія; а въ томъ, что касается (спасенія) другихъ—нѣтъ, потому что это будетъ уже не кротость, а равнодушіе. Когда онъ мститъ за обиды, нанесенныя ему, или за злословіе, или навѣты; тогда справедливо обвинить его. Когда же дѣло касается спасенія другихъ, тогда приказывай и распоряжайся съ полною властію. Здѣсь уже нужна не кротость, а власть, дабы сіе не сдѣлалось гибельнымъ для общества.“

Но образъ буди вѣрнымъ. „Во всемъ подавай собою примѣръ добрыхъ дѣлъ. То-есть, самъ будь первообразомъ въ жизни, являясь предъ другими, какъ одушевленный законъ, какъ правило и уставъ жизни благой. Ибо таковъ долженъ быть учитель“ (св. Злат.).

Словомъ, *или* учительскимъ, т.-е. „въ говореніи того, что должно говорить какъ учителю. Видишь, что учителю должно приготовлять слово, или имѣть его изготовленнымъ“ (Экум.),—„чтобъ говорить съ удобствомъ“ (Ѳеоф.),—„чтобъ безъ затрудненія вступать въ собесѣдованіе“ (св. Злат.). *Или* обычнымъ словомъ при взаимообращеніи, въ разговорахъ и собесѣдованіяхъ, чтобъ и содержаніе и образъ рѣчи были назидательны. Въ такомъ случаѣ здѣсь напоминается тоже, что ска-

зано въ другомъ мѣстѣ всѣмъ: *всяко слово гнило да не исходитъ изъ устъ вашихъ, но точію еже есть къ созиданію, да дастъ благодать слышащимъ* (Еф. 4, 29). Эта мысль ближе къ ходу рѣчи.

Житіемъ,—ἐν ἀναστροφῇ,—во взаимнообращеніи, или въ образѣ держанія себя при встрѣчахъ и сношеніяхъ съ другими,—сообразно съ мѣстомъ, временемъ, лицами и съ своимъ саномъ. Приложеніе сего умѣстно и въ житейскихъ, и въ гражданскихъ, и въ церковныхъ порядкахъ жизни и соотношеніяхъ,—„въ обычной жизни, и въ церковномъ чинѣ" (Ѳеоф.). Общій законъ тутъ: всякаго встрѣчать съ уваженіемъ къ нему и готовностію сдѣлать ему всякое добро, словомъ и дѣломъ, не допуская никакой вольности въ обращеніи.

Любовію, – объемлющею всѣхъ, какъ братій и сестеръ (Экум., Ѳеоф.). И во взаимообращеніи должна дышать любовь; но тамъ иное обращеніе можетъ казаться любительнымъ, не будучи такимъ. Почему Апостолъ входитъ внутрь сердца и тамъ царицею всѣхъ дѣяній посаждаетъ любовь,—любовь чувства, чтобъ изъ него исходили любительныя дѣла. Пастырь, пріемля паству въ свои руки, долженъ всѣхъ принять, какъ кровныхъ чадъ и какъ родныхъ,—и радѣть о всѣхъ, какъ о своихъ ему.

Духомъ,—„или духовнымъ настроеніемъ, или даромъ благодати Св. Духа" (Экум., Ѳеоф.). Въ первомъ отношеніи требуется—быть отрѣшену отъ всего тварнаго и чувственнаго и въ Богѣ имѣть свой животъ сокровеннымъ (Кол. 3, 3), все творя во славу Его, по волѣ Его, въ присутствіи Его, со страхомъ и благоговѣинствомъ. Во второмъ—„не превозноситься даромъ благодати Святаго Духа" (Экум., Ѳеоф.), но паче смиряться, боясь не настолько оказаться дѣятельнымъ и плодотворнымъ, сколько бы слѣдовало, судя по данному дару.

Вѣрою,—„правою и неколеблющеюся, когда кто вѣритъ Богу и въ томъ, что невозможно (въ естественномъ порядкѣ)“ (Экум., Ѳеоф.). Есть двѣ вѣры: вѣра правая, пріемлющая безъ сомнѣнія помышленій все открытое намъ Богомъ, и вѣра, въ Богѣ увѣренная, что не оставитъ предавшаго себя Ему и приведетъ къ желанному концу—вѣчному блаженству, въ какомъ бы кто положеніи здѣсь на землѣ ни былъ. Первая вѣра царствуетъ въ умственной сферѣ, вторая — въ дѣятельной жизни. Сею послѣднею пріемлются вразумленія, подкрѣпленія нравственной энергіи, и извожденія изъ затруднительныхъ и опасныхъ для чистоты сердца и совѣсти обстоятельствъ. Верхъ ея есть та вѣра, о коей говоритъ Спаситель: *вѣруяй въ Мя, дѣла, яже Азъ творю, и той сотворитъ* (Ін. 14, 12). И еще: *вся, елика аще воспросите въ молитвѣ, вѣрующе, пріимете* (Мѳ. 21, 22), или: *вся елика аще молящеся просите, вѣруйте, яко пріемлете: и будетъ вамъ* (Мр. 11, 24).

Чистотою,—ἐν ἁγνείᾳ,—въ непорочности,—„въ дѣвственной чистотѣ и цѣломудріи“ (св. Злат., Экум., Ѳеоф.). Св. Тимоѳей былъ дѣвственникъ тѣломъ. Ему внушалась симъ только дѣвственность сердца, котораго можно не имѣть при дѣвственности тѣла, когда не бываютъ равнодушны къ красотѣ женской, хотя бы безъ похотныхъ вожделѣній. Живущій въ духѣ, какъ указано въ словѣ: *духомъ*, долженъ быть отрѣшенъ и отъ этого, имѣя всѣхъ женъ сестрами,—чѣмъ устраняется всякое предпочтеніе какой-либо, не по духовному ея достоинству, и льнутіе къ ней по одной ея наружной привлекательности.

Ст. 13. *Дондеже пріиду, внемли чтенію, утѣшенію, ученію.*

Сказалъ: будь образцомъ во всемъ для пасомыхъ,

чтобъ они слушали слово твое и слушались его покорно. Теперь указываетъ, чѣмъ заниматься должно съ ними, чтобъ назидать ихъ и вести къ совершенству,— именно чтеніемъ, утѣшеніемъ, ученіемъ; „*внемли чтенію* Божественныхъ Писаній, *утѣшенію* тѣхъ, которые имѣютъ въ томъ нужду, *ученію* обращенному ко всѣмъ вообще“ (св. Злат.). Блаженный Ѳеодоритъ утѣшеніе и ученіе различаетъ такъ: „ученіе, ничѣмъ не удерживаясь, предлагаетъ разныя наставленія (обще—„ко всему народу“ Экум.); а утѣшеніе или ободряетъ унылыхъ, или гнѣвающихся успокоиваетъ совѣтами.“ Блаженный Ѳеофилактъ, повторяя сіе, къ изъясненію *утѣшенія* прибавляетъ, что оно имѣетъ предметомъ своимъ „уговореніе и возбужденіе чувствующихъ въ себѣ упадокъ нравственной энергіи.“ Амвросіастъ же пишетъ: „когда кроткимъ словомъ располагаемъ другихъ къ доброму дѣлу,—это есть утѣшеніе; а когда сокровенное нѣчто (таинства вѣры) печатлѣемъ въ умахъ слушающихъ, это есть учить.“

Что касается до чтенія Божественныхъ Писаній, то подъ нимъ можно разумѣть и чтеніе въ собраніяхъ церковныхъ, и чтеніе домашнее, какъ приготовленіе къ чтенію въ собраніяхъ, и собраніе запаса, откуда почерпать утѣшеніе и ученіе (Амвр.). Отсюда наши толковники извлекаютъ такіе уроки. Св. Златоустъ говоритъ: „Тимоѳею заповѣдуетъ заниматься чтеніемъ. Послушаемъ сего всѣ и научимся не нерадѣть объ изученіи Божественныхъ Писаній. Не къ одному Тимоѳею это сказано, но ко всѣмъ. Если Апостолъ даетъ такія наставленія тому, кто воскрешалъ мертвыхъ, то что намъ говорить противъ? — И Христосъ на учителей указываетъ, когда говоритъ, что *подобно есть царствіе небесное человѣку домовиту, иже износитъ отъ сокровища своего новая и ветхая* (Мѳ. 13, 52). Сіе же

внушаетъ и бл. Павелъ, когда говоритъ: *да терпѣніемъ и утѣшеніемъ Писаній упованіе имамы* (Римл. 15. 4).—Онъ и самъ болѣе всѣхъ исполнялъ это. Будучи наставленъ въ законѣ при ногахъ Гамаліила, онъ конечно и послѣ того занимался чтеніемъ его. Развѣ не видишь, какъ онъ часто приводитъ свидѣтельства изъ Пророковъ и разбираетъ ихъ? Поэтому, если Павелъ занимается чтеніемъ,—ибо не маловажная польза проистекаетъ отъ Писаній,—то ужели мы будемъ лѣниться и разсѣянно слушать его?" — Приложимъ и краткое слово бл. Ѳеодорита: „и треблаженному Тимоѳею, сколько ни былъ онъ духовенъ, учитель повелѣваетъ внимать чтенію. Изъ сего можно дознать, что и намъ надлежитъ привнесть отъ себя трудъ для углажденія пути къ пріятію благодати Духа."

Слова: *дондеже пріиду*, приложены и въ утѣшеніе. что, оставшись одинъ, не долго будешь сиротствовать,—и въ прогнаніе страха при встрѣчѣ недоумѣній, какъ-бы такъ: встрѣтишь недоумѣніе,—ищи разрѣшенія его въ Писаніи; чего же не доищешься,—я приду скоро и разрѣшу. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „утѣшаетъ св. Тимоѳея, сказавъ: *дондеже пріиду*, ибо это давало надежду, что скоро увидитъ учителя, такъ какъ, осиротѣвши, онъ конечно искалъ сердцемъ Павла. И вотъ еще для чего сказалъ онъ это: такъ какъ св. Тимоѳей, будучи молодъ, многаго конечно не зналъ и имѣлъ нужду въ присутствіи учителя, чтобъ узнать то отъ него; то св. Павелъ говоритъ ему: пока приду, читай Писанія, и тамъ найдешь нужныя законоположенія. А когда приду, то передамъ тебѣ и прочее."

Ст. 14. *Не неради о своемъ дарованіи живущемъ въ тебѣ, еже дано тебѣ бысть пророчествомъ съ возложеніемъ рукъ священничества.*

Не неради, стоящее послѣ—*внемли чтенію, утѣше-*

нію и ученію, даетъ разумѣть, что если онъ не будетъ сего исполнять, то окажется нерадивымъ, и что это нерадѣніе будетъ нерадѣніемъ о дарованіи живущемъ въ немъ. Такъ какъ сіе дарованіе очевидно есть дарованіе епископства или пастырства, то слѣдуетъ, что пастырь нерадящій о чтеніи, утѣшеніи и ученіи есть нерадивый пастырь, есть пренебрежитель дара пастырства, ему даннаго и въ немъ пребывающаго. Онъ зарываетъ свой талантъ въ землю (Мѳ. 25, 25), или свой мнасъ завертываетъ въ тряпку (Лук. 19, 20), — и предается сну. Амвросіастъ пишетъ: „если пастырь народа (вѣрныхъ) нерадитъ о семъ (о чтеніи и проч.), то нерадитъ о данной ему благодати. Ибо за тѣмъ и дѣлается онъ водителемъ народа, чтобъ заботился о спасеніи его, увѣщавая и уча, дабы приносило плодъ поставленіе его въ чинъ сей; такъ какъ Богъ за тѣмъ возвелъ его на сію степень, чтобъ онъ способствовалъ спасенію народа Его. Почему кто, сподобясь такого достоинства, бываетъ нерадивъ, тотъ презрителемъ Бога почтенъ будетъ и *мній наречется въ царствіи небеснѣмъ* (Мѳ. 5, 19). Ктому же кто учить не заботится, тотъ будетъ ли пещись о томъ, чтобы дѣлать?“

Въ этомъ и была цѣль, для которой Апостолъ сказалъ здѣсь сіе — *не неради о дарованіи*. Онъ хотѣлъ представить побужденіе къ указаннымъ предъ симъ занятіямъ пастыря по пастырству, давъ разумѣть, что главное дѣло пастыря учить и ученіемъ вести ввѣренныя ему души путемъ спасенія. Пастырь неучащій—не пастырь.—Но чтобъ еще больше усилить такое побужденіе, Апостолъ счелъ нужнымъ напомнить св. Тимоѳею о томъ, какъ получено имъ такое дарованіе пастырства.

Еже дано тебѣ бысть. Не самъ себѣ присвоилъ, не самъ искалъ и домогался прямо или косвенно, — но

дано. Избранъ св. Тимоөей по общему голосу и общему указанію вѣрныхъ. Но избиратель этимъ не удовольствовался, а ждалъ указанія свыше. И оно дано *пророчествомъ*, т.-е. или особымъ откровеніемъ о достоинствѣ избираемаго св. Павлу, или пророченіемъ о томъ какого-либо изъ пророковъ, обычныхъ тогда въ церкви, или другимъ какимъ указаніемъ свыше. О бывшихъ о св. Тимоөеѣ пророчествахъ уже поминалъ св. Павелъ выше, — 1, 18. Вѣроятно, это было не разъ. Но здѣсь говорится о томъ, что совершилось въ Ефесѣ. „Пророчество, пишетъ Амвросіастъ, есть указаніе свыше, что избираемый имѣетъ быть достойнымъ учителемъ.“ Почему сказавъ: *пророчествомъ*, Апостолъ засвидѣтельствовалъ, что св. Тимоөей рукоположенъ въ епископа „по повелѣнію Св. Духа“ (Өеоф.). И вообще тогда „епископы были поставляемы по повелѣнію Духа, а не кое-какъ. И то есть особый видъ пророчества, когда свыше указывается на настоящее, какъ тамъ — въ Антіохіи: *отдѣлите Ми Варнаву и Савла* (Дѣян. 13, 2)“ (Экум.). Указаніе свыше о достоинствѣ избираемаго бывало многократно въ церкви; нерѣдко избиравшіе и не рѣшались закончить свое избраніе безъ указанія свыше.

Избраніе приготовленіе; самое поставленіе въ епископа совершено затѣмъ рукоположеніемъ: *возложеніемъ рукъ священничества*, — του πρεσβυτερίου, — собственно старчества, старѣйшинства, или сонма старцевъ и старѣйшихъ лицъ въ церкви. Изъ такихъ лицъ бывали избираемы священники, и ихъ вѣроятно разумѣетъ здѣсь св. Павелъ. Какъ ихъ въ Ефесѣ и около было не мало, то онъ означилъ ихъ всѣхъ общимъ именемъ—πρεσβυτερίου, что по славянски переведено священничества,—сонма священниковъ. Но какъ же—выходитъ: священники рукополагаютъ епископа?—Св. Златоустъ отвѣчаетъ: „не о

пресвитерахъ (не о священникахъ) говоритъ онъ здѣсь, а объ епископахъ; ибо не пресвитеры рукополагали епископовъ." Такъ и Экуменій съ Ѳеофилактомъ. Но бл. Ѳеодоритъ пишетъ, что *„священничествомъ* называетъ здѣсь Апостолъ сподобившихся Апостольской благодати." И слѣдовательно св. Павелъ разумѣетъ здѣсь только себя самого. Это совершенно согласуется съ тѣмъ, что говоритъ онъ во второмъ къ Тимоѳею посланіи: *воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій въ тебѣ возложеніемъ руку моею* (— 1, 6). Тамъ *даръ* и здѣсь *дарованіе* одно и тоже означаютъ. Слѣдовательно и помянутое *дарованіе* дано возложеніемъ рукъ св. Павла, какъ имѣвшаго Апостольскую благодать. — Но въ такомъ случаѣ слово: *священничества* получитъ не прямой, а переносный смыслъ. Чтобъ удержать прямое значеніе сего слова и вмѣстѣ подъ возложеніемъ рукъ, благодать епископства сообщившимъ, разумѣть возложеніе рукъ св. Павла, а не пресвитеровъ, можно допустить, что въ настоящемъ мѣстѣ возложеніе рукъ священничества было дѣйствительно, но было не какъ совершеніе таинства епископской хиротоніи, а какъ изъявленіе согласія на избраніе, и можетъ быть, даже отдѣльно отъ посвятительнаго возложенія рукъ св. Павла,—прежде, какъ завершеніе избранія указаннаго откровеніемъ свыше. Въ такомъ случаѣ смыслъ всего мѣста будетъ такой: не неради о дарованіи, данномъ тебѣ возложеніемъ моихъ рукъ, по пророчеству, съ согласія всего священства, которое оно изъявило своимъ возложеніемъ рукъ на тебя. Оно дало руки согласія.

Ст. 15. *Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай, (въ сихъ разумѣвай): да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ.*

Въ сихъ,—во всемъ сказанномъ ему прежде, то-есть, *образъ буди вѣрнымъ,* и: *внемли чтенію, утѣшенію и ученію,* или даже выше: питайся словесами вѣры и обу-

чай себя ко благочестію, по упованію жизни вѣчныя. Но можно ограничить широту значенія: *въ сихъ*—преимущественно тѣмъ, что относится къ созиданію себя, какъ пастыря, и къ пастырскому созиданію пасомыхъ. *Поучайся,*—μελετα, о семъ разсуждай, сіе держи непрестанно въ умѣ и обдумывай, симъ всеусердно будь занятъ.—*Въ сихъ пребывай,*—будь весь въ этомъ, другое чтобъ и на умъ не всходило, этому одному будь вседушно преданъ. Какъ воинъ весь въ своемъ воинствѣ, художникъ весь въ своемъ искусствѣ, ученый весь въ своей наукѣ: такъ ты будь весь въ своемъ пастырствѣ. Ибо это есть существенное условіе къ тому, чтобы совершеннымъ явиться въ дѣлѣ, какое кто беретъ на себя, или къ какому кто призванъ. Почему Апостолъ и прибавляетъ въ слѣдъ за симъ: *да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ.*—*Преспѣяніе*—успѣхъ, совершенство. *Будетъ:* чтобъ явно было, что ты во всемъ совершенъ, и въ жизни и въ ученіи, или чтобъ всѣмъ явно было, что ты совершенъ въ своемъ дѣлѣ и чинѣ, т.-е. пастырствѣ. Такимъ образомъ само собою устроится, что никто о юности твоей нерадѣть не будетъ. Экуменій пишетъ: „*преспѣяніе* указуется великое; ибо не будь оно очень велико, то и явно не будетъ. Слово же: *во всѣхъ* означаетъ—или всѣмъ людямъ, или во всѣхъ вещахъ.“ Дополняетъ сіе Ѳеофилактъ: „*во всѣхъ,* т.-е. не въ жизни только, но и въ словѣ учительскомъ. Смотри, какъ великимъ и дивнымъ желаетъ онъ быть ему даже и въ этомъ!“ Словъ: *въ сихъ разумѣвай*—никто не читаетъ изъ нашихъ толковниковъ.

Съ 14-го стиха до конца главы Апостолъ предлагаетъ во увѣщаніе къ доброму пастырствованію убѣдительныя представленія:—въ 14-мъ—*не неради о дарованіи;* здѣсь—*да преспѣяніе твое явлено будетъ во всѣхъ;* далѣе—*самъ спасешися и послушающіи тебе.* „Смотри,

говоритъ св. Златоустъ, какъ настойчиво побуждаетъ онъ его къ одному и тому же, желая показать, что учителю должно больше всего стараться объ этомъ (т.-е. быть образцомъ и учить)".

Ст. 16. *Внимай себѣ и ученію: и пребывай въ нихъ. Сія бо творя, и самъ спасешися и послушающіи тебе.*

Внимай себѣ и ученію. „То-есть, будь внимателенъ къ себѣ самому и другихъ учи" (св. Злат.). Но объ этомъ ужъ говорилось; потому можно полагать, что здѣсь Апостолъ имѣлъ въ виду внушить не столько предметъ дѣла, сколько образъ дѣланія. Къ этому предположенію даютъ поводъ употребленные здѣсь глаголы: επεχε и επιμενε. Επεχε,—поимѣй на себѣ. Умъ имѣть на себѣ—внимать себѣ; но можно поимѣть на себѣ и напряженіе воли, или понуждать себя, налегать на себя. Будетъ - επεχε σεαυτω — налегай на себя и на ученіе другихъ, не жалѣй труда, нудь себя на жизнь примѣрную и на учительство неустанное. Къ сему же смыслу ближе подходитъ и слѣдующее,—*пребывай въ нихъ. Пребывай.*—επιμενε,—съ усиліемъ, прилежаніемъ и терпѣніемъ пребывай въ этомъ,—въ этихъ трудахъ и занятіяхъ по пастырству, не знай усталости. Это же — επιμενε—указываетъ и на воодушевленіе къ терпѣливому труду и усиліямъ, — и надежду на успѣхъ; такъ что—*пребывай въ нихъ* будетъ: будь неутомимъ въ трудахъ пастырства, въ чаяніи успѣха спасительнаго плода, о коемъ и говорится тотчасъ.

Сія бо творя, и самъ спасешися и послушающіи тебе. Самъ спасешися; ибо если будешь такъ поступать, то съ тебя уже нечего болѣе и взыскивать, — ты свое дѣло сдѣлаешь, какъ должно, послушаются ли тебя пасомые или нѣтъ. Но Апостолъ и болѣе этого обѣщаетъ, именно, что и послушающіе его спасутся. Они непремѣнно пойдутъ въ слѣдъ за тобою, и какъ ты,

дѣйствуя сказаннымъ образомъ, вѣрно достигнешь спасенія, то и они въ слѣдъ за тобою достигнутъ того же. Кажется, св. Павелъ имѣлъ въ виду особенно выставить на видъ побѣдоносную силу ученія, оправдываемаго и подтверждаемаго жизнію. Въ такомъ случаѣ, говоритъ какъ-бы онъ, никто не устоитъ противъ твоего слова и убѣжденія,—всѣ тебя послушаются, пойдутъ по ученію твоему и примѣру твоему и спасутся. Плодъ же сего на тебѣ отзовется. Амвросіастъ пишетъ: „убѣждаетъ Апостолъ, чтобъ св. Тимоѳей всѣмъ представлялъ себя образцемъ въ добрыхъ дѣлахъ и былъ образцевымъ въ трудахъ учительства. Преспѣяніе должно быть явлено не въ ученіи только, но и въ дѣлахъ. Ибо какъ древо доброе творитъ добрые плоды (Мѳ. 7, 17), такъ и ученіе доброе злыхъ плодовъ имѣть не можетъ. Когда видны добрыя дѣла, то слушающіе, убѣждаясь, что это есть плодъ добраго ученія, не могутъ не получить пользы отъ ученія. Ибо то, что предлагается въ словѣ ученія, всегда сознается истиннымъ и пріемлется со страхомъ и благоговѣинствомъ, если видно, что все то благоговѣйно соблюдается тѣмъ, кто учитъ. Такимъ образомъ добрый пастырь народа двоякій получитъ плодъ—и за свои добрыя дѣла и за спасеніе пасомыхъ,--послушающихъ его; напротивъ если онъ будетъ нерадивъ, то и за себя и за нихъ дастъ отчетъ Богу.“

Б. Наставленія, какъ учить и руководить пасомыхъ, судя по ихъ разнымъ состояніямъ, — 5 — 6, 19.

Не на всѣхъ одинаково слѣдуетъ дѣйствовать, но надо соображаться съ отличіями каждаго по возрасту, положенію въ церкви, положенію въ обществѣ и внѣшнему состоянію. Какъ все это дѣлать, св. Павелъ указываетъ въ послѣднихъ двухъ главахъ.

а) *Какъ на кого дѣйствовать судя по возрасту,*—5, 1. 2.

Св. Павелъ беретъ во вниманіе только противоположности старца и юноши, старицы и юницы. О прочихъ оставляетъ сдѣлать наведенія самому св. Тимоѳею. И на этихъ указываетъ будто только для примѣра.

Ст. 1. *Старцу пакости не твори, но утѣшай, якоже отца: юноши, якоже братію.*

Подъ старцемъ разумѣетъ здѣсь св. Павелъ не почтеннаго іерейскимъ достоинствомъ, а устарѣвшаго лѣтами (св. Злат. и всѣ). Такому лицу, говоритъ, *пакости не твори,*—μη επιπληξης,—не кричи на него, не брани и не срами его. „Но какъ же быть, если онъ имѣетъ нужду въ исправленіи?—Относись къ нему въ семъ случаѣ, какъ къ родному отцу согрѣшившему, съ почтительною тихостію" (св. Злат., Экум.). Почему говоритъ: *утѣшай,*—παρακαλει, — упрашивай, умоляй, уговаривай. „По самому существу дѣла, сіе, то-есть слушаніе замѣчаній, тягостно,—и въ особенности когда это случается съ престарѣлымъ человѣкомъ; если же при семъ замѣчанія даются юнѣйшимъ, то сіе бываетъ втройнѣ несноснымъ. Поэтому и нужно смягчать тяжесть сего кротостію и дружелюбіемъ. Ибо можно обличать безъ жестокости, если кто захочетъ навыкнуть сему; только для этого требуется большое благоразуміе; однако это возможно" (св. Злат.). „Такъ учитъ Апостолъ располагать къ добру старца, по причинѣ почтительности, вызываемой его возрастомъ. При такомъ отношеніи къ нему, онъ удобнѣе приметъ предлагаемое наставленіе: ибо, несмотря на оказываемую ему почтительность, при первомъ внушеніи не можетъ онъ не опасаться, какъ бы въ другой разъ и не покричали на него, чему срамно подвергаться старцу. У всѣхъ народовъ старчество пользуется почтительнымъ

уваженіемъ. Почему, подобно синагогѣ, и церковь имѣла старцевъ, безъ совѣта которыхъ ничего не дѣлалось въ церкви. И я не знаю, какъ это вышло изъ обыкновенія? Можетъ быть по безпечности пастырей и учителей, или лучше по ихъ гордости, по коей имъ однимъ хотѣлось быть видными въ церкви" (Амвр.).

Юноши, якоже братію, то-есть, увѣщавай и склоняй къ добру. „Зачѣмъ и здѣсь заповѣдуетъ сіе, т.-е. кроткій образъ рѣчи?—Затѣмъ, чтобъ не раздражать свойственной сему возрасту продерзости; почему и въ этомъ случаѣ обличеніе должно смягчаться духомъ кротости и любви" (св. Злат.). „Юношей велитъ Апостолъ увѣщавать какъ братьевъ съ теплотою любви, чтобъ видя, что ихъ усовѣщиваютъ изъ любви, они охотнѣе исправляли себя;—особенно если видятъ при семъ, что у самаго наставника дѣла нисколько не разногласятъ съ его уроками" (Амвр.).

Ст. 2. *Старицы, якоже матери: юныя, якоже сестры, со всякою чистотою.*

Старицъ учи, увѣщавай, склоняй на добро, *какъ матерей.* „Причина сему таже, что и въ отношеніи къ старцамъ" (Экуменій)—„смягченіе горечи исправительной рѣчи теплотою сыновней любви и почтительности" (Өеофилактъ). „Старицы, видя, что ихъ учатъ кроткою рѣчью, будутъ безъ горечи принимать ее, такъ какъ при этомъ соблюдается почтительность къ нимъ. Старымъ горько принимать уроки отъ младшихъ. Почему, когда это бываетъ неизбѣжно, Апостолъ велитъ смягчать это дѣйствіе кротостію и почтительностію, чтобъ оно послужило въ пользу и учащему и слушающимъ" (Амвр.).

Юницъ, то-есть дѣвицъ или молодыхъ женъ, учи, увѣщавай и исправляй, *какъ сестръ.* Причина и здѣсь таже, что въ отношеніи къ юношамъ, потому что и имъ нечужды продерзость и непокоривость. „Юницъ

велитъ Апостолъ учить, какъ сестръ, чтобъ онѣ съ готовностію подчинялись дисциплинѣ добраго житія. Ибо видя, что имъ не властно повелѣваютъ, а доброжелательно внушаютъ, чего требуетъ добрая жизнь, онѣ безпрекословно на то соглашаются, смиряясь предъ увѣщателемъ. Ласковостію скорѣе можно достигнуть того, въ чемъ не всегда успѣваетъ авторитетная власть" (Амвр.). „Но какъ бесѣды съ молодыми женщинами съ трудомъ избѣгають подозрѣнія, а между тѣмъ епископъ долженъ и это дѣлать, то Апостолъ прибавляетъ: *со всякою чистотою,* показывая тѣмъ, что говорить съ ними надлежитъ со всякою чистотою. Если же Тимоѳею заповѣдуетъ онъ это, то пусть подумаютъ всѣ другіе, каковъ долженъ быть епископъ, чтобы не подать случая къ подозрѣнію, ни даже тѣни оправданія для тѣхъ, которые захотѣли бы клеветать" (св. Злат.). Но кажется, св. Павелъ имѣетъ при сихъ словахъ въ виду не столько подозрѣнія другихъ, сколько предотвращеніе сердечнаго сочувствія къ юницамъ. Это сочувствіе и далѣе влеченіе естественно вызывается при встрѣчѣ съ женами, особенно юными. Но оно не неизбѣжно, и тѣмъ менѣе таково, чтобъ необходимо властвовало надъ сердцемъ. Его можно пресѣкать при самомъ зарожденіи или первомъ движеніи, и прогонять, когда оно противъ воли прорвется. Вотъ объ этомъ отторженіи отъ сердца сочувствій и говоритъ здѣсь Апостолъ. „Апостолъ присовокупилъ: *со всякою чистотою,* пишетъ бл. Ѳеодоритъ,—научая при тѣлесномъ цѣломудріи сохранять и душевное, и не допускать въ себя никакого вреда посредствомъ зрѣнія или слуха."

б) *Какъ устроять вдовицъ,* 5, 3—16.

Вдовы, съ самаго начала устроенія церкви, состояли на попеченіи христіанскихъ обществъ. Для устроенія

ихъ въ первой іерусалимской церкви были избраны особыя лица (Дѣян. гл. 6). По этому образцу и всѣ другія общества христіанскія долгомъ своимъ считали—обезпечивать вдовъ и сиротъ. А что это продолжалось и потомъ, указаніе на то можно видѣть въ посланіи св. Игнатія къ св. Поликарпу (гл. 4), въ первой апологіи св. Іустина (—67), и въ церковной исторіи Евсевія (—6, 43). Объ нихъ и говоритъ здѣсь св. Павелъ; и говоритъ аа) сначала объ устроеніи вдовицъ вообще,—3—8; а потомъ бб) частнѣе,—о вдовицахъ α) престарѣлыхъ,—5, 9. 10 и β) юныхъ,—5, 11—15; вв) напомнивъ въ концѣ и еще, что говорилъ объ устроеніи вдовъ вообще—ст. 16. Пространно пишетъ,—вѣрно надлежала нужда въ этомъ.

аа) *О пристроеніи и обезпеченіи вдовицъ вообще,* 5, 3—8.

Ст. 3. *Вдовицы чти сущія истинныя вдовицы.*

Чти,—не пренебрегай, или не неради объ нихъ, а имѣй о нихъ попеченіе. „*Чти*—стоитъ вмѣсто: милосердуй о нихъ и доставляй имъ потребное“ (Ѳеоф.). Но *чти,* говоритъ, такихъ, которыя суть истинныя вдовицы. Какія же это истинныя вдовицы?—Конечно тѣ, которыя хорошо живутъ (ст. 5—7), но которымъ при семъ жить не чѣмъ (ст. 16). Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „вдовамъ, не имѣющимъ никакого ни откуда источника къ удовлетворенію своихъ нуждъ, надлежитъ пользоваться, говоритъ Апостолъ, церковнымъ вспоможеніемъ.“ Св. Іустинъ, въ своей апологіи, говоритъ, что „вѣрующіе жертвовали въ церковь кто что могъ; а настоятели церквей,—пастыри, раздавали потомъ собранное бѣднымъ, вдовамъ и сиротамъ.“ Вдовицы, которыя сами могли содержаться, или которыхъ могли содержать ихъ собственныя семьи, не должны были тяготить собою церкви (—ст. 16). „Такія не суть на-

стоящія вдовицы“ (Экум.).—Относительно ихъ вотъ что заповѣдуетъ св. Павелъ.

Ст. 4. *Аще же кая вдовица чада или внучата имать, да учатся прежде свой домъ благочестиво устроити, и взаемъ воздаяти родителемъ: сіе бо есть благоугодно предъ Богомъ.*

Вдова, говоритъ, у которой есть дѣти или внучата, пусть въ своей семьѣ и содержаніе находитъ. И справедливость этого требуетъ, и Богу это пріятно. Возлагаетъ сіе св. Павелъ на дѣтей или внучатъ оставшейся вдовы: *да учатся прежде свой домъ благочестиво устроити. Да учатся,* — μανθανέτωσαν, — можно перевесть и такъ: да обучатся, пріобрѣтутъ навыкъ. *Благочестиво устроити,* — εὐσεβεῖν, — благочествовать, являть или держать благочестивый образъ жизни. *Свой домъ,* — τὸν ἴδιον οἶκον, — по своему дому, въ своемъ домѣ, подразумѣвая — κατά. Будетъ: которая вдова имѣетъ дѣтей или внучатъ, ту пусть содержатъ эти дѣти и внуки, чтобъ такимъ образомъ они обучились или навыкъ пріобрѣли являть или держать благочестивый образъ жизни прежде у себя, на дому. Благочестивый образъ жизни они должны являть всюду предъ всѣмъ обществомъ христіанскимъ. Но прежде всего пусть навыкнутъ сему у себя дома, оказывая усердное попеченіе о матери или бабкѣ. Чтить и упокоивать мать или бабку есть дѣло благочестное. Если кто, не дѣлая этого дома, внѣ дома однакожъ держитъ видъ благочестиваго, того сомнительно благочестіе,—сомнительно, искренно ли оно, а не для виду только держится. Ктому-же и благочестивому образу жизни надо навыкать. Какъ? — Совершая дѣла благочестія. Апостолъ говоритъ: когда у кого есть дома вдова — мать или бабка, не ходи за ворота, чтобъ встрѣтить тамъ какое-либо дѣло благочестія и упражниться въ совершеніи его. Есть у тебя

подъ руками такое дѣло—упокоеніе и удовленіе матери или бабки. Имъ и займись. Говоря же св. Тимоѳею, какъ пастырю: да учатся сему дѣти и внучата,—онъ внушаетъ: ты ихъ на это направь, растолкуй, что такъ должно, и убѣди къ исполненію.

И взаемъ воздаяти родителемъ,—ἀμοιβὰς ἀποδιδόναι,—воздать воздаяніе,—отплатить. Мать или бабка пеклись и питали дѣтей или внучатъ, когда были хозяйками. Теперь настала череда дѣтямъ ихъ или внукамъ хозяйничать. Пусть же они отплачиваютъ имъ за ихъ прежнее о себѣ попеченіе доставленіемъ имъ покоя и всякаго довольства. Этого требуетъ справедливость, и совѣсть ихъ должна обязать ихъ къ этому.

Экуменій пишетъ: „мысль Апостола такая: да учатся дѣти или внуки оказывать честь матери или бабкѣ, питая ихъ и всякое имъ дѣлая добро. Ибо это означаетъ—εὐσεβεῖν, благочествовать. Этимъ они и взаимъ воздадутъ имъ.“ Тоже читаемъ и у бл. Ѳеофилакта: „да учатся дѣти и внучата почитать свою мать и бабку, доставляя имъ покой и содержаніе. Ибо εὐσεβεῖν здѣсь означаетъ—покоить мать или бабку на старости лѣтъ. Достоинство родителей есть Божественное достоинство, такъ что покоить ихъ значитъ благочествовать, какъ напротивъ непокоить ихъ на старости есть нечестіе. При семъ Апостолъ изводитъ на среду и требованіе доброй совѣсти, говоря: *и взаемъ воздаяти родителемъ,*—воздать родителямъ, т.-е. матери или бабкѣ, за ихъ воспитаніе и возращеніе.“

Сіе бо есть благоугодно предъ Богомъ. Благоугодно и потому, что чрезъ то исполняется справедливое требованіе совѣсти, Богомъ на сердцѣ начертанное, и потому, что какъ родители предъ дѣтьми являютъ нѣкіимъ образомъ ликъ Самого Бога, то оказываемое имъ чествованіе и попеченіе отъ дѣтей Богъ такъ прини-

маетъ, какъ бы это прямо Ему было оказываемо. Да и натурально должное отношеніе къ родителямъ отзывается религіознымъ благоговѣинствомъ.

Иные читаютъ—не: *да учатся*, а *да учитъ*,—μανθανετω. Въ такомъ случаѣ слова Апостола будутъ относиться ко вдовѣ и предписывать, чтобъ вдова имѣющая дѣтей и внучатъ, оставалась въ домѣ и учила, по своей опытности и по авторитету старшинства въ семьѣ, свой домъ, т.-е. дѣтей и внучатъ благочествовать. Какъ? оказывая прежде всего ей самой должный почетъ и попеченіе успокоительное во всѣхъ отношеніяхъ. Вулгата удерживаетъ такой переводъ: discat.

Ст. 5. *А сущая истинная вдовица и уединена, уповаетъ на Бога, и пребываетъ въ молитвахъ день и нощь.*

„Выше сказалъ: *чти сущія истинныя вдовицы*; теперь показываетъ, какая есть истинная вдовица“ (св. Злат.). Та, которая не только мужа лишилась, но и уединенна есть, — μεμονωμενη — одна-одинехонька, ни дѣтей, ни внучатъ не имѣетъ, которые бы объ ней пеклись. Одна одинехонька или осталась, или оставлена,—оставлена своими, живи какъ хочешь (Амвр.). Такой что осталось дѣлать? Возложить все упованіе на Бога и ждать, что Онъ благоволитъ устроить. Которая такъ дѣлаетъ, та и есть истинная вдовица. *Уповаетъ*,—ηλπιχεν,—возуповала, возложила все упованіе на Бога; *пребываетъ*,—προσμενει, ожидаетъ, и ожидаетъ конечно помощи свыше, пребывая въ молитвѣ. Въ концѣ стиха, кажется, должно дополнять мысленно: вотъ какую вдовицу чти, вотъ о какой пекись, вотъ какой устрояй церковное вспоможеніе. Такъ дѣлаетъ бл. Ѳеофилактъ: „настоящая вдовица—та, которая никого не имѣетъ, кто бы о ней пекся, ни сына, ни внука, и на Бога возложила все упованіе. Вотъ о какой надо имѣть попеченіе, вотъ о какой милосердо-

вать, доставляя ей все потребное!“ Св. Златоустъ выставляетъ на видъ болѣе нравственно-религіозную сторону вдовъ. „Если которая нибудь, будучи вдовою, не обратилась къ мірской жизни, то она есть истинная вдовица; которая уповаетъ на Бога, упражняется въ молитвѣ, день и ночь въ терпѣніи проводитъ на молитвѣ,—та есть настоящая вдовица. Тутъ же Апостолъ и утѣшаетъ такую въ томъ, что она не имѣетъ дѣтей, говоря какъ-бы,—что въ томъ, что она лишена не только утѣшенія отъ мужа, но и того счастія, какое приносятъ дѣти, заключается ея преимущество; потому что въ замѣнъ всего она имѣетъ Бога. Слѣдовательно та, которая не имѣетъ дѣтей, не есть хуже другихъ; но этимъ утѣшеніемъ (упованіемъ на Бога) восполняетъ то, чего ей недостаетъ вслѣдствіе того, что у нея нѣтъ дѣтей.“ Тоже дѣлаетъ и Амвросіастъ: „вотъ какихъ должно чтить вдовицъ!—такихъ, которыя, имѣя возможность выдти снова за мужъ, отвергли второй бракъ, по желанію совершеннѣйшей жизни и удобнѣйшаго угожденія Богу, являясь соревновательницами св. Аннѣ, которая въ постахъ и молитвахъ служила Богу день и ночь, послѣ того какъ овдовѣла, поживъ съ мужемъ лишь нѣсколько лѣтъ (Лук. 2, 36). Такою жизнію должна прежде зарекомендовать себя вдова, и потомъ уже удостоиваться быть вдовою церкви (т.-е. на содержаніи церкви состоящею). Также вдову, у которой есть дѣти или внуки, не слѣдуетъ тотчасъ брать на содержаніе церкви. Ибо если она прежде добрѣ правила своимъ домомъ, то ей должно быть взаимно воздано своими, какъ она прежде воздавала имъ. Но если съ какою будетъ поступлено нечестиво, и она брошена будетъ своими, о которыхъ прежде пеклась благочестно, то такая достойна быть принятою на попеченіе церкви, какъ вѣрная исполнительница закона Господня.“

Ст. 6. *Питающаяся же пространно, жива умерла.*

Питающаяся пространно,—σπαταλῶσα,—пристрастная къ утѣхамъ и сластямъ житейскимъ и мірскимъ и преданная имъ. *Жива умерла,*—на видъ жива, а въ существѣ дѣла умерла,—умерла для истинной, человѣку, по его назначенію, свойственной жизни. По образу Божію созданъ человѣкъ; долженъ Богу уподобляться отрѣшенностію отъ всего чувственнаго. Духомъ надѣленъ въ твореніи,—такою силою, которая не можетъ быть удовлетворена ничѣмъ тварнымъ, а только единымъ Богомъ. Кто, отрѣшаясь отъ всего тварнаго и чувственнаго, Бога единаго ищетъ, чтобъ пребывая въ общеніи съ Нимъ, оживотворяться Имъ, тотъ живетъ настоящею жизнію. А кто чувственнымъ преданъ наслажденіямъ, у того нѣтъ настоящей человѣческой жизни, хоть на видъ онъ будто живетъ похоже на таковую жизнь. Ибо духъ его заморенъ и остается безъ движенія. Такова и вдова преданная чувственнымъ утѣхамъ: „подавляетъ она въ себѣ разумную (духовную) силу, и дѣлаетъ, что сія сила въ тѣлѣ ея, какъ въ гробѣ какомъ, остается неподвижною". (Ѳеод.). „По видимости, она живетъ этою чувственною жизнію, по духу же умерла" (Ѳеоф.). „Нынѣшнею жизнію она кажется живетъ, вѣчную же жизнь потеряла: ибо что касается до оной жизни, то она умерла для ней по причинѣ грѣха" (Экум.).

Амвросіастъ пишетъ: „вдова, достойная сего имени, означаетъ такую особу, которая для стяжанія Господа, пребываетъ въ молитвахъ, служа Ему день и ночь. Симъ она показываетъ, что если презрѣла второй бракъ, то для того, чтобъ посвятить себя строгой жизни, Господа ради. Но если какая вдова, прикрываясь симъ именемъ, предается чувственнымъ сластямъ, то ее надобно считать заживо мертвою. Знакъ лукаваго при-

творства есть, когда одно обѣщаютъ, а другое дѣлаютъ, желая пользоваться честію вдовы, но не желая стѣснять себя трудами на угожденіе и служеніе Богу, къ чему обязываетъ обѣтъ вдовства. Ибо истинная вдова, презрѣвъ мужа, избираетъ Господа, чтобъ Ему служить всею душею, по упованію блаженства вѣчнаго.“ Св. Златоустъ пространную пишетъ на сіе мѣсто бесѣду, изображая духовную мертвость тѣхъ, которые проводятъ веселую и разгульную жизнь, утопая въ чувственныхъ наслажденіяхъ, пирахъ, гуляньяхъ, увеселеніяхъ, и въ другомъ многомъ. „Такіе, заключаетъ онъ, не имѣютъ ни души, ни духа, а живутъ только плотію. И Писаніе называетъ ихъ бездушными, говоря: *не имать Духъ мой пребывати въ человѣцѣхъ сихъ, зане суть плоть* (Быт. 6, 3). Они имѣли душу, но мертвую; потому и названы плотію.“

Ст. 7. *И сія завѣщавай, да непорочни будутъ.*

И сія, — можно относить и къ предыдущему, и къ послѣдующему. Относя къ предыдущему, можно ограничивать сіе предыдущее непосредственно предшествующимъ стихомъ, гдѣ такъ укорена питающаяся пространно. И это, т.-е., чтобъ не предавались удовольствіямъ житейскимъ и мірскимъ, яствамъ и питіямъ, ты имъ строго накажи, въ неотложный законъ поставь, чтобъ предъ всѣми являлись онѣ безукоризненными. Или такъ: требуй этого; иначе онѣ не могутъ пребыть непорочными, то-есть не только подпадутъ укору за невоздержаніе, но и въ другіе впадутъ пороки. Такъ бл. Ѳеофилактъ: „видишь, что онъ желаетъ, чтобъ это было закономъ. Не на произволъ оставляетъ, поблажать утѣхамъ или нѣтъ, но запрещаетъ это, какъ грѣхъ. Ибо такое значеніе имѣетъ слово—*завѣщавай*,—*παράγγελλε*; оно стоитъ вмѣсто: со всею строгостію запрещай дерзать на это.“ Сіе толкованіе взялъ онъ

у св. Златоуста, который пространнѣе о семъ говоритъ: „видишь ли, что предписаніе сіе принимаетъ видъ закона? Онъ не предоставляетъ сего свободѣ каждаго, а говоритъ: заповѣдуй, чтобъ не пресыщались, потому что это есть явный грѣхъ, такъ что тому, кто ведетъ роскошную жизнь, нельзя и вовсе неумѣстно быть причастникомъ таинствъ. *И сія завѣщавай,* говоритъ онъ, *да непорочни будутъ.* Видишь ли, что сіе отнесено къ числу грѣховъ? Ибо то, что предоставляется свободѣ каждаго, еслибы даже и не соблюдалось, нисколько не препятствуетъ быть безукоризненнымъ. Поэтому и мы, повинуясь Павлу, будемъ заповѣдывать, что вдовицы, которыя преданы сластолюбію, должны быть исключены изъ числа (настоящихъ) вдовицъ.“

Можно, относя *и сія* — къ предыдущему, къ 6-му стиху присоединить и 5-й. Будетъ: требуй, чтобы вдовица, отказавшаяся отъ втораго брака, не только не позволяла себѣ утѣшничать, но и пребывала въ молитвахъ день и ночь. Можно присоединить и 4-й стихъ, включивъ въ лица, коимъ дается предписаніе, и дѣтей съ внучатами, такъ: заповѣдуй имъ содержать и покоить своихъ матерей и бабокъ вдовъ, чтобъ не подпасть укору отъ лица вѣрныхъ. Эта мысль прямо вяжется съ слѣдующимъ 8-мъ стихомъ: а если кто о своихъ родныхъ нерадитъ, то онъ горше невѣрнаго.

Относя *и сія*—къ послѣдующему, т.-е., къ—*да непорочни будутъ,* получимъ: и вотъ что еще завѣщавай, чтобъ непорочны были и безукоризненны во всѣхъ отношеніяхъ. Ибо и воздерживаясь отъ чувственныхъ удовольствій, онѣ могутъ проявлять другое многое въ своемъ поведеніи, за что справедливо будутъ подлежать укору. Такая мысль видна у Амвросіаста: „Апостолъ требуетъ, чтобъ вдова такое имѣла попеченіе о добротѣ своихъ дѣяній и нравовъ, чтобъ ее ни въ

чемъ попрекнуть было невозможно. Отказавшись отъ мірской жизни и отъ заботъ о тѣлѣ освобожденная, она для того и Богу себя посвятила, чтобъ вести жизнь одобрительную. Въ чемъ ей и успѣть удобно. Ибо такъ какъ случаи, открывающіе обыкновенно входъ грѣхамъ, отъ ней удалены; то ничто ужъ не мѣшаетъ пребывать ей невредимою въ своемъ добромъ поведеніи."

Прибавимъ: нѣтъ нужды настаивать, что мѣсто сіе непремѣнно должно понимать такъ и такъ. Но держа одну какую мысль, не гони и другой.

Ст. 8. *Аще же кто о своихъ, паче же о присныхъ не промышляетъ, вѣры отвергся есть, и невѣрнаго горшій есть.*

Если предыдущія слова относить и къ дѣтямъ съ внуками, видя въ нихъ такую заповѣдь: внушай, требуй, обяжи ихъ упокоивать матерей и бабокъ, да будутъ свободны отъ укора; то настоящій стихъ, прямо отвѣчая такой мысли, будетъ представлять побужденіе къ дѣйствованію по предлагаемому внушенію, показывая, какъ неумѣстенъ несообразный съ тѣмъ образъ дѣйствованія. Пекитесь о своихъ; ибо кто не печется о нихъ, тотъ вѣры отвергся и сталъ хуже невѣрнаго.

Если же въ предыдущемъ стихѣ видѣть другую какую изъ предложенныхъ мыслей; то для связи настоящаго стиха съ предыдущими, надо вставить такую дополнительную рѣчь: что же касается до того, что я налагалъ на дѣтей и внуковъ долгъ пещись о сущихъ въ ихъ домѣ вдовахъ—матеряхъ ихъ, или бабкахъ, то это такъ неотложно, что если кто не будетъ такъ поступать, то онъ вѣры отвергся и сталъ хуже невѣрнаго.

Подъ своими и присными разумѣются родственники вообще, изъ которыхъ *присные*—οἰκεῖοι, суть тѣ, кои живутъ въ одномъ домѣ, а свои, ἴδιοι—всѣ другіе родные особо живущіе. Такъ Апостолъ требуетъ, чтобъ родные пеклись взаимно другъ о другѣ, и помогали

нуждающимся изъ своихъ. Кто не исполняетъ сего, тотъ, говоритъ, самымъ симъ дѣйствіемъ *вѣры отвергся*. „Дѣла его такія не суть дѣла вѣрующаго“ (Ѳеоф.), или такія дѣла обличаютъ въ немъ невѣрующаго, показываютъ, что онъ чуждъ вѣры; устами исповѣдуетъ Бога, а дѣлами отметается Его (Тит. 1, 16). Вѣра требуетъ быть милостивымъ не къ своимъ только кровнымъ, но и ко всѣмъ нуждающимся. „Какимъ же образомъ можетъ быть милостивъ къ постороннимъ тотъ, кто презираетъ людей одного съ собою рода, свойственниковъ своихъ?“ (св. Злат.). Правда, бываетъ, что иной минуя своихъ благотворитъ чужимъ; но это всегда дѣлается на-показъ. „Развѣ не называютъ всѣ тщеславіемъ, когда кто, благодѣтельствуя чужимъ, презираетъ и не щадитъ своихъ несмотря на то, что благотворить послѣднимъ было бы для него и удобнѣе и справедливѣе?“ (св. Злат.).—Такъ немилостивый къ своимъ очевидно не имѣетъ вѣрующаго сердца, и есть тоже, что невѣръ. Но Апостолъ идетъ далѣе и утверждаетъ, что такой даже хуже невѣра: *невѣрнаго горшій есть*. Невѣрный, еслибъ такъ поступилъ, нарушилъ бы только законъ естественный, а этотъ, поступая такъ, и естественный и писанный законъ нарушаетъ (св. Злат.). А сравни его съ тѣмъ изъ невѣрующихъ, который печется о родныхъ по одному закону естества; насколько онъ окажется хуже его?—„Богъ для того и учредилъ родственныя связи, чтобы имѣли больше мы случаевъ благотворить другъ другу. Поэтому если ты не дѣлаешь того, что дѣлаетъ невѣрный, то ужели ты не отказался отъ вѣры и не сталъ хуже невѣрнаго? Если же не пекущійся о присныхъ отказался отъ вѣры и сталъ хуже невѣрнаго; то куда долженъ быть отнесенъ и гдѣ займетъ мѣсто тотъ, кто обижаетъ присныхъ своихъ? Не все равно—презирать ближняго, и

дальняго. Гораздо зазорнѣе презирать знакомаго, нежели незнакомаго,—друга, нежели недруга“ (св. Злат.). И тѣмъ паче кровнаго родственника.

бб) *Какъ частнѣе поступать съ вдовами:*

α) Престарѣлыми,—9. 10, и β) юными,—11—15.

Со ст. 9-го до 15-го идетъ рѣчь объ особыхъ нѣкіихъ вдовахъ; но съ ст. 11-го видно, о какихъ вдовахъ идетъ рѣчь, именно, о юныхъ; о какихъ же говорится въ ст. 9 и 10, не ясно видно. Что это вдовы, не вообще призрѣваемыя церковію, видно изъ ограниченій: не меньше шестидесяти лѣтъ, одного мужа жена, много потрудившаяся въ служеніи другимъ. Ибо, по вышесказанному, церковнаго призрѣнія заслуживаетъ всякая безпомощная вдова; а такою можетъ быть и не столь старая и не одного мужа жена, и не могшая послужить другимъ сказаннымъ образомъ. Такъ это особыя нѣкія вдовы. Какія же? Не діакониссы ли?—Похоже на это, какъ можно судить по тѣмъ добрымъ качествамъ и дѣламъ, какія отъ нихъ требуются: одного мужа жена, чадъ воспитала, странныя пріятъ. Ибо такія доброты требуются, по Апостолу, отъ лицъ избираемыхъ въ клиръ (гл. 3), къ которому причислялись и діакониссы. Но служеніе діакониссъ требовало силъ: ибо кромѣ прислуживанія при крещеніи женъ и смотрѣнія за порядкомъ среди ихъ въ церкви, на нихъ лежало ходить по бѣднымъ и посѣщать больныхъ; а въ шестьдесятъ лѣтъ какая сила у женщинъ? — Если же не онѣ, то кто же такія?—Приходитъ на мысль предположить, что это вдовы долго пожившія и много потрудившіяся для другихъ,—и выбившіяся уже изъ силъ, которымъ потому нужны и кровъ и содержаніе и уходъ. Можно дополнить сіе предположеніе такъ, — что тогда какъ

всѣмъ вообще вдовицамъ давалось пособіе въ дополненіе къ тому, что онѣ добывать могли своими трудами, эти вполнѣ были обезпечиваемы пищею, одеждою, кровомъ и уходомъ. Въ числѣ ихъ и могли и должны были быть и діакониссы.—Наши толковники всѣ не видятъ здѣсь діакониссъ, и слова Апостола разумѣютъ, какъ продолженіе рѣчи о вдовицахъ вообще. Св. Златоустъ говоритъ: „прежде Апостолъ указалъ, чего не должна имѣть вдовица, а теперь показываетъ, что она должна имѣть.“

а).

Ст. 9. 10. *Вдовица же да причитается не меньши лѣтъ шестидесятихъ, бывши единому мужу жена: въ дѣлѣхъ добрыхъ свидѣтельствуема, аще чада воспитала есть, аще святыхъ ноги умы, аще странныя пріятъ, аще скорбнымъ утѣшеніе бысть, аще всякому дѣлу благу послѣдовала есть.*

Да причитается—καταλεγέσθω,—да вносится въ каталогъ вдовицъ, или „да вчиняется во вдовье учрежденіе, εἰς τὸ χηρικὸν“ (Экум.). „Справедливо быть внесену въ церковные памятники той, которая явила себя достойною того прежнею жизнію. Достойно пріемлется въ лоно церкви (на попеченіе ея) та, которая прежде посвящала ей труды свои“ (Амвр.).

Не меньши лѣтъ шестидесятихъ. „Указывая, что должна имѣть вдовица достойная каталога вдовъ, на первомъ мѣстѣ ставитъ Апостолъ опредѣленно ея лѣта,—именно, шестьдесятъ. Впрочемъ, какъ видно изъ слѣдующихъ словъ, онъ не просто за одинъ возрастъ одобряетъ шестидесятилѣтнюю; ибо и такая можетъ оказаться недостойною“ (Ѳеоф.). „Что же, развѣ будешь судить о ней по лѣтамъ? А какая въ этомъ заслуга? Ибо не отъ нея зависѣло прожить шестьдесятъ лѣтъ.

Не по одному возрасту только (должно судить), говоритъ онъ; такъ что еслибъ она и переступила за этотъ возрастъ, но не имѣла заслугъ, то и тогда не должна быть причисляема (къ вдовамъ)" (св. Злат.). И молодая вдова можетъ оказаться достойною вниманія; но какъ она еще въ силахъ, то сама себя пусть содержитъ. „Которыя въ цвѣтущемъ возрастѣ и въ силахъ работать и снискивать пропитаніе, тѣмъ надлежитъ трудами смирять порывы молодости" (Ѳеод.).

Бывши единому мужу жена. Это указывается, какъ свидѣтельство, что она не любила житейскихъ сластей и пространныхъ питаній, но была строгой и воздержной жизни. „Единобрачія требуетъ отъ нея Апостолъ, какъ знака ея степенной честности и любви къ цѣломудрію" (Ѳеоф.).

Въ дѣлѣхъ добрыхъ свидѣтельствуема. О которой всѣ говорятъ только одно хорошее, свидѣтельствуя, что только и видали ее, что въ дѣланіи добрыхъ дѣлъ. Это общая черта. Затѣмъ „перечисляетъ Апостолъ въ частности, какія именно дѣла дѣлаютъ вдову достойною обезпеченія" (Ѳеоф.).

Аще чада воспитала есть, ἐτεκνοτρόφησε,—исполнила, какъ должно, эту первую, лежащую на женѣ-матери, службу. Дѣтопитаніе похвальное не есть только откормленіе дѣтей, но главнымъ образомъ благочестивое ихъ воспитаніе (Ѳеод.). „Поистинѣ, не маловажное дѣло—воспитать дѣтей. Но воспитаніе дѣтей не въ томъ состоитъ, что просто только откормить (возрастить) дѣтей, а воспитать, какъ должно, подобно тому, какъ выше сказалъ Апостолъ, что жена *спасется чадородія ради, аще пребудутъ* (чада ея) *въ вѣрѣ и любви и во святыни* (конечно бывъ утверждены въ семъ воспитаніемъ. 1 Тим. 2, 15)" (св. Злат.). „За это и Авраама Богъ одобрилъ, говоря, что онъ заповѣдалъ *сыномъ*

своимъ, и дому своему по себѣ сохранять всѣ суды Господа Бога. Быт. 18, 19“ (Ѳеод.).

Аще святыхъ ногъ умы, аще странныя пріятъ. Прежде указалъ на семейныя добродѣтели, ближайшія и подручныя, а потомъ—на добродѣтели къ стороннимъ, не чуждымъ однакожъ по вѣрѣ. Ибо *святые* — христіане. „Видишь, что онъ вездѣ ставитъ выше благодѣяніе, оказываемое близкимъ, нежели то, которое оказывается чужимъ людямъ. Ибо прежде говоритъ: *аще чада воспитала есть,* а потомъ: *аще святыхъ ногъ умы,* и проч.“ (св. Злат.). Омовеніе ногъ есть первое дѣйствіе страннопріимства. Надо прежде принять странника, потомъ омыть ему ноги. Ѳеодоритъ. Амвросіастъ, Экуменій и Ѳеофилактъ такъ и читаютъ: прежде *странныя пріятъ,* а потомъ—*ногъ умы.* Но св. Златоустъ читаетъ прежде—омовеніе ногъ, а потомъ страннопріятіе. Ибо если подъ страннопріятіемъ разумѣть не впущеніе только странныхъ въ домъ, а самое ихъ упокоеніе, то оно слѣдовало за омовеніемъ ногъ. То и другое впрочемъ составляетъ одну добродѣтель — страннопріимство,—заботливое попеченіе объ упокоеніи странныхъ. „Такъ поступали въ древности. Такъ Лидда приняла самого Апостола и бывшихъ съ нимъ. Такъ о Фивѣ сказалъ онъ: *заступница многимъ бысть и самому мнѣ.*—Римл. 16, 2“ (Ѳеод.).

Св. Златоустъ пространное дѣлаетъ отъ сихъ словъ примѣненіе: „видишь ли, что Апостолъ называетъ страннопріимствомъ не просто одно благорасположеніе, но соединенное со тщаніемъ, съ добрымъ произволеніемъ, съ усердіемъ, которое такъ принимается за дѣло, какъ-бы готовясь принимать Самого Христа? Ибо онъ хочетъ чтобы служенія святымъ онѣ не поручали служанкамъ, но сами чрезъ себя исполняли сіе. *Аще убо Азъ,* говоритъ Господь, *умыхъ ваши ногъ, Учитель,*

(кольми паче) вы должны есте другъ другу умывати нозѣ (Іоан. 13, 14). Потому что, еслибъ которая изъ нихъ была даже до безконечности богата, еслибъ она достигла величайшей извѣстности и превозносилась знатностію ради своихъ предковъ; то и тогда не будетъ такого разстоянія, какое было между Богомъ и учениками. Если странника принимаешь ты, какъ Христа, то нечего тебѣ стыдиться, лучше хвались этимъ дѣломъ; а когда принимаешь его не какъ Христа, то лучше вовсе не принимай. *Иже васъ пріемлетъ, Мене пріемлетъ,* сказалъ Господь (Матѳ. 10, 40). А какъ скоро не такъ принимаешь, не получишь воздаянія. Авраамъ, какъ ему казалось, принималъ людей, мимоидущихъ путниковъ; между тѣмъ не все нужное для принятія ихъ поручилъ пріуготовить домочадцамъ, но большую часть служенія и самъ лично совершилъ, и женѣ приказалъ мѣсить муку, несмотря на то что имѣлъ триста осмнадцать домочадцевъ, между которыми вѣроятно были и служанки. Онъ желалъ вмѣстѣ съ женою получить награду не только за издержки, но и за служеніе. Такъ мы должны исполнять долгъ страннопріимства, дѣлая все сами, дабы мы сами освятились, дабы и руки наши были благословенны. Въ этомъ состоитъ страннопріимство, въ этомъ поистинѣ состоитъ исполненіе сей обязанности ради Бога.—Хорошо сказалъ Апостолъ: *аще святыхъ нозѣ умы.* Онъ сказалъ сіе съ тою цѣлію, чтобы всѣхъ побудить къ подражанію. Вслѣдствіе сего и мы поспѣшимъ исполнять сіе, дабы и мы похвалены были, что умывали ноги святыхъ.—Ноги святыхъ имѣютъ великую силу. Вслѣдствіе сего и ниспосылаютъ наказаніе, когда отряхиваютъ съ себя прахъ. Когда къ намъ придетъ святой человѣкъ, тогда мы не должны стыдиться сдѣлать для него что-либо подобное сему (омовенію ногъ, вышедшему изъ обычая). А святые—

всѣ тѣ, которые имѣютъ правую вѣру и живутъ благочестиво: они—святые, хотя бы не творили знаменій и не изгоняли демоновъ."

Аще скорбнымъ утѣшеніе бысть. Воспитаніе дѣтей и страннопріимство—домашнія добродѣтели: дѣти всегда подъ руками, странники сами приходятъ. То и другое можетъ быть исполнено безъ движенія за двери дома, и безъ особыхъ личныхъ начинаній. И тутъ трудъ, но мало напряженный. Почему Апостолъ, для совершенства вдовьей добродѣтели, движетъ вдову въ домы плача и бѣдности, въ которые входить дѣломъ благимъ наименовалъ еще Екклезіастъ (7, 3), и хвалитъ ту, которая *скорбнымъ утѣшеніе бысть,* — επήρκεσε, — удовлила скорбныхъ, удовлетворивъ той нуждѣ, которая причиняла скорбь, — „деньгами или заступленіемъ и посредничествомъ" (Ѳеоф.).

Аще всякому дѣлу благому послѣдовала есть. Это *или* тоже самое, что въ началѣ сказано: *въ дѣлѣхъ добрыхъ свидѣтельствуема,*—только съ особою чертою—скорости, неудержимой ретивости на всякое добро: какъ только открывался случай сдѣлать добро, она тотчасъ бралась за него со всею энергіею и не отступала, пока не доводила начатаго до конца. „Апостолъ посему поименовалъ симъ всѣ виды добродѣтели" (Ѳеод.). *Или — послѣдовала*, значитъ подражала. Прежде указанное дѣлала по собственному начинанію; но не довольствуясь этимъ, она дѣлала и всякое добро, какое дѣлающими видѣла другихъ добрыхъ христіанъ. *Или*—этимъ означается вспомоществованіе другимъ трудомъ. Когда кто дѣлая какое дѣло не могъ одолѣть его одинъ, она подходила съ своими услугами и помогала одолѣть его. „Какую заповѣдь даетъ здѣсь Апостолъ?" спрашиваетъ св. Златоустъ, и отвѣчаетъ: „онъ заповѣдуетъ давать вещественное пособіе („тѣлесное по-

служеніе“ Ѳеоф.), — „принимать участіе въ дѣлахъ, послужить,—постлать, напримѣръ, постель, успокоить, къ чему наиболѣе способны женщины“ (тоже у Ѳеофилакта).

„Видишь ли, заключимъ словами св. Златоуста, что для того, чтобы сдѣлаться (настоящею) вдовицею, не довольно вступать во второй бракъ, но нужно и многое другое? Апостолъ требуетъ отъ вдовицы такого совершенства, какого не требуетъ даже отъ дѣвственницъ, несмотря на то, что и отъ сихъ послѣднихъ требовалъ великаго совершенства: ибо сказавъ, что дѣвственница должна быть благообразною и благоприступательною Господеви съ безмолвіемъ (1 Кор. 7, 35), онъ въ общихъ чертахъ обозначилъ всякую добродѣтель. И еще болѣе—онъ требуетъ отъ вдовы почти такого же совершенства, какъ и отъ лица, облеченнаго епископскимъ саномъ.“

β).

Къ молодымъ вдовицамъ строго относится здѣсь св. Павелъ. Опытъ показалъ, что иныя изъ таковыхъ не устаивали въ обѣтѣ вдовства; и кромѣ того, разслабѣвши въ рѣшимости строго держаться даннаго обѣта, онѣ позволяли себѣ и вообще поведеніе неодобрительное. Почему Апостолъ изъявляетъ желаніе, чтобъ молодыя вдовицы лучше вступали во второй бракъ, чтобъ не подать повода противнику—діаволу наругаться надъ ними, сбивъ ихъ съ настоящаго вдовьяго пути.

Ст. 11. 12. *Юныхъ же вдовицъ отрицайся: егда бо разсвирѣпѣютъ о Христѣ, посягати хотятъ, имущія грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася.*

Отрицайся,—юнымъ вдовицамъ отказывай въ пріемѣ въ хоръ вдовицъ. „Запрещаетъ Апостолъ молодыхъ вдовицъ принимать въ этотъ чинъ; потому что возрасту, всегда готовому поскользнуться, не слѣдуетъ легко

вѣрить“ (Амвр.). „Молодыя вдовицы сами подали поводъ къ такому постановленію тѣмъ, что не выдерживали вдовства“ (Өеоф.).

Разсвирѣпѣютъ,—καταστρηνιάσωσι,—подпадутъ неудержимымъ стремленіямъ плотской жизни,—утѣшной, сластолюбивой, удовольственной. „Что значитъ: *καταστρηνιάσωσι?*—То-есть,—когда обезчувствѣютъ, когда охладѣвши къ вдовству, вознерадятъ о немъ, огрубѣютъ къ нему,—когда побѣждены бывъ желаніемъ сластей, уже только притворно показываютъ себя чуждающимися брака, въ самомъ же дѣлѣ вожделѣваютъ его,—и вслѣдствіе того съ грубою надменностію или безчувствіемъ отвращаютъ очи свои отъ Христа, яко жениха“ (Экум., Өеоф.). „И вдовицы своимъ вдовствомъ (когда рѣшаются вдовствовать) обручаются Христу“ (св. Злат.). „Почему вчиняются въ тотъ-же порядокъ жизни, какъ и дѣвственницы. И къ нимъ можетъ быть относимо слово Апостола: *обручихъ бо васъ единому мужу дѣву чисту представити Христови* (2 Кор. 11, 2). Теперь же, когда несмотря на то, что посвятили себя Христу, *посягати хотятъ,* хотятъ брака и замужества,—очевидно не хотятъ уже Его единаго имѣть женихомъ, и предпочитая Ему человѣка, горделиво дѣйствуютъ противъ Него“ (Экум., св. Злат., Өеоф.).

Имущія грѣхъ, яко первыя вѣры отвергошася. „Вѣрою называетъ обѣтъ; какъ-бы такъ говоритъ: обманули Его, отвергли Его, нарушили обѣтъ“ (св. Злат.). Ибо „рѣшившись для Христа жить во вдовствѣ цѣломудренно, вступаютъ во второй бракъ“ (Өеод.). „Пріемля такое рѣшеніе,—вдовствовать для Христа,—онѣ вступаютъ въ завѣтъ съ Нимъ, что обручаются Ему навсегда. Склоняясь теперь на бракъ съ человѣкомъ, онѣ нарушаютъ сей завѣтъ и за то подлежатъ осужденію“ (Экум., Өеоф.). *Грѣхъ—κρίμα,*—дѣло преступное, суду

и осужденію подлежащее. „Очевидно, что онѣ избрали вдовство легкомысленно, не подумавъ хорошо“ (св. Злат.). Чтобъ не было между вѣрующими вдовицами такихъ неосмотрительныхъ рѣшеній, Апостолъ и пишетъ правило—не полагаться на скорыя слова обѣтовъ. Это написалъ Апостолъ для вразумленія и самихъ вдовицъ, „чтобъ не дерзали на то, что выполнить трудно. Ибо неразумно давать обѣщаніе, твердости котораго по юности возраста и сами онѣ не должны довѣрять. Отступивъ отъ него, онѣ праведно подлежатъ осужденію. Ибо достоинъ осужденія тотъ, кто отступаетъ отъ того, что призналъ правымъ, и что, какъ правое, началъ дѣлать. Сколько похвально, если кто точно исполнитъ то, что представляется высшимъ его силъ; столько же достоинъ онъ порицанія, если по неразумной самоувѣренности возложитъ на себя то, чего понести не можетъ“ (Амвр.).

Ст. 13. *Купно же и праздны учатся обходити домы: не точію же праздны, но и блядивы и оплазивы, глаголющія, яже не подобаетъ.*

Вдовица истинная, искренно возлюбившая вдовство, опредѣляетъ себя на уединенную, строгую жизнь и внимая себѣ, пребываетъ въ молитвахъ и трудахъ. Душевное довольство, почерпаемое изъ такой жизни, паче и паче утверждаетъ ее въ ней и служитъ ей подпорою и огражденіемъ противъ искушеній. Но вдовица, не обдумавшая всего этого и легкомысленно рѣшившаяся на вдовство, скоро соскучиваетъ въ немъ и охладѣваетъ къ нему. Когда это произойдетъ, тогда дѣла вдовства уже не идутъ на умъ. Сидѣть въ уединеніи, молиться и трудиться—скучно. Настоитъ нужда искать развлеченій, и пошла по домамъ; а съ этимъ ужъ необходимо вяжутся болтливость, любопытство и неподобныя рѣчи. Это вторая причина, почему отри-

цать должно юныхъ вдовицъ. Апостолъ говоритъ какъ-бы: пусть иная и не будетъ имѣть желанія вступить во второй бракъ, послѣ обѣта—не вступать въ него; но если она не возьмется строго за дѣла вдовства,—уединеніе, трудъ и молитву,—чего естественно ожидать отъ юной,—то скоро сдѣлается празднoшатайкою, болтливою и пытливою на соблазнъ всѣмъ,—и своимъ и чужимъ. И этого одного достаточно, чтобъ относительно ихъ дѣйствовать осторожнѣе. Св. Златоустъ говоритъ: „Не этой только винѣ (—нарушенію обѣта) подлежатъ онѣ, но и другимъ грѣхамъ (—праздности, шатанію по домамъ). Что пользы изъ того, когда онѣ откажутся отъ попеченія о мужахъ, и не приложатъ старанія о Богѣ? Тогда онѣ безъ сомнѣнія содѣлаются праздными, болтливыми, безъ нужды пытливыми; потому что тотъ, кто не заботится о своемъ, непремѣнно будетъ заботиться о чужомъ, равно какъ пекущійся о своемъ и говорить не станетъ о чужомъ, и не будетъ имѣть никакого о томъ попеченія. Нѣтъ ничего до такой степени неприличнаго женщинѣ, какъ всячески разузнавать чужія дѣла,—притомъ не только женщинѣ, но и мужчинѣ, ибо это есть величайшій признакъ безстыдства и наглости.“

Поводомъ или исходнымъ началомъ къ такому уклоненію молодыхъ вдовицъ отъ благообразнаго поведенія можетъ послужить, какъ полагаетъ бл. Ѳеодоритъ, само церковное обезпеченіе. „Пользуясь церковнымъ вспомоществованіемъ, и безъ заботы удовлетворяя тѣлеснымъ потребностямъ, живутъ въ праздности; и праздность приводитъ съ собою лукавыя мысли.“ А отъ мыслей потомъ и самое поведеніе теряетъ свое благообразіе: отъ праздности по домамъ ходятъ,—бываютъ *блядивы,* т.-е. болтливы,—*φλύαροι,—и оплазивы,* т.-е. любопытны,—*περίεργοι*. Это тѣмъ неодобрительнѣе, если

при семъ прикрываются своимъ званіемъ вдовства. „Почитая вдовство, достаточные принимаютъ ихъ въ свои домы, а онѣ, узнавъ, что имъ пріятно слушать, собираютъ по другимъ домамъ и къ нимъ переносятъ; за это пользуются отъ нихъ подачами,—и навыкаютъ такимъ образомъ жить болѣе сплетнями, чѣмъ трудами рукъ своихъ“ (Амвр.).

Ст. 14. *Хощу убо юнымъ вдовицамъ посягати, чада раждати, домъ строити, ни едины же вины даяти противному хулы ради.*

Не всѣ конечно молодыя вдовы неблагонадежны. Не мало бываетъ между ними такихъ, которыя и сами въ себѣ чувствуютъ сильнѣйшее расположеніе къ сохраненію вдовства, и другіе не считаютъ ихъ неспособными къ тому. Потому Апостолъ не пишетъ общаго для всѣхъ ихъ законоположенія – неотложнаго, но говоритъ: *хощу,* какъ-бы совѣтъ предлагая, такой однакожъ, который для нечувствующихъ себя гожими къ храненію честнаго вдовства есть законъ. „Поелику сказанное предъ симъ о такого рода (немощныхъ) вдовахъ непозволительно и противно (здравой вѣрѣ нашей), то Апостолъ совѣтъ даетъ и заповѣдуетъ имъ то, что позволительно (—вмѣсто обѣта вдовства вступить во второй бракъ)“ (Амвр.). „Лучше было бы конечно, еслибъ онѣ, однажды вступивъ въ хоръ вдовицъ, не отворачивались отъ Христа (яко жениха) и не нарушали сего перваго обѣта своего. Но какъ нѣкоторыя поскользаются на это, то лучше пусть, не вступая въ завѣтъ со Христомъ, не давая обѣта посвятить себя Ему, вступаютъ онѣ вновь въ бракъ. Въ этомъ нѣтъ грѣха, а то (давъ обѣтъ, нарушить) ни съ чѣмъ несообразно“ (Экум.). „Такъ какъ онѣ сами хотятъ, то и я хочу, чтобы юныя вдовицы вступали въ бракъ, раждали дѣтей, занимались хозяйствомъ, сидѣли дома; ибо

дѣлать это гораздо лучше, нежели что-либо другое (неподобное). Правда, слѣдовало бы имъ имѣть попеченіе о службѣ Божіей (чтобъ Богу угодить), слѣдовало хранить вѣру (обѣтъ); но если этого нѣтъ, то лучше, чтобы было послѣднее, чѣмъ первое; ибо въ такомъ случаѣ и Богъ не бываетъ отвергаемъ, и сами онѣ не учатся сему (быть праздными и проч.). Потому что отъ такого вдовства не будетъ никакой пользы, а отъ сего брака (можно ожидать) много благъ. Вслѣдствіе сего безпечный и лѣностный ихъ умъ можетъ обратиться (къ добру). Впрочемъ отчего, скажешь ты, Апостолъ не сказалъ, что такъ какъ вдовицы падали, то онѣ должны употребить особое стараніе, чтобы не испытать сего, о чемъ я говорилъ, но заповѣдуетъ вступать въ бракъ? Оттого, что вступать въ бракъ (второй) не запрещалось, потому что онъ поставлялъ въ безопасное положеніе, почему и прибавляетъ: *ни единыя вины даяти противному хулы ради*,—никакого повода. Слѣдовательно онъ отвергаетъ сихъ вдовицъ, желая не того, чтобы онѣ были не молоды, но не желая того, чтобы онѣ прелюбодѣйствовали, не желая, чтобы онѣ были праздны, безъ нужды пытливы, чтобы не говорили чего не слѣдуетъ, не желая, чтобы діаволъ находилъ въ нихъ поводъ (къ осужденію, такъ что еслибъ сего не было, то онъ и не отвергъ бы ихъ. — *Хощу*, говоритъ, *юнымъ* — чего? пресыщаться? или предаваться нѣгѣ?—Ничего такого, но *посягати, чада раждати, домъ строити*. Дабы ты не подумалъ, будто онъ даетъ имъ вольную проводить жизнь въ удовольствіяхъ, онъ прибавилъ: *ни единыя вины даяти противному хулы ради*. Имъ надлежало быть выше житейскихъ заботъ и попеченій. Если же онѣ были ниже ихъ, то пусть по крайней мѣрѣ на одной съ ними стоятъ степени (т.-е. спасеніе свое содѣваютъ, живя

какъ должно, среди житейскихъ дѣлъ)“ (св. Злат.). „Лучше имъ *домъ строити*—οἰκοδεσποτεῖν (быть госпожами въ домѣ и держать строго добрые по дому порядки), т.-е. имѣть попеченіе о своемъ домѣ и нести труды и работы по нему, чѣмъ, ходя по чужимъ домамъ, болтать и проводить время въ праздности. Но опять и домъ устрояя, не сластямъ житейскимъ предаваться должно, но такъ вести домашнія дѣла, чтобы, при всемъ попеченіи о нихъ, не вредить душѣ. Это показалъ Апостолъ словами: *ни единыя вины даяти противнику* (—противнику—ἀντικειμένῳ,—супостату, врагу, діаволу). Можно впрочемъ и такъ разумѣть сіи слова, что въ нихъ Апостолъ, показываетъ цѣль и побужденіе, для чего дѣлаетъ такое молодымъ вдовамъ снисхожденіе. Для того, говоритъ, чтобъ не дать діаволу повода насмѣяться надъ ними, если онѣ, ставъ невѣстами Христовыми, потомъ, по свойственному молодости непостоянству, впадутъ въ нечистыя дѣла. Для того веду я ихъ подъ иго брака, чтобъ, не имѣя времени и покоя, онѣ не имѣли возможности надѣлать кучу вышепоказанныхъ недобрыхъ дѣлъ“ (Ѳеоф.). „Забота и болѣзнованіе о дѣлахъ по дому не дадутъ имъ зѣвать и скучать отъ ничего—недѣланія. Окруженныя такимъ образомъ, со всѣхъ сторонъ и безпрерывно, нужными дѣлами, онѣ хотя и не хотя, навыкнутъ жить благоразумно“ (Экум.).

Ст. 15. Се бо нѣкія развратишася въ слѣдъ сатаны.

Развратишася,—ἐξετράπησαν,—сошли, уклонились, сбились съ прямаго пути, который указывалъ имъ обѣтъ вдовства, и пошли въ слѣдъ сатаны, т.-е. къ тому недоброму поведенію, которое изображено выше. „Законъ постановляется на основаніи опыта“ (Ѳеод.). „Апостолъ отвѣчаетъ симъ на вопросъ: чего ради дѣлаешь ты такое предостереженіе относительно юныхъ вдо-

вицъ,—будто больше заботишься о нихъ, чѣмъ о дѣвственницахъ?—Того, говоритъ, ради, что онѣ сами подали къ тому поводъ своимъ уклоненіемъ въ слѣдъ сатаны. Дѣлаю относительно ихъ такое постановленіе, не потому, что желаю, чтобъ въ числѣ вдовицъ (дающихъ обѣтъ вдовства) совсѣмъ не было юныхъ, но потому, что боюсь, какъ бы (давъ обѣтъ) не оставили онѣ потомъ Христа“ (Экум.).

вв).

Ст. 16. *Аще кто вѣренъ, или вѣрна, имать вдовицы, да довлитъ ихъ, и да не тяготится Церковь, да сущихъ истинныхъ вдовицъ удовлитъ.*

Въ заключеніе Апостолъ опять возвращается къ тому, что положилъ въ началѣ слова о вдовицахъ, именно,—чтобъ онѣ были содержимы семьей, къ которой принадлежатъ; на попеченіи же Церкви оставались однѣ вдовицы безпомощныя. Разница, можетъ быть, только та, что тамъ разумѣются вдова старшая, а содержатели ея—младшіе—дѣти и внуки, а здѣсь наоборотъ содержатели—старшіе,—отецъ, мать, дядя, тетка, или еще кто, а вдовы—младшія,—овдовѣвшія дочери, или племянницы, или еще какія, къ родству принадлежащія, въ какой бы степени ни было.

Аще кто вѣренъ или вѣрна. „Къ вѣрнымъ обращаетъ законоположеніе, кои, вѣруя, готовы послушаться слова Апостольскаго“ (Экум.). Вѣру напоминаетъ, говоря какъ-бы: вѣрные не должны допускать, чтобъ свои имъ бѣдствовали, и тѣмъ меньше обращались къ невѣрнымъ. „Кстати онъ прибавилъ: *аще кто вѣренъ,* ибо вѣрныя не должны были получать пропитаніе отъ невѣрныхъ, чтобы не казалось, будто имѣютъ въ нихъ нужду“ (св. Злат.).

Да довлитъ ихъ—своихъ родныхъ вдовицъ. „Не ска-

залъ: да доставляетъ имъ роскошное содержаніе, но: да удовлетворяетъ ихъ нужды“ (св. Злат.).

Да не тяготится Церковь, да сущихъ истинныхъ вдовицъ удовлитъ. Берите, говоритъ, вы, родные, своихъ родныхъ вдовицъ на свое содержаніе. Ибо если бросите, Церковь должна будетъ взять ихъ на свое попеченіе, и тогда ей тяжело будетъ содержать вдовицъ истинныхъ, т.-е. такихъ, у которыхъ никакой нѣтъ родни. „Видишь ли, что опять истинными вдовицами, долженствующими состоять на попеченіи Церкви, называетъ Апостолъ совершенно одинокихъ, не имѣющихъ ни откуда утѣшенія (обезпеченія). (А у которыхъ есть родные, тѣхъ велитъ брать роднымъ). И это было лучше. Потому что отсюда проистекали два немалыя блага: одни находили поводъ дѣлать добро, другія были хорошо пропитываемы, и Церковь не обременялась“—(св. Злат.).

в) *Какъ дѣйствовать относительно пресвитеровъ,*— 5, 17—25.

Апостолъ касается здѣсь аа) содержанія пресвитеровъ,—17. 18,—бб) поведенія,—19—21,—и вв) рукоположенія,—22—25.

аа)

Гл. 5, ст. 17. *Прилѣжащіи же добрѣ пресвитеры сугубыя чести да сподобляются, паче же труждающіися въ словѣ и ученіи.*

Прилѣжащіи, προεστῶτες,—предстоящіе,—*добрѣ*, добрѣ настоятельствующіе въ церкви, или въ общинѣ христіанской. *Пресвитеры*,—священники, которые выбираемы были изъ людей преимущественно пожилыхъ, какъ болѣе степенныхъ, опытныхъ и обычно пользующихся уваженіемъ, и чрезъ рукоположеніе получали благодать

священства на продолженіе дѣла апостольскаго проповѣданіемъ Евангелія и вообще Слова Божія и освященіемъ вѣрующихъ благодатію чрезъ св. таинства. Въ силу сего они настоятельствовали въ общинахъ христіанскихъ, руководя ихъ, вразумляя и исправляя. Кто ревновалъ о семъ не щадя силъ и даже живота, тотъ добрѣ предстоятельствовалъ. „Кто суть *добрѣ предстоящіи?* спрашиваетъ св. Златоустъ, и отвѣчаетъ: послушаемъ, что говоритъ Христосъ: *пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. 10, 11). Слѣдовательно доброе предстоятельство въ томъ состоитъ, чтобы ради попеченія о предстоятельствуемыхъ ничего не щадить.“ Въ другой разъ Спаситель приточно представилъ добраго предстоятеля подъ видомъ вѣрнаго и мудраго домостроителя, котораго господинъ дома поставилъ надъ челядію—*даяти въ свое время житомѣріе* (Лук. 12, 42),—т.-е. все нужное для содержанія каждаго. Добрый предстоятель по сей притчѣ — тотъ, кто нелѣностно раздаетъ вѣрующимъ житомѣріе Слова Божія и таинственнаго облагодатствованія.

Такіе предстоятели, говоритъ, *сугубыя чести да сподобляются*. „Честію здѣсь называетъ Апостолъ попеченіе, доставленіе всего необходимаго; подобно тому какъ выше, когда говоритъ: *вдовицы чти*, говоритъ о необходимой для нихъ пищѣ.—Что же значитъ: *сугубыя чести?* Сугубыя по отношенію къ вдовицамъ, или по отношенію къ діаконамъ, или просто—сугубыя чести, то-есть, великой“ (св. Злат.). „Добрые и вѣрные строители (экономы) дома Божія должны быть почитаемы достойными не только высокаго почитанія, но и совершеннаго обезпеченія въ содержаніи; чтобъ они не были обезпокоиваемы недостаткомъ потребнаго, но въ радости прилежали ученію вѣры. Настоятельнѣе будетъ въ трудѣ семъ тотъ, кого не смиряетъ нужда, и рев-

ность его все болѣе и болѣе будетъ расти, когда видитъ, что трудъ его приноситъ плодъ и для настоящей жизни, не до избыточествованія, но до отвращенія скудости и недостатка“ (Амвр.).

Паче же труждающіися въ словѣ и ученіи. Три дѣла лежитъ на предстоятелѣ церкви—учить, руководить и исправлять, — и освящать таинствами. Первыя два исправляются трудомъ въ словѣ и ученіи. И это есть важнѣйшій трудъ,—и потому что онъ труднѣе, и потому что приготовляетъ и къ принятію благодати чрезъ таинства. Почему тотъ, кто подъемлетъ его, достоинъ и большаго почета и большаго обезпеченія. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ хочетъ, чтобы такихъ почитали больше, нежели всѣхъ другихъ, и приводитъ причину: они, говоритъ, подъемлютъ великій трудъ. И справедливо. Ибо тогда какъ другой и не бодрствуетъ и не печется, но безъ заботы и печали пребываетъ, тотъ трудится, печется и поучается, особенно когда бываетъ неопытенъ во внѣшнихъ наукахъ. Почему же не пользоваться ему большею честію, нежели всѣ прочіе, когда онъ предается столькимъ трудамъ? Притомъ онъ служитъ предметомъ безчисленныхъ разговоровъ. Одинъ укоряетъ его, другой хвалитъ, иной насмѣхается надъ нимъ, тотъ оскорбляетъ его память и намѣренія,— и онъ нуждается въ великомъ подкрѣпленіи, чтобы переносить это.—Очень важно и много содѣйствуетъ благоустроенію церкви, и великую приноситъ пользу, когда предстоятели ея учительны. А когда этого нѣтъ, то въ церквахъ много отъ того бываетъ ущерба. Поэтому къ прочимъ свойствамъ предстоятеля—къ страннолюбію, кротости и непорочности, Апостолъ и сіе причисляетъ, говоря: *учительну*. Гдѣ теперь говорящіе, будто не нужно слова и ученія? Пусть, говорятъ, жизнію своею научаютъ любомудрію.—Конечно и это со-

вершенно необходимо. Но не слышишь, что говоритъ св. Павелъ: *паче же труждающіися въ словѣ и ученіи?* Не очевидно развѣ, что онъ даетъ предпочтеніе учительнымъ предстоятелямъ? Ктому же когда рѣчь идетъ о догматахъ, тогда какую силу имѣетъ жизнь?—Тутъ нужно учительное слово.—Впрочемъ о какомъ словѣ говоритъ онъ? Не о хвастливомъ (не о щегольскомъ), не о такомъ, которое отличается внѣшнею утонченностію, но о такомъ, которое проникнуто силою духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому ему нужно не искусство и изящныя выраженія, а мысли,—не ученое изложеніе, а, какъ обыкновенно говорятъ, душа.“

Ст. 18. *Глаголетъ бо Писаніе: вола молотяща не обротиши, и: достоинъ дѣлатель мзды своея* (Второз. 25, 4; Матѳ. 10, 10).

„Здѣсь приводитъ Апостолъ и постановленіе закона, и заповѣдь Христову,—и то и другое согласны между собою; ибо законъ говоритъ: *вола молотяща не обротиши.* Видишь ли, какихъ трудовъ требуетъ онъ отъ учителя? (Подобныхъ труду вола молотящаго). Потому что нѣтъ, воистину нѣтъ другаго труда, равнаго его труду.—Но это есть постановленіе закона. Какую же приводитъ онъ заповѣдь Христову? *Достоинъ,* говоритъ, *дѣлатель мзды своея.* Слѣдовательно тотъ, кто предается нѣгѣ и покою, недостоинъ ея. Кто не есть волъ молотящій, кто не несетъ терпѣливо ярма, не обращая вниманія на жаръ и терніе, и не прежде оставляетъ его какъ по собраніи плодовъ въ житницу, тотъ недостоинъ ея.—Поэтому надобно, чтобы учителямъ все необходимое было доставляемо въ довольствѣ, дабы они не трудились для сего сами и, занимаясь маловажнымъ, не пропускали важнѣйшаго, дабы упражнялись въ духовныхъ подвигахъ и не имѣли никакого попеченія о житейскихъ дѣлахъ. Таковы были левиты:

они не заботились о житейскомъ, потому что попеченіе о нихъ имѣли міряне и закономъ опредѣлены были ихъ доходы, какъ-то; десятины, начатки и многое другое. Но имъ по всей справедливости назначалось сіе по закону, такъ какъ они искали настоящаго; а я говорю, что предстоятели, имѣя вѣчныя надежды, не должны имѣть ничего больше, кромѣ пищи и одежды, чтобъ они не развлекались этимъ“ (св. Злат.).

бб)

Ст. 19. *На пресвитера хулы не пріемли, развѣ при двою или тріехъ свидѣтелехъ.*

Хулы,—κατηγορίαν,—осужденія, обвиненія, которое можетъ быть и истиннымъ, слѣдовательно не хулою, которая означаетъ ложное поношеніе лица. Наши перевели сіе слово хулою, внушая сразу заподозрѣвать во лжи худую рѣчь о пресвитерѣ, потому что, съ одной стороны, почтенному симъ саномъ и при такомъ возрастѣ, неудобно и необычно поскользаться на дѣла достойныя осужденія, а съ другой, лица того чина, имѣя долгъ исправлять, легко подвергаются нерасположенію исправляемыхъ, понуждающему ихъ и за ними самими подсматривать, самихъ подозрѣвать, и нерѣдко свои подозрѣнія облекая въ достовѣрность, ложно выставлять дѣйствительными дѣлами. Посему „Апостолъ не сказалъ: не осуждай, но: и не принимай обвиненія и вовсе не призывай его на судъ“ (св. Злат.). „Поелику чину сему принадлежитъ высокая честь, ибо лица сіи суть викаріи Христовы; то не легко, не съ разу должно принимать обвиненіе ихъ. Невѣроятнымъ должно представляться, чтобы тотъ, кто есть предстоятель Божій, велъ себя преступно, какъ напротивъ отъ комедіанта съ вѣроятностію можно ожидать всякихъ гнусностей“ (Амвр.).

Но, какъ человѣки, и они могутъ погрѣшать и по-

грѣшая, подлежатъ суду и осужденію. Почему, когда случится такъ, что предстанутъ два или три свидѣтеля, въ подтвержденіе и обвиненіе, тогда принимай это обвиненіе. Принимай не значитъ—тотчасъ и судъ произноси, но принимай во вниманіе, подвергай изслѣдованію, и по изслѣдованіи уже произноси судъ и взыскивай (св. Злат.).

Законъ повелѣвалъ, чтобъ не одинъ былъ свидѣтель *во свидѣтельство на человѣка по всякому преступленію*, но два или три (Второз. 19, 15). „Законъ повелѣваетъ это относительно всѣхъ (обвиняемыхъ). Но наипаче надлежитъ такъ поступать въ разсужденіи пресвитера. Ибо случается, что онъ, такъ какъ ввѣрено ему предстоятельство въ церкви, оскорбитъ кого-либо изъ согрѣшающихъ, и тѣ, будучи за сіе расположены къ нему непріязненно, сплетаютъ клевету. Почему противъ него должно быть тѣмъ паче представлено это число свидѣтелей“ (Ѳеод.). „Но что, если и двое солгутъ?— Это рѣдко случается; притомъ можетъ быть изслѣдовано на судѣ, и такимъ образомъ сіе можетъ обнаружиться. Слова Апостола и указываютъ на строгое изслѣдованіе“ (св. Злат.).

Ст. 20. *Согрѣшающихъ же предъ всѣми обличай, да и прочіи страхъ имутъ.*

Рѣчь идетъ все о пресвитерахъ. Если по изслѣдованіи окажется кто изъ нихъ дѣйствительно согрѣшившимъ, обличай его предъ всѣми, чтобъ и прочіе страхъ имѣли и съ большею осторожностію удерживались отъ грѣховъ. Ибо если пресвитеру не дается пощады, то что достанется другимъ?—Амвросіастъ пишетъ: „хотя не легко вѣрить должно взводимой на пресвитера винѣ; но если доказано будетъ, или явно будетъ, что онъ поступилъ не хорошо, то, въ такомъ случаѣ, Апостолъ повелѣваетъ обличать его публично, чтобъ и прочіе

страхъ имѣли,—что очень полезно не только для священнаго клира, но и для народа. Ибо когда увидятъ. что и сановитый мужъ обличается за грѣхъ, поневолѣ и сами себя будутъ держать осторожно.“ Тоже читаемъ и у блаж. Ѳеодорита: „не осуждай, говоритъ, прежде обличеній, явно же обличенныхъ въ какихъ-либо беззаконіяхъ не удостоивай пощады; но по уличеніи, произноси на нихъ приговоръ въ присутствіи всѣхъ, чтобъ изъ страха наказанія избѣгали грѣха.“ Св. Златоустъ разсуждаетъ при семъ о всѣхъ вообще погрѣшающихъ, такъ однакожъ, что рѣчь его можетъ быть примѣняема и частнѣе къ суду надъ пресвитерами. „Не тотчасъ отсѣкай (то-есть произноси судъ и дѣлай расправу), но все изслѣдуй съ великою точностію. Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтобъ и другіе вразумлялись. Ибо какъ необдуманно осуждать бываетъ вредно, такъ и не наказывать явно согрѣшившихъ—значитъ давать дорогу другимъ къ тому, чтобъ и они сіе творили и на сіе покушались. *Обличай,* говоритъ, показывая, что (нужно дѣйствовать) не кое-какъ, но съ строгостію, потому что такимъ образомъ и другіе будутъ бояться.— Но не больше ли будетъ соблазна, когда предъ всѣми станешь обличать?—Какимъ же это образомъ? Когда узнаютъ грѣхъ и не будутъ видѣть наказанія, тогда дѣйствительно станутъ соблазняться. Ибо отъ того, что согрѣшившіе остаются ненаказанными, многіе естественно и сами поползаются на грѣхъ; какъ наоборотъ отъ того, что они бываютъ наказываемы, многіе исправляются. Такъ дѣйствовалъ и Богъ. Онъ вывелъ Фараона на среду (на показъ всѣмъ) и наказалъ; видимъ также, что (явно предъ всѣми) получили наказаніе и Навуходоносоръ, и многіе другіе люди и города.—Слѣдовательно Апостолъ хочетъ, чтобъ всѣ имѣли страхъ предъ епископомъ, и поставляетъ его надъ всѣми.“

Ст. 21. *Засвидѣтельствую предъ Богомъ, и Господемъ Іисусъ Христомъ, и избранными Его Ангелы, да сія сохраниши безъ лицемѣрія, ничесоже творя по уклоненію.*

Засвидѣтельствую, — призываю во свидѣтели. Дѣлается это и въ показаніе важности предлагаемаго закона, и въ укрѣпленіе рѣшимости неотложно исполнять его. Такъ Моѵсей говоритъ Израилю: *засвидѣтельствую вамъ небесемъ и землею* (Втор. 4, 26); такъ Михей взывалъ: *слышите дебри, основанія земли* (—6, 2). Похоже это на то, какъ-бы говорилось: *заклинаю тебя Богомъ живымъ.*

Но къ какому предмету относится такая строгость наказа,—къ предыдущему, т.-е. суду, или къ послѣдующему, то-есть къ не скорому, а осмотрительному возложенію рукъ?—Важно конечно дѣло суда, но возложеніе рукъ важнѣе. Почему скорѣе можно принять послѣднее, чѣмъ первое. Изъ нашихъ толковниковъ къ возложенію рукъ относитъ сіе заклинаніе только Амвросіастъ, всѣ же прочіе относятъ его къ суду. Св. Златоустъ говоритъ: „сказавъ (просто, безъ заклинанія) о епископахъ, о діаконахъ, мужахъ, женахъ, о вдовицахъ, пресвитерахъ и о всѣхъ прочихъ и показавъ, надъ кѣмъ простирается власть епископа, когда сталъ говорить о судѣ, присовокупилъ: *засвидѣтельствую предъ Богомъ.* Страшное изрекаетъ онъ внушеніе. Не посовѣстился сказать сіе даже изъ уваженія къ тому, что Тимоѳей былъ его возлюбленное чадо (боясь будто небрежности даже съ его стороны). Но тому, кто непостыдился о себѣ самомъ сказать: боюся, *да не како, инымъ проповѣдуя, самъ неключимъ буду* (1 Кор. 9, 27),— можно было не постыдиться и не посовѣститься сказать сіе и Тимоѳею. Онъ какъ будто такъ сказалъ: призываю во свидѣтели Бога, и Сына Его, и слугъ Его, что я заповѣдалъ тебѣ; вотъ предъ Ними заповѣдую тебѣ. Онъ устрашаетъ Тимоѳея.“

Прибавленіе словъ: *и избранными Его Ангелы* наводитъ на мысль, что св. Павелъ, произнося такое заклинаніе, ставитъ себя со св. Тимоѳеемъ на страшномъ судѣ Божіемъ, на коемъ, какъ представляетъ Слово Божіе, и грядущій Судія и престолъ Его окружены будутъ всѣми Ангелами,—и говоритъ какъ-бы ему: на страшномъ судѣ Божіемъ стою, или буду нѣкогда стоять, съ тобою; блюди, да не презриши данной тебѣ заповѣди! „Призываетъ онъ Отца и Сына (и Ангеловъ) во свидѣтели сказаннаго имъ для того, дабы въ грядущій день, еслибы что совершилось вопреки долга, остаться правымъ предъ ними, т.-е., какъ-бы снимая съ себя всякую отвѣтственность“ (св. Злат.). „Избранными же Ангеловъ назвалъ въ отличіе отъ демоновъ, которые тоже суть ангелы, но отверженные“ (Ѳеоф., Экум.).

Да сія сохраниши. Сія, какъ замѣчено, восточные наши толковники относятъ къ суду. Слово св. Златоуста приведено; вотъ и слово бл. Ѳеодорита: „два даетъ повелѣнія: не осуждать, положившись на достовѣрность свидѣтелей, прежде личнаго изслѣдованія; и послѣ явныхъ обличеній, не отлагать (и не укрывать) приговора, изъ милости къ судимому, нарушая справедливость. (И чтобъ это строго соблюдаемо было, приводитъ во свидѣтели Бога Отца, и Господа Іисуса Христа со святыми Ангелами). На ряду съ Богомъ и со Христомъ Апостолъ поставилъ Ангеловъ не какъ равночестныхъ, но какъ рабовъ. Свидѣтельствую, говоритъ, тебѣ при Богѣ и Сынѣ Его и при служителяхъ Его.“

Но Амвросіастъ относитъ къ возложенію рукъ. „Клятву налагаетъ предъ Богомъ Отцемъ и Христомъ Сыномъ Его и избранными Его Ангелами, коихъ Господь въ Евангеліи называетъ святыми (Мр. 8, 38). Эти

(святые) названы избранными потому, что есть другіе, отверженные. которые не Божіи суть ангелы, а діаволовы, какъ согласующіеся съ нимъ въ отступничествѣ. Подъ клятвою же повелѣваетъ Апостолъ соблюдать то, что касается рукоположенія на служеніе въ церкви,—заповѣдуетъ, чтобы при семъ не было поступаемо безъ предварительнаго строгаго разсужденія, и чтобъ никто не получалъ церковнаго чина съ легкотою, прежде чѣмъ дознано будетъ, какова жизнь его и каковы нравы, но всякъ тогда уже поставляемъ былъ во священники или служители церкви, когда окажется достойнымъ того. чтобъ, если послѣ окажется укоризненнымъ, князю народа (епископу) не пришлось сожалѣть, что не вполнѣ)не до ясности) разслѣдовалъ, чего онъ стоитъ, и рукоположилъ неодобрительнаго.“

Безъ лицемѣрія, — *χωρὶς προκρίματος*, — безъ предубѣжденія, безъ предвзятаго мнѣнія о подсудимомъ, или намѣчаемомъ къ рукоположенію, въ пользу ли его, или противъ него, — мнѣнія, которое установляется безъ разбора по одной видимости или молвѣ. Пусть все опредѣляетъ строгое разслѣдованіе, до полной ясности доведенное,—тамъ (если къ суду относить) относительно дѣла судимаго, здѣсь (если относить къ рукоположенію) относительно жизни и нравовъ избираемаго.

Ничесоже творя по уклоненію. По уклоненію,—*κατὰ πρόσκλισιν*, по склоненію на чью-либо сторону, не по сущности дѣла, а по чувству, отынуды навѣянному, по пристрастію. Итакъ Апостолъ строго запрещаетъ епископу дѣйствовать по предубѣжденію или пристрастію, судъ ли творитъ, или избираетъ кого къ рукоположенію. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „будь ровенъ,— ἴσος (ни на ту, ни на другую сторону не клонящимся) къ тѣмъ, о коихъ идетъ разсудъ или разборъ, чтобъ не случилось πρόκριμα (—рѣшеніе прежде или безъ

разсужденія), — т.-е., чтобъ никто не предзанималъ тебя, и напередъ привлекая тебя къ себѣ, не расположилъ тебя по этому одному (прежде разсужденія и разсмотрѣнія) произнесть судъ и постановить рѣшеніе. Ничего не дѣлай по уклоненію,—*κατα προσκλισιν* (отъ *κλινω*), т.-е. по пристрастію, преклоняясь на одну сторону. Хотя бы писалось чрезъ *η* (*προσκλησιν*), мысль останется одна и таже. Какъ-бы такъ говорилось: приглашаетъ тебя одна сторона ей помочь; такъ ты не дѣлай по сему приглашенію (а по разсужденію и правдѣ).“ Экуменій пишетъ: „св. Василій въ толкованіи притчей читаетъ, — *μη κατα προσκλησιν*, — то-есть, не склоняясь къ тому, что не право, но правый произнося судъ. Именно онъ такъ говоритъ: ничтоже творя по уклоненію, но правые и непревратные произнося суды.“

вв).

Ст. 22. *Руки скоро не возлагай ни на когоже, ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ. Себе чиста соблюдай.*

„Дошелъ и до главнѣйшаго, чѣмъ преимущественно держится Церковь, т.-е. до хиротоніи“ (Ѳеоф.). И относительно ея даетъ правила: „ибо пишетъ епископу“ (Экум.): *Руки скоро не возлагай.* „Что значитъ—*скоро?* Не по первомъ, не по второмъ, не по третьемъ испытаніи, но неоднократно разсмотрѣвъ и тщательно изслѣдовавъ; такъ какъ это дѣло не безопасное“ (св. Злат.). „Надлежитъ изслѣдовать прежде жизнь рукополагаемаго, а потомъ призвать на него благодать Духа“ (Ѳеод.).

Ниже пріобщайся чужимъ грѣхомъ,—то-есть грѣхамъ рукополагаемаго, „возводя недостойнаго на степень тайносовершителя для народа“ (Экум.). Если скоро, безъ должнаго изслѣдованія рукоположишь кого, то можетъ случиться, что онъ окажется неисправнымъ.

Грѣхи, которые онъ потомъ надѣлаетъ, и вредъ, который онъ тѣмъ причинитъ церкви, тебѣ вмѣнятся. И будешь ты причастенъ чужимъ грѣхамъ. „Доставивъ ему власть, подвергнешься наказанію за содѣланные имъ,—какъ прежніе, такъ и будущіе грѣхи. Ибо неблаговременно отпустивъ ему прежніе грѣхи, ты сдѣлаешься виновнымъ и въ тѣхъ, которые онъ совершитъ въ послѣдствіи времени, — именно: будешь причиною сихъ послѣднихъ, — потому что ввѣрилъ ему начальство,—а прежнихъ,—потому что не далъ ему оплакать ихъ и придти въ состояніе сокрушенія. Ты становишься соучастникомъ какъ благихъ его дѣлъ, такъ и грѣховъ“ (св. Злат.). „Не должно рукополагать и того, за которымъ подозрѣваются грѣхи (чья непорочность сомнительна), чтобъ не запятнался грѣхами его рукоположитель. Если совершенно скрыты грѣхи его (никакого ихъ слѣда не видно), то рукоположитель безопасенъ: совѣсть его свободна. Но подозрѣніе должно наводить страхъ. И тогда онъ грѣшитъ, если не испытавъ, какъ должно, рукоположитъ. Рукополагаемый долженъ быть лучше прочихъ. Недовольно для него быть безъ порока; явны должны быть его добрыя дѣла, чтобъ почесть его достойнымъ рукоположенія“ (Амвр.).

Себе чиста соблюдай. По ходу рѣчи прямѣе будетъ понимать: *чиста* отъ вмѣненія грѣховъ рукополагаемаго. Такъ бл. Ѳеодоритъ: „не дѣлай себя подлежащимъ осужденію,“—рукоположивъ, конечно, неосмотрительно такого, который не былъ того достоинъ и котораго грѣхи запятнаютъ тебя самого. Такъ Амвросіастъ: „соблюдая сіе (т.-е. строгимъ дознаніемъ удостовѣряясь въ достоинствѣ рукополагаемаго), епископъ сохранитъ себя чистымъ, по отношенію къ вѣрѣ и Церкви,—и въ будущемъ вѣкѣ получитъ за то воздаяніе.“

Но другіе наши толковники разумѣютъ здѣсь запо-

вѣдь св. Тимоѳею — блюсти свою собственную нравственную чистоту. Св. Златоустъ говоритъ: „здѣсь Апостолъ говоритъ о воздержаніи.“ Экуменій и Ѳеофилактъ пишутъ: „о цѣломудріи даетъ урокъ; цѣломудріе блюсти увѣщеваетъ.“ — Связь съ предыдущимъ будетъ такая: но распознавая, достойны ли рукоположенія другіе, смотри, своего достоинства не потеряй. Или такъ: чтобъ тебѣ смѣлѣе было пытать, хорошъ ли тотъ, не дуренъ ли другой, самъ будь чистъ. Или еще такъ: если самъ будешь хранить себя чистымъ, то будешь имѣть очи для узрѣнія, чистъ ли и достоинъ ли другой. — Св. Златоустъ присовокупляетъ къ сему такое наведеніе: „если же мужу, который до такой степени соблюдалъ посты и столько времени употреблялъ воду, что сталъ отъ того подвергаться болѣзнямъ и частымъ недугамъ, Апостолъ заповѣдуетъ воздержаніе, и тотъ не огорчается его внушеніями; то тѣмъ болѣе мы не должны огорчаться, когда слушаемъ чьи нибудь наставленія о семъ.“ Если принять такую мысль, то въ ней можемъ видѣть причину или поводъ и къ слѣдующему за симъ напоминанію.

Ст. 23. *Ктому не пій воды, но мало вина пріемли, стомаха ради твоего и частыхъ твоихъ недуговъ.*

Слова: *себе чиста соблюдай,* могли понудить св. Тимоѳея къ большему воздержанію и къ большей строгости въ отношеніи къ тѣлу, какъ самому прямому средству къ соблюденію чистоты. Но св. Тимоѳей и такъ постоянно велъ крайне воздержную жизнь, несмотря на то, что не пользовался крѣпкимъ здоровьемъ и часто недуговалъ, можетъ быть, особенно недугами стомаха. Припомнилъ сіе Апостолъ, и умѣряя данный урокъ, говоритъ какъ-бы: слыша сіе: *себе чиста соблюдай,* ты не бросься на большій подвигъ воздержанія. Не дѣлай этого. Тебѣ, по состоянію твоего здоровья,

напротивъ нужно нѣкое послабленіе, и ты, съ этихъ поръ, не одну пей воду, но употребляй немного и вина. Разумѣется виноградное, легкое, и притомъ употребляемое большею частію съ водою.

Не пій воды,—μηκετι υδροποτει,—не значитъ—совсѣмъ не пей воды, а—не одну пей воду, не одною водою напояйся, или утоляй свою жажду, какъ тебѣ обычно.—*Мало вина пріемли,*—οινω ολιγω χρω, —употребляй немного вина. „Этимъ не дано ему позволеніе неумѣренно напиваться виномъ, но разрѣшено пить его, сколько нужно для здоровья, а не для удовольствія“ (св. Злат.). „Не просто сказалъ: употребляй вино, но ограничилъ сіе употребленіе, прибавивъ: *немного.* Ибо юность горяча, и отъ вина скоро приходитъ въ движеніе“ (Ѳеоф.). *Стомаха ради,*—указываетъ на болѣзни желудка. „Но кажется, св. Тимоѳей подвергался недугамъ не желудка только, но и другихъ частей, какъ на это намекаютъ слова: *и частыхъ твоихъ недуговъ*“ (св. Злат., Ѳеоф.).

Амвросіастъ разсуждаетъ при семъ: „здѣсь св. Апостолъ даетъ св. Тимоѳею частный (его лично касающійся) совѣтъ, чтобъ онъ благоразумно управлялъ собою. Богъ хочетъ, чтобъ Ему служили посильно, а не такъ, чтобъ разслабляли себя чрезмѣрностію, и потомъ имѣли нужду искать помощи врачей. Надобно такъ вести дѣло воздержанія, чтобъ, если можно и потребуется, постепенно его усиливать, а не такъ, чтобъ приходилось потомъ умалять его, по причинѣ въ началѣ допущенной чрезмѣрности. Чрезмѣрность (тѣлеснаго воздержанія) самую душу дѣлаетъ немощною, и она, обезпокоенная изнеможеніемъ тѣла, не столько уже бываетъ усердна къ Божественнымъ службамъ. Душа же, покойная съ этой стороны, всѣмъ сердцемъ своимъ восторгается къ Богу, съ нераздвояемымъ вниманіемъ умоляя Его, даровать ей потребное ко спасенію.“

Св. Златоустъ такой задаетъ при семъ вопросъ: „почему св. Павелъ не исцѣлилъ желудка у св. Тимоѳея?“ И отвѣчаетъ: „не потому, что не могъ, а потому, что хотѣлъ отсюда извлечь какое-либо важное наставленіе; ибо тотъ, чья одежда воскрешала мертвыхъ, безъ сомнѣнія, могъ сдѣлать и это. — Зачѣмъ же именно не сдѣлалъ?—За тѣмъ, чтобъ мы, когда и теперь видимъ подверженными недугамъ людей великихъ и добродѣтельныхъ, не соблазнялись этимъ. Такимъ образомъ и это сдѣлано съ пользою. Ктомуже, если ему самому данъ былъ ангелъ сатанинъ, чтобъ онъ не возгордился, то тѣмъ болѣе (подобное предотвращеніе возгордѣнія нужно было) Тимоѳею, потому что знаменія легко могли привести его къ гордости. Потому Апостолъ позволилъ ему пользоваться правилами врачебной науки, дабы и онъ самъ меньше думалъ о себѣ, и другіе не соблазнялись,—и уразумѣли, что и тѣ св. мужи, совершая то, что совершали (—дѣла дивныя), не переставали быть одинаковой съ нами природы.“ „Чтобъ мы не думали, будто древніе выше нашего естества, но вѣрили, что и они люди (подобные намъ)“ (Ѳеоф.).

Ст. 24. *Нѣкихъ же человѣкъ грѣси предъявлени суть, предваряюще на судъ; нѣкимъ же и послѣдствуютъ.*

Послѣ маленькаго повидимому отступленія, Апостолъ опять возвращается къ правиламъ объ избраніи къ рукоположенію, „снова продолжаетъ слово о рукоположеніи“ (Ѳеоф.).—Когда сказалъ онъ: не рукополагай скоро, а изслѣдуй прежде, достоинъ ли кто, чтобъ не сдѣлаться соучастникомъ въ его грѣхахъ; то у св. Тимоѳея естественно могъ родиться вопросъ: да какъ же быть,—вѣдь не узнаешь?!—Апостолъ предотвращаетъ такое недоумѣніе, говоря какъ-бы такъ: какъ не узнаешь! Никакого труда нѣтъ узнать. Иныхъ людей грѣхи идутъ впереди ихъ, вѣсть о дѣлахъ ихъ предшествуетъ

имъ, и прежде чѣмъ увидишь ты кого изъ такихъ въ лице, тебѣ вѣдомо можетъ быть, что онъ напримѣръ нечистъ сердцемъ и тѣломъ, нечистъ на руку, нечистъ языкомъ и под. И это напередъ уже будетъ руководить тебя къ произнесенію сужденія о немъ, достоинъ или нѣтъ. Останется тебѣ только провѣрить, такъ ли и на дѣлѣ есть, какъ слышится. И судъ самъ собою опредѣлится. Нѣкоторыхъ же людей грѣхи не явны. Они умѣютъ ихъ прикрывать, и въ лице всѣмъ кажутся добрыми и честными. Но дѣла ихъ все-же стоятъ за ними и влекутся въ слѣдъ ихъ какъ хвостъ кометы. Они не исчезли, а есть въ послѣдяхъ своихъ. Присмотрись, и увидишь. Къ этому тебя и обязываетъ и право тебѣ даетъ мое постановленіе: *руки скоро не возлагай:* разбери, разсмотри, разслѣдуй. Станешь разбирать, мудрено будетъ укрыться дѣламъ недобрымъ. Если же укроются какъ-нибудь, тогда ты не будешь виновенъ; потому что сдѣлаешь съ своей стороны все возможное. *Предъявлени,* — *προδηλοι,* — напередъ явны, прежде чѣмъ станешь разбирать. *Предваряюще:* — *προαγουσαι,* — напередъ тебя ведя, руководя, располагая, побуждая. *На судъ,* — *εις κρισιν,* — къ произнесенію суда. Какъ будто хотѣлъ сказать: тутъ и разбирать нечего. Другихъ же дѣла *послѣдствуютъ* за ними, — *επακολουθουσι,* — идутъ позади ихъ по стопамъ ихъ, шагъ за шагомъ. Видимостію своею, кажущимся доброповеденіемъ они закрываютъ ихъ отъ взора другихъ; но они все-же тамъ назади. Присмотрится кто и увидитъ.

Такъ разумѣютъ всѣ наши толковники. Они, между прочимъ, изъ словъ: *нѣкіимъ же и послѣдствуютъ,* дѣлаютъ таковое наведеніе: въ сей жизни иные ухитряются такъ искусно прикрывать дѣла свои недобрыя, что до самой смерти остаются на добромъ счету; но по смерти грѣшность ихъ тамъ, въ другой жизни, об-

наруживается и подвергаетъ ихъ осужденію. Смерть не уничтожаетъ ихъ дѣлъ, или не дѣлаетъ того, чтобъ люди сіи—перешли на тотъ свѣтъ, а дѣла ихъ здѣсь остались. Нѣтъ, въ слѣдъ за ними пойдутъ и дѣла ихъ, и тамъ вызовутъ праведный объ нихъ судъ. А дѣла другихъ здѣсь еще рѣшаютъ ихъ участь, явно показывая, что ихъ тамъ ожидаетъ. Экуменій, а за нимъ бл. Ѳеофилактъ приводятъ мнѣніе св. Василія Великаго, который въ этихъ словахъ Апостола видитъ и такую мысль: дѣла нѣкоторыхъ грѣшниковъ, дѣлающія ихъ достойными осужденія, не прекращаются съ ихъ смертію, а продолжаютъ твориться и безъ нихъ, со вмѣненіемъ однакоже имъ. Это именно такія дѣла, худыя послѣдствія которыхъ не прекращаются со смертію надѣлавшихъ ихъ, а продолжаютъ или совращать въ невѣріе и зловѣріе, или увлекать къ худой жизни. Таковы ереси и еретическія писанія,—и соблазнительныя увеселенія и обычаи.

Ст. 25. *Такожде и добрая дѣла предъявлена суть, и сущая инако, утаитися не могутъ.*

Что сказано о грѣхахъ, тоже приложимо и къ дѣламъ добрымъ. И они у иныхъ бываютъ предъявлены, — напередъ извѣстны, идутъ впереди человѣка, рекомендуя его. А у иныхъ бываютъ *инако,* то-есть, не бываютъ явны, неизвѣстными остаются, такъ что нельзя съ перваго разу сказать, каковъ тотъ-то, хорошъ или худъ. Но, говоритъ, и такія дѣла утаиться не могутъ: разслѣдуй и найдешь. До очевидности представляетъ сіе исторія избранія въ епископы въ г. Команы св. священномученика Александра изъ угольниковъ. Избраніе происходило подъ предсѣдательствомъ св. Григорія чудотворца Неокесарійскаго. Когда нѣсколько лицъ предъявленныхъ къ избранію не были одобрены, кто-то выкрикнулъ, ужъ не Александра ли угольника избрать?!

Но сталъ св. Григорій разбирать и нашелъ, что онъ достойнѣе всѣхъ, и всѣми былъ одобренъ (августа 12).

г).

Какъ и чему кого учить, судя по его внѣшнему положенію въ обществѣ?—6, 1—19.

Доселѣ училъ Апостолъ, какъ руководить разныя лица преимущественно по положенію ихъ въ церкви. Теперь переходитъ къ указанію образа дѣйствія на лица, судя по ихъ положенію въ обществѣ. Какъ тамъ, такъ и здѣсь не все обнимаетъ св. Павелъ, а касается только аа) рабовъ,—6, 1—2,—и бб) богатыхъ,—3—19,—потому конечно, что это особенно требовалось.

аа) *Чему учить рабовъ?*—6, 1. 2.

Гл. 6, 1. *Елицы суть подъ игомъ раби, своихъ господій всякія чести да сподобляютъ, да имя Божіе не хулится и ученіе.*

„Сіе говоритъ Апостолъ о рабахъ, у которыхъ господа невѣрные“ (Ѳеод.). „Учи ихъ, говоритъ, и увѣщевай, чтобъ они, хотя господа ихъ суть невѣрные, слушались ихъ, сподобляя ихъ всякой чести и словами и дѣлами“ (Ѳеоф.). Иные изъ рабовъ могли подумать, а можетъ быть и думали, что какъ они получили отпущеніе грѣховъ, приняты въ милость Божію, имѣютъ свободу приступать къ Господу, то по симъ преимуществамъ имъ не слѣдуетъ уже болѣе рабствовать невѣрнымъ господамъ. Апостолъ въ предотвращеніе этого заповѣдуетъ св. Тимоѳею толковать каждому изъ нихъ: „не думай, что если ты вѣрный, то и свободенъ“ (св. Злат.). „Ты свободенъ дух. естествомъ (свободенъ отъ грѣховъ, свободно приступаешь къ Господу), но рабъ тѣломъ. Но и это самое есть свобода, служить, говорю, о имени Христовѣ“ (Ѳеоф.). Расположись служить са-

моохотно, увѣровавъ, что такова воля Господа о тебѣ, и будетъ работа твоя дѣломъ свободы, Богу пріятнымъ, а не игомъ. Это именно внушать и указываетъ Апостолъ; ибо говоритъ: рабы да почитаютъ господъ своихъ достойными всякой чести. Такъ стоитъ по-гречески. У кого есть въ сердцѣ такое убѣжденіе, тотъ не будетъ чувствовать ига рабства. Чествующій кого охотно преклоняется предъ нимъ и покорствуетъ ему.

Но такое внушеніе, какъ рабамъ иго рабства дѣлать легкимъ, только намекается въ словахъ: да почитаютъ достойными чести. Главное же намѣреніе Апостола— воодушевить рабовъ къ вѣрному служенію выгодами вѣры. Толкуй имъ, говоритъ, что если они не будутъ чествовать господъ вѣрнымъ служеніемъ, то господа станутъ худо думать о нашемъ ученіи и нашей вѣрѣ, и они такимъ образомъ подадутъ поводъ хулить имя Божіе, нареченное на христіанахъ. А если будутъ служить имъ охотно и почтительно, особенно послѣ прежняго неохотнаго и ворчливаго служенія, то тѣмъ дадутъ высокое понятіе о нашемъ ученіи и расположатъ обратиться къ вѣрѣ въ Господа Спасителя. „Невѣрный, если увидитъ, что чрезъ вѣру люди впадаютъ въ самомнѣніе, часто будетъ поносить ее, какъ ученіе располагающее къ возмущенію; а если замѣтитъ, что они стали болѣе покорны, то тѣмъ скорѣе самъ покорится, тѣмъ внимательнѣе будетъ къ тому, что говорится (въ проповѣди Евангельской)“ (св. Злат.).—Для вѣрнаго, любящаго и чтущаго вѣру, не можетъ быть болѣе сильнаго побужденія къ спокойному и охотному несенію ига вѣрнаго рабствованія невѣрнымъ.

Ст. 2. *Имущіи же вѣрныхъ господій, да не нерадятъ о нихъ, понеже братія суть; но паче да работаютъ, зане вѣрни суть и возлюблени, иже благодать воспріемлющіи.*

Сія учи и моли. То была рѣчь объ отношеніи къ госпо-

дамъ невѣрнымъ, а теперь объ отношеніи къ вѣрнымъ. Вѣрные господа разумѣются не вѣру только содержащіе, но и живущіе въ духѣ вѣры, слѣдовательно братски относящіеся къ рабамъ, не обременяющіе ихъ сверхъ силы, жалѣющіе ихъ и радѣющіе о нихъ. Видя это, неразумные слуги могли забываться, поблажать чувству равенства господамъ и вслѣдствіе того нерадѣть о своихъ службахъ и непочтительно относиться къ господамъ. Предотвращать это и внушаетъ здѣсь св. Павелъ. Учи, говоритъ, чтобъ слуги вѣрными господами не пренебрегали, а еще усердѣе имъ работали. „Рабы, у которыхъ господа благочестивы, благочестіе ихъ да не обращаютъ въ поводъ къ небреженію; но да удостоиваютъ ихъ поэтому большей услужливости (Ѳеод.). Говори имъ: „если вы удостоились такой чести, что господами имѣете братій (или господъ имѣете братіями), то должны ради сего преимущественно повиноваться имъ“ (св. Злат.). „Нельзя такъ,—что поелику ты братомъ сталъ имѣть господина въ силу крещенія, то тебѣ можно небрежно относиться къ нему; напротивъ, въ этомъ самомъ находи побужденіе—служить и рабствовать ему еще съ большимъ усердіемъ“ (Ѳеоф.).

Побужденіемъ же къ сему выставляется: *зане вѣрни суть и возлюблени, иже благодать воспріемлющіи.* Вѣра не отнимаетъ права господства, а украшаетъ его. Слуга, чтущій высоко вѣру, высоко чтитъ ее и въ господинѣ, а ради ея и господина. Отсюда—не умаленіе чувства обязанности рабствовать, а возвышеніе, и какъ бы освященіе. И рабствуй паче, говоритъ, *зане вѣрни суть.* Но въ силу вѣры они *и возлюбленны,*—возлюбленны Богу (Экум.),—возлюбленны и рабамъ, потому что къ этому обязываетъ и располагаетъ вѣра, учащая любить и чужихъ всѣхъ, а не только своихъ, и притомъ такихъ, кои господа имъ суть. Нельзя вамъ не

чувствовать, сколь благо для васъ, что имѣете господъ вѣрныхъ и возлюбленныхъ. Но „насколько облагодѣтельствованы вы тѣмъ, что имѣете господъ братьями, настолько и сами будьте благодарны, усерднѣе служа имъ“ (Экум.). „Сказавъ: *возлюблени,* Апостолъ изгоняетъ страхъ, имѣя который къ господамъ, слуги часто впадаютъ въ ненависть къ нимъ,—и вмѣсто его вводитъ любовь“ (Ѳеоф.), или „со страхомъ сочетаваетъ любовь“ (Экум.).

Иже благодать воспріемлющіи,—которые благодать воспріемлющіи суть, — воспріемлютъ, причастны суть благодати, т.-е. получили отпущеніе грѣховъ, приняты въ сыновство Богу, снабжены дарами Духа Святаго. Тѣ, которые приняты въ такую милость Божію и такъ Богомъ почтены, не должны ли и слугами болѣе быть почтены чрезъ изъявленіе большей покорности и большаго усердія въ служеніи имъ? Такую мысль подаетъ славянскій переводъ,—каковой переводъ допустимъ и греческимъ текстомъ: οι της ευεργεσιας αντιλαμβανομενοι,—которые благодѣяніе воспріемлютъ, или причастны благодѣянія,—разумѣется,—Божія благодѣянія намъ грѣшнымъ, верхъ котораго есть устроеніе спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ—сія *благодать возблагодать.*

Но греческій текстъ можетъ подавать и такую мысль: которые пекутся и ревнуютъ о благодѣяніи, подразумѣвается, рабамъ, — „которые заботливо стараются благодѣтельствовать рабамъ“ (Экум., Ѳеоф.). По-русски такъ и переведено: которые благодѣтельствуютъ имъ—рабамъ. И наши толковники всѣ эту мысль держатъ. Св. Златоустъ говоритъ: „господа больше доставляютъ рабамъ, чѣмъ рабы господамъ; ибо первые и золото тратятъ на нихъ, и заботятся о снабженіи ихъ необходимыми вещами, одеждою и всѣмъ прочимъ. И на это здѣсь указывая, Апостолъ говоритъ: οι της

ευεργεσιας αντιλαμβανομενοι, которые пекутся добро дѣлать вамъ, рабы. Они безпокоятся и трудятся ради вашего спокойствія,—и ужели не должны пользоваться великою честію отъ своихъ домочадцевъ?"—Тоже и у блаж. Ѳеофилакта: „вспомни (слуга), что онъ (господинъ) еще и благодѣтель твой (не только вѣрный и возлюбленный), безпокоится и печется о тебѣ, чтобъ накормить тебя, чтобъ одѣть и всякой другой удовлетворить твоей потребности и нуждѣ: такъ что у него много правъ на тебя (на твою ему покорность и служеніе), кромѣ того, что купилъ тебя."

Предполагается, что господа, увѣровавъ и освятившись благодатію, измѣнили свой деспотскій нравъ, и стали обращаться съ рабами, какъ съ своими кровными, и содержа ихъ хорошо, и любовное къ нимъ расположеніе являя. Вслѣдствіе чего они, возлюбленные рабамъ по вѣрѣ, еще болѣе возлюбленны по благодѣяніямъ своимъ къ нимъ. Почему сіи послѣдніе естественно усерднѣе должны служить имъ теперь, чѣмъ прежде. Вѣрнымъ господамъ, говоритъ, Апостолъ рабы должны усерднѣе служить, потому что они вѣрны и возлюбленны, и тѣмъ паче потому, что они имъ самимъ благодѣтельствуютъ, будто воздавая имъ добромъ прежде, чѣмъ они дѣлаютъ что для нихъ; считайте себя уже отблагодѣтельствованными со стороны господъ за ваше имъ служеніе (Экум.). Служа имъ, отплачивать имъ будете долгъ благодарности за ихъ благодѣянія къ вамъ, васъ покрывающія и обнимающія.

Сія учи и моли. Учи, какъ власть имѣющій, *умоляй,*—уговаривай, убѣждай, какъ любящій отецъ или братъ. „Дѣлай первое, какъ учитель, второе какъ отецъ" (Ѳеод.). „Учителю должно употреблять не только власть, но и великую кротость, и съ другой стороны не только кротость, но и власть" (св. Злат.). „Ибо врачъ есть,

а врачъ беретъ иногда мягкостію, а иногда и строгимъ принужденіемъ“ (Ѳеоф.).

Слова сіи у насъ стоятъ въ связи съ предыдущимъ, то-есть съ тѣмъ, что слѣдуетъ внушать рабамъ. Такъ можетъ быть и требовалось, не столько по важности самаго предмета,—покорности рабовъ господамъ, сколько по вреду, какой могла нанести церкви и вѣрующимъ непокорность ихъ.—Но кажется лучше соединять ихъ съ послѣдующимъ, и относить ко всему сказанному выше. Св. Златоустъ отрываетъ сіи слова отъ этого—2-го стиха, и соединяетъ съ слѣдующимъ,—3-мъ.

бб) *Чему учить богатыхъ?* 6, 3—19.

Все это отдѣленіе,—3—19, содержитъ слѣдующее: α) внушается: *сія учи,*—и въ слѣдъ за тѣмъ пишется укоръ инако учащимъ, послѣднею недоброю чертою которыхъ ставится то, что они *непщуютъ пріобрѣтеніе быти благочестіе,*—3—5. Это подало поводъ β) къ указанію αα) пагубныхъ послѣдствій отъ любоиманія для вѣры и жизни—6—10,—и внушенію: ββ) *сихъ бѣгай,* гони же благочестіе, вѣру и проч., съ заклинаніемъ соблюсти неотложно такую заповѣдь, до пришествія Господня,—11—16. Послѣ сего слѣдуетъ уже, γ) чему учить богатыхъ,—именно,—чтобъ не гордились, не уповали на богатство, а употребляли его на добрыя дѣла, *сокровиществующе себѣ основаніе добро въ будущее,*—17—19.—Такимъ образомъ тутъ все говорится о любоиманіи въ разныхъ отношеніяхъ. Почему сочтено умѣстнымъ озаглавить сіе отдѣленіе: *чему учить богатыхъ,* почитая указаніе вредныхъ послѣдствій отъ пристрастія къ богатству и внушеніе бѣгать сего, ревновать же о всякой добродѣтели, *введеніемъ* къ тому, а указаніе недобрыхъ качествъ инако учащихъ—*поводомъ.*

α).

Поводъ этотъ устроился будто нечаянно. Апостолъ имѣлъ въ виду только внушать — держаться здраваго ученія и бѣгать всякой инаковости въ немъ и споровъ, какъ неоднократно дѣлаетъ въ семъ посланіи. Но какъ для отклоненія отъ послѣдняго самымъ лучшимъ побужденіемъ служитъ знаніе недоброты инакоучащихъ, то ее и изображаетъ Апостолъ. А одною изъ выдававшихся тогда чертъ этихъ инакоучащихъ была та, что они дѣйствовали *скверннаго ради прибытка* (Тит. 1, 11). Поставивъ въ концѣ эту черту въ словахъ: *непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе,* — Апостолъ за тѣмъ ведетъ уже рѣчь все о страсти къ стяжаніямъ и богатству.

Ст. 3. *Аще ли кто инако учитъ, и не приступаетъ ко здравымъ словесемъ Господа нашего Іисуса Христа, и ученію, еже по благовѣрію, разгордѣся.*

Св. Златоустъ, какъ замѣчено, читаетъ это въ связи съ *сія учи и моли.* Такъ учи, а отъ тѣхъ, которые инако учатъ, отступай. Чтобъ отступалъ отъ ученія ихъ, объ этомъ св. Тимоѳею нечего было напоминать. Отступай, говоритъ, отъ самыхъ инакоучителей, — не связывайся съ ними, „отвращайся отъ нихъ“ (св. Злат.). Потому что свяжись съ ними, — и пойдетъ словопреніе, отъ котораго никогда никакой не бываетъ пользы, а одно раздраженіе и раздоръ. Уступить тебѣ они не могутъ, потому что по гордости и самомнѣнію думаютъ, что знаютъ истину и стоятъ въ ней, тогда какъ совсѣмъ не знаютъ ея. Это самопрельщеніе и держитъ ихъ въ упорствѣ и противленіи истинѣ. И ничего съ ними не подѣлаешь. Лучше всего не связываться съ ними. Возвѣщай одну истину, — и кто есть отъ истины, послушаетъ тебя (Іоан. 18, 37). Таково содержаніе предлежащаго Апостольскаго урока.

Кто эти инакоучители, Апостолъ не опредѣляетъ частно, а вообще говоритъ: инако учатъ, не приступаютъ къ здравымъ словесамъ Господа и ученію, еже по благовѣрію. Тутъ можно разумѣть все христіанское ученіе, — и догматы, и правила жизни, и освященіе таинствами. Кто хоть въ чемъ нибудь изъ сего отступаетъ отъ словесъ Господа и здраваго ученія, содержимаго сонмомъ благовѣрныхъ, тотъ есть инакоучитель, гордый словопритель, недостойный общенія. Почему и: *сія учи и моли* — относится не къ одной покорности рабовъ, но ко всему вышеизложенному, не исключая конечно и этого.

Здравыя словеса Господа тѣ суть, о коихъ Онъ свидѣтельствовалъ: *вся, яже слышахъ отъ Отца, сказахъ вамъ* (Іоан. 15, 15). Они тѣже, что и Духъ Святый внушалъ Апостоламъ: ибо и Онъ имѣлъ изрекать, *елика аще услышитъ* (Іоан. 16, 13), и конечно, что ни изрекалъ, изрекалъ, какъ слышалъ. Здравыя словеса Господа совмѣщаютъ, слѣдовательно, истину, въ тайнѣ тріѵпостаснаго Бога сокровенную и на землю принесенную Сыномъ Божіимъ воплотившимся и распространенную среди людей чрезъ Апостоловъ Духомъ Святымъ,—истину здравую, т.-е. чистую, безпримѣсную, непреложную. Здравы они, какъ чистую истину содержащія, и какъ здравіе душѣ, пріемлющей ихъ, подающія. Ибо истина здравіе душѣ приноситъ, а ложь, хотя бы и малая, разслабляетъ ее и немощною дѣлаетъ.

Ученіе, еже по благовѣрію, составляется изъ здравыхъ словесъ Господа и откровеній Духа Святаго. Оно сводитъ во едино всѣ словеса и изъ всѣхъ истинъ, ими возвѣщаемыхъ, составляетъ одно цѣлое, одинъ образъ созерцанія дѣла спасенія въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Св. Духа, по благоволенію Отца. Господь многое говорилъ, многое говорили и Апостолы отъ

Духа Святаго. Слышавшіе и принимавшіе слагали все въ сердцѣ своемъ, которое, какъ архитектонъ нѣкій, благодатію руководимый, и устрояло тотъ образъ созерцанія дѣла спасенія. Сей образъ и совмѣщалъ ученіе еже по благовѣрію. Установившись подъ вліяніемъ Апостоловъ, образъ сей вынесенъ въ сердцахъ вѣрующихъ изъ вѣка Апостольскаго, обновляемый и хранимый преемниками ихъ, и преданъ послѣдующимъ родамъ вѣрныхъ, отъ которыхъ другъ-другопріимательно и до насъ дошелъ. Такъ что *ученіе, еже по благовѣрію,* есть ученіе, церковію содержимое,—тогда при Апостолахъ и теперь по преемству отъ нихъ.

По-гречески стоитъ не *благовѣріе,* а благочестіе,— τῃ κατ εὐσεβειαν διδασκαλια. Но это не отступленіе отъ подлиннаго слова Апостольскаго, а точнѣйшее его выраженіе. Благочестіе есть сердечное отношеніе къ Богу. Жизнь по благочестію есть жизнь въ страхѣ Божіемъ, во славу всесвятаго имени Его; ученіе по благочестію есть ученіе, содержимое по несомнѣнной вѣрѣ слову Бога истины. Такое содержаніе истины есть воистину благовѣріе,—и оно только одно и есть таково.

Ст. 4. *Разгордѣся, ничтоже вѣдый, но недугуяй о стязаніихъ и словопрѣніихъ, отъ нихже бываетъ зависть, рвеніе, хулы, непщеванія лукава.*

Разгордѣся. Это тотъ, кто не приступаетъ къ словесамъ Господа, или криво толкуетъ ихъ. Богъ говоритъ и даетъ законоположенія, а тварь не слушаетъ, или слушая—толкуетъ слышанное не по Божіему, а по своему, подвергая Божіе осужденію, какъ неугодное себѣ. То и другое дѣйствіе выражаетъ: отойди, путей твоихъ вѣдать не хочу. Такъ говорятъ въ лице Богу не грѣшники только, но паче еретики, инакоучители. Не гордость ли это? Это верхъ гордыни,—сатанинская гордость, которою обычно и преисполнены всѣ инако-

учители. И естественно; ибо, не внемля слову Божію, они уму только своему послѣдуютъ, а умъ кичитъ. Кичливы и всѣ инакоучители, хотя они прикрываются иногда очень смиреннымъ видомъ,—овечьею одеждою, волцы суще. Τετύφωται,—надмился, говоритъ Апостолъ, какъ мыльный пузырь. Мыльный пузырь кажется чѣмъ-то, а на дѣлѣ ничего прочнаго въ себѣ не имѣетъ. И инакоучитель, не сообразующійся ни съ прямымъ словомъ Божіимъ, ни съ ученіемъ Церкви, которая есть столпъ и утвержденіе истины, построивъ умомъ своимъ свою систему ученія о спасеніи, носится съ нею, мечтая въ самопрельщеніи, что вотъ наконецъ онъ постигъ истину, которой другіе не знаютъ. И кичитъ. А между тѣмъ явно, что не знаетъ истины, а уклонился въ ложь. Ложь утверждаетъ, что есть то, чего нѣтъ. Почему хотя она выставляетъ себя знаніемъ и другимъ можетъ представляться такою, на дѣлѣ ничего не знаетъ,—пузырится только, будто знаетъ. Апостолъ и отмѣчаетъ, что инакоучащій *разгордѣся, ничтоже вѣдый*. Положите, что кто нибудь отвелъ бы вамъ глаза, и кучу сора представилъ вамъ кучею золота. Видѣлась бы вамъ куча золота, а на дѣлѣ все же это куча сора. Такова всякая система инакоучителей; кажется блестящею, какъ золото, истиною, — на дѣлѣ же есть сборъ мечтаній, не содержащихъ истины. И можно положить за признакъ, что, коль скоро съ какими-либо умовыми построеніями вяжется кичливое самомнѣніе, знай, что тутъ ложь кроется, что это не есть постиженіе истины, а мечта, ничего-невѣдѣніе. Св. Златоустъ говоритъ: „слѣдовательно намъ случается воспаляться гордостію не отъ знанія (истины), а отъ незнанія (ея); потому что тотъ, кто знаетъ ученіе, согласное съ благочестіемъ, болѣе всѣхъ умѣетъ смиряться; тотъ, кто наставленъ въ здравомъ ученіи, не бываетъ

одержимъ сею болѣзнію (гордости). Слѣдовательно можно знающему что-нибудь (думающему, что знаетъ), не знать ничего (какъ должно); ибо тотъ, кто не знаетъ того, что должно, ничего не знаетъ.“

Какъ инакоучитель, свою построивъ систему ученія, дмится ею, то не можетъ терпѣть несообразнаго съ нимъ, почитая то оскорбленіемъ для себя въ самомъ чувствительномъ мѣстѣ и униженіемъ своего высокодержимаго учительства. Оттого всюду заводитъ совопросничества и словопренія; спорливость ярая сопровождаетъ его и идетъ по слѣдамъ его. Это далѣе и выставляетъ на видъ св. Павелъ: *и недугуяй о стязаніихъ и словопреніихъ. Стязанія* — ζητησεις, изысканія, — расположеніе вопросовъ, — что это, отъ чего то, какъ есть вонъ то, и под. И пошли толки, коимъ конца не жди. *Словопренія*, — λογομαχιαι, — война изъ-за словъ. Такъ какъ инакоучитель предлагаетъ, какъ истину, что не есть таково, то-есть чему не отвѣчаетъ дѣйствительность, то его рѣчь ничего существеннаго не содержитъ, а есть наборъ словъ, — и защищая себя, онъ не другое что дѣлаетъ, какъ прится о словахъ, — словопреніемъ недугуетъ. Говоря: *недугуяй*, Апостолъ даетъ мысль, что у инакоучителя царитъ въ душѣ неутолимый позывъ къ спорамъ. Эта спорливость у него сидитъ внутри, какъ болячка какая. И онъ все споритъ. — У Апостоловъ же было правиломъ — не заводить споровъ: *мы*, говоритъ, *такого обычая не имѣемъ* (1 Кор. 11, 16). И св. Титу и св. Тимоѳею пишетъ св. Павелъ — не вдаваться въ споры. Скажи, или засвидѣтельствуй истину — и довольно. Кто отъ истины, послушаетъ. Кто же не отъ истины, съ тѣмъ сколько хочешь спорь, ничего съ нимъ не сдѣлаешь. — Споръ — отъ безпокойства за стойкость мысли; безпокойство же это отъ неубѣжденія во вседовлѣтельности основаній ея. Апос-

толы прямо отъ Бога получили истину, и упокоевались непоколебимо въ вѣрѣ ей. И доводовъ особыхъ къ утвержденію истины для нихъ не требовалось. И для другихъ они не изобрѣтали ихъ, а только излагали то, что внушалъ имъ Богъ Духъ Святый.—Этого недостаетъ инакоучителямъ; они и спѣшатъ восполнить то шумомъ словъ.—Что дѣлали Апостолы, тоже доселѣ дѣлается и въ Церкви: предлагаетъ она *ученіе еже по благовѣрію,* какое приняла отъ Бога чрезъ Апостоловъ и какое хранила и хранитъ. Кто отъ истины, слушаетъ; кто не отъ истины, идетъ прочь. Видитъ сіе Церковь, но споровъ не поднимаетъ, а только молится. Св. Златоустъ говоритъ: „слѣдовательно — состязаніе есть недугъ. И справедливо. Ибо душа тогда занимается изслѣдованіемъ, (ζητησει,—стязаніемъ), когда она разжигается (какъ огневицею) помыслами, когда они обуреваютъ ее (т.-е. когда она больна); а когда она находится въ здравомъ состояніи, тогда не изслѣдуетъ, а почиваетъ въ вѣрѣ. Посредствомъ изслѣдованія и споровъ ничего нельзя найти. Ибо когда изслѣдованіе приступаетъ къ разъясненію того, что возвѣщается одною вѣрою, тогда оно и не открываетъ сего, и не даетъ его уразумѣть; подобно тому, какъ еслибы кто, смеживъ глаза, сталъ искать что-нибудь, что ему желательно найти, то не могъ бы (успѣть въ этомъ). Такъ безъ вѣры ничего нельзя отыскать, а только неизбѣжно должны раждаться споры.“ „Гдѣ нѣтъ вѣры, продолжаетъ Ѳеофилактъ, тамъ все больно, тамъ только разгорается война словесная (изъ-за словъ) и больше ничего, — при чемъ болѣе искусный въ препреніяхъ напрягается низвергнуть другаго. Вѣра есть око; не имѣющій очей ничего не находитъ, а только ищетъ.“

Ничего не зная, дмится, яко всезнающій, и недугуетъ спорливостію: такова характеристика инакоучителя.

Какой теперь плодъ отъ этого? *Отъ нихже* (стязаній и словопреній) *бываетъ зависть, рвеніе, хулы, непщеванія лукава.* Все это видится во всякомъ словопреніи. *Зависть* завидуетъ, что другой взялъ верхъ. Она сопутствуется *рвеніемъ,*—ἔρις,—ретивостію, вызывающею напряженное усиліе не дать другому себя опередить или взять надъ собою верхъ, и взявшаго верхъ опять низвергнуть долу подъ себя. Отъ сей ретивости - жаръ спора; въ жару же спора невольно вырываются *хулы и непщеванія лукава. Хулы:* хулятъ другъ друга за обороты рѣчи, непослѣдовательность, за невѣдѣніе фактовъ и сторонъ дѣла, за неточное пониманіе свидѣтельствъ, и под. Это больше всего разгорячаетъ раздраженіе, и поселяя раздоръ и вражду, преграждаетъ для истины всякій входъ въ душу. Но при этомъ простая хула не можетъ не отдаваться и богохульствомъ. Ибо спорящій инакоучитель идетъ противъ истины, — и истины Божіей, слѣдовательно противъ Бога. Почему, хуля истину Божію, Бога хулитъ. А то недивно, что и прямо противъ Бога проторгнется какая либо хула, относительно, напримѣръ, устроенія спасенія, св. таинствъ и вообще промышленія. *Непщеванія лукава,*— ὑπόνοιαι πονηραί. Ὑπόνοιαι — подозрѣнія, подбѣгающія и подкрадывающіяся мысли: и въ самомъ дѣлѣ не такъ ли? Инакоучитель не щадитъ совѣсти несогласнаго съ нимъ, а сыплетъ безщадно фразами, все болѣе и болѣе рѣзкими. Между ними недивно найтись и такимъ, которыя оставятъ впечатлѣніе и породятъ колебаніе, не такъ ли? Это не такъ ли, какъ заноза, войдетъ въ сердце и омрачитъ покой вѣры и свѣтлость состоянія душевнаго. Вотъ случай. Молодой инокъ посланъ куда-то старцемъ. На дорогѣ присталъ къ нему еврей и завелъ споръ въ защиту еврейства, кончившійся тѣмъ, что инокъ сказалъ: можетъ быть и такъ. Когда онъ воротился домой,

старецъ увидѣлъ его мрачнымъ, какъ сажа. Можетъ быть и такъ, — было у него непщеваніе лукавое, и вотъ что произвело. Какъ лукавое, отъ лукаваго, мрачнаго происходящее, мракомъ всю душу его и тѣло преисполнило, конечно потому, что привело внутрь и самаго лукаваго—мрачнаго.—Почивай въ вѣрѣ, бѣгая всякихъ споровъ, и избѣжишь отъ подобной бѣды. Непщеванія лукавыя будто ничего, какъ легкое движеніе воздуха. Такъ кажется; на дѣлѣ же это настоящая язва, требующая врачеванія. Они тоже въ дѣлѣ вѣры, что занявшіе сердце помыслы въ дѣлѣ жизни. Какъ послѣдніе или изгоняются борьбою, или ввергаютъ въ паденіе, такъ и въ отношеніи къ первымъ или бороться надо спѣшно, возстановляя пунктъ вѣры, противъ котораго они направлены, или, не дѣлая этого, неизбѣжно подпасть ихъ власти и уклониться отъ истины. Такъ распространяются всѣ заблужденія и совершаются всѣ отпаденія отъ вѣры.

Ст. 5. *Бесѣды злыя растлѣнныхъ человѣковъ умомъ, и лишенныхъ истины, непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе. Отступай отъ таковыхъ.*

Бесѣды злыя, — παραδιατριβαι. — Διατριβη, — препровожденіе времени, наполненіе его какимъ либо занятіемъ, отсюда бесѣды, разсужденія и рѣчи. Παραδιατριβη, — все это въ худомъ смыслѣ,—препровожденіе времени пустое, бесѣды не о добромъ и не къ добру ведущія, разсужденія и рѣчи, чуждыя истины. *Бесѣды злыя* есть точное выраженіе сего слова. Здѣсь разумѣется не самый споръ, а черта его, или слѣдствіе и соприкосновенность. Споръ ведомый инакоучителями—пустое и зловредное препровожденіе времени; зловредное потому, что, какъ предъ симъ сказано, онъ раждаетъ *непщеванія лукавая.* Διατριβη отъ τριβω — тру. Ведущіе бесѣду взаимно трутся. Но треніе отъ здороваго здо-

ровье укрѣпляетъ, по крайней мѣрѣ не разстроиваетъ; а треніе отъ больнаго можетъ сообщить болѣзнь и заразить. Такъ и здѣсь,—потрись бесѣдою съ инакоучителемъ,—можешь заразиться его инакоученіемъ и заболѣть зловѣріемъ. По св. Златоусту слова: *бесѣды злыя* имѣютъ у Апостола такой смыслъ: „подобно тому, какъ овцы, будучи заражены чесоткою, когда приходятъ въ соприкосновеніе съ здоровыми, и имъ сообщаютъ свой недугъ; такъ и эти злые люди.“ У бл. Ѳеодорита читаемъ: „отступившіе отъ истины (инакоучители) и послѣдующіе собственнымъ своимъ помысламъ покушаются учить ненадлежащему. — Отсюда раждаются *непщеванія лукавая*, а отъ нихъ происходитъ какая-то пагубная болѣзнь, заражающая ближнихъ. Сіе означаютъ слова: *бесѣды злы*. Ибо какъ больныя овцы, пасущіяся вмѣстѣ съ здоровыми, сообщаютъ имъ болѣзнь, такъ и эти люди ближнихъ своихъ наполняютъ заразою.“ Экуменій прямо выражается: „*бесѣды злыя,*— переданіе болѣзни злыхъ догматовъ, — метафора взятая отъ паршивыхъ овецъ.“ „Какъ паршивыя овцы, поясняетъ его Ѳеофилактъ, трясь между здоровыми, заражаютъ и ихъ своею болѣзнію; такъ и инакоучители, потираясь бесѣдами своими, παραδιατριβομενοι,— съ другими, растлѣваютъ ихъ (умы и сердца своимъ зловѣріемъ).“

Потому отъ нихъ такой плодъ, что они сами *растлѣнны умомъ*. Таковы всѣ не приступающіе къ здравымъ (—не испорченнымъ кривотолкованіемъ) словесемъ Господа и ученію благовѣрно содержимому и хранимому Церковію. Умъ ихъ, принявъ ложныя начала и положенія, или догматы, растлился и ихъ растлилъ. Сами виноваты. Зачѣмъ уму своему поблажили взяться за то, что ему не подъ силу. Слѣдовало, подклонивъ его подъ иго вѣры, заставить его покорно

принять открытое и преданное, изучить то и усвоить; а они позволили ему изобрѣтать и сочинять самую вѣру. Онъ и напуталъ; но принявъ за несомнѣнную истину свое изобрѣтеніе, онъ растлился самъ и ихъ растлилъ: и стали они *человѣки растлѣнные умомъ*, растлѣніемъ своимъ заражающіе и другихъ. Чего другаго и ожидать отъ нихъ? *Благій человѣкъ отъ благаго сокровища износитъ благая: и лукавый человѣкъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая* (Матѳ. 12, 35).

Растлѣнны они умомъ, потому что *лишены истины*. Въ этомъ причина растлѣнія ума. Какъ содержаніе истины есть здравіе ума, такъ лишеніе истины есть болѣзнь его и растлѣніе; подобно тому, какъ содержаніе и храненіе заповѣдей есть здравіе воли, а уклоненіе отъ нихъ болѣзнь и растлѣніе ея,—и какъ сочувствіе къ Божественному и небесному, вкусъ въ томъ и услажденіе тѣмъ есть здравіе сердца, а лишеніе такого сочувствія, вкуса и услажденія есть болѣзнь его и растлѣніе. Тутъ бываетъ тоже, что напримѣръ съ ягодами. Оставь ихъ, какъ есть, онѣ скоро попортятся и истлѣютъ: но переполни ихъ сахаромъ, черезъ варку въ растворѣ его, онѣ пріобрѣтаютъ силу противостоять растлѣнію. Такъ умъ, оставленный какъ есть, скоро портится, а переполни его истиною, — и истина сообщитъ ему крѣпость и силу противостоять всякому растлѣнію. Лишеніе истины пораждаетъ въ умѣ два зла, — или мракъ невѣдѣнія, или растлѣніе зловѣріемъ. И то худо, а это еще хуже. Мракъ, лишеніе свѣта причиняетъ замираніе и даже смерть: ибо ничто живое не можетъ жить безъ свѣта,—вещественное безъ вещественнаго, духовное безъ духовнаго. Уму свѣтъ—истина; безъ ней онъ замираетъ, или замореннымъ бываетъ. Зло великое; но о заморенномъ можно имѣть надежду, что отойдетъ, очнется и оживетъ.

Растлѣнный же зловѣріемъ не подаетъ такой надежды. Онъ поврежденъ внутреннѣйше и существенно; потому можетъ быть возвращенъ къ здравію, свойственному ему по естеству, только силою Божіею, сотворившею естества, то-есть только будучи перетворенъ особенною Божіею благодатію.

Непщующихъ пріобрѣтеніе быти благочестіе.—*Пріобрѣтеніе*,—πορισμον. Πορος—имѣнье вдоволь всѣхъ потребъ жизненныхъ; πορισμος—пріобрѣтеніе сихъ потребъ, и способы къ тому. Подъ *благочестіемъ* разумѣется вѣра вообще. Они, говоритъ, вѣру почитаютъ средствомъ къ пріобрѣтенію, превращаютъ ее въ такое средство. Это верхъ растлѣнія умственнаго и нравственнаго. Вѣры тутъ уже нѣтъ, тѣмъ паче нѣтъ благочестія или сердечнаго настроенія въ духѣ вѣры. Между тѣмъ хлопоты у нихъ все о вѣрѣ, — и хлопоты усиленныя, такъ что дѣло сіе не обходится безъ споровъ. Не отсюда ли и споры?—Какъ торгаши спорятъ при продажѣ изъ желанія увеличить прибыль, такъ и эти инакоучители всюду заводятъ споры, потому что иначе нельзя имъ будетъ добыть что-либо, и имъ придется голодать. „Эти спорники, пишетъ бл. Ѳеофилактъ, привлекая къ себѣ учениковъ, пользуются ими, и все больше и больше подвизаются въ спорахъ, чтобъ все болѣе и болѣе ихъ привлечь къ себѣ",—конечно чтобъ больше и пріобрѣтать отъ нихъ.

Отступай отъ таковыхъ. „Не сказалъ: схватывайся съ ними и борись, но: *отступай*,—т. е. *по первомъ и второмъ наказаніи* (Тит. 3, 10). Ибо тѣхъ, которые бьются изъ-за прибыли и денегъ, когда и чѣмъ можно убѣдить?" (Ѳеоф.). „Иначе не убѣдишь ты таковыхъ, какъ если дашь имъ; но и этимъ не насытишь ихъ жажды пріобрѣтенія. *Око лихоимца*, говоритъ Писаніе, *не насытится части* (Сир. 14, 9). Поэтому отъ

нихъ, какъ отъ неисправимыхъ, надобно отвращаться" (св. Злат.).

β).

Указаніе послѣдней недоброй черты въ инакоучителяхъ дало св. Павлу поводъ предложить нужныя внушенія противъ любостяжанія. Здѣсь онъ αα) изображаетъ пагубныя послѣдствія отъ заботъ о стяжаніяхъ, опредѣливъ напередъ мѣру потребъ и указавъ источникъ довольства ею (—6—10); а затѣмъ ββ) дѣлаетъ соотвѣтственное сему предмету обращеніе къ св. Тимоѳею (—11—16).

αα).

Ст. 6. *Есть же снисканіе веліе благочестіе съ довольствомъ.*

Снисканіе, — опять πορισμος, — пріобрѣтеніе, имѣніе потребнаго, обладаніе имъ. *Благочестіе*—истинная вѣра съ настроеніемъ сердца въ духѣ вѣры и соотвѣтственною тому жизнію. Такое, говоритъ, благочестіе само по себѣ есть уже снисканіе потребъ, или оно съ собою приноситъ обладаніе потребнымъ, не потому чтобы давало богатство, а потому что такъ настроиваетъ человѣка, что онъ чувствуетъ себя совершенно удовлетвореннымъ относительно тѣлесныхъ потребъ, довольствуясь тѣмъ, что имѣетъ. Какъ благочестіе настроиваетъ его быть довольнымъ тѣмъ, что имѣетъ, то этимъ самымъ погашаетъ всякій позывъ къ стяжаніямъ. Человѣкъ благочестивый богатъ потому, что доволенъ всѣмъ и не чувствуетъ ни въ чемъ недостатка, какъ напротивъ богача слѣдуетъ считать бѣднымъ, когда онъ чувствуетъ, что ему все еще многаго недостаетъ. Слова: *благочестіе съ довольствомъ* не такую имѣютъ мысль: благочестіе съ имѣніемъ довольнаго ко-

личества потребъ, хотя и ее можно допускать, но такую: благочестіе съ чувствомъ довольства, когда благочестіе до того исполняетъ сердце человѣка, что по духу его онъ чувствуетъ себя довольнымъ. „Тѣ (—инакоучители, спорщики) злѣ *непщуютъ пріобрѣтеніе быти благочестіе*“ (Ѳеоф.), — „потому что они притворно облекаются въ одежду благочестія, чтобъ имѣть въ немъ средство къ стяжаніямъ“ (Экум.). „И въ благочестіи есть снисканіе, но не такъ, какъ тѣ полагаютъ, а гораздо выше. Въ немъ снисканіе не тогда, когда имѣешь, а когда не имѣешь: ибо оно научаетъ довольству. А довольство есть великое и прочное богатство“ (Ѳеоф.). „Благочестіе такимъ образомъ само въ себѣ есть истинное стяжаніе; потому что довольствуется тѣмъ что есть и не ищетъ преизбыточества. Или (такъ можно разумѣть) благочестіе есть снисканіе, потому что при немъ не ищутъ изобилія, а удовлетворяются имѣніемъ нужнаго вдоволь“ (Экум.).

Такъ духъ благочестія, дѣлая довольнымъ и слѣдовательно богатымъ, погашаетъ жажду стяжаній. Но къ этому же можетъ приводить всякаго и естественное разсужденіе. Какой смыслъ иждивать на это заботу и труды, когда ничего съ собою не возьмешь отсюда?

Ст. 7. *Ничтоже бо внесохомъ въ міръ сей, явѣ, яко ниже изнести что можемъ.*

„Это говорилъ и блаженный Іовъ: *самъ нагъ изыдохъ отъ чрева матери моея, нагъ и отыду,* — Іов. 1, 21“ (Ѳеод.). „Такимъ образомъ если мы ничего не принесли и ничего не вынесемъ, то какая нужда заботиться имѣть больше чѣмъ нужно?“ (Экум.). Инакоучители такъ болятъ любоиманіемъ, что даже благочестіе обращаютъ въ средство къ тому. И этимъ обличаютъ паче слабость и растлѣніе ума. Ибо еслибъ здравъ у нихъ

былъ умъ, не стали бы они такъ заботиться о вещественныхъ стяжаніяхъ. Ибо „такого рода пріобрѣтеніе ничего не значитъ, какъ видно изъ того, что оно остается здѣсь и не переселяется вмѣстѣ съ нами (въ другой міръ) и не сопутствуетъ намъ туда. Мы пришли въ этотъ міръ не имѣя ничего и оставимъ его, тоже ничего не имѣя. Потому что твореніе раждается нагимъ и нагимъ отходитъ. Слѣдовательно намъ не нужно ничего лишняго, если мы ничего не принесли съ собою и отойдемъ ничего не имѣя“ (св. Злат.). „Напрасно смертные люди стараются копить имущества и стремятся быть богатыми,—открытымъ гласомъ возвѣщаетъ Апостолъ, когда знаютъ, что ничего (неотъемлемо) собственнаго не могутъ стяжать въ мірѣ семъ. Къ чему служитъ человѣческая жадность, кромѣ развѣ что она сама себѣ вражествуетъ? Никѣмъ ничего не вносится въ міръ, и ничего вынесено быть не можетъ. Къ чему же навязывать себѣ бремя заботъ и искать собранія богатствъ? Такимъ же выйдешь, какимъ пришелъ. Что и Іовъ пишетъ, такое исповѣдуя убѣжденіе свое: *нагъ изыдохъ отъ чрева матере моея, нагъ и отыду тамо... буди имя Господне благословенно* (Іов. 1, 21). Еслибъ скупцы не удерживали накопленнаго для себя одних на пагубу себѣ, то и немногіе изъ нихъ сколь многимъ могли бы доставить пользу съ пользою вмѣстѣ и для себя самихъ!“ (Амвр.).

Ст. 8. *Имѣюще же пищу и одѣяніе, сими довольни будемъ.*

Скажетъ кто: хотя ничего не приносимъ сюда и ничего не вынесемъ отсюда; но жить однакожъ надо, пока мы здѣсь. А чтобы жить, надо имѣть пищу, имѣть одежду. Слѣдовательно нельзя обойтись безъ того, чтобъ не имѣть.—Но только, говоритъ Апостолъ, и нужно имѣть. Есть пища, есть одежда,—и довольно.

„Онъ опредѣляетъ здѣсь, въ чемъ должно полагать довольство, о коемъ поминалъ“ (Ѳеоф.). „Надобно питаться тѣмъ и въ такой мѣрѣ, что и сколько нужно для насыщенія; надобно одѣваться тѣмъ, что можетъ только защитить насъ отъ непогоды и прикрыть наготу; а это исполнить можетъ и простая одежда. Лишняго ничего не должно быть“ (св. Злат.). „Вкушай то, что питаетъ, а не гортань только услаждаетъ, и одѣвайся тѣмъ, что наготу прикрываетъ и защищаетъ, а не тѣмъ, что изнѣживаетъ и тщеславитъ. Таково значеніе словъ *пищи* и *одѣянія*“ (Экум.). Впрочемъ *одѣяніе* — *σκεπάσματα*, можетъ содержать подъ собою не одну одежду, но и кровъ. Мысль Апостола: ограничиваться въ удовлетвореніи необходимыхъ потребностей тѣлесныхъ самонужнѣйшимъ, чтобъ забота о томъ не томила головы и сердца.

Указавъ такимъ образомъ естественность для христіанина, разумность и удобоисполнимость нестяжательности, Апостолъ затѣмъ изображаетъ ярко пагубныя для вѣры и добродѣтели послѣдствія любостяжанія.

Ст. 9. *А хотящіи богатитися, впадаютъ въ напасти и сѣть, и въ похоти многи несмысленны и вреждающія, яже погружаютъ человѣки во всегубительство и погибель.*

Укоръ не вообще богатство имѣющимъ, но пристрастнымъ къ нему, жаждущимъ его, гоняющимся за нимъ и употребляющимъ его только въ свое собственное удовольствіе и удовлетвореніе своихъ пожеланій и страстей. Возможно и обладаніе богатствомъ безукоризненное, и пользованіе имъ похвальное,—относительно чего ниже и даетъ Апостолъ уроки, — ст. 17 и д. Почему сказалъ: *хотящіи* βουλόμενοι,—обладаемые желаніемъ, непрестанно имъ влекомые и снѣдаемые. „Не сказалъ просто: богатящіеся (обладающіе богатствомъ), но: *хотящіе богатитися*. Ибо если кто, полу-

чивъ богатство отъ предковъ, распоряжается имъ по Божественнымъ законамъ, то онъ свободенъ отъ обвиненія“ (Ѳеод.). „Не тѣхъ, которые, имѣя стяжанія, хорошо распоряжаются ими, не пристращаясь къ нимъ и раздавая ихъ бѣднымъ, обличаетъ Апостолъ, а тѣхъ, которые жаждутъ пріобрѣтенія“ (св. Злат.). „Иждивать достояніе на бѣдныхъ не есть дѣло хотящихъ богатиться“ (Ѳеоф.). „Такіе не станутъ раздавать другимъ, боясь, что самимъ недостанетъ на удовлетвореніе своихъ пожеланій“ (Экум.).

Впадаютъ въ напасти и сѣть,—εις πειρασμον και παγιδα,—въ искушеніе и сѣть. Искушеніе есть такое стеченіе случайностей, которое сильно раздражаетъ позывъ на какой-либо грѣхъ и будто противъ воли влечетъ къ нему. Это же и сѣть есть. Но сѣть можетъ означать и осѣченіе или вплетеніе въ грѣшныя дѣла, такъ что хочешь-не хочешь, а грѣши: такъ дѣла настроились и сплелись. Гоняющійся за богатствомъ того и другаго обобраться не можетъ. У него поминутно случаи—покривить душею сквернаго ради прибытка и попрать законы правды и любви, внушаемые совѣстію; когда привыкнетъ къ такому образу дѣйствованія, то дѣлается имъ опутанъ какъ сѣтью, выступить изъ которой не можетъ. „Кто родившись отъ бѣдныхъ и жадно домогаясь богатства, употребляетъ всякій способъ къ пріобрѣтенію, не зная сытости этому вожделѣнію,—тотъ идетъ по сѣтямъ грѣха“ (Ѳеод.). Апостолъ не сказалъ: подвергаются искушенію, а: *впадаютъ*. Т.-е. искушеніе всегда одолѣваетъ ихъ; какъ только представится искусительный случай, они падаютъ подъ искушеніемъ, не могутъ противостать ему.

Но можно разумѣть здѣсь не одни нравственныя искушенія и сѣти, но и внѣшнія, житейскія,—разныя непріятности и затрудненія. И ихъ много у гоняющаго-

ся за богатствомъ:—дома опасности отъ воровъ и огня, въ дорогѣ—напасти отъ разбойниковъ, въ сдѣлкахъ—сопротивленія, въ теченіи дѣлъ непредвидѣнныя разстройства и под. Св. Златоустъ говоритъ: „въ какія искушенія и сѣти впадаютъ хотящіе богатитися?—Въ такія,—что это удаляетъ ихъ отъ вѣры, приводитъ на путь заблужденія, окружаетъ опасностями и лишаетъ покоя.“ Такъ и бл. Ѳеофилактъ: „*впадаютъ въ искушеніе и сѣть,* такъ какъ и противъ вѣры (и заповѣдей) погрѣшаютъ, и опасностями окружены бываютъ изъ-за богатства, и всѣхъ боятся.“ Эту же мысль выражаетъ и нашъ славянскій переводъ: *впадаютъ въ напасти.*—И незаконно устранять такую мысль. Послѣдующія слова, служа объясненіемъ сихъ словъ, говорятъ и о внутреннихъ и о внѣшнихъ вредныхъ послѣдствіяхъ любостяжанія,—кои суть искушенія и сѣти.

И въ похоти многи несмысленны и вреждающія.—Похоти—всякаго рода пожеланія самоугодія, наперекоръ совѣсти и явнымъ заповѣдямъ Божіимъ. Потому онѣ, по природѣ своей, несмысленны и вредны. Похотей смысленныхъ и безвредныхъ нѣтъ. Всѣ онѣ безсмысленны и пагубны и для души и для тѣла, только въ разныхъ степеняхъ. Когда Апостолъ говоритъ: впадаютъ въ похоти, разумѣетъ: подчиняются имъ, живутъ по нимъ, онѣ—законъ для нихъ. „Текущее богатство ввергаетъ въ непотребныя похоти, потому что доставляетъ къ тому способы“ (Экум.). Какія именно похоти, Апостолъ не перечисляетъ; но онѣ сами собою естественно выказываются въ тѣхъ, кои, не какъ слѣдуетъ, пользуются богатствомъ: ѣсть, пить, валяться въ плотскихъ грѣхахъ, обижать, тщеславиться, властолюбствовать, всегда на своемъ поставлять, хоть и неправое, и под. Св. Златоустъ такъ изображаетъ несмысленныя и вредныя похоти богатыхъ: „какъ не назвать безсмыс-

ленною страстію, когда эти люди (богатые) держатъ у себя дурачковъ и карликовъ, не изъ человѣколюбія, а для удовольствія,—когда въ своихъ дворцахъ устрояютъ водоемы для рыбъ, когда содержатъ дикихъ звѣрей, когда занимаются собаками, когда украшаютъ коней и заботятся о нихъ не меньше, чѣмъ о дѣтяхъ? Все это безсмысленно и излишне, совершенно не нужно и безполезно.—Какія страсти бываютъ вредны? Когда люди разжигаются безпутною любовію, когда ищутъ имущества своихъ ближнихъ, когда стремятся къ наслажденію, когда предаются пьянству, когда жаждутъ убійства и погибели другихъ.“

Яже погружаютъ человѣки во всегубительство и пагубу. Это конецъ удовлетворенія несмысленныхъ и вредныхъ похотей. Любитель богатства, пока богатится, хотя тоже живетъ по похотямъ, но все еще умѣряетъ ихъ, чтобъ разливомъ ихъ не помѣшать притеченію богатства; но когда разбогатѣетъ, ужъ не можетъ совладать съ собою и вдается во всю широту похотѣній своихъ. Кончается это всегубительствомъ и пагубою.

Всегубительство,—*ολεϑρος*,—всебѣдственность; *пагуба*, — *απολεια*, — погибель, — „и здѣшняя и будущая“ (Ѳеоф.), — и временная и вѣчная. „Хорошо сказалъ: *погружаютъ*, такъ что и подняться на верхъ становится для нихъ невозможнымъ“ (св. Злат.). Полное разстройство здѣсь и конечная пагуба тамъ. „Они кончаютъ жизнь, претерпѣвая треволненія и крушенія“ (Ѳеод.); и туда переходятъ не на лучшее, такъ что „любоиманіе здѣсь не безопасно, а въ будущемъ предается осужденію“ (Амвр.).

Ст. 10. *Корень бо всѣмъ злымъ сребролюбіе есть, егоже нѣцыи желающе заблудиша отъ вѣры, и себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ.*

Сребролюбіе—корень всѣхъ золъ; потому что даетъ

способы жить по похотямъ, которыя недобры и не ведутъ къ добру, какъ сказано предъ симъ, и потому что для удовлетворенія сей страсти, обладаемый ею, не задумываясь, готовъ бываетъ „на всякое злодѣяніе, на всякое преступленіе и непотребство, и дѣйствительно совершаетъ ихъ“ (Амвр.). „Изъ сего корня прозябаютъ убійства, чародѣянія, хищенія, ложь, нарушеніе клятвы и всѣ роды преступленій“ (Ѳеод.). „Не щадитъ оно живыхъ, не щадитъ и мертвыхъ, но и ихъ грабитъ; возстаетъ на родителей и братій, и Божіе достояніе святотатственно крадетъ. Изгони сребролюбіе—и не будетъ ни войнъ, ни вражды, ни блуда; ибо блудница изъ-за денегъ отдаетъ себя непотребству“ (Ѳеоф.).

Егоже нѣцыи желающе,—ὀρεγόμενοι,—такъ неудержимо, какъ неудержимо томимый жаждою желаетъ воды,—*заблудиша отъ вѣры,*—ἀπεπλανήθησαν,—соступили съ прямаго пути вѣры и пошли иною дорогою,—не вооружаясь противъ вѣры и даже не отрекаясь отъ нея гласно, уклонились отъ ней, сами того не замѣчая. Все вниманіе ихъ было поглощено стяжаніями,—и они шли, куда вела сія страсть, не помышляя о вѣрѣ, и шедши такъ, прошли мимо вѣру и пришли туда, гдѣ и слѣда не осталось вѣры, ни въ образѣ воззрѣній на вещи, ни въ образѣ чувствъ, настроеній и жизни. Св. Златоустъ говоритъ: „хорошо сказалъ Апостолъ: ἀπεπλανήθησαν. Потому что сребролюбіе, привлекая къ себѣ ихъ глаза и понемногу закрывая ихъ, не позволяетъ имъ видѣть пути (вѣры). Какъ человѣкъ, который идетъ прямою дорогою, устремивъ мысль на что-нибудь другое, хотя и подвигается впередъ, однако, не замѣчая сего, проходитъ мимо того предмета, къ которому спѣшилъ,—потому что незамѣтно и безсознательно его увлекаютъ ноги его: такъ нѣчто подобное

сему есть и сребролюбіе“ (причиняетъ сребролюбіе, когда привлекши къ себѣ очи душевныя, дѣлаетъ то, что обладаемый имъ мимоходитъ вѣру). Настроеніе сердечное у сребролюбца несообразно съ вѣрою: вѣра повелѣваетъ уповать на Бога, а онъ уповаетъ на богатство; вѣра запрещаетъ высокомудрствовать, а онъ высокомудрствуетъ (ниже ст. 17); вѣра не велитъ похотствовать, а онъ распложаетъ похоти, и проч. Такимъ образомъ сребролюбіе самымъ вселеніемъ своимъ въ сердце дѣлаетъ то, что любитель его мимоходитъ вѣру. „Ибо любитель стяжаній какъ будетъ вѣровать Евангелію, вводящему нищету (—любовь къ ничего-неимѣнію)? Невозможно это“ (Ѳеоф.).

Но отъ сребролюбія бываетъ не такое только сердечное уклоненіе отъ вѣры, но и видимое отступленіе отъ нея, или отреченіе, когда изъ-за вѣры приходится много терять въ производствѣ стяжаній. Любитель ихъ и отступаетъ отъ вѣры, чтобъ не лишиться ихъ. Вѣрно, въ многолюдномъ и нескудномъ богатыми Ефесѣ бывали такіе опыты. Апостолъ ими и пользуется для очевиднѣйшаго представленія зловредности сребролюбія.

И себе пригвоздиша болѣзнемъ многимъ. Болѣзнемъ, — ὀδύναις, — болѣзнованіямъ, прискорбностямъ, чувствительнымъ очень безпокойствамъ. „О двухъ вредныхъ слѣдствіяхъ (сребролюбія) упоминаетъ Апостолъ (отступленіи отъ вѣры, и уязвленіи себя болѣзнованіями); но то, которое казалось для нихъ болѣе тяжкимъ, онъ поставляетъ здѣсь на послѣднемъ мѣстѣ, то-есть — *пригвоздиша себе болѣзнемъ.* И этого нельзя иначе узнать никому, какъ только живя близъ богатыхъ. Сколько они плачутъ, сколько они рыдаютъ!“ (св. Злат.). „Страсть къ обогащенію не только препятствуетъ соблюдать должныя отношенія къ Богу въ вѣрѣ, но и самихъ любителей своихъ чувствительно уязвляетъ

заботами, отнятіемъ сна, страхами. (Экум)". *Пригвоздиша,—περιέπειραν,*—уязвили, пронзили. Св. Златоустъ говоритъ посему: „видишь ли, на что онъ намекаетъ, говоря: *περιέπειραν*? То, что онъ хочетъ выразить этимъ оборотомъ рѣчи, имѣетъ такой смыслъ. Страсти суть терніе, и подобно тому, какъ терніемъ, съ какой бы стороны ни прикоснуться къ нему, всякій до крови уязвляетъ себѣ руки и причиняетъ на нихъ раны: такъ и отъ страстей будетъ терпѣть тоже самое всякій, кто подчинится ихъ власти,—онъ душу свою подвергнетъ страданію. Скажи мнѣ, сколько имѣютъ заботъ, сколько огорченій тѣ, которые бываютъ ими уязвлены! Того даже высказать нельзя."

Сдѣлаемъ небольшую выписку и изъ бесѣды св. Златоуста, держанной по истолкованіи предыдущихъ текстовъ. „Будемъ избѣгать сего корня золъ (сребролюбія),—и избѣгнемъ всякаго зла. Ибо какое зло не отъ денегъ происходитъ, или правильнѣе говоря, не отъ денегъ, а отъ злаго произволенія тѣхъ, которые не умѣютъ пользоваться ими? Потому что деньгами можно пользоваться какъ слѣдуетъ, можно, при ихъ содѣйствіи, наслѣдовать царствіе. Но нынѣ то, что дано намъ для вспомоществованія бѣднымъ, для прославленія Бога и благоугожденія Ему, мы обращаемъ не во благо сихъ несчастныхъ, а во вредъ душѣ своей, и чрезъ это оскорбляемъ Бога.—Итакъ какое зло не происходитъ отъ любоиманія? Не отсюда ли хищеніе, вопли, вражды, брани и споры? Одержимые сею страстію развѣ не простираютъ своихъ рукъ даже на умершихъ, даже на отцевъ и братьевъ? Развѣ не ниспровергаютъ законовъ природы, заповѣдей Божіихъ, и вообще всего? Итакъ не будь любви къ деньгамъ, и прекратится война, прекратятся брани, прекратится вражда, прекратятся раздоры и любовь къ

спорамъ. Корыстолюбцевъ надлежало бы изгнать изъ вселенной, какъ губителей и волковъ. Люди, жадные къ деньгамъ, все приводятъ въ совершенное разстройство. Человѣкъ, жадный къ деньгамъ, не знаетъ ни одного друга. Что я говорю, друга? Онъ не знаетъ даже Самого Бога.—Раскрой его душу,—и найдешь, что она вооружена не однимъ мечемъ и не двумя, а безчисленными; она никого не уважаетъ, но бѣсится на всѣхъ,—на всѣхъ нападаетъ и на всѣхъ лаетъ; она убиваетъ не собакъ, а человѣческія души и громко изрыгаетъ хулы на самое небо. Отъ неистовой любви къ деньгамъ все погибло. И не знаю, кого стану винить; до такой степени зло сіе овладѣло всѣми,—правда, одними въ большей, другими въ меньшей мѣрѣ, однако—всѣми. И подобно тому, какъ сильный огонь, будучи брошенъ въ лѣсъ, все ниспровергаетъ и опустошаетъ,—такъ и эта страсть губитъ вселенную: цари, правители, частные люди, нищіе, женщины, мужчины, дѣти,—всѣ въ равной мѣрѣ поработились злу сему. Какъ будто вслѣдствіе какого-то мрака, объявшаго вселенную, никто не выходитъ изъ опьянѣнія. Правда, противъ любостяжанія безчисленныя выводятъ обвиненія и въ частномъ разговорѣ и среди народа; однако исправленія нигдѣ не видимъ. Что же? Уже ли нѣтъ возможности погасить сей пламень?—Есть, хотя бы онъ поднялся даже до самаго неба. Намъ стоитъ только захотѣть,—и мы безъ сомнѣнія погасимъ сей пламень. Ибо какъ онъ усилился вслѣдствіе нашего желанія, такъ отъ желанія и уничтожится. Развѣ не свободная наша воля зажгла его? Слѣдовательно свободная воля въ состояніи будетъ и погасить. Только пожелаемъ сего. Но какимъ образомъ можетъ породиться въ насъ такое желаніе?—Если обратимъ вниманіе на суетность и безполезность богатства, на то, что оно не можетъ

намъ туда сопутствовать, что и здѣсь оно оставляетъ насъ, что хотя оно здѣсь только имѣетъ мѣсто, однако язвы отъ него идутъ съ нами туда; если посмотримъ, какъ велики тамъ уготованныя богатства,—такъ что если сравнить съ ними земное богатство, то оно покажется ничтожнѣе грязи; если замѣтимъ, что оно подвергается безчисленнымъ опасностямъ, и самое удовольствіе отъ него мимолетное смѣшано съ горестями; если прикуемъ взоръ къ иному богатству, т.-е. тому, которое уготовано въ вѣчной жизни, и чрезъ то породимъ презрѣніе къ богатству земному; если разсудимъ, что послѣднее нисколько не умножая ни славы, ни здоровья, ни чего либо другаго, погружаетъ однакожъ насъ въ бездну пагубы; если примемъ въ чувство, что не смотря на то, что здѣсь бываетъ иной богатъ и имѣетъ много слугъ, отходя туда, отходитъ онъ одинокимъ и нагимъ. Если мы будемъ часто повторять и слышать это отъ другихъ, то, можетъ быть, возвратится къ намъ здравіе и мы избавимся отъ этого тяжкаго наказанія."

ββ).

Изображеніе худыхъ послѣдствій отъ любоиманія уже само отталкивало отъ него; несмотря однакожъ на то св. Павелъ счелъ нелишнимъ прибавить α²) прямое внушеніе: *сихъ бѣгай*,—и въ противовѣсъ заботамъ о суетныхъ стяжаніяхъ, β²) указать неустанную *(гони)* заботу о стяжаніи всякой добродѣтели въ надеждѣ блаженной вѣчности, присовокупивъ γ²) заклинаніе именемъ Божіимъ исполнить сію заповѣдь незазорно до пришествія Господня. Эти уроки даются св. Тимоөею не въ томъ конечно смыслѣ, чтобъ онъ имѣлъ въ нихъ нужду, но въ томъ, чтобъ дать ему руководство, какъ пасомыхъ отклонять отъ любоиманія и куда ихъ вмѣсто того направлять. Можно и такъ думать, что

въ лицѣ св. Тимоѳея уроки сіи даются всѣмъ христіанамъ, и наипаче пастырямъ и архипастырямъ.

α[2]).

Гл. 6, ст. 11 (первая половина). *Ты же, о человѣче Божій, сихъ бѣгай.*

Человѣче Божій. „Великое достоинство! Правда, всѣ люди—Божіи, но преимущественно праведные,—не по той причинѣ только, что они созданія Божіи, но и по причинѣ своей близости къ Богу“ (св. Злат.). „Человѣкъ Божій—великая похвала. Такъ названъ былъ и великій Илія, такъ названы и многіе изъ Пророковъ, не потому, что иные—не Божіи человѣки (ибо всѣ Божіи твари), но сохранившіе въ себѣ (или возстановившіе) первоначальныя черты созданія поистинѣ называются человѣками Божіими. Такъ всѣ — рабы Божіи, какъ твари; ибо и злочестивый Навуходоносоръ—Божій рабъ; но онъ рабъ по естеству, а Авраамъ, и Давидъ, и Павелъ, и подобные имъ — рабы по приверженности. Ибо сказано: *Авраама ради раба Твоего,* и: *Давида ради раба Моего* (3 Цар. 11, 13), и: *Павелъ, рабъ Іисусъ Христовъ*“ (Рим. 1, 1) (Ѳеод.).

Человѣкъ Божій страхомъ Божіимъ водится и всячески угождать Богу старается. Изъ числа такихъ особенно суть Божіи человѣки—тѣ, которымъ ввѣряются отъ Бога особыя нѣкоторыя дѣла, которые не только къ дому Божію принадлежатъ, свои суть Богу, но и поставляются правителями по дому. Къ такимъ принадлежалъ и св. Тимоѳей. Почему и названъ Божіимъ человѣкомъ.

Въ этомъ наименованіи сокрыто уже побужденіе къ: *сихъ бѣгай,*—къ бѣганію любоиманія и соединенныхъ съ нимъ неправостей и тревогъ. Поелику ты—Божій человѣкъ, то тебѣ совсѣмъ не пристало гоняться за

стяжаніями. Имѣешь Владыку—богатаго всѣмъ, и въ Немъ Отца многопопечительнаго. Если станешь гоняться за стяжаніями, то подвергнешь хулѣ Владыку своего и Отца. И некогда тебѣ этимъ заниматься. Есть у тебя дѣло, которое должно поглощать все твое вниманіе и наполнять все твое время. „Если ты—человѣкъ Божій, то не ищи излишняго и не ведущаго къ Богу, а напротивъ бѣгай сего“ (св. Злат.). „Если ты человѣкъ Божій, то не ищи того, что отвращаетъ отъ Бога (и дѣла Божія), но что?—Бѣгай сего“ (Ѳеод.). „Бѣгать любостяжанія внушаетъ и заповѣдуетъ человѣку Божію, чтобъ и здѣсь быть ему безопасну, и въ будущемъ получить богатое воздаяніе. Ибо не несправедливо увѣнчать презирающаго то, къ чему очень многіе льнутъ и влекутся“ (Амвр.). Такъ тебѣ, человѣкъ Божій, неумѣстно обременять себя любостяжаніемъ, еслибъ даже это было дѣломъ позволительнымъ. Но когда знаешь, что оно противно Богу, что Богъ отвращается отъ него, какъ отъ идолослуженія, то тебѣ слѣдуетъ не тихо отступать, а бѣжать отъ него. Говоря объ инакоучителяхъ, написалъ: *отступай* (—6, 5). Помянувъ *о бабіихъ басняхъ,* приложилъ: *отрицайся* (—4, 7). Отъ любостяжанія же и сребролюбія, говоритъ, *бѣгай,* какъ отъ огня, какъ отъ вѣрной пагубы.

3').

Ст. 11 (вторая половина). *Гони же правду, благочестіе, вѣру, любовь, терпѣніе, кротость.*

Бѣгай, не въ пустоту направляясь, но устремляясь на противоположное тому, отъ чего бѣжишь: *гони же правду*, и проч. Тамъ—*бѣгай*, здѣсь—*гони*. „То и другое дѣлай съ напряженнымъ усердіемъ“ (св. Злат.). „Не сказалъ: отступи и приступи, но: *бѣгай* и *гони*“ (Ѳеоф.).

Гони, говоритъ, и указываетъ разныя добродѣтели,

какъ цѣль гнанія. Поелику это—*гони* противоположно—*бѣгай*, а бѣгать заповѣдуетъ любостяжанія: то всѣ сіи добродѣтели надобно здѣсь понимать, поколику онѣ противоположны любостяжанію, или поколику нестяжательность даетъ ихъ проявленію и упражненію пространное поприще, или поколику стяжаніе ихъ ведетъ къ нестяжательности и утверждаетъ въ ней. „Повелѣваетъ Апостолъ человѣку Божію бѣгать любостяжанія и тещи въ слѣдъ правды, благочестія и прочаго, о чемъ поминаетъ, потому что его нельзя избѣжать, не прилѣпившись къ тому, что ему противоположно" (Амвр.).

Гони правду. Будь алчущъ и жаждущъ правды, какъ и Спаситель заповѣдалъ (Матѳ. 5, 6). Строго соблюдай законы справедливости во всемъ,—въ помышленіяхъ о другихъ, въ отношеніяхъ къ нимъ словомъ, въ сдѣлкахъ съ ними, и въ столкновеніяхъ,—и тѣмъ паче въ судахъ. Всякому воздавай свое. На милость нѣтъ закона; а правда свою опредѣленную имѣетъ мѣру, отступленіе отъ которой, и небольшое, вводитъ въ неправду. Соблюсти тебѣ такой образъ дѣйствованія нельзя при любостяжаніи. Оно на всякомъ шагу будетъ вязать тебѣ руки и путать ноги. При немъ вѣсы твоей правды не могутъ стоять право, а все будутъ клониться на кривду. Только нестяжательность дастъ тебѣ полную свободу дѣйствія; только при ней цвѣсти можетъ правда твоя, и дѣла твои безпрепятственно будутъ тещи путемъ ея. „Правду внушаетъ,—чтобъ никого не лихоимствовать, какъ дѣлаютъ хотящіе богатитися" (Ѳеоф.).

Благочестіе—гони. Благочестіе—настроеніе сердца въ отношеніи къ Богу въ духѣ вѣры. Поелику оно направленіе свое получаетъ отъ вѣры, то въ немъ заключается и „догматовъ содержаніе" (св. Злат., Экум., Ѳеоф.). Но само по себѣ оно собственно слагается изъ чувствъ и расположеній къ Богу, возникающихъ и зрѣю-

щихъ подъ вліяніемъ искренней сердечной вѣры. Такое настроеніе у нестяжательнаго естественно, а у любостяжательнаго ему быть нельзя, какъ нельзя птицѣ летать съ оледенѣвшими крыльями. У нестяжательнаго сердце отрѣшено отъ вещественнаго и тварнаго и духъ свободенъ. Какъ онъ по природѣ своей ищетъ жить въ Богѣ, то получивъ свободу, къ Богу устремляется и Имъ жить начинаетъ, и съ сей высоты приникая къ сердцу, преисполняетъ его благоговѣйными чувствами къ Богу, въ многообразныхъ оттѣнкахъ, зависящихъ то отъ воззрѣній къ Богу въ разныхъ отношеніяхъ (существо Божіе, свойства, дѣйствія), то отъ разныхъ своихъ ему состояній. Совокупность всѣхъ ихъ и есть благочестіе, котораго и признакомъ служитъ не иное что, какъ присутствіе и движеніе тѣхъ чувствъ. Любостяжаніе напротивъ отягчаетъ сердце печальми житейскими (Лук. 21, 34) и обременяетъ умъ многопопечительностію (Прем. 9, 15). Вниманіе къ требованіямъ духа отходитъ, и онъ глохнетъ. Вмѣстѣ съ нимъ заглушаются и всѣ чувства къ Богу, и благочестіе остается только въ видимыхъ проявленіяхъ его заведенными къ тому порядками въ церкви. Весь строй внутренній тогда у человѣка бываетъ земенъ: грудью пресмыкается онъ по землѣ и питается землею.

Гони *вѣру*. Вѣра здѣсь—не исповѣданіе догматовъ, а увѣренность въ Богѣ, коею исполненный вѣруетъ, что Богъ не оставитъ раба Своего, вседушно Ему работающаго. Почему и не томитъ себя заботою объ утрешнемъ, какъ и Спаситель повелѣлъ (Матѳ. 6, 25—34). Приступающій работать Богу, какъ слѣдуетъ, жизнь свою отдаетъ въ руки Божіи, и уже не возвращается къ заботѣ о себѣ. Онъ не лежитъ праздно; но заботы не имѣетъ, а покоится въ Богѣ, доволенъ бывая, что подаетъ Богъ,—и кускомъ хлѣба, и даже ничѣмъ. За-

бота о себѣ есть болѣзнь невѣрующаго сердца. Она раскрывается изъ чувства необходимыхъ потребностей, неруководимаго вѣрою. Начинается съ малаго, но не стоитъ на одномъ, а растетъ, и быстро выростаетъ въ многозаботливость. Какъ растетъ забота, такъ вмѣстѣ же растетъ и любоиманіе. Когда простая забота станетъ многозаботливостію, тогда въ основѣ ея есть уже и любостяжаніе полное. По мѣрѣ многозаботливости и любостяжанія гаснетъ вѣра. Въ послѣднихъ степеняхъ ихъ и слѣда ея уже не остается. Вѣра не отнимаетъ труда и снисканія потребнаго, но освящаетъ ихъ и руководитъ, содержа сердце свободнымъ отъ пристрастія и привязанности къ снисканію и снискиваемому, и вмѣстѣ съ тѣмъ прогоняя лѣность и праздность. При этомъ настроеніи пусть и богатство потечетъ, вѣра не дастъ сердцу приложиться къ нему. Она сохранитъ сердце богатаго въ чувствахъ приставника Божія, Божія прикащика. Въ этомъ духѣ ниже дается и заповѣдь богатымъ (— —17—19).

Гони *любовь*. Любовь *не ищетъ своихъ си* (1 Кор. 13, 5); почему не станетъ перетягивать на свою сторону того, что должно принадлежать другому, и на просьбу нуждающагося не скажетъ: себѣ нужно. Ея природа совершенно противоположна любоиманію и любостяжанію: ибо она не любитъ собирать и удерживать для себя, а расточать и раздавать. Почему любовь ли стяжешь, погасишь любостяжаніе, или любостяжаніе прогонишь, проложишь дорогу любви. Стань помогать другимъ изъ своего и благотворить,—разслабить узы любоиманія и воспріимешь зачатки любви. Продолжай богатиться добрыми дѣлами (ниже—18),—узы любоиманія совсѣмъ спадутъ и воцарится любовь. Какъ напротивъ станешь скупиться,—туже стянешь себя узами любоиманія и воспріимешь ожестѣніе сердца. Продолжи такую жизнь,— сердце ко всѣмъ окаменѣетъ, а узы тѣ

и самого тебя душить станутъ, доведши тебя до того, что тебѣ жаль будетъ и на себя что-либо истратить. А откуда зависть, вражда, подыскиванія, суды, смертельная ненависть, убійства и всякія нестроенія? Все наипаче отъ любоиманія. Гдѣ любовь, тамъ всему этому нѣтъ мѣста. Растапливая узы любоиманія, она и всѣ худыя послѣдствія отстраняетъ.

Гони *терпѣніе*. Не ищущій многаго естественно довольствуется малымъ; а это требуетъ терпѣнія. Почему положившій быть нестяжательнымъ долженъ запастись терпѣніемъ, положивъ его въ основу своей доброй рѣшимости. Отчего ищутъ многаго? Отъ саможалѣнія, оттого, что жаль себѣ отказать; а себѣ жаль отказать, потому что отказъ скорбь причиняетъ; скорбь же при отказѣ бываетъ отъ неумѣнья, неготовности и нехотѣнія терпѣть. Положившій не гоняться за многимъ напередъ просмотрѣлъ уже всѣ сіи скорбности, лишенія, тяготы,—и имѣющіе возникать по поводу ихъ припадки саможалѣнія, — и все рѣшился терпѣть. Оттого никакія случайности скорбныя, зависящія отъ неимѣнія многаго, не смущаютъ его, но благодушно и легко переносимы бываютъ. Почему и сказалъ Апостолъ: гони терпѣніе, въ той мысли, что если догонишь его и овладѣешь имъ, то подсѣчешь всѣ зародыши саможалѣнія, а съ этимъ отвратишь всякое возбужденіе позывовъ къ многоимѣнію.—Но требованіе нестяжательности не есть требованіе ничегонеимѣнія, а только непристрастія къ имѣнію и способамъ стяжанія его. И многое имѣющій можетъ быть нестяжательнымъ. Но такому для удержанія въ себѣ нестяжательности и для дѣйствованія въ духѣ ея еще болѣе потребно терпѣніе. И тутъ руку помощи самую сильную подаетъ ему любовь, которая все терпитъ (1 Кор. 13, 7).

Гони *кротость*. Кротость противоположна гнѣву, сер-

чанію и всякимъ чувствамъ неудовольствія на другихъ за что бы то ни было. Это чувство возникаетъ отъ всего, что какимъ-нибудь образомъ тревожитъ наше самолюбіе; но самое широкое поле для распложенія сего зелія представляетъ любоиманіе. Не тронь, это мое. Таковъ законъ любостяжанія. Тронетъ кто, — и пошли неудовольствія, серчаніе, гнѣвъ, вражда, ненависть. Кто же непристрастенъ къ стяжаніямъ, тотъ свободенъ отъ всѣхъ такихъ тревогъ, хотя проходитъ тѣже случайности житейскія, которыя крайне возмущаютъ другихъ. Видимо посему, что съ нестяжательностію естественно сочетана кротость. Почему въ словахъ: гони кротость надо видѣть вмѣстѣ урокъ: будь нестяжателенъ, потому что иначе нельзя тебѣ быть кроткимъ. Но кротость можетъ имѣть и другіе источники,—любовь, преданность въ волю Божію и под.— Вошедши же въ сердце, она вмѣстѣ съ своими родителями подсѣкаетъ и любостяжаніе. Почему въ кротости можно видѣть и средство противъ сей страсти. Гони кротость, и она, водворившись въ сердцѣ, поможетъ тебѣ невозмутимо блюсти нестяжательность.

Ст. 12. *Подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры, емлися за вѣчную жизнь, въ нюже и званъ былъ еси, и исповѣдалъ еси доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтели.*

Урокъ продолжается. Потому и эти слова надлежитъ разсматривать въ томъ же направленіи, какъ и предыдущія, т.-е., въ ихъ отношеніи къ нестяжательности или любостяжанію. —*Подвизайся добрымъ подвигомъ вѣры.* Подвигъ предполагаетъ не только усиленный трудъ, но и борьбу для преодолѣнія препятствій внутреннихъ и внѣшнихъ, когда требуется не съ дѣломъ только какимъ сладить, но при этомъ себя одолѣть и все, что въ себѣ возстаетъ противъ него, и противъ другихъ устоять, и надъ теченіемъ обстоятельствъ взять верхъ.

Въ отношеніи къ вѣрѣ подвигъ есть увѣрованіе, потому что надо и свой умъ и волю подклонить подъ иго вѣры, и отъ прежней вѣры отстать, и съ прежними единовѣрцами разойтись; еще большій подвигъ есть и свое внутреннее, и свое внѣшнее наладить по духу вѣры, что всегда требуетъ не малой перестройки порядковъ установившейся жизни своей; затѣмъ подвигъ есть стоять твердо и въ вѣрованіи и въ жизни по вѣрѣ,—каковый подвигъ наипаче труденъ и высокъ во время гоненія и нападковъ на вѣру и вѣрующихъ. Все это общіе всѣмъ вѣрующимъ подвиги; но есть и особые, на нѣкоторыхъ только лицахъ лежащіе подвиги вѣры, именно распространеніе вѣры и руководство другихъ въ дѣлѣ вѣры,—подвигъ Апостольскій и пастырскій. Какой въ настоящемъ мѣстѣ разумѣть подвигъ вѣры?—Всѣ, исключая подвига увѣрованія; но особенно послѣдній—Апостольскій и пастырскій. Св. Тимоѳей давно уже увѣровалъ и позналъ вѣру во всей широтѣ; объ этомъ и поминать нечего. Но подвигъ храненія вѣры и жизни въ духѣ вѣры, подвигъ перенесенія искушеній по причинѣ вѣры, у пастыря же подвигъ наученія и руководства пасомыхъ никогда не прекращается. Ихъ всѣ и можно разумѣть въ настоящемъ мѣстѣ, какъ и дѣлаютъ наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ при семъ о подвигѣ храненія вѣры и жизни въ духѣ ея. „Требуется не только исповѣданіе (принятіе вѣры, увѣрованіе), но и стояніе въ немъ, дабы постоянно пребывать въ принятомъ исповѣданіи; а для сего по всей справедливости нужны великіе подвиги и немалые труды, чтобъ не уклониться съ праваго пути; потому что много предстоитъ соблазновъ, много препятствій. Вслѣдствіе сего тѣсенъ и прискорбенъ путь сей. Поэтому надо отовсюду оградить себя, надо со всѣхъ сторонъ надлежащимъ образомъ вооружить себя. Отовсюду

появляются безчисленныя приманки, которыя привлекають къ себѣ душевныя очи, именно,—утѣхи, деньги, прельщеніе, лѣность, слава, гордость, власть, любоначаліе,—и появляются со свѣтлымъ и пріятнымъ лицемъ, способнымъ привлечь къ себѣ тѣхъ, которые подчиняются ихъ вліянію и не очень любятъ истину, ибо она жестка и не содержитъ въ себѣ ничего пріятнаго. Почему? Потому что она всевозможныя утѣшенія обѣщаетъ только въ будущемъ, между тѣмъ какъ эти предметы уже теперь обѣщаютъ почести, удовольствія, покой, конечно не истинный, но имѣющій только наружный его видъ. Вслѣдствіе сего всякій сластолюбивый, изнѣженный и слабодушный прилѣпляется къ нимъ, бѣжа отъ трудовъ, сопряженныхъ съ добродѣтелію."—Экуменій пишетъ о претерпѣніи искушеній за вѣру: „подвигъ вѣры есть и все сказанное (въ ст. 11-мъ: правда, благочестіе, и проч.), и мужество въ искушеніяхъ за вѣру." Блаж. Ѳеофилактъ поминаетъ и о трудахъ пастырства: „*подвизайся*, говоритъ, *добрымъ подвигомъ вѣры*,—т.-е. стой за вѣру твердо и непоколибимо, и ревнуй о ней и силою слова и чистотою жизни."

Какъ такого рода подвиги служатъ противоядіемъ любостяжанію и крѣпкою основою нестяжательности, очевидно само собою. Духъ жизни по вѣрѣ есть отъ всего отрѣшенный, и слѣдовательно нелюбоимательный; искушенія за вѣру, подобно огню переплавленіемъ очищающему металлы отъ стороннихъ примѣсей, выжигаютъ всякія пристрастія къ земному; пастырскія же заботы, кромѣ сего, и времени не оставляютъ заняться стяжаніями. Почему Апостолъ и написалъ о подвигахъ: *подвизаяйся отъ всѣхъ воздержится* (1 Кор. 9, 25), и:—*никтоже воинъ бывая обязуется куплями житейскими* (2 Тим. 2, 4).

Емлися за вѣчную жизнь. Это прямо отрицаетъ любостяжаніе. Взяться за вѣчную жизнь значитъ всею ду-

шею и всѣмъ сердцемъ взыскать ее. Взыскивать при семъ стяжанія уже нечѣмъ: и мысли и желанія — всѣ переселены въ область вѣчной жизни; для стяжанія чего-либо временнаго не остается уже силъ. И Спаситель сказалъ, что нельзя Богу работать и мамонѣ. Работы сіи взаимно себя исключаютъ. Почему возьмись за вѣчную жизнь,—и погасишь любостяжаніе, воспріявъ вмѣсто его нестяжательность. Ктому же, взявшись за вѣчную жизнь, надо ужъ и дѣла направить исключительно къ стяжанію ея,—а они всѣ держатся на самоотверженіи и любви—дѣятельныхъ,—кои обѣ суть для любостяжанія огнь поядающій.

Въ нюже и званъ былъ еси. Обѣтованіе жизни вѣчной входило въ предметы перваго оглашенія приходящихъ къ вѣрѣ. Проповѣдники съ одной стороны представляли уму: *открывается гнѣвъ Божій съ небеси* (Рим. 1, 18), — съ другой: *животъ вѣчный возвѣщаемъ вамъ* (1 Іоан. 1, 2). Оттуда страхъ, отсюда сладкая надежда и влекли къ вѣрѣ, предлагая въ ней средство заразъ и отъ гнѣва избавиться и вѣчнаго блаженства сдѣлаться наслѣдниками. И во всѣ времена эти два побужденія привлекали и привлекаютъ къ вѣрѣ, держали и держатъ въ ней не холодными, а воодушевленными любителями ея. Апостолъ напоминаетъ св. Тимоѳею: помнишь, что привлекло тебя къ вѣрѣ? Сладкая надежда вѣчныхъ благъ. Они и обѣщаны были тебѣ отъ лица Божія, такъ что ты прямо въ жизнь вѣчную и званъ, и окрестившись записанъ въ наслѣдники сей жизни,— въ наслѣдники Божіи, сонаслѣдники же Христовы (Рим. 8, 17). Такъ тебѣ, таковому сущу, непристало любостяжательничать: ибо это значило бы золото и каменіе драгоцѣнное промѣнять на соръ и плевелы. — Это и всѣмъ можно напоминать. Ибо „всякій приступающій ко крещенію въ жизнь вѣчную зовется“ (Экумен.).

И исповѣдалъ еси доброе исповѣданіе предъ многими свидѣтели. Исповѣданіе разумѣется вѣры, которое *добро* есть, когда совершается небоязненно, съ дерзновеніемъ, безъ всякихъ колебаній, съ полною увѣренностію въ истинѣ. Про какое поминается исповѣданіе?—Исповѣданіе бываетъ при крещеніи; провозглашается исповѣданіе предъ мучителями; дается оно и предъ рукоположеніемъ. Какое здѣсь? Меньше всего послѣднее. Умѣстно первое; на него наводитъ предыдущее—*званъ былъ еси*, и то обстоятельство, что св. Тимоѳей рекомендованъ былъ Апостолу Павлу отъ всѣхъ вѣрующихъ на своей ему родинѣ, какъ жаркій ревнитель вѣры (Дѣян. 16, 2). И еще болѣе умѣстно второе. Сопутствуя Апостолу, св. Тимоѳей всюду являлъ исповѣданіе вѣры; такъ что свидѣтельницею его исповѣданія была вся вселенная. Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ хвалитъ здѣсь дерзновеніе и мужество св. Тимоѳея; ты, говоритъ, на всѣхъ мѣстахъ являлъ свое доброе исповѣданіе.“ Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „хвалитъ его дерзновеніе и мужество, какъ исповѣдавшаго Христа среди опасностей. Или говоритъ объ исповѣданіи, бывающемъ при крещеніи, когда мы исповѣдуемъ, что отрицаемся отъ сатаны и сочетаваемся Христу“.

Что есть такое исповѣданіе для любостяжанія и нестяжательности?—То же, что и добрый подвигъ вѣры. Ктому же исповѣдающій Христа предъ лицемъ смерти, внутреннѣйше и существенно отъ всего отрѣшается; но вмѣстѣ съ тѣмъ преисполняется неописанно ублажающими чувствами отъ дѣйственнаго при семъ общенія съ Господомъ, Который близъ есть. Память о семъ потомъ не отходитъ; намѣренное же воспоминаніе о томъ возстановляетъ всякій разъ въ силѣ и полное отрѣшеніе и всеблаженное вкушеніе Господа. Таковому гдѣ взять вкуса для тлѣнныхъ стяжаній?!

γ[2]).

Ст. 13. *Завѣщаваю ти предъ Богомъ, оживляющимъ всяческая, и Христомъ Іисусомъ свидѣтельствовавшимъ при Понтійстѣмъ Пилатѣ доброе исповѣданіе: соблюсти тебѣ заповѣдь...*

Дается завѣщаніе предъ лицемъ Бога вездѣсущаго и всеоживляющаго. Это равносильно заклинанію именемъ Бога, которое вяжетъ совѣсть и обязываетъ къ точному исполненію завѣщаваемаго. Въ настоящемъ мѣстѣ оно усиливается еще напоминаніемъ о второмъ пришествіи Христовомъ и объ особенно впечатлительныхъ свойствахъ Божіихъ—вседержительствѣ, неприступности и невидимости всевидящей. Св. Тимоѳею едвали нужно было такое напряженное внушеніе. Дѣлается оно въ показаніе важности предмета,—нестяжательности пастырей, при чемъ въ лицѣ св. Тимоѳея Апостольскій духъ обнималъ всѣхъ пастырей до скончанія вѣка и въ средѣ ихъ очень многихъ, которымъ крайне необходимо такое внушеніе. Амвросіастъ пишетъ: „съ большою внушительностію и прозрѣніемъ въ далекое даетъ Апостолъ наставленія пастырю церкви; ибо въ его лицѣ—спасеніе всей паствы. Не о св. Тимоѳеѣ безпокоясь, онъ такъ сильно выражается, но о преемникахъ его, чтобъ они, примѣромъ св. Тимоѳея руководясь, вѣрно соблюдали, къ чему обязывало ихъ рукоположеніе, въ себѣ самихъ передавая примѣръ сей и послѣдующимъ за ними преемникамъ."

Завѣщаваю ти предъ Богомъ. „Опять призываетъ во свидѣтели Бога, подобно тому, какъ незадолго предъ этимъ дѣлалъ сіе (—5, 21),—въ одно время и умножая страхъ, и содѣлывая ученика своего непоколебимымъ, и открывая, что это не человѣческія распоряженія, дабы св. Тимоѳей, пріемля заповѣдь сію какъ-бы отъ

Самого Господа, и дабы всегда имѣя въ мысли свидѣтеля, отъ котораго онъ слышалъ ее, воспоминаніемъ объ этомъ приводилъ въ сотрясеніе душу свою“ (св. Злат.).

Предъ Богомъ оживляющимъ всяческая. Мысль о Богѣ вездѣсущемъ, всесодержащемъ, всему дающемъ бытіе и жизнь, самое сильное даетъ возбужденіе нравственной энергіи; ибо оживляетъ чувство всесторонней зависимости отъ Бога, на коемъ утверждается и коимъ живится страхъ Божій—источникъ дѣятельной премудрости. Если предметомъ завѣщанія признаемъ нестяжательность, то можемъ положить, что напоминаніе о Богѣ всеоживляющемъ дается съ тѣмъ, чтобъ возставить убѣжденіе, что не *о хлѣбѣ единомъ живъ бываетъ человѣкъ* (Матѳ. 4, 4), и тѣмъ отнять самую крѣпкую опору и заботы о стяжаніяхъ; ибо она поддерживается наипаче опасеніями за жизнь при ничегонеимѣніи. „Апостолъ говоритъ здѣсь, какъ-бы такъ выражаясь: не бойся смерти, ибо ты рабъ Бога, Который можетъ все оживотворить“ (св. Злат.). Если предметомъ завѣщанія признаемъ вообще вѣру Христову и ревность о ея распространеніи и поддержаніи, то напоминаніе о Богѣ всеоживляющемъ дано, „какъ ободреніе въ опасностяхъ сопряженныхъ съ тѣмъ: ибо если Богъ все животворитъ, то чего намъ бояться подвиговъ за вѣру?“ (Экум.). Можетъ быть имѣлось въ виду навесть мысль и на будущее воскресеніе (св. Злат., Ѳеоф.) и напомнить слово Господа: *вѣруяй въ Мя аще и умретъ, оживетъ* (Іоан. 11, 25). Не неумѣстно сіе допустить, какъ предначатіе послѣдующей рѣчи, гдѣ говорится о второмъ пришествіи Господнемъ.

И (предъ) Христомъ Іисусомъ, свидѣтельствовавшимъ при Понтійстѣмъ Пилатѣ доброе исповѣданіе. Это второе напоминаніе къ возбужденію и укрѣпленію нрав-

ственной энергіи. Христіане живутъ и дышатъ Христомъ Господомъ. Почему напоминаніе о Господѣ Спасителѣ всегда вызываетъ помышленіе самое возбудительное и оживительное. Съ этою цѣлію оно и здѣсь сдѣлано. „Еще и отъ примѣра Учителя беретъ онъ руководительное наставленіе. Сказанное имъ имѣетъ такой смыслъ: какъ Онъ дѣлалъ, такъ, говоритъ, и вы должны дѣлать. Ибо Онъ для того свидѣтельствовалъ (доброе исповѣданіе), чтобы мы по слѣдамъ Его шли въ (семъ) добромъ исповѣданіи. Тоже самое внушаетъ Апостолъ и въ посланіи къ Евреямъ, говоря: *взирающе на начальника вѣры и совершителя Іисуса, Иже вмѣсто предлежащія Ему радости, претерпѣ крестъ, о срамотѣ нерадивъ, одесную же престола Божія сѣде* (Евр. 12, 2); и опять: *помыслите убо таковое пострадавшаго отъ грѣшникъ на себѣ прекословіе, да не стужаете душами своими* (Евр. 12, 3)“ (св. Злат.).

Но къ чему возбуждаетъ и что подражанію представляетъ здѣсь такое напоминаніе? Самое ли доброе исповѣданіе, т.-е. содержаніе его, или непоколебимое мужество, съ какимъ оно дано предъ лицемъ смерти?— И то и другое. Предметъ добраго исповѣданія Господня есть увѣреніе, что Онъ есть Сынъ Божій, воплотившійся, чтобъ водворить среди людей истину. Св. Златоустъ спрашиваетъ: „Что называетъ здѣсь Апостолъ добрымъ исповѣданіемъ Господа?“ И отвѣчаетъ: „То, что будучи вопрошенъ отъ Пилата: *убо царь ли еси Ты?* Онъ отвѣчалъ: *Азъ на сіе родихся и на сіе пріидохъ въ міръ, да свидѣтельствую истину* (Іоан. 18, 37). Или для сего такъ говоритъ, или для того, что будучи вопрошенъ: сынъ ли Онъ Божій? сказалъ: *вы глаголете, яко Азъ есмь* (Лук. 22, 70). Такое свидѣтельство дано и предъ Пилатомъ, — только не словомъ, а неотвѣчаніемъ на вопросъ или молчаніемъ, и сказан-

ными затѣмъ словами (Іоан. 19, 7—11). Экуменій прямо и разумѣетъ здѣсь подъ исповѣданіемъ то, что Господь „засвидѣтельствовалъ, что Онъ есть Христосъ, Сынъ Божій." Но въ этомъ существо нашей вѣры, совершающей спасеніе людей. Почему бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Добрымъ исповѣданіемъ Господа назвалъ Апостолъ спасеніе вселенной. Ибо за спасеніе оной претерпѣлъ Господь страданіе." Отсюда Амвросіастъ наводитъ: „о страданіи Христа Господа напоминаетъ, чтобъ страхъ навесть, внушая, что тотъ по справедливости долженъ и быть признанъ виновнымъ въ семъ страданіи, кто презираетъ то, для чего пострадалъ Христосъ." Послѣ сего намѣренія Апостола въ напоминаніи и добромъ исповѣданіи Христа Іисуса предъ Пилатомъ можно выразить такъ: исповѣдуя Христа Іисуса Сыномъ Божіимъ воплотившимся и пострадавшимъ нашего ради спасенія, будь и самъ готовъ все, даже смерть претерпѣть за вѣру въ Него и за жизнь по Духу Его. Это тоже, что пишетъ и св. Петръ: *Христу убо пострадавшу за ны плотію, и вы въ туже мысль вооружитеся* (1 Петр. 4, 1). Примѣняя это къ предмету рѣчи, видимъ здѣсь сильнѣйшее побужденіе и къ нестяжательности, и къ небоязненному исповѣданію вѣры словомъ и дѣломъ, и къ доброму пастырствованію. Послѣднее видитъ здѣсь бл. Ѳеодоритъ, — пиша: „такое свидѣтельство (Христово) Апостолъ представляетъ ученику своему (въ примѣръ), чтобъ и онъ съ большимъ усердіемъ настраивалъ своихъ учениковъ," небоязненно и неутомимо свидѣтельствуя предъ ними и предъ всѣми, въ чемъ истина о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ.

Ст. 14. *Соблюсти тебѣ заповѣдь нескверну и незазорну, даже до явленія Господа нашего Іисуса Христа.*

Какую заповѣдь? Сію, т.-е. заповѣдь о нестяжательности. Такъ заставляетъ разумѣть теченіе рѣчи. Можно такой смыслъ дать и слову бл. Ѳеодорита, который

пишетъ: *„соблюсти тебѣ заповѣдь*, т.-е, сіе самое, о чемъ пишу.“ Пишется же—впереди предостереженье отъ любостяжанія въ заповѣди: сего бѣгай, а гонись за всякою добродѣтелію,—а послѣ даются уроки о спасительномъ употребленіи богатства. Слѣд. совершенно умѣстно подъ заповѣдію разумѣть здѣсь внушеніе—сохранить себя непричастнымъ этой гибельной страсти любоиманія.

Но всѣ другіе наши толковники подъ заповѣдію разумѣютъ здѣсь вѣру и жизнь по вѣрѣ. И бл. Ѳеодоритъ въ обязательствѣ соблюсти заповѣдь нескверною и незазорною видитъ урокъ: „къ Божественному ученію не примѣшивай чуждаго,“ т.-е. блюди христіанское ученіе чистымъ. Другіе же къ вѣрованію чистому прилагаютъ и жизнь непорочную. Св. Златоустъ говоритъ: *„Соблюсти тебѣ заповѣдь нескверну* значитъ: чтобъ ни за вѣрованія, ни за жизнь не навлекалъ ты ни малѣйшаго укора.“ Экуменій и Ѳеофилактъ: „чтобъ ни въ догматахъ, ни въ жизни ты ничѣмъ не пятналъ себя.“

Принимая такую мысль, надо будетъ все сіе завѣщаніе Апостола — 13 — 16, — признать заключительнымъ словомъ посланія; послѣдующую же за симъ рѣчь Апостола — припискою, съ отношеніемъ однакожъ ея къ предыдущему слову противъ любостяжанія. Кончивъ завѣщаніе съ молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, Апостолъ припомнилъ, что относительно стяжаній не все сказано,—и именно, что не стяжанія виноваты въ пагубности ихъ, а недолжное ихъ употребленіе, и прибавилъ, какъ должно употреблять богатство не на вредъ спасенію, а въ пособствованіе къ нему. Сказавъ же это, повторяетъ будто завѣщаніе, говоря вмѣсто: соблюди заповѣдь — *преданіе сохрани* (ст. 20), которое слово можно признать и истолкованіемъ предыдущаго: *соблюсти заповѣдь*.

Заповѣдь нескверну и незазорну. Заповѣдь всегда чиста, нескверна и незазорна, сколько ее ни нарушай кто. Но

кто нарушаетъ ее, тотъ себя сквернитъ тѣмъ, что противоположно заповѣди, и дѣлается чрезъ то зазорнымъ.

Даже до явленія Господа. Не то значитъ, чтобъ предсказывалось св. Тимоѳею продолженіе жизни до пришествія Господа, а выражается лишь: навсегда, до скончанія жизни своей; ибо для каждаго переходъ изъ сей жизни въ другую есть моментъ предстанія Господу, и слѣдовательно явленія ему Господа,—επιφανεια. Св. Златоустъ говоритъ: „*до явленія Господа*, т.-е. до твоей кончины, до исхода твоего. Не сказалъ онъ такъ (буквально), но сказалъ: *даже до явленія Господа*, чтобы больше ободрить его,“ — чтобъ „больше оживить и возбудить его ревность напоминаніемъ о явленіи Господа, напоминая и о страшной оной славѣ“ (Экум., Ѳеоф.),—и той, которая имѣетъ сопровождать являющагося на судъ Господа, и той, которая, по судѣ, сдѣлается наслѣдіемъ вѣрующихъ, блаженной жизни удостоенныхъ.—Или въ такомъ же смыслѣ сказалъ такъ Апостолъ, въ какомъ Господь сказалъ Апостоламъ: *се Азъ съ вами есмь во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. 28, 20). Въ лицѣ Апостоловъ Господь видѣлъ всѣхъ вѣрующихъ и ихъ ублажилъ такимъ обѣтованіемъ. И здѣсь Апостолъ въ лицѣ св. Тимоѳея видѣлъ всѣхъ архипастырей и пастырей и въ законъ имъ поставилъ другъ-друго-пріимательно блюсти заповѣдь сію (вѣру ли Христову разумѣть здѣсь, или только нестяжательность) до явленія Господа, до втораго Его пришествія, всеобщаго воскресенія, суда и окончательнаго рѣшенія участи всѣхъ, внушая имъ сіе предостереженіе: *бдите, яко не вѣсте, въ кій часъ Господь вашъ пріидетъ* (Мѳ. 24, 42).

Ст. 15. *Еже во своя времена явитъ блаженный и единъ сильный, Царь царствующихъ и Господь господствующихъ.*

Помянувъ о явленіи Господа и тѣмъ приведши на память и прочее, соприкосновенное съ нимъ,—воскре-

сеніе, судъ, вѣчное блаженство и вѣчныя муки, — для возбужденія бодренности и бдительности въ соблюденіи заповѣданнаго,—Апостолъ, для тойже цѣли, живописуетъ теперь свойства Бога, имѣющаго произвести все сіе, углубляя вмѣстѣ съ тѣмъ убѣжденіе, что такъ точно будетъ. Для чего это дѣлаетъ Апостолъ, св. Златоустъ объясняетъ такъ: „хорошо сдѣлалъ Апостолъ, предложивъ такое богословіе. Это и нужно было. Ибо такъ какъ онъ призвалъ Бога во свидѣтели, то говоритъ много о семъ свидѣтелѣ, чтобы глубже напечатлѣть помышленіе о Немъ,“—и тѣмъ усилить бдительность и ревность. А бл. Ѳеодоритъ пишетъ, что Апостолъ изображеніемъ того, „что свойственно и принадлежитъ Богу, имѣлъ намѣреніе подтвердить ученіе о воскресеніи, судѣ и воздаяніи,“ — оживить и усилить убѣжденіе въ томъ съ тоюже цѣлію,—т.-е. чтобъ оживить ревность; ибо ничто столько не сильно поддерживать нравственную энергію, какъ память о послѣднихъ.

Явленіе Господа явитъ Богъ,—Богъ тріѵпостасный. Явится Сынъ воплотившійся, по волѣ и благоволенію Отца въ общеніи съ Духомъ Святымъ, какъ было и первое явленіе для устроенія спасенія. *Во своя времена*,—въ то время, которое держится въ тайнѣ Божества и Ему единому вѣдомо,—„т.-е. во время приличное, должное“ (св. Злат.), — „предопредѣленное“ (Экум., Ѳеоф.). Сказалъ сіе Апостолъ, чтобъ пресѣчь столь свойственное немощи человѣческой покушеніе опредѣлять моментъ явленія Господа, и вмѣсто того настроить—ожидать Его каждую минуту. Явится Господь несомнѣнно, и рѣшитъ участь твою навсегда. Что тебѣ нужды знать, нынѣ или завтра явится? Будь готовъ,—вотъ что нужно!

За симъ живописуются наиболѣе впечатлительныя свойства Божества. На первомъ мѣстѣ поставляется блаженство Божіе. Блаженъ Богъ Самъ въ Себѣ и

достоинъ ублаженія отъ всѣхъ различныхъ тварей, т.-е. вседоволенъ, всесовершенъ, полнота всего, почему и всехвальный. „Онъ есть самоблаженство“ (св. Злат.). Если Онъ всеблаженство, то ничего болѣе не желаетъ. какъ того, чтобы всѣхъ ублажить, всѣхъ сдѣлать блаженными. Страшно явленіе Господа, ибо сопровождаться будетъ страшнымъ судомъ; но оно и безмѣрно обрадовательно, ибо положитъ начало всеблаженной жизни, „гдѣ не будетъ уже ни печали, ни воздыханія“ (св. Злат.). Только будь готовъ,—„не смотри на кажущіяся ублажительными здѣшнія блага, но къ тому Единому прилѣпи взоръ. Который есть самоблаженство“ (Ѳеоф.), „отъ лица Котораго бѣжитъ всякая скорбь и печаль“ (Экум.), такъ что ты еще здѣсь начнешь вкушать блаженство, которое во всей силѣ откроется лишь по явленіи Господа.

И единъ сильный,—*δυνάστης*,—одинъ Властитель. Все въ Его десницѣ. Слѣдовательно Онъ не только хочетъ, но и силенъ всѣхъ ублажить. Если взять во вниманіе все напоминаемое явленіемъ Господа, будетъ: силенъ всѣхъ воскресить, собрать во едино, произвести судъ. раздѣлить одесную и ошуюю, и однихъ ублажить, а другихъ предать вѣчнымъ мукамъ,—и все сіе запечатлѣть на вѣчные вѣки неизмѣннымъ рѣшеніемъ и опредѣленіемъ Своимъ. Ибо волѣ Его кто противиться можетъ? Есть и между тварями такія, которыя являются облеченными царственною и господственною силою, но и онѣ всѣ въ Его власти. Ибо Онъ одинъ есть *Царь царствующихъ и Господь господствующихъ*. Такъ благонадеженъ будь, что всякое обѣтованіе Божіе исполнено будетъ неотложно. Какъ обѣтованій никто не вынуждалъ, а они суть дѣло свободнаго Божія благоволенія, такъ и исполненію ихъ никто помѣшать не можетъ; и опредѣленіе Божіе о нихъ измѣниться не измѣнится, ибо Богъ неизмѣненъ. Такъ будь благонадеженъ; но вмѣстѣ и страшись. Ибо если

все во власти Его, то тебѣ некуда ускользнуть и укрыться отъ Него, если по несчастію прогнѣваешь Его и заслужишь осужденіе. Обрати же всю ревность свою на то. чтобъ дѣлать одно благоугодное предъ Нимъ, и въ концѣ явиться благопріятнымъ Ему. „Земныхъ же какихъ-либо властителей и царей не бойся“ (Ѳеоф.), если станутъ съ угрозами отклонять тебя отъ угоднаго Богу.

Ст. 16. *Единъ имѣяй безсмертіе, и во свѣтѣ живый неприступнѣмъ, Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ: Емуже честь и держава вѣчная. Аминь.*

„*Безсмертіемъ* называетъ непрестаемость“ (Ѳеод.),—или полнѣе—то, что Онъ есть Сый, присносущій, источникъ жизни имѣющій въ Себѣ, ничего отынуды не заимствуя и никогда ничѣмъ не истощаясь. Отъ Него и все прочее имѣетъ бытіе и жизнь. Онъ есть *даяй всѣмъ животъ и дыханіе и вся* (Дѣян. 17, 25). Экуменій задаетъ при этомъ вопросъ: „какъ говоритъ онъ о Богѣ, что Онъ одинъ имѣетъ безсмертіе, когда иАнгелы, и души, и демоны имѣютъ безсмертіе?“ И отвѣчаетъ: „эти не имѣютъ безсмертія сами по себѣ, но причастны суть безсмертія по благодати Того, Кто одинъ есть безсмертенъ по естеству. Ибо сіе,—быть безсмертными,—отъ Бога имъ дано. Богъ есть, изъ Коего мы причащаемся, какъ всего другаго, наилучшимъ представляемаго, такъ и безсмертія.“ Помянулъ же о семъ свойствѣ Апостолъ, по бл. Ѳеодориту, для того, чтобъ вмѣстѣ съ указаніемъ на всемогущество, углубить убѣжденіе, что Таковый силенъ совершить какъ явленіе Господа, такъ и все соприкосновенное съ нимъ. Но если возведемъ при семъ мысль къ общему содержанію рѣчи Апостола,—къ нестяжательности; то можемъ сказать, что онъ помянулъ о семъ свойствѣ, чтобъ внушить: вотъ къ Кому прилѣпляйся, или Кого стяжать поревнуй, оставляя позади все тлѣнное.

Во свѣтѣ живый неприступнѣмъ. „Неприступенъ сей

свѣтъ, потому что, по причинѣ безмѣрнаго его блистанія, никто приступить къ нему не можетъ“ (Ѳеоф.),— приступить и взглянуть; ибо отъ силы свѣта зрѣніе омрачается. Не на вещественный свѣтъ симъ указывается,—хотя возможно представлять, что Богъ гдѣ либо во вселенной, являя тварямъ въ возможномъ для нея величіи Свое божеское присутствіе, являетъ его въ безмѣрномъ блистаніи свѣта,—но это есть образное выраженіе непостижимости Божескаго естества: „по невозможности изслѣдовать самое естество Божіе, указалъ на неприступный свѣтъ окрестъ сего естества“ (Ѳеод.). Св. Пророкъ Давидъ тоже самое выражаетъ словомъ—тьма: *положи тму за кровъ Свой* (Пс. 17, 12). Св. Златоустъ говоритъ: „иной ли свѣтъ Онъ Самъ, и иной тотъ, въ которомъ Онъ живетъ? („Но сіе неприложимо къ Богу; естество Его неописуемо, а если Онъ живетъ во свѣтѣ, то описуется свѣтомъ“—Ѳеод.). Неужели и мѣстомъ Онъ опредѣляется? Нисколько. Не съ тою цѣлію, чтобы мы думали сіе, но чтобы показать намъ непостижимость Божескаго естества, сказалъ Апостолъ, что Богъ живетъ во свѣтѣ неприступномъ, — настолько изъясняя ученіе о Богѣ, насколько это было для него возможно. Видишь ли, до какой степени бываетъ немощенъ языкъ нашъ, когда хочетъ провѣщать что-либо великое?“ „Апостолъ, сколько возможно, пѣснословитъ Бога, и простираетъ взоръ, сколько онъ можетъ достигать“ (Ѳеод.).

„Если окрестъ Его свѣтъ неприступный, то какъ возможно увидѣть Его? Почему присовокупилъ: *Егоже никтоже видѣлъ есть отъ человѣкъ, ниже видѣти можетъ*“ (Ѳеод.). Не человѣки только, но и всѣ чины Ангельскіе,—и Архангелы, и Престолы, и Херувимы, и Серафимы,—не видятъ Божескаго естества. Видятъ и они явленіе только Божескаго величія, сколько снести могутъ, но не естество, которое сокровенно есть.

Вездѣ есть Богъ естествомъ, и вездѣ сокровенъ. Когда Спаситель говоритъ, что Ангелы видятъ лице Отца небеснаго, то лицемъ означаетъ близкое и впечатлительное явленіе Ангеламъ Божескаго присутствія, сколько вмѣстимо для нихъ,—и умное неотрываемое созерцаніе Ангелами Божества, сколько достижимо сіе для нихъ. Естество же Его ни для кого незримо. *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Ін. 1, 18). Для всѣхъ тварей *положилъ Онъ тму за кровъ Свой.* Св. Златоустъ прилагаетъ: „И Сына никто не видѣлъ и видѣть не можетъ."—„То-есть, по Божеству, поясняетъ бл. Ѳеофилактъ; Онъ виденъ былъ (и есть) только по человѣчеству." „И Духа Святаго Божество никто не видѣлъ,—какъ Отчаго и Сыновняго," дополняетъ Экуменій. У Апостола рѣчь о свойствахъ Божескаго естества, или Бога тріѵпостаснаго, Единаго нераздѣльнаго.

Емуже честь и держава вѣчная,—да будетъ отъ насъ воздаваема и восписуема. „Честь Его всегда, держава Его всегда пребываетъ" (св. Злат.). Нашъ долгъ благоговѣйно чествовать Его и пѣснословить, предаваясь вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло Его вседержительству,—непостижимому, но всегда благодѣтельному. „Слава Ему! мы можемъ это только говорить, это только дѣлать, не испытуя, что Онъ есть въ Себѣ" (св. Злат.). „Безукоризненно мы можемъ это только дѣлать,—т.-е. славить Его, а не любопытно изслѣдовать Его" (Ѳеоф.). Можно и то подумать, что Апостолъ сими словами переводитъ вниманіе отъ мрака, покрывающаго естество Божіе, во мракъ, скрывающій пути Божественнаго промышленія. Онъ какъ-бы говоритъ: не смущайся, что не всѣ чтутъ Бога тріѵпостаснаго, и еще болѣе Сына Божія воплотившагося. Это не умаляетъ ни Божеской чести, ни славы воплощеннаго домостроительства. Тамъ и здѣсь честь Божія пребываетъ неизмѣнною. Не сму-

щайся также, если во вселенскихъ явленіяхъ и въ теченіи дѣлъ и положеній человѣческихъ иные не видятъ Божія вседержительства, а можетъ быть, и для тебя самого неясно виденъ перстъ Божій, все движущій и всѣмъ правящій. Держава Божія не пресѣкается. Вѣрь и упокоевайся въ Богѣ, не распложая нерѣшимыхъ вопросовъ, для чего то, отъ чего это. „Положимъ, что что-либо въ настоящее время не исполняется,—держава Его вѣчная тѣмъ не менѣе пребываетъ“ (св. Злат.).

γ).

Чему же собственно учить богатыхъ,—6, 17—19?

Коротко о семъ слово Апостола, но полно. Учи, говоритъ, чтобъ богатые *αα*) не высокомудрствовали, чтобъ ββ) не уповали на богатство, а на Бога, и чтобъ γγ) богатились добрыми дѣлами, сокровиществуя чрезъ то себѣ основаніе добро въ будущее.

αα).

Ст. 17 (первая половина). *Богатымъ въ нынѣшнемъ вѣцѣ запрещай не высокомудрствовати.*

Запрещай,—παραγγελλε,—сказывай, приказывай, повелѣвай,—т.-е. не одно убѣжденіе употребляй, но и власть. Потому что ничто такъ не противно духу Христову, какъ тѣ недобрыя расположенія, какія внѣдряетъ богатство при неразумномъ къ нему отношеніи. А по Апостолу въ сонмѣ христіанъ всѣ должны быть святы и полны духа Христова. Неимѣющій сего изгонялся вонъ. Чтобъ этого не было необходимости дѣлать и надъ богатыми, какъ дѣлалось надъ блудниками, Апостолъ велитъ предупреждать сіе, заповѣдуя богатымъ не допускать того худа въ сердце, которое порождается богатствомъ у невнимающихъ себѣ.

Запрещай не высокомудрствовати. „Это заповѣдуетъ онъ, зная, что ничто такъ не возбуждаетъ надменности,

гордости и высокомѣрія, какъ деньги“ (св. Злат.). Высокомудріе есть первое порожденіе неразумнаго отношенія къ богатству. Богатство Богъ даетъ и если Онъ не благоволитъ дать, не станешь богатъ, сколько ни усиливайся. Между тѣмъ то, какъ Богъ подаетъ, невидимо, свои же усилія видны, осязаемы и чувствительны. Упираясь вниманіемъ на послѣднемъ—своемъ, и забывая прозрѣвать подъ нимъ первое—Божіе, иной и все уже себѣ приписываетъ, и естественно высоко о себѣ думать начинаетъ.—Еще—богатство даетъ способы окружать себя довольствомъ и пышною видимостію, въ домѣ, одеждѣ, содержаніи и во всемъ. Эта мишурная представительность, ничего существеннаго въ себѣ не имѣющая, набиваетъ однакожъ мысль, что какъ это внѣшнее все хорошо, такъ и обладающій имъ хорошъ самъ въ себѣ. Помышленіе сіе переходитъ потомъ въ чувство хорошества личнаго, или въ самочувствіе, отъ котораго тотчасъ дается новый отпрыскъ высокаго о себѣ мнѣнія, а отъ этого и всѣ проявленія гордости.—Къ тому же ведетъ и честь, всѣми невольно изъявляемая богатству. Ибо когда другіе чтутъ, какъ самому себя не почтить? Иной и начинаетъ себя чтить, какъ высокодостойную какую особу, и на другихъ свысока посматривать. Вотъ и высокомудріе. Такимъ образомъ богатство очень скользкій путь, и само въ себѣ представляетъ много препятствій къ удержанію духа Христова, какъ и Спаситель опредѣлилъ: *не удобь богатый внидетъ въ царствіе* (Матѳ. 19, 23). Не удобь,—а не — не можетъ. — Апостолъ и руководитъ его къ сему,—прочищаетъ ему путь къ царствію. Первое—не высокомудрствуй. Богатство — не твое; оно — текуче, нынѣ есть, а завтра уже его нѣтъ; оно— внѣ тебя и не есть твое личное достоинство. Почему крайнее неразуміе есть — высокомудрствовать изъ-за богатства,

когда оно ничто. Какъ самому богатому трудно удерживать такія мудрыя помышленія, то долгъ пастыря есть чаще напоминать ему о семъ. Труби, добрый пастырь, *богатымъ не высокомудрствовати*. Тѣмъ богатымъ, которые богаты въ нынѣшнемъ вѣкѣ, то-есть, благами тлѣнными, только въ настоящемъ вѣкѣ имѣющими мѣсто. Но прибавивъ это слово, Апостолъ сдѣлалъ намекъ на богатство, имѣющее мѣсто и внѣ нынѣшняго вѣка, цѣнное и за предѣлами его, стяжеваемое однакожъ въ семъ вѣкѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „хорошо сказалъ Апостолъ: *въ нынѣшнемъ вѣкѣ;* ибо есть и иные богатые—въ вѣкѣ будущемъ.“ Бл. Ѳеодоритъ прибавляетъ: „ибо есть богатые будущаго вѣка, обладающіе пребывающимъ и постояннымъ богатствомъ.“ Это „праведные,“ дополняютъ блаж. Ѳеофилактъ и Экуменій. Какъ стяжать такое богатство и богатымъ, Апостолъ указываетъ немного ниже, именно: посредствомъ тлѣннаго богатства, обращая его на благотворенія.

ββ).

Ст. 17 (вторая половина). *Ниже уповати на богатство погибающее, но на Бога жива, дающаго намъ вся обильно въ наслажденіе.*

Второе порожденіе неразумнаго отношенія къ богатству есть упованіе на него. Богатство силу даетъ богатому и вообще среди людей и предъ властями, не по своему существу, а по тойже немощи любоиманія; и богатый, успѣвъ обдѣлать одно-другое дѣло посредствомъ богатства начинаетъ чувствовать, что богатство—сила, что съ нимъ все можно обдѣлывать и всего достигать; неоднократно повторенный успѣхъ располагаетъ его опираться на богатство, а потомъ—и вполнѣ возуповать на него. И стало богатство для него—богъ. Вотъ и пагуба. Ибо такимъ отношеніемъ къ богатству внутренній, естествомъ человѣческимъ требуемый и опредѣляемый, строй извращает-

ся: становится во главу, чему слѣдовало быть въ ногахъ. По естеству человѣку надлежитъ въ Богѣ жить и Ему предавъ себя, всецѣло на Него уповать; все же тварное имѣть подъ собою, или около себя, то какъ совсѣмъ ненужное, то какъ средство побочное, подспорье. А у богатаго это ненужное, ничтожное, подножное стало тамъ, гдѣ подобаетъ имѣть единаго Бога.—И сталъ онъ похожъ на ходящаго на головѣ вверхъ ногами.

Это внутренній вредъ отъ упованія на богатство, мысль о которомъ подается словомъ—*уповати*. Но Апостолъ въ отклоненіе отъ него представляетъ далѣе и болѣе осязательное побужденіе,—невѣрность и непрочность богатства: *Ниже уповати на богатство погибающее*:—μηδὲ ἠλπικέναι ἐπὶ πλούτου ἀδηλότητι,—и не возлагать всецѣло упованія своего на невѣрность богатства, или на невѣрное богатство. Ἠλπικέναι,—возуповать, всѣмъ упованіемъ опереться. Ἀδηλότης—безвѣстность, невидность, неясность. Ясно ли видно, что будетъ съ богатствомъ чрезъ день и даже часъ?—Никому это неизвѣстно, никто навѣрное сказать сего не можетъ. Но въ такомъ случаѣ есть ли смыслъ полагаться на него? Что оно непрочно и непостоянно, видишь кругомъ: „то приходитъ оно къ одному, то переходитъ къ другому“ (Өеод.), а у двери гроба и всѣхъ оставляетъ. „Зачѣмъ же надѣешься ты на вещь, которая непрочна? Зачѣмъ уповаешь на то, на что нельзя возлагать упованія?“ (св. Злат.).—Видишь, какъ онъ обличаетъ уповающихъ на богатство, какъ безсмысленныхъ? Ибо кто изъ смысленныхъ станетъ уповать на невѣрное?„ (Экум.).—Хорошо выразилъ мысль Апостола нашъ славянскій переводъ: *на богатство погибающее*. Оно уже гибнетъ, хоть кажется стоящимъ: вотъ-вотъ рушится. Такъ и чувствуй богатый, что ты будто по трясинѣ идешь, или по хрупкому льду, или по слабой жерди надъ бездною.

Того и гляди, что обрушишься и поглощенъ будешь. Богатство—крайне хрупкая опора, „невѣрная, легкорушимая, нестойкая“ (Ѳеоф.).—Но у богатаго богатство запорашиваетъ глаза, и онъ не видитъ сего,—наводить его на узрѣніе сего—дѣло пастыря. Толкуй, говоритъ, ему почаще, чтобъ не уповалъ на богатство.

Но какъ человѣку безъ упованія жить нельзя, ибо глубоко лежитъ въ немъ чувство немощности своей, то Апостолъ и не оставляетъ богатаго безъопорнымъ и безпомощнымъ; но изгнавъ упованіе на богатство гибнущее, велитъ перенести его туда, гдѣ его слѣдуетъ полагать, — *на Бога жива*. Душа естественно боговповательна, и если страсти, особенно пристрастіе къ богатству, не разстроиваютъ ее, то она всегда проявляетъ свое упованіе на Бога. Пробуждаетъ, поддерживаетъ и оживляетъ такое упованіе, вниманіе къ тому, какъ течетъ жизнь наша. На опыты сіи и наводитъ Апостолъ мысль, чтобъ убѣдить, что онъ ничего трудновѣримаго не предлагаетъ, говоря: *на Бога жива* пусть уповаютъ,—когда Онъ *даетъ намъ вся обильно въ наслажденіе*. „Хорошо сказалъ: *вся обильно,* указывая на небо, воду, воздухъ, свѣтъ, разныя произрастенія, и все прочее. Видишь ли, какъ обильно и съ какою щедростію доставляетъ Онъ намъ все это?“ (св. Злат., Ѳеоф., Экум.). Отъ этого даннаго и полученнаго и о прочемъ разумѣвай. Св. Павелъ не разъ обращался въ своихъ рѣчахъ къ симъ естественнымъ щедротамъ Божіимъ, чтобъ въ слышащихъ оживлять вѣру въ Бога и упованіе на Него. Такъ, убѣждая Листрянъ обращаться къ Богу живу, онъ говорилъ,—что Богъ *не несвидѣтельствована Себе остави, благотворя, съ небесе намъ дожди дая, и времена плодоносна, исполняя пищею и веселіемъ сердца наша* (Дѣян. 14, 17). Такъ и Аѳинянамъ онъ толковалъ, что Богъ, хотя невидимъ, но *всѣмъ даетъ*

животъ и дыханіе и вся,—что *Онъ недалече отъ единаго коегождо насъ есть* и Его нельзя *не осязать* въ естественныхъ щедротахъ, отъ Него изливающихся на насъ. *О Немъ бо живемъ, движемся и есмы* (Дѣян. 17, 25—28). Являясь въ міръ на житье временное, мы походимъ на странника, который заходитъ въ домъ богатаго владѣльца, гдѣ находитъ кровъ, пищу, покой, услугу и все потребное, и гдѣ, на случай особой какой нужды, его извѣщаютъ: если еще что нужно, обращайся къ владѣльцу; онъ все доставитъ. Видя такое о себѣ попеченіе, какой странникъ, въ здравомъ умѣ находясь, не расположится полное возымѣть упованіе на такого владѣльца? Такъ и мы, входя въ міръ, находимъ уже напередъ приготовленнымъ для насъ все потребное для жизни, и обѣтованіе имѣемъ отъ Самого Владыки міра, что Онъ все готовъ исполнить, чего ни попросимъ. Разумно ли послѣ сего будетъ, если мы станемъ не на сего Владыку, многомилостиваго и всещедраго, уповать, а на другое что?

ϒϒ).

Ст. 18. 19. *Благое дѣлати, богатитися въ дѣлѣхъ добрыхъ, благоподатливымъ быти, общительнымъ, сокровиществующе себѣ основаніе добро въ будущее, да пріимутъ вѣчную жизнь.*

Возставая такъ противъ неразумнаго отношенія къ богатству, Апостолъ однакожъ не говоритъ, чтобъ бросали богатство, а только внушаетъ обращать его на доброе употребленіе, чтобъ такимъ образомъ самому навыку много имѣть и быть богатымъ дать другое душеспасительное направленіе. Если ты привыкъ, говоритъ, богатымъ быть и имѣть сокровищницы свои наполненными, богатись, но добрыми дѣлами,—сокровиществуй, но на небесахъ для будущаго вѣка. „Если хочешь богатиться, богатись въ благотвореніи“ (Ѳеоф.). „Если ты

ищешь богатства, ищи того, которое остается твердымъ и неизмѣннымъ, которое происходитъ отъ дѣланія добрыхъ дѣлъ“ (св. Злат.). То и другое совершишь ты, обративъ богатство свое на благотвореніе ближнимъ своимъ. Все сіе внушать богатымъ дѣло пастыря.

Внушай, говоритъ, *благое дѣлати*,—ἀγαθοεργεῖν,—благотворить. Пусть готовъ будетъ на всякое дѣло благое, и какъ только представится случай, творитъ его. Какъ голодный о томъ только и думаетъ, какъ бы достать что поѣсть, и увидѣвъ съѣстное, неудержимо бросается на него, такъ и богатый пусть только и думъ имѣетъ, что о томъ, какъ бы кому и гдѣ добро сдѣлать, и какъ только надумаетъ, пусть спѣшитъ на дѣло сіе. Такой образъ дѣйствованія сдѣлаетъ то, что онъ будетъ непрестанно *богатитися въ дѣлѣхъ добрыхъ*. Богатиться добрыми дѣлами и благотворить—одно и тоже означаетъ,—увеличивать сумму благихъ дѣлъ, видимо являемыхъ. Но какъ подъ этою видимостію благою могутъ укрываться неблагія расположенія, то Апостолъ и добавляетъ: *благоподатливымъ быти, общительнымъ*. „Первое относится къ деньгамъ, а послѣднее къ любви“ (св. Злат.). Пусть дѣлаютъ все сіе отъ души, пусть не руки только и ноги благотворятъ, но паче и сердце. Благоподатливъ—тотъ, кто охотно даетъ и въ мѣру нужды нуждающагося. Сердце у него отрѣшено отъ богатства и не сжимается, когда онъ иждиваетъ его, а радъ бываетъ. Если онъ не все сразу и одному отдаетъ, заставляетъ его такъ поступить не сжиманіе сердца, а благоразуміе, благими цѣлями руководимое. Сознавая себя Божіимъ приставникомъ, всякому даетъ онъ свое житомѣріе, то-есть, вникнувъ въ нужду, удовлетворяетъ ей охотно, съ радостію. У Апостола и стоитъ: εὐμεταδότους, — благопередавательнымъ быть, будто чужое передаютъ, не цѣпляясь за передаваемое

сердцемъ, чтобъ удержать его. *Общительнымъ*,—κοινωνικους,—т.-е. „разговорчивымъ, привѣтливымъ“ (св. Злат.). „Снисходительнымъ, сердечноучастливымъ“ (Экум.). Общительный не только все свое считаетъ общимъ, но и всѣхъ вообще своими, не особится ни отъ кого, никого не чуждается, всѣ ему какъ родные, со всѣми радушенъ и привѣтливъ и всѣмъ даетъ не вещи только и деньги, но и сердце, и объ этомъ свидѣтельствуютъ и тонъ рѣчи его, и взоръ очей, и мина, и всякое движеніе. За то и всѣ считаютъ его своимъ и обращаются къ нему, какъ къ своему родному, съ теплымъ довѣріемъ и увѣренностію, что встрѣтятъ сердечное участіе.

Сокровиществующе себѣ основаніе добро въ будущее.— *Сокровиществующе*,—αποθησαβριζοντες, отлагая какъ въ сокровищницу. Кто полагаетъ что въ сокровищницу, тотъ увѣренъ бываетъ, что положенное будетъ цѣло и сохранно. Эту безопасность и прочность положеннаго и имѣлъ въ виду святой Павелъ, употребивъ сіе слово. Благотворители сокровиществуютъ себѣ, прочно и благонадежно полагаютъ доброе основаніе въ будущее,—εις το μελλον,—для будущаго, для будущей своей участи. „Гдѣ есть твердое основаніе, тамъ ничего нѣтъ неустойчиваго, но все твердо, неподвижно, несокрушимо, пребывающе“ (св. Злат.). „Поелику дѣла добродѣтели несомнѣнно упрочиваютъ будущее, то Апостолъ и помянулъ при семъ объ основаніи“ (Ѳеоф.). „*Сокровиществующе основаніе*, тоже, что прочное полагая основаніе“ (Экум.).

Да пріимутъ жизнь вѣчную. Вотъ что есть то будущее, которому прочное основаніе полагаютъ добрыя дѣла благотворенія,—полученіе жизни вѣчной, блаженной. Дѣланіе добрыхъ дѣлъ, въ духѣ вѣры Христовой, обезпечиваетъ наслѣдіе блаженства вѣчнаго. А въ этомъ должна состоять послѣдняя цѣль нашихъ стремленій и трудовъ. „Къ тому всячески должно стремиться, что-

бы положить прочное основаніе будущей блаженной жизни. Какъ же можетъ сіе состояться? Если и основаніе сіе заложимъ благотвореніемъ здѣсь, въ сей жизни. Ибо Апостолъ дѣланіе добрыхъ дѣлъ назвалъ основаніемъ будущей жизни, и оно сильно доставить намъ наслажденіе оною жизнію“ (Экум.). „Истинная жизнь есть та, которую чаемъ въ будущемъ вѣкѣ, которая не знаетъ запада и не опредѣляется временемъ, ибо вѣчна, почему справедливо и истинною называется. Настоящая жизнь есть только образъ жизни, а не истина ея. Но потому самому, что она есть образъ истинной жизни, не есть совсѣмъ ничто (inanitas—призракъ), а напротивъ есть то, что даетъ возможность пріобрѣсть жизнь истинную. Сею временною стяжевается та вѣчная, когда путемъ сей спѣшимъ въ ту. Какъ же это бываетъ? Когда не привязываемся къ здѣшнимъ благамъ, а посредствомъ ихъ стараемся обогащаться добрыми дѣлами. Сего ради поставимъ себѣ цѣлію стать богатыми въ добрыхъ дѣлахъ и посредствомъ земныхъ сокровищъ стяжать себѣ сокровища духовныя; будемъ сѣять на землѣ, чтобъ пожать на небѣ, гдѣ изъ сѣемаго на землѣ добра слагается вѣчное сокровище“ (Амвр.).

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

6, 20. 21.

Коротко; ничего сторонняго не касается, только напоминаетъ главнѣйшее—храни преданіе, уклоняясь отъ суесловій, опасныхъ для вѣры,—и отечески преподаетъ Апостольское благословеніе. Въ началѣ посланія это для всѣхъ поставлено главнымъ дѣломъ.

Ст. 20. *О Тимоѳее, преданіе сохрани, уклоняяся скверныхъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума.*

Преданіе,—*παρακαταθηκη*,—то, что съ довѣріемъ положено у кого-либо (*παρα*) для храненія. Какъ въ настоя-

щемъ мѣстѣ идетъ рѣчь о вѣрѣ, то подъ симъ словомъ,—преданіе—разумѣется все ученіе о вѣрѣ, преданное св. Тимоѳею. Апостолъ заповѣдуетъ ему: храни сіе ученіе, какъ оно тебѣ предано. „Не уменьшай его: оно не твое; тебѣ ввѣрено чужое: не убавляй его“ (св. Злат.). „Все, мною тебѣ заповѣданное, храни, такъ какъ это Господнія суть заповѣди“ (Ѳеоф.). „Храни же заповѣдь Божію, которую Богъ ввѣрилъ тебѣ чрезъ меня“ (Экум.).—Это законъ и для всѣхъ пастырей всѣхъ вѣковъ—усвоивъ преданное, хранить его, какъ предано, чтобъ и преемникамъ своимъ предать его такимъ же, безъ прибавленія своихъ измышленій. Викентій Лиринскій пишетъ на сіе мѣсто: „кто нынѣ *Тимоѳей*, если не вся вообще церковь, или частнѣе не все общество предстоятелей, которые и сами должны имѣть, и другимъ должны сообщать неповрежденнымъ вѣдѣніе Божественной вѣры?—Что значитъ: *преданіе сохрани?* Значитъ: сторожи, потому что есть воры, есть враги, чтобы между добрымъ сѣменемъ пшеницы, которое посѣялъ на полѣ своемъ Сынъ Человѣческій, не посѣяли они, когда спятъ люди, плевелъ (Мат. 13, 37—39). *Преданіе,* говоритъ, *сохрани.* Что такое *преданіе?* То, что тебѣ ввѣрено, а не то, что тобою изобрѣтено, то, что ты принялъ, а не то, что ты измыслилъ, дѣло не ума, а ученія, дѣло къ тебѣ переведенное, а не отъ тебя получившее начало, въ коемъ ты не производитель (autor), но стражъ, не учредитель, но послѣдователь, не ведущій, но въ слѣдъ идущій. *Преданіе,* говоритъ, *сохрани,*—то-есть, талантъ вѣры вселенской сбереги цѣлымъ и непочатымъ. Что тебѣ ввѣрено, то у тебя да пребудетъ, то да предано будетъ тобою (и другимъ послѣ тебя). Золото получилъ ты, золото отдай. Не подкидывай мнѣ одно вмѣсто другаго, вмѣсто золота не подавай мнѣ безстыдно

свинца. или обманно мѣди; не хочу золота на видъ, но золота по природѣ. *О Тимоѳее!* О священникъ! О бесѣдовникъ! О учитель! Если милость Божія признала тебя годнымъ къ сему, по способности, трудамъ и ученію; то будь Веселеиломъ духовной скиніи, обдѣлывай маргариты Божественнаго ученія, принаравляй ихъ вѣрно, украшай мудро, придавай имъ блеска, граціи, привлекательности. Да будетъ, по твоему изложенію, уразумѣваемо яснѣе то, чему прежде вѣровали менѣе ясно. Пусть чрезъ тебя потомство поимѣетъ радость и утѣшеніе, что ясно разумѣетъ то, что прежде древность чтила, неразумѣя. Однакожъ учи томуже, чему самъ наученъ, чтобъ говоря ново не учить новому."

Уклоняясь скверныхъ суесловій и прекословій лжеименнаго разума.—Разума,—γνωσεως—знанія;—знанія, которое хвалится, что знаетъ, тогда какъ не знаетъ, почему ложно носитъ такое наименованіе, — лжеименно есть. Знаніе стало лжеименно, потому что разумъ пошелъ ложною дорогою и заблудился, полагая однакожъ, что идетъ вѣрно, вѣрно смотритъ и вѣрно видитъ; почему сталъ не тѣмъ, чѣмъ ему слѣдуетъ быть, сталъ неразумомъ, и именуясь разумомъ ложно именуется такъ, — лжеимененъ есть. Отъ чего это случилось съ разумомъ? Отъ того, что онъ не за свое дѣло берется. Житейскія дѣла разумѣть ему дано, а постигать Божеское не дано. Это онъ долженъ принять вѣрою такъ, какъ откроетъ Богъ. Богъ открылъ; прими то вѣрою, стараясь только уразумѣть сіе открытое, какъ оно открыто. Когда разумъ и въ откровеніи все берется разумѣть по своему, а не по тому, какъ открыто; то обыкновенно путаетъ и заблуждается, какъ и тогда, когда берется за постиженіе Божескаго безъ откровенія. Но между тѣмъ, и въ семъ случаѣ, онъ свои постиженія считаетъ безпрекословными и усиленно прeко-

словитъ не тѣмъ только, которые, подобно ему, по своему смышленію толкуютъ откровенное, но несогласно съ нимъ, но наипаче тѣмъ, которые разумѣютъ откровенное, какъ оно открыто. Прекословіе составляетъ потому его неотъемлемую черту. Но прекословитъ онъ попусту, ибо какъ не стоитъ онъ въ истинѣ, то и прекословитъ не истиною, а ложью же, и выходитъ у него все одно пусторѣчіе, суесловіе. Тѣ же, которые содержатъ истину, какъ она открыта, не любятъ прекословить, а говорятъ только: такъ Богъ открылъ и мы такъ содержимъ; хочешь покориться Богу, послушай насъ, не хочешь, Богъ тебѣ судья. *Мы же таковаго обычая,*—т.-е. спорить,—*не имѣемъ* (1 Кор. 11, 16). Вотъ это и напоминаетъ Апостолъ св. Тимоѳею: уклоняйся отъ этихъ суесловій и прекословій. Какія это суесловія и прекословія, онъ не различаетъ; какія бы ни были, но коль скоро они несогласны съ тѣмъ, что явно Богъ открылъ намъ, уклоняйся отъ нихъ. Учи паству истинѣ Божіей, и истина сія сдѣлаетъ ее способною отражать всѣхъ суесловцевъ. Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли, какъ опять онъ повелѣваетъ даже не сходиться съ таковыми. *Уклоняяся,* говоритъ, *прекословій.* Слѣдовательно есть прекословія, на которыя даже отвѣчать не должно. Почему? Потому что они удаляютъ отъ вѣры; потому что не позволяютъ стоять твердо и непоколебимо. Поэтому мы не должны придерживаться сего, а вѣры, которая есть незыблемый камень. Ибо тогда ни рѣки, ни вѣтры, устремляясь на насъ, не будутъ въ состояніи причинить намъ никакого вреда, потому что мы незыблемо утвердились на камнѣ, Суесловія и прекословія назвалъ онъ произведеніями лжеименнаго разума. И хорошо сказалъ онъ такимъ образомъ. Ибо гдѣ нѣтъ вѣры, тамъ нѣтъ знанія (Божественныхъ вещей). Когда что пораждается

(въ семъ отношеніи) отъ собственныхъ нашихъ соображеній, то это не есть знаніе.“

Суесловіи,—κενοφωνιας,—пустословій. Если вмѣсто ε поставить αι, то будетъ: новословій. Экуменій и Ѳеофилактъ говорятъ, что св. Златоустъ такъ и читалъ (вѣрно гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, кромѣ толкованія), разумѣя подъ симъ новизны въ ученіи. Въ Вулгатѣ и въ текстѣ такъ стоитъ: vocum novitates. Викентій преподобный изъ этихъ словъ дѣлаетъ свои наведенія въ знаменитомъ своемъ трактатѣ о храненіи преданнаго, какъ видно и изъ послѣднихъ словъ приведеннаго выше изъ него мѣста.

Ст. 21. *О немже нѣцыи хвалящеся, о вѣрѣ погрѣшиша. Благодать съ тобою. Аминь.*

О немже хвалящеся, — о знаніи, знаніемъ хвалясь. Люди многоспособные, пріобрѣтши много познаній о вещахъ тварныхъ, изучившіе исторію, физическія науки, математику, медицину, правовѣдѣніе, филологію, приходятъ нерѣдко къ ложному убѣжденію, что для нихъ и предметы вѣры не непостижимы, и начинаютъ толковать ихъ такъ, чтобъ это было разумно, чтобъ вѣра ихъ была разумная, т.-е. ничего неразумѣемаго не содержала, и все въ ней понимаемо было естественно. Но какъ вѣра, исходя отъ Бога преестественнаго и ведя вѣрующихъ преестественнымъ путемъ къ преестественному общенію съ Богомъ преестественнымъ, естественно понимаема и истолковываема быть не можетъ; то умники, задумывающіе такъ относиться къ ней, неизбѣжно уклоняются отъ ней, криво толкуютъ ея положенія, и выдавая такія толкованія за истину, погрѣшаютъ. Это было всегда и нынѣ есть,—что хвалящіеся знаніемъ,—επαγγελλομενοι,—по профессіи знальщики, когда берутся уразумѣть вѣру, погрѣшаютъ въ вѣрѣ. Ηστοχησαν, говоритъ Апостолъ, — не попали на слѣдъ вѣры, не туда направились, куда она указывала.

„Тому, кто слѣдуетъ однимъ человѣческимъ разумѣніямъ, неизбѣжно *αστοχειν*, не попадать въ тактъ и въ цѣль вѣры. Ибо вѣра не допускаетъ умопостиженій“ (Ѳеофил.). Св. Златоустъ говоритъ: „Апостолъ говоритъ такъ, можетъ быть, потому, что тогда нѣкоторые называли себя гностиками (знальщиками), т.-е. знающими больше другихъ.“ Къ сему бл. Ѳеодоритъ прибавляетъ: „они отъ Симона называли себя гностиками, говорили о себѣ: о чемъ умолчало Божественное Писаніе, то намъ открылъ Богъ. Исполнено же сіе всякаго злочестія и непотребства. Сіе-то вѣдѣніе Апостолъ справедливо назвалъ *лжеименнымъ*. Они имѣютъ мракъ невѣдѣнія, а не свѣтъ боговѣдѣнія.“ Гностики въ силѣ раскрылись во второмъ вѣкѣ; но не дивно, что начатки ихъ проявлялись и при Апостолахъ.

Благодать съ тобою. „Апостолъ присовокупилъ обычное благословеніе“ (Ѳеод.). „Въ запечатлѣніе всего благожелаетъ ему благодати, коею подается и хранится всякое благо. Ея да будемъ богатно причастными и мы всѣ, не погубляя полученныхъ отъ нея благъ, но ею сохраняя ихъ и славя Христа, благодатей Подателя, со Отцемъ и Св. Духомъ“ (Ѳеоф.).

Приведемъ и заключительное на все посланіе слово бл. Ѳеодорита: „ученіе сіе надлежитъ съ точностію сохранять всѣмъ сподобившимся священства; и какъ нѣкое правило всегда имѣть предъ собою, и съ нимъ соображать и что имъ говорить, и что дѣлать слѣдуетъ. Такъ возможно сподобиться части блаженнаго Тимоѳея, и даже самаго пребожественнаго Павла, по благодати и человѣколюбію Господа и Спаса нашего Іисуса Христа, — съ Коимъ Отцу со Святымъ Духомъ подобаетъ слава и великолѣпіе нынѣ, и всегда и во вѣки вѣковъ! Аминь.

ВТОРОЕ

ПОСЛАНІЕ КЪ ТИМОѲЕЮ.

ТОЛКОВАНІЕ
ВТОРАГО ПОСЛАНІЯ СВ. АПОСТОЛА ПАВЛА
КЪ ТИМОѲЕЮ.

ПРЕДИСЛОВІЕ

1, 1—6.

1. Надпись и привѣтствіе, 1, 1. 2.

Ст. 1. *Павелъ Апостолъ Іисусъ Христовъ волею Божіею, по обѣтованію жизни, яже о Христѣ Іисусѣ.*

Надписаніе сходно со всѣми другими, указываетъ, кто къ кому пишетъ и, какъ обычно св. Павлу, содержитъ нѣкоторые термины, къ которымъ поводъ подало содержаніе посланія и которые внесены, чтобы предуказать его.

Апостолъ Іисусъ Христовъ волею Божіею. Волею Бога Отца, Апостолъ Сына Божія воплощеннаго, по единству воли Ихъ. Не иная воля у Отца и иная у Сына, но одна и та же. Почему, чего хощетъ Отецъ, тогоже хощетъ и Сынъ. „Апостоломъ меня предположилъ (προεβάλετο) Владыка Богъ; съ Нимъ свосхотѣлъ (συμφιφισαμένου) сего и Христосъ Іисусъ“ (Экум.).

По обѣтованію жизни, яже о Христѣ Іисусѣ. Въ сихъ словахъ предуказаніе содержанія посланія, которое и подало поводъ ко внесенію ихъ въ сіе надписаніе. Цѣль посланія—воодушевить св. Тимоѳея на му-

жественную проповѣдь о вѣрѣ и блюденіе вѣрныхъ въ вѣрѣ, предъ лицемъ опасностей и смертей. Но въ такихъ обстоятельствахъ, что могло столько воодушевлять, какъ не обѣтованіе жизни, которой самая смерть не отъемлетъ, а дверь въ нее отверзаетъ. Указаніе на это и дѣлаетъ Апостолъ въ самомъ началѣ. *Апостолъ я*, говоритъ, *по обѣтованію жизни,*— по дѣлу обѣтованія жизни. „Владыка Богъ съ единоволеніемъ и Сына поставилъ меня Апостоломъ, чтобы я проповѣдывалъ людямъ обѣтованную жизнь вѣчную" (Ѳеод.). Онъ поставленъ Апостоломъ возвѣщать сію жизнь всѣмъ людямъ, но конечно съ увѣренностію, что она прежде всего несомнѣнное есть достояніе самыхъ возвѣщателей, слѣдовательно и св. Тимоѳея, какъ единаго отъ таковыхъ. „Мысль объ этомъ не могла не послужить ему въ утѣшеніе и ободреніе. Такъ св. Павелъ „въ самомъ началѣ (посланія) ободряетъ душу его. Не напоминай мнѣ, говоритъ, о здѣшнихъ бѣдствіяхъ: они доставляютъ намъ вѣчную жизнь, гдѣ нѣтъ ничего такого, гдѣ нѣтъ болѣзни, печали и воздыханія" (св. Злат.). Не опасности только—наша доля, но и всюду готовая смерть; но „умираемъ мы, чтобы жить вѣчно" (Ѳеоф.). Хотя это только обѣтовано, но обѣтованіе такъ несомнѣнно, что мы все одно какъ бы уже имѣли ее. При всемъ томъ однакожъ она все же есть впереди. „Если же она—обѣтованіе, то не ищи ея здѣсь; *ибо упованіе видимое нѣсть упованіе* (Рим. 8, 24)" (св. Злат.).

Яже о Христѣ Іисусѣ. „Жизни, которая о *Христѣ Іисусѣ* есть, т.-е. со Христомъ, потому что Онъ намъ ее даетъ и ее содержитъ. Тѣлесная жизнь—въ яствахъ и питіяхъ, а духовная во Христѣ Іисусѣ содержится. Онъ для насъ есть все" (Ѳеоф.). Жизнь сія здѣсь воспріемлется, развивается и крѣпнетъ; обѣщается же ея

явленіе во всей свѣтлости своей и славѣ.—Κατ' ἐπαγγελίαν *по обѣтованію*,—можно, потому, перевесть и: по возвѣщенію, по дѣлу возвѣщенія жизни, которая во Христѣ Іисусѣ, — жизни, которая тотчасъ по вѣрѣ и принятіи таинства и получается, и которой жизнь вѣчная составляетъ неотъемлемую часть.

Ст. 2. *Тимоѳею возлюбленному чаду: благодать, милость, миръ отъ Бога Отца, и Христа Іисуса Господа нашего.*

Тимоѳею возлюбленному чаду. „Не просто—*чаду*, но—*возлюбленному;* ибо могутъ быть дѣти и нелюбимыя. Но ты не таковъ, говоритъ; и потому не просто *чадомъ* я называю тебя, но чадомъ *возлюбленнымъ*. И Галатійцевъ онъ называетъ чадами, однако скорбитъ о нихъ: *чадца моя*, говоритъ, *имиже паки болѣзную* (—4, 49). Называя его возлюбленнымъ, онъ свидѣтельствуетъ о великой его добродѣтели. Какимъ образомъ? Когда любовь не отъ природы, то она—отъ добродѣтели; родившіеся отъ насъ бываютъ любезны намъ не по добродѣтели своей только, но и по требованію природы; а возлюбленные по вѣрѣ бываютъ такими не по чему иному, какъ по добродѣтели. И какъ можетъ быть иначе, особенно у Павла, который ничего не дѣлалъ по пристрастію?“ (св. Злат.). „Доблестнаго во всемъ Тимоѳея не естество, но сердце сдѣлало и сыномъ, и возлюбленнымъ“ (Ѳеод.).

Благодать, милость, миръ „Чего желалъ прежде, тоже и теперь желаетъ ему“ (св. Злат.). *Благодать*—сила во спасеніе свое и другихъ; *милость*—источникъ, изливающій и преизливающій благодать; *миръ*—благій плодъ благодати, тотчасъ по полученіи сей милости вкушаемый,—миръ съ Богомъ и небожителями, миръ въ себѣ съ совѣстію и со всѣми земными жителями, невозмущаемый никакими немирными случайностями, но питаемый во всей своей силѣ и среди ихъ.

Отъ Бога Отца и Христа Іисуса Господа нашего, какъ единаго изъ обоихъ источниковъ. „Благодати ему желаетъ, да присущи вспомоществуетъ ему,—желаетъ отъ милости Отца и Христа Іисуса Господа нашего; ибо Богъ благодать Свою щедро подаетъ намъ чрезъ Христа, да единая благодать будетъ обоихъ“ (Амвр.). Господь Іисусъ Христосъ, по страданіи, крестной смерти и воскресеніи, вознесшись на небеса и сѣдши одесную Бога Отца, открылъ путь Пресвятому Духу для низшествія на землю, — и Онъ низшедши всѣхъ облагодатствовалъ и благодатствуетъ доселѣ, по благоволенію Отца, въ силу воплощеннаго домостроительства Сына.

2) Начало посланія – 3 – 6.

а) Изъявивъ сильную любовь ко св. Тимоѳею,—3. 4,—и б) похваливъ его и родъ его за вѣру,—5,—св. Павелъ напоминаетъ ему в) возгрѣвать живущій въ немъ даръ Апостольскаго преемства,—что и составляетъ главный предметъ посланія,—6.

а).

Ст. 3. *Благодарю Бога, Емуже служу отъ прародителей чистою совѣстію, яко непрестанную имамъ о тебѣ память въ молитвахъ моихъ день и нощь.*

Св. Павелъ, какъ всѣхъ училъ о всемъ благодарить (1 Сол. 5, 18), такъ и самъ всегда за все благодарилъ Бога, и за радостное и за скорбное, и за внѣшнее и за внутреннее, за всякое доброе движеніе мысли и чувства. Такъ здѣсь благодаритъ Бога за то, что непрестанную имѣетъ память о св. Тимоѳеѣ въ молитвахъ своихъ. Мысль такая: память непрестанная о комъ-либо есть вѣрное свидѣтельство любви; св. Павелъ, благодаря за память о св. Тимоѳеѣ, благодаритъ за

любовь къ нему. Такъ св. Златоустъ: „благодарю Бога, говоритъ, за то, что я помню о тебѣ,—такъ я люблю тебя. Это—знакъ чрезвычайной любви, когда кто любитъ такъ, что самъ восхищается сею любовію,“— „когда кто въ любви къ кому-либо видитъ великую для себя похвалу, прекрасное себѣ украшеніе“ (Ѳеоф., Экум.). Но подъ этимъ скрывается и другая мысль: Апостолъ непрестано о св. Тимоѳеѣ помнитъ, потому что онъ достоинъ памяти, и благодаря Бога за сію память, благодаритъ за то, что св. Тимоѳей достоинъ того, что онъ таковъ, что объ немъ нельзя не вспоминать, и притомъ такъ, что память о немъ благодарность Богу пораждаетъ. Бываютъ лица, память о коихъ тоже не отходитъ, но томитъ сердце, а память о св. Тимоѳеѣ возбуждала въ душѣ св. Павла радостныя и Богу благодарныя чувства. Такъ съ нѣкіимъ особымъ оттѣнкомъ Амвросіастъ: „поелику достойно вспоминать о добрыхъ, то Апостолъ благодаритъ Бога, что помнилъ о св. Тимоѳеѣ, мужѣ дивномъ, сознавая, что и это есть даръ Божій: ибо не беззаслужно, если кто помышляетъ о добрыхъ мужахъ.“

Емуже служу отъ прародителей. Какъ отъ прародителей, когда тѣ не такъ служили Богу, какъ онъ теперь служитъ, и когда онъ не отъ нихъ научился сему новому служенію? — Образъ служенія новъ; но Богъ служимый одинъ и тотъже есть, равно какъ и духъ служенія. То служеніе, которое онъ принялъ отъ прародителей, онъ держалъ вседушно, Богу покорствуя. Когда сейже Богъ повелѣлъ ему оставить то и усвоить новое, онъ началъ такъ же вседушно держать и это новое, какъ держалъ прежнее, и опять по той же вседушной покорности Богу, какою былъ исполненъ, служа Ему прежнимъ образомъ. Такъ и Богъ и духъ служенія Ему у св. Павла пребывалъ одинъ и тотъже.

Весь родъ мой, свидѣтельствуетъ онъ, вседушно вѣровалъ въ единаго истиннаго Бога и вседушно покорствовалъ Ему въ служеніи, Имъ заповѣданномъ. Тоже самое блюду и я: единаго истиннаго исповѣдую Бога и служу Ему, какъ Онъ заповѣдалъ. Такое настроеніе и выражаетъ въ словахъ: чистою совѣстію,—εν καθαρα συνειδησι,—въ чистой или по чистой совѣсти. Совѣсть чиста, когда въ мысляхъ, чувствахъ, желаніяхъ, словахъ и дѣлахъ не допускается ничего въ противность тому, что сознается истиннымъ, добрымъ и должнымъ,—ничего противнаго убѣжденіямъ. Св. Павелъ, какъ прежде поіудейски служилъ Богу по убѣжденію, что такъ хочетъ единый Богъ, такъ и теперь, похристіански служитъ, по томуже убѣжденію, не обманно навѣянному, а осязательно Самимъ Богомъ явльшимся напечатлѣнному. Почему относительно служенія у него ни малѣйшей тѣни нѣтъ колебанія: убѣжденіе его свѣтлосіянно, какъ солнце при безоблачномъ небѣ среди дня; таковже и совѣсть его.

Амвросіастъ пишетъ: „поелику Богъ христіанъ тотъже есть, который былъ Богомъ Іудеевъ, то Апостолъ неложно свидѣтельствуетъ, что томуже Богу возноситъ благодареніе, Коему служилъ отъ прародителей. Если онъ исповѣдуетъ и проповѣдуетъ то самое, чего чаяли прародители его, то вѣра ихъ одна и таже. Такимъ образомъ, поелику онъ вступилъ въ наслѣдіе прародительскаго служенія Богу и поелику оно было уже въ нихъ, когда они служили Богу, то праведно говоритъ: Емуже служу отъ прародителей. Но какъ говоритъ онъ: *чистою совѣстію*, когда преслѣдовалъ церковь?—Онъ преслѣдовалъ церковь, но такъ, что дѣлалъ это по любви къ Богу, а не по зловолію." Тоже читаемъ и у бл. Ѳеофилакта: „какъ *чистою совѣстію*, когда въ началѣ не зналъ онъ Христа? Такъ, говоритъ онъ,—

или подъ совѣстію разумѣя жизнь: ибо хотя іудействовалъ, но по жизни былъ безукоризненъ,—или потому что, когда гналъ церковь, гналъ по ревности, а не по человѣческимъ какимъ побужденіямъ, какъ иные стоятъ за ересь славы ради, вполнѣ сознавая ея гнилость. Говоритъ же онъ о всемъ этомъ, какъ бы внушая: не подозрѣвай, что у меня одно на умѣ, а другое на словахъ; чиста у меня совѣсть, какъ всегда, такъ и нынѣ. Такъ я не лгу, говоря, что люблю тебя и всегда о тебѣ поминаю" (Это сокращено изъ св. Злат., тоже и Экум.).

Яко непрестанную имамъ о тебѣ память въ молитвахъ моихъ. „Говоритъ: *непрестанную имѣю память,*— и не просто, но *въ молитвахъ моихъ*; т.-е. это входитъ въ молитву мою; во всякое время, непрестанно исполняю это: ибо это выражаютъ слова: *день и ночь* (св. Злат.). Въ молитвѣ память — память священная, Богомъ освящаемою почитаемая, и слѣдовательно въ дѣло содѣванія спасенія входящая. Истинные богочтецы ничего несогласнаго съ благоговѣинствомъ предъ Богомъ не допускаютъ, ничего такого, съ чѣмъ въ чистой совѣсти не могли бы они предстать Богу въ молитвахъ своихъ. Такова была и Апостолова память о св. Тимоѳеѣ,—чистая, святая, ничего плотскаго не имѣвшая.

Ст. 4. *Желая видѣти тя, помня слезы твоя, да радости исполнюся.*

Предметъ молитвы — увидѣть св. Тимоѳея, потому что это было очень желательно,—ἐπιποθῶν,—пламенно сего желая. „День и ночь, говоритъ, молю Бога, да исполнитъ Онъ мое пламенное желаніе увидѣть тебя" (Ѳеоф.). „Видишь ли пламенную привязанность? Видишь ли преизбытокъ любви?" (св. Злат.). Можетъ быть это желаніе видѣть выставлено здѣсь въ удостовѣреніе,

что если онъ не возвратился въ Ефесъ къ нему, то причина этому не охлажденіе любви, а теченіе обстоятельствъ, независящихъ отъ его воли. Св. Златоустъ говоритъ: „Замѣть, какъ онъ въ самомъ началѣ оправдывается предъ нимъ, что самъ не пришелъ видѣться съ нимъ; ибо слова: *дондеже пріиду,* и еще: *уповаю пріити къ тебѣ скоро* (1 Тим. 4, 13; 3, 14), заставляли ожидать скораго его прибытія. Посему онъ тотчасъ же и оправдывается. Впрочемъ не говоритъ вдругъ о причинѣ, почему не пришелъ, дабы не слишкомъ опечалить его, — причиною же было то, что онъ задержанъ былъ кесаремъ, — но уже въ концѣ, когда приглашалъ его къ себѣ, открылъ ее. Въ началѣ же не опечаливаетъ его, а высказываетъ желаніе видѣть его.“ Словами: *желая видѣти тя,* онъ наводитъ его на помышленіе: „могъ ли бы я самъ себя произвольно лишить себя удовольствія видѣть тебя, еслибъ я имѣлъ возможность придти къ тебѣ?“ (Ѳеоф.).

Поминая слезы твоя. Желательно было Апостолу видѣть его не по своей только любви къ нему, но и по его любви къ себѣ, которую онъ явилъ тѣмъ, что проливалъ слезы, вѣроятно, когда, оставляя его, Апостолъ прощался съ нимъ. „Апостолъ показываетъ здѣсь, что дѣлаетъ это (молится увидѣть его) не просто, и не безъ причины, а *поминая,* говоритъ, *слезы твоя.* Разлучаясь съ Павломъ, онъ вѣроятно плакалъ и рыдалъ больше дитяти, отнимаемаго отъ сосцевъ кормилицы и отъ молока“ (св. Злат.). Поминая объ этомъ Апостолъ какъ-бы говоритъ ему: желаю видѣть тебя, любя тебя. „Но еслибъ я былъ и крайне безчувственъ, жестокъ и безчеловѣченъ, и тогда не могъ бы не имѣть такого желанія; ибо припоминаемыя мною слезы твои могли бы смягчить меня“ (св. Злат.).

Почему когда въ слѣдъ за симъ говоритъ Апостолъ:

да радости исполнюся, вмѣстѣ подаетъ мысль: чтобъ и твои осушить слезы. Слезы св. Тимоѳея не могли не отозваться глубокою печалію о разлученіи и въ сердцѣ св. Павла. Отсюда естественно какъ желаніе свидѣться, такъ и предчувствіе радости отъ того въ обоихъ. Амвросіастъ пишетъ: „Апостолъ увѣряетъ, что много помнитъ о Тимоѳеѣ и жаждетъ видѣть его по причинѣ воспоминанія о слезахъ его, которыя онъ по любви къ Апостолу проливалъ, когда тотъ, какъ само собою разумѣется, отходилъ отъ него. Не безъ причины потому желаетъ онъ видѣть того, кто столько любитъ его, чтобъ исполниться радостію отъ обоюднаго обрадованія.“

Всѣмъ этимъ Апостолъ засвидѣтельствовалъ свою къ св. Тимоѳею претеплую отеческую любовь.

б).

Ст. 5. *Воспоминаніе пріемля о сущей въ тебѣ нелицемѣрнѣй вѣрѣ, яже вселися прежде въ бабу твою Лоиду и въ матерь твою Евникію: извѣстенъ же есмь, яко и въ тебѣ.*

Изъявленіемъ своей любви къ Тимоѳею св. Павелъ обновилъ и его любовь къ себѣ, и тѣмъ разогрѣвъ сердце его, сдѣлалъ его готовымъ ко вмѣщенію уроковъ, какъ разогрѣтый воскъ готовъ бываетъ къ принятію печатей. Теперь готовитъ руку для принятія сихъ уроковъ, возставляя силу вѣры его напоминаніемъ о ней, какъ она есть въ немъ и въ родѣ его.

Помня, сказалъ, *слезы твои,* желаю увидѣть тебя еще и молюсь о томъ. Но слезы естественное дѣло; все же естественное въ духовныхъ отношеніяхъ теряетъ силу, если не освящается вѣрою; и только это освященіе облекаетъ его условнымъ нѣкіимъ значеніемъ. Посему Апостолъ тотчасъ и прибавляетъ: *воспоминаніе пріемля о сущей въ тебѣ нелицемѣрнѣй вѣрѣ.* „Не за слезы только (желаю видѣть тебя), но и за вѣру,

такъ какъ ты служитель истины, и нѣтъ въ тебѣ лицемѣрія“ (св. Злат.). „И веселитъ меня преимущественно искренность твоей вѣры“ (Ѳеод.). Предыдущія слова оживляли въ душѣ св. Тимоѳея чувства и расположенія, обычныя у долго жившихъ вмѣстѣ и сроднившихся; напоминаніе о вѣрѣ даетъ имъ другой тонъ и переноситъ въ другую область,—отрѣшенную, трезвенствующую; а похвала вѣрѣ,—яко искренней и нелицемѣрной,—не могла не возставить ревности по вѣрѣ, изъ желанія выдержать себя именно такимъ, какимъ похваленъ.

Чтобы въ сильнѣйшее еще напряженіе привесть эту ревность, Апостолъ напоминаетъ и о вѣрѣ рода Тимоѳеева. Въ тебѣ, говоритъ, живетъ вѣра, *яже вселися прежде въ бабу твою Лоиду и въ матерь твою Евникію.* „Ты, говоритъ, изъ такого дома, который издавна служитъ Христу. Издавна ты имѣешь это благо; отъ прародителей ты принялъ нелицемѣрную вѣру“ (св. Злат.). Напоминаніе о духѣ и характерѣ рода обязательно располагаетъ родичей выдерживать сей духъ и характеръ. Это и имѣлъ въ виду Апостолъ, говоря такъ. „Похвальнымъ напоминаніемъ о предкахъ онъ усиливаетъ вѣру въ своемъ ученикѣ“ (Ѳеод.). Такъ какъ „доблести предковъ, если мы подражаемъ имъ, принадлежатъ и намъ, а если не подражаемъ, не имѣютъ никакой силы, но еще служатъ къ нашему осужденію“ (св. Злат.); то опасеніе, не отстать бы отъ рода и не посрамиться, естественно раздражили въ св. Тимоѳеѣ ревность о его доблести, т.-е. вѣрѣ; особенно когда при этомъ выставляются такія лица, какъ бабушка и мать, одно имя которыхъ слышимое разгрѣваетъ сердце. Если вообще „ничто такъ не дѣйственно какъ домашній примѣръ“ (Ѳеод.), то примѣръ бабушки и матери тѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ нѣжнѣе влечетъ.

Извѣстенъ же есмь, яко и въ тебе. И ты не отсталъ

отъ нихъ, и въ тебя давно вселилась вѣра. *Извѣстенъ* — πέπεισμαι, — „не догадываюсь, но убѣжденъ и совершенно увѣренъ“ (св. Злат.). Новое побужденіе ревновать о вѣрѣ. Ибо выходило, что если ты, послѣ сего, ослабѣешь въ сей ревности, то будешь идти противъ себя, себѣ самому будешь измѣнникомъ. Апостолъ и о своихъ прародителяхъ помянулъ выше и теперь поминаетъ о прародителяхъ св. Тимоѳея, чтобъ внушить: корень нашъ освященъ вѣрою; намъ потому слѣдуетъ, принимая здравые соки изъ сего корня, цвѣсти по роду сихъ соковъ. Или можетъ быть слова его имѣютъ такую же силу, какую въ устахъ воиновъ такая рѣчь: мы съ тобою старые служаки.

в).

Ст. 6. *Еяже ради вины воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій живущій въ тебѣ возложеніемъ руку моею.*

Подготовивъ такъ св. Тимоѳея, св. Павелъ уже благонадежно заповѣдуетъ ему ревностно исполнять возложенное на него дѣло, то дѣло, къ которому онъ призванъ рукоположеніемъ, — дѣло пастырства или Апостольскаго преемства. Дѣятельное исполненіе сего Апостолъ назвалъ возгрѣваніемъ дара Божія, который сталъ жить въ немъ въ силу рукоположенія. Пастырство или Апостольское преемство не есть дѣло внѣшняго опредѣленія, какъ бываетъ въ гражданскихъ должностяхъ, но есть слѣдствіе внутренняго благодатнаго сдѣланія пастыремъ, въ силу котораго избранный дѣлается способнымъ къ пастырству и печатлѣется пастыремъ, такъ что исполняй или не исполняй онъ своего дѣла, все онъ пастырь, по дару благодати, живущему въ немъ. Исполняющій дѣло пастырства, какъ должно, возгрѣваетъ, раздуваетъ его; не исполняющій — погашаетъ. Тутъ тоже бываетъ, что и у

получившихъ, по притчѣ, таланты: одинъ пускаетъ полученный талантъ въ оборотъ, другой зарываетъ въ землю. Оба приточныя выраженія означаютъ одно и тоже: не довольно получить даръ благодати; надобно и возгрѣвать его, или развивать,—трудясь въ дѣланіи того дѣла, на которое онъ данъ. Апостолъ выразилъ это словомъ: ἀναζωπυρεῖν,—раздувать,—давать довольно вентиляціи, — или теченія воздуха, чтобъ огонь не погасъ, а болѣе и болѣе разгорался. Что теченіе воздуха для огня, то труды по дару благодати для сего дара. Вотъ о чемъ напоминаетъ Апостолъ св. Тимоѳею, говоря: *еяже ради вины воспоминаю тебѣ возгрѣвати даръ Божій.* Но какой это ради вины? — ради вѣры, которая живетъ въ немъ и родѣ его. Вѣра сія обязываетъ его возгрѣвать даръ Божій. По вѣрѣ данъ даръ, вѣрою и принятъ; но вѣра же представляетъ и сильнѣйшія побужденія къ ревностному дѣйствованію по дару. Апостолъ и говоритъ какъ-бы: послѣ того, какъ я оживилъ въ тебѣ вѣру предыдущими воспоминаніями, мнѣ нѣтъ нужды долго убѣждать тебя, а стоитъ только напомянуть, чтобъ ты возгрѣвалъ даръ свой. Но тутъ же доразумѣть можно: поелику ты вѣруешь искренно, то потому самому усерднѣе трудись въ возгрѣваніи дара своего; смотри, не вознеради; при вѣрѣ невозгрѣвать дара—невообразимая несообразность. Св. Златоустъ говоритъ: „я знаю, что ты имѣешь нелицемѣрную вѣру и потому напоминаю тебѣ: нужно имѣть ревность, чтобы возгрѣвать даръ Божій. Какъ огонь требуетъ дровъ, такъ и благодать — нашего усердія, чтобы она воспламенялась. *Даръ Божій,*—т.-е. благодать Духа, которую ты принялъ для предстоятельства въ церкви, для знаменій и всякаго служенія. *Возгрѣвати:* ибо отъ насъ зависитъ и погашать и воспламенять ее. Посему и въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *Духа не*

угашайте (1 Сол. 5, 19). Отъ безпечности и лѣности онъ угасаетъ, отъ вниманія и усердія воспламеняется."

3) Раздѣленіе посланія.

Посланіе имѣетъ двѣ части: *первая*, большая и главнѣйшая, наставительная для св. Тимоѳея,—1, 7—4, 8; *вторая*, меньшая, въ родѣ послѣсловія и приписки, лично св. Павла касающаяся, — обстоятельственная—4, 9—22. Можно однакожъ полагать, что для Апостола. оставленнаго почти всѣми, главная нужда была позвать къ себѣ св. Тимоѳея, — для чего потребовалось объяснить и свое положеніе. Но какъ онъ не зналъ опредѣленно, останется ли въ живыхъ до прибытія св. Тимоѳея, то и пишетъ ему наставленія о пастырствованіи въ дополненіе къ даннымъ въ первомъ посланіи. Наставленія сіи онъ могъ бы передать св. Тимоѳею и лично по прибытіи его. Но какъ не могъ навѣрное полагать, что дождется его въ живыхъ будучи, то разсудилъ помѣстить ихъ въ посланіи. Такимъ образомъ для св. Тимоѳея и для насъ главнѣйшею частію стоитъ первая—наставительная. Ею мы и ограничимъ раздѣленіе посланія, назвавъ послѣднюю обстоятельственную—послѣсловіемъ.

Здѣсь, въ сей главной части, можно видѣть два отдѣленія: А) *въ первомъ* говорится о самой пастырской дѣятельности. Это собственно наставительное отдѣленіе, 1, 7—3, 9.—А В) *во второмъ* св. Тимоѳей воодушевляется къ достодолжному прохожденію ея по всѣмъ частямъ, 3, 10,—4, 8. Это *воодушевительное* отдѣленіе. Оба отдѣленія, въ частяхъ своихъ, соотвѣтствуютъ одна другой.

А).

ОТДѢЛЕНІЕ НАСТАВИТЕЛЬНОЕ, 1, 7—3, 9.

Поздраздѣленіе наставленій для перваго отдѣленія указываетъ самъ св. Павелъ въ 7-мъ стихѣ, опредѣляя

свойства дара Божія, получаемаго чрезъ рукоположеніе.

Ст. 7. *Не бо даде намъ Богъ духа страха, но силы и любве и цѣломудрія.*

Намъ,—кому? И вообще христіанамъ, и тѣмъ паче Апостоламъ и преемникамъ ихъ. Поелику о даемомъ отъ Бога духѣ говорится вслѣдъ за упоминаніемъ о дарѣ Божіемъ чрезъ рукоположеніе; то прямѣе будетъ разумѣть здѣсь подъ — *намъ* — св. Павла со св. Тимоѳеемъ,—какъ бы такъ: намъ съ тобою. Но какъ и общій духъ христіанскій таковъ же, то различать сіе въ толкованіи не настоитъ надобности.

Не даде духа страха,—δειλιας,—робости, несмѣлости. „Не для того мы получили духъ, чтобъ робѣть, но чтобъ дерзновенствовать. Многимъ Богъ даетъ и духъ страха, напримѣръ, на войнѣ, какъ читается въ Писаніи. *И нападе,* говоритъ, *на ня* духъ *страха* (Исх. 15, 16), т.-е. Богъ вложилъ въ нихъ страхъ. Напротивъ, тебѣ онъ даровалъ *духъ силы*“ (св. Злат.).

Но силы. „Богъ далъ намъ благодать Св. Духа не для того, чтобы боялись опасностей за благочестіе (за вѣру Христову), но чтобы небоязненно исповѣдали ее и возвѣщали, исполняясь Божественной силы (въ чувствѣ благодатной силы отъ Бога)“ (Ѳеод.). Спаситель говорилъ и Апостоламъ, посылая ихъ на проповѣдь: *предъ цари и владыки ведени будете имене Моего ради во свидѣтельство имъ,* и гнать будутъ васъ, какъ и Мене: *не убойтеся ихъ* (Мѳ. 10, 18. 23. 26). И св. Павла воодушевлялъ: *не бойся, но глаголи и да не умолкнеши* (Дѣян. 18, 9). И онъ въ чувствѣ силы отъ Бога исповѣдалъ: *вся могу о укрѣпляющемъ мя* (Фил. 4, 13). Въ чувствѣ силы и всякій христіанинъ, по принятіи благодати, исходитъ на дѣло свое—дѣло жизни о Христѣ Іисусѣ; и на робостный вопросъ: *кто мя изба-*

витъ отъ тѣла смерти сея, въ себѣ самомъ слышитъ отвѣтъ: *законъ духа жизни о Христѣ Іисусѣ свободилъ мя есть отъ закона грѣховнаго и смерти* (Рим. 7, 24; 8, 2).

И любве. Изліяніе любви въ сердцахъ неразлучно съ дарованіемъ благодати Св. Духа, какъ свидѣтельствуетъ тотъ-же Апостолъ въ другомъ мѣстѣ: *любы Божія изліяся въ сердца наша Духомъ Святымъ даннымъ намъ* (Рим. 5, 5): любы Божія,—первое, любовь къ Богу; ибо Духъ благодати, возродивъ, вселяетъ чувство сыновства, по коему возрожденный исповѣдуетъ, что Богъ Отецъ ему есть, и съ сыновнею любовію возносится къ нему, взывая: *Авва, Отче* (Рим. 8, 15)!—съ любовію, столь сильною и глубокою, что ничто уже, ни на небѣ, ни на землѣ, разлучить его не можетъ *отъ* сея *любве Божія* (Рим. 8, 39). *Любы Божія,*—второе,—любовь Божественная полная и всеобъемлющая,—къ братіямъ. Духъ Божій, возродивъ, вселяетъ чувство братства со всѣми возрожденными, по коему они исповѣдуютъ сердцемъ, что всѣ суть сыны и дщери одного Бога,—одну духовную Божію составляютъ семью; почему и имѣютъ другъ друга какъ единоутробныхъ, не языкомъ, а чувствомъ сердца, готовы бывая на всякія жертвы во благо имъ. Это чувство у Апостоловъ и ихъ преемниковъ получаетъ особую широту и они искренно сознаютъ себя должными не іудеямъ только, но *варваромъ и еллиномъ, мудрымъ и неразумнымъ* (Рим. 1, 14), всегда готовы бывая *всѣмъ быть вся, да всяко нѣкія спасутъ* (1 Кор. 9, 22). Такъ разумѣютъ всѣ наши толковники. Сокращенно всѣхъ совмѣщаетъ бл. Ѳеофилактъ: „любви, и той, что къ Нему (Богу), и той, что къ ближнимъ. Ибо и то, чтобы Бога любить, какъ Отца, имѣемъ мы отъ Духа, дѣлающаго то, что мы взываемъ: *Авва Отче*! И то, чтобъ неколеблемыми пребывать въ любви къ ближнимъ, даръ есть, отъ Боже-

ской силы бывающій; какъ напротивъ то, чтобы соблазняться ими (возмущаться недобрыми ихъ къ намъ отношеніями) бываетъ отъ робкой боязливости и малодушія.“ Послѣднее не только свидѣтельствуетъ объ отсутствіи любви, но и погашаетъ ее, какъ объясняетъ св. Златоустъ: „любовь происходитъ отъ силы и безбоязненности; ибо, обыкновенно, ничто столько не разрушаетъ любви, какъ боязливыя опасенія и подозрѣніе предательства.“

И цѣломудрія. „Цѣломудріемъ онъ называетъ или здравіе ума и души, или то, чтобы мы жили цѣломудренно, и старается вразумить насъ и отклонить отъ невоздержанія“ (св. Злат.),—чтобъ не только сами мы были цѣломудренны и разумны, но и „другихъ уцѣломудривали и научали разуму“ (Ѳеоф.). Обыкновенно подъ цѣломудріемъ разумѣется чистота отъ всякой плотской скверны. Духъ благодати пришедши, и воспринятъ бывъ сердцемъ, отрѣшаетъ его отъ пристрастія ко всему чувственному и вкусъ къ тому отбиваетъ. Если же это водворяется въ сердцѣ, то какое мѣсто найдетъ при немъ плотское вожделѣніе? Духа пріявшіе и бываютъ чисты сердцемъ. Но тотъ-же Духъ есть и Духъ разума, который пришедши научаетъ всему и по вѣдѣнію и по жизни (Іоан. 14, 26). Посему можно принять что въ настоящемъ мѣстѣ разумѣется это послѣднее. У Апостола стоитъ: σωφρονισμοῦ,—уцѣломудренія, поданіе здравомыслія и навсегда, и особенно въ нужномъ случаѣ, что сказать и какъ поступить, какъ и Господь обѣтовалъ: *дастбося вамъ въ той часъ что возглаголете* (Матѳ. 10, 19); въ одинъ часъ дастся, что возглаголете, а въ другой, какъ поступить долженствуете. Такимъ образомъ здѣсь можно разумѣть дѣятельное, даруемое пастырямъ, благоразуміе.

Вотъ что даетъ даръ рукоположенія рукоположенному: духъ силы, любви и премудрости, или дѣлаетъ „силь-

нымъ, любительнымъ, здравоумнымъ“ (Амвр.). Соотвѣтственно симъ частямъ дара рукоположенія св. Павелъ даетъ и наставленія рукоположенному св. Тимоѳею. Яко получившему духъ силы, заповѣдутъ: а) небоязненно и не стыдясь проповѣдуй о Господѣ Спасителѣ, строго держась преданнаго мною тебѣ,—1, 8—18; яко получившему даръ любви, заповѣдуетъ: б) какъ воинъ, какъ борецъ и какъ оратай—трудись надъ братіями, да и тіи спасеніе улучатъ,—2, 1—13; яко получившему духъ премудрости и здравоумія, заповѣдутъ: в) не ввязываться въ словопренія съ противниками истины, а кротко вразумлять ихъ, не оставляя безъ вниманія и не добрѣ живущихъ—2, 14—3, 9.

а).

Какъ получившій даръ силы, не стыдись свидѣтельства о Христѣ Спасителѣ, но спостражди Ему, руководствуясь аа) главнымъ образомъ высотою значенія воплощеннаго домостроительства,—1, 8—10; а при этомъ и бб) моимъ примѣромъ; ибо и я не постыдился и стражду,—1, 11—14; и вв) примѣромъ Онисифора, не постыдившагося веригъ моихъ и не побоявшагося найти меня и послужить мнѣ,—не какъ бывшіе со мною асійцы,—1, 15—18.

аа).

Ст. 8. *Не постыдися убо страстію* (*свидѣтельствомъ*) *Господа нашего Іисуса Христа, ни мною, юзникомъ Его: но спостражди благовѣствованію Христову по силѣ Бога, спасшаго насъ...*

Не постыдися убо. Поелику ты въ дарѣ Божіемъ чрезъ рукоположеніе пріялъ духъ силы, то не стыдись: ибо стыдъ есть признакъ безсильнаго малодушія. *Не постыдись свидѣтельства Іисусъ-Христова*,—свидѣтель-

ства объ Іисусѣ Христѣ, Сынѣ Божіемъ, воплотившемся нашего ради спасенія, но распятомъ на крестѣ и крестною смертію сею спасшемъ насъ; не постыдись, смущаясь тою мыслію, что Христосъ распятый *для іудеевъ есть соблазнъ, а для еллиновъ безуміе* и слово *крестное* для иныхъ *юродство есть* (1 Кор. 1, 18. 23); но съ дерзновеніемъ возвѣщай слово крестное и не потупляя очей проповѣдуй Христа распята, будучи несомнѣнно увѣренъ, что симъ поношеніемъ крестнымъ совершено спасеніе міра. Свидѣтельствомъ Христовымъ названо здѣсь все благовѣстіе, какъ тутъ же и поясняется въ словахъ: *но спостражди благовѣстію Христову.*

Наши толковники много внушительнаго изрекли объ этомъ ложномъ стыдѣ. Какъ онъ встрѣчается и у насъ въ обществѣ, то не лишнимъ считаемъ помѣстить здѣсь сказанное ими, начиная съ послѣднѣйшихъ и восходя къ первѣйшимъ. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „многіе треокаянные, по человѣческимъ понятіямъ судя о томъ, что выше нашего постиженія, стыдомъ почитаютъ возвѣщать, что Сынъ Божій распятъ, не зная, что силою креста сего человѣкъ осужденникъ содѣлался сыномъ Божіимъ. Ты же, о Тимоѳее, говоритъ Апостолъ, не стыдись свидѣтельствовать о Христѣ и о смерти Его крестной, но съ дерзновеніемъ проповѣдуй о томъ.“ Блаж. Ѳеодоритъ далѣе входитъ въ сіе, говоря: „проповѣдуемы были крестъ, поруганія, злословіе, страданіе, смерть. А сіе невѣрующимъ казалось исполненнымъ стыда. *Слово бо крестное,* говоритъ Апостолъ, *погибающимъ убо юродство есть* (1 Кор. 1, 18). Посему и самъ о себѣ въ посланіи къ Римлянамъ сказалъ: *не стыждуся благовѣствованіемъ: сила бо Божія есть во спасеніе всякому вѣрующему* (Рим. 1, 16),—и здѣсь ученику своему совѣтуетъ съ дерзновеніемъ проповѣдывать о семъ.“ Подобное сему пишетъ и Амвросіастъ:

„Апостолъ учитъ, что должно имѣть твердость, а не трепетать при исповѣданіи вѣры. Ибо въ ней ничего нѣтъ такого, чего слѣдовало бы стыдиться. Если Христосъ видѣнъ былъ человѣкомъ, то дѣяніями Своими явилъ Себя Богомъ: хотя и распятъ Онъ, но воскресъ изъ мертвыхъ и предъ очами многихъ, взятый облакомъ, вознесся на небо (Дѣян. 1, 9). А это не знакъ немощи, а свидѣтельство силы: ибо гдѣ будто осязается немощь, тамъ является могущество. Итакъ неразумно немощнымъ почитать Того, Кто такъ доказательно явилъ Себя побѣдителемъ (всякой немощи)." Пространнѣе и полнѣе слово о семъ св. Златоуста: „нѣтъ ничего хуже, какъ судить и измѣрять дѣла Божественныя по человѣческимъ понятіямъ; ибо такимъ образомъ далеко можно отпасть отъ камня вѣры и лишиться свѣта. Если желающій обнять лучи солнца глазами человѣческими не только ни обниметъ ихъ и не достигнетъ цѣли, но еще удалится отъ нея и потерпитъ великій вредъ, то тѣмъ болѣе дерзающій смотрѣть своими умствованіями на свѣтъ неприступный потерпитъ вредъ, оскорбляя даръ Божій. Посмотри на Маркіона, Манеса, Валентина и на всѣхъ вносящихъ еретическія и пагубныя ученія въ церковь Божію, какъ они, измѣряя дѣла Божіи умствованіями человѣческими, стыдились домостроительства нашего спасенія. Между тѣмъ оно, — разумѣю крестъ Христовъ,—заслуживаетъ не стыда, а великой хвалы. Ничто не служитъ столь великимъ доказательствомъ человѣколюбія Божія, ни небо, ни море, ни земля, ни сотвореніе всего сущаго изъ ничего, ни все прочее, какъ крестъ. Посему и Павелъ хвалится имъ: *мнѣ же,* говоритъ, *да не будетъ хвалитися токмо о крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. 6, 14). Но люди душевные, приписывающіе Богу не болѣе, что и лю-

дямъ, (чуждаются изъ-за сего вѣры, или) отпадаютъ отъ вѣры, стыдясь ея. Посему Апостолъ, убѣждая своего ученика, а чрезъ него и всѣхъ, говоритъ: *не постыдися убо свидѣтельства Господа нашего,* т.-е., не стыдись того, что ты проповѣдуешь Распятаго, но хвались тѣмъ. Хотя всѣ эти предметы—смерть, темницы, узы, сами по себѣ достойны стыда и поношенія; но здѣсь, если вникнуть въ причину и внимательно разсмотрѣть таинство, они достойны великой хвалы и великаго почитанія. Эта смерть спасла погибавшую вселенную; эта смерть соединила небо съ землею; эта смерть разрушила власть діавола, содѣлала людей ангелами и сынами Божіими; эта смерть возвела естество наше на престолъ царскій. *Не постыдися убо*. Не сказалъ: не бойся, не страшись, но сильнѣе ободряетъ его словомъ: *не постыдися,* выражая. что опасность какъ-бы не существуетъ; если преодолѣть стыдъ. Стыдъ тогда только и тягостенъ, когда онъ преодолѣваетъ насъ.“

Ни мною, юзникомъ Его, не постыдися. „Не стыдись, что имѣешь учителемъ узника“ (Экум.). То правда, что поношеніе учителя падаетъ и на ученика; но мои узы—не поношеніе, а слава Христова и моя. Счелъ нужнымъ Апостолъ и съ сей стороны ободрить св. Тимоѳея; потому, озрѣвшись кругомъ, и видя, какъ ученіе поносятъ, его самого тѣснятъ и учителя его заключили въ узы, онъ естественно могъ смутиться. Не стыдись, говоритъ; ничего во всемъ этомъ нѣтъ поноснаго, ни въ ученіи нечтимомъ, ни въ моихъ узахъ. Св. Златоустъ, продолжая свое слово, говоритъ: „не стыдись и того, что я, воскрешающій мертвыхъ, совершающій безчисленныя знаменія, обтекшій всю вселенную, теперь связанъ. Я связанъ не какъ злодѣй, но ради Распятаго; если Господь мой не постыдился

креста, то и я не постыждаюсь узами. Если Господь нашъ и Учитель претерпѣлъ крестъ (не въ посрамленіе, а во славу), то тѣмъ болѣе мы (можемъ непосрамленно терпѣть) узы.“ „Такимъ образомъ, продолжимъ эту рѣчь словами Амвросіаста, ни въ Апостолѣ — узникѣ) нѣтъ ничего постыждающаго; ибо тогда какъ съ одной стороны по причинѣ узъ и ранъ враги называютъ его покрытымъ срамомъ и униженіемъ, съ другой онъ посрамляетъ своихъ поносителей тѣмъ, что является дивнымъ, однимъ мановеніемъ совершая знаменія и чудеса; да разумѣютъ, что если онъ подвергается униженію, то не по немощи, но по изволенію Божію, для преумноженія вѣнцовъ. Ибо Богъ для того попускаетъ рабамъ Своимъ быть унижаемыми отъ неправедниковъ, чтобы для всѣхъ явно было, что Онъ не неправедно готовитъ и воздаетъ имъ вѣнцы.“

Но спостражди благовѣствованію Христову. Не только не стыдись свидѣтельства или благовѣствованія Христова, но не отказывайся и пострадать за Него; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ свидѣтельствуешь или благовѣствуешь о Христѣ Спасителѣ, будь готовъ и страдать за Него, и обратно – вмѣстѣ съ страданіемъ за благовѣстіе, не переставай благовѣствовать. Апостолъ представляетъ его уже страждущимъ нѣчто и внушаетъ: благодушно и съ радостію переноси, что терпишь за благочестіе,— давая, образомъ выраженія, доразумѣть при семъ: терпя такъ, ты спостраждешь Христу Господу и мнѣ.—Св. Златоустъ говоритъ: „*спостражди*, то-есть хотя бы самъ потерпѣлъ это, не стыдись; не просто: *не стыдись*, но не стыдись и самъ испытать. Какъ я, говоритъ, не за себя несу эти узы, такъ и ты будешь терпѣть не что нибудь человѣческое, но будешь участвовать въ тѣхъ же страданіяхъ (Христовыхъ). *Спостражди*, говоритъ, *благовѣствованію*,—не въ томъ смыслѣ, будто благовѣство-

ваніе страдаетъ, но онъ побуждаетъ ученика страдать за Евангеліе.“ „Искусомъ и на дѣлѣ показывай, что не стыдишься благовѣстія, именно, страдая за него; и тѣмъ охотнѣе показывай это, что такъ ты дѣлаешься общникомъ страданій Христа Спасителя и моихъ“ (Ѳеоф.). „Апостолъ предписываетъ св. Тимоѳею мужественно и охотно переносить страданія“ (Ѳеод.); заповѣдь даетъ, почитая сіе обязательнымъ. „Ибо такъ какъ смерть силою Божіею побѣждена (смертію), чтобы мы могли спасеніе улучить, то по сей причинѣ надлежитъ и намъ взаимно воздать Искупителю (страданіями) хоть отъ части нѣкоей“ (Амвр.).

По силѣ Бога—спостражди. На это силу получилъ ты отъ Бога, въ дарѣ рукоположенія пріявъ духа силы. Пріялъ духа силы, — упражняй же его, являй, возгрѣвай, благодушно терпя все, что приходится терпѣть за благовѣстіе. Тебѣ нечего бояться страданій; ибо въ тебѣ уже обитаетъ сила къ перенесенію ихъ. „Апостолъ ободряетъ напоминаніемъ о силѣ Божіей“ (Ѳеод,). „Не своею, говоритъ, силою имѣешь ты переносить это спостраданіе. Богъ далъ уже тебѣ такую силу, и еще большую подастъ, если потребуется“ (Экум.). „Твое дѣло рѣшиться и показать готовность, а облегчить, успокоить—дѣло Божіе“ (св. Злат.).

Такая мысль для словъ: *по силѣ Бога* заимствуется отъ предыдущаго, и именно изъ того, что Богъ далъ намъ духа силы. Но по теченію рѣчи мысли для сихъ словъ можно заимствовать и отъ послѣдующаго: ибо вслѣдъ за словами: *по силѣ Бога,* говорится, *спасшаго насъ* и проч., влеча вниманіе, въ сихъ словахъ и далѣе видѣть истолкованіе, какую силу Божію надлежитъ разумѣть здѣсь,—именно ту, которая явлена въ устроеніи нашего спасенія. Наши толковники послѣ предложеннаго изъясненія, выражаютъ и эту мысль.

Ст. 9. *Спасшаго насъ и призвавшаго званіемъ святымъ, не по дѣломъ нашимъ, но по Своему благоволенію и благодати, даннѣй намъ о Христѣ Іисусѣ прежде лѣтъ вѣчныхъ.*

Св. Златоустъ о значеніи сихъ словъ говоритъ: „Апостолъ представляетъ и доказательства силы Божіей,“— и потомъ наводитъ: если Богъ явилъ такую силу въ устроеніи нашего спасенія и призванія, то „не должно страшиться; если и тогда, когда предлежало спасать насъ, бывшихъ врагами Его, Онъ спасъ насъ благодатію, то не тѣмъ ли болѣе Онъ будетъ содѣйствовать намъ, когда увидитъ и нашу (по призваніи) дѣятельность?“ Тоже у Экуменія: „Апостолъ изрекаетъ доказательства готовности и содѣйствія Божія и поданія силы, могущей сдѣлать насъ способными къ мужественному перенесенію искушеній. Спасъ, говоритъ, насъ Богъ отъ смерти грѣховной и призвалъ званіемъ святымъ, когда мы отвращались отъ Него и не хотѣли знать Его, не потому, чтобъ мы были достойны того, но Онъ сдѣлалъ это по Своему изволенію и благодати. Итакъ, если, говоритъ (ибо такова цѣль сихъ словъ у Апостола), Онъ такое явилъ благорасположеніе къ намъ, врагами Ему бывшимъ; не тѣмъ ли паче, когда мы содѣлались другами Ему и охотно идемъ на злостраданія ради Его, Онъ дастъ намъ силу перенести ихъ и избыть отъ нихъ?“—Тоже и у бл. Ѳеофилакта.

Такія два пониманія словъ: *по силѣ Бога,* не разногласятъ между собою, а одно пополняетъ другое. Духъ силы пріемлется и всѣми христіанами, и тѣмъ паче Апостольскими преемниками,—и онъ доволенъ къ перенесенію страданій за вѣру; но его надлежитъ возгрѣвать, какъ указалъ Апостолъ вмѣстѣ съ указаніемъ на дарованіе его. Чѣмъ возгрѣвать? Вотъ тѣмъ, о чемъ теперь говорится,—т.-е. созерцаніемъ устроенія

нашего спасенія. Воплощенное домостроительство нашего спасенія живо впечатлѣетъ въ сознаніи непостижимо-великую силу и величіе Бога, спасающаго насъ, притомъ такъ, что сія сила и величіе отражаются въ самомъ дѣйствіи спасенія каждаго, какъ свои ему. Созерцая сіе, воодушевляйся охотно и мужественно страдать за домостроительство спасенія, въ тебѣ уже дѣйствующаго, и во славу Бога, столь дивно тебя спасшаго. *По силѣ Бога* — будетъ посему: побуждаясь и влекомъ будучи къ сему спостраданію созерцаніемъ и сознаніемъ силы Божіей въ устроеніи твоего спасенія, — какъ-бы такъ: ты обязанъ спострадать въ мѣру силы, явленной въ устроеніи твоего спасенія. Дѣломъ сіе исполнить невозможно; но стремиться къ тому, сколько силъ есть, или сколько получено силы, и возможно и должно.

Самое домостроительство спасенія Апостолъ живописуетъ полно, какъ ему сіе обычно, начиная съ опредѣленія о немъ въ предвѣчномъ совѣтѣ Божіемъ, когда еще какъ Сынъ Божій благоволилъ пріять совершеніе его чрезъ воплощеніе, такъ и всѣ благодати вслѣдствіе того присуждены намъ и даны. Но все сіе было сокровенно въ тайнѣ Божества, явно же стало, когда пришедши чрезъ воплощеніе Сынъ Божій смертію разрушилъ смерть и воскресеніемъ возсіялъ жизнь и нетлѣніе сначала „въ Себѣ Самомъ, чтобъ потомъ усвоить его и всѣмъ намъ“ (св. Злат.). Сіе совершается благодатію ради вѣры въ таинствахъ. Вѣра возбуждается и пораждается благовѣствованіемъ; послѣдовавшій благовѣстію съ вѣрою есть призванный; призванный облагодатствуется въ таинствахъ и вступаетъ въ путь спасенія по Божію его домостроительству, причащаясь и силы его. Все сіе кратко печатлѣетъ Апостолъ въ мысли. И кто, созерцая все сіе, и тѣмъ

паче причащаясь и силы спасительной, не готовъ будетъ все претерпѣть за спасительную вѣру?

Спасшаго насъ и призвавшаго. Первымъ словомъ означается спасеніе, какъ оно Господомъ устроено, все воплощенное домостроительство, а вторымъ, какъ каждый спасаемый вступаетъ въ участіе въ немъ, а именно: вступаетъ будучи призываемъ благовѣстіемъ. Такъ было въ началѣ, такъ и всегда потомъ было, есть и будетъ. Спасеніе устроено, вечеря готова. И слово Божіе всюду ходитъ, приглашая всѣхъ желающихъ. Приди, вкуси и причастенъ будешь спасенія.—*Званіе* сіе называется *святымъ,* ибо идетъ отъ Святаго Бога Отца, дѣйствуется благодатію Духа Святаго и приводитъ къ освященію въ Сынѣ Божіемъ воплотившемся, всѣхъ святящемъ и освящающемъ. — Какъ само домостроительство спасенія совершено, такъ и призваніе къ полученію спасенія въ немъ совершается Богомъ, *не по дѣломъ нашимъ, но по* Его *благоволенію,—κατὰ πρόθεσιν,* — по изволенію, которое, поелику благо намъ изволило, есть благоизволеніе, благоволеніе. Мы,—родъ нашъ,—ничего не представляли съ своей стороны, за что стоило бы устроить спасеніе наше, кромѣ развѣ всецѣлаго безсилія къ тому и всесторонней безпомощности, вызывавшихъ и привлекавшихъ Божеское милосердіе. Можно гадать, что оно нужно было по цѣлямъ, для коихъ дано бытіе міру и къ коимъ онъ непостижимыми для насъ путями ведется. Но и это все—дѣло благоизволенія Божія. Равнымъ образомъ и то, что каждый народъ и каждый человѣкъ призываются къ участію во спасеніи, бываетъ по благоволенію и благодати Божіей. Никто изъ насъ не можетъ ничего представить, за что заслуженно былъ бы онъ призываемъ ко спасенію, кромѣ развѣ неизбѣжности погибнуть безъ того, которая привлекаетъ милосердіе Божіе,

нетерпящее, чтобы твореніе Его погибало. Такъ это и бываетъ, испытывается и сознается всѣми призванными ко спасенію. Никто изъ нихъ не можетъ сказать, откуда и какъ приходитъ Духъ зовущій, и гласъ Его слышится внятно сердцемъ съ нѣкіимъ понужденіемъ и слѣдовать гласу сему. Божіе сіе есть *милость, Божіе благоволеніе.*—„Изъ Себя, благостынею Своею влекомый, содѣваетъ сіе Богъ“ (Ѳеоф.). Замѣтимъ при семъ, что не должно смѣшивать званіе ко спасенію съ самымъ содѣваніемъ спасенія, которое не бываетъ безъ усилій и нашихъ собственно. Оно есть плодъ совмѣстнаго дѣйствія благодати и свободы. Оттого и не всѣ званные спасаются, и званныхъ больше нежели избранныхъ, т.-е. дѣйствительно улучившихъ спасеніе.—*Благодать* такая названа данною намъ прежде лѣтъ вѣчныхъ потому, что даровать ее намъ опредѣлено въ предвѣчномъ совѣтѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ Сынъ Божій благоволилъ воспріять на Себя дѣло воплощеннаго домостроительства спасенія. Почему она, данная прежде лѣтъ вѣчныхъ, есть данная и о Христѣ Іисусѣ. „Безначально и предвѣчно предначертано даннѣй быти намъ благодати сей о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ. Не мало для насъ есть то, что Богъ возблаговолилъ о насъ сіе предвѣчно“ (Ѳеоф.).

Ст. 10. *Явльшейся же нынѣ просвѣщеніемъ Спасителя нашего Іисуса Христа, разрушившаго убо смерть, и возсіявшаго жизнь и нетлѣніе благовѣствованіемъ.*

Явльшейся нынѣ — φανερωθεισαν, — открытой, явною сдѣланной. Какъ? *Просвѣщеніемъ Спасителя нашего.*— δια της επιφανειας, — чрезъ явленіе Спасителя нашего, Сына Божія во плоти. Благодать опредѣлена, присуждена, дана намъ предвѣчно; но донынѣ пребывала сокровенною. Знали о ней Пророки, но знали лишь то, что она несомнѣнно будетъ, а что такое она будетъ,

объ этомъ только гадали. И Ангелы Божіи не знали, что она будетъ, а только напрягались проникнуть въ нее. Никто однакожъ не постигъ, что она такое, пока не явился Спаситель, Сынъ Божій воплотившійся. Нынѣ только стала она открытою. Амвросіастъ пишетъ: „Благодать Божія была отъ вѣка въ тайнѣ сокровенною, открылась же явно чрезъ воплощеніе и пришествіе Христа Спасителя.“ Бл. Ѳеодоритъ поясняетъ явленіе—исполненіемъ: „Издревле и прежде вѣковъ предопредѣлилъ сіе Богъ всяческихъ; нынѣ же предопредѣленное привелъ въ исполненіе.“ Экуменій съ явленіемъ соединяетъ возвѣщеніе: „Отъ вѣка предначерталъ Богъ—спасеннымъ быти намъ, объявленнымъ же сіе сдѣлалось нынѣ изъ воплощенія Спасителя нашего Бога. Ибо совѣтъ Божій,—тотъ, чтобъ міру спасену быть чрезъ вѣру,—нынѣ, а не прежде когда либо, объявленъ.“

Въ словѣ: *явлшейся*,—открывшейся,—то и другое совмѣщается, и исполненіе и возвѣщеніе о томъ. Самое исполненіе было уже открытіе и возвѣщеніе. Но какъ исполненіе плана домостроительства спасенія не для того совершено, чтобъ только его повидали, но для того, чтобъ увидѣвъ и услышавъ увѣровали, и вѣрою сдѣлались причастными самой благодати, сокрытой въ воплощенномъ домостроительствѣ, то о немъ и возвѣщается открыто всѣмъ,—такъ что возвѣщеніе съ явленіемъ Спасителя неразлучно.

Разрушившаго убо смерть, и возсіявшаго жизнь и нетлѣніе благовѣствованіемъ. Какъ и чѣмъ Сынъ Божій воплотившійся явною сдѣлалъ благодать сокрытую отъ вѣка? Такъ и тѣмъ, что *разрушилъ смерть, и возсіялъ жизнь и нетлѣніе.* То и другое совершено однимъ дѣйствіемъ воскресенія, въ которомъ и смерть разрушена и жизнь нетлѣнная возсіяла: ибо Господь и Спаситель, воскресши, воскресъ явно чрезъ побѣду надъ смертію

и разрушеніе ея; но побѣдившій и разрушившій смерть уже не умираетъ и смерть Имъ не обладаетъ; почему въ Немъ во свѣтъ изводится нетлѣнная жизнь. То и другое самымъ дѣломъ явлено только въ лицѣ Спасителя; въ Немъ и смерть разрушена и нетлѣнная жизнь возсіяла; для общаго же разрушенія смерти и возсіянія нетлѣнной жизни въ семъ положено лишь прочное основаніе и совмѣщена совершительная сила, имѣющая въ свое время совершить сіе. Господь Спаситель смерть разрушилъ и жизнь въ Себѣ возсіялъ нетлѣнную не для Себя, а для насъ, для рода человѣческаго. И мы дѣйствительно дѣлаемся причастными сего, чрезъ таинственно-благодатный, но живый союзъ съ Господомъ, которымъ и въ насъ полагается прочное основаніе и разрушенію смерти и возсіянію нетлѣнія.—Но нынѣ сіе дѣйствуется сокровенно, въ-явь же придетъ въ концѣ вѣковъ; нынѣ сѣмя только тому полагается, древо же жизни возстанетъ изъ сего сѣмени въ свое время. Но какъ сокрытая прежде благодать домостроительства нашего спасенія истинно и дѣйственно явлена въ Господѣ Спасителѣ: такъ и сокрытая нынѣ въ насъ чрезъ общеніе съ Спасителемъ сила разрушенія смерти и возсіянія жизни, несомнѣнно проявится въ свое время. Св. Златоустъ говоритъ: „Въ тѣлѣ Христовомъ то и другое (жизнь и нетлѣніе) уже было (и есть), а въ нашемъ еще будетъ. Это—предметъ нашей надежды.“—*Возсіявшаго*,—φωτισαντος, можетъ двѣ мысли подавать,—и—„явившаго въ Себѣ“ (Экум.), изведшаго на среду, на свѣтъ, въ видѣніе всѣмъ, и ученіемъ о томъ и вѣрою въ то просвѣтившаго. Такъ бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „Единородное Слово, вочеловѣчившись, прекратило владычество смерти и даровало намъ обѣтованіе жизни вѣчной; сіе выразилъ Апостолъ, сказавъ: *возсіявшаго*, вмѣсто: предъуказавшаго.“ Бл. Ѳеофилактъ

то и другое совмѣщаетъ, т.-е. что и въ Себѣ явилъ и насъ просвѣтилъ надеждою; ибо послѣднее увѣровано на основаніи перваго: „Въ собственномъ Своемъ тѣлѣ Спаситель самымъ дѣломъ разрушилъ смерть, онетлѣнивъ оное; насъ же просвѣтилъ благовѣстіемъ—надѣяться жизни и нетлѣнія. Ибо мы еще не онетлѣнены самымъ дѣломъ, но имѣемъ быть таковыми, и въ таковой надеждѣ утверждаетъ насъ благовѣстіе.“

Благовѣствованіемъ, — δια του ευαγγελιου, — слѣдуетъ впрочемъ относить ко всему, сказанному о домостроительствѣ спасенія. Великая сія благодать предназначена отъ вѣка, но была сокрыта, явлена же нынѣ въ Господѣ Спасителѣ. Въ Немъ вся полнота домостроительства спасенія, и мы можемъ дѣлаться причастниками его не иначе, какъ чрезъ живое общеніе съ Господомъ. Общеніе сіе начинается вѣрою, дѣйствуется въ таинствахъ, въ совершенство и окончаніе приходитъ жизнію по вѣрѣ во благодати. Но безъ начала и конца нельзя ожидать. Какъ начало—вѣра, а вѣра—плодъ благовѣствованія; то Апостолъ и присовокупилъ: *δια του ευαγγελιου*, какъ безусловно необходимому посредству для причастія благодати домостроительства спасенія.

Возвратимся немного назадъ. Все это изображеніе благодати Божіей въ устроеніи нашего спасенія, отъ вѣка предначертанной, въ воплощеніи Господа вступившей въ дѣйствіе и дѣйствіемъ своимъ простирающейся на всю вѣчность,—изображеніе благоволительнаго къ намъ дѣла Божія, столь величественнаго, всеобъятнаго и обрадовательнаго, сдѣлано Апостоломъ для воодушевленія св. Тимоѳея къ тому, чтобъ не стыдился свидѣтельства о Господѣ Спасителѣ и охотно вдавался въ спостраданіе благовѣстію, говоря какъ-бы: есть изъ-за чего пострадать; „видишь, какая сила,

видишь, какой даръ ниспосланъ намъ“ (св. Злат.). *Не постыдися убо, но спостражди благовѣствованію.*— Далѣе Апостолъ подкрѣпляетъ и подогрѣваетъ тоже воодушевленіе собственнымъ своимъ примѣромъ. И я, говоритъ, стражду за благовѣстіе, но не стыжусь.

бб).

Примѣръ свой св. Павелъ представляетъ коротко, но полно, напоминая, α) какъ ему поручено благовѣстіе,—ст. 11,—β) какъ небоязненно и несмущенно онъ исполняетъ сіе порученіе,—ст. 12,—и γ) какъ питаетъ надежду, что трудъ его не тщетенъ будетъ,—ст. 12²,—все сіе направляя такъ, чтобъ отсюда истекало для св. Тимоѳея воодушевленіе на спостраданіе благовѣстію.

α).

Ст. 11. *Въ неже поставленъ быхъ азъ проповѣдникъ и Апостолъ и учитель языковъ.*

Убѣждаетъ Апостолъ св. Тимоѳея не стыдиться, но съ готовностію нести страданіе за благовѣстіе. Главный источникъ воодушевленія на такой подвигъ—увѣренность, что какъ дѣло благовѣстія, такъ содержаніе его прямо исходитъ отъ Бога, и что трудящійся въ немъ прямо Богу служитъ, а не человѣческія распоряженія исполняетъ. Для св. Павла увѣренность въ этомъ непосредственно отъ лица Господа напечатлѣна; но св. Тимоѳей вѣровалъ сему чрезъ св. Павла. Хотя онъ зналъ, какъ св. Павелъ сталъ Апостоломъ и какъ отъ Самого Господа получилъ повелѣніе проповѣдывать;—но поновлять это въ душѣ его воспоминаніемъ не было излишне, какъ не излишне никогда поновлять воспоминаніе и о всѣхъ таинствахъ вѣры, которыя естественно заграждаются новыми познаніями и впе-

чатлѣніями и отодвигаются на задній планъ во вниманіи. Это и дѣлаетъ теперь св. Павелъ. Сказавъ: *въ неже поставленъ быхъ,* онъ возставилъ въ умѣ св. Тимоѳея впечатлительную исторію обращенія св. Павла, привлекши къ сему воспоминаніе и о неоднократныхъ явленіяхъ ему Господа съ прямымъ повелѣніемъ: иди во языки. А этимъ всѣмъ не могла не оживиться увѣренность, что трудясь въ благовѣстіи по руководству св. Павла, онъ продолжаетъ дѣло, Господомъ ему порученное, и слѣд. самъ служитъ Господу. Плодомъ же оживленія такой увѣренности не могло не быть оживленіе и воодушевленія дерзновенно, не стыдясь, возвѣщать благовѣстіе, съ готовностію и страдать за него. Что и желательно было Апостолу произвесть настоящими словами. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: „для чего св. Павелъ назвалъ себя здѣсь учителемъ языковъ? Для того, чтобы внушить св. Тимоѳею, что и онъ долженъ возвѣщать слово благовѣстія язычникамъ, и не падать духомъ (встрѣчая при семъ противленія).“ Слова: *проповѣдникъ, Апостолъ, учитель*—однозначительны. Но можно и различіе нѣкое въ нихъ видѣть. *Проповѣдникъ* ялляется въ среду народа, ему невѣдомаго и его незнающаго, и благовѣствуетъ. Для возбужденія вѣры, онъ, какъ Апостолъ, увѣряетъ слышащихъ, что не отъ себя говоритъ, а посланъ Господомъ, и Его волю возвѣщаетъ имъ. Затѣмъ увѣровавшихъ беретъ на свое попеченіе и научаетъ ихъ и вѣдѣнію и жизни, какъ пѣстунъ, входя въ кругъ ихъ непосредственными распоряженіями.

β).

Ст. 12[1]. ***Еяже ради вины и сія стражду, но не стыждуся.***

Это и еще сильнѣе должно было воодушевить. Не

будь сего, на первое могли бы придти охлаждающія помышленія: хорошо тебѣ такъ говорить, находясь въ чести и покоѣ. Но когда убѣждающій къ нестыдящемуся страданію—самъ страдаетъ и не стыдится, то напоминаніе объ этомъ тоже есть, что дровъ подложить къ разведенному уже огню. Если припомнимъ при этомъ крѣпкую любовь св. Тимоѳея къ своему отцу и учителю, то еще болѣе удостовѣримся, что такъ было и у него. Воодушевленіе его, поднятое первымъ напоминаніемъ, еще болѣе возрасло и воспламенилось. Апостолъ говоритъ какъ-бы ему: „мнѣ подражай, связанному за ученіе Евангельское“ (Ѳеоф.). „Не смущайся при мысли о моихъ страданіяхъ. Я страдаю не какъ злодѣй, но для наученія язычниковъ. Развѣ постыдны такія узы, развѣ постыдны такія страданія? Не стыдись же и ты“ (св. Злат.). „Видишь ли, какъ онъ и самъ дѣлами показываетъ то, къ чему убѣждаетъ св. Тимоѳея,—т.-е., чтобъ не стыдился страданій“ (Ѳеоф.).

γ).

Ст. 12². *Вѣмъ бо, Емуже вѣровахъ, и извѣстихся, яко силенъ есть преданіе мое сохранити въ день онъ.*

Новый источникъ воодушевленія къ нестыдящемуся страданію за благовѣстіе, именно, что ничто, понесенное и сдѣланное въ семъ отношеніи, не будетъ забыто, но всецѣло сохранится и предъявится въ день суда, для возложенія на вѣсы правды и для опредѣленія заслуженнаго жизнію воздаянія. Онъ выражаетъ здѣсь свою о семъ надежду и слѣд. то, чѣмъ его воодушевленіе питается и держится. Но какъ предъ симъ, говоря: я страдаю и не стыжусь, внушалъ онъ: не стыдись и ты страдать: такъ и здѣсь, говоря о воодушевляющемъ его упованіи, имѣетъ въ намѣреніи тоже упованіе возставить и въ св. Тимоѳеѣ, чтобъ и подоб-

ное своему воодушевленіе воспламенить въ немъ—страдать и не стыдиться.

Преданіе,—*παρακαταθήκη*,—означаетъ все, что полагается у кого-либо для сохраненія. Слѣд. одно какое-либо опредѣленное значеніе всюду давать этому слову несправедливо, а надобно указаніе на это значеніе находить въ теченіи рѣчи. Въ настоящемъ мѣстѣ оно должно означать всѣ труды и страданія св. Павла за благовѣстіе Евангелія. Мнѣ ввѣрено, говоритъ, благовѣстіе язычникамъ; я и тружусь въ этомъ, и хотя страдаю за то, но не теряю духа, будучи увѣренъ, что ничто изъ понесеннаго мною и сдѣланнаго по сему поводу не пропадетъ даромъ. Мысль въ основѣ сего та, что никакое доброе дѣло, дѣлаемое во славу Божію и благо ближнихъ, не пропадаетъ даромъ, но хранится въ памяти Божіей, въ книгѣ живота, у Господа Спасителя, и въ день суда взято будетъ во вниманіе для опредѣленія участи сдѣлавшаго его. Увѣреніе въ этомъ Господь внушаетъ притчею о неправедномъ приставникѣ. Его усвоилъ Апостолъ и выражаетъ здѣсь. Все, говоритъ, что я отлагаю у Господа, сохранно пребываетъ и пребудетъ въ сокровищницѣ Его, ко дню явленія Его на судъ. Что же это все? Все, что сдѣлано имъ по благовѣстію,—и трудъ благовѣстія, и всѣ страданія за него, и всѣ плоды его—основаніе и устроеніе стольких церквей по всей вселенной.

Можно подъ преданіемъ разумѣть и самое содержаніе благовѣстія—вѣру Христову, поколику она вложена Апостоломъ въ души вѣрующихъ, или ввѣрена на храненіе Церкви Божіей, коей глава есть Христосъ. Господь вложилъ сію вѣру въ его душу, и она стала его собственностію; почему говоритъ: преданіе мое. Я передаю или ввѣряю другимъ то, что Господь мнѣ передалъ и ввѣрилъ,—неизмѣнную вѣру Божію. Сія вѣра

не такая, что нынѣ она стоитъ, а завтра измѣнится. Нѣтъ; она пребудетъ до скончанія вѣка, и на судъ предстанетъ, опредѣляя участь каждаго. Слѣд. есть изъ-за чего пострадать, не стыдясь.

На чемъ стоитъ у Апостола такое упованіе? На томъ, что Господь силенъ совершить то, чего онъ уповаетъ отъ Него. Когда кто положитъ что на сохраненіе у человѣка безсильнаго, который и самъ себя защитить и оградить не можетъ, то ни минуты не можетъ быть покоенъ за добро свое. А когда положитъ онъ добро свое у человѣка сильнаго, къ которому и подступить никто не посмѣетъ, то совершеннымъ покоемъ покоенъ бываетъ насчетъ своего добра. Такъ и здѣсь у Апостола. Богъ силенъ, говоритъ, сохранить и вѣру и труды мои по благовѣстію ея. Я знаю, кому повѣрилъ. То—Господь есть; лицемъ къ лицу не разъ бесѣдовалъ Онъ ко мнѣ, и въ истинѣ вѣры удостовѣряя столь осязательно, и на труды благовѣстія посылая и воодушевляя. Но Господь всесиленъ есть, — „есть Богъ, Творецъ и Владыка всяческихъ" (Өеод.); почему я убѣжденъ, что Онъ и вѣру Свою сохранитъ навсегда и мои труды не оставитъ безъ воздаянія. „Смотри, какое дерзновеніе! Какое непоколебимое упованіе! Знаю, говоритъ, и убѣжденъ твердо—натвердо" (Өеод.).

Такъ разумѣютъ *преданіе* и сохраненіе его наши толковники. Св. Златоустъ говоритъ: „Что значитъ *преданіе?* Вѣра, проповѣдь. Самъ предавшій ее, говоритъ, сохранитъ ее неизмѣнною. Я терплю все, чтобы это сокровище не было расхищено, и не стыжусь ничего, только бы оно сохранилось въ цѣлости. Или *преданіемъ* онъ называетъ вѣрующихъ, которыхъ Богъ ввѣрилъ ему, или которыхъ онъ предалъ Богу, какъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ: *и нынѣ предаю васъ Богови* (Дѣян. 20, 32)." „Какъ бы говорилъ такъ," про-

должаетъ св. Златоуста бл. Ѳеофилактъ: „не стыжусь, надѣясь, что многихъ приведу къ Богу, которыхъ и сохранитъ Онъ, чтобы ихъ ради меня прославить. Или подъ *преданіемъ* разумѣетъ Апостолъ возданіе будущее: ибо всякій, дѣлающій что-либо доброе, полагаетъ то у Бога (на храненіе), чтобъ въ свое время увѣнчану быть за то.“

Стихи 13 и 14 кажутся будто вставленными въ теченіе рѣчи. Но такими они только кажутся, на дѣлѣ же составляютъ естественное заключеніе или приложеніе сказаннаго съ 8 стиха по 12. Не стыдись, говорилъ, благовѣствованія, но спостражди ему; затѣмъ, достаточно расположивъ къ тому и воодушевивъ—то благотворностію домостроительства нашего спасенія, о коемъ благовѣстіе, то собственнымъ своимъ примѣромъ,—теперь заключительно прибавляетъ: благовѣствуй не стыдясь и не боясь страданій за то, но благовѣствуй по тому образцу, который мною тебѣ преподанъ; мое тебѣ завѣщаніе или преданіе храни. Это прилагается по цѣли посланія какъ перваго, такъ и этого втораго—предотвратить отъ споровъ съ еретиками, чтобъ не набраться пустыхъ и ложныхъ мыслей и не испортить образа здравыхъ словесъ. Впрочемъ и небоязненное благовѣствованіе что есть другое, какъ не храненіе образа здравыхъ словесъ и завѣщанія Апостольскаго,—храненіе чрезъ вложеніе его въ души слушающихъ съ вѣрою и вѣрующихъ? По этой мысли стихи сіи можно почесть продолженіемъ сказаннаго въ ст. 12, о надеждѣ Апостола, что преданіе его будетъ сохранено ко дню оному. Хранящій есть Господь; орудія—Апостоловы преемники, изъ коихъ не первый ли св. Тимоѳей. Ему и говорится: храни, и предай послѣдующимъ сохранно; оно такимъ образомъ и сохранится до конца.

Ст. 13. *Образъ имѣй здравыхъ словесъ, ихже отъ мене слышалъ еси, въ вѣрѣ и любви, яже о Христѣ Іисусѣ.*

Образъ, — ὑποτύπωσιν, — начертаніе, норму, первообразъ. *Здравыхъ словесъ*—здраваго ученія. Я преподалъ, говоритъ, тебѣ здравое ученіе о спасеніи; его и имѣй въ умѣ и сердцѣ, какъ образецъ, и по нему благовѣствуй. „Какъ дѣлаютъ живописцы, такъ и я начерталъ тебѣ образъ добродѣтели и всего угоднаго Богу, и какъ-бы нѣкое правило, первообразъ и начертаніе я вложилъ въ твою душу" (св. Злат.). Какъ живописецъ, я написалъ и нарисовалъ тебѣ икону и первообразъ, чтобы смотря на него и ты по нему живописалъ такое же начертаніе моихъ словесъ (въ умахъ и душахъ вѣрующихъ, какъ на полотнѣ). Имѣй въ себѣ этотъ первообразъ, и когда нужно будетъ что живописать, съ него бери и живописуй: ибо въ немъ все совмѣщено" (Ѳеоф.). Подражай живописцамъ. Какъ они внимательно всматриваясь въ подлинники, съ точностію списываютъ съ нихъ изображенія, такъ и ты, какъ-бы нѣкіимъ подлинникомъ, имѣй преподанное мною ученіе о вѣрѣ и любви" (Ѳеод.).

Ихже отъ мене слышалъ еси. „Не посланіями только Апостолъ внушалъ ученику, что ему должно дѣлать, но и на словахъ. Это онъ выражаетъ и во многихъ другихъ мѣстахъ, когда, напримѣръ, говоритъ: *или словомъ, или посланіемъ нашимъ* (2 Сол. 2, 15); но гораздо яснѣе здѣсь. Посему не будемъ (судя по посланіямъ писаннымъ) думать, будто ученіе преподано имъ недостаточно; многое онъ преподалъ ученику и безъ письма, о чемъ теперь и напоминаетъ ему" (св. Злат.).

Въ вѣрѣ и любви, яже о Христѣ Іисусѣ.

Въ вѣрѣ и любви — можно разно сочетывать: или— начертаніе здравыхъ словесъ моихъ, моего ученія, имѣй въ вѣрѣ и любви, содержа ихъ, какъ въ какомъ

хранилищѣ, въ сердцѣ вѣрующемъ и любящемъ; или— храни начертаніе моего ученія, обнимающаго и вѣру и любовь; или—о вѣрѣ ли или о любви будешь благовѣствовать, бери то изъ моего тебѣ начертанія здраваго ученія. Первое можно видѣть въ приведенныхъ выше словахъ св. Златоуста: „первообразъ и начертаніе я вложилъ въ душу твою.“ Второе — тамъ же у св. Златоуста: „я начерталъ тебѣ образъ добродѣтели и всего угоднаго Богу;“ въ приведенныхъ выше словахъ бл. Ѳеодорита: „подлинникомъ имѣй преданное мною тебѣ ученіе о вѣрѣ и любви;“ и въ слѣдующихъ словахъ бл. Ѳеофилакта: „словеса мои содержатъ ученіе и о вѣрѣ и о любви,—т.-е.,—и о догматахъ и о должной жизни.“ Третье — въ слѣдующихъ словахъ св. Златоуста: „нужно ли будетъ тебѣ посовѣтоваться о вѣрѣ, или о любви, или о цѣломудріи, оттуда, т.-е. изъ начертанія моего, заимствуй образцы; не будетъ тебѣ надобности искать образца у другихъ, потому что тамъ все содержится.“ И въ подобныхъ симъ словахъ бл. Ѳеофилакта: „нужно ли будетъ тебѣ догматствовать о достодолжномъ, или говорить, или дѣйствовать, оттуда слѣдуетъ тебѣ все заимствовать.“ Есть еще четвертое пониманіе — Экуменіево, именно, что словеса свои Апостолъ изрекалъ, движимый вѣрою и любовію. „Словеса его, пишетъ онъ, и поученія были въ вѣрѣ и любви, данной ему отъ Христа.“ Никакой нѣтъ необходимости настаивать на одномъ какомъ-либо пониманіи, потому что всѣ они и допустимы и имѣли непремѣнно мѣсто на дѣлѣ. Не иначе, какъ движимый вѣрою и любовію Апостолъ преподавалъ ученіе, и ученіе о вѣрѣ и любви; не иначе, какъ вѣрою и любовію и принималъ сіе ученіе св. Тимоѳей, и хранилъ и преподавалъ другимъ, — и изъ его устъ исходя, оно было—не объ иномъ чемъ, какъ о вѣрѣ и любви.

Яже о Христѣ Іисусѣ — грамматически относятся къ любви, по существу же дѣла не къ любви только, но и къ вѣрѣ. Такъ, кажется, и слѣдуетъ разумѣть, не стѣсняясь образомъ выраженія. Означается же симъ выраженіемъ и источникъ и характеристическая черта вѣры и любви: въ вѣрѣ и любви, отъ Господа Спасителя даруемыхъ и въ духѣ Его содержимыхъ.

Ст. 14. *Доброе завѣщаніе соблюди Духомъ Святымъ живущимъ въ насъ.*

Доброе завѣщаніе,—παραχαταθηχη,—преданіе, то, что тебѣ предано, говоритъ, и ввѣрено храненію твоему,—тоже, что и *образъ здравыхъ словесъ,* или что выше выразилъ, говоря: *силенъ есть преданіе,*—την παραχαταθηχην,—*мое сохранити.* — *Добро* сіе *завѣщаніе,* потому что само въ себѣ доброкачественно, изъ добраго—Божія источника исходитъ, на добро дано, къ добру ведетъ и добрымъ концемъ увѣнчается. *Соблюди же,* говоритъ, его неизмѣннымъ и цѣлымъ, по нему настроивая и образъ своихъ воззрѣній и образъ дѣйствованія и жизни. „Соблюди заповѣданное мною тебѣ, и относительно вѣры, и относительно жизни по вѣрѣ“ (Ѳеоф.). Соблюди, какъ мой преемникъ, и соблюденнымъ въ цѣлости передай его своимъ преемникамъ, научивъ и тѣхъ такимъ же передать его имѣющимъ послѣ нихъ быть преемниками. Такъ до конца. Въ словѣ: *соблюди,* сказанномъ св. Тимоѳею, да слышатъ всѣ, пріявшіе благодать Апостольскаго преемства, урокъ себѣ—хранить неизмѣннымъ принятое отъ предшественниковъ, не вводя и не допуская никакой новизны.

Духомъ Святымъ, даннымъ намъ. „Какъ же тебѣ это соблюсти? Не человѣческою силою, но Духомъ Святымъ, Который обитаетъ въ насъ въ силу крещенія. Если сохранимъ Его въ себѣ и не отгонимъ своею безпечностію и злонравіемъ; то и Онъ соблюдетъ въ

насъ все, что имѣемъ мы отъ Бога. Итакъ потщись сохранить Духа, и Онъ сохранитъ въ тебѣ завѣщанное тебѣ" (Ѳеоф., Экум.). Св. Златоустъ полнѣе объясняетъ это: *„Доброе завѣщаніе соблюди*. Какъ? *Духомъ Святымъ, живущимъ въ насъ*. Человѣческая душа, и человѣческая сила не въ состояніи сами по себѣ сохранить такихъ благъ, ввѣренныхъ имъ. Почему? Потому что вокругъ насъ много разбойниковъ, глубокая тьма, діаволъ стоитъ и коварствуетъ, и мы не знаемъ, въ какой часъ, въ какое время онъ нападетъ на насъ. Какъ же мы можемъ сохранить ихъ? Духомъ Святымъ, т.-е., если будемъ имѣть въ себѣ Духа; а Онъ будетъ присущъ намъ, если мы не отгонимъ благодати Его. Ибо *аще не Господь созиждетъ домъ, всуе трудишася зиждущіи: аще не Господь сохранитъ градъ, всуе бдѣ стрегій* (Пс. 126, 1). Онъ—наша стѣна, Онъ—наша ограда, Онъ—наше убѣжище. Скажешь: но если Онъ живетъ въ насъ и Самъ хранитъ насъ, то для чего наставленія? Для того, чтобы мы удерживали Его, хранили Его и не отгоняли отъ себя злыми дѣлами."

Въ насъ,—въ комъ и какъ?—Въ комъ же?—Можно: въ насъ съ тобою; можно: во всѣхъ Апостолахъ и ближайшихъ ихъ ученикахъ, именуемыхъ такъ-же Апостолами; можно: въ Апостолахъ и всѣхъ преемникахъ, бывшихъ, сущихъ и будущихъ.—Какъ же? На Апостоловъ Духъ Святый сошелъ непосредственно, преемники же ихъ получали и получаютъ Его чрезъ рукоположеніе. Бл. Ѳеофилактъ, говоря, что Духа Святаго имѣемъ мы чрезъ крещеніе, подаетъ мысль, что подъ Духомъ Святымъ разумѣетъ онъ общехристіанскую благодать, и слѣдовательно подъ — *въ насъ*—въ христіанахъ. Но какъ выше немного сказавъ о *παραχαταθηχη*, что подъ симъ разумѣются преподанныя св. Тимоѳею заповѣди о вѣрѣ и жизни, прибавилъ: „или Апостолъ хочетъ

сказать: даръ, который ты получилъ какъ и выше сказалъ (т.-е. въ ст. 6-мъ);“ то нельзя отрицать, что и онъ здѣсь разумѣлъ Духа Святаго пріемлемаго чрезъ рукоположеніе.

вв).

Выставивъ свой примѣръ въ воодушевленіе св. Тимоѳея къ нестыдящемуся пострадаиію за благовѣстіе, св. Павелъ выставляетъ и другой примѣръ—Онисифора, лица болѣе подходящаго въ уровень со св. Тимоѳеемъ, и даже уступающаго ему въ значеніи,—все съ тоюже цѣлію воодушевить. Онъ симъ внушаетъ: если этотъ не постыдился, который ниже тебя; то тѣмъ паче тебѣ не подобаетъ стыдиться. Но какъ свѣтлое свѣтлѣе бываетъ, будучи близъ темнаго поставлено, то Апостолъ для возвышенія цѣны нестыдѣнія Онисифорова прописываетъ, что его всѣ оставили, вѣроятно, по стыду и по страху. Онъ какъ-бы говоритъ: всѣ устрашились грозящей бѣды и устыдились исповѣдать вѣру свою; одинъ Онисифоръ выдержалъ. Вотъ тебѣ примѣръ! Дѣйствуй такъ и ты.

Ст. 15. *Вѣси ли сіе, яко отвратишася отъ мене вси, иже отъ Асіи, отъ нихже есть Фигеллъ и Ермогенъ.*

Вѣси ли. Можетъ быть и къ свѣдѣнію св. Тимоѳею сообщалъ сіе Апостолъ: ибо ему, какъ блюстителю асійскихъ церквей слѣдовало знать, каковы асійцы, или какими они способны оказаться предъ лицемъ опасностей. Такъ бл. Ѳеодоритъ. Но вѣрнѣе, надо полагать, для того, чтобъ, какъ замѣчено, воодушевить св. Тимоѳея, усиливъ тѣмъ значеніе примѣра Онисифорова, и не его только, но даже и своего, — какъ тотъ-же далѣе бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „симъ Апостолъ убѣждаетъ Тимоѳея переносить мужественно встрѣчающіяся огорченія,“—и какъ изъясняетъ св. Златоустъ:

„Апостолъ говоритъ объ искушеніяхъ, не съ тѣмъ, чтобы поразить (обмалодушить) ученика, но чтобы возбудить его (воодушевить), чтобы онъ, если случится когда-нибудь и ему подвергнуться такимъ же искушеніямъ, не смущался, взирая на учителя и вспоминая о семъ случившемся съ нимъ.“

Отвратишася отъ мене вси. Не вѣру оставили, а отъ Апостола отстранились. Вѣрно опасность была велика. Прежнія узы Апостола, и въ Римѣ и въ другихъ мѣстахъ, были легче, и менѣе опасны. Навѣтовали большею частію іудеи и раздражали иногда язычниковъ; но правительственныя лица брали его подъ защиту закона... Теперь же самъ Неронъ противъ него. Нельзя было ожидать милости и тѣмъ, которые явятъ себя держащимися его стороны. Опасность смерти смотрѣла въ глаза, и всѣ знаемые Апостола отстранились отъ него. Св. Златоустъ говоритъ: „онъ тогда, вѣроятно, былъ взятъ подъ стражу и оставленъ всѣми, не видѣлъ ни отъ кого ни человѣколюбія, ни милости, ни помощи, но былъ оставленъ самыми вѣрующими и друзьями. *Отвратишася отъ мене*, говоритъ, *вси*, *иже отъ Асіи*. Въ Римѣ, вѣроятно, было тогда много людей изъ областей Асійскихъ; можетъ быть они даже сопровождали Апостола въ Римъ (Экум.); но никто, говоритъ, не явился ко мнѣ, никто не призналъ меня, всѣ отчуждились.“ Бл. Ѳеодоритъ поясняетъ: „они избѣгали свиданія съ Апостоломъ, боясь Нерона.“

Отъ нихже есть Фигеллъ и Ермогенъ. Ходъ рѣчи даетъ такую мысль: даже и Фигеллъ съ Ермогеномъ. Они, вѣроятно, ближе были къ Апостолу, въ большихъ съ нимъ находились сношеніяхъ, болѣе были извѣстны и ему и св. Тимоѳею. Ибо послѣ сихъ словъ само собою навязывается дополненіе: извѣстные тебѣ, которые такъ выдавались изъ-за другихъ, оказывались такими рев-

нителями; но оказались, что и они изъ числа тѣхъ, которые въ покойное время являютъ себя вѣрующими, а какъ опасность на лицо, прячутся. Впрочемъ въ словахъ Апостола не видится укоръ и осужденіе, а скорѣе слышится сожалѣніе. Такъ св. Златоустъ: „и смотри, сколь любомудра душа Апостола! Онъ сказалъ, только, что было, но нисколько не укорялъ ихъ; сдѣлавшаго ему добро похвалилъ и пожелалъ ему безчисленныхъ благъ, а имъ не пожелалъ никакого зла.“ — Всяко однакожъ естественно видѣть здѣсь и намекъ св. Тимоөею: смотри и ты не окажись такимъ же; или — не на нихъ смотри, а на меня терпящаго сіе и нестыдящагося,—и на Онисифора, о комъ скажу сейчасъ.

Ст. 16. 17. *Да дастъ же милость Господь Онисифорову дому: яко многажды мя упокои, и веригъ моихъ не постыдѣся, но пришедъ въ Римъ, тощнѣе взыска мя, и обрѣте.*

То предложилъ примѣръ, которому не должно подражать, а теперь предлагаетъ такой, которому подражать должно. Цѣль же и того и другаго одна—воодушевить на то, чтобъ не стыдиться Евангелія и не страшиться предъ врагами его. Онисифоръ, говоритъ, не постыдился меня и не убоялся гонящихъ меня, но взыскалъ меня и многократно упокоилъ. За это Апостолъ окружаетъ его благожеланіемъ милости отъ Господа и въ сей жизни, и паче еще на судѣ Божіемъ. Вотъ кому подражай!—Бл. Өеодоритъ пишетъ: „досточуденъ, достоинъ соревнованія и треблаженъ оказавшій столько услугъ Апостолу и получившій такое благословеніе изъ Апостольскихъ устъ. Ибо тѣ, о которыхъ Апостолъ упомянулъ выше, и бывъ вмѣстѣ съ нимъ, отвращались отъ него; а этотъ изъ Асіи пришелъ въ Римъ, ни дальностію пути не утомившись, ни жесточайшаго изъ царей не убоявшись, Апостола же удостоивалъ всякаго

рода заслугъ. Почему Апостолъ не ему только, но всему дому его воздалъ Божіею милостію."

Да дастъ же Господь милость Онисифорову дому. Онисифоръ оказалъ услугу, а милость благожелается всему дому. Это или потому, что для главы дома дороже всего благосостояніе дома, и благожеланіе дому есть самое пріятное ему самому благожеланіе; или потому, что и семейство его вмѣстѣ съ нимъ также упокоивало Апостола, будучи кромѣ того и само по себѣ достойно всякаго вниманія, и уваженія и по искренности вѣры и по добродѣтелямъ. „Такъ они (члены семейства) были добродѣтельны. Такъ воспиталъ ихъ Онисифоръ" (Ѳеоф.).

Яко многажды мя упокои. Упокои,—ἀνέψυξε,—прохладилъ. Апостолъ представляетъ себя жегомымъ скорбію и тяготами, и по причинѣ узъ и по причинѣ оставленія всѣми. Участіе Онисифора и услуги со стороны его были тоже для Апостола, въ скорби его, что вода жаждущему и прохлада томимому зноемъ. „Онъ, говоритъ, освѣжалъ и укрѣплялъ меня въ страданіяхъ, какъ какого ратоборца, изнемогающаго отъ зноя" (св. Злат.).

И веригъ моихъ не постыдѣся, не счелъ для себя унизительнымъ имѣть общеніе, близкое и дружеское, съ тѣмъ, кто содержимъ былъ въ узахъ, яко злодѣй. Убѣжденіе въ Божественномъ достоинствѣ благовѣстія, Апостоломъ возвѣщаемаго, въ его сознаніи, сердцѣ и совѣсти, небеснымъ ореоломъ окружало и ликъ самого Апостола, и давало ему силу стоять выше обычнаго человѣческаго мнѣнія объ узникахъ, и не краснѣть, входя въ темницу и исходя изъ нея, для упокоенія узника—Апостола.

Но пришедъ въ Римъ, тщщнѣе взыска мя и обрѣте. Темницъ тогда много бывало; потому что, кажется, тогда это были частные дома, хозяева которыхъ были и стражами ихъ. Такимъ образомъ желавшему увидѣть

узника, необходимо было прежде отыскать его. Онисифоръ, по прибытіи въ Римъ, узнавъ объ узахъ св. Павла, тотчасъ и началъ искать его,—искать σπουδαιότερον,—наиусерднѣйше, и не успокоился, пока не нашелъ. И страха Неронова не убоялся, — „хотя обстоятельства были исполнены опасностей, ибо Апостолъ тогда подвергся гнѣву Нерона, обративъ кого-то изъ близкихъ къ нему. Но Онисифоръ, прибывъ въ Римъ, не только не избѣгалъ, говоритъ, встрѣчи со мною, но всеусердно взыскалъ меня и нашелъ (каково мужество! какова вѣра!—Өеоф.). Таковы должны быть и всѣ вѣрующіе, (наипаче же пастыри)—не удерживаться ни страхомъ, ни угрозами, ни стыдомъ" (св. Злат.).

Ст. 18. *Да дастъ ему Господь обрѣсти милость отъ Господа въ день онъ. И елико во Ефесѣ послужи ми, добрѣе ты вѣси.*

Милость за милость. „Онисифоръ, говоритъ Апостолъ, оказалъ мнѣ милость, и за это получитъ воздаяніе въ тотъ страшный и ужасный день, когда намъ нужна будетъ великая милость" (св. Злат.). „Тогда многая потребна милость всѣмъ, даже и самымъ святымъ. Если Онисифоръ, явнымъ опасностямъ подвергавшій себя за Христа, милостію спасенъ имѣетъ быть; не тѣмъ ли паче мы?" (Өеоф.). Апостолъ желаетъ самонужнѣйшаго. Ибо если тамъ не срѣтимъ милости, все пропало — и на вѣки.

Да дастъ Господь обрѣсти милость отъ Господа. Господь отъ Господа. „Итакъ два Господа? Отнюдь нѣтъ; *но намъ единъ Господь Іисусъ Христосъ и единъ Богъ* (1 Кор. 8, 6). Зараженные Маркіоновою ересью ссылаются на это выраженіе, но пусть они знаютъ, что оно весьма обыкновенно въ Писаніи. И въ другихъ мѣстахъ часто можно встрѣчать это выраженіе, когда напримѣръ говорится: *рече Господь Господеви моему* (Пс. 109, 1);

и еще: *одожди Господь отъ Господа* (Быт. 19, 24). Этимъ показывается единосущіе Божескихъ Лицъ, а не различіе существа; и Апостолъ говоритъ такъ не для того, чтобы мы представляли себѣ два существа, различныя между собою, но два Лица, имѣющія одно и тоже существо“ (св. Злат.).

И елико во Ефесѣ послужи ми, добрѣе ты вѣси. — Это великое одобреніе! Ибо въ Ефесѣ изъявлять близость свою съ Апостоломъ не меньше было опасно, и не меньшему отъ иныхъ подвергало осмѣянію. Но Онисифоръ всегда одинаковъ. Какъ увѣровалъ, такъ сталъ быть преданнымъ вѣрѣ и вѣроучителямъ, никого не стыдясь и никого не боясь. „Такой образъ дѣйствованія сталъ обыченъ ему. Не однажды заявилъ онъ его. Но каковъ былъ во Ефесѣ, какъ ты самъ знаешь, таковъ онъ и здѣсь“ (Ѳеоф., Экум.). „Такимъ и долженъ быть христіанинъ ревностный и бодрствующій, — долженъ дѣлать добро не однажды, не дважды или трижды, но во всю жизнь. Какъ тѣло наше не однажды насыщается для поддержанія себя на всю жизнь, но имѣетъ нужду въ ежедневномъ питаніи, такъ и здѣсь, въ благочестіи, мы ежедневно имѣемъ нужду въ помощи отъ добрыхъ дѣлъ“ (св Злат.).

б).

Къ чему обязываетъ св. Тимоѳея полученный имъ духъ силы, разъяснилъ Апостолъ. Теперь начинаетъ сказывать, къ чему обязываетъ его духъ любви,—2, 1—13. Отдѣленіе сіе начинается воодушевительнымъ: *возмогай*, и слѣдовательно будто продолжаетъ рѣчь о духѣ силы. Такъ кажется, — и казалось, что теченіе рѣчи,—съ 1, 8 до 2, 13,—можно такъ распредѣлить. Сказалъ Апостолъ въ 1, 8: *не постыдися, но спостражди,*—потомъ убѣждаетъ къ тому, чтобъ не стыдиться

въ 1, 8—18, а къ тому, чтобъ мужественно спострадать, въ настоящемъ отдѣленіи,—2, 1—13. Но какъ далѣе,—со 2, 13,—говоритъ Апостолъ о здравоуміи, а затѣмъ съ 3, 10,—предлагаетъ общія убѣжденія къ достодолжному пастырствованію, и тѣмъ заканчиваетъ учительную часть посланія; то для духа любви не остается особаго слова, онъ будто забытъ, что допустить неудобно. Почему толкованіе нашло себя понуждаемымъ признать, что въ настоящемъ отдѣленіи говорится о возгрѣваніи духа любви, и согласилось на это тѣмъ охотнѣе, что въ немъ пишется не о мужествѣ, а о ревности къ благовѣстію, которая обычно есть плодъ любви къ тому, о чемъ ревнуетъ и для кого. Итакъ полагаемъ, что Апостолъ въ семъ отдѣленіи внушаетъ св. Тимоѳею: дѣйствуй въ духѣ любви, или возгрѣвай духъ любви,—любви аа) къ самому благовѣстію,—2, 1—2, и бб) къ труду благовѣстническому,—3—13.

аа).

Любя благовѣстіе, не только самъ блюди его, какъ сокровище, но передай его и другимъ надежнымъ людямъ, которые довольны иныхъ научить, чтобъ такимъ образомъ благовѣстіе, переходя изъ рода въ родъ, никогда не пресѣкалось на землѣ.

Гл. 2, ст. 1. *Ты убо, чадо мое, возмогай во благодати, яже о Христѣ Іисусѣ.*

Ты—чадо мое. Приступая къ указанію, какъ возгрѣвать духъ любви, начинаетъ словомъ, дышащимъ любовію: *чадо мое!* „Не просто—*чадо,* но—*чадо мое*“ (св, Злат.). „Видишь, съ какою отеческою любовію онъ предлагаетъ ему свое увѣщаніе?! Съ словомъ симъ онъ какъ бы и душу свою любительную перелилъ въ него“ (Ѳеоф.). *Возмогай,—ενδυναμου,*—крѣпни, расти,

приходи въ возмужаніе. Въ чемъ же? *Во благодати, яже о Христѣ Іисусѣ:* вообще, въ благодатномъ порядкѣ жизни, Господомъ Іисусомъ водворенномъ на землѣ; частнѣе, — въ томъ порядкѣ дѣйствованія, къ которому обязываетъ тебя особый даръ благодати, дарованный тебѣ возложеніемъ рукъ моихъ, даръ архипастырства, благодать Апостольскаго преемства. *Возмогай во благодати*—то же что выше: *возгрѣвай даръ Божій* (1, 6). Даръ сей тройственъ,—совмѣщаетъ въ себѣ духъ силы, любви и здравоумія. Какъ о духѣ силы уже говорено, то здѣсь слѣдуетъ разумѣть духъ любви. Или — *во благодати* есть — силою благодати. Расти, приходи въ возмужаніе въ Апостольскомъ дѣйствованіи, — въ благовѣстіи и учрежденіи жизни по нему. „Въ этомъ подкрѣпитъ тебя благодать Господня" (Ѳеод.). „Трезвись, говоритъ, бодрствуй; благодать Господня сподвизается и содѣйствуетъ тебѣ; но и ты съ полною охотою и готовностію исполняй свое дѣло" (св. Злат.). „Ее имѣй сподвизающеюся съ тобою" (Ѳеоф.). Какъ? Дѣйствуя въ духѣ ея по ея внушеніямъ и возбужденіямъ. Если не будешь такъ дѣйствовать, то духъ сей, не будучи возгрѣваемъ и раздуваемъ соотвѣтственными ему трудами, погаснетъ. Такъ оба значенія совмѣстятся: силою благодати укрѣпляемъ, дѣйствуй въ духѣ ея,—и будешь расти въ томъ порядкѣ жизни, къ коему она призываетъ и обязываетъ тебя.

Ст. 2. *И яже слышалъ еси отъ мене многими свидѣтели, сія предаждь вѣрнымъ человѣкомъ, иже довольни будутъ и иныхъ научити.*

Сказалъ: *возмогай*,—расти и мужай; и за тѣмъ прилагаетъ: *и яже слышалъ еси — предаждь*. Послѣднее объясняетъ первое, или указываетъ способъ къ тому. Расти и мужай, возгрѣвая благодать свою силою сей же благодати. Какъ же это сдѣлать, или какъ въ семъ

успѣть? Успѣешь, если преподанное тебѣ сокровище ученія,—тайны Божіи спасительныя,—не будешь въ себѣ скрывать, но будешь ревностно дѣлиться ими, будешь распространять вѣдѣніе объ нихъ и самъ своимъ словомъ, и словомъ другихъ способныхъ учениковъ своихъ. Если любишь сіе сокровище, ты не можешь дѣйствовать иначе: ибо для него нѣтъ другой подобающей благолѣпной сокровищницы, кромѣ душъ человѣческихъ. Если дорожишь имъ, въ эти сокровищницы спрячь его. „Не сказалъ: говори, но *предаждь,* какъ бы о сокровищѣ, которое передается и сохраняется въ безопасномъ мѣстѣ" (св. Злат.).

И яже слышалъ еси отъ мене. Въ душу твою, какъ въ сокровищницу, я чрезъ слухъ твой, вѣрою раскрытый, вложилъ сокровище таинъ Божіихъ. Дѣлай и ты то же для другихъ, что я сдѣлалъ для тебя. Поставляя сіи слова въ соотношеніе съ тѣмъ, что часто повторяется въ обоихъ посланіяхъ: не вступай въ споры, въ состязанія и изысканія,—можемъ видѣть въ нихъ подразумѣваемымъ внушеніе: предаждь, что слышалъ, а не то, что „самъ надумалъ" (св. Злат.),— „не то, до чего самъ изслѣдованіемъ дошелъ; ибо вѣра отъ слуха" (Ѳеоф.). „Что слышалъ ты отъ меня, то и продолжай проповѣдывать" (Ѳеод.).

„Что значитъ: *многими свидѣтели?* Онъ какъ бы такъ говоритъ: ты слышалъ отъ меня не скрытно и тайно, а въ присутствіи многихъ, открыто" (св. Злат.). „Нѣкоторые (Фотій у Экуменія) разумѣютъ подъ *многими свидѣтелями* законъ и пророковъ. Слово мое, говоритъ, было сочетано изъ свидѣтельствъ Писанія" (Ѳеоф.). Трудно придать симъ словамъ опредѣленное значеніе. И то вѣрно, что св. Павелъ любилъ слово свое растворять свидѣтельствами изъ Закона и Пророковъ, и то вѣрно, что онъ всегда говорилъ от-

крыто, не на ухо, какъ бы боясь обличеній, но съ дерзновеніемъ, свидѣтельствовавшимъ о глубинѣ и живости его убѣжденія въ истинѣ, готоваго на борьбу съ противоубѣжденіями, съ увѣренностію въ побѣдѣ. Можетъ-быть и сказано это съ тѣмъ, чтобъ и св. Тимоѳею вдохнуть такое же дерзновеніе. Но нельзя ли словъ сихъ соединять съ *предаждь*? — Передай при многихъ свидѣтеляхъ. Такое распоряженіе было необходимо для сохраненія ученія безъ прибавленій и убавленій, и представляло очень надежное къ тому средство. Свидѣтели отсѣкали у тѣхъ, коимъ ввѣрялось ученіе для передачи и другимъ, всякій позывъ приплетать при семъ къ преданному ученію и свои измышленія.

Предаждь вѣрнымъ человѣкомъ. — *Вѣрнымъ,* — надежнымъ, на которымъ можно вполнѣ положиться, что не сфальшивятъ въ ученіи, но пребудутъ вѣрными хранителями преданныхъ истинъ. „*Вѣрнымъ,* т.-е., вѣрующимъ, а не такимъ, которые любятъ изслѣдовать и разсуждать,—такимъ, которые не предадутъ (измѣннически) проповѣданнаго имъ“ (св. Злат.). „Не такимъ, которые искусны слагать силлогизмы и сплетать совопросничества, но такимъ, о коихъ можешь быть увѣренъ, что они не окажутся предателями завѣщанія“ (Ѳеоф.).

Иже довольни будутъ и иныхъ научити. Вѣрность— нравственное качество, а способность и иныхъ учить— умственное или словесническое. Умственное настолько лишь берется во вниманіе при избраніи сихъ лицъ, чтобъ они способны были другимъ передать, что имъ передано, и въ томъ видѣ, какъ передано, и слѣдовательно способны усвоить имъ ввѣряемое. Ибо иначе пресѣчется теченіе или цѣпь преданія, которое избрано главнѣйшимъ способомъ храненія богооткровенныхъ

истинъ. „Что пользы, если принявшій, хотя и вѣренъ („и все принимаетъ безъ совопросничества“ — Ѳеоф.), но другимъ передать ученія не можетъ, — или, если онъ, хотя самъ и не предаетъ ученія, но другихъ таковыми же сдѣлать не можетъ? Учителю надо имѣть два качества: быть вѣрнымъ и учительнымъ“ (св. Злат.).

Но о какихъ лицахъ здѣсь рѣчь?—Не о всѣхъ, коимъ благовѣствуется и кои увѣровали; ибо въ числѣ таковыхъ могли быть не только неспособные учить другихъ, но и могущіе оказаться невѣрными. Почему надо положить, что здѣсь говорится объ избираемыхъ быть блюстителями преданія и хранителями церковныхъ порядковъ, т.-е. о епископахъ и пресвитерахъ. Намекается при семъ и на то, что имъ передавалось нѣчто такое, что не входило въ кругъ общаго ученія вѣрныхъ. Не разумѣется ли здѣсь преданіе образа совершенія св. таинствъ, которое шло тайно, какъ увѣряетъ св. Василій Великій, хотя при свидѣтеляхъ изъ круга старѣйшихъ вѣрныхъ, чтобъ вѣрнѣе сохранилось? „Это относится къ епископамъ и пресвитерамъ, коихъ имѣлъ рукополагать св. Тимоѳей“ (Фотій у Экум.). „Распоряженіе такое дѣлается относительно пресвитеровъ и епископовъ, а не относительно всѣхъ вѣрныхъ, — и мірянъ. Ибо это было бы неумѣстно, когда самъ св. Павелъ всѣмъ безъ различія, и іудеямъ и еллинамъ, проповѣдывалъ слово. Полагаю притомъ, что это говорится о нѣкоторыхъ таинственныхъ вещахъ, кои слѣдовало сообщать только пастырямъ,— вѣрнымъ и учительнымъ“ (Ѳеоф., Экум.).

66).

Любя благовѣстіе, люби и труды благовѣстничества. *а*) Смотри на воина,—ст. 3. 4,—смотри на состязателя ристалищнаго,—ст. 5,—смотри на земледѣльца,—

ст. 6, — какъ они любя дѣло свое не щадятъ труда для него, и преуспѣваютъ,—и тѣмъ воодушевляйся,— ст. 7. Другимъ источникомъ воодушевленія да будетъ тебѣ β) помышленіе о воскресеніи Господа,—ст. 8,— мой примѣръ,—ст. 9. 10,—и христіанское упованіе,— ст. 11—13.

α).

Ст. 3. *Ты же злопостражди, яко добръ воинъ Іисусъ Христовъ.*

Злопостражди, *κακοπάθησον*. Злостраданіе—*κακοπάθεια*,—есть несеніе болѣзненныхъ трудовъ, соединенныхъ съ начатымъ дѣломъ, съ претерпѣніемъ и всѣхъ встрѣчаемыхъ при томъ непріятностей. Это видно и изъ предложенныхъ при семъ примѣровъ воина, ристалищнаго борца и земледѣлателя. Итакъ *злопостражди* здѣсь значитъ: неси труды благовѣстія, и терпи сопряженныя съ тѣмъ непріятности, *яко бодръ воинъ Христовъ*. Сколько приходится терпѣть воину и въ мирное время! А что онъ терпитъ во время войны, того неучаствующіе въ войнѣ и вообразить не могутъ. Что воодушевляетъ его? — Желаніе явить себя воиномъ, какъ слѣдуетъ,—чтобъ никто не имѣлъ изъ-за него основательнаго повода думать плохо о воинствѣ. Любитъ воинство и старается не унизить его собою, а прославить и явить въ свѣтлости его достоинства. Апостолъ и говоритъ св. Тимоѳею: смотри на воина, и какъ онъ о воинствованіи достойномъ заботится, такъ ты ревнуй о достодолжномъ благовѣствованіи,—ревнуй, не отступая предъ сопряженными съ тѣмъ трудами и непріятностями. И это дѣлай тѣмъ съ большимъ напряженіемъ усилій, чѣмъ выше Царь, Коему воинствуешь. Воинъ земному царю угодить старается; ты же — Христовъ воинъ. Воинствуй же въ благовѣстіи настолько неутомимѣе

всѣхъ воиновъ, насколько Господь Спаситель выше всѣхъ царей земныхъ. „Прими во вниманіе, чей ты воинъ, и мужественно переноси воинскіе труды“ (Ѳеод.). „О, какая честь быть воиномъ Христовымъ! Вспомни, сколь важнымъ считается находиться подъ начальствомъ, командованіемъ земныхъ царей (насколько же важнѣе и выше есть быть подъ главенствомъ Христа Господа? Но настолько же паче будь готовъ на всякіе труды и непріятности въ дѣлѣ благовѣстія о Немъ). Если съ царскимъ воиномъ неразлучно злостраданіе (трудъ и нужда), такъ что быть чужду злостраданія очевидно есть какъ бы отчужденіе отъ чина воинскаго: то и тебѣ не должно скорбѣть, что терпишь труды и непріятности (по воинствованію въ благовѣстіи), ибо это неизбѣжно для воина (Христова); но слѣдуетъ скорбѣть, если не терпишь ихъ“ (св. Злат.).

Приравненіе св. Тимоѳея, какъ архипастыря, къ воину, показываетъ, что ему, какъ всѣмъ пастырямъ, предлежитъ борьба съ нечестіемъ, невѣжествомъ и грѣхомъ. Не быть равнодушну къ симъ врагамъ человѣка, а какъ только гдѣ замѣтитъ то, тотчасъ вооружаться противъ того.

Ст. 4. *Никтоже бо воинъ бывая обязуется куплями житейскими, да воеводѣ угоденъ будетъ.*

Сказалъ: трудись въ благовѣстіи, себя не желѣя, какъ добрый воинъ Христовъ; теперь объясняетъ, кто бываетъ добрымъ воиномъ изъ воиновъ обыкновенныхъ, чтобъ виднѣе было, что есть и Христовъ добрый воинъ. Тамъ тотъ воинъ добръ, который ничѣмъ не связывается, но будучи отъ всего свободенъ, всего себя предаетъ воинскимъ занятіямъ. И здѣсь тотъ добръ воинъ Христовъ изъ пастырей, кто всего себя предаетъ благовѣстію, распространенію вѣры въ Него и устроенію жизни по Нему среди вѣрующихъ; все же прочее вы-

брасываетъ изъ вниманія, даже мимоходомъ не касаясь того.

Воинъ бывая,—στρατευόμενος,—вступая въ воинство, становясь воиномъ,—соглашаясь и рѣшаясь быть воиномъ. Взялся за дѣло, дѣлай же его, какъ слѣдуетъ, Возложилъ руку на рало, не озирайся вспять. Подъ *куплями житейскими*,—ταις του βιου πραγματειαις,—разумѣется все житейское,—торговля, промыслы, ремесла, всякія сдѣлки и хлопоты; все это бросаетъ воинъ. *Обязуется*,—εμπλεκεται,—вплетается, или оплетается. „Выразительно сказалъ Апостолъ: εμπλεκεται, — потому что житейскія дѣла точно суть узы вяжущія и змѣи обвивающіяся и уязвляющія. Подъ—πραγματέιαι же даетъ видѣть всѣ хлопоты, сдѣлки, суеты и тяготы житейскія. Слова сіи внушаютъ: что вяжешь себя? Что вплетаешься въ эти обремененія и дѣла хлопотливыя? Объ одномъ воинствованіи заботься, и тако угодишь Христу, избравшему тебя въ Свое воинство“ (Ѳеоф.). *Воеводѣ*—στρατολογησαντι,—включившему тебя въ списокъ воиновъ, избравшему, признавшему тебя достойнымъ сего чина. Два побужденія къ бодренному и бдительному пастырствованію даются здѣсь пастырю. Въ словѣ—*воинъ бывая* внушается: принялъ на себя дѣло пастыря, пастырствуй же достодолжно, выдерживай, къ чему обязываетъ тебя чинъ твой и имя твое. Въ словѣ—*воеводѣ*, избравшему тебя, внушается: почтенъ честію, воздай Почтившему тебя дѣйствованіемъ по волѣ Его; получилъ даръ — принеси плодъ. Трудъ не малъ, но взирай на Того, Кому угодное сотворишь трудясь. Онъ есть Господь всяческихъ. — То и другое выполняется отрѣшеніемъ отъ житейскихъ заботъ.

Ст. 5. *Аще же и постраждетъ* (вступитъ въ состязаніе) *кто, не вѣнчается, аще не законно мученъ будетъ* (вести состязаніе).

Второй примѣръ: смотри на вступившаго въ состязаніе (на ристалищахъ), и вторая сторона ревности пастырской. Тѣмъ примѣромъ воина внушалось: все оставивъ, всего себя предай ревностному пастырствованію; а этимъ примѣромъ вступившаго въ борьбу и состязаніе атлета внушается: ревнуй вседушно о пастырствованіи, но ревнуй законно, достодолжно, разумно. Неразумное, выступающее изъ предѣловъ, ревнованіе о пастырствованіи пользы не приноситъ, и награды не заслуживаетъ,—подобно тому какъ не вѣнчается борецъ, не какъ должно ведущій дѣло борьбы, не соблюдающій положенныхъ для того законовъ. „И подвижничество (состязаніе на играхъ) имѣетъ нѣкоторые законы, по которымъ подвижникамъ (атлетамъ) надлежитъ подвизаться. А кто не по этимъ законамъ ведетъ борьбу, тотъ не получаетъ вѣнцо́въ“ (Өеод.). „Для него недово́льно того, чтобы выдти на подвигъ, или намазаться, или сойтись съ противникомъ; но если онъ не соблюдетъ всѣхъ законовъ борьбы касательно пищи, воздержанія и чистоты, самаго образа борьбы, и вообще если не исполнитъ всего, обязательнаго для ратоборцевъ, то не получитъ вѣнца“ (св. Злат.). „Ибо не оставляется на произволъ состязаться, какъ кто хочетъ; но есть и относительно этого законы,—состязательные“ (Өеоф.). Такъ и пастырю надлежитъ пастырствовать не какъ попало, но съ строгою осмотрительностію и разумнымъ веденіемъ дѣла, надлежитъ сообразовать свои дѣйствія и съ мѣстомъ, и съ лицемъ, и съ теченіемъ дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ, житейско-гражданскихъ и духовно благодатныхъ, во всемъ имѣя одну цѣль—побѣжденіе противоборцевъ видимыхъ и невидимыхъ, чрезъ водвореніе свѣта истины, чистоты нравовъ и благодатнаго освященія. Какъ на борца смотритъ вся публика и окружаетъ его почетомъ за мужество и побѣду, такъ

вся паства смотритъ на пастыря и благовѣинствуетъ предъ нимъ, если онъ нелѣностно борется съ ложью, злонравіемъ и всякою безпорядочностію, и не отступаетъ, пока не одержитъ побѣды.

„Такъ показавъ, что доблестный воинъ свободенъ отъ другихъ заботъ, и что мужественный подвижникъ подвизается законно, и законно подвизающійся увѣнчивается, Апостолъ представилъ другой еще примѣръ, въ которомъ съ трудомъ соединена и выгода" (Ѳеод.).

Ст. 6. *Труждающемуся дѣлателю прежде подобаетъ отъ плода вкусити.*

Третій примѣръ земледѣльца: ибо *дѣлателю*, въ греч.,—γεωργον. Воодушевляетъ на труды пастырства. Есть трудъ и немалый, но трудъ не напрасный, а многоплодный, и ты же самъ первый вкусишь отъ него, подобно тому, какъ земледѣльцу первому надлежитъ вкушать отъ плодовъ воздѣланной имъ земли. Вкушеніе плодовъ обѣщается конечно и въ будущемъ; но по образу выраженія видно, что оно сопутствуетъ самому труду и тотчасъ за нимъ слѣдуетъ. Трудись, и тотчасъ увидишь плодъ труда на своихъ пасомыхъ, въ просвѣщеніи ихъ вѣдѣніемъ истины, въ процвѣтаніи среди ихъ всякой добродѣтели, въ осѣненіи ихъ благодатнымъ освященіемъ. Увидишь такіе плоды, и вкусишь отъ нихъ утѣшеніе и обрадованіе духовное, кои напитаютъ душу твою слаще меда и сота. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „имѣешь великія воздаянія за труды, воздѣлывая ввѣренныя тебѣ души." Или такъ: въ то самое время, какъ другихъ будешь учить, и самъ паче освѣтишься свѣтомъ истины; какъ другихъ будешь наставлять на путь добродѣтели, и самъ намастишься ею; какъ другихъ благодатно будешь освящать въ таинствахъ, и самъ паче причастишься благодати таинствъ. Только трудись; не будешь трудиться, и исти-

на начнетъ меркнуть въ душѣ твоей, и добродѣтель слабѣть, и благодать отдалять отъ тебя свое осѣненіе. Пастырь не трудящійся въ ученіи, въ руководженіи на добродѣтель, въ освященіи пасомыхъ таинствами и другими освятительными чинами, прежде всего себѣ вредитъ, равно какъ трудясь первый вкушаетъ отъ плодовъ добраго пастырствованія.

Св. Златоустъ говоритъ: „сказавъ о томъ, что случается съ обыкновенными людьми, о воинахъ и ратоборцахъ, и указавъ при этомъ на ихъ награды, вопервыхъ,—*да воеводѣ угоденъ будетъ*, вовторыхъ, да вѣнчается,—теперь приводитъ еще третій примѣръ, который особенно близокъ Тимоөею (яко архипастырю). Примѣръ воина и ратоборца относится и къ подчиненнымъ (пасомымъ), а примѣръ земледѣльца—къ учителю (пастырю), который долженъ быть не воиномъ только и ратоборцемъ, но и земледѣльцемъ. Земледѣлецъ не о себѣ самомъ заботится, но о плодахъ земли и въ плодахъ ея получаетъ немалое воздаяніе за труды свои.—Какъ земледѣлецъ трудится не безъ пользы, но самъ прежде другихъ наслаждается плодами трудовъ своихъ; такъ слѣдуетъ и учителю.“ Продолжимъ эту рѣчь словами бл. Өеофилакта: „такъ и учитель (пастырь) не напрасно трудится, но самъ первый вкушаетъ плода отъ своихъ потовъ; ибо Богъ (тутъ же) преизобильно воздаетъ ему. Чтобы кто не сталъ скучать и недовольство изъявлять, что возданіе отлагается на будущее, Апостолъ говоритъ: се, въ самомъ трудѣ ты получаешь уже воздаяніе; если не другое что, то пользованіе душъ есть великое уже для тебя пріобрѣтеніе. И смотри, Апостолъ не просто сказалъ: *дѣлателю*, но *трудящемуся*: т.-е. не слегка работающему, но усиленный, пóтовый, подъемлющему трудъ.“ Не давай, пастырь, сна очамъ и вѣждямъ дреманія, но

день и ночь трудясь, и мысленное напряженіе, и сердечную молитву, и искусство словесное, — все неутомимо обращай на дѣло добраго пасенія паствы. Не пропустимъ и словъ св. Григорія Нисскаго, приводимыхъ Экуменіемъ: Такъ сказалъ Апостолъ, внушая, что учители прежде въ себѣ самихъ должны показывать дѣломъ исполненіе того, чему учатъ. Ибо это и значитъ учителямъ первымъ вкушать отъ плодовъ ученія, когда они прежде другихъ въ самихъ себѣ воздѣлываютъ добродѣтель.“

Ст. 7. *Разумѣй, яже глаголю: да дастъ убо тебѣ Господь разумъ о всемъ.*

Шла рѣчь приточная, а смыслъ ея не выставленъ; представлены примѣры изъ обыкновенной жизни, а что значатъ они въ приложеніи къ пастырю, не указано. Апостолъ и прибавляетъ: самъ это дополни; углубись и уразумѣй; а уразумѣвши, и самымъ дѣломъ будь таковъ. „Поелику видъ рѣчи былъ приточный, то Апостолъ по необходимости возбуждаетъ св. Тимоѳея къ уразумѣнію сокровеннаго смысла, и молитъ Бога сподобить его разумѣнія“ (Ѳеод.). Своего разъясненія не прибавилъ онъ, потому что разгадать смыслъ предложенной рѣчи не мудрено, и потому, можетъ-быть, что своя мысль скорѣе и прямѣе нападетъ на то, что въ примѣрѣ нужнѣе для самого разсуждающаго, а не только то, что имъ вообще означается, отвлеченно. И еще: „потому, говоритъ, я сказалъ такъ (приточно), чтобъ тебя (умъ твой) изострить“ (Ѳеоф.).

Да дастъ тебѣ Господь разумъ во всемъ. „*Во всемъ*, говоритъ, — чтобъ и сказанное ты уразумѣлъ, какъ должно, и все прочее умѣлъ дѣлать какъ слѣдуетъ“ (Экум.), да премудръ будешь „во всѣхъ словахъ и дѣлахъ“ (Ѳеоф.). Приложилъ сіе Апостолъ, и чтобъ свою любовь изъявить св. Тимоѳею, и чтобъ его самого

расположить, приступая къ уразумѣнію Божіихъ словесъ, молитвенно обращаться ко Господу: ибо *единъ Учитель — Христосъ* (Мѳ. 23, 8)—и никого не было, нѣтъ и не будетъ, кто бы, какъ должно, уразумѣлъ и душѣ своей усвоилъ полно истину Божію, самъ собою. Это даруетъ Господь кому хочетъ и когда хочетъ. И богопросвѣщаемые не всѣ все знаютъ, и то, что знаютъ, не все разомъ узнаютъ. Почему у всѣхъ молитва и о приложеніи вѣры, и объ умноженіи разумѣнія должна быть непрестающею,—у всѣхъ, тѣмъ паче у пастырей.

β).

Доселѣ,—ст. 3—7,—Апостолъ, въ примѣрахъ, взятыхъ изъ обыкновенной жизни, выяснялъ только неотложность ревностнаго въ дѣлѣ вѣры труда архипастырскаго и нѣкоторымъ образомъ его направленіе и постепенность,—именно: какъ воинъ, онъ, все оставивши, вступаетъ въ дѣло пастырства; какъ ратоборецъ, ведетъ дѣло цѣлесообразно; какъ земледѣлецъ, взираетъ на плодъ или увѣнчаніе труда своего. И это все воодушевительно; но Апостолъ судилъ нужнымъ въ воодушевленіе пастырской ревности выставить и особенные возбудительные моменты, каковы: воскресеніе Господа, - ст. 8,—свой примѣръ,—9. 10,—и несомнѣнность христіанскаго упованія,—11—13. Это сходно съ тѣмъ, какъ выше воодушевлялъ онъ къ нестыдящемуся мужесвованію въ благовѣстіи (1, 9—18).

Ст. 8. *Поминай Господа Іисуса Христа воставшаго отъ мертвыхъ, отъ сѣмене Давидова, по благовѣствованію моему.*

Воскресеніе Господне есть основаніе нашей вѣры: ибо поелику воскресъ Господь, то не тщетно вѣруемъ, что Онъ есть Богъ воплотившійся нашего ради спасенія; есть основаніе нашего упованія; ибо, поелику

воскресъ Господь, то и вознесся и сѣдитъ одесную Отца, ходатайствуя о насъ и удостовѣряя, что съ Нимъ все намъ даровано будетъ и что воистину гдѣ Онъ, тамъ и слуга Его будетъ; есть основаніе самого дѣла благовѣстія: ибо воскресшій и въ слѣдствіе того вознесшійся Господь, Духа Святаго ниспослалъ, Которымъ и совершается благовѣстіе чрезъ избранныхъ Апостоловъ и ихъ преемниковъ. Помышленіе о воскресшемъ Господѣ все сіе и востановляетъ въ сознаніи помышляющаго о Немъ. А сколько это воодушевительно къ ревнованію о благоуспѣяніи вѣры и совершенствѣ вѣрующихъ, кои лежатъ на архипастыряхъ?! Почему Апостолъ и внушаетъ: поминай воскресшаго Господа, о Коемъ благовѣствуемъ, и воодушевляйся тѣмъ на труды благовѣстія и благоустроенія вѣрующихъ. Воскресъ Христосъ Іисусъ; слѣдовательно вѣра наша, что Онъ есть Сынъ Божій воплотившійся нашего ради спасенія, истинна,—слѣдовательно смерть побѣждена и осужденіе снято съ рода нашего, — слѣдовательно намъ открытъ путь на небеса,—слѣдовательно вѣрующіе въ Него, едино съ Нимъ бывая, носятъ въ себѣ основаніе, по коему и они будутъ тамъ, гдѣ Онъ,—слѣдовательно трудящіеся въ привлеченіи къ Нему благовѣстіемъ вѣрующихъ тѣло Его созидаютъ, которое чрезъ то растетъ и приходитъ въ полноту свою, а когда достигнетъ полноты сей, положитъ конецъ настоящему порядку вещей и начало будущему пресвѣтлому царствію Божію. Вотъ въ какомъ порядкѣ благоволилъ Господь поставить тебя дѣятелемъ! Ревнуй же. Видишь, что совершено для насъ Господомъ воскресшимъ? И намъ съ тобою непростительно не потрудиться въ благовѣстіи о семъ, когда знаемъ, что то, для чего все сіе совершено, не иначе можетъ быть достигнуто, какъ чрезъ насажденіе вѣры въ Него среди людей,

пораждаемой отъ услышанія благовѣстія. Трудись же въ немъ ревностно, не отступая предъ лицемъ неизбѣжныхъ при семъ непріятностей и страданій. И Господь сначала пострадалъ, а потомъ воскресъ. Такъ и ты понеси прежде унизительныя притрудности, а потомъ увѣнчаешься и свѣтлымъ вѣнцемъ успѣшности своего дѣла. Св. Златоустъ говоритъ: „для чего здѣсь Апостолъ упоминаетъ о воскресеніи Господнемъ?—Для того, чтобъ ободрить ученика и показать пользу страданій, такъ какъ и Самъ учитель нашъ Христосъ страданіями побѣдилъ смерть. Помни это, говоритъ, и будешь имѣть достаточное утѣшеніе. Поминай объ этомъ, и не падешь подъ тяготою прискорбностей (по дѣлу благовѣстія)" (Өеоф.).

Наши всѣ толковники не читаютъ—*Господа,* а только—*Іисуса Христа.* Но какъ здѣсь тотчасъ говорится: *воскресшаго,* то симъ тоже сказывается, что—Господа, т.-е. Владыки жизни и смерти, и всяческихъ. То же и въ посланіи къ Римлянамъ говоритъ Апостолъ,—что по плоти Іисусъ Христосъ отъ сѣмене Давидова; но воскресеніе Его изъ мертвыхъ удостовѣрило, что Онъ есть Сынъ Божій воплотившійся. При семъ наши толковники, разрѣшая вопросъ, чего ради прибавилъ Апостолъ: *отъ сѣмене Давидова,* догадываются, что это намѣренно Апостоломъ вставлено, чтобы показать, что Сынъ Божій воспринялъ дѣйствительно настоящее естество человѣческое, а не представлялся только носящимъ его. „Въ то время нѣкоторые, говоритъ св. Златоустъ, уже начали порицать домостроительство нашего спасенія, стыдясь величія человѣколюбія Божія (говоря: возможно ли, чтобы Богъ пріялъ наше бѣдное естество?). Ибо благодѣянія Божіи къ намъ такъ велики, что люди стыдятся приписать ихъ Богу, и не вѣрятъ, чтобы Онъ оказалъ такое снисхожденіе." Не могли они

отрицать, что въ лицѣ Іисуса Христа просіявала вся полнота Божества (Кол. 2, 9). Но не умѣя вѣровать, что для вседержительства Божія возможно, а для благости Его умѣстно воспріять существенно наше естество для спасенія нашего и полно обитать въ Немъ *тѣлеснѣ*, они „отрицали воспріятіе плоти, и говорили, что вочеловѣченіе было въ призракѣ,“ какъ пишетъ бл. Ѳеодоритъ. „Стыднымъ почитали они, продолжаетъ объясненіе сего бл. Ѳеофилактъ, страдать Сыну Божію, и потому, можетъ-быть, придумали призрачность (воплощенія). Богъ до того смирился ради насъ, что эти люди стыдятся приписывать Богу такое смиреніе.“

По благовѣствованію моему, прибавилъ Апостолъ, для перехода къ слѣдующей о себѣ рѣчи; или чтобъ сказать: какъ я всюду благовѣствую съ самаго начала. Говоря тебѣ, что Іисусъ Христосъ есть отъ сѣмене Давидова, но вмѣстѣ, какъ воскресшій изъ мертвыхъ, есть Сынъ Божій и Богъ, я не новое что возвѣщаю тебѣ. Это постоянная моя проповѣдь, съ того момента, какъ научилъ меня сему явившійся мнѣ Самъ воскресшій Господь. „Есть и иначе благовѣствующіе, но слѣдуетъ внимать не имъ, а моему благовѣствованію“ (Ѳеоф. изъ св. Злат.).

Ст. 9. *Въ немже злостраждү даже до узъ, яко злодѣй; но слово Божіе не вяжется.*

Въ немже,—въ благовѣстіи, въ дѣлѣ и трудѣ благовѣствованія. *Злостраждү,*—терплю всѣ сопряженныя съ симъ непріятности и лишенія. И не только это,—что терпитъ и всякій, охотно взявшійся за какое-либо предпріятіе,—но даже посаженъ въ темницу, закованъ въ узы, будто злодѣй, – за спасительное благовѣстіе. Слышится въ сихъ словахъ: и не стыжусь, и не страшусь, и не теряю духа, воодушевляясь тѣмъ же воспоминаніемъ о воскресшемъ Господѣ, которое заповѣдаю

и тебѣ. Подражай мнѣ и, воодушевляясь такимъ воспоминаніемъ, трудись неутомимо въ благовѣстіи. Пусть встрѣтишь узы, какъ встрѣтилъ я; но это не преграда теченію благовѣстія: узы тѣло вяжутъ, слово же Божіе не вяжется сими узами; — оно течетъ и течетъ все далѣе, напояя и насыщая души. Мужайся же и крѣпись.

Любящему благовѣстіе и ревнующему о немъ ничто не можетъ столько послужить въ воодушевленіе. какъ это несвязаніе благовѣстія внѣшними узами. Живописно представляетъ это св. Златоустъ. „Еслибъ, говоритъ, мы были мірскими воинами, или вели войну чувственную, то эти узы, связывающія руки, имѣли бы силу; нынѣ же Богъ сдѣлалъ насъ такими, что насъ ничто не побѣждаетъ. Намъ связываются руки, но не языкъ; языкъ связать ничто не можетъ, развѣ только страхъ и невѣріе; если въ насъ нѣтъ ихъ, то хотя кто наложитъ на насъ оковы, проповѣдь не связывается. Кто связываетъ земледѣльца, тотъ препятствуетъ сѣянію, ибо земледѣлецъ сѣетъ рукою; но если свяжешь учителя, то этимъ не воспрепятствуешь его слову, ибо онъ сѣетъ языкомъ, а не рукою. Посему наше слово не подчиняется узамъ; и когда мы связаны, оно развязано и простирается впередъ. Какимъ, скажешь, образомъ? А вотъ — мы проповѣдуемъ („и пишемъ“— Ѳеоф.), хотя и связаны. Это говоритъ онъ для поощренія тѣхъ, которые не связаны: если мы, связанные, проповѣдуемъ, то тѣмъ болѣе надлежитъ дѣлать это вамъ несвязаннымъ. Ты слышалъ, что я *злостражду, яко злодѣй?* Не унывай же; ибо великое чудо связанному дѣлать то же, что дѣлаютъ несвязанные, связанному превзойти всѣхъ, связанному побѣждать связавшихъ его. Проповѣдуемое нами есть слово Божіе, а не наше; человѣческія же узы не могутъ связать слова Божія.“

Ст. 10. *Сего ради вся терплю избранныхъ ради, да и тіи спасеніе улучатъ, еже о Христѣ Іисусѣ, со славою вѣчною.*

Въ воодушевленіе на труды благовѣстія св. Павелъ выставилъ въ себѣ примѣръ неутомимости въ сихъ трудахъ, непресѣкаемыхъ даже и узами. Самъ же онъ чѣмъ воодушевлялся? Кромѣ истинности, Божественности и пресвѣтлости благовѣствуемаго, печатлѣемыхъ въ умѣ и сердцѣ воскресеніемъ Господа, — желаніемъ спасенія избранныхъ Божіихъ и дѣятельною къ нимъ любовію. Но какъ о воскресшемъ Господѣ поминать заповѣдалъ Онъ св. Тимоѳею за тѣмъ, чтобъ этимъ онъ воодушевлялся на труды пастырскіе, какъ самъ онъ воодушевлялся на труды Апостольскіе: такъ конечно и о своемъ желаніи спасенія избраннымъ, ради коего трудится Апостольски, поминаетъ онъ для того, чтобъ такое же желаніе возжегъ въ себѣ и св. Тимоѳей и имъ движимъ былъ на предлежащіе ему труды. „Съ любовію, говоритъ, переношу всякаго рода огорченія, чтобы достойные сподобились спасенія и стали причастниками оной вѣчной славы; ибо Владыка не спасенія только сподобилъ вѣрующихъ, но и обѣтовалъ имъ негибнущую славу“ (Ѳеод.).

Избранные избраны ко спасенію прежде сложенія міра (Еф. 1, 4). Но сами собою они не могутъ ни узнать пути спасенія, ни вступить на него. Узнаютъ они о немъ чрезъ благовѣстіе и вступаютъ на него чрезъ призваніе. Совершаетъ сіе Апостольская проповѣдь, по Божію повелѣнію. Господь послалъ Апостоловъ: *шедше научите*. Но послалъ ихъ, *яко агнцы посредѣ волковъ* (Лук. 10, 3). Почему, хотя они вносятъ въ среду людей существенное и единое истинное благо, но неизбѣжно терпятъ лишенія, притѣсненія, гоненія, узы и самую смерть. Какъ взявшійся выбрать хорошіе

цвѣты, выросшіе среди тернія, неизбѣжно оцарапывается: такъ и они выбирая изъ среды людей избранниковъ Божіихъ, неизбѣжно страдаютъ болѣзненно. Страдаютъ, но не отступаютъ отъ дѣла, влекущаго страданія, не по одной только покорности волѣ Божіей, но и по любви къ симъ избранникамъ, *да и тіи спасеніе улучатъ*. Какое воодушевительное внушеніе для пастырей! Св. Златоустъ говоритъ: „вотъ и другое увѣщаніе: я терплю это, говоритъ, не за себя, но для спасенія другихъ; еслибы я искалъ только своего, то могъ бы жить безбѣдно, могъ бы не терпѣть ничего такого; для чего же я терплю это? Для блага другихъ, дабы другіе получили жизнь вѣчную. И что еще прибавляетъ? Не просто сказалъ: за нѣкоторыхъ, но: *избранныхъ ради*. Если Богъ избралъ ихъ, то намъ должно терпѣть все для нихъ, *да и тіи спасеніе улучатъ*. Выраженіемъ: *да и тіи*, онъ изъясняетъ и показываетъ, что они получатъ такъ же, какъ и мы; ибо и насъ избралъ Богъ. Какъ для насъ страдалъ Богъ, такъ и мы должны страдать для нихъ, дабы и они получили спасеніе.“ Продолжаетъ сію рѣчь бл. Ѳеофилактъ: „дабы кто не сказалъ: что ты говоришь,—*да и тіи спасеніе улучатъ?* Самъ ты въ узахъ, и вотъ-вотъ погибнешь, а хвалишься быть виновникомъ спасенія для другихъ? — Не объ этомъ, говоритъ, тѣлесномъ спасеніи говорю я, но о томъ, *еже о Христѣ Іисусѣ*, истинномъ, славномъ (о вѣчномъ спасеніи души); а тѣлесное спасеніе не (безусловно) славно.“

Приложивъ: *со славою вѣчною*, Апостолъ указалъ неотъемлемое послѣдствіе улученія спасенія, — вѣнецъ его. Улучающій спасеніе внемлетъ Евангелію, кается, полагаетъ твердое намѣреніе жить свято, пріемлетъ для того благодатныя силы въ таинствахъ, и живетъ такъ, руководимый Апостольскими преемниками.

Се—трудъ содѣванія спасенія! Оно не даромъ дается, Даромъ учреждено домостроительство спасенія; даромъ призываются ко спасенію; далѣе же самые первые шаги по пути спасенія требуютъ уже и собственныхъ усилій; даже благодатныя силы приди самъ и получи богоучрежденнымъ способомъ. За тѣмъ уже и все содѣваніе спасенія идетъ взаимодѣйствіемъ благодати и своихъ усилій. И никто не несомъ бываетъ по пути спасенія, а всякій идетъ по нему вспомоществуемый благодатію и руководимый Церковію. Такъ до конца жизни, послѣ коего улучившаго спасеніе осѣняетъ слава вѣчная, по мѣрѣ понесеннаго труда надъ собою Слава вѣчная не совнѣ приходитъ, а извнутри раскрывается. Внутри же она зачинается и зрѣетъ съ момента вступленія на путь спасенія. Потому-то она и неотъемлема съ улученіемъ спасенія.

Ст. 11. *Вѣрно слово: аще бо съ Нимъ умрохомъ, то съ Нимъ и оживемъ.*

Хотя отъ улученія спасенія неотъемлемъ вѣнецъ славы, Апостолъ однакожъ нашелъ нужнымъ и доказательно подтвердить это. *Вѣрно*, говоритъ, *слово,*—„то-есть истинно, несомнѣнно, чуждо лжи“ (Өеодоритъ). „Какое слово? То, что избранные улучатъ спасеніе со славою вѣчною“ (Өеоф.). И тотчасъ представляетъ доказательства. Достаточно было бы этого одного удостовѣрительнаго слова. изъ устъ посланника Божія. Но поелику, „когда здѣсь предстояли смерть, мученія, узы, а Павелъ говорилъ своимъ слушателямъ, что они пойдутъ въ жизнь вѣчную, – иной могъ не повѣрить тому, говоря: что ты проповѣдуешь? Какъ такъ,—когда я живъ бываю, умираю, а когда умру, жить буду?! — то, дабы никто не подумалъ этого, Апостолъ представляетъ несомнѣнное тому доказательство“ (св. Злат.).

Доказательство это, какъ и всюду у св. Павла, берется изъ воскресенія Господня. Поелику Господь, умерши плотію, воскресъ и пребываетъ во славѣ, то и всѣ, дѣлающіеся едино съ Нимъ вѣрою, жизнію по вѣрѣ и благодатнымъ освященіемъ чрезъ таинства, хотя и умрутъ, но потомъ въ свое время оживутъ (Іоан. 11, 25), и внидутъ въ царствіе вѣчно славное. Вниманіе Апостола сосредоточено на воскресшемъ Господѣ. Онъ уже заповѣдалъ выше памятовать о Немъ св. Тимоѳею, въ воодушевленіе въ трудахъ пастырства (—ст. 8). Теперь другой моментъ указываетъ въ семъ же воскресеніи и къ возбужденію вѣры и къ воодушевленію на проповѣдь о вѣрѣ,—именно, что вѣрующіе воскреснутъ о Христѣ къ вѣчной славѣ,—и что если вѣрующихъ это ожидаетъ, то тѣмъ вѣрнѣе упованіе того для благовѣстниковъ о вѣрѣ.

Аще съ Нимъ умрохомъ—συναπεθάνομεν,—если соумерли Ему. Въ часъ рѣшимости прилѣпиться къ Господу вѣрою и послѣдовать заповѣдямъ Его, еще глубже ея, въ основѣ ея полагается готовность во всякой часъ умереть за сію вѣру и сіи заповѣди, если то потребуется, но не отступать отъ нихъ и чрезъ то отъ Господа. Всякій посему истинно увѣровавшій въ Господа есть уже умершій съ Нимъ произволеніемъ. Если потомъ и дѣйствительно придется кому пострадать и умереть, то это не новое что, а только срѣтеніе предвидѣннаго и возжеланнаго прежде. Хотя и не придется кому срѣтить ничего подобнаго, но то первое, внутреннее опредѣленіе себя на смерть, тѣмъ не менѣе въ очахъ Божіихъ и въ совѣсти есть смерть,—и всякій, въ сихъ расположеніяхъ прилѣпившійся ко Господу, можетъ со всею искренностію, вмѣстѣ съ другими, дѣйствительно умершими ради Господа, исповѣдать: *съ Нимъ умрохомъ.*

То съ Нимъ оживемъ, — συζήσομεν, — то и сожительствовать будемъ Ему, или жить будемъ съ Нимъ,—и поелику Онъ во славѣ, будемъ жить съ Нимъ вѣчно-славною жизнію, какъ Самъ Онъ и обѣтовалъ: *гдѣ Я, тамъ и слуга Мой будетъ* (Іоан. 12 26). Св. Златоустъ говоритъ: „въ самомъ дѣлѣ, если мы участвуемъ со Христомъ въ скорбяхъ и страданіяхъ, то ужели не будемъ участвовать съ Нимъ въ благахъ? Этого не сдѣлалъ бы и человѣкъ.—чтобы, достигнувъ покоя, не принять въ общеніе съ собою того, кто рѣшился вмѣстѣ съ нимъ страдать и умереть.“ „И человѣкъ не сдѣлалъ бы такъ, не тѣмъ ли паче Богъ, источникъ правды и благости,“ —дополняетъ св. Златоуста бл. Ѳеофилактъ.

Но какая здѣсь разумѣется смерть? Вѣрующіе въ Господа умираютъ и духовно, произволеніемъ, когда въ крещеніи умираютъ грѣху съ готовностію и тѣлесно умереть за Господа, за вѣру Его и заповѣди,— умираютъ и тѣлесно, когда во время гоненій терпятъ за вѣру муки и лишаются жизни. Какъ же здѣсь разумѣть—*умрохомъ*? Хотя по обстоятельствамъ, въ какихъ находились св. Павелъ и св. Тимоѳей, ближе будетъ къ теченію рѣчи разумѣть здѣсь тѣлесныя скорби и смерть; но какъ не всѣ вѣрующіе страдаютъ и умираютъ за вѣру, обѣтованіе же выражается общее, то нельзя отрицать здѣсь мысли и о смерти духовной. Ктомуже св. Павелъ съ св. Тимоѳеемъ еще не умерли тѣлесно, духовно же, т.-е. грѣху, съ готовностію и на тѣлесную смерть, умерли и постоянно пребывали въ сей смерти, какъ и свидѣтельствовалъ о себѣ св. Павелъ: *по вся дни умираю* (1 Кор. 15, 31). Почему неошибочно будетъ думать, что „Апостолъ говоритъ здѣсь и о смерти (духовной) въ крещеніи и о смерти (тѣлесной) чрезъ страданіе и замученіе“ (Ѳеоф.). Такъ и бл. Ѳеодоритъ: „сіе: *съ Нимъ умрохомъ* Апостолъ ска-

залъ не объ умерщвляемыхъ только, но и о крещаемыхъ; ибо и они, искренно вѣруя и показывая жизнь сообразную вѣрѣ, пріобщаются жизни Владычней.“ Св. Златоустъ, хотя допускаетъ у Апостола мысль и о смерти духовной, но преимущество даетъ мысли о смерти тѣлесной. „Когда же мы умерли со Христомъ? Апостолъ говоритъ о смерти, какъ посредствомъ купели крещенія, такъ и посредствомъ страданій. Такъ онъ говоритъ: *спогребохомся Ему крещеніемъ* (Рим. 6, 4). и еще: *ветхій нашъ человѣкъ съ Нимъ распятся* (Рим. 6, 6),—это — смерть духовная. А *мертвость Господа въ тѣлѣ носяще* (2 Кор. 4, 10), и еще: *снасаждени быхомъ подобію смерти Его* (Рим. 6, 5),—это смерть тѣлесная. Здѣсь же онъ говоритъ и о смерти посредствомъ искушеній, и преимущественно объ ней; ибо онъ находился въ искушеніяхъ, когда писалъ это. Смыслъ словъ его слѣдующій: если ради Него мы умерли, то ужели не оживемъ ради Него? Въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.“

Ст. 12. *Аще терпимъ, съ Нимъ и воцаримся: аще отвержемся, и Той отвержется насъ.*

Первая половина сего стиха должна быть соединяема съ предыдущимъ стихомъ, а вторая съ послѣдующимъ. Ибо, въ ст. 11—13, Апостолъ, выясняя основанія нашего упованія, показываетъ, что будетъ съ нами, если, прилѣпясь къ Господу вѣрою и любовію, мы умираемъ и терпимъ съ Нимъ, и что будетъ, если отвратимся отъ Него невѣріемъ. На каждое показаніе идетъ по полтора стиха: на первое—ст. 11-й и пол.—12-го; на второе—пол. 12-го ст. и ст. 13.

Если, говоритъ, съ Нимъ умерли, съ Нимъ и жить будемъ; если съ Нимъ терпимъ, съ Нимъ и воцаримся. Сила рѣчи въ словѣ: *съ Нимъ*. Оживутъ и вѣчно жить будутъ всѣ; но съ Господомъ жить будутъ только тѣ, которые умерли съ Нимъ,—и пребывая въ общеніи съ

Нимъ непрерывномъ, и за Него. Равно терпятъ непріятности, скорби и лишенія всѣ, и ни одного человѣка нѣтъ, который бы не терпѣлъ; но за терпѣніе воцарятся, т.-е. въ царствіе Божіе вчинены будутъ, какъ въ наслѣдіе, или вѣчнаго удостоены будутъ блаженства, только тѣ, которые терпятъ съ Господомъ, т.-е. по причинѣ непоколебимаго пребыванія въ общеніи съ Господомъ вѣрою и любовію, и за это самое пребываніе. Это общеніе и общее терпѣніе,—т.-е. терпѣніе того, что на всѣхъ лежитъ какъ бремя тяжкое,—превращаетъ въ средство къ своцаренію съ Господомъ; ибо и этому терпѣнію оно сообщаетъ тотъже духъ, научая терпѣть ради Господа.

Въ какомъ отношеніи стоятъ: *умрохомъ* и *терпимъ* съ одной стороны, и—*живемъ* и *воцаримся* съ другой?—Можно думать, что это два выраженія одного и тогоже. И кто умираетъ съ Господомъ, претерпѣваетъ смерть съ Нимъ, и кто терпитъ съ Нимъ скорби, тоже что умираетъ съ Нимъ,—въ томъ смыслѣ, что скорби горьки какъ смерть, и въ томъ, что благодушно терпящій ихъ потому благодушествуетъ при семъ, что произволеніемъ уже предалъ себя на смерть за Господа. Равно и имѣющій жить съ Господомъ будетъ соцарствовать Ему, и имѣющій соцарствовать Ему будетъ жить съ Нимъ. То и другое означаетъ вѣчное блаженство съ Господомъ и въ Господѣ. Два же выраженія употребилъ Апостолъ для показанія одного и тогоже, чтобъ сильнѣе напечатлѣть въ умѣ предлагаемое основаніе упованія нашего,—что гдѣ Господь, тамъ неотложно будутъ и вѣрующіе въ Него истинно; только да пребудутъ они въ непрерывномъ общеніи съ Нимъ все время жизни своей,—вѣруя, благодатно освящаясь въ таинствахъ и заповѣди Его исполняя.

Если впрочемъ подъ *умрохомъ* разумѣть духовную

смерть грѣху и произвольную готовность на страданія и смерть; то *аще терпимъ* будетъ представлять нѣкоторый придатокъ къ тому, именно: если не только грѣху мы умерли, но и терпимъ ради Господа,—или: если не только произволеніемъ опредѣлили мы себя на смерть ради Господа, но и на дѣлѣ терпимъ скорби и смерти, то не только оживемъ, но и воцаримся съ Господомъ. Первое выражаетъ Амвросіастъ: „Апостолъ показываетъ здѣсь, что мы внидемъ въ безсмертную славу со Христомъ, если пребудемъ въ томъ состояніи, въ какое поставило насъ крещеніе,—гдѣ умираютъ всѣ наши прегрѣшенія, чтобъ бывъ обновлены, избѣгали мы прежнихъ пороковъ и страстей, и слѣдуя по стопамъ Господа, являлись мертвыми грѣху. Если же къ сему прибавлено будетъ еще, что мы благодушно претерпимъ за имя Господне скорби и тѣсноты; то претерпѣвъ ихъ, всеконечно и царствовать будемъ съ Нимъ: ибо достойно есть, чтобы тотъ, кто за Него терпитъ поношенія и изгнанія, прославленнымъ явился въ царствіи Его." Второе видимъ у св. Златоуста: „не сказалъ просто: *воцаримся*, но: *аще терпимъ*, показывая, что недостаточно умереть однажды („однажды (навсегда) вдать себя (произволеніемъ) на смерть"—Ѳеоф.), — самъ блаженный умиралъ ежедневно (1 Кор. 15, 31), — а нужно много имѣть терпѣнія,"—„всегда терпѣть, чтобъ сподобиться и соцарствованія съ Господомъ" (Ѳеоф.).

Аще отвержемся, и Той отвержется насъ. Выставляетъ Апостолъ и вторую сторону дѣла,—что будетъ съ нами, если не прилѣпимся къ Господу вѣрою и любовію,—чтобъ и предложенное основаніе упованія яснѣе напечатлѣть въ умѣ и кромѣ того оживить ревность къ выполненію условій упованія. Эти слова Апостола тоже производятъ, что тѣни въ картинѣ, которыя обыкновенно

дѣлаютъ болѣе выдающимися свѣтлыя ея части, – и что производитъ на искушаемаго разлѣненіемъ страхъ готовой бѣды за лѣность, отрезвляя, возбуждая и всякія извиненія прогоняя. „И отъ противоположнаго, отъ того, что будетъ съ нами въ противномъ случаѣ (то-есть, если не умремъ, не претерпимъ съ Нимъ), заимствуетъ Апостолъ подтвержденіе слову своему. Ибо воздаяніе будетъ не за добрыя только отношенія къ Господу, но и за противоположныя тому“ (Ѳеоф.). „Еслибъ и злые могли сдѣлаться участниками тогоже (что ожидаетъ добрыхъ), то это не было бы утѣшеніемъ; и еслибы терпѣвшіе должны были воцариться со Христомъ, а нетерпѣвшіе получили бы только то наказаніе, что не воцарились бы съ Нимъ, то, хотя и это страшно, но для многихъ не было бы достаточною угрозою. Посему Апостолъ и говоритъ нѣчто страшнѣе: *аще отвержемся, и Той отвержется насъ*. Представь же, что будетъ терпѣть тотъ, кто отверженъ будетъ отъ царствія Его?— Воздаяніе не равно дѣлу преступленія, хотя по словамъ и кажется такъ. Мы отрекающіеся Его—люди, а Онъ—Богъ; нужно ли говорить, какое разстояніе между Богомъ и людьми?“ (св. Злат.). Отсюда заключай, сколько отверженіе Божіе страшнѣе и бѣдственнѣе по послѣдствіямъ всякаго человѣческаго отверженія. „Подумай, что долженъ будетъ пострадать отвергшійся Христа?“ (Ѳеоф.).

Аще отвержемся. Апостолъ поставляетъ насъ предъ лицемъ лишеній, скорбей, страданій, мукъ и смерти,—и говоритъ: не смотря на то, что, опираясь на такую тѣсноту обстоятельствъ, можно бы присвоять себя нѣкое извиненіе въ отверженіи Господа: что дѣлать? немощь! не жди однакожъ, чтобъ приговоръ надъ тобою былъ льготнѣе. Будетъ отверженіе за отверженіе. Такъ Самъ Господь и Спаситель сказалъ: *иже отвержется*

Мене предъ человѣки, отвергуся его и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, Иже на небесѣхъ (Матѳ. 10, 33). И сказалъ сіе послѣ: *не убойтеся отъ убивающихъ тѣло, души же не могущихъ убити, убойтеся же паче могущаго и душу и тѣло погубити въ гееннѣ* (—ст. 28),—давая разумѣть, что, какъ ни тѣсно бываетъ, когда смерть предъ глазами, но кто и въ такой тѣснотѣ, пожалѣвъ тѣло, отвергнется Его, тотъ отверженъ будетъ и Имъ. и погубитъ не тѣло только, но и душу. Отверженіе Господомъ есть низверженіе въ геенну, на вѣчныя муки.

Ст. 13. *Аще не вѣруемъ, Онъ вѣренъ пребываетъ: отрещися бо Себе не можетъ.*

Слова сіи темноваты. Но будемъ держать во вниманіи цѣль Апостола, и это дастъ нѣкіе лучи въ разрѣженіе сей темноты. Апостолъ доказываетъ несомнѣнность упованія нашего, что прилѣпляющіеся къ Господу вѣрою и любовію улучатъ спасеніе со славою вѣчною. Доказательство сему главное и существенное то, что Самъ Господь умерши воскресъ и пребываетъ теперь во славѣ. Поелику вѣрующіе въ Него бываютъ едино съ Нимъ, то несомнѣнно—и имъ принадлежитъ сія слава,—вѣчная съ Нимъ жизнь и соцарствованіе Ему. Но конечно не безусловно, а подъ тѣмъ условіемъ, если они пребудутъ вѣрны Ему, несмотря на предлежащія имъ страданія и смерть. Ибо если они отвергнутся Его при этомъ, то и Онъ отвергнется ихъ. При всемъ томъ однакожъ вѣдать надлежитъ, что чрезъ это обѣтованіе славы вѣрующимъ нисколько не колеблется. Слава сія уже есть, уготована и ожидаетъ только тѣхъ, кои бы вступили въ нее. Пусть нѣкоторые не вступятъ, бывъ достойно отвержены Господомъ. Но достойные всегда будутъ имѣть возможность вступить: ибо царство сіе открыто и вѣчно пребудетъ такимъ. Даже допустимъ нѣчто невозможное,—допустимъ, что мы всѣ невѣрными

окажемся и слѣдовательно достойными того, чтобъ быть отверженными и лишенными царства славы: но царство сіе все же есть и вѣчно пребудетъ открытымъ. Ибо оно совмѣщено въ Самомъ Господѣ; почему, когда Господь есть, то и оно есть. Господь же всегда есть, слѣдовательно всегда есть и царство славы. Господь не можетъ отрещися Себе, — то-есть перестать быть тѣмъ, чѣмъ Онъ есть. Не можетъ и царство славы престать, ибо оно въ Немъ. Такъ несомнѣнно вѣрно обѣтованіе царства славы, и вѣренъ Господь, давшій сіе обѣтованіе. Ибо невѣрнымъ Ему въ семъ сказаться есть тоже, что перестать быть тѣмъ, чѣмъ Онъ есть. Онъ восприялъ въ Свое лице человѣчество и въ Себѣ сочетавъ его съ Тріѵпостаснымъ Божествомъ, обожилъ его. Человѣчество уже осѣнено Божескою славою; и отмѣнить сего никто и ничто теперь не можетъ. Это и есть обѣтованная вѣрующимъ слава. Отсюда черпая, и они облекутся славою.

Можно и другимъ образомъ тоже изложить. *Аще не вѣруемъ,*—ει ἀπιστοῦμεν, — невѣрующими бываемъ, или увѣровавъ, невѣрными вѣрѣ оказываемся. *Мы*—не всѣ, а нѣкоторые изъ насъ; ибо всѣхъ не могъ разумѣть Апостолъ, вѣруя самъ въ совершенствѣ, и зная многихъ,—и премногихъ,—другихъ, вѣрующихъ такъ же. Пусть, говоритъ, нѣкоторые оказываются невѣрными изъ вѣрующихъ, и потому отверженными Господомъ; это нисколько не нарушаетъ обѣтованія Господня о прославленіи вѣрующихъ. Обѣтованіе сіе поставлено подъ условіе вѣрности. Оказываются невѣрными, — и обѣтованія не получаютъ. Вѣрные же всегда получатъ его. Господь вѣренъ пребываетъ и къ нимъ, облекая ихъ славою, и къ невѣрнымъ, лишая ихъ оной и отвергаясь отъ нихъ. Невѣріе и невѣрность не Его экономію спасенія разстроиваютъ, а вредятъ невѣрующимъ

и невѣрнымъ. Такъ св. Златоустъ: „отреченіемъ отъ вѣры мы вредимъ себѣ, а отнюдь не Богу, и не можемъ вредить Ему. Если же Онъ не терпитъ никакого вреда, когда мы отрекаемся отъ Него; то значитъ, что Онъ требуетъ исповѣданія нашего не для чего инаго, какъ для нашей же пользы. Онъ пребываетъ однимъ и тѣмъ же, отрекаемся ли мы отъ Него, или не отрекаемся; *отрещися бо Себе не можетъ,* то-есть, отречься отъ того, что Онъ есть.“

в).

Наконецъ св. Павелъ объясняетъ, къ чему обязываетъ св. Тимоѳея полученный имъ чрезъ рукоположеніе даръ здравоумія или пастырскаго благоразумія,—2, 14—3, 1—9. Обще выражаетъ сіе св. Павелъ въ ст. 15-мъ: *потщися себе искусна поставити предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины.* И затѣмъ показываетъ, какъ дѣйствуя, явитъ себя св. Тимоѳей дѣлателемъ искуснымъ и непостыднымъ. Какъ тогда належала опасность особенно отъ инакоучащихъ; то относительно ихъ преимущественно и указывается мудрый образъ дѣйствованія. Вотъ что относительно сего заповѣдуетъ Апостолъ: аа) и другимъ не вели вступать въ словопренія и самъ отметайся этихъ тщегласій. Это опасно для вѣры, и благоразуміе требуетъ удаляться отъ сего,—14—22. бб) Если уже какая необходимость заставитъ вести рѣчь съ инакоучащими; то не сварись съ ними, а кротко наказуй противныхъ,—23—26. вв) При семъ не оставляй безъ вниманія и не добрѣ живущихъ, которые сами развратившись, и другихъ совра щаютъ съ добраго пути. И ихъ отвращайся,—3, 1—9.—Замѣтимъ, что въ послѣднемъ отдѣленіи (3, 1—9) Апостолъ говоритъ о будущихъ развратникахъ; но дѣйствовать противъ нихъ надлежало теперь же въ

предотвращеніе; ктомуже, кажется, начатки ихъ уже были видны. Почему пишется: *и сихъ отвращайся.*

аа).

Разъясняя первый пунктъ объ удаленіи отъ тщегласій, и указывая, какъ они опасны для вѣрующихъ, св. Павелъ привелъ и опытъ такой зловредности: вотъ, говоритъ, Именей и Филитъ уклонились отъ истины, и толкуя, будто воскресеніе уже было, разстроиваютъ вѣру нѣкоторыхъ. Это показаніе могло обезпокоить любящихъ вѣру, пораждая вопросы: какъ же такъ? Вѣдь этакъ разстроится вся Церковь, когда одни сами будутъ погрѣшать о истинѣ, а другіе ими будутъ увлекаемы къ такимъ погрѣшностямъ; и притомъ - зачѣмъ эти погрѣшающіе, увлекающіе и увлекаемые? — Для прогнанія такихъ смутительныхъ помышленій св. Павелъ предлагаетъ два успокоительныхъ положенія о дѣлѣ вѣры и церкви, съ выводомъ изъ того уроковъ и для всѣхъ, и особо для св. Тимоѳея. Такимъ образомъ, сіе небольшое отдѣленіе,—14—22,—имѣетъ двѣ части: α) *сначала* говоритъ объ удаленіи отъ тщегласій,—14—18; а β) *потомъ* предлагаетъ нѣкоторыя успокоительныя положенія, въ отвращеніе смущеній, которыя могли быть порождены предыдущими показаніями, — 19—22.

α).

Ст. 14. *Сія воспоминай, засвидѣтельствуя предъ Господемъ не словопрѣтися, ни на куюже потребу, на разореніе слышащихъ.*

Поелику споры вредны, то неразумно вдаваться въ нихъ. Почему какъ для вѣрующихъ дѣло благоразумія есть не вдаваться въ нихъ, такъ для пастырей дѣло благоразумнаго пастырства есть не разжигать, а вся-

чески подавлять спорливость. Спорить нѣкако свойственно душѣ. Поблажь этой немощи, — тогда только и дѣла будетъ, что споры и споры, а отъ главнаго вниманіе отклонится. Споръ между тѣмъ добра не приноситъ, а приноситъ вредъ; спорящіе же всегда думаютъ, что они важное дѣло дѣлаютъ. И выходитъ изъ сего нѣчто уродливое и безсмысленное. Почему Апостолъ и внушаетъ отклонять отъ сего вѣрующихъ съ такою настойчивостію, не только указаніемъ на вредныя послѣдствія спора, но и заклинаніемъ ихъ именемъ Господнимъ.

Слова: *сія воспоминай,* стоятъ вмѣсто перехода къ слѣдующему главному предмету — объ отклоненіи отъ спорливости, не безъ отношенія однакожъ къ нему и предыдущаго. *Сія*—непосредственно предшествующее слово о вѣрности обѣтованія славы съ намекомъ на опасеніе потерять ее, не по невѣрности Божіей, а по своей слабости и оплошности. Одна изъ такихъ оплошностей и указывается вслѣдъ за симъ,—именно пагубная спорливость.

Поелику есть падкость на споры, а они пагубны; то и средство къ удержанію отъ нихъ предлагается сильное. Св. Златоустъ говоритъ: „что значитъ — *засвидѣтельствуя предъ Господемъ?* — То-есть, призывая Бога во свидѣтели своихъ словъ и дѣйствій. Если послѣ сего слушатели будутъ пренебрегать симъ внушеніемъ, то Богъ имъ судья. Апостолъ зналъ, что это дѣло обыкновенное и что человѣческая душа всегда склонна къ состязанію и словопренію. Почему, дабы этого не было, не просто говоритъ: *не словопретися* (но и именемъ Божіимъ обязуетъ исполнять это). Страшно говорить, приводя во свидѣтели Бога; ибо, если никто не рѣшится измѣнить, призвавъ во свидѣтели человѣка, то тѣмъ болѣе — Бога.“

Ни на куюже потребу, — не то, что безъ всякой нужды, а,—εις ουδεν χρησιμον,—ни къ чему полезному. Заклинай ихъ именемъ Господнимъ не словопретися уже потому одному, что споры ни къ чему полезному не приводятъ. Ибо получивъ бытіе, а теперь сподобясь еще вѣры и благодати, мы должны всѣ часы и минуты жизни обращать на полезное, — во славу Божію, въ свое спасеніе и на благо ближнимъ; споръ есть тщегласіе,—распложеніе пустыхъ словъ, такихъ однакожъ, которыя могутъ вредить. И въ этомъ послѣднемъ второе побужденіе къ воздержанію отъ споровъ. „Ибо отсюда не только никакой не бываетъ пользы, но и великій вредъ,—*разореніе слышащихъ*" (св. Злат.). Спорящій противникъ истины не щадитъ никого, и словами бросая зря, можетъ набросать въ умы слышащихъ множество помышленій и представленій, кои колебать станутъ вѣру, не по силѣ своей, а по немощи слышащихъ, не умѣющихъ еще видѣть подъ красными фразами скрывающейся лжи. Амвросіастъ пишетъ: „споръ можетъ пораждать сомнѣнія въ не совсѣмъ еще утвержденныхъ; ибо въ спорѣ обыкновенно противополагаютъ истинѣ многое такое, что можетъ поражать души начинающихъ изощреннымъ мечемъ злоумія и злословія." Такъ спорами „низвращается вѣра слышащихъ, какъ бы столпъ нѣкій, стѣнобитными машинами словопреній" (Ѳеоф.). Намъ же „должно вѣровать только, а не обращать разглагольствія о семъ въ поводъ къ хулѣ, и споромъ своимъ не дѣлать вреда слышащимъ" (Ѳеод.).

Ст. 15. *Потщися себе искусна поставити предъ Богомъ, дѣлателя непостыдна, право правяща слово истины.*

Выражается общее наставленіе, которое однакожъ, въ настоящемъ мѣстѣ, надо понимать по его отношенію къ теченію рѣчи. *Потщися искусна себе поставити* въ семъ отношеніи, т.-е. настой, чтобъ не вдавались

въ споры; а между тѣмъ самъ еще напряженнѣе раздавай слово истины,—слово одной истины, чтобы вѣрующіе, бывъ ею преисполнены, и позыва никакого не имѣли открывать ухо свое для споровъ, какъ насыщенные чистымъ хлѣбомъ истины и чувствующіе отвращеніе отъ замѣси изъ плевелъ лжи, — не человѣкамъ свойственнаго корма.

Потщися представить себя *искусна,—δόκιμον,*—докою, мастеромъ своего дѣла мудрымъ, притомъ не по видимости только, но по внутреннему достоинству дѣйствованія,—*предъ Богомъ,* все видящимъ, какъ оно есть по существу, а не по видимости. Или *предъ Богомъ* подаетъ мысль: который тебя избралъ и поручилъ служеніе слову благовѣстія; яви же себя мудрымъ исполнителемъ воли Божіей, оправдай Его избраніе и надежду на тебя.

Дѣлателя непостыдна,—ἀνεπαίσχυντον, — что означаетъ и безукоризненнаго и нестыдящагося. Объ искусныхъ дѣлателяхъ и въ обычной рѣчи говорятъ: на руку свою не положатъ охулы. Такъ, говоритъ, веди дѣло, чтобъ тебѣ за него не было повода стыдиться ни предъ Богомъ, ни предъ людьми, ни предъ своею совѣстію. Дѣйствуй въ благовѣстіи и пастырствѣ по всей широтѣ сознанія какъ слѣдуетъ дѣйствовать, нисколько не уклоняясь отъ требованій сего сознанія, не умаляя ихъ и не сокращая подставкою иного чего. Это иное, въ настоящемъ мѣстѣ есть вдаваться въ споры, вмѣсто изложенія чистой истины. Апостолъ говоритъ какъ-бы: не срами себя этими спорами, — „называя вдающихся въ споры срамниками“ (Амврос.). *Непостыдный* означаетъ еще нестыдящійся того дѣла, за которое взялся и которое дѣлаетъ. И это значеніе приложимо въ настоящемъ мѣстѣ. Проповѣдь была смиренна о Христѣ Іисусѣ, — распятомъ. Было не мало инакоучащихъ, которые стыдясь сего, измышляли блестящія сообра-

женія, но вмѣсто приданія величія и свѣтлости благовѣстію только искажали его и отнимали всю силу его. По сему поводу могло приходить искушеніе вступить съ ними въ споръ, чтобы снять мнимый стыдъ крайней простоты съ лица благовѣстія. Апостолъ говоритъ: не стыдись, что бы они тамъ ни говорили, свое дѣло дѣлай, какъ должно, а ихъ не слушай. „Какъ *дѣлатель* (земледѣлецъ, знающій свое дѣло) трудится, не стыдясь ничего (пашетъ и пашетъ, сѣетъ и сѣетъ), такъ долженъ поступать и дѣлатель Евангелія. Нисколько не стыдись дѣлать все, что относится къ благовѣстію, хотя бы тебѣ за это надлежало подвергнуться (не только пристыженію, но и) рабству, или потерпѣть что-либо другое“ (св. Злат.).

Право правяща слово истины, — ὀρθοτομοῦντα, — право рѣжуща и отсѣкающа, — и право разрѣзывающа, чтобы раздавать, напримѣръ, хлѣбъ. Всѣ эти значенія умѣстны здѣсь. *Праворѣжуща*; — какъ и въ обычной у насъ рѣчи говорится про инаго: рѣжетъ правду, такъ и ты, говоритъ, рѣжь правду, говори одно слово истины, чистой и безпримѣсной, не вдаваясь въ побочныя свои соображенія, не придающія твердости истинѣ, а только ее разслабляющія, — равно не соблазнись умалить силу ея изъ-за того, что она, можетъ-быть, въ чистомъ видѣ окажется невмѣстимою для ума какого-либо уважаемаго лица. Рѣжь: такъ и такъ сказалъ и повелѣлъ Богъ, и о большемъ не суетись. „Хвалимъ земледѣльцевъ, нарѣзывающихъ прямыя борозды; такъ достоинъ похвалы и учитель, слѣдующій правилу Божественныхъ словесъ“ (Ѳеод.). — Можно понимать *правоправяща* и въ смыслѣ правоотсѣкающа, отсѣкающа всякую произвольную примѣсь къ истинѣ; чѣмъ? тѣмъ же рубленіемъ правды. Св. Златоустъ говоритъ: „не сказалъ Апостолъ ἐπευθύνοντα, — право направляюща, но ὀρθοτομοῦντα, — правоотсѣкающа. И хорошо

сказалъ это; ибо многіе злоупотребляютъ и искажаютъ слово истины, прибавляя къ нему много неправаго. Онъ внушаетъ симъ: отдѣляй неправое, и все тому подобное отражай и отсѣкай съ великою силою; какъ-бы по натянутой нити отсѣкай мечемъ духовнымъ все излишнее и чуждое благовѣстію.“ „Какъ мечемъ, отсѣкай излишнія и лживыя ученія („какъ излишніе на кожѣ наросты“—Ѳеоф.) и веди (умы) правымъ путемъ, или на правое, благодатію Духа Святаго“ (Экум.). И это безъ споровъ, а тѣмъ же рѣшительнымъ рѣзаніемъ правды: такъ сказано, такъ повелѣно, — и толковать болѣе нечего. Идетъ и послѣднее значеніе: право разрѣзывающаго хлѣбъ слова истины, чтобъ вдоволь раздавать его вѣрнымъ для насыщенія ихъ истиною и поселенія въ нихъ отвращенія ко всему чуждому ея и излишнему. Какъ управитель въ домѣ поставляется, чтобъ всѣмъ раздавать правою мѣрою жито и прочее потребное: такъ пастырь Церкви поставленъ, чтобъ всѣмъ раздавать чистый хлѣбъ слова истины Божіей. Поставленъ ты на это, говоритъ Апостолъ, и раздавай правою мѣрою и правое слово Божіе, и раздавая его, питай души вѣрныхъ. Насытясь имъ, они уже естественно будутъ имѣть отвращеніе ко всему стороннему, излишнему и тѣмъ паче неправому, какъ и наши предки говорили: никто вкусивъ сладкаго, не захочетъ горькаго.

Ст. 16. *Скверныхъ же тщегласій отметайся: наипаче бо преспѣютъ въ нечестіе.*

Скверныхъ,—βεβήλους, — нечистыхъ, оскверняющихъ, такихъ, которыя не только сами нечисты и скверны, но дѣлаютъ нечистымъ и оскверненнымъ и все къ нимъ прикасающееся, какъ, напримѣръ, въ іудействѣ мертвечина оскверняетъ все прикасающееся къ ней. *Тщегласій,*—κενοφωνίας,—не пусторѣчій только, но пустыхъ звуковъ, смысла не содержащихъ, по просторѣчію—пусто-

звонства. Въ отношеніи къ вѣрѣ истинной, Богомъ Самимъ засвидѣтельствованной, все несогласное съ нею, воистину есть пустозвонство. Замѣтимъ, что св. Златоустъ читалъ не κενοφωνιας, пустогласій, а καινοφωνιας,—новогласій, новыхъ рѣченій, новыхъ выраженій, конечно по поводу новыхъ и ученій. Ему послѣдуетъ Экуменій; и Вулгата читаетъ: vocum novitates.—*Отметайся,—περιϊστασο,*—оставляй о страну себя, устраняйся, или около стой, окружай, ограждай, и тѣсни, не давая ходу. Такимъ образомъ въ словахъ сихъ двѣ подаются мысли: устраняйся отъ пустогласій, то-есть отъ споровъ, въ которыхъ шуму, гласовъ и возглашеній много, а толку нѣтъ; и — ограждай новогласія, т.-е., новыя ученія огради, чтобъ они не распространялись, какъ ограждаютъ мѣстность, гдѣ внѣдрилась заразительная болѣзнь, и не огради только, но и тѣсни, чтобъ подавить ихъ. Св. Златоустъ говоритъ: „этимъ (т.-е. испущеніемъ только новыхъ гласовъ) дѣло не ограничивается; но когда привнесено что-либо новое, то оно постоянно пораждаетъ καινοτομιας, новыя сѣченія (въ ученіи и въ послѣдующихъ ему); безъ конца блуждаетъ тотъ, кто вышелъ изъ тихой пристани (ученія содержимаго Церковію), и нигдѣ не остановится.“ Почему „гони все, что нововводится въ проповѣдь изъ новыхъ примышленій, какъ заразительное и сквернительное, — тѣсни то, чтобъ не распространялось и престало,“ прибавляетъ Экуменій. Послѣдняя мысль болѣе сообразна съ тѣмъ, что говорится тотчасъ вслѣдъ за симъ.

Наипаче бо преуспѣютъ въ нечестіе,—επι πλεων γαρ προκοψουσι ασεβειας,—ибо они преуспѣютъ.—подвинутся, вдадутся,—въ большую мѣру нечестія, если, разумѣется, не пресѣчешь ихъ, не оградишь и не стѣснишь. Съ одной стороны новизна привлекаетъ вниманіе и расширяетъ кругъ слышащихъ и внимающихъ; съ дру-

гой, порожденіе одной новизны раздражаетъ позывъ и потребность въ порожденіи новыхъ новшествъ, и новосѣченія—новыя ученія—естественно множатся, какъ множатся полипы отъ разсѣченія ихъ. „Если введется что прелюбодѣйное—подложное (въ область вѣры); то оно шагаетъ все дальше и дальше отъ нелѣпости къ нелѣпости, и каждодневно принимаетъ большее приращеніе“ (Экум.). Еслибъ такъ распространялась истина, чрезъ это распространялось-бы благочестіе; но какъ распространяется новизна въ вѣрѣ, и есть потому ложь, а ложь всегда есть отъ діавола, перваго Богоборца и перваго учителя Богоборству; то чрезъ распространеніе новшествъ будетъ распространяться только нечестіе. Новшества повреждаютъ вѣру, привлекая же своею новизною вниманіе вѣрующихъ, и ихъ повреждаютъ и ввергаютъ въ нечестіе, поставляя ихъ не въ должное отношеніе къ Богу, вмѣсто благочестія, т.-е. должнаго отношенія къ Богу, въ какомъ содержитъ ихъ вѣра. Самое новшество есть нечестіе; потому что свое измышленіе ставитъ выше Божескаго опредѣленія въ Его словѣ. Оно есть повтореніе дѣла прародителей, которые приплетши, со словъ отца лжи, новое толкованіе къ заповѣди, впали въ крайнее нечестіе и ввергли въ него весь родъ человѣческій. Будучи же таково по природѣ новшество въ вѣрѣ, оно и плодъ всегда и всюду производитъ по роду своему,—то-есть ввергаетъ въ нечестіе и распространяетъ его, по мѣрѣ своего распространенія.

Ст. 17. *И слово ихъ, яко гаггрена жиръ обрящетъ: отъ нихже есть Именей и Филитъ.*

Ихъ указываетъ на лица, именно, на тщегласниковъ, или изобрѣтателей и распространителей новшествъ въ вѣрѣ. Почему и выше при словѣ—*преуспѣютъ* ихъ же надо имѣть въ мысли, хотя тамъ можно помышлять и о тщегласіяхъ и новизнахъ, потому что и о нихъ умѣстно

говорить: *преуспѣютъ*. — *Гангрена* — ракъ, болѣзнь, которая, зародившись въ одномъ мѣстѣ, начинаетъ повреждать сосѣднія части, и не стоитъ уже на одномъ, а все болѣе и болѣе съѣдаетъ тѣло, пока все его не съѣстъ. *Жиръ*—νομην,—пажить, пастбище. Гангрена уподобляется жадной скотинѣ, которая нашедши поляну съ сочною травою, жадно начинаетъ пожирать ее и не отходитъ, пока всего не пожретъ. Такъ и ракъ будто пажитію своею имѣетъ мягкія части тѣла, и пасется на нихъ, поядая ихъ, пока все тѣло не объѣстъ. *Обрящетъ*—ἕξει,—имѣть будетъ. Такъ что есть этотъ ракъ для тѣла нашего, въ которое внѣдрился, то-есть и слово новшеское для тѣла Церкви, или для корпуса ученія истиннаго, для совокупности истинъ Божіихъ, когда оно допускается въ среду ихъ: одинъ членъ Церкви за другимъ будетъ повреждать и одну истину за другою извращать, пока всѣхъ не повредитъ и всѣ истины не извратитъ. Члены Церкви и самыя истины Божіи будутъ для новшескаго слова будто пажить, которую оно жадно будетъ пожирать, пока всей не пожретъ. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „гангрена есть болѣзнь, непрестанно распространяющаяся и повреждающая здоровыя части въ тѣлѣ. Ей уподобилъ Апостолъ предпріемлющихъ учить тому, что противно истинѣ; потому что растлѣваютъ нерѣдко и свободныхъ отъ болѣзни.“ Достаточно этого сравненія для пастыря, чтобъ возгорѣться ревностію противостоять всякому новому ученію. Св. Златоустъ говоритъ: „это—неудержимое зло, которое не можетъ быть остановлено врачеваніемъ, но заражаетъ все. Апостолъ внушаетъ, что καινοφωνια,—новогласіе, новыя ученія есть болѣзнь, и даже хуже болѣзни; выражаетъ также неисправимость подобныхъ людей; они заблуждаются не случайно, а произвольно (не отвнѣ зараза, и изъ нихъ самихъ), и потому совершенно неисправимы.“

Отъ нихже есть Именей и Филитъ. О Филитѣ ничего неизвѣстно. Объ Именеѣ поминается въ первомъ посланіи (1, 20), что онъ вмѣстѣ съ Александромъ *преданъ сатанѣ, да научится не хулити.* Они были конечно извѣстны св. Тимоѳею; потому не настояло нужды много говорить объ ихъ личности, и Апостолъ, выставивъ ихъ имена, поспѣшаетъ указать ихъ главное заблужденіе,—что для насъ драгоцѣнно.

Ст. 18. *Иже о истинѣ погрѣшиста, глаголюще, яко воскресеніе уже бысть, и возмущаютъ нѣкоторыхъ вѣру.*

О истинѣ погрѣшиста, — ἠστόχησαν. — Ἀστοχεῖν, — не попадать въ цѣль. Мѣтили въ истину, но на истину не попали; полетъ ума ихъ принялъ недолжное направленіе и, миновавъ истину, остановился на лжи. Вина ихъ въ томъ, что совсѣмъ не слѣдовало имъ браться долетѣть до истины на крыльяхъ ума. Носители Богооткровенной истины были на лицо; слѣдовало къ нимъ обратиться за разрѣшеніемъ вопросовъ, а они сами стали рѣшать ихъ своимъ умомъ и напутали. Таково общее происхожденіе ересей. Нынѣ слѣдуетъ за рѣшеніемъ вопросовъ обращаться къ Церкви; ибо Апостолы всю истину въ нее вложили,—она и стала вмѣсто ихъ носительницею истины. Кто къ ней обратится за познаніемъ истины, не погрѣшитъ; кто же самъ своимъ умомъ вздумаетъ попасть на истину, тотъ въ большой находится опасности вмѣсто истины попасть на ложь.

Въ чемъ же состояло заблужденіе этихъ инакоучащихъ? Въ томъ, что говорили, будто *воскресеніе мертвыхъ уже бысть.* По истинѣ Божіей, Господомъ Спасителемъ изреченной и св. Апостолами проповѣданной, христіане чаютъ воскресенія мертвыхъ,—когда тѣла ихъ, разлучаемыя нынѣ съ душами дѣйствіемъ смерти, снова соединятся съ ними дѣйствіемъ безпредѣльнаго всемогущества Божія и возстанутъ въ свѣтлости, по-

добной свѣтлости тѣла воскресшаго Господа. Настоящій періодъ бытія рода человѣческаго и міра есть переходный. Онъ кончится въ свое время и настанетъ иной періодъ бытія, въ коемъ будетъ новое небо и новая земля, и новый образъ существованія человѣческаго рода, когда люди не будутъ ни жениться, ни посягать, но жить какъ живутъ Ангелы Божіи, безсмертною и вѣчнославною жизнію. Въ Евангеліяхъ и въ писаніяхъ Апостольскихъ непрестанно поминается о семъ возустроеніи всяческихъ. Напитанные симъ ученіемъ, христіане взоръ ума и чаяніе сердца держатъ вперенными въ него, и упованіемъ симъ воодушевляются въ притрудностяхъ, неизбѣжныхъ съ истиннымъ христіанствомъ. Отъять сіе упованіе значитъ отъять самую существенную опору христіанства. Ее и разоряли означенные суемудренники, говорившіе, что воскресеніе уже было. Ибо говорить такъ значило говорить: не жди лучшаго,—что теперь видишь, то и есть лучшее. А отсюда сколько выходило разорительныхъ для истины Божіей заключеній: слѣдовательно втораго пришествія Христова не будетъ, не будетъ суда и воздаянія.—Ты, добродѣтель, страждешь, это и есть тебѣ награда. Ты, порокъ, утѣшаешься; это и есть тебѣ наказаніе. Что можно придумать болѣе разорительное для вѣры и добродѣтели?!—Но кромѣ того, если воскресенія не будетъ, то ни Христосъ воста. А если Христосъ не воста, тща вѣра наша (1 Кор. 15, 13. 14). Выходитъ,—все разоряется этимъ небольшимъ положеніемъ: *воскресеніе уже бысть*. Какъ потому вѣрно выше сравнилъ Апостолъ тщегласіе или новогласіе инокоучащихъ съ ракомъ, который зародившись въ одной части тѣла, потомъ все его растлѣваетъ и съѣдаетъ?!

Св. Златоустъ говоритъ: „хорошо сказалъ выше Апостолъ: *наипаче преуспѣютъ*. Повидимому это есть

зло только само по себѣ; но смотри, какія отсюда происходятъ послѣдствія. Если воскресеніе уже было, то отсюда для насъ не тотъ только вредъ, что мы лишились великой славы („лишаемся втораго пришествія Христова,—чего что можетъ быть горестнѣе? Лживымъ поставляется и Христосъ, возвѣстившій о семъ; не возсядетъ Онъ на престолѣ, яко Судія живыхъ и мервыхъ“—Экум.), но уничтожаются и судъ и воздаяніе; добрые не получили вознагражданія за скорби и страданія; а злые не наказаны.“ Добрые насладились печалями и скорбями, а злые наказаны утопаніемъ въ удовольствіяхъ. Какая же нужда держаться добродѣтели, если таковы воздаянія?“—Ѳеоф. Но когда говорятъ, что воскресеніе уже было; то этимъ самымъ говорятъ, что того воскресенія, котораго чаютъ христіане, свѣтлаго съ переустроеніемъ всяческихъ, не будетъ, нѣтъ ему мѣста. Но *аще мертвіи не востаютъ, то ни Христосъ воста: аще же Христосъ не воста, суетна вѣра наша* (1 Кор. 15, 16. 17). Мало этого; но „если (опять слова св. Злат.) Христосъ не всталъ, то и не раждался и не восходилъ на небеса. Видишь ли, какъ противленіе, повидимому, одному только ученію о воскресеніи влечетъ за собою много дурныхъ послѣдствій?“

Но какъ же понимали эти учители свое воскресеніе, когда такъ очевидна нелѣпость утвержденія, будто мы уже воскресли, и когда такъ ясно Господь возвѣстилъ объ имѣющемъ быть воскресеніи?—Апостолъ объ этомъ не говоритъ, но во второмъ вѣкѣ явились еретики, понимавшіе подъ воскресеніемъ воскресеніе духовное, то-есть просвѣщеніе души истиною и стяжаніе ею святой жизни. Они учили, что душа, исходя изъ тьмы невѣдѣнія и лжи и вступая въ свѣтъ истины, оставляя порокъ и начиная жить свято, воскресаетъ къ

новой жизни. Объ нихъ пишутъ св. Ириней (Прот. ересей кн. 2, гл. 31), Тертулліанъ (О воскр. гл. 19; противъ Маркіона 5, 10) и св. Епифаній (Ерес. 42, 3). Очень недивно, что родоначальниками этихъ еретиковъ были Ефесскіе тщегласники и новогласники; потому можно полагать, что эти послѣдніе подъ воскресеніемъ разумѣли воскресеніе духовное и думали, что Христосъ Спаситель говоритъ объ этомъ именно воскресеніи, въ духѣ благодатію совершающемся.—Но если и такъ они понимали воскресеніе, лживость ихъ ученія этимъ не скрашивается. Ибо и Господь и св. Апостолы говорятъ о воскресеніи духовномъ; но при этомъ возвѣщаютъ и имѣющее быть воскресеніе тѣлъ, въ концѣ вѣковъ, за коимъ послѣдуетъ судъ и общее всѣмъ воздаяніе по дѣламъ, однимъ—рай, другимъ—адъ. Слѣдовательно у нихъ два воскресенія, и сбивать ихъ въ одно несправедливо и погрѣшительно.

Бл. Ѳеодоритъ утверждаетъ, что эти еретики воскресеніемъ называли преемство родовъ или рažданіе дѣтей, въ коихъ будто снова появляются на свѣтъ родители. „Сіи злосчастные, пишетъ онъ, преемство родовъ вслѣдствіе чадородія называли воскресеніемъ, и обольстили нѣкоторыхъ отступить отъ Апостольскаго ученія.“ Амвросіастъ, говоря также, что эти еретики видѣли воскресеніе въ дѣтяхъ, прибавляетъ, что объ этомъ онъ узналъ изъ какихъ-то книгъ. Очень недивно, что и такъ было. Потому что къ какому другому ученію приличнѣе названіе—тщегласія и бабьихъ басней?—Трактовавшіе о духовномъ воскресеніи, гностики, были идеалисты, не благоволившіе къ веществу; а эти—чувственники и матеріалисты. Можно гадать, что по ихнему и безсмертія нѣтъ, какъ и нынѣшніе матеріалисты подъ безсмертіемъ разумѣютъ память въ потомствѣ за дѣла, почитаемыя благотворными.

Несмотря однакожъ на нелѣпость, ученіе это не оставалось бездѣйственнымъ, но возмущало нѣкоторыхъ вѣру. „*И возмущаютъ*, говоритъ, *нѣкоторыхъ вѣру*, не всѣхъ, а *нѣкоторыхъ*“ (св. Злат.), „простѣйшихъ и слабѣйшихъ“ (Экум., Ѳеоф.). Возмущаютъ,—ἀνατρέπουσι,—превращаютъ, низвращаютъ. Не сомнѣніе только и колебаніе вселяютъ, но совсѣмъ разстроиваютъ и уничтожаютъ вѣру. „Нельзя сказать, чтобъ не было такихъ, которые изъявляли согласіе на ихъ превратное ученіе въ противность вѣрѣ, которой первоначально послѣдовали“ (Амвр.). Непостижимо, какъ самыя нелѣпыя ученія прилипаютъ къ уму и держатся имъ крѣпко.

β).

Сказавъ о возмущеніи или низвращеніи вѣры нѣкоторыхъ, вслѣдствіе соблазна отъ другихъ погрѣшившихъ о истинѣ, Апостолъ справедливо предполагая, что искренно вѣрные могли смутиться такими случайностями, спѣшитъ предотвратить такое смущеніе, выясняя приточно законъ бытія вѣры и церкви. Два смутительныхъ вопроса могли породить предыдущія показанія о погрѣшившихъ въ истинѣ, и о поколебаніи ими вѣры другихъ,—именно: какъ такъ отступаютъ отъ вѣры и колеблются въ вѣрѣ? Ужъ не всколебались бы всѣ и не разстроилась бы посему и вся Церковь?—и второе,—зачѣмъ есть тѣ и другіе, и погрѣшающіе и увлекающіеся ими, и притомъ такъ близко къ намъ? Ибо зараждаются въ Церкви и трутся среди вѣрныхъ. Апостолъ отвѣчаетъ на первое,—что вѣра Богомъ въ сердцѣ основанная не поколеблется, не поколеблется и Церковь, на сей вѣрѣ назданная; а на второе,—что какъ въ домѣ есть сосуды въ честь и не въ честь, такъ и въ церкви есть члены гожіе и негожіе,—внося въ сіи разъясненія и сильно внушительные нравственные уроки.

Ст. 19. *Твердое убо основаніе Божіе стоитъ, имущее печать сію: позна Господь сущыя Своя, и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.*

Убо—μέντοι,—впрочемъ, при всемъ томъ. При всемъ томъ однакожъ твердое основаніе Божіе стоитъ—ἕστηκεν, - установилось, или установлено твердо. Не безпокойтесь; оно не поколеблется. Или такъ: что касается до уклоненія и колебаній, то вѣдайте, что Богомъ основанное твердо стоитъ и будетъ стоять.

Слова: *основаніе Божіе* сами по себѣ опредѣленной мысли не даютъ. Они говорятъ только, что вообще Богомъ положенное твердое основаніе стоитъ, или твердо Богомъ основанное стойко. Что же именно такое? Вѣра, Богомъ въ сердцѣ вѣрующаго водруженная, и на такой вѣрѣ назданная св. Церковь. Вѣра такъ образуется: Богъ, устроивъ воплощенное домостроительство спасенія, призываетъ къ полученію спасенія по сему домостроительству чрезъ благовѣстіе, въ коемъ со словомъ проходитъ чрезъ слухъ уха къ сердцу и благодатная сила Духа Святаго, правящаго благовѣстіемъ, и возбуждаетъ спящіе тамъ духовные, оставшіеся по паденіи, элементы жизни по Богу. Если внявшій благовѣстію склонится на него и восхощетъ послѣдовать ему, то Богъ благодатію Святаго Духа пособствуетъ ему воспріять вѣру, по мѣрѣ преданности его Богу. Кто вседушно предаетъ себя водительству Божію, въ томъ вѣра водворяется во всей силѣ, не столько догматически полная, сколько увѣренностію въ Богѣ крѣпкая. Когда это созиждется въ сердцѣ, тогда вѣра благодатію Божіею все перестроиваетъ внутри, составляя источникъ и основу жизни по Богу. Вотъ это и есть Богомъ основанная въ сердцѣ вѣра, служащая основаніемъ и жизни по Богу. Не всѣ вѣры суть вѣры Богомъ основываемыя; но и Богомъ осно-

ываемыя вѣры въ сердцѣ не всѣ одинаково сильны и тверды. Степень твердости и силы вѣры каждаго зависитъ отъ степени и силы его преданности Богу. Кто всецѣло себя предаетъ Богу, въ томъ Богъ, не встрѣчая препонъ со стороны свободы человѣка, скоро созидаетъ вѣру и строй жизни по вѣрѣ и установляетъ ее глубоко и прочно. Но кто не всецѣло предаетъ себя Богу, а оставляетъ часть дѣйствованія и для себя, независимо отъ Бога, тотъ въ какой мѣрѣ большую часть оставляетъ для себя, въ такой же мѣрѣ лишается содѣйствія Божія, ибо Богъ не вмѣшивается въ область самодѣятельности и свободы. Но въ какой мѣрѣ лишается онъ такого содѣйствія, въ такой же мѣрѣ замедляется образованіе вѣры, и въ такой же мѣрѣ она является слабою и непрочною. Иные изъ такихъ, опытами жизни убѣдившись, сколь ненадежна свободная самодѣятельность въ дѣлѣ вѣры, предаютъ себя наконецъ всецѣло Богу.—Тогда Богъ скоро довершаетъ въ нихъ, что недоставало,—и вѣра является въ нихъ во всей силѣ, яко вполнѣ Богомъ основанная и водворенная. А другіе на всю жизнь остаются съ примѣсью къ вѣрѣ своей самодѣльщины. И такіе всегда нетверды въ вѣрѣ, каждый въ своей мѣрѣ. Есть и такіе, которые держатся вѣры внѣшно, какъ писанія или программы, всю же жизнь свою по вѣрѣ строятъ сами. Въ такихъ ничего нѣтъ Божескаго: все самодѣльщина; и они не принадлежатъ къ Божіимъ.—Апостолъ въ настоящемъ мѣстѣ разумѣетъ твердо Богомъ основанную вѣру въ сердцѣ тѣхъ, кои всецѣло предаютъ себя Ему. Такая вѣра твердо стоитъ, и никогда не падаетъ. Къ ней приложимо тоже, что сказано св. Павломъ о любви: *кто ны разлучитъ?*—Никто и ничто (Рим. 8. 35—39). Она-то и есть тотъ камень, на коемъ Господь обѣщалъ создать Церковь Свою и создалъ (Матѳ, 16, 18).

Амвросіастъ пишетъ: „основаніе Божіе есть вѣра, которая твердо содержитъ, что обѣтовалъ Богъ. Такая вѣра не можетъ быть сокрушена лживыми мудрованіями вѣроломныхъ еретиковъ.“ Какъ она слаба была у нѣкоторыхъ, то они поколебались и увлеклись въ слѣдъ погрѣшившихъ о истинѣ. Св. Златоустъ говоритъ объ нихъ: „здѣсь (словами—*основаніе стоитъ*) показывается, что они не были тверды еще прежде, нежели поколебались; иначе не поколебались бы отъ перваго же нападенія. Твердые не только не терпятъ отъ обольстителей, но еще заслуживаютъ удивленіе.—Такъ надлежитъ быть преданными вѣрѣ.“ Прилагаетъ къ сему нѣчто и бл. Ѳеофилактъ: „не всѣ совратились, но нетвердые. Ибо еслибъ не были они таковы, то и не отпали бы. Совершенно водруженные въ вѣрѣ стоятъ твердо и неподвижно. И смотри—*твердое*, говоритъ, и: *основаніе*. Такъ надлежитъ намъ ятися за вѣру.“

Имущее печать сію: позна Богъ сущыя Своя.—Основаніе Божіе есть основанная и водруженная Богомъ въ сердцѣ всецѣло Ему преданномъ, вѣра во всей ея силѣ. Сіе Божеское внутри человѣка дѣйствіе все тамъ перестроиваетъ и всему даетъ свой характеръ и свой ликъ; такъ что еслибъ у кого изъ стороннихъ открылись очи и онъ узрѣлъ бы внутренній ликъ вѣрующаго симъ образомъ; то онъ не могъ бы удержаться, чтобъ не воскликнуть: этотъ человѣкъ Божій есть. Такъ ярко блеститъ Божія на немъ печать. Поелику онъ всецѣло себя Богу предаетъ, то тѣмъ присвояетъ себя Богу; а кто Богу себя присвояетъ, того и Богъ Себѣ присвояетъ. Ибо это и было Его намѣреніемъ въ твореніи разумно-свободныхъ тварей, чтобы всѣ ихъ Себѣ присвоенными имѣть, подъ условіемъ ихъ свободнаго Ему присвоенія себя. Почему, какъ только всецѣлою преданностію въ вѣрѣ совершается въ человѣкѣ сіе

Богу себя присвоеніе,—и Богъ тотчасъ присвояетъ его Себѣ. И бываетъ общеніе—живое крѣпкое. Оно печатлѣется на внутреннемъ ликѣ вѣрующаго,—и всѣ умныя твари видятъ то. Въ словахъ Апостола: *сущыя Своя,* указывается на лица, кои всецѣло предаютъ себя Богу въ вѣрѣ; ибо какъ только они предадутъ себя Богу, тотчасъ существенно содѣлываются Божіими,—настоящими своими Богу. А слова: *позна Господь* означаютъ, что Господь тотчасъ, какъ только произойдетъ въ душѣ вѣрующаго такая Ему преданность, узнаетъ это. Не требуется, чтобы кто со стороны сказалъ Ему объ этомъ; Самъ видитъ. Вѣдомы Ему сіи паче, нежели кому другому. И какъ только узрѣваетъ сіе, тотчасъ присвояетъ ихъ Себѣ, Своими дѣлаетъ, и попеченіе объ нихъ, какъ о Своихъ, особое начинаетъ имѣть.

Многимъ думается, что когда увѣровалъ вполнѣ, то этимъ уже все сдѣлано, и спасеніе содѣлано, и рай завладѣнъ. На дѣлѣ же вѣрою, даже въ той степени ея силы, какъ изображено предъ симъ, только начало спасенію полагается или основаніе ему углубляется; самое же содѣваніе спасенія идетъ въ слѣдъ за симъ, среди трудовъ добродѣланія и подвиговъ самоотверженія,—что и прилагаетъ тотчасъ Апостолъ: *и да отступитъ отъ неправды всякъ именуяй имя Господне.* Такова задача жизни вѣрующаго, и ради вѣры и преданности Богу воспріявшаго печать принадлежанія Богу. Печать сія одна не дѣлаетъ всего дѣла, и не къ покою располагаетъ пріявшаго ее, а къ труду отступленія отъ неправды и ступанія путемъ правды. Ступаніе путемъ правды совершается не воздаяніемъ только всякому должнаго, но и дѣланіемъ ему всякаго возможнаго добра; а отступленіе отъ неправды совершается не удаленіемъ только отъ неправыхъ дѣлъ и

словъ, но и подавленіемъ всякихъ неправыхъ мыслей и чувствъ,—что исполняется подвигомъ самопротивленія и самопринужденія съ прибавленіемъ и внѣшнихъ самостѣсненій. Все сіе требуется отъ того, кто пріялъ печать принадлежанія Господу.

Св. Златоустъ говоритъ: „твердыя души стоятъ твердо и непоколебимо. На ихъ дѣлахъ начертаны такія слова, что Богъ знаетъ ихъ; подобно тому какъ на камнѣ дѣлается надпись, чтобъ она была признакомъ его,—эта надпись у нихъ выражается на дѣлахъ. Признакъ этой печати—не дѣлать неправды. Итакъ не будемъ лишать себя этой царской печати и знака, дабы намъ не остаться незапечатлѣнными и непрочными, но стоять на основаніяхъ,—на основаніяхъ твердыхъ и не увлекаться. Вотъ признакъ людей принадлежащихъ Богу,—удаляться отъ неправды! Ибо какъ Богу, Который праведенъ, можетъ принадлежать тотъ, кто дѣлаетъ неправду, противится Ему дѣлами своими и оскорбляетъ Его своими поступками?“.

Двѣ половины этого стиха указываютъ на моменты духовной жизни, кои относятся между собою какъ причина и дѣйствіе и состоятъ въ неразрывной связи. Основаніе—вѣра Богопреданная, пріемлющая надпись въ духѣ принадлежанія Богу, имѣетъ въ себѣ рѣшимость ревнивую стоять въ правдѣ Божіей, и принявъ силы благодати, дѣломъ является содѣтельницею всякой правды, съ удаленіемъ отъ всякой неправды. Но помнить надлежитъ, что какъ въ духѣ все совершается по законамъ свободнаго произволенія, то послѣднее не есть послѣдствіе перваго механическое, помимо свободы, а напротивъ, что свободное произволеніе, почерпая изъ вѣры побужденія ко всякой правдѣ и обязательство къ исполненію ея, и чрезъ нее же получая благодатную на то силу, свободнымъ рѣшеніемъ

опредѣляетъ себя на дѣланіе всякой правды и дѣлаетъ ее въ чувствѣ силы о Господѣ. Въ комъ сочетано то и другое, тотъ никогда не поколеблется. И се— твердое основаніе Церкви!

Апостолъ говоритъ въ семъ мѣстѣ словами Пророковъ. Первое изреченіе: *позна Богъ сущыя Своя,* взято изъ книги Числъ, гдѣ по случаю возмущенія Корея, Даѳана и Авирона, говорившихъ къ Моvсею и Аарону: что вы властвуете надъ нами, мы—сонмъ Божій, всѣ святы, Св. Моvсей сказалъ имъ: мы не сами собою такъ поступаемъ, но Богъ *позна сущихъ Своихъ* и приблизилъ ихъ къ Себѣ,—то-есть Богъ насъ избралъ, зная, что вѣрны Ему пребудемъ (Числ. 16, 5). Второе взято или изъ словъ св. Моvсея, по томуже обстоятельству сказанныхъ къ народу, когда кара Божія готова была пасть на означенныхъ возмутителей со всѣмъ родомъ ихъ: *отступите отъ кущъ человѣкъ жестокосердыхъ сихъ* (——ст. 26), или изъ словъ св. Исаіи, гдѣ, предсказывая пришествіе Господне, избавленіе людей отъ рабства грѣховнаго и проповѣдь Евангелія,— онъ издали обращаетъ рѣчь къ хотящимъ увѣровать, чтобъ мужественно отступали отъ упорствующихъ въ невѣріи: *отступите, изыдите отъ среды ихъ, и нечистотѣ ихъ не прикасайтеся* (—52, 11). Какъ примѣнимо все сіе къ рѣчи Апостола, очевидно само собою.

Ст. 20. *Въ велицѣмъ же дому не точію сосуди злати и сребряни суть, но и древяни и глиняни, и ови убо въ честь, ови же не въ честь.*

Рѣшается второе недоумѣніе: зачѣмъ есть слабые въ вѣрѣ и въ жизни по вѣрѣ? Отвѣтъ въ настоящемъ стихѣ такой: такъ необходимо по теченію дѣлъ настоящаго періода бытія міра и людей. Объясняется онъ сравненіемъ положенія дѣлъ въ Церкви съ порядками по домоправленію. Какъ въ большомъ домѣ бываютъ

вещи золотыя и серебряныя, бываютъ и деревянныя и глиняныя,—и однѣ изъ нихъ обращаются на почетное употребленіе, а другія на непочетное: такъ и въ Церкви—семъ домѣ Божіемъ, великомъ и славномъ, есть лица, отвѣчающія достоинствомъ своимъ золоту и серебру, и есть лица, отвѣчающія дереву и глинѣ,—и бываютъ изъ нихъ одни досточтимы, а другія никакой не имѣютъ цѣны. Послѣдняя половина сравненія Апостоломъ умолчана. Ее надлежитъ дополнить намъ самимъ,—и дополняемъ, какъ показано. И самая причина, почему такъ бываетъ, не обозначена, а только дано разумѣть, что какъ въ домѣ бываетъ и хорошее и нехорошее, такъ и въ Церкви, или средѣ вѣрующихъ. Намекается будто: будьте довольны и этимъ показаніемъ, а далечайшаго и глубочайшаго не ищите. Не ваше дѣло, какъ и св. Антонію великому сказано было свыше на пытливое его исканіе, почему есть добрые и злые. И Спаситель, говоря о царствѣ Своемъ,—притчами о землѣ, засѣянной добрыми сѣменами, на которой однакожъ показались потомъ и плевелы, и о неводѣ, захватившемъ добрыхъ и худыхъ рыбъ,—показалъ только, что и въ Церкви Его такъ будетъ, до судной жатвы и до окончательнаго разбора дѣлъ;—а почему такъ будетъ, не сказалъ. Конечно и Онъ такъ поступилъ, внушая, чтобъ мы не брались не за свое дѣло, а вѣровали, что Господь все устрояетъ къ наилучшему.

Думается, что слова: золотые и серебряные, деревянные и глиняные, также въ честь и не въ честь,—Апостолъ употребилъ только для яснѣйшаго показанія разности въ вещахъ, бывающихъ въ домѣ, а не имѣлъ въ мысли иносказательно указать этимъ на такія и такія именно разныя лица, бывающія среди вѣрующихъ въ Церкви. Почему можно оставить ихъ безъ иноска-

зательнаго истолкованія. Впрочемъ бл. Ѳеодоритъ не счелъ излишнимъ дать имъ истолкованіе, но пишетъ: „Апостолъ уподобилъ сосудамъ золотымъ—сіяющихъ благочестіемъ и добродѣтелію (отъ всего отрѣшившихся и Богу всю жизнь посвятившихъ), серебрянымъ же—при вѣрѣ и праведности возлюбившихъ жизнь гражданскую (благочестивыхъ мірянъ), деревяннымъ и глинянымъ—живущихъ въ злочестіи и лукавствѣ.“

Подъ домомъ наши восточные толковники—св. Златоустъ, Ѳеодоритъ, Экуменій и Ѳеофилактъ разумѣютъ міръ, а западные—Амвросіастъ и, говорятъ, Кипріанъ и бл. Августинъ разумѣютъ Церковь. Хотя, по теченію рѣчи, болѣе къ дѣлу подходитъ послѣдное разумѣніе; но не слѣдуетъ устранять и перваго. Потому что вопросъ о смѣшеніи добрыхъ и злыхъ пораждается и положеніемъ всего міра; почему при рѣшеніи его нельзя не брать и этого во вниманіе. Ктомуже и міръ есть домъ Божій.

Ст. 21. *Аще убо кто очиститъ себе отъ сихъ, будетъ сосудъ въ честь, освященъ и благопотребенъ Владыцѣ, на всякое дѣло благое уготованъ.*

Здѣсь и причина указывается, по коей благость Божія благоволитъ терпѣть вмѣстѣ съ добрыми и худыхъ, какъ въ Церкви, такъ и во всемъ мірѣ, подобно хозяину, терпящему въ домѣ и хорошее и худое. Хозяинъ терпитъ и худое, потому что оно пока къ чему либо гоже, не имѣя надежды, что оно станетъ хорошимъ; Господь же терпитъ не по этому одному, но особенно потому, что свободная тварь, невѣрующая и худо живущая, можетъ придти въ себя, опомниться, и измѣниться на лучшее. „Сосуды, пишетъ Ѳеодоритъ, осудила сама природа (если они не въ честь), а людей честными, или нечестными, содѣлала воля.“ Но сія воля, сейчасъ неисправная, сейчасъ же можетъ измѣ-

ниться въ исправную. „Выборъ лучшаго зависитъ отъ нашей рѣшимости“ (Ѳеод.). Рѣшится худой съ Божіею помощію—и начнетъ быть хорошимъ. Сего-то момента ожидая, благость Божія щадитъ невѣрующихъ и недобрыхъ, и удерживаетъ готовую покарать ихъ правду Божію. Это и разумѣетъ Апостолъ, говоря: *аще кто очиститъ себе отъ сихъ.—Отъ сихъ*: отъ того, что дѣлаетъ его похожимъ на сосудъ не въ честь, отъ страстей и грѣховъ. Очистить себя значитъ—сознать худобу худаго въ себѣ, отвратиться отъ него, положить твердое намѣреніе не дѣлать его болѣе, и исповѣдавъ то духовному отцу, получить разрѣшеніе, и потомъ уже не допускать себя впадать въ туже вину. Утвердившійся въ семъ, чистомъ отъ всякаго худа, образѣ жизни внѣшней и внутренней, уже не будетъ походить на сосудъ въ домѣ, который не въ честь, но станетъ сосудомъ въ честь, благопотребнымъ и гожимъ на всякое доброе дѣло,—и кромѣ того освященнымъ,—станетъ нѣкако священною вещію,—какъ и въ самомъ дѣлѣ есть: ибо онъ тогда не простъ будетъ, а благодатію преисполненъ, и Бога въ себѣ носить будетъ. Сего ради измѣненія и поступленія, вмѣсто безчестнаго, въ такое свѣтлое состояніе и терпятся худые. Св. Златоустъ говоритъ: „видишь ли, что быть золотымъ или глинянымъ зависитъ не отъ природы или вещественной необходимости, а отъ нашей воли? Въ природѣ глиняный сосудъ не можетъ сдѣлаться золотымъ, и золотой не можетъ сдѣлаться столь низкимъ, какъ глиняный; а здѣсь (въ душахъ людей) бываетъ великая перемѣна и превращеніе. Павелъ былъ глинянымъ сосудомъ, но сталъ золотымъ; Іуда былъ золотымъ сосудомъ, но сталъ глинянымъ. Такимъ образомъ нечистота дѣлаетъ людей глиняными: прелюбодѣй, корыстолюбецъ суть глиняные.“

Что значатъ въ примѣненіи слова: *сосудъ освященъ, благопотребенъ, на всякое дѣло уготованъ*, можно не пытаться опредѣлять въ частности. Обще же они значатъ, что вѣрою и благодатію очистившійся отъ всего худаго, нечистаго и страстнаго, и предавшій себя вседѣйствію Божію, содѣлывается въ рукахъ Божіихъ орудіемъ благопотребнымъ къ исполненію промыслительныхъ Его дѣйствій о мірѣ и человѣкахъ. Умѣетъ таковый внимать и слышать разумно въ сердцѣ своемъ Божіи велѣнія, и потомъ не щадя живота исполнять ихъ. Почему въ дѣйствіяхъ своихъ онъ всегда попадаетъ на слѣдъ воли Божіей: что всего драгоцѣннѣе для всякаго христіанина, тѣмъ паче для архипастыря.

Такъ какъ такого рода состояніе дѣлаетъ достигшаго его наиблагоразумнѣйшимъ; то можно положить, что рѣчь Апостола съ 19-го стиха указываетъ путь къ достиженію благоразумія, о коемъ онъ началъ давать архипастырю уроки съ 14-го стиха. Послѣ сего слѣдующій 22-й стихъ, будетъ имѣть значеніе заключительнаго предостереженія отъ того, чѣмъ можно потерять сей даръ, и указанія на то, чѣмъ онъ обезопашивается и укореняется.

Ст. 22. *Похотей юныхъ бѣгай: держися же правды, вѣры, любве, мира со всѣми призывающими Господа отъ чистаго сердца.*

Того бѣгай, а этого держись,—и будешь Домувладыцѣ сосудъ благопотребенъ, т.-е., будешь въ рукахъ Господа благопотребное орудіе къ водворенію спасенія среди людей. Св. Тимоѳей конечно уже былъ таковъ. Ему дѣлается только напоминаніе,—и можетъ быть, не столько ему, сколько въ лицѣ его всѣмъ пастырямъ и архипастырямъ. Подъ юными похотями разумѣются не плотскія влеченія: отъ нихъ предостерегать,—надо

полагать,—излишне было св. Тимоөея; но болѣе юношеская стремительность, не дающая спокойно обсуждать дѣла и толкающая на неблагоразумные шаги,—напримѣръ на споры, и въ спорахъ на раздражающую рѣзкость, и подобное. Св. Златоустъ говоритъ: „юныя похоти суть не только блудныя, но и всякій неумѣстный порывъ обличаетъ юность. Пусть замѣтятъ себѣ это состарѣвшіеся,—что имъ не слѣдуетъ дѣлать то, что дѣлаютъ юнѣйшіе. На словахъ ли кто рѣзокъ, или въ дѣлахъ обнаруживаетъ настойчивость и властительство, или другое что подобное себѣ позволяетъ,—все это суть юношескія неразумныя стремленія. Всему этому свойственно бывать, когда сердце еще не умѣрено и не установлено, и когда помыслы ума не углублены, а легко парятъ по верхамъ. Посему, дабы никто не увлекался симъ, что внушаетъ Апостолъ? Фантазій юношескихъ бѣгай.“

Устранивъ могущее сталкивать на неблагоразумный образъ дѣйствованія, Апостолъ указываетъ нравственныя опоры благоразумія. *Держися же,*—δίωκε,—гони, ревностно стремись, всячески стирайся проявлять,—*держися же правды, вѣры, любве и мира.* Правда и любовь—два расположенія, обнимающія всѣ нравственно-добрыя дѣянія, и отрицающія всѣ недобрыя. *Правда* не даетъ сдѣлать что-либо недолжное и держитъ въ предѣлахъ должнаго, а *любовь* устремляетъ внутри сихъ предѣловъ размножать всякое благо. *Вѣра*—родительница сихъ расположеній, питательница и хранительница а *миръ*—порожденіе ихъ, общій итогъ дѣлъ ихъ, какъ-бы облакъ, осѣняющій ихъ. Кто, воодушевляясь вѣрою, всю ревность обращаетъ на дѣла правды и любви и чрезъ то ходить подъ облакомъ мира, въ дѣлахъ того не можетъ не царствовать всестороннее благоразуміе.

Миръ имѣть внушаетъ Апостолъ *со всѣми призываю-*

щими Господа отъ чистаго сердца. Два ограниченія положилъ: *съ призывающими Господа*, и: *призывающими отъ чистаго сердца*. Не то внушаетъ онъ, чтобъ съ другими не блюлъ заботливо мира; но предостерегаетъ, чтобъ не дружился съ ними, не доходилъ до того, чтобъ жить съ ними душа въ душу. Общее согласіе и мирность со всѣми держать должно, а душа въ душу жить и должно и можно только съ вѣрующими; которые разумѣются подъ призывающими Господа. Въ семъ отношеніи ничто не мѣшаетъ слова: *отъ чиста сердца* соединять *съ миромъ*, чтобъ было: держи чистосердечный миръ съ призывающими Господа. Миръ съ такими самъ собою устрояется и наполняетъ сердца вѣрующихъ, особенно пастырей, болѣе знающихъ всѣхъ пасомыхъ. Единство убѣжденій и стремленій сливаетъ души, и онѣ живутъ одна въ другой. Такое впрочемъ слаженіе душъ препятствуется и нарушается тамъ, гдѣ замѣчается въ комъ-либо неискренность вѣры. Коль скоро открывается, что тотъ или другой неискренно призываютъ Господа, или вѣруютъ въ Него не отъ сердца; тотчасъ слаженіе съ ними разстроивается, по естественному при семъ подозрѣнію, что, вѣрно, они иныя преслѣдуютъ цѣли, а не тѣ, кои внушаются вѣрою. Не туда мѣтятъ; нечего съ ними и ладить. Въ семъ отношеніи: *отъ чиста сердца* надо соединять съ—*призывающими Господа*. Св. Златоустъ такъ толкуетъ сіе: „что значитъ: *съ призывающими Господа отъ чистаго сердца?* Онъ какъ-бы такъ говоритъ: довѣряй не всѣмъ, призывающимъ Господа, но только такимъ, которые призываютъ Его непритворно, нелицемѣрно, не лукавятъ; съ такими сообщайся, съ другими же не слѣдуетъ быть короткимъ, но только соблюдать миръ сколько возможно.“

6б).

Приступая ко второму дѣлу благоразумія, въ текущихъ обстоятельствахъ,—именно, чтобъ, если заставитъ необходимость вести рѣчь съ инакоучащими, то велъ бы ее кротко,—Апостолъ напереди снова поставляетъ высказанное уже правило бѣгать споровъ (23—26).

Ст. 23. *Буихъ же и ненаказанныхъ стязаній отрицайся, вѣдый, яко раждаютъ свары.*

„Видишь ли, какъ Апостолъ вездѣ отклоняетъ Тимоѳея отъ состязаній? Это не потому, чтобы Тимоѳей не былъ способенъ опровергать ихъ; онъ былъ способенъ; а еслибъ не былъ, то Апостолъ сказалъ бы ему: старайся сдѣлаться способнымъ къ опроверженію ихъ, подобно тому, какъ сказалъ: *внимай ученію: сіе бо творя и самъ спасешися и послушающіи тебе* (1 Тим. 4, 16). Но Апостолъ зналъ, что совершенно безполезно и вступать въ такія состязанія (какія тогда бывали), и что они оканчиваются не инымъ чѣмъ, какъ ссорою, враждою, оскорбленіемъ и злословіемъ. Такихъ стязаній, говоритъ, отрицайся“ (св. Злат.). „Эти состязанія и самыхъ кроткихъ увлекаютъ въ ссору. Невѣрующіе и еретики, крайне нелѣпымъ своимъ противорѣчіемъ истинѣ, выводятъ ихъ изъ себя, и они, разсердившись, высказываютъ тогда, чего не хотѣли бы сказать. Тѣ же между тѣмъ принимаютъ видъ спокойныхъ разсуждателей, будто стоящіе на твердыхъ основахъ (хотя у нихъ при этомъ сердце кипитъ противъ православныхъ). И выходитъ отсюда нѣчто, невыгодное для истины Божіей. Почему Апостолъ и пишетъ: лучше не вступать въ эти споры. *Отрицайся*, говоря какъ-бы: состязаться не наше дѣло.

Состязаній,—ζητήσεις,—изысканій. Не всякое изысканіе запретно. Почему Апостолъ и опредѣлилъ, какихъ

надо отрицаться; *отрицайся буихъ и ненаказанныхъ изысканій*. *Буихъ*—μωρας,—дѣтскихъ, несмысленныхъ, пустыхъ; *ненаказанныхъ*,—ἀπαιδεύτους,—невѣжественныхъ, неназидательныхъ. „Есть другія изысканія, именно, объ истинахъ Писанія, которыхъ не слѣдуетъ отрицаться, потому что они не раждаютъ сваръ (а распространяютъ всеобщее назиданіе)“ (св. Злат., Өеоф.).

Ст. 24. *Рабу же Господню не подобаетъ сваритися, но тиху быти ко всѣмъ, учительну, незлобиву,—съ кротостію наказующу противныя.*

Здѣсь предметъ настоящаго отдѣленія. Спорить не спорь, а учить учи и противниковъ, но тихо и кротко. „Ибо безъ споровъ долженъ предлагать Божественныя наставленія тотъ, кому ввѣрено проповѣданіе оныхъ“ (Өеод.). „Не должно ссориться и при состязаніи; рабу Божію должно быть далекимъ отъ ссоръ. Если Богъ есть Богъ мира, то рабъ Бога мира какъ можетъ ссориться?“ (св. Злат.).

Но тиху быти ко всѣмъ. Тиху, но не вялу. Вялое слово никакого дѣйствія не произведетъ. Надо и сильно говорить и нессорливо. Иначе почему бы онъ писалъ въ другомъ мѣстѣ: *обличай со всякимъ повелѣніемъ* (Тит. 2, 15),—и еще: *обличай ихъ нещадно* (Тит. 1, 13)? И это повелѣваетъ онъ дѣлать въ духѣ кротости. Сильное обличеніе, когда оно дѣлается съ кротостію, особенно можетъ трогать. Сильное слово безъ кротости можетъ развѣ только пристыдить, а будучи соединено съ кротостію, оно возьметъ за сердце и побѣдитъ (св. Злат.).

Учительну,—„то-есть для всѣхъ, желающихъ учиться“ (св. Злат.). Кто съ спорливостію завязываетъ бесѣду, отъ того отрицайся; а кто ищетъ вразумленія и наставленія, того не отказывайся научить. Пастырь долженъ и самъ отыскивать особящихся въ ученіи, чтобы вразумить ихъ рѣчью кроткою, но сильною; и

уже, когда кто изъ нихъ упорно останется съ своимъ иномысліемъ, въ противность истинѣ Божіей, тогда отрицаться отъ него, какъ заповѣдуетъ св. Павелъ въ другомъ мѣстѣ: *еретика человѣка по первомъ и второмъ наказаніи отрицайся* (Тит. 3, 10).

Незлобиву: не серчать и не раздражаться при безуспѣшности вразумляющаго слова. „Хорошо прибавилъ это Апостолъ; учителю особенно нужно имѣть незлобіе; иначе все будетъ тщетно. Если рыболовъ, цѣлый день бросая сѣти и ничего не поймавъ, не приходитъ въ отчаяніе, то тѣмъ болѣе (не должно отчаяваться) намъ. Ибо часто случается, что плугъ слова, дѣйствуя непрестаннымъ внушеніемъ, входитъ въ глубину души и истребляетъ овладѣвшую ею страсть. Кто слушалъ тысячу разъ, тотъ долженъ что-нибудь почувствовать; ибо невозможно, чтобы человѣкъ, слушая непрестанно, нисколько не почувствовалъ. Такимъ образомъ можетъ случиться, что человѣкъ, уже готовый убѣдиться, потеряетъ все отъ нашего нетерпѣнія; и произойдетъ тоже, какъ еслибы кто нибудь, неискусный въ земледѣліи, насадивъ виноградъ и окопавъ его въ первый годъ, и во второй, и въ третій, въ надеждѣ получить плоды, но не получивъ ихъ и потерявъ надежду, по прошествіи трехъ лѣтъ въ четвертый годъ оставилъ бы его (безъ попеченія, бросилъ), именно тогда, когда долженъ былъ получить воздаяніе за труды свои“ (св. Злат.).

Ст. 25. *Съ кротостію наказующу противныя: еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины?*

„Сказавъ: *незлобиву*, Апостолъ не довольствуется этимъ, но присовокупляетъ: *съ кротостію наказующу противныя.* Здѣсь особенно нужно учителю поступать съ кротостію; душа, имѣющая нужду въ наставленіи, не можетъ принять что-нибудь полезное, когда оно преподается сурово и съ бранью,—и хотя готова слу-

шать, но будучи приведена въ недоумѣніе, не усвоитъ ничего. Кто хочетъ научиться чему-либо полезному, тотъ прежде всего долженъ быть расположенъ къ учителю. Если же это предварительно не устроено, то не можетъ произойти ничего надлежащаго и полезнаго. Но никто не можетъ быть расположенъ къ человѣку, который сердится и бранится. *Съ кротостію,* говоритъ. Видишь, какъ должно приступать къ желающимъ научиться? — И не нужно оставлять собесѣдованія съ ними прежде ихъ убѣжденія" (св. Злат.). „Апостолъ и учитъ св. Тимоѳея пребывать въ ученіи, и не отчаяваться въ разсужденіи тѣхъ, которые не легко принимаютъ слово проповѣди. Кто съ отеческою кротостію преподаетъ ученіе невѣрующимъ, и великодушно выслушиваетъ ихъ возраженія, тотъ нерѣдко убѣждать можетъ и крайне упорныхъ еретиковъ" (Ѳеод.).

Еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ истины.

Еда како дастъ,—не дастъ ли какъ нибудь;—нѣтъ увѣренности, но и не отчаявается: можетъ быть, образумятся. Указываетъ трудность исправленія падшаго въ ложъ: только Богъ силенъ исправить его; внушаетъ терпѣливо продолжать вразумленіе его въ надеждѣ исправленія хотя слабой, и слѣдовательно законополагаетъ не отрицаться и не отсѣкать заблуждшихъ, пока не удостовѣришься, что они неисправимы и вредны для христіанъ вѣрныхъ, но простыхъ въ вѣрѣ. Св. Златоустъ говоритъ: „смыслъ этихъ словъ слѣдующій: можетъ быть и будетъ какое-либо исправленіе. Слово *еда како,* употребляется о предметахъ неизвѣстныхъ въ точности; слѣдовательно нужно отступать только отъ тѣхъ людей, о которыхъ можемъ точно сказать, и о которыхъ убѣждены, что они неисправимы, какія бы мѣры ни были употреблены. И то внушаетъ сіе слово, что при вразумленіи надо имѣть

великое долготерпѣніе. Замѣть также, какъ онъ научаетъ смиренномудрію. Не сказалъ: можетъ быть ты будешь въ состояніи, но: *еда како дастъ имъ Богъ возникнуть;* если и произойдетъ что нибудь, все принадлежитъ Господу; ты насаждаешь, ты поливаешь, а Онъ возращаетъ и устрояетъ плодоношеніе."

Говоритъ: *не дастъ ли Богъ?* Но Богъ всегда готовъ дать и вѣдѣніе истины, и силу на добро. Но Онъ даетъ не по одной власти вседержительства, а всегда по склоненію произволенія человѣческаго. Склонится произволеніе къ желанію блага отъ Бога и взыщетъ его,—и Богъ готовъ подать его и подаетъ. Сомнѣніе: *еда како?* возбуждаетъ не Божеская благоподатливость, а упорство человѣческой воли. Отъ ней нельзя навѣрное ожидать, что, бывъ вразумлена, восхощетъ и взыщетъ. Какъ же сокрушается упорная непокоривость истинѣ? Покаяніемъ. Оно умягчаетъ сердце и нудитъ гордый умъ склонить гордую голову свою подъ иго истины Божіей. Богъ представляетъ сознанію и свободѣ всѣ вразумительные моменты. Когда понуждаемое ими сознаніе наляжетъ съ своей стороны на свободу и послѣдняя, поколебавшись, возжелаетъ выдти изъ мрака, въ коемъ держитъ ее упорство, тогда приходитъ Божіе содѣйствіе и доводитъ сіе покаянное начало до конца, то-есть до рѣшенія бросить ложь и покорно воспріять истину, какъ она есть, безъ пытливости, безъ примѣси своихъ мудрованій и безъ всякихъ колебаній. Вслѣдствіе сего, какъ въ отверстыя очи льется свѣтъ, такъ начинаетъ литься свѣтъ истины въ душу, покаяніемъ разверстую, и она исполняется вѣдѣніемъ ея. Все сіе выражаетъ Апостолъ, сказавъ: *еда како дастъ имъ Богъ покаяніе въ разумъ* (въ познаніе) *истины?*

Ст. 26. *И возникнутъ отъ діавольскія сѣти, живи уловлени отъ него, въ свою его волю.*

Какое мрачное состояніе попавшихъ въ ложь и переплетшихъ истину Божію пустыми соображеніями, закрывающими истину!—Сѣтями діавола опутаны они; а думаютъ, что они-то одни и обладаютъ свободою ума. Думаютъ, что по своей волькѣ парятъ умомъ, а между тѣмъ пляшутъ по волѣ діавола. Врагъ представляетъ уму призракъ истины. Умъ, полагая, что это—имъ самимъ постигнутое высшее вѣдѣніе истины, увлекается симъ призракомъ и плѣняется имъ. Тогда врагъ подсѣдаетъ и чрезъ воображеніе всю область истины переплетаетъ призрачными представленіями. Умъ, плѣненный въ главномъ, и этимъ всѣмъ плѣняется и является опутаннымъ всесторонне вражьею сѣтью лжи, по коей все видитъ не такъ, какъ оно есть, по истинѣ Божіей. Это состояніе очень хорошо у насъ выражается поговоркою: врагъ осѣтилъ, которую употребляютъ, когда хотятъ сказать: думалось, что такъ и такъ есть, а теперь вижу, что оно не таково. Это же сознаетъ и опутанный ложью, когда, пришедши въ раскаяніе, воззоветъ къ Богу, и Богъ пошлетъ ему лучъ истины Своей, который, проникши въ душу, разрываетъ сѣти темной лжи и разсѣяваетъ ее, какъ вѣтеръ разсѣяваетъ сгустившійся дымъ. И онъ возникаетъ отъ діавольской сѣти. Очнется онъ тогда,—и видитъ ясно, какъ былъ отуманенъ и одураченъ, объяснить не умѣя, какъ все это сплеталось, и еще болѣе, какъ всему этому вѣрилось. Это производитъ познаніе истины; почему слова: *и возникнутъ*... объясняютъ, что есть познаніе истины, какъ пишетъ Экуменій. „Что есть познаніе истины? То, чтобы возникнуть отъ сѣти діавола и лживыхъ догматовъ къ правости вѣры. И смотри, какъ онъ сказалъ: *возникнутъ отъ діавольскія сѣти*, будто отъ опьяненія, или умопомѣшательства.“

Живи уловлени въ свою его волю.—Живи уловлени,—

εζωγρημενοι,—живьемъ уловлены, или попались въ добычу. Когда врагъ убьетъ преслѣдуемаго, тѣмъ все кончается; а когда живьемъ его возьметъ, то дѣлаетъ его плѣнникомъ и заставляетъ исполнять волю свою. Такъ поступаетъ и врагъ съ попавшимися въ сѣти его лжи. Онъ беретъ ихъ живьемъ, ибо не имѣетъ власти надъ жизнію и смертію. Но завладѣвши ими, дѣлаетъ ихъ подручными орудіями къ исполненію своихъ злыхъ козней; заставляетъ ихъ распространять ложь и другихъ уловлять въ сѣти ихъ; заставляетъ и зло дѣлать, прикрывая его видимостію добра.

Уму заблуждшему, попавшему въ сѣти діавола, свойственна самоувѣренность; а она не терпитъ вразумленій, тѣмъ паче укорно-огорчительныхъ. Если же съ тихостію будешь предлагать вразумляющую истину, то можно еще ожидать, что, авось, какъ нибудь онъ опомнится.

вв).

Среди христіанъ всегда бываютъ какъ инакомыслящіе и увлекающіе къ тому другихъ, такъ и неисправно живущіе. Въ первое время послѣднихъ не было много; однакожъ были, и служили зародышемъ имѣвшаго въ послѣдствіи развиться худонравія. Какъ подавленіе зародыша отвращаетъ и то, что имѣетъ разродиться изъ него, то св. Павелъ и направляетъ на это св. Тимоѳея,—3, 1—9. Для сего изображаетъ сначала, α) какое худонравіе разовьется въ послѣдствіи,—3, 1—5; потомъ, сказавъ какъ-бы этимъ: видишь какое будетъ зло?—А зародышъ ему и нынѣ уже есть,—внушаетъ: такъ ты коль скоро замѣтишь у себя таковыхъ, β) не поблажай имъ. Они то и то дѣлаютъ, и тебѣ легко ихъ узнать,—6—8; γ) не смущайся однакожъ; они не преуспѣютъ, общій голосъ вѣрныхъ осудитъ ихъ,—ст. 9.

а).

Гл. 3. Ст. 1. *Сіе же вѣждь, яко въ послѣдняя дни настанутъ времена люта.*

Сіе же вѣждь,—удостовѣрительное выраженіе,—что несомнѣнно такъ будетъ, какъ въ первомъ посланіи: *Духъ явственнѣ глаголетъ* (1 Тим. 4, 1). Тамъ говорилъ онъ объ отступленіи отъ вѣры, а здѣсь говоритъ о развращеніи нравственномъ. Можетъ быть въ этомъ лежитъ причина и того, что тамъ заимствуетъ онъ удостовѣреніе отъ Духа, а здѣсь довольствуется своимъ словомъ. *Послѣдніе дни* обыкновенно относятъ мысль къ концу вѣка; но здѣсь указывается вообще на послѣдующее время. *Лютыя времена*—тяжелыя, въ которыя трудно жить. Изображаетъ Апостолъ крайнее растлѣніе нравовъ; но какъ съ этимъ неразлучно соединяется умаленіе правды, мира и безопасности, то всегда и трудно бываетъ въ такія времена жить и самимъ развратившимся, но особенно тѣмъ, которые живутъ не по ихъ примѣрамъ и порядкамъ.—Есть предразсудокъ называть иные дни и времена худыми или добрыми въ той мысли, что они сами по себѣ худы или добры. Св. Златоустъ обличаетъ такое думаніе. „Не дни или времена осуждаетъ Апостолъ, но людей, которые тогда будутъ. Такъ и мы имѣемъ обыкновеніе называть времена худыми или нехудыми, по свойству дѣлъ, совершаемыхъ въ теченіе ихъ людьми. Тотчасъ же онъ указываетъ и причину. Корень и источникъ всѣхъ золъ, отъ котораго всѣ они происходятъ,—чрезмѣрное самолюбіе.“

Ст. 2. *Будутъ бо человѣцы самолюбцы, сребролюбцы, величавы, горди, хульницы, родителемъ противящіися, неблагодарни, неправедни, нелюбовни.*

Самолюбіе—корень всѣхъ злыхъ страстей. Оно по-

давляетъ братолюбіе и Боголюбіе и въ жизни водворяетъ совершенно противоположные имъ порядки, отъ которыхъ никому нѣтъ покоя. Но то дивно, что оно само себѣ есть наказаніе. Самолюбецъ свое только благо блюдетъ; но какъ безъ другихъ ему одному нельзя жить счастливо, то самолюбецъ потому самому, что небрежетъ о другихъ, себѣ вредитъ, или противъ себя злодѣйствуетъ. Св. Златоустъ раскрываетъ эту сторону самолюбія такъ: „плѣненный сею страстію не можетъ наблюсти и своихъ собственныхъ выгодъ. Ибо когда кто не наблюдаетъ, что относится ко благу ближняго, тотъ, нерадя о выгодахъ ближняго, какъ свои наблюдетъ? Какъ имѣющій во вниманіи выгоды ближняго, чрезъ нихъ самихъ и свои собственныя поставляетъ въ хорошее положеніе, такъ и пренебрегающій ихъ, просмотритъ и свои. Ибо если мы есмы другъ другу удове, то спасеніе (благо) ближняго не его только есть, но и прочаго тѣла, и вредъ ближняго не его только одного касается, но поражаетъ мучительною болью всѣхъ. Также—если мы—зданіе, то какая бы часть его ни пострадала, опасность угрожаетъ всему зданію; а когда она тверда и прочна, то способствуетъ твердо держаться и всему прочему. Такъ и въ Церкви. Пренебрегъ ты брата? Себя самого обидѣлъ. Какъ? Такъ, — что отъ этого и твоя часть терпитъ не малый ущербъ. Ибо если не отдавшій торжникамъ мнаса попадаетъ въ геенну, то видящій бѣдствующаго отъ недостатка необходимѣйшихъ потребъ и не простирающій къ нему руки тѣмъ болѣе сравнительно съ тѣмъ пострадаетъ, чѣмъ въ большей мѣрѣ произошелъ вредъ. Такъ-то самолюбецъ есть наиболѣе себя самого нелюбецъ; а братолюбецъ есть наиболѣе и себя самого любецъ.“

Изъ самолюбія исходятъ всѣ страсти. Главнѣйшими или родоначальными изъ нихъ почитаются и суть—

гордость, корыстность и сластолюбіе. Въ настоящемъ мѣстѣ Апостолъ ведетъ перепись преимущественно порожденій гордости, изъ другихъ же двухъ поминаетъ только самихъ родоначальницъ—сребролюбіе и сластолюбіе, заключая показаніемъ отношенія къ Богу жизни, устрояемой по ихъ влеченіямъ, и по влеченіямъ страстей вообще.

Сребролюбцы. „Указавъ корень, въ частности перечисляетъ и отростки отъ него, изъ которыхъ первый и наибольшій есть сребролюбіе. Ибо какъ изъ любви—всякое добро, такъ изъ самолюбія, противоположнаго любви—всякое зло. Любовь широка и повсюду разливается; а самолюбіе стѣсняетъ широту ея и сосредоточивается на одномъ только себѣ“ (Ѳеоф., св. Злат.). Сребролюбіемъ означается вообще скупящееся любоиманіе. Имѣть есть потребность житейская. Чтобъ она не одолѣвала человѣка и не дѣлала изъ него скряги, Богъ вложилъ въ сердце его состраданіе къ нуждающимся, которое раскрываетъ сокровище-хранительницы для другихъ. Но когда самолюбіе возобладаетъ имъ, тогда состраданіе къ другимъ гаснетъ и сокровищницы запираются. Все себѣ нужно, и на себя обращается; до другихъ дѣла нѣтъ. Вотъ и скряга.

Величавы, горди. Второе порожденіе самолюбія — гордыня. Проявленія ея разнообразны. Въ настоящемъ мѣстѣ два вида ея указываетъ Апостолъ—αλαζονειαν и υπερηφανιαν. *Величавы* — αλαζονες, — возносливы, „надъ другими величаются и высятся“ (Ѳеоф.). *Горди*, —υπερηφανοι,—при возношеніи и презорливы, ни во что ставятъ другихъ и готовы своенравно помыкать ими.

Отселѣ начинаетъ св. Павелъ перечислять порожденія гордыни. — *Хульницы*,—βλασφημοι,—нечестиворѣчивы, богохульны. „Отъ возношенія—презорливая и своенравная надменность, отъ надменности – хуленіе“

(нечестиворѣчіе, неправыя къ Богу чувства, возстаніе противъ Бога (св. Злат.). Или „отъ того и другой Богохуленіе“ (Экум.). Ибо естественно, что, „когда зло изъ самолюбія разрастается прогрессивно, то доходитъ и до возстанія противъ Бога“ (Ѳеоф.).—Св. Златоустъ пространно изъясняетъ эту сторону дѣла. Надмѣвающійся надъ людьми легко будетъ надмѣваться и предъ Богомъ. Такъ раждаются грѣхи; они часто восходятъ снизу вверхъ. Кто почтителенъ къ людямъ, тотъ тѣмъ болѣе благоговѣетъ предъ Богомъ; кто послушенъ подобнымъ себѣ рабамъ, тотъ будетъ тѣмъ болѣе покоренъ Владыкѣ; а кто презираетъ подобныхъ себѣ рабовъ, тотъ постепенно дойдетъ и до презрѣнія Самого Бога. Не будемъ же презирать другъ друга. Это худая наука, которая научаетъ насъ презирать Бога, и даже тѣмъ самымъ, что мы презираемъ другъ друга, мы уже оказываемъ презрѣніе къ Богу, Который повелѣлъ намъ имѣть великое попеченіе другъ о другѣ. Если хотите, я поясню вамъ это иначе,—примѣромъ. Каинъ презрѣлъ брата, и тотчасъ же оказалъ презрѣніе и къ Богу. Какимъ образомъ? Посмотри, какъ непочтительно (ὑβριστικῶς,—бранчиво, грубо) отвѣчаетъ онъ Богу: *еда стражъ брату моему есмь азъ* (Быт. 4, 9). Также Исавъ, презиравшій брата, оказалъ презрѣніе и къ Богу (ни во что вмѣнивъ Богомъ данныя первородству преимущества). Презирали братья Іосифа, оказали презрѣніе и къ Богу. Презирали Израильтяне Моисея, оказали презрѣніе и къ Богу. Также сыновья Илія презирали народъ,—оказали презрѣніе и къ Богу.—Хочешь ли видѣть примѣры противнаго?—Авраамъ былъ снисходителенъ къ племяннику, былъ послушенъ и Богу, какъ видно изъ послушанія его касательно сына Исаака и изъ всѣхъ прочихъ его добродѣтелей. Также и Авель, будучи

кротокъ въ отношеніи къ брату, былъ благочестивъ и въ отношеніи къ Богу. Не будемъ же презирать другъ друга, дабы намъ не научиться презирать и Бога; будемъ почитать другъ друга, дабы намъ научиться почитать и Бога. Дерзкій въ отношеніи къ людямъ, становится дерзкимъ и въ отношеніи къ Богу. А когда самолюбіе, сребролюбіе и презорство соединяются вмѣстѣ, то чего еще недостаетъ до совершенной погибели? Все развратилось, и натекаетъ премножество нечистотъ грѣховныхъ."

Родителемъ противящіися,—ἀπειθεῖς,—непослушливы. „Высокосердіе и надменность научаютъ возставать и противъ природы" (противъ давшихъ жизнь—Экум.). „Хульники и родителямъ непослушны: что послѣдовательно; ибо кто Бога хулитъ, тотъ какъ станетъ почитать родителей?" (Ѳеоф.).

Неблагодарни. Уже въ Богохуленіи и непочтеніи къ родителямъ видна неблагодарность. Ибо „къ благодѣтелю Богу не знающій благодарности, какъ поимѣетъ благодарность къ людямъ?" (Экум.). Также къ родителямъ неблагодарный, какъ будетъ благодаренъ къ другимъ людямъ? (Ѳеоф.). Неблагодарность — дщерь гордости, полагающей, что дѣлаемое для нея, такъ и должно быть. Но не меньше она бываетъ плодомъ и сребролюбія. какъ изъясняетъ св. Златоустъ: „и можетъ ли быть благодарнымъ сребролюбецъ? Къ кому можетъ онъ возымѣть благодарность? Ни къ кому. Онъ считаетъ всѣхъ своими врагами, желая у всѣхъ отнять все. Хотя бы ты отдалъ ему все свое имущество, онъ не изъявитъ тебѣ никакой благодарности, но будетъ досадовать, что ты не имѣлъ большаго богатства и не сдѣлалъ его обладателемъ большаго. Хотя бы ты сдѣлалъ его владыкою вселенной, онъ не изъявитъ тебѣ благодарности, но будетъ думать, что онъ ничего не получилъ. Его желаніе ненасытимо: по-

тому что оно походитъ на желаніе, болѣзни присущее; а такія желанія ненасытимы. Какъ страждущій горячкою никогда не можетъ насытиться, но постоянно чувствуетъ жажду и никогда не насыщаетъ неутолимаго желанія пить; такъ и одержимый страстію къ богатству никогда не можетъ насытить своего желанія. А не насыщаясь никогда, онъ не будетъ и благодаренъ тебѣ, сколько бы ты ни давалъ ему. Онъ былъ бы благодаренъ тому, кто далъ бы ему столько, сколько онъ желаетъ. — Но этого никто не можетъ сдѣлать, потому что желаніе его безмѣрно. Посему онъ и не можетъ быть никому благодаренъ. Нѣтъ человѣка столь неблагодарнаго, какъ сребролюбецъ, и столько безчувственнаго, какъ корыстолюбецъ."

Неправедни,—ἀνόσιοι—непреподобны, или неподобающи, не таковы, какимъ слѣдуетъ имъ быть по званію, состоянію, положенію, мѣсту,—„въ сторону отлагаютъ преподобіе, или подобающее и обязательное для нихъ" (Ѳеоф.).

Нелюбовни,—ἄστοργοι,—чужды даже и родственной любви къ своимъ, „даже и своимъ недруги" (Экум.).

Ст. 3. *Непримирительни* (*продерзиви, вознosливи, прелагатае*), *клеветницы, невоздержницы, некротцы, неблаголюбцы.*

Непримирительни,—ἄσπονδοι,—никакихъ сдѣлокъ не принимаютъ къ прекращенію разлада,—расходятся однажды навсегда, и всякаго примиренія отвращаются,—на глаза не принимаютъ, и не показывайся.

Слѣдующихъ словъ: *продерзиви, вознosливи, прилагатае*—наши толковники всѣ не читаютъ.

Клеветницы,—διάβολοι, —т. е. „несправедливо думающіе и говорящіе о другихъ худо. Это такіе, которые, не видя въ себѣ ничего добраго, утѣшеніе себѣ нѣкое находятъ въ злословіи про другихъ, чтобъ подорвать доброе о нихъ мнѣніе; но какъ говорятъ о другихъ

наобумъ, то ошибаются и погрѣшаютъ,—почему истинно суть клеветники“ (св. Злат., Өеоф.).

Невоздержницы,—„и въ языкѣ, и въ чревѣ, и во всемъ другомъ“ (св. Злат.).

Некротцы, — *ανημεροι*, — рѣзки и буйны, во взорѣ, словѣ, движеніяхъ. „Отсюда, звѣрство, отсюда свирѣпство,—когда бываетъ кто сребролюбивъ, когда кто самолюбивъ, неблагодаренъ и невоздерженъ“ (св. Злат.). „Видишь, какими дѣлаетъ самолюбіе и сребролюбіе? Звѣрями вмѣсто людей“ (Өеоф.).

Неблаголюбцы,—*αφιλαγαθοι*,—„враги всякаго добра“ (Өеоф.), или всякаго—добраго и благолюбиваго человѣка.

Ст. 4. *Предателе, нагли, напыщени, сластолюбцы паче, нежели Боголюбцы.*

Предателе — προδοται, — „предатели дружбы“ (св. Злат.),—„или сотоварищества“ (Экум.),—не въ видахъ блага общаго, а въ видахъ своихъ личныхъ интересовъ, на зло другимъ.

Нагли, — προπετεις, — „неимѣющіе въ себѣ ничего основательнаго“ (св. Злат.),—„нетвердые, непостоянные“ (Өеоф.),—„безразсудные“ (Экум.): мечутся туда и сюда или ломятъ, какъ медвѣди,—самонадѣянно быстры и рѣшительны въ дѣлахъ.

Напыщени,— τετυφωμενοι,—„полны спѣси, надменности и высокосердія“ (Өеоф., Экум.),—надуты, думая о себѣ много, хотя ничего не имѣютъ,—достойнаго большаго вниманія.

Сластолюбцы паче, нежели Боголюбцы.—*Сластолюбцы*,—*φιληδονοι*,—живущіе въ собственное свое удовольствіе; въ чемъ кто любитъ находить удовольствіе, то и дѣлаетъ. Это самое льстивое исчадіе самолюбія, и самое широкое въ приложеніи: потому что оно падко не на одни плотскія сласти,—хотя это преимущественно бываетъ,—но и на душевныя, даже на духовныя.

Паче нежели Боголюбцы. Сластолюбецъ, привыкши сластолюбничать, уже ничего другаго не цѣнитъ,—ни закона, ни правды, ни страха Божія, и за сласть готовъ все продать. Оттого даже и въ Божескихъ вещахъ (ходить въ церковь), не Бога любитъ, но сласть, какую даютъ или обѣщаютъ Божескіе порядки и законы. „*Паче нежели Боголюбцы.* Иначе и быть не можетъ; ибо гдѣ—любовь въ сластямъ мірскимъ, тамъ желанію Божественнаго мѣста нѣтъ" (Ѳеоф.). „Вожделѣніе Божественнаго они замѣнили срамотолюбіемъ" (Экум.).

Ст. 5. *Имущіи образъ благочестія, силы же его отвергшіися.*

Будучи однакожъ таковы, по расположеніямъ и чувствамъ сердца, они наружно удерживаются показывать себя такими, а напротивъ стараются держаться всѣхъ внѣшнихъ порядковъ благочестной христіанской жизни, гдѣ ужъ нельзя отступать отъ нихъ не обнаруживъ ярко своего нечестія. Оттого лицедѣйство—неизбѣжное послѣдствіе въ людяхъ обладаемыхъ страстями, вращающихся однакожъ среди любящихъ благочестіе. Но въ своемъ кругу, они обычно не лицемѣрятъ, а открыто хулятъ все Божественное и кощунствуютъ надъ всѣмъ. Наши толковники, разумѣя подъ благочестіемъ вѣру, пишутъ о семъ такъ. Экуменій: „Если судить о нихъ по тому, что говорятъ, они благочестивы, а если судить по тому, что дѣлаютъ, они оказываются и обличаются противными словамъ своимъ." Ѳеофилактъ: „они принимаютъ только видъ благочестія и притворяются, дѣлами же отвергаются его. Замѣть, что сила благочестія, или какъ-бы нервы его,—въ дѣлахъ. Почему праведно говорится, что оно безъ дѣлъ мертво." Св. Златоустъ: „словомъ: *образъ*, Апостолъ выражаетъ здѣсь нѣчто бездушное и мертвое, наружность, видъ, лицемѣріе. Вѣра безъ дѣлъ есть только

наружный видъ безъ силы. Какъ тѣло красивое и цвѣтущее, но не имѣющее силы, подобно нарисованному изображенію, такъ и правая вѣра безъ дѣлъ. Представимъ, что какой-нибудь сребролюбецъ, предатель, или наглый человѣкъ, содержитъ правую вѣру; что въ этомъ пользы, если онъ не отличается ничѣмъ, приличнымъ христіанину, если онъ не дѣлаетъ ничего свойственнаго благочестію, но превосходитъ язычниковъ своимъ нечестіемъ, служитъ заразою для близкихъ къ нему и поводомъ къ хулѣ на Бога,—если онъ позоритъ ученіе своими дѣлами?"

Бл. Ѳеодоритъ все это отдѣленіе объ имѣющемъ раскрыться худонравіи, заключаетъ такъ: „настоящее, думаю, предсказано Апостоламъ время, ибо жизнь наша исполнена сихъ золъ, и облекаясь въ наружность благочестія, дѣлами уготовляемъ изъ себя кумиръ лукавства: вмѣсто Боголюбивыхъ стали сребролюбивыми и любимъ рабство страстямъ; однимъ словомъ, въ насъ можно найти и прочее, что предрекъ Божественный Апостолъ." Нельзя отрицать, что подобное наведеніе умѣстно еще паче въ наше время.

β).

Ст. 5-же. *И сихъ отвращайся.—И сихъ*, т.-е. какъ инакоучащихъ и спорливыхъ, такъ и этихъ худонравныхъ отвращайся. Или такъ: и этихъ, лицемѣровъ, отвращайся, а о тѣхъ, худонравныхъ, и говорить нечего. „Но если такіе люди будутъ *въ послѣдніе дни*, то какъ онъ говоритъ: *и сихъ отвращайся?*—Вѣроятно, и тогда было нѣсколько такихъ; хотя не въ большой степени, но было" (св. Злат.). Или въ такомъ смыслѣ говоритъ: коль скоро явятся. Предположить надо, что, по Апостолу, св. Тимоѳей доживетъ до указанныхъ послѣднихъ дней,—что они начнутся по кончинѣ св.

Павла, и св. Тимоѳей самъ увидитъ ихъ, и се, на этотъ случай заповѣдь ему: отвращайся таковыхъ (Экум., Ѳеоф.).—Но то или другое поимѣть при семъ въ мысли, наведеніе отсюда на послѣдующія времена и лица очень естественно. Св. Златоустъ и говоритъ: „несомнѣнно то, что чрезъ Тимоѳея Апостолъ увѣщеваетъ всѣхъ—удаляться отъ такихъ людей." Всѣхъ, не современныхъ только св. Тимоѳею, но паче „тѣхъ, кои будутъ жить послѣ него" (Экум.).

Ст. 6. *Отъ сихъ бо суть понырающіи въ домы и плѣняющіи женища отягощенныя грѣхами, водимыя похотьми различными.*

Отъ сихъ бо суть,—изъ этого круга суть. Но тѣ, о коихъ говорилось, еще будутъ, а эти уже суть. Слѣдовательно считаются предшественниками и зачатками тѣхъ. *Понырающіи въ домы,*—скрытно прокрадывающіеся. „Этимъ словомъ Апостолъ выражаетъ ихъ безстыдство, безчестность, обманъ, обольщеніе" (св. Злат.). И еще „ἀνελεύθερον,—несвободность" (Ѳеоф.). Совѣсть зазирала открыто это дѣлать, или опасеніе было, что встрѣтятъ препоны, открыто дѣйствовать.—*И плѣняющіи женища.* „Видишь ли, какъ эти люди подражаютъ древнему обольстителю, употребляя тоже орудіе, которое діаволъ употребилъ противъ Адама?" (св. Злат.). „Конечно и они имѣли въ виду посредствомъ женъ привлечь на свою сторону и мужей" (Экум.). *Плѣняющіи*, αἰχμαλωτίζοντες,—въ плѣнъ забирающіе. Женщинамъ свойственно прельщаться новостію и видимостію, и прельстившись отдаваться въ рабство прелести и прельстителямъ. Ставъ на эту точку, онѣ дѣлаются очень удобными орудіями въ рукахъ ищущихъ достиженія своихъ цѣлей не прямыми средствами.—*Женища*, γυναικάρια, — слово уничижительное. Выразился такъ Апостолъ для обличенія удобопрельстительности.

или поползновенія къ обольщеніямъ,—вмѣстѣ намекая. что и мужчина если окажется удобообольщаемымъ, ничѣмъ не лучше женщины. Укоряется не природа, а характеръ (св. Злат., Экум., Ѳеоф.).

Отягощенными грѣхами. — σεσωρευμενα, заваленныя грѣхами, на коихъ грѣховъ, какъ куча всякаго сора. „Означаетъ сіе и множество, и безпорядочность, и смѣсь грѣховъ" (Ѳеоф.). „Не природу осуждаетъ; ибо не просто сказалъ: женщинъ, но именно такихъ женщинъ. И вотъ отъ чего онѣ предаются обольщеніямъ,—отъ грѣховъ, отъ того, что не знаютъ добраго" (и различить не могутъ, что не добро) (св. Злат.). „А такой обыкновенно скорѣе склоняется на ложные догматы" (Ѳеоф.).—*Водимыя похотьми различными.* Не всѣ конечно женщины, увлекающіяся ложными ученіями, обременены грѣхами; но суетности рѣдкая изъ нихъ не рабствуетъ, а отъ суетности—рой пожеланій и похотѣній. Стоитъ только сюда забраться искуснику, и онъ непремѣнно завладѣетъ женскимъ умомъ и сердцемъ, и посѣетъ въ нихъ, что хочетъ. Впрочемъ—*похотьми различными,* можетъ означать и кучу страстей—не легкихъ. Св. Златоустъ говоритъ: что значитъ *различными?* Здѣсь онъ разумѣетъ многое: роскошь, безстыдство, развратъ. *Различными,* говоритъ, *похотьми,* т.-е., корыстолюбіемъ, славолюбіемъ, тщеславіемъ, честолюбіемъ; а, можетъ быть, указываетъ и на другія постыдныя пожеланія."

Сказавши это, Апостолъ показалъ, кого отвращаться. И конечно такіе были. Но можно предположить, что въ нихъ онъ указываетъ и на имѣющихъ явиться послѣ подобныхъ имъ учителей, предуказывая и то, какъ къ нимъ должны относиться тѣ, коимъ ввѣрены души и спасеніе ихъ. Эту сторону дѣла имѣлъ въ мысли Амвросіастъ: „хотя всѣмъ еретикамъ свойственно,

проныряя въ домы, плѣнять хитросплетенными обольстительными словами женщинъ, чтобъ чрезъ нихъ потомъ привлечь на свою сторону и мужей, подражая отцу своему діаволу, обошедшему Адама чрезъ Еву; но болѣе всѣхъ это идетъ къ Манихеямъ. Ибо никто такъ не настойчивъ, не вкрадчивъ, и не лживъ, какъ они, иное держащіе внутри, и иное являющіе наружно. Они проповѣдуютъ святое цѣломудріе, но подъ прикрытіемъ своего закона, живутъ нечисто; хвалятъ милосердіе, но между собою обижаютъ другъ друга; твердятъ, что должно презирать міръ, но всегда вращаются среди его; хвастливо увѣряютъ, что держатъ строгій постъ, но на видъ всегда бываютъ довольно полны, только, по какому-то искусству, кажутся блѣдными, чтобъ обманывать. Итакъ Апостолъ настоящими словами о нихъ пророчествовалъ. потому что во время Апостоловъ ихъ не было. Діоклетіанъ въ одномъ своемъ постановленіи называетъ ихъ ересь скверною и нечистою, недавно вышедшею изъ Персіи (см. Collect. Leg. Mosaic. et Roman.). Они находятъ женщинъ, изъ суетности желающихъ слышать новое, и представляя имъ вещи нравящіяся, успѣваютъ сманить ихъ на свое нечистое ученіе. А тѣ жадно слушаютъ ихъ, желая научиться, смысла же достаточно не имѣя, чтобъ различить истину отъ лжи. Такъ бываетъ, что онѣ всегда учатся, а познанія истины не имѣютъ.“

Ст. 7. *Всегда учащяся, и николиже въ разумъ истины пріити могущія.*

И это о женщинахъ,—что онѣ при суетности и страстности, еще и учатся всегда. Это бы и хорошо; но не хорошо, что несмотря на это всегдашнее ученіе, познать истину надлежащимъ образомъ никогда не могутъ. Отчего? Оттого, вѣрно, что учатся только изъ женскаго любопытства и жажды новаго, какъ мо-

ды, — которая не дастъ имъ разобрать, истинно ли предлагаемое, и текутъ вслѣдъ его по тому одному, что оно ново и имѣетъ привлекательный видъ. Истина же стара, строга и всюду однообразна. Она и не удовлетворяетъ ихъ; и онѣ позволяютъ себѣ искать чего либо удовлетворяющаго внѣ ея, — и нападаютъ на такое, по указанію проникающихъ въ ихъ домы инакоучащихъ. Истина посему у нихъ остается въ сторонѣ, и держится нѣчто, какъ истина, внѣ истины лежащее, кажущееся однакожъ истиннымъ. Св. Златоустъ спрашиваетъ: отъ чего это такъ, что учатся, а познать истины не могутъ? Отъ того, говоритъ, что отупѣлъ ихъ разумъ. А разумъ отъ чего отупѣлъ? Отъ того, что онѣ погрязли въ помянутыхъ похотяхъ и грѣхахъ. И наводитъ, — что Апостолъ сказалъ это (что онѣ учатся) не для того, чтобы оправдать ихъ, а для того, чтобъ сильнѣе обличить (перифразъ). — Продолжаетъ сіе наведеніе Ѳеофилактъ: „такъ что ихъ неспособность познать истину не есть естественный недостатокъ, а есть слѣдствіе неправаго направленія ихъ произволенія.“ — Женщины падки на ложъ, какъ и на грѣхъ. Потому великое есть несчастіе, когда онѣ выступаютъ учительницами, не по общему духу ученія Церкви Божіей.

Ст. 8. *Якоже Іаннїй и Іамврїй противистася Моѵсею, такожe и сїи противляются истинѣ, человѣцы растлѣнни умомъ, и неискусни о вѣрѣ.*

Какъ назывались волхвы, противившіеся св. Моѵсею, въ Писаніи не означено. „Вѣроятно сказанныя Апостоломъ имена ихъ сохранились въ неписанномъ преданіи“ (всѣ наши). Но это не важно; важно наведеніе, которое само собою отсюда выходитъ. Св. Моѵсей явно былъ посланъ Богомъ, и говорилъ и дѣйствовалъ отъ лица Божія, какъ Богъ ему повелѣлъ; а тѣ волхвы

выступили противъ него. Явно, что они были не отъ истины Божіей, не тѣмъ духомъ водились, который отъ Бога, но тѣмъ, который всегда и во всемъ противъ Бога. Тоже и теперь, говоритъ. Насъ Богъ послалъ лично чрезъ Господа Іисуса Христа, и мы проповѣдуемъ что Онъ повелѣлъ, бывая научаемы Духомъ; а эти прокрадывающіеся въ домы и обольщающіе слабыхъ женъ призракомъ истины, явно не отъ Бога суть и не отъ Духа Божія вѣщаютъ. Не изумляйтесь сему, какъ-бы говоритъ св. Павелъ. Что явились такіе, ничего нѣтъ дивнаго. „Какъ въ пшеницѣ обыкновенно произрастаютъ плевелы, такъ проповѣдники истины всегда имѣли сопротивниковъ. Кто славнѣе Моѵсея благочестіемъ? Но и онъ имѣлъ волхвовъ, людей явно ополчившихся на истину“ (Ѳеод.). Такъ не дивитесь и вы, что показались среди васъ противники истины. Они возстаютъ на наше ученіе не потому, что лучше познали истину, но потому, что, будучи *развращены умомъ и неискусны въ вѣрѣ*, вмѣсто истины держатъ ложь, которая кажется имъ истиною.

У кого умъ бываетъ развращенъ? Бываетъ онъ такимъ и у тѣхъ, которые, въ противность естественнымъ законамъ ума, соступаютъ съ прямаго пути, коимъ доходятъ до истины, и, вступивъ на ненадлежащій путь, нападаютъ на ложныя начала и усвоивъ ихъ, начинаютъ обо всемъ судить и все рѣшать на основаніи сихъ началъ. Какъ начала, взятыя не на истинномъ пути, истинными быть не могутъ; то всѣ ихъ сужденія и рѣшенія бываютъ ложны, хотя они стоятъ за нихъ, какъ за истинныя. Такъ имъ кажется сквозь усвоенныя ими начала. Какъ надѣвшій испорченныя очки, видитъ вещи или не на своемъ мѣстѣ, или не въ своемъ цвѣтѣ и величинѣ, или вверхъ ногами, судя потому, какъ повреждены очки: такъ и эти, какъ из-

вращено око ихъ ума принятыми началами, такъ и судятъ,—и судятъ не по истинѣ, а по видимости. Сбрось порченыя очки, и увидишь вещи какъ есть: такъ и здѣсь,—брось ложныя начала, выступи изъ нихъ, и увидишь истину. Другой видъ развращенія ума обладаніе страстьми. Куда влекутъ страсти, туда и умъ плетется, и что онѣ считаютъ дѣльнымъ, то таковымъ видитъ и умъ. Страсти же всѣ стоятъ внѣ истины; почему отбиваютъ отъ истины и умъ, ими завладѣнный.—Въ семъ смыслѣ пишетъ блаж. Ѳеофилактъ: „когда кто растлитъ свой умъ страстьми, тогда онъ бываетъ неискусенъ въ вѣрѣ (или въ познаніи истинной вѣры). *Рече безуменъ: нѣсть Богъ. Растлѣша и омерзишася въ беззаконіихъ* (Пс. 52, 2). Для пріятія вѣры (истинной) потребенъ умъ нерастлѣнный (страстями). Да внимаемъ убо себѣ, чтобъ не растлиться намъ страстями, и не нашло мѣста въ насъ испорченіе (обложненіе, поддѣланіе вѣры).“

Неискуснымъ въ вѣрѣ бываетъ наиболѣе берущійся учить вѣрѣ, и бываетъ такимъ тогда, когда, не зная точно опредѣленій вѣры, побочныя вѣрѣ представленія, кажущіяся только истинными, а не сущія таковыми, признаетъ истинными, и научая держаться ихъ покривляетъ истину вѣры, и уклоняется отъ ней на распутія инакомыслія и лжи. И неискусные въ вѣрѣ бываютъ отъ тѣхъ-же причинъ, отъ которыхъ и развращенные умомъ. Они преемствуютъ другъ друга. Развращенный умомъ непремѣнно окажется неискуснымъ въ вѣрѣ, когда возьмется судить о дѣлѣ вѣры.

Ст. 9. *Но не преуспѣютъ болѣе: безуміе бо ихъ явлено будетъ всѣмъ, якоже и онѣхъ бысть.*

Не преуспѣютъ болѣе,—т.-е. болѣе тѣхъ волхвовъ, противившихся св. Моисею. Какъ тѣ сначала имѣли небольшой успѣхъ, а потомъ обличились немощными:

такъ и съ этими будетъ. Скоро раскроется предъ всѣми ихъ глупость, — и они будутъ оставлены. Такъ развѣется навѣянный ими туманъ и исчезнутъ призраки. Св. Златоустъ говоритъ: „*но не преуспѣютъ*. Какъ же въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: *наипаче преуспѣютъ въ нечестіе* (2 Тим. 2, 16), а здѣсь: *не преуспѣютъ?* Тамъ онъ утверждаетъ, что еретики, начавъ вводить новости и заблужденія, не останавливаются, но постоянно изобрѣтаютъ новыя обольщенія и неправыя ученія; потому что заблужденіе никогда не останавливается (на одномъ). А здѣсь онъ утверждаетъ, что они не обольстятъ, не увлекутъ (вѣрующихъ); хотя сначала повидимому и совращаютъ нѣкоторыхъ, но скоро сами будутъ обличены. Это выражаетъ онъ дальнѣйшими словами: *безуміе бо ихъ явлено будетъ всѣмъ*. Какимъ же образомъ? *Якоже и онѣхъ бысть*. Заблужденія хотя сначала и успѣваютъ, но до конца не остаются. Таково все то, что не по существу своему хорошо, а только кажется хорошимъ; оно на время успѣваетъ, а потомъ обнажается и погибаетъ. Но не таково наше ученіе.“

Б).

ОТДѢЛЕНІЕ ВООДУШЕВИТЕЛЬНОЕ.

Изъяснивъ, куда должна быть направляема пастырская дѣятельность, св. Павелъ воодушевляетъ теперь св. Тимоөея на усердное прохожденіе ея, имѣя конечно въ виду наиболѣе послѣдующихъ пастырей. Какъ для дѣятельности пастырской показалъ онъ три направленія, по тремъ дарамъ Духа Святаго, подаваемымъ чрезъ рукоположеніе; то и воодушевленія свои на нее принаравливаетъ онъ къ тѣмъже направленіямъ. Это можно видѣть даже во внѣшнемъ теченіи рѣчи, дѣлящейся на три подъотдѣленія повторяющимися однообразно

оборотами: *ты же*—ст. 10,—*ты же*—ст. 14,—*ты же*—4, 5. Въ а) *первомъ*,—ст. 10—13,—внушаетъ: *мужайся*; во б) *второмъ*,—3, 14—4, 4: *ревнуй* неусыпно о спасеніи другихъ; въ в) *третьемъ*,—4, 5—8: трезвенно и мудро веди дѣло благовѣстника, какъ мой намѣстникъ.

а).

Мужайся,—3, 10—13.

Мужайся: аа) намъ съ тобою уже не въ первой разъ вступать въ труды и терпѣть, ст. 10—11; бб) да и нечего ожидать намъ покоя, для насъ онъ не положенъ,—ст. 12. 13.

аа).

Ст. 10. *Ты же послѣдовалъ еси моему ученію, житію, привѣту, вѣрѣ, долготерпѣнію, любви, терпѣнію.*

Ты же, — грамматически сочетаваетъ начинаемую рѣчь съ предыдущею; но содержаніе ея очевидно направляется на другое. Это другое совмѣщено главнымъ образомъ въ словѣ: *послѣдовалъ еси*. Чему послѣдовалъ, перечисляется только для примѣра. Съ самаго начала доселѣ ты явилъ столько постоянства, мужества, терпѣнія. Пребудь же таковымъ и до конца. Воодушевленіе дается въ самомъ этомъ напоминаніи о проявленномъ, какъ-бы говоря: смотри, не допусти, чтобъ все это пропало даромъ: ибо конецъ вѣнчаетъ дѣло. Св. Златоустъ говоритъ: „ты не просто принялъ ученіе, но и *послѣдовалъ*. Здѣсь онъ выражаетъ, что уже много прошло лѣтъ со времени обращенія (св. Тимоѳея). Посему говоритъ: будь твердъ.“ Бл. Ѳеофилактъ поясняетъ: „ты не просто присталъ ко мнѣ, но и *послѣдовалъ* мнѣ, т.-е., долгое время пребывая и раздѣляя все со мною, внималъ всему моему и навыкъ. Будь же крѣпокъ.“ Экуменій прибавляетъ: „какъ пріобрѣтшему

навыкъ, надлежитъ тебѣ пребыть такимъ же неизмѣнно.“

Ученію, послѣдовалъ, — „слову благовѣстія“ (св. Злат., Ѳеоф.),—„истинѣ, сообщенной тебѣ въ проповѣди“ (Ѳеод.),—„догматамъ“ (Экум.). Тутъ положено начало всему послѣдующему. Со всѣмъ жаромъ воспринятыя юнымъ сердцемъ убѣжденія давали движеніе и всей жизни.

Жизни,—ἀγωγῇ,—поведенію,—„тому образу жизни, который показанъ въ дѣлахъ“ (Ѳеод.),—„тому, какъ я дѣйствовалъ въ разнообразныхъ соотношеніяхъ съ другими и въ разныхъ обстоятельствахъ“ (Экум.).

Привѣту,—προθέσει,—настроенію моего произволенія. „Это говорится объ усердіи и душевномъ расположеніи“ (св. Злат.), или „о цѣляхъ, какія имѣлъ въ виду св. Павелъ“ (Ѳеод.). Ты видѣлъ это, и послѣдовалъ „моей ревности, присутствію духа и мужественному воодушевленію, съ какими я все дѣлалъ“ (Экум., Ѳеоф.). „И я самъ, говоритъ, не училъ только, не на словахъ только любомудрствовалъ, но исполнялъ и на дѣлѣ“ (св. Злат.). И дѣла внѣшнія и внутреннія расположенія отвѣчали другъ другу,—и все было по Богу и предъ Богомъ.

Вѣрѣ,—не догматической только, а паче жизненной, или увѣренности въ Богѣ, что Онъ никогда не оставитъ работающихъ во славу Его. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „ты перенялъ у меня то расположеніе, какое я имѣю къ Владыкѣ.“ А бл. Ѳеофилактъ прямо опредѣляетъ его: „*вѣрѣ*, говоритъ, послѣдовалъ, т.-е. твердости и неизмѣнному постоянству въ истинныхъ догматахъ (въ истинномъ ученіи), или вѣрѣ, не дающей въ крайнихъ опасностяхъ падать въ отчаяніе, но вѣровать Богу, что изъиметъ изъ нихъ“ (тоже у Экум.).

Долготерпѣнію,—при встрѣчѣ препятствій, пресѣкав-

шихъ благопріятное теченіе трудовъ нашей ревности (Экум.), равно какъ въ случаяхъ паденія братій, въ грѣхи ли (Ѳеод.), или въ какое-либо иномысліе (св. Злат., Ѳеоф.). „Ничто подобное не смущало меня" (св. Злат.); „никакое искушеніе и никакая препона не охлаждала моей ревности и не дѣлала меня лѣнивымъ;" и иномыслящіе не смущали меня, но и ихъ принималъ я благодушно и съ кротостію вразумлялъ" (Ѳеоф.). „И къ еретикамъ большое оказывалъ я долготерпѣніе" (св. Злат.).

Любви,—„сердоболію, съ какимъ я всегда расположенъ ко всѣмъ" (Ѳеод.). *Кто изнемогаетъ, и не изнемогаю; кто соблазняется, и азъ не разжизаюся* (2 Кор. 11, 29)? *Чадца, имиже паки болѣзную* (Гал. 4, 19).

Терпѣнію, — „въ гоненіяхъ" (св. Злат.), — тому, „какъ я мужественно переношу нападенія противниковъ" (Ѳеод.).

Ст. 11. *Изгнаніемъ, страданіемъ, якова ми быша во Антіохіи, и во Иконіи, и въ Листрѣхъ: якова изгнанія пріяхъ, и отъ всѣхъ мя избавилъ есть Господь.*

Говорится, что св. Тимоѳей послѣдовалъ добродѣтелямъ св. Павла,—потому что онъ явилъ ихъ въ себѣ, подражая своему учителю; а что изгнаніямъ и страданіямъ послѣдовалъ, говорится потому, что переносилъ ихъ вмѣстѣ съ Апостоломъ. Изгнанія—внѣшнія лишенія; а страданія предполагаютъ побои и раны—болѣзненныя. Терпѣлъ св. Павелъ то и другое всюду,—и притомъ такъ, что всегда почти съ нимъ бывалъ и св. Тимоѳей. Но почему поминаетъ только объ этихъ городахъ? Можетъ быть потому, что тутъ родина св. Тимоѳея, и что претерпѣнное ими здѣсь произвело на него разительнѣйшее впечатлѣніе, но за то и избавленіе было тѣмъ утѣшительнѣе. Если разумѣть здѣсь гоненія и страданія св. Павла въ первое свое въ сихъ

мѣстахъ проповѣданіе; то для св. Тимоѳея тогда полагались только начатки вѣры, и страданія, если и онъ сколько-нибудь былъ имъ причастенъ и дѣломъ, а не сердцемъ только, закаляли его на всѣ послѣдующія страданія. Помянувъ о семъ началѣ или о сей основѣ, Апостолъ напомнилъ и бывшее послѣ. „Онъ не имѣлъ нужды исчислять все порознь,—потому что не былъ тщеславенъ и честолюбивъ, и говорилъ не для прославленія себя, а для утѣшенія и воодушевленія ученика“ (св. Злат.). Но можетъ быть св. Павелъ говоритъ здѣсь не о первоначальныхъ гоненіяхъ и страданіяхъ въ сихъ странахъ, а о недавнихъ, когда по возвращеніи изъ Рима чрезъ Критъ и Фригію, снова посѣтилъ и сіи страны, направляясь въ Антіохію. Такъ полагаетъ между прочимъ св. Златоустъ: „а можетъ быть потому (помянулъ только объ этихъ), что говоритъ о событіяхъ новыхъ, а не древнихъ.“ Тоже повторяютъ св. Дамаскинъ, и Экуменій съ Ѳеофилактомъ.

Цѣль, съ какою поминается о гоненіяхъ и страданіяхъ, было—воодушевить къ неослабному мужеству, при встрѣчѣ непріятностей, неразлучныхъ съ дѣлами благовѣстія; а для этого достаточно было коротко обще помянуть о бывшемъ и испытанномъ. Что и дѣлаетъ св. Павелъ въ словахъ: *яковы гоненія пріяхъ*. Какія, вѣдь, гоненія я претерпѣлъ?! Тебѣ нечего ихъ перечислять: самъ знаешь ихъ. Однимъ этимъ краткимъ словомъ св. Павелъ наводилъ мысль св. Тимоѳея на все претерпѣнное. Но источникъ воодушевленія въ чемъ?—Въ томъ, что—*отъ всѣхъ мя избавилъ есть Господь*. „За тѣмъ поминаетъ Апостолъ о томъ, что и сколько претерпѣлъ, чтобы обнаружить и то, сколь велика и близка бываетъ и Божія помощь, какою Онъ защищаетъ и безопасными дѣлаетъ рабовъ

Своихъ отъ безстыдства сатаны,—и чтобы чрезъ то возбудить мужество и готовность небоязненно встрѣчать всегда нападки отъ невѣрныхъ и вѣроломныхъ“ (Амвр.). Прямой выводъ отсюда: мужайся же! Избавитъ и тебя Господь. Веди потому дѣло благовѣстника, не обращая вниманія на непріятности, съ тѣмъ соединенныя, а не только не смущаясь ими. „Двоякое (здѣсь для тебя) утѣшеніе и ободреніе: и въ томъ, что я оказалъ мужественную на все готовность, и въ томъ что не былъ оставленъ“ (св. Злат.). „Будь и ты на все готовъ,—и такъ-же никогда небудешь оставленъ“ (Ѳеоф.).

бб).

Ст. 12. *И вси же, хотящіи благочестно жити о Христѣ Іисусѣ, гоними будутъ.*

Лучшаго и ожидать намъ съ тобою не слѣдуетъ. Такова уже участь на землѣ всѣхъ людей, одного съ нами рода. Положившіе жить благочестно о Христѣ Іисусѣ не на землѣ имѣютъ свой рай, а на небѣ. Земля ничего имъ не даетъ, кромѣ лишеній, скорбей и гоненій. Потому что начала, коими руководствуются послѣдователи Христовы, совсѣмъ другія, чѣмъ тѣ, кои заправляютъ живущими для земли и на землѣ рай свой чающими обрѣсти. Два эти класса людей и не уживаются вмѣстѣ: при чемъ земные, какъ хозяева, тѣснятъ ищущихъ неба, какъ странниковъ и пришельцевъ. Такъ ты, говоритъ Апостолъ, и не жди лучшаго, и мысли свои тѣмъ не занимай. То для насъ благо, что эти тѣсноты благость Божія всѣ обращаетъ въ вѣчное намъ благо, такъ что мы можемъ съ увѣренностію и благодушіемъ взывать: слава Богу!

Св. Златоустъ говоритъ: „каждый, желающій благочестиво жить, будетъ гонимъ. Подъ гоненіями онъ

разумѣетъ здѣсь скорби, печали. Подлинно невозможно человѣку, идущему путемъ добродѣтели, быть безъ печали, сѣтованія, скорби, искушеній. Ибо какъ это возможно тому, кто идетъ путемъ тѣснымъ и прискорбнымъ, тому, кто слышалъ: *въ мірѣ скорбни будете* (Іоан. 16, 33)? Если Іовъ въ свое время говорилъ: *не искушеніе ли житіе человѣку на земли* (7, 1), то не гораздо ли больше теперь? — Таковъ ужъ порядокъ вещей. Изъ моего примѣра можешь видѣть, что человѣку, который борется со зломъ, невозможно не испытывать скорбей. Борцу невозможно предаваться нѣгѣ, воину въ сраженіи невозможно пиршествовать. Посему никто изъ находящихся въ борьбѣ пусть не ищетъ покоя, не предается наслажденіямъ. Настоящее время есть время борьбы, сраженія, скорбей, воздыханій, есть поприще подвиговъ. Время покоя будетъ послѣ; а теперь—время усилій и трудовъ. Никто, раздѣвшись и помазавшись для борьбы, не думаетъ о покоѣ. Если же ты желаешь покоя, то для чего раздѣлся?"

Ст. 13. *Лукавіи же человѣцы и чародѣи преуспѣютъ на горшее, прельщающе и прельщаеми.*

Это противоположеніе предыдущему. Но какому? Непосредственно предъ симъ стоитъ общее положеніе о бездольности на землѣ благочестивыхъ, которое приведено въ усиленіе побужденія къ мужеству въ дѣлѣ благовѣстія и устроенія церкви вѣрующихъ,—къ чему направлено все сіе отдѣленьице (—10—13). Сюда, надо полагать, направляется и настоящее противоположеніе. Мужайся, говоритъ, въ дѣлѣ благовѣстія, или установленія истины, несмотря на бездольность свою: ибо такова ужъ участь на землѣ благочестивыхъ.—А на благоденствіе противниковъ истины не смотри, и не смущайся тѣмъ. Ихъ преуспѣяніе не

на добро имъ, и не потому имѣетъ мѣсто, будто на ихъ сторонѣ истина, но потому, что, какъ на землѣ всѣ земныя блага призрачны, то среди оземленившихся цѣннѣе призраки истины, чѣмъ истина. Ихъ и держатся посему,—или посему они еще и существуютъ, т.-е., прельщающе любящихъ прельщеніе.

Лукавіи человѣцы,— не люди исключительно худонравные, но преимущественно тѣ, которые умѣютъ лукаво ложь представлять истиною,—какъ видно изъ приложеннаго къ нимъ при семъ: *чародѣи,* подъ чѣмъ должно разумѣть не волхвовъ и маговъ, а лица, очаровывающіе представленіемъ лжи красною и увлекающіе въ слѣдъ ея. Вставить сіе слово здѣсь подало поводъ сказанное въ ст. 8-мъ о противившихся Моѵсею чародѣяхъ. Но какъ тѣ тамъ представлены, яко противники истинѣ, такъ и здѣсь взятое отъ нихъ слово должно понять, какъ указаніе на лица, проповѣдающія противную истинѣ ложь. Лукавіи человѣцы и чародѣи будетъ посему: лукавые и обольстительные проповѣдники лжи.

Преуспѣютъ, — по противоположности предыдущему,—будутъ благоденствовать. Ты, какъ и надлежитъ благочестивому, будешь гонимъ, а распространители лжи будутъ благоденствовать. Конечно не безъ успѣха будетъ и ихъ проповѣдь лжи; но не это здѣсь исключительно имѣлъ въ мысли Апостолъ, а паче внѣшнее ихъ благосостояніе. Успѣха ихъ проповѣди не предвѣщалъ Апостолъ, какъ выше видно,—ст. 9.

На горшее,—επι το χειρον,—преуспѣютъ не на добро, а на зло себѣ, преуспѣютъ не въ добромъ смыслѣ,— такъ что преуспѣяніе это будетъ казаться только преуспѣяніемъ, на дѣлѣ будучи ухудшеніемъ крайнимъ.

Прельщающе и прельщаеми, — причина успѣха или источникъ благоденствія ихъ. Сами состоятъ въ прель-

щеніи, почему прельщаютъ и другихъ, которые, оземленившись земнымъ — прелестнымъ, легко поддаются всякому прельщенію, какъ сродному имъ пріему. Находясь въ такомъ положеніи, они не противленіе встрѣчаютъ, а всякое благопріятствованіе; отъ того и благоденствуютъ и преуспѣваютъ.

„Нисколько не смущайся, говоритъ, если они благоденствуютъ, а тебя постигаютъ искушенія“ (св. Злат.). „Ибо губитель человѣковъ содѣйствуетъ своимъ, и какъ наставникъ какой-нибудь, пріобучаетъ ихъ къ пороку“ (Ѳеод.). Но вѣдай, что „они только кажутся преуспѣвающими; на дѣлѣ же то, что они благопріятствуются въ прельщеніи, не есть преуспѣяніе. Ибо Апостолъ, опредѣляя, что есть *горшее*, сказалъ: прельщать и прельщаться“ (Ѳеоф.). „Преспѣяніе есть средній терминъ,—поелику оно бываетъ и въ лучшемъ и въ худшемъ смыслѣ. Почему говоритъ: эти преуспѣваютъ на худшее“ (Экум.).

б).

Ревнуй.—3, 14—4, 4.

Именно — аа) самъ пребывая въ принятомъ тобою спасительномъ ученіи, — 3, 14 — 17, — бб) неутомимо преподавай его и другимъ,—4, 1—4.—Въ изложеніи сихъ пунктовъ не то имѣется въ виду, чтобъ выяснить обязанность такъ именно дѣйствовать, а болѣе то, чтобъ выставить воодушевительныя на такое дѣйствованіе побужденія.

аа).

Для пребыванія въ принятомъ ученіи два побужденія: α) *вѣдый, отъ кого научился еси,*—3, 14,—и β) *яко изъ млада Священная Писанія умѣеши,*—3, 15—17.

α).

Ст. 14. *Ты же пребывай, въ нихже наученъ еси и яже ввѣрена суть тебѣ, вѣдый, отъ кого научился еси.*

Ты же пребывай,—будь непоколебимъ и твердъ,—въ чемъ?—Въ томъ, чему научился,—ἔμαθες,—*и яже ввѣрена суть тебѣ*, ἐπιστώθης,—и что принялъ ты не одною памятію, но сердечнымъ убѣжденіемъ, въ чемъ убѣдился и удостовѣрился до осязательности. „Будь, говоритъ, неизмѣненъ, *и не ревнуй лукавнующимъ, и спѣющему въ пути своемъ человѣку, творящему беззаконіе* (Пс. 36, 1. 7). Ты не просто научился, но и удостовѣрился, принялъ ученіе съ убѣжденіемъ" (Ѳеоф. Тоже у св. Злат. и Экум.). Уже это одно напоминаніе должно было возобновить первую ревность во всей ея силѣ: ибо таково свойство воспоминанія, что оно сильно *возставлять* и воодушевленіе, сопровождавшее то, о чемъ воспоминается (2 Петр. 1, 13), и *возбуждать чистый смыслъ* (2 Петр. 3, 1). Но это дѣйствіе наипаче усиливаетъ св. Павелъ слѣдующими словами: *вѣдый, отъ кого научился еси.*

Наученъ былъ св. Тимоѳей самимъ же пишущимъ,—св. Павломъ. Но сила воодушевленія не изъ этого одного истекала, а наипаче изъ Того, Кѣмъ самъ св. Павелъ наученъ, и Кто всегда такъ очевидно покровительствовалъ его ученію. Все сіе было вѣдомо св. Тимоѳею. Приведши все сіе на память, св. Павелъ какъ бы зеркало, собирающее лучи тепла въ одну точку, наводилъ на душу св. Тимоѳея, — и она не могла не воспламениться при семъ всѣмъ жаромъ воодушевленія и ревности къ распространенію и утвержденію на землѣ истинъ, съ неба изшедшихъ и спасеніе міру дающихъ. Блаж. Ѳеодоритъ пишетъ: „твердо храни ученіе, истину котораго дозналъ ты опытомъ;

ибо сіе выразилъ Апостолъ словомъ, — ἐπιστώθης, — удостовѣрился. Тимоѳей былъ самовидцемъ Апостольскихъ чудесъ, и самъ много творилъ таковыхъ. При семъ Апостолъ указываетъ и на авторитетъ учителя, дѣлая и чрезъ сіе ученіе болѣе твердымъ: *вѣдый, отъ кого научился еси.*" Подобную же рѣчь ведетъ и Амвросіастъ: „вѣдая, что авторитетъ того, отъ кого св. Тимоѳей научился, стоитъ твердо и непоколебимъ. Ибо самъ онъ видѣлъ чудеса, совершенныя Апостоломъ, а предъ чудесами смолкаетъ всякое слово (недовѣрія или возраженія)."

β).

Ст. 15. *И яко изъ млада Священная Писанія умѣеши, могущая тя умудрити во спасеніе, вѣрою, яже о Христѣ Іисусѣ.*

„Два побужденія представляетъ св. Павелъ Тимоѳею къ тому, чтобъ онъ пребылъ неподвиженъ въ принятомъ ученіи: *первое*—то, что ты, говоритъ, не отъ кой-какого научился, а отъ него—Павла, а это тоже есть сказать, что и—отъ Христа; *второе*—то, что ты, говоритъ, не вчера и завчера научился, а съ дѣтства, и имѣешь глубоко вкорененнымъ въ себѣ Божественное вѣдѣніе. И оно не допуститъ тебя до чего либо неразумнаго" (Ѳеоф.). Св. Тимоѳей съ дѣтства зналъ и содержалъ одну истину — ту, которая открыта въ Ветхозавѣтныхъ Писаніяхъ. Св. Павелъ, посредствомъ сихъ же Писаній съ помощію благодати Божіей и Апостольскаго всеоружія дарованій Духа Божія, привлекъ его къ вѣрѣ въ Господа Спасителя. Это было для него не новое что, но тоже, что читалъ онъ въ Писаніи, — только не разумѣя опредѣленно, о комъ и о чемъ говорили Пророки. Апостолъ сообщилъ ему это разумѣніе, снявъ для него покрывало, лежащее

обычно на Ветхомъ Завѣтѣ. Съ этого времени для св. Тимоѳея тоже Писаніе стало не тоже по разумѣнію,— оно свѣтило для него инымъ, лучшимъ и совершеннѣйшимъ свѣтомъ. Но сіе прибавленіе вѣдѣнія не дѣлало его оторвавшимся отъ Писаній. Онъ все же благоговѣйно относился къ нимъ и покорно поучался въ нихъ, видя въ нихъ предъизображеннымъ все Новозавѣтное устроеніе спасенія. Св. Павелъ, напомнивъ ему о своемъ его просвѣщеніи вѣрою, теперь указываетъ и на источникъ, откуда почерпалось и убѣжденіе къ вѣрѣ. Св. Тимоѳей долженъ былъ почувствовать себя какъ-бы въ кругъ нѣкій непреступаемый заключеннымъ: такъ что уму его не могло ни откуда придти покушеніе на какое-либо воззрѣніе, инаковое отъ тѣхъ, какихъ держался доселѣ. „Ты, говоритъ, съ ранняго возраста изучилъ Священное Писаніе, на немъ ты воспитанъ; и потому вѣра твоя должна быть твердою и ничто не должно вредить ей; корень ея лежитъ глубоко и укрѣпился въ теченіе долгаго времени; потому ничто не можетъ исторгнуть его" (св. Злат.).

Но въ св. Тимоѳеѣ все это уже и было. Возможно ли предположить какое либо колебаніе въ немъ, любимомъ ученикѣ св. Павла и его преемникѣ? — Зачѣмъ же такія напоминанія?—Въ словѣ Апостола слышится прощальная рѣчь (св. Злат.): доселѣ я тебя училъ; теперь тебѣ предлежитъ искать вразумленія въ Писаніи: руководимый свѣтлою вѣрою въ Господа, ты можешь въ немъ узрѣвать все потребное ко спасенію. Писаніе сіе,—одно безъ вѣры,—покрываломъ покрыто, но вѣрою во Христа Господа для тебя снято сіе покрывало, и Писаніе всесторонне можетъ умудрять тебя во спасеніе. Амвросіастъ пишетъ: „знаніе Ветхаго Завѣта много приноситъ пользы. Въ немъ лице Христа Спасителя

изображено, и воплощеніе Его возвѣщено во искупленіе рода человѣческаго. Почему Апостолъ и внушаетъ св. Тимоѳеею преуспѣвать въ семъ вѣдѣніи: ибо древнее сіе есть сила и опора новаго.“ Тоже и у св. Дамаскина: „Священнымъ Писаніемъ онъ называетъ законъ и пророковъ, кои могли его возводить къ премудрости, т.-е. Христу. Ибо въ Немъ—исполненіе закона и пророковъ.“ Бл. Ѳеофилактъ извлекаетъ отсюда такой урокъ: внѣшнее вѣдѣніе умудряетъ человѣка прельщать другихъ словопрительными софизмами; отсюда пагуба души. Но Божественное вѣдѣніе не таково: оно умудряетъ во спасеніе.“ Св. Златоустъ пространнѣе это излагаетъ преимущественно въ отношеніи къ устроенію жизни по Богу. „Въ Писаніяхъ излагается, что должно дѣлать, и чего не должно. Они—свѣтъ для находящихся во тьмѣ. Кто знаетъ Писанія, какъ должно, тотъ не соблазняется ничѣмъ случающимся, все переноситъ мужественно, иное принимаетъ вѣрою и приписываетъ непостижимому домостроительству Божію, а для инаго видитъ основанія и находитъ примѣры въ Писаніяхъ.— Въ Богѣ все почти сокровенно, и изслѣдовать дѣла Его невозможно. Знай только то, что Богъ устрояетъ все, что Онъ промышляетъ обо всемъ, что мы свободны, что Богъ иное совершаетъ, а иное попускаетъ, что Онъ не желаетъ ничего злаго, что не все бываетъ по Его волѣ, но иное и по нашей, именно все злое только отъ насъ, а все доброе какъ отъ насъ, такъ и отъ Его помощи, что отъ Него не скрывается ничто; такъ Онъ дѣйствуетъ во всемъ! Зная сіе, смотри, что— доброе, что — злое, и что — безразличное: именно,— добродѣтель — добро, порокъ — зло, а безразличны— богатство, бѣдность, болѣзни, жизнь, смерть, козни противъ насъ, клеветы, и т. п. Познавъ это, ты вмѣстѣ съ тѣмъ уразумѣешь, что праведные здѣсь страдаютъ,

а если нѣкоторые изъ нихъ благоденствуютъ, то для того, чтобы добродѣтель не казалась страшною; злые же здѣсь веселятся, дабы получить наказаніе тамъ; а если нѣкоторые изъ нихъ и здѣсь наказываются, то для того, чтобы зло не казалось добромъ и дѣла ихъ безнаказанными; если же они наказываются не всѣ, то для того, чтобы не утратилась вѣра въ день воскресенія; и между добрыми есть люди, совершающіе злыя дѣла, за которыя они здѣсь и отдаютъ отчетъ (т.-е. наказываются), равно какъ и между злыми есть люди совершающіе добрыя дѣла, за которыя они здѣсь и получаютъ воздаяніе, дабы потерпѣть за худое полное наказаніе тамъ;—дѣла Божіи по большей части непостижимы; великое различіе между нами и Богомъ, а какое именно, того сказать невозможно. Если мы будемъ разсуждать такимъ образомъ, то ничто не смутитъ насъ; но станемъ такъ разсуждать, если будемъ постоянно слушать Писаніе; ибо тамъ найдемъ много всему сказанному примѣровъ и учительныхъ наставленій.“

Этими двумя положеніями сказано все, что довлѣло къ воодушевленію на твердое содержаніе и храненіе исповѣданія въ себѣ и другихъ. Но св. Павелъ счелъ нужнымъ приложить къ послѣднему положенію о Божественномъ Писаніи общее на всѣ времена и для всѣхъ опредѣленіе благотворности занятія чтеніемъ Писанія при стремленіи къ духовному преспѣянію. Не слѣдуетъ однакожъ выпускать изъ вниманія, что если для всѣхъ Писаніе таково, то тѣмъ паче для пастыря, при должномъ исправленіи имъ лежащаго на немъ долга.

Ст. 16. 17. *Всяко Писаніе Богодухновенно и полезно есть ко ученію, ко обличенію, ко исправленію, къ наказанію, еже въ правдѣ: да совершенъ будетъ Божій человѣкъ, на всякое дѣло благое уготованъ.*

Всяко писаніе, — πᾶσα γραφή. Иные переводятъ это

такъ, какъ и у насъ по славянски: всякое Писаніе, а другіе,—все Писаніе. Спорить не изъ-чего. Ибо и *всяко Писаніе* туже мысль содержитъ, что и „все Писаніе.“ *Всяко Писаніе* не иначе должно понимать, какъ: всякая изъ книгъ Писанія,—всякая историческая книга, всякая учительная и всякая пророческая. Сведи все въ едино, и выйдетъ все Писаніе. А что такъ надо понимать *всяко Писаніе,* видно изъ того, что здѣсь *всяко Писаніе* тоже означаетъ, что предъ симъ: *Священная Писанія,*—*ιερα γραμματα*; а такъ именуются книги Божественнаго Писанія. Блаж. Ѳеофилактъ пишетъ: „нѣкоторые задаютъ вопросъ: какъ Апостолъ сказалъ здѣсь: *всяко Писаніе Богодухновенно?* Ужели и еллинскія писанія Богодухновенны? И затрудняясь рѣшеніемъ его, переводятъ не: *Богодухновенно,* а Богодухновенное, чтобъ была мысль: всякое Писаніе, которое есть Богодухновенно, есть и полезно. Но имъ слѣдовало бы взять во вниманіе, что Апостолъ говоритъ здѣсь: *πασα γραφη*—всяко Писаніе, сказавши предъ симъ: *ιερα γραμματα,*—*Священная Писанія умъеши.* И очевидно само собою, что подъ *πασα γραφη,* — *всяко Писаніе,* разумѣетъ онъ здѣсь тоже, что прежде обозначилъ словами: *ιερα γραμματα,*— Священная Писанія, подъ чѣмъ разумѣются обыкновенно книги Священнаго Писанія, или Библія)“ (Тоже у св. Злат.).

„Итакъ всякое Священное Писаніе Богодухновенно; посему, говоритъ, не сомнѣвайся въ немъ“ (св. Злат.). Богодухновенно; ибо, какъ свидѣтельствуетъ св. Петръ, *всяко пророчество книжное по своему сказанію не бываетъ* (не отъ себя сказывается). *Ни бо волею бысть когда человѣкомъ пророчество, но отъ Святаго Духа просвѣщаеми глаголаша святіи Божіи человѣцы* (2 Петр. 1, 20. 21). „Апостолъ отличилъ Свящ. Писаніе отъ писаній человѣческихъ, назвавъ оное Богодухновеннымъ;

потому что чрезъ Пророковъ и Апостоловъ изрекала (Божію истину) Божія благодать, или Святый Духъ“ (Ѳеод.).

Писаніе Богодухновенно и полезно, яко отдыханіе устъ всеблагаго Бога, которое живительно для всякой, паче же разумной твари (Пс. 103, 30; 118, 50). Св. Пророкъ Давидъ душеспасительность Слова Божія изображаетъ такъ: *законъ Господень непороченъ, обращаяй души; свидѣтельство Господне вѣрно, умудряющее младенцы. Оправданія Господня права, веселящая сердце; заповѣдь Господня свѣтла, просвѣщающая очи* (Пс. 18, 8. 9). Сообразна съ этимъ и указываемая Апостоломъ полезность Божественнаго Писанія.

Полезно, говоритъ, *Писаніе ко ученію,*—πρὸς διδασκαλίαν: ибо оно просвѣщаетъ умъ сообщеніемъ ему вѣдѣнія всякой истины потребной въ нашемъ положеніи. „Оно научаетъ насъ благопотребнымъ догматамъ и указываетъ добрыя правила жизни“ (Экум.). „Научаетъ тому, что надлежитъ намъ знать. И нѣтъ ничего, что не было бы разрѣшено посредствомъ Божественнаго Писанія“ (Ѳеоф.). „Ибо, чего не знаемъ, тому научаемся изъ Писанія“ (Ѳеод.). „Если нужно знать что нибудь, если случится недоумѣвать въ чемъ нибудь, о томъ можемъ узнать отсюда“ (св. Злат.).

Научивъ истинѣ, Писаніе ведетъ и *къ обличенію*: обличаетъ же какъ ложь, такъ и неисправную жизнь. „Если нужно обличить ложь,—и это можемъ почерпнуть отсюда“ (св. Злат.). „Писаніе обличаетъ и нашу беззаконную жизнь“ (Ѳеод.).

Обличивъ, располагаетъ и руководитъ *къ исправленію* какъ ложныхъ воззрѣній, такъ и недобрыхъ навыковъ жизни. „Оно и совратившихся (вообще и въ нравственномъ и въ умственномъ отношеніи) призываетъ на правый путь“ (Ѳеод.). Т.-е., къ тому, чтобъ неправыя

мудрованія замѣнить правыми, и бросивъ худыя привычки обратиться къ добродѣтели. „Если нужно исправиться, или вразумиться,—если недостаетъ чего нибудь и нужно дополнить то,—и это почерпается изъ Писанія“ (св. Злат.).

Кто исправилъ пути свои, тому предлежитъ потребность знать, какъ шествовать правымъ путемъ не совращаясь, а все болѣе и болѣе преуспѣвая и утверждаясь въ правотѣ. И этому обучаетъ его Писаніе,—полезное *къ наказанію еже въ правдѣ*. „Оно обучаетъ насъ всякимъ видамъ добродѣтели“ (Ѳеод.). „Умудряетъ въ стяжаніи праведности, и въ дѣланіи праведныхъ дѣлъ“ (Ѳеоф.),—„вводитъ въ правду, или возводитъ къ совершенству въ ней“ (Экум.).

„Все сіе ведетъ къ совершенству, и дѣлаетъ насъ своими Богу всяческихъ“ (Ѳеод.). Почему Апостолъ прилагаетъ: *да совершенъ будетъ Божій человѣкъ*. Божій человѣкъ есть Богу себя посвятившій и объ этомъ Богоугожденіи заботящійся. Такой и самъ Богомъ бываетъ покровительствуемъ, и состоитъ подъ Его осязательнымъ благоволеніемъ. Совершенъ такой человѣкъ бываетъ, когда можетъ во всякомъ случаѣ и опредѣленно узнать волю Божію и съ твердостію исполнить ее вполнѣ, во всей широтѣ, въ какой она узнана, до положенія живота. Кто достигнетъ такого совершенства, того дѣла всегда бываютъ у мѣста,—и къ лицу, и къ времени, и къ обстоятельствамъ идутъ. Почему Апостолъ—*совершенъ* выразилъ словомъ: ἄρτιος,—которое, слово въ слово, лучше нельзя перевесть какъ—складенъ. Обыкновенно нескладнымъ называемъ мы того, у котораго все не впопадъ, а складнымъ, у котораго все впопадъ. Вотъ таковое именно совершенство и обѣщаетъ св. Павелъ тому, кто въ образованіи своей умственной, нравственной и религіозной

стороны беретъ въ руководство Божественное Писаніе и неуклонно слѣдуетъ ему. „Для того, говоритъ, дано наставленіе Писаній, чтобы совершенъ былъ человѣкъ Божій; слѣдовательно безъ нихъ невозможно быть совершеннымъ“ (св. Злат.). „Исправленіе и упорядоченіе нрава бываетъ чрезъ Писаніе, чтобы у человѣка, по Богу живущаго, ни въ чемъ добромъ не бывало недостатка. Такъ что, если и ты желаешь сдѣлаться такимъ же складнымъ, —ἄρτιος, —т.-е. совершеннымъ, здравымъ и всегда во всемъ ровнымъ, возымѣй совѣтниками къ тому Божественныя Писанія“ (Ѳеоф.).

Изъясненный смыслъ совершенства указанъ опредѣленно въ послѣднихъ словахъ: *на всякое дѣло благое уготованъ.—Уготованъ,*—ἀπηρτισμένος, пригоденъ, прилаженъ, т.-е. такой, который и знаетъ и умѣетъ дѣлать всякое добро, и дѣлать наилучшимъ образомъ. Вотъ какимъ дѣлаетъ Писаніе человѣка Божія! Не просто принимающимъ участіе въ добрыхъ дѣлахъ, какъ-бы не чуждающимся лишь ихъ, но на нихъ только и налаженнымъ, такъ что онъ только и дѣлаетъ что добрыя дѣла. Не на такое, говоритъ, и такое дѣло уготованъ, но на всякое“ (Ѳеоф.).

Все это сказанное о Писаніи имѣетъ приложеніе и въ практикѣ пастырской, и въ дѣлѣ жизни каждаго. И всякаго оно учитъ, обличаетъ, исправляетъ, обучаетъ всякому добру, и чрезъ то ведетъ его къ совершенству полному; и пастырю, на коемъ лежитъ проводить пасомыхъ всѣмъ означеннымъ путемъ, оно даетъ полное до подробностей руководство. Почему какъ пастырямъ, такъ и всякому слѣдуетъ заниматься изученіемъ Божественныхъ Писаній, не кое-какъ, по верхамъ, но по существу его. Св. Златоустъ представляетъ св. Павла внушающимъ св. Тимоѳею: „вмѣсто меня, говоритъ, ты имѣешь Писанія; когда пожелаешь

узнать что нибудь, то можешь узнать отсюда." И вслѣдъ за симъ прибавляетъ: „если же такъ сказано Тимоѳею, который былъ исполненъ Духа Святаго, то не тѣмъ ли болѣе намъ" (пригодно сказать такъ)?

6б).

Дѣло ревности пастырской спасеніе душъ ввѣренныхъ. Средство къ тому главное: β) убѣжденіе проповѣдію слова истины. Это и внушаетъ теперь св. Павелъ,—4, 2: *проповѣдуй, настой*. Въ воодушевленіе къ сему, α) поставляетъ онъ пастыря предъ лицемъ Бога, въ моментъ суда, когда онъ долженъ будетъ дать отчетъ о приставленіи домовнемъ,—4, 1. И чтобы пастырь не подпалъ искушенію отлагать дѣла проповѣди на завтра, γ) прилагаетъ: поспѣши; скоро настанетъ время, когда многіе не станутъ уже слушать слова истины,—4, 3. 4.

α).

Гл. 4. Ст. 1.—*Засвидѣтельствую убо азъ предъ Богомъ и Господемъ нашимъ Іисусъ Христомъ, хотящимъ судити живымъ и мертвымъ, въ явленіи Его и царствіи Его.*

Засвидѣтельствую,—есть будто заклинаніе Богомъ живымъ, въ возбужденіе живѣйшаго сознанія долга дѣйствовать такъ, какъ предлагается, и воодушевленіе къ ревности о томъ. И въ обычной рѣчи часто употребляемъ: Богъ тебѣ будетъ судья, если не сдѣлаешь такъ и такъ. Имѣется при семъ въ виду и устрашеніе, на большее пробужденіе совѣсти, чтобъ она поживѣе приняла въ свое завѣдываніе предлагаемое дѣло, и вмѣстѣ представленіе, сколь необходимо и спасительно дѣло сіе. „Три мысли внушаетъ это засвидѣтельствованіе или заклинаніе,—что заповѣдь про-

повѣдывать слово страшными сопровождается послѣдствіями для неисполняющихъ ея,—что исполненіе ея неотложно для тѣхъ, на коихъ возложена, и что слово, которое проповѣдывать повелѣвается, есть единственно спасительное слово. Ибо еслибъ оно не было таково, то не повелѣвалось бы проповѣдывать его съ такою неотступностію. Сверхъ того симъ внушается, что проповѣдающій его не особенное что дѣлаетъ, но исполняетъ долгъ свой, если проповѣдуетъ всеусердно, не подчиняясь обычной въ семъ отношеніи лѣности" (перифразъ Экум.).

Предъ Богомъ и Господемъ нашемъ... Т.-е. предъ Богомъ Отцемъ и Сыномъ Божіимъ, воплотившимся нашего ради спасенія. Читая сіе, не допускай ни малаго помышленія о неравенствѣ даже на незамѣтную какую черту, равно и о томъ, что сіи два лица бываютъ когда либо и въ чемъ либо безъ третьяго—Духа Святаго. Они присно нераздѣльны.

Хотящимъ судити.—*Хотящимъ*—имѣющимъ. „И въ первомъ посланіи онъ внушалъ Тимоѳею страхъ словами: *завѣщаваю ти предъ Богомъ, оживляющимъ вся-ческая* (1 Тим. 6, 13); здѣсь же говоритъ нѣчто болѣе страшное: *хотящимъ судити*, то-есть, имѣющимъ потребовать отчетъ" (св. Злат.). „Боясь за будущую расправу, Божественный Апостолъ часто тѣснитъ ученика своего такимъ засвидѣтельствованіемъ, или заклинаніемъ. Но поступаетъ такъ и изъ любви, желая сдѣлать его славнымъ и осмотрительнымъ и расположить къ ревностной и дерзновенной проповѣди" (Ѳеод.).

Живымъ и мертвымъ.—*Живымъ*, т.-е. тѣмъ, которыхъ судъ застанетъ живыми, „такъ какъ многіе останутся въ живыхъ (до послѣдняго суда)" (св. Злат.); а *мертвымъ*,—тѣмъ, кои умрутъ до того времени. Судіей живыхъ и мертвыхъ назвалъ Апостолъ Господа, пото-

му что Онъ и мертвыхъ воскресивши приведетъ на судъ, и у тѣхъ, которыхъ конецъ міра застанетъ живыми, потребуетъ отчета, облекши ихъ предварительно въ нетлѣніе. Ибо сказано: *вси бо не успнемъ: вси же измѣнимся* (1 Кор. 15, 51)“ (Ѳеод.).

Въ явленіи Его и царствіи Его. Въ то время, когда Онъ второе пріидетъ, чтобы открыть славное царство Свое. Или такъ: „*Судити*—когда? Во время пришествія Его со славою, съ царскимъ величіемъ,—т.-е. не такъ какъ нынѣ“ (св. Злат.). „Ибо во вторый разъ пріидетъ Онъ уже не такъ, какъ въ первый, т.-е., не уничиженный“ (Ѳеоф.).

β).

Ст. 2. *Проповѣдуй слово, настой благовременнѣ и безвременнѣ, обличи, запрети, умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ.*

Вотъ въ чемъ главное дѣло пастыря, которое, бывъ исполнено, оправдаетъ его, а бывъ неисполнено, осудитъ его на страшномъ судѣ. И никакія другія добродѣтели уже не спасутъ его, — если онъ окажется неисправнымъ въ семъ отношеніи. Затѣмъ такъ понудительно и предлагаетъ сіе св. Апостолъ. Содержаніе предлагаемаго здѣсь идетъ примѣнительно къ тому, что сказано о Писаніи. Писаніе полезно *ко ученію,*—а здѣсь: *проповѣдуй, настой;* Писаніе полезно *къ обличенію,*—и здѣсь: *обличи;* Писаніе полезно *ко исправленію,* и здѣсь: *запрети;* Писаніе полезно *къ наказанію еже въ правдѣ,*—и здѣсь: *умоли со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ.* Какъ-бы такъ внушаетъ: все, что соберешь въ Писаніи, какъ мудрая пчела, неси то въ души пасомыхъ.

„Къ чему же именно Апостолъ заклинаетъ? Что такое есть?—*Проповѣдуй слово,* не скрывай, или не за-

рывай въ землю, сущаго въ тебѣ дара. О, да устрашимся сего мы, лѣнящіеся проповѣдывать!" (Өеоф.).

Настой благовременнѣ и безвременнѣ. Настой,—стой всегда на томъ, чтобъ проповѣдывать,—„проповѣдуй непрестанно, говори неутомимо. Не такъ, чтобъ поговорить однажды и довольно, но всегда говори и учи" (Өеоф.). „Что значитъ, *благовременнѣ и безвременнѣ?*—Не назначай опредѣленнаго времени, пусть будетъ тебѣ всегда время для этого, а не только—во время мира, спокойствія или пребыванія въ церкви; хотя бы ты былъ въ опасности, хотя бы въ темницѣ, хотя бы въ узахъ, хотя бы готовился идти на смерть, и въ это время обличай и не переставай вразумлять. Тогда и благовременно дѣлать обличеніе, когда оно можетъ имѣть успѣхъ, или когда представляется удобный случай" (св. Злат.). „Св. Апостолъ повелѣваетъ Тимоөею, не просто и какъ ни есть проповѣдывать, но всякое время почитать къ сему пригоднымъ. Это и самъ онъ дѣлалъ, уча въ темницѣ, на кораблѣ, за предложенною трапезой; о семъ свидѣтельствуетъ бывшее въ Филиппахъ, въ Троадѣ и на морѣ" (Өеод.). „*Благовременнѣ и безвременнѣ* сказалъ Апостолъ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ говорится это въ обычной рѣчи. Такъ думаютъ нѣкоторые, и благовременіемъ для проповѣди почитаютъ время мирное и покойное, а безвременіемъ для ней — время бѣдственное (когда не до проповѣди). Иные опять благовременною проповѣдію почитаютъ проповѣдь въ церкви, а безвременною — внѣ церкви. Или и еще иначе: не жди времени паденія, но учи прежде, чѣмъ падетъ кто" (Өеоф.). Не жди времени, но коль скоро видишь, что проповѣдь нужна и можетъ принесть пользу, проповѣдуй, въ какихъ бы обстоятельствахъ ты ни находился.

Обличи. „Когда видишь, что это должно дѣлать,

т.-е., когда найдешь кого грѣшащимъ или намѣревающимся согрѣшить, то не пропускай даромъ.“ Обличеніе идетъ и къ тому, кто уклоняется въ инакомысліе, и къ тому, кто заповѣди нарушаетъ. Обличеніе имѣетъ цѣлію раскрыть одному неправомысліе, а другому неправость поведенія, — того и другаго довесть до сознанія вины и возбудить въ нихъ желаніе исправленія. Оно требуетъ крѣпкаго сердца, чтобъ не стыдиться лица.

Запрети. „Послѣ того какъ обличишь и докажешь погрѣшающему его погрѣшность, запрети ему“ (Өеоф.). ἐπιτίμησον—означаетъ: и строгостію пастырской власти понудь его исправиться,—и наложи на него эпитимію, употреби исправительныя наказанія церковныя, наложивъ ихъ какъ пластыри на раны. Требуется симъ довесть до рѣшимости исправиться и поставить на путь исправленія.

Умоли,—*παρακάλεσον*,—что значитъ: и упроси—уговори, и утѣшь. То и другое нужно исправляемому, чтобъ охотно и съ удовольствіемъ велъ дѣло самоисправленія. Тутъ умѣстно и обнадеженіе успѣхомъ и нетрудностію достигнуть его, паче же свѣтлостію состоянія исправно живущаго. „Запрещеніе и наказаніе подобно рѣзанію, а утѣшеніе — пріятному пластырю. Итакъ приложи пластырь утѣшенія, чтобы одно рѣзаніе, производя крайнюю боль, не ввергло въ отчаяніе“ (Өеоф.). „Подобно врачамъ, указавъ нарывъ и сдѣлавъ разрѣзъ, прилагаетъ онъ теперь и пластырь“ (св. Злат.). „Когда болѣзнь скрыта, врачи сперва дѣлаютъ нарѣзъ и употребляютъ суровыя врачевства, а потомъ дѣлаютъ мягчительныя присыпки“ (Өеод.).

Къ сказанному—*обличи*, *запрети*, *умоли* св. Златоустъ прилагаетъ такое наведеніе: „Если что нибудь изъ всего этого опущено, то прочее бываетъ безпо-

лезно. Если ты будешь запрещать безъ обличенія, то покажешься дерзкимъ, и никто не станетъ слушать; если же напередъ обличишь, тогда слушатель приметъ запрещеніе, а безъ того онъ останется безстыднымъ. Съ другой стороны, если станешь обличать и запрещать, хотя и съ силою, но не предложишь утѣшенія, то опять испортишь все дѣло. Ибо обличеніе само по себѣ невыносимо, если оно не растворено утѣшеніемъ. Какъ при разрѣзѣ раны, хотя и спасительномъ, страждущій не выноситъ болей сѣченія и разрѣза, если не будетъ употреблено многихъ средствъ, смягчающихъ боль; такъ и здѣсь."

Со всякимъ долготерпѣніемъ и ученіемъ. Поелику дѣло идетъ объ исправленіи немощей, а онѣ не вдругъ поддаются врачеваніямъ; то врачующему пастырю паче всего потребно терпѣніе, и не малое, а долгое. Такъ какъ врачеваніе все совершается свободнымъ измѣненіемъ мыслей, чувствъ и расположеній, а это преимущественно можетъ быть достигаемо лишь измѣненіемъ убѣжденій; то пастырю преимущественно и должно на это направлять свою заботу и усиліе, а для того пусть съ долготерпѣніемъ соединяетъ ученіе, или пусть учитъ долготерпѣливо, не досадуя на неуспѣхъ, а съ кротостію и любовію. Св. Златоустъ говоритъ: „Вразумляющій долженъ имѣть долготерпѣніе (при ученіи), дабы слушающій вѣрилъ не безъ основанія. А что значитъ прибавленное къ долготерпѣнію слово: *и ученіемъ?* Обличай не съ гнѣвомъ, не съ ненавистію, не съ злобою, не съ враждою, какъ бы противъ врага, — все это должно быть оставлено, — а какъ? Съ любовію, съ состраданіемъ, скорбя больше самого обличаемаго, душевно сожалѣя объ его положеніи."

γ).

Ст. 3. 4. *Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ, но по своихъ похотехъ изберутъ себѣ учители, чешеми слухомъ: и отъ истины слухъ отвратятъ, и къ баснемъ уклонятся.*

Этими словами Апостолъ внушаетъ спѣшить наученіемъ истинѣ, чтобъ полюбили ее и привязались къ ней, и въ силу сей любви и привязанности навсегда пребыли вѣрными ей, отвращая слухъ отъ всякихъ иноученій. „Прежде, чѣмъ сбросятъ они съ выи своей иго послушанія истинѣ, завладѣй ими всѣми. Пока есть среди твоихъ пасомыхъ такіе, которыхъ слѣдуетъ учить, убѣждать и покарять истинѣ, употреби всѣ усилія, чтобы достигнуть сего. Съ сею цѣлію и сказано выше: *настой благовременнѣ и безвременнѣ*" (св. Злат.. Ѳеод.). „Пріучи ихъ къ покорности истинѣ, прежде чѣмъ отступятъ отъ нея" (Экум.).

Будетъ бо время, егда здраваго ученія не послушаютъ. Теперь еще они будутъ слушать и охотно принимать и ученіе и вразумленіе; а послѣ этого уже не найдешь въ нихъ. „Пророчествуетъ св. Апостолъ, и предвидя это въ будущемъ, заповѣдуетъ со всѣмъ усиліемъ неутомимо научать пасомыхъ истинѣ и добродѣтели, чтобъ, будучи наставлены въ вѣрѣ и обучены добрымъ дѣламъ, они въ послѣдующее время, когда иные станутъ уклоняться отъ истины въ заблужденіе, пребыли неизмѣнными" (Амвр.).

Причины, почему такъ случится, не указываетъ Апостолъ; но, по наведенію отъ сказаннаго впереди, можно полагать, что причиною тому будетъ неисполненіе предложенной заповѣди—настойчиво учить,—молчаніе пастырей и нерадѣніе о проповѣданіи истины и наученіи паствы. Не учатъ пастыри,—пасомые и остаются въ

невѣдѣніи здраваго ученія; не вразумляютъ грѣшащихъ,—они и закоснѣваютъ въ порочности. Оставаясь въ невѣдѣніи истины, они набираются пустомыслія и всякаго вздоромыслія, отъ чего тупѣютъ къ воспринятію истины. Закоснѣвая въ порочности, дѣлаются неспособными принимать вразумленія и обличенія. Потому и надобно спѣшить и здравымъ ученьемъ ихъ просвѣтить и къ добродѣтелямъ пріучить, прежде чѣмъ они отупѣютъ для принятія перваго, и ожесточатся противъ покорности вторымъ. Ибо когда дойдутъ до этого, тогда уже поздно хвататься,—слушать не станутъ.

Но какъ нельзя имъ оставаться и безъ знанія и правилъ, то что они сдѣлаютъ?—*По своихъ похотехъ изберутъ себе учители.* Т.-е. такихъ учителей, которые и умствовать ихъ оставятъ, какъ имъ нравится, и жить, какъ хотятъ. Замѣчательно, что *изберутъ,* — по греч. ἐπισωρεύσουσι,—наберутъ цѣлую кучу или толпу учителей, и притомъ сами наберутъ, — при чемъ конечно принимаемы будутъ только угодные, а неугодные отвергаемы. И выходитъ, что эти учители будутъ въ зависимости отъ учимыхъ и учить не по своей, а по ихней программѣ. „Не можетъ быть ничего выразительнѣе этого слова: ἐπισωρεύσουσι; оно означаетъ безпорядочную толпу учителей, которые притомъ будутъ рукополагаемы (избираемы и утверждаемы въ своемъ чинѣ) учениками“ (св. Злат.). „А эти при семъ выборѣ будутъ дѣйствовать не по здравому разуму, но будутъ избирать такихъ, которые станутъ поблажать ихъ похотямъ, и только угодное имъ и говорить и дѣлать“ (Ѳеоф.).

Чешеми слухомъ. Потому такъ поступать будутъ, что привыкли всегда слышать только то, что пріятно щекотитъ слухъ. Это и на краснорѣчіе указываетъ, но болѣе на лесть, или принаровленіе ко вкусамъ слу-

шающихъ. Только гожихъ на это будутъ избирать,— „отыскивая себѣ людей, которые говорили бы для ихъ удовольствія и льстили ихъ слуху“ (св. Злат.).

И отъ истины слухъ отвратятъ и къ баснемъ уклонятся. Будучи таковы, они не могутъ уже имѣть охоты слушать истину, которая и безъ обличенія обличаетъ ихъ; потому отвратятся отъ нея, *и къ баснемъ уклонятся,*—къ ученіямъ мечтательнымъ, которыя, занимая воображеніе привлекательными фантазіями, оставляютъ въ покоѣ совѣсть, не пробуждая ее и не тревожа требованіемъ исправленія неисправнаго въ воззрѣніяхъ и жизни. „Видишь? Они не по невѣдѣнію будутъ заблуждать, а произвольно и сознательно. Сами отвратятъ слухъ отъ истины, сами уклонятся къ баснямъ“ (Ѳеоф.). Уклонятся, — ἐκτραπήσονται, — соступятъ съ праваго пути сами, завѣдомо.

Амвросіастъ пишетъ на сіе: „таковы будутъ желающіе быть учимыми по своимъ похотямъ. Отъ учителей вѣрныхъ истинѣ и строгихъ они обратятся къ такимъ, которые бы учили ихъ тому, что имъ слышать по сердцу. Истина станетъ для нихъ горька, и они, оставя ея здравое ученіе, займутся баснями. Не будетъ имъ желательно, чтобъ были обличаемы ихъ недобрыя дѣла; почему такихъ возжелаютъ учителей, которые бы подслуживались ихъ нравамъ и привычкамъ. Чешется у нихъ слухъ, ища слышать, подъ именемъ ученія настоящаго, басни пустыя, но пріятныя.“

Св. Златоустъ замѣчаетъ при семъ: „Предсказываетъ это св. Апостолъ не съ тѣмъ, чтобы ученикъ его предался унынію, но чтобы онъ мужественно переносилъ, когда это случится. Подобнымъ образомъ и Христосъ говорилъ: *предадятъ вы, и на сонмищахъ біютъ васъ, и предъ владыки же и цари ведени будете Мене ради* (Мѳ. 10, 17). Такъ и въ другомъ мѣстѣ бл. Апостолъ говоритъ: *азъ бо вѣмъ сіе,*

яко по отшествіи моемъ внидутъ волцы тяжцы въ васъ не щадящіи стада (Д. 20, 29). Онъ говорилъ это для того, чтобы они бодрствовали, чтобы надлежащимъ образомъ пользовались настоящимъ временемъ."

в).

Трезвенно и мудро веди дѣло благовѣстника.

4, 5—8.

Выставивъ такое правило аа) въ 5-мъ стихѣ, говоритъ затѣмъ св. Павелъ бб) о концѣ своего служенія,—ст. 6—8. Этимъ онъ даетъ разумѣть, что преемникомъ и продолжателемъ своего дѣла оставляетъ св. Тимоѳея, — представляя въ семъ наисильнѣйшее побужденіе къ достодолжному пастырствованію.

аа)

Ст. 5. *Ты же трезвися о всемъ, злопостражди, дѣло сотвори благовѣстника, служеніе твое извѣстно сотвори.*

Ты же трезвися о всемъ. „Имѣй бодрственный помыслъ" (Ѳеод.). „Трудись, предупреждай, приводи овецъ въ безопасное состояніе, прежде нежели наступила зараза" (св. Злат.). Въ настоящее время это для твоего благоразумія первое дѣло. Трезвиться значитъ внимать всему, острозорко смотрѣть за всѣмъ и во всѣ стороны, чтобъ соотвѣтственно тому направлять и свою пастырскую дѣятельность. Какъ стражъ дома Божія, пастырь всегда долженъ быть трезвенъ и бдителенъ. Это его первый долгъ и первая черта добраго пастырствованія.

Злопостражди,—κακοπάθησον,—поднимай всякій болѣзненный трудъ, не жалѣя и не щадя себя, коль скоро сего требуетъ дѣло благоустроенія паствы и благо пасомыхъ. Этимъ означается не собственно стра-

даніе и гоненіе за вѣру, а отрицается всякій покой и налагается готовность на всякаго рода дѣла во благо паствы и дѣланіе ихъ неотложное, не смотря ни на какую ихъ тяготу и чувствительность для немощи нашей. Тутъ содержится и многобдѣнная молитва о паствѣ съ постомъ, и проповѣданіе слова, и посѣщеніе пасомыхъ въ видахъ поученія и исправленія, стойкое введеніе спасительныхъ порядковъ и поддержаніе ихъ, несмотря ни на какія препятствія и сопротивленія.

Дѣло сотвори благовѣстника.—Дѣло сотвори—соверши, доведи до конца возложенное на тебя дѣло благовѣстника спасенія. Принялъ, началъ, ведешь, и веди до конца. Внушается: не дай погаснуть ревности, все возгрѣвай и возгрѣвай ее, гоня себя достигнуть благоуспѣшно преднамѣреннаго конца. „Доведи до конца, что началъ, и засѣмени ихъ благовѣстіемъ, пока здравы еще“ (Экум.).

Служеніе твое извѣстно сотвори,—πληροφόρησον—удовлетвори,—удовлетворительно исполни, чтобъ и совѣсть твоя и всѣ знающіе тебя сказали, что ты съ своей стороны все сдѣлалъ, всѣ, сколько у тебя есть силъ и душевныхъ и тѣлесныхъ, истощены на дѣло служенія, ни одно дѣло не пропущено, ни одно усиліе не отложено, ни одна предосторожность не оставлена безъ вниманія; гдѣ только ни требовалось быть тебѣ, ты тамъ былъ; говорить ли слѣдовало, ты не молчалъ, дѣйствовать ли—ты не устранялся отъ дѣла. Относительно проповѣди, одной части служенія, бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „будутъ ли, или не будутъ слушать, ты преподавай ученіе; ибо такимъ образомъ совершишь приличное служенію дѣло.“ Но что объ этомъ сказано, то слѣдуетъ приложить и ко всякому другому. Амвросіастъ обще все и опредѣляетъ: Увѣщаваетъ и убѣждаетъ Апостолъ—бодрствовать надъ церковною ди-

сциплиною, дѣйствовать мужественно, изъяснять Писаніе, чтобъ пасомые, сдѣлавшись чрезъ то обученными и мудрыми, легко избѣжать могли прелести пустыхъ басней.“

бб).

О смерти своей говоря, не довольствуется Апостолъ помянуть α) о самомъ событіи, что вотъ—вотъ,—ст. 6; но прилагаетъ β) указаніе подъятыхъ трудовъ,—ст. 7,—и γ) того, чѣмъ завершится наконецъ притрудный путь жизни его,—ст. 8.—Всѣ эти указанія крайне возбудительнымъ образомъ должны были дѣйствовать на св. Тимоѳея, — и болѣе всего пригодны были для цѣли, какую имѣлъ св. Павелъ въ настоящемъ отдѣленіи посланія.

α).

Ст. 6. *Азъ бо уже жренъ бываю, и время моего отшествія наста.*

Апостолъ говоритъ будто: усердно веди дѣло благовѣстника: ибо мнѣ уже конецъ приспѣлъ. Некому послѣ меня усерднѣе побдѣть надъ этимъ дѣломъ, кромѣ тебя, любимѣйшаго моего ученика. Оставляю тебя намѣстникомъ своимъ по дѣлу Божію. Трудись. И потомъ примѣръ представляетъ, какъ трудиться, перечисляя свои труды. Или такъ: все, что тебѣ я прописалъ, послѣднее есть тебѣ наставленіе. Пришелъ уже конецъ мой. Прими сказанное, какъ послѣднее завѣщаніе. Чего недостаетъ, ищи руководства въ моемъ примѣрѣ.

Жренъ бываю,—σπένδομαι. Меня уже закалаютъ въ жертву; „или я уже приношу себя въ жертву Христу“ (Экум.). „Стою при самомъ концѣ подвиговъ. Умерщвленіе свое назвалъ Апостолъ закланіемъ въ жертву

(т.-е. выразилъ словомъ — σπένδομαι); потому что за благочестіе проливаема была кровь (σπονδή—возліяніе жертвенное)“ (Ѳеод.). „Не назвалъ готовящейся ему смерти—жертвою,—θυσίαν—но возліяніемъ,—σπονδήν,—выражаясь сильнѣе и священнѣе. Ибо въ жертвѣ обыкновенно только часть нѣкая приносима была на всесожженіе Богу; а возліяніе все было Ему приносимо. Это же дѣлать заповѣдуетъ онъ и ученикамъ своимъ, когда говоритъ: *представите убо тѣлеса ваша жертву живу* (Рим. 12, 1). Ибо закалаемый за Христа самого себя священнодѣйственно приноситъ въ жертву. Или σπένδομαι онъ разумѣетъ, какъ καταλύω πόλεμον,—кончаю мою со всѣми войну. Ни я не буду уже выступать на брань, ни противъ меня не будетъ болѣе брани; кончаюсь уже.

И время моего отшествія наста. Отшествія,—ἀναλύσεως,—разрѣшенія, какъ и къ Филиппійцамъ писалъ, что желаетъ *разрѣшится и со Христомъ быти* (—1, 23).

β).

Ст. 7. *Подвигомъ добрымъ подвизахся, теченіе скончахъ, вѣру соблюдохъ.*

„Апостолъ, зная, что ему настоитъ уже страдальческая смерть, желаетъ оставить св. Тимоѳею примѣръ благочестной жизни и здраваго ученія,—чтобъ чрезъ такое преемство никогда не прекращались въ Церкви настоящіе учители. — Онъ напоминаетъ, что строго соблюдалъ все, что было для него обязательно и душеспасительно для другихъ, что не на словахъ только, но самыми дѣлами подавалъ примѣръ слушающимъ; что и предъ Творцемъ своимъ явился вѣрнымъ распорядителемъ и приставникомъ, немолчно проповѣдавъ всюду истину, и противъ началъ и властей міра со всею ревностію и мудростію борясь, оставилъ примѣръ, какъ ихъ слѣдуетъ побѣждать,

чтобъ и въ ученикахъ своихъ возбудить ревность, какъ ненарушимо блюсти ученіе, такъ и подвигомъ добрымъ подвизаться, чтобъ чрезъ то и имъ сдѣлаться достойными вѣнцевъ отъ Бога“ (Амвр.).

Св. Златоустъ говоритъ на сіе мѣсто: „Часто я, взявъ въ руки посланіе Апостола и разсматривая это мѣсто, недоумѣвалъ, для чего Павелъ такъ превозноситъ себя: *подвигомъ добрымъ подвизахся.* Но теперь, кажется, по благодати Божіей, я понялъ это. — Для чего онъ говоритъ такъ? Онъ желаетъ утѣшить скорбящаго ученика, заповѣдуя ему быть бодрымъ, потому что онъ отходитъ къ вѣнцу, какъ совершившій все, какъ достигшій благаго конца; радоваться, говоритъ, должно, а не скорбѣть. Почему? *Подвигомъ добрымъ подвизахся;* говоритъ подобно отцу, который, утѣшая сидящаго подлѣ него и сѣтующаго о своемъ сиротствѣ сына, говорилъ бы ему: не плачь, сынъ мой, я жилъ хорошо, оставляю тебя, достигнувъ старости; жизнь моя была безукоризненна, я отхожу со славою, и ты будешь славиться моими дѣлами; царь оказываетъ мнѣ свое благоволеніе. И какъ-бы такъ говоритъ: я воздвигъ трофеи, побѣдилъ враговъ, — говоритъ не изъ тщеславія, нѣтъ, но для ободренія сына, для того, чтобы такими похвалами внушить ему—легко переносить все случающееся, имѣть благую надежду и не считать предстоящей разлуки тяжкою. Такимъ образомъ Павелъ писалъ это для утѣшенія Тимоөея, и все посланіе исполнено утѣшенія,—и есть какъ-бы нѣкоторое завѣщаніе.“

Подвигомъ добрымъ подвизахся. „Ополчившись противъ всего діавольскаго полчища, воздвигъ я побѣдный памятникъ“ (Өеод.). Это подвигъ Апостольства: надо было поднимать труды проповѣдническихъ путешествій; остановясь на мѣстѣ—открыть свободу слову;

начавъ проповѣдь, преодолѣть всѣ препятствія къ ея успѣху и въ душахъ, — въ прежнихъ вѣрованіяхъ и предразсудкахъ, и во-внѣ, въ дѣятельномъ противленіи сему успѣху ревнителей по старому; пріобрѣтши учениковъ—хранить ихъ, обучать и утверждать; когда же поднимались изъ-за сего гоненія, твердо стоять за дѣло Божіе, ни мало не колеблясь и не уступая отъ истины ни единой іоты. Все сіе Апостольскій подвигъ,—и св. Павелъ минуты не имѣлъ отъ него свободной. Бывали утѣшенія великія, но они источались изъ-подъ подвиговъ. Все сіе напомнилъ Апостолъ св. Тимоѳею,—будто приговаривая: „Прими же его и ты на себя. Оковы, темницы, смерть — это ли добрый подвигъ? Да, говоритъ; потому что онъ совершается за Христа, доставляетъ великіе вѣнцы. Нѣтъ ничего лучше этого подвига, не имѣетъ конца этотъ вѣнецъ; онъ не изъ лавровыхъ листьевъ; здѣсь не человѣкъ распорядитель подвиговъ, не люди—зрители, Ангелы наполняютъ это зрѣлище. Тамъ (на обыкновенныхъ зрѣлищахъ) въ теченіи многихъ дней трудятся, и утомляются, но въ одну (или на одну) минуту получаютъ вѣнецъ, и тотчасъ удовольствіе проходитъ; а здѣсь не такъ, но остаются навсегда въ блескѣ, славѣ и чести. Посему должно радоваться; ибо я иду на покой, оставляю мѣсто подвиговъ; ты слышалъ отъ меня, что *лучше разрѣшитися и со Христомъ быти* (Фил. 1, 23)“ (св. Злат.).

Теченіе скончахъ,—δρομον,—кончилъ путь, какой назначено мнѣ пройти, въ Апостольской дѣятельности,— и притомъ такъ, какъ назначено: не уклонился отъ программы свыше начертанной,—ибо въ исполненіи ея Духъ Божій руководилъ мною, показывая, куда когда идти, и куда не идти; не обманулъ ожиданія отъ меня Того, Кто даровалъ мнѣ и порученіе и силы на испол-

неніе его. „Пройдя большую часть суши и моря, просвѣтилъ объятыхъ тьмою невѣдѣнія“ (Ѳеод.). Св. Златоустъ говоритъ: „*Теченіе скончахъ*. Надобно и подвизаться, и идти впередъ: подвизаться, перенося скорби, и идти впередъ не просто, но къ чему-нибудь полезному. Истинно добрый подвигъ тотъ, который не увеселяетъ только зрителя, но доставляетъ пользу; и *теченіе* истинное не то, которое ни къ чему не стремится, или только обнаруживаетъ силу и честолюбіе, но то, которое влечетъ всѣхъ на небо. Такое теченіе свѣтлѣе солнца; таково теченіе, которое совершилъ Павелъ на землѣ, или которымъ онъ стремился къ небу. Какимъ же образомъ онъ окончилъ это теченіе? Онъ обошелъ всю вселенную, начавъ отъ Галилеи и Аравіи и дошедши до предѣловъ земли; *якоже*, говоритъ онъ, *ми отъ Іерусалима и окрестъ даже до Иллирика исполнити благовѣствованіе Христово* (Рим. 15, 19). Онъ протекъ всю вселенную какъ птица, или, лучше, сильнѣе птицы; птица пролетѣла бы просто, а онъ—не просто, но имѣя крылья Духа и разсѣвая тысячи препятствій, смертей, козней, бѣдствій. Такимъ образомъ онъ былъ быстрѣе птицы. Еслибы онъ былъ просто птицею, то утомился бы и былъ бы пойманъ; но, будучи окрыляемъ Духомъ, онъ перелеталъ чрезъ всѣ сѣти, какъ-бы имѣя огненныя крылья.“

Вѣру соблюдохъ. Поелику говорится объ этомъ, то можно бы подумать, что вѣра св. Павла подлежала сомнѣнію, или опасности; но вѣрнѣе положить, что сіе въ томъ смыслѣ говорится, что въ продолженіе жизни со времени обращенія многое переиспыталъ Апостолъ и внутренно и внѣшно, отъ чего могла поколебаться вѣра, или отъ чего она обычно колеблется у людей; но ничто у меня не поколебало ея. Она во все время пребыла неизмѣнною, какъ началась. Отъ образа

обращенія св. Павла иного и ожидать нельзя. Что могло быть болѣе осязательнымъ удостовѣреніемъ въ истинѣ Евангелія, какъ явленіе Господа. — и бесѣда Его къ св. Павлу, — и потомъ многократныя видимыя явленія и содѣйствія ему?

„Много было такого, что покушалось отнять у него сію вѣру, не только дружескія отношенія съ людьми, но и угрозы, и смертныя опасности, и безчисленное множество другихъ вещей; но онъ устоялъ противъ всего. Какъ? Трезвенствуя внимательно и бодрствуя“ (св. Злат.), „и наблюдая за подкрадывающимся похитителемъ вѣры“ (Ѳеоф.). Почему „никто не могъ похитить ее у меня, ни народъ, ни народоправитель, ни царь, ни тиранъ, ни самъ діаволъ“ (Ѳеод.).

γ).

Ст. 8. *Прочее убо соблюдается мнѣ вѣнецъ правды, егоже воздастъ ми Господь въ день онъ, праведный Судія; не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его.*

Предложивъ примѣръ, окрыляетъ слѣдованіе ему надеждою преблагаго конца. Я жду, говоритъ, за свои подвиги и труды вѣнца правды, и несомнѣнно надѣюсь получить его; несомнѣнно получатъ его и всѣ возлюбившіе Господа; несомнѣнно получишь его и ты. Ревнуй же о дѣлѣ Божіемъ, не жалѣя живота.

„*Правдою* Апостолъ называетъ здѣсь вообще добродѣтель“ (св. Злат.). „А вѣнцемъ правды называетъ вѣнецъ, уготованный праведнымъ и даруемый по праведному приговору (праведнаго Судіи)“ (Ѳеод.).

Соблюдается, — готовъ, но еще не полученъ, хотя нѣтъ сомнѣнія, что получится. И прежде говорилъ: *гоню, аще постигну... почести вышняго званія.* Конецъ въ виду уже, но теченіе или гнаніе все еще продолжается. Тутъ тоже, что на ристалищахъ. Призы готовы и на

виду у всѣхъ, но получаются, когда кончится бѣгъ и опредѣлятся побѣдители. Какъ опасливо Апостолъ говоритъ о полученіи вѣнцевъ, чтобъ не присвоить себѣ лишняго!

На чемъ утверждается такая увѣренность? На соблюденіи всего, что угодно было Господу заповѣдать ему и возложить на него. Свидѣтельство совѣсти говоритъ, что съ его стороны все сдѣлано, всѣ усилія истощены, ничто не оставлено безъ вниманія. Почему какъ здѣсь, мысленно воззрѣвая къ Господу, не потупляетъ предъ лицемъ Его умныхъ очей своихъ, но съ любовію безъ страха поднимаетъ къ Нему сіи очи: такъ надѣется и въ будущемъ вѣкѣ не быть посрамленнымъ отъ Господа. Упованіе воздаянія стоитъ на свидѣтельствѣ совѣсти, что за уповающимъ не состоитъ никакого долга.

„*Егоже воздастъ ми Господь*. Когда? *Въ день онъ*. Изъ чего это видно? Изъ того, что Онъ праведный Судія. Знаю, говоритъ, что Онъ праведенъ, — и знаю, что Онъ Судія; полагаюсь на судъ и ожидаю благопріятнаго мнѣ приговора“ (Ѳеод.). „Не сказалъ: дастъ, но *воздастъ,* какъ нѣчто должное, какъ долгъ. Будучи праведенъ, Онъ всеконечно опредѣлитъ воздаяніе за труды, такъ что вѣнецъ долженъ быть мнѣ, по праведности Судіи“ (Ѳеоф.). „Сказалъ же сіе Апостолъ не величаясь, но побуждая ученика держаться подвиговъ, потому что за нихъ предлежатъ неувядаемые вѣнцы“ (Ѳеод.).

Не дерзко ли? — Нисколько. Это не что иное есть, какъ усвоеніе сердцемъ благихъ обѣтованій Господа, при точномъ исполненіи условій, подъ какія поставлены обѣтованія Обѣтователемъ. Вѣрующій, вошедшій вѣрою въ область Божію и во всемъ пребывающій вѣрнымъ вѣрѣ и порядкамъ Божескимъ, не можетъ иначе говорить и чувствовать. Но нельзя не замѣтить, что такая

увѣренность не вдругъ внѣдряется. Она есть плодъ трудовъ цѣлой жизни. Пріявшій вѣру бываетъ увѣренъ лишь, что вѣнцы готовы увѣровавшимъ, если потрудятся и поживутъ въ духѣ вѣры. А что ему готовъ вѣнецъ, увѣренность въ этомъ приходитъ послѣ, когда потрудится добросовѣстно и себя не жалѣя. Имѣя это въ виду и не желая дать повода ожидать вѣнца безъ трудовъ, ради одной вѣры, Апостолъ присовокупилъ: *не токмо же мнѣ, но и всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его.* Возлюбившіе явленіе, — это такіе вѣрующіе, которые подобны рабамъ, ожидающимъ господина своего и бодренно трудящимся въ порученныхъ каждому дѣлахъ, т.-е. тѣмъ, которые строго, себя не жалѣя, во всемъ исполняютъ волю Господа, неотступно ходя по заповѣдямъ Его. *Явленіе Господа* здѣсь есть второе пришествіе Его на судъ. Кому можно возлюбить сіе явленіе безъ исполненія заповѣдей Господа? Онъ затѣмъ и придетъ, чтобъ испытать, какъ кто исполнилъ волю Его, и исполнившихъ, какъ слѣдуетъ, наградить, а неисполнившихъ наказать. Какъ экзамены любитъ и съ охотою спѣшитъ на нихъ тотъ, кто увѣренъ, что дастъ удовлетворительные отвѣты: такъ и явленіе Господа на судъ съ любовію ожидать можетъ только тотъ, кто увѣренъ, что на судѣ не будетъ посрамленъ, а одобренъ и похваленъ; а такимъ можетъ себя воображать только вѣрный исполнитель заповѣдей Господа. „Явленіе Владыки любитъ тотъ, кто послѣдуетъ законамъ Его и живетъ по онымъ. Ибо съ доброю надеждою ожидаетъ онъ суда“ (Ѳеод.).

Св. Златоустъ говоритъ: „здѣсь (т.-е. что всѣмъ воздастъ) онъ также ободряетъ ученика. Если Господь *всѣмъ* воздастъ, то тѣмъ болѣе Тимоѳею. Но онъ не сказалъ: и тебѣ, а: *всѣмъ,* выражая, что если—*всѣмъ,* то тѣмъ болѣе—ему.“

„А какимъ образомъ, скажешь, можно возлюбить явленіе Христово? Если будешь радоваться пришествію Его. Кто радуется пришествію Его, тотъ дѣлаетъ достойное сей радости; онъ отдастъ, если нужно, и имѣніе свое и душу, чтобы получить будущія блага, чтобы сподобиться узрѣть второе пришествіе Его въ приличномъ видѣ, съ дерзновеніемъ, во славѣ и свѣтѣ. Вотъ что значитъ—возлюбить явленіе Его.“

Въ заключеніе св. Златоустъ прилагаетъ наставленіе, какъ сподобиться явленія Господа еще здѣсь, чтобы въ Немъ имѣть залогъ радостнаго срѣтенія явленія Его и во второмъ пришествіи. „Кто любитъ явленіе Его, тотъ будетъ дѣлать все, чтобы прежде всемірнаго было къ Нему частное пришествіе Христово. Какъ, скажешь, это возможно? Послушай Самого Христа, Который говоритъ: *аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдетъ, и къ нему пріидемъ* (—Азъ и Отецъ—) *и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). Подумай, какъ это важно, когда имѣющій явиться всѣмъ вообще. обѣщаетъ явиться каждому изъ насъ въ частности. *Пріидемъ*, говоритъ, *и обитель у него сотворимъ*. Кто любитъ явленіе Его, тотъ будетъ дѣлать все, дабы призвать Его къ себѣ и удержать у себя, дабы въ немъ возсіялъ свѣтъ. Пусть не будетъ въ насъ ничего, недостойнаго пришествія Его, и Онъ скоро поселится въ насъ. Явленіе (επιφανεια) называется такъ потому, что является горѣ (επανω φαινεσθαι) и возсіяваетъ свыше. Посему будемъ стремиться къ горнему, и мы скоро привлечемъ къ себѣ горніе лучи. Никто изъ людей пресмыкающихся долу и зарывающихъ себя въ землю не можетъ видѣть солнечнаго свѣта; никто изъ людей, оскверняющихъ себя суетными дѣлами, не можетъ видѣть Солнца правды; Оно не является никому, кто предается такой жизни. Отрезвись же хотя нѣсколько,

востань изъ этой пучины, изъ этой пропасти суеты, если хочешь увидѣть Солнце, если хочешь сподобиться Его пришествія. Если ты сподобишься Его пришествія нынѣ, то будешь съ великимъ дерзновеніемъ взирать на Него тогда. Будь же любомудрымъ нынѣ; пусть не будетъ у тебя духа гордости, чтобы Онъ не поразилъ тебя и не низринулъ,—и проч."

ПОСЛѢСЛОВІЕ, 4, 9—22.

Его составляютъ а) призваніе св. Тимоѳея къ себѣ съ причиною того,—9—12; б) порученіе,—ст. 13; в) предостереженіе,—14. 15; г) извѣстія,—14—18; д) цѣлованія,—19—21; е) благословенія,—ст. 22.

а).

Ст. 9. *Потщися скоро пріити ко мнѣ.*

Кратко выражаетъ приглашеніе въ полной увѣренности, что объ этомъ стоитъ только намекнуть св. Тимоѳею, всегда желавшему неразлучно быть съ своимъ отцемъ и учителемъ. Употребляетъ однакожъ понудительныя слова: *потщися*, *скоро*. Можетъ быть онъ хотѣлъ симъ сказать: не позволяй остановить тебя никакимъ препятствіямъ. *Скоро* въ ст. 21-мъ замѣнено словомъ: *прежде зимы*. Этимъ означилъ или послѣдній предѣлъ промедленію, или опасеніе что зима, захвативъ его въ дорогѣ, противъ воли надолго задержитъ его въ пути, и еще самого подвергнетъ крайнимъ опасностямъ. Св. Златоустъ говоритъ: „можно спросить: почему Павелъ призываетъ къ себѣ Тимоѳея, тогда какъ ему была ввѣрена церковь и цѣлый народъ? Не по гордости дѣлаетъ это Апостолъ. Но почему? Потому что находился въ крайности, уже не могъ ходить по собственной волѣ, жилъ въ темницѣ, бывъ заключенъ туда Нерономъ, и готовился въ скоромъ

времени умереть. Посему, дабы этого не случилось прежде свиданія съ ученикомъ, Апостолъ и призываетъ его къ себѣ, желая видѣть его предъ своею кончиною, и, можетъ быть многое передать ему.“

Ст. 10. *Димасъ бо мене остави, возлюбивъ нынѣшній вѣкъ, и иде въ Солунь; Крискентъ въ Галатію, Титъ въ Далматію; Лука единъ есть со мною.*

„Не говоритъ: ибо желаю видѣть тебя прежде отшествія изъ здѣшней жизни, что весьма опечалило бы Тимоѳея; но: ибо я остаюсь одинокимъ, не имѣю никого, кто бы помогалъ мнѣ“ (св. Злат.),—„въ дѣлѣ благовѣстія Евангелія“ (Ѳеоф.).

Димасъ бо мене остави.—„И Димасъ былъ одинъ изъ споспѣшниковъ Павловыхъ, и крайне похваляемый; ибо говоритъ: *цѣлуютъ тя Димасъ, и Лука споспѣшницы мои* (Филим. 24). Но въ опасностяхъ Димасъ, оставивъ Апостола, ушелъ изъ Рима, почитая разлуку для себя безопасностію“ (Ѳеод.). Онъ не отпалъ отъ вѣры, но убоялся мученій и смерти, и убѣжалъ. „Трудности бывали и прежде, бывали и опасности, но не такія грозныя и неизбѣжныя. Онъ и не устоялъ.“ *Возлюбивъ нынѣшній вѣкъ,*—т.-е., возлюбивъ покой, жизнь безопасную и тихую, захотѣлъ лучше наслаждаться дома, нежели бѣдствовать со мною и раздѣлять мои настоящія опасности. Одного только Димаса онъ укоряетъ, впрочемъ желая не его укорить, а насъ утвердить, дабы мы не ослабѣвали духомъ въ опасностяхъ и трудахъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ хотѣлъ еще болѣе привязать къ себѣ ученика (то-есть св. Тимоѳея)“ (св. Злат.).

Крискентъ въ Галатію, Титъ въ Далматію.

„Этихъ онъ не укоряетъ; ибо Титъ былъ одинъ изъ весьма дивныхъ мужей, такъ что Павелъ вручилъ ему церковныя дѣла на островѣ не маломъ, но весьма

большомъ, т. е. Критѣ“ (св. Злат.). „Эти съ его вѣдома и по его распоряженію отправились; почему онъ не говоритъ объ нихъ: оставили меня“ (Экум.). „Они пошли, не потому что возлюбили нынѣшній вѣкъ, но по дѣлу, и можетъ быть, проповѣди, или по другой какой нуждѣ“ (Ѳеоф.). „Они оба свободны отъ онаго обвиненія, потому что самимъ Апостоломъ посланы были для проповѣди“ (Ѳеод.).

О Крискентѣ преданіе у Софронія сохранило, что онъ проповѣдывалъ въ Галатіи и Галліи. Въ Віеннѣ (галл.) поставивъ епископомъ ученика своего Захарію, возвратился въ Галатію, и тамъ мученически скончался, въ царствованіе Траяна. Апостолъ изъ 70. Память его 30 іюля.—Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „*Крискентъ въ Галатію*. Такъ Апостолъ назвалъ Галлію; такъ назывались онѣ въ древности; такъ и нынѣ именуютъ ихъ знакомые съ внѣшнею ученостію.“

О св. Титѣ смотри во Введеніи въ посланіе къ нему. Далматія и тогда была тоже страна, что и нынѣ, и составляла часть Иллиріи. До Иллирика досязала проповѣдь Апостола еще прежде первыхъ узъ (Рим. 15, 19). Вѣроятно во время вторыхъ узъ открылась потребность въ тамошней церкви во властныхъ какихъ либо распоряженіяхъ,—и св. Павелъ послалъ туда для устроенія дѣлъ св. Тита, исполнявшаго уже подобное порученіе въ Критѣ.

Лука единъ есть со мною. „Онъ неотлучно находился при св. Павлѣ, написалъ Евангеліе и соборныя Дѣянія (Апостольскія), былъ трудолюбивъ, любознателенъ и терпѣливъ. О немъ Апостолъ говоритъ въ другомъ посланіи: *егоже похвала во Евангеліи по всѣмъ церквамъ* (2 Кор. 8, 18)“ (св. Злат.). Онъ былъ при св. Павлѣ и во время первыхъ узъ (Кол. 4, 14; Филим. ст. 24). Конечно былъ при немъ и все время между сими узами.

Ст. 11. *Марка поемь приведи съ собою: есть бо ми благопотребенъ въ службу.*

Св. Маркъ былъ съ Апостоломъ въ Римѣ во время первыхъ узъ, и, во время посѣщенія церквей послѣ нихъ, вѣроятно гдѣ либо былъ имъ оставленъ, можетъ быть въ какой нибудь Македонской или Ахайской церкви, кои лежали на пути изъ Ефеса въ Римъ. Или можетъ быть онъ все еще былъ въ Колоссахъ, коимъ заповѣдывалъ св. Павелъ, въ посланіи къ нимъ, принять его когда придетъ. Онъ могъ тамъ оставаться и до сего времени.

Есть бо ми благопотребенъ въ службу. Какую?—„Не для собственнаго успокоенія требуетъ онъ его, но для служенія Евангелію. Ибо и въ узахъ онъ не переставалъ проповѣдывать. И Тимоөея онъ призываетъ къ себѣ не для собственныхъ нуждъ, но для благовѣствованія, дабы между вѣрующими не произошло никакого смятенія по случаю его смерти, дабы многочисленные ученики его, присутствуя при этомъ, успокоивали смятенія и утѣшали сѣтующихъ объ его кончинѣ; ибо между увѣровавшими въ Римѣ, вѣроятно, были мужи достопочтенные“ (св. Злат.).

Ст. 12. *Тихика же послахъ во Ефесъ.*

Затрудненіе въ пониманіи сего мѣста устранится, если допустимъ, что *послахъ* стоитъ вмѣсто: посылаю; *послахъ же* сказано въ значеніи: рѣшительно положилъ послать, — какъ-бы такъ: почитай его посланнымъ. Поминается это въ дополненіе объясненія, что онъ одинъ—въ Римѣ съ св. Лукою. Тихикъ посланъ съ настоящимъ посланіемъ и долженъ былъ остаться во Ефесѣ, вмѣсто св. Тимоөея, чтобъ наблюдалъ и тотчасъ давалъ знать, коль скоро случится что рѣшительное. Это распоряженіе передано на словахъ; въ посланіи же о немъ не помянуто, чтобъ не оскорбить

Ефесянъ, подавъ мысль, что ихъ однихъ оставить нельзя, какъ нетвердыхъ и ненадежныхъ. Что Апостолъ не написалъ: къ тебѣ, этого не слѣдуетъ считать неудобствомъ при нашемъ предположеніи. Сказавъ: *въ Ефесъ*, очевидно сказалъ и: къ тебѣ. Не должно также думать, что св. Тимоѳея не было тогда въ Ефесѣ.

б).

Ст. 13. *Фелонь, егоже оставихъ въ Троадѣ у Карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожаныя.*

Фелонь—верхняя одежда, по матеріи измѣнявшаяся, судя по времени года, по формѣ же одинаковая, защищавшая отъ пыли, дождя, сырости и холода. Отправясь въ Македонію (1 Тим. 1, 3) и Ахаію, Апостолъ и въ этотъ разъ шелъ чрезъ Троаду, и тамъ у Карпа оставилъ лишнюю тяжесть, имѣя въ мысли скоро воротиться, какъ предполагалъ (1 Тим. 3, 14). Но обстоятельства такъ сложились, что вмѣсто Ефеса, онъ долженъ былъ отправиться въ Римъ, какъ узникъ. Фелонь оказалась нужною. Онъ и наказываетъ принесть ее. О Карпѣ въ Писаніи болѣе не поминается. Если это тотъ-же, что поминается 26 мая, то преданіе (Ипполитъ) говоритъ о немъ, что онъ былъ ученикъ и спутникъ св. Павла, проповѣдывалъ Слово Божіе въ Критѣ, гдѣ встрѣтился и со св. Діонисіемъ Ареопагитомъ, и во Ѳракіи; скончался и погребенъ въ Беріи Ѳракійской. Изъ 70.

Грядый принеси. Путь и св. Тимоѳею лежалъ или назначался тотъ-же, чрезъ Троаду. Книги бывали тогда папирусныя и пергаменныя. Послѣднія, какъ болѣе дорогія, и по содержанію конечно бывали такими же. Это можетъ быть Библія, какіе нибудь богословскіе трактаты Гамаліила, Евангелія, уже бывшія въ упо-

требленіи, Матѳея, Марка, Луки, можетъ быть и посланія самого св. Павла и другихъ Апостоловъ. У кого были эти книги? Можетъ быть у того-же Карпа, будучи оставлены вмѣстѣ съ фелонью, для облегченія и въ надеждѣ скоро вернуться и взять ихъ обратно. „Божественныя Писанія въ древности имѣлись въ свиткахъ изъ выдѣланныхъ кожъ; такъ и до настоящаго времени имѣютъ ихъ Іудеи“ (Ѳеод.). „Для чего нужны были книги ему, готовившемуся отойти къ Богу? И очень были нужны, чтобы передать ихъ вѣрующимъ, дабы они имѣли ихъ вмѣсто его ученія. Всѣ вѣрующіе вѣроятно чувствовали тогда великую потерю, особенно тѣ, которые присутствовали при его кончинѣ и наслаждались тогда его лицезрѣніемъ.—А фелонь требуетъ онъ для того, чтобы не имѣть надобности брать ее у другаго. Видишь, какъ много заботился онъ объ этомъ (чтобъ не брать у другихъ); и въ другомъ мѣстѣ онъ выразилъ это, когда говорилъ Ефесскимъ присвитерамъ: *вѣсте, яко требованію моему и сущимъ со мною послужили руцѣ мои сіи* (Дѣян. 20, 34. 35)“ (св. Злат.).

в).

Ст. 14. *Александръ ковачь многа ми зла сотвори: да воздастъ ему Господь по дѣломъ его.*

Александръ этотъ не тотъ, что усмирялъ народъ во время его возстанія на св. Павла въ Ефесѣ (Дѣян. 19). Тотъ былъ книжный человѣкъ и равнодушный къ пользамъ ковачества. Скорѣе онъ былъ товарищъ Димитрія, среброковача, имѣвшій свою мастерскую мѣдныхъ издѣлій,—χαλκεὐς. Можетъ быть онъ и не тотъ, что поминается въ 1 Тим. 1, 20; хоть этимъ онъ скорѣе могъ быть, несмотря на ковачество. Но опредѣленіе сего неважно. Неважно и того опредѣленіе, гдѣ

выказалъ онъ противленіе и злодѣйство Апостолу, въ Римѣ, или въ Ефесѣ,—и слово Апостола есть ли воспоминаніе о прежде бывшемъ, или о настоящемъ, о томъ, что въ Римѣ было. Въ послѣднемъ случаѣ надо предположить, что онъ изъ Ефеса явился въ Римъ, или самъ, или отъ общества Ефесскаго для обвиненія св. Павла и готовъ былъ снова возвратиться въ Ефесъ. Думается, что такое предположеніе излишне. Св. Павелъ взятъ въ Римъ совсѣмъ не по Ефесскимъ жалобамъ, а за проповѣдь всюду. Почему не для чего двигать вслѣдъ за нимъ этого Александра и возвращать его назадъ. Проще воображать его пребывающимъ неподвижно въ Ефесѣ, и очень подвижнымъ только на противленіе Евангелію и св. Апостоламъ. Зло испыталъ отъ него св. Павелъ въ послѣднее свое пребываніе въ Ефесѣ, и теперь напоминаетъ о немъ св. Тимоѳею, чтобы тотъ остерегался его. Это предостереженіе, а не извѣстіе. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „нимало не удивительно, что ковачь мѣди воздвигалъ мятежи противъ Апостола и вводилъ его въ опасности; потому что живущимъ трудами рукъ своихъ свойственно возбуждать народъ (противъ того, что отнимаетъ у нихъ работу). Такъ среброковачь Димитрій вооружилъ на Павла цѣлый Ефесъ.“ И св. Златоустъ говоритъ, что „здѣсь Апостолъ воспоминаетъ объ искушеніи, не съ тѣмъ, чтобы только укорить или осудить упоминаемаго человѣка, но чтобы воодушевить ученика на подвиги и расположить къ мужественному перенесенію искушеній. Хотя бы люди, причиняющіе искушенія, были неважны, хотя бы даже ничтожны и безчестны, нужно, говоритъ, все переносить мужественно.“

Многа мнѣ зла сотвори,—„не разъ причинялъ мнѣ сильныя скорби“ (св. Злат.). „Сильно и разно стра-

дать заставлялъ меня. И обычно такъ бываетъ, что люди незначительные и низкіе, когда начнутъ дѣлать зло, то ужъ никакой пощады не даютъ, нимало не заботясь о мнѣніи общества“ (Ѳеоф.).

Да воздастъ ему Господь по дѣломъ его. Рѣчь у Апостола спокойная, безъ страстныхъ движеній. Потому похожа болѣе на предсказаніе, чѣмъ на желаніе отмстительное. Бл. Ѳеофилактъ пишетъ: *αποδωη* стоитъ вмѣсто *αποδωσει*; а св. Златоустъ и читаетъ: *αποδωσει*. Бл. Ѳеодоритъ пишетъ: „это предсказаніе, а не клятва (а читаетъ онъ: *αποδωη*), и Апостолъ сказалъ сіе, утѣшая бл. Тимоѳея и научая не огорчаться одно за другимъ слѣдующими возстаніями противниковъ.“ Но желательное выраженіе никакого недоумѣнія возбуждать не должно. Ибо желаніе, чтобы отстранены были препятствія успѣхамъ благовѣстія, одобряется нравственнымъ чувствомъ. Апостолъ въ этомъ духѣ и говоритъ: „говоритъ такъ не потому, чтобы святые радовались наказаніямъ злыхъ людей, но потому, что дѣло касалось проповѣди и слабѣйшіе изъ вѣрующихъ имѣли нужду въ такомъ утѣшеніи: это ему не пройдетъ безнаказанно“ (св. Злат.). Святымъ свойственно входить въ планы Божіи, и въ чувствѣ Божіей правды изрекать желаніе заслуженнаго Богопротивниками, какъ встрѣчаемъ въ Псалмахъ и у Пророковъ.

Ст. 15. *Отъ негоже и ты себе блюди, зѣло бо противится словесемъ нашимъ.*

„*Себе блюди.* Не сказалъ: причини ему скорбь, накажи, прогони его, хотя по благодати Божіей могъ сдѣлать это; ничего такого не дѣлаетъ и не вооружаетъ противъ него ученика своего, а заповѣдуетъ только удаляться отъ него, предоставляя наказаніе Богу“ (св. Злат.).

Зѣло противится словесемъ нашимъ. „Т.-е., словамъ проповѣди“ (Экум.),—„благовѣстію Евангелія“ (Ѳеоф.). „Войну ведетъ противъ Евангелія, противодѣйствуетъ ему“ (св, Злат.). Противится и словомъ и дѣломъ.

г).

Ст. 16. *Въ первый мой отвѣтъ никтоже бысть со мною, но вси мя оставиша. Да не вмѣнится имъ.*

Окончательный судъ еще не былъ произнесенъ. Стоялъ только св. Павелъ на судѣ въ первый разъ и защищался. Хотя нельзя заключить, что дѣло клонилось не въ пользу его, напротивъ нижеслѣдующія слова,— ст. 17, — подаютъ мысль, что св. Павелъ не былъ чуждъ надежды избавленія отъ осужденія и смерти, какъ и въ первыя узы: при всемъ томъ однакожъ для него было очень чувствительно, что при немъ не было тогда во время отвѣта никого изъ близкихъ—помощниковъ. Что значитъ: *никтоже бысть со мною,*—кого разумѣетъ подъ сими св. Павелъ и что именно они могли сдѣлать своимъ присутствіемъ, — не видно. Но само собою разумѣется, что ихъ присутствіе не одно утѣшеніе доставило бы св. Павлу, которое онъ умѣлъ находить въ другихъ источникахъ помимо людей. Какъ нибудь оно могло бы послужить и къ устраненію обвиненія его. Св. Златоустъ говоритъ, что св. Павелъ въ этотъ разъ былъ судимъ и осужденъ за обращеніе виночерпія Неронова. Были вѣроятно лица, могшія показать, что св. Павла нельзя обвинять въ этомъ, но изъ страха не выступили въ защиту его. *Вси мя оставиша*—звучитъ сердечною жалостію, такъ естественною въ подобныхъ обстоятельствахъ. У св. Давида нерѣдко встрѣчаются подобныя мѣста: *и ближніи мои отдалече мене сташа.* Удалились отъ меня знаемые мои, друзья и искренніе (Пс. 37, 13; 87, 9,—и др.).

Да не вмѣнится имъ. Сдѣлали они это не по непріязни, а по страху необузданнаго Нерона, предъ которымъ ничто законное не имѣло цѣны, когда не согласовалось съ его желаніемъ. Они не надѣялись помочь св. Павлу, а себя предали бы—въ руки смерти; почему и устранились. И Господа Спасителя оставили ученики. Онъ напередъ видѣлъ это и не осуждалъ ихъ. Такъ дѣлаетъ и св. Павелъ: *да не вмѣнится имъ,* т.-е. отъ Бога и Господа. „Апостолъ показалъ къ нимъ отеческое милосердіе; потому что удаленіе происходило не отъ злонравія, но отъ боязни“ (Ѳеод.). „Видишь, какъ кротко говоритъ онъ о близкихъ къ нему, хотя они сдѣлали тяжкій проступокъ; ибо не одно и тоже—быть оставленнымъ посторонними людьми, или своими. Видишь ли, какъ сильна была скорбь его? Ты, говоритъ, не можешь сказать, что я, подвергаясь гоненію отъ постороннихъ, находилъ утѣшеніе, облегченіе и помощь отъ своихъ; ибо и они измѣнили мнѣ: *вси мя оставиша.* Подлинно, это—не малый грѣхъ. Если на войнѣ тотъ, кто оставляетъ товарища, находящагося въ опасности, и избавляетъ отъ рукъ враговъ только себя самого, справедливо называется своими человѣкомъ испортившимъ все дѣло и измѣнникомъ; то тѣмъ болѣе въ проповѣди“ (св. Злат.).

Ст. 17. *Господь же мнѣ предста, и укрѣпи мя, да мною проповѣданіе извѣстно будетъ, и услышатъ вси языцы: и избавленъ быхъ отъ устъ львовъ.*

Во всю жизнь Господь не оставлялъ Апостола Своимъ личнымъ руководствомъ, утѣшеніемъ. Тоже сдѣлалъ и въ концѣ ея. Оставленнаго людьми Господь не оставилъ; но предсталъ и укрѣпилъ,—вдохнулъ мужество предъ лицемъ смерти,—„даровалъ дерзновеніе, не попустилъ пасть духомъ“ (св. Злат.).

Да мною проповѣданіе извѣстно будетъ. Извѣстно

будетъ, —πληροφορηθῆ,—удостовѣрено, убѣдительно для всѣхъ подтверждено въ истинности своей. Разумѣется не будущее проповѣданіе, а уже бывшее, или вообще проповѣдь Евангелія, всѣми Апостолами распространенная всюду. Какъ же она подтвердилась въ своей истинѣ въ это время св. Павломъ? Его самозащитою предъ судомъ. Суды тогда велись открыто. Кромѣ судей тутъ присутствовало многочисленное собраніе народа. Въ Римѣ, главѣ Римской имперіи, могли присутствовать при семъ лица всѣхъ націй. Господь, явившись, воодушевилъ Апостола и далъ его слову такую силу, что всѣ, въ разной степени, возчувствовали убѣжденіе въ истинѣ Евангелія, и судьи, и собравшіеся, и Апостолъ не былъ осужденъ. Судъ, вѣроятно, напередъ уже имѣлъ въ виду порѣшить дѣло и самого Апостола заразъ; но послѣ рѣчи его оставилъ и дѣло нерѣшеннымъ и Апостола живымъ. Слышали это бывшіе на судѣ лица разныхъ народовъ — и имѣли разнесть вѣсть о томъ во всѣ концы міра. Но и кромѣ того, вѣсти о бывающемъ въ Римѣ скоро расходились по всему міру. Должно было разойтись и это обстоятельство,—что хотѣли осудить за Евангеліе, но должны были уступить силѣ истины и не осудили,—и подтвердить Евангеліе. Это и значатъ слова: *и услышатъ вси языцы.* Конечно они и услышали, и тоже почувствовали, что и присутствовавшіе.

Св. Златоустъ говоритъ на это мѣсто: *Да мною проповѣданіе извѣстно будетъ,* т.-е., дабы подтвердилось. Посмотри, какъ велико его смиренномудріе. Не потому, говоритъ, Богъ укрѣпилъ меня, чтобы я былъ достоинъ такого дара, но дабы подтвердилось благовѣстіе, которое ввѣрено мнѣ. Это подобно тому, какъ еслибы кто носилъ багряницу и діадиму и изъ-за нихъ спасался. *И услышатъ вси языцы.* Что это значитъ?

Дабы всѣмъ, говоритъ. сдѣлались извѣстными и слова проповѣди, и попеченіе о мнѣ Промысла."

И избавленъ быхъ отъ устъ львовъ,—λεοντος,—льва. „Видишь, какъ онъ близокъ былъ къ смерти; онъ былъ въ самыхъ челюстяхъ льва; львомъ же называетъ Нерона, по причинѣ его звѣрства, могущества царства его и непреклонности" (св. Злат.). „Львомъ назвалъ Апостолъ Нерона и какъ царя, и какъ самаго жестокаго" (Ѳеод.). Такъ и прочіе наши толковники. Инымъ кажется лучше подъ львомъ разумѣть здѣсь крайнюю опасность смертную. Но опасность сія отъ кого въ это время была? Отъ Нерона. Зачѣмъ же принимать иное толкованіе? — Амвросіастъ видитъ здѣсь невидимаго льва, всегда рыкающаго и ищущаго кого поглотить. Это ближе нежели предыдущее иносказаніе; потому что безъ этого льва ни одна бѣда не бываетъ. „Подобно тому говоритъ о львѣ, какъ и Петръ соапостолъ его говоритъ: *супостатъ вашъ діаволъ, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. 5, 8). Но поелику въ Апостолѣ онъ не находилъ случая, какъ бы прельстить его, то возбуждалъ противъ него сыновъ своихъ и чрезъ нихъ тѣснилъ его и казнямъ подвергалъ; чтобъ если не какъ грѣшникъ, то пусть хоть какъ праведникъ, только бы взятъ былъ изъ среды живыхъ, да не множайшихъ обратитъ къ вѣрѣ. Это уже совсѣмъ было и успѣлъ онъ теперь исполнить, но Божіимъ провидѣніемъ избавленный, Апостолъ на самого его нападеніе чинитъ, обличая его немощность тѣмъ, что изъятъ былъ изъ устъ его и не далъ ему исполнить, что хотѣлъ. Итакъ Апостолъ изъявляетъ теперь благодареніе Богу, что помощію Его избавленъ отъ смерти. О Божіемъ же о себѣ попеченіи являетъ себя столь увѣреннымъ, что и отъ будущихъ искушеній чаетъ быть избавленнымъ. Избав-

ленія же такого чаетъ онъ не только въ настоящей жизни, но и въ день суда чаетъ быть спасеннымъ и сподобиться царствовать со Христомъ Господомъ въ вѣчные вѣки."

Ст. 18. *И избавитъ мя Господь отъ всякаго дѣла лукава, и спасетъ въ царство Свое небесное; Емуже слава во вѣки вѣковъ. Аминь.*

И избавитъ... „Апостолъ не сказалъ: въ другой разъ избавитъ меня отъ льва, но говоритъ: *отъ всякаго дѣла лукава;* ибо зналъ, что непремѣнно пріиметъ конецъ жизни" (Өеод.). „Избавилъ, говоритъ, Господь меня, и избавитъ. Но если опять избавитъ, то какъ онъ говоритъ: *азъ уже жренъ бываю?* Но вникни въ слова его. *Избавленъ быхъ,* говоритъ, *отъ устъ льва;* а далѣе: *избавитъ* уже не отъ устъ львовыхъ, но отъ чего?—*отъ всякаго дѣла лукава.* Тогда избавилъ Онъ меня отъ опасностей, а далѣе Онъ избавитъ меня отъ всякаго грѣха, т.-е. не попуститъ мнѣ отойти изъ здѣшней жизни достойнымъ осужденія" (св. Злат.). „Предъ симъ исхитилъ Онъ меня изъ челюстей тѣлесной смерти; поелику же я уже довольно проповѣдовалъ, то далѣе Онъ, надѣюсь, избавитъ меня уже не отъ тѣлесной смерти, но отъ всякаго грѣха, т.-е. не допуститъ мнѣ разслабнуть предъ смертію, но дастъ до крови противостоять грѣху,—что есть избавиться отъ мысленнаго волка" (Өеоф.). „Подлинно, бороться со грѣхомъ до крови и не пасть значитъ избавиться отъ другаго льва—діавола. Послѣднее избавленіе его важнѣе перваго, когда ему предстояло быть предану на смерть" (св. Злат.).

И спасетъ въ царствіе Свое небесное. Въ царствіе—для царствія, или для дарованія мнѣ царствія небеснаго, для введенія и вселенія въ него. Въ царство небесное входятъ только чистые отъ всякаго грѣха.

Поелику это и есть настоящее спасеніе; то пока не вселенъ кто въ царствіе, дотолѣ не есть онъ еще спасенный. „Се—истинное спасеніе, когда мы просіяемъ тамъ. Что значитъ: *спасетъ въ царствіе Свое?* Избавитъ, говоритъ, меня отъ всякой вины, и сохранитъ для тамошней блаженной жизни, (хотя бы для сего надлежало здѣсь подвергнуться лишенію жизни). Ибо спастись для царствія небеснаго (нерѣдко) значитъ умереть за него здѣсь. *Ненавидяй души своей въ мірѣ семъ,* говоритъ Господь, *въ животъ вѣчный сохранитъ ю* (Іоан. 12, 25)“ (св. Злат.).

Емуже слава!—„Это славословіе Сыну“ (св. Злат.). „Ибо Господь есть Сынъ. Ему воздается слава, какъ и Отцу, и какъ Духу Святому“ (Экум.).

д)

Ст. 19. *Цѣлуй Прискиллу и Акилу и Онисифоровъ домъ.*

Акила и Прискилла, возвращавшіеся въ Римъ (Рим. 16, 3), теперь снова оказываются въ Ефесѣ. Вѣроятно, они въ Римъ ѣздили на время, для покончанія своихъ тамъ дѣлъ, положивъ прочее жить въ Малой Азіи; неистовства Нерона могли ускорить ихъ оттуда выбытіе. Смотри о нихъ въ посланіи къ Римлянамъ. Св. Златоустъ говоритъ объ нихъ: „это—тѣ лица, о которыхъ часто упоминаетъ Апостолъ, у которыхъ онъ жилъ, которыя принимали Аполлоса. Настоящее привѣтствіе было для нихъ немалымъ утѣшеніемъ, служило доказательствомъ почтенія и любви его и доставляло имъ великую благодать; ибо и одно привѣтствіе такого святаго и блаженнаго мужа могло исполнить великой благодати того, кто удостоивался этого привѣтствія.“

Объ Онисифорѣ смотри выше 1, 16—17. Св. Златоустъ говоритъ: „Онисифоръ былъ у него (Апостола) въ Римѣ, какъ говоритъ онъ — 1, 16. — Настоящимъ

привѣтствіемъ онъ дѣлаетъ и домашнихъ его болѣе усердными къ дѣламъ, подобнымъ дѣламъ Онисифора.“ Прочее о немъ пишется у святителя Димитрія, что онъ епископствовалъ въ Колофоніи и Кириніи и даже до крови пострадалъ за вѣру. Свидѣтельствуетъ о немъ Мученикословіе, что, послѣ многихъ ранъ, онъ растерзанъ дикими конями и предалъ духъ свой въ руцѣ Богу. Изъ 70. Память—7 сентября.

Ст. 20. *Ерастъ оста въ Коринѳѣ. Трофима же оставихъ въ Милитѣ боляща.*

Вышедъ въ послѣдній разъ изъ Ефеса, св. Павелъ направился въ Македонію (1 Тим. 1, 3). Слѣдственно къ сѣверу отъ Ефеса; а Милитъ лежитъ къ югу отъ Ефеса. Но нужды Церкви могли поставить св. Павла въ необходимость посѣтить Милитъ, гдѣ такъ-же приставали и отплывали корабли. Кончивъ здѣсь дѣла, онъ сѣлъ на корабль и направился далѣе, въ Троаду, въ Филиппы, Солунь. Изъ Македоніи спустился въ Ахаію, побывалъ въ Коринѳѣ, — и отсюда или взятъ, или самъ отправился въ Римъ. Такой путь обозначался показаніями Писанія. Это дѣлаетъ понятнымъ, какъ Ерастъ остался въ Коринѳѣ и Трофимъ больной оставленъ въ Милитѣ.

Поминается Ерастъ, — посланецъ со св. Тимоѳеемъ въ Македонію, въ концѣ трехлѣтняго пребыванія св. Павла въ Ефесѣ (Дѣян. 19, 22). Поминается Ерастъ— одно изъ распорядительныхъ лицъ по городу въ Коринѳѣ (Рим. 16, 23). Поминается и здѣсь. Одно ли это лице, или разныя? Можетъ быть одно. Мѣшаетъ будто то, что одно изъ нихъ есть правитель градскій, которому нельзя покидать города, слѣдовательно надолго быть при Апостолѣ, какъ предполагать заставляютъ два другія случая. Но правитель сей названъ οἰκονόμος,— экономъ, распорядитель по хозяйской части города;

онъ могъ быть приставленъ къ сему по выборамъ, на годъ, и, отправивъ свой чередъ, быть свободнымъ. Но скажутъ: въ посланіи къ Римлянамъ онъ называется правителемъ, состоящимъ въ должности, а предъ этимъ поминается, что Ерастъ нѣкій посланъ съ св. Тимоѳеемъ изъ Ефеса въ Македонію. Явно, что тотъ не этотъ, и этотъ не тотъ.—Изъ Коринѳа было, предполагается, посольство къ св. Павлу въ Ефесъ, для извѣщенія о тамошнихъ нестроеніяхъ. Въ числѣ лицъ посольства могъ быть и правитель, на время отлучившись изъ города и сдавъ дѣло своему товарищу—помощнику. По окончаніи дѣла посольства, онъ вмѣсто того, чтобы отправиться съ другими членами посольства, отправился съ Тимоѳеемъ, который изъ Македоніи долженъ былъ спуститься въ Ахаію и Коринѳъ. Остается предположить, что по возвращеніи симъ путемъ въ Коринѳъ должность его кончилась,—и онъ, какъ свободный, или навсегда присоединился къ спутникамъ св. Павла, или почасту бывалъ при немъ. Былъ онъ при немъ и въ послѣднее время въ Ефесѣ, и вмѣстѣ съ нимъ отправился въ Македонію означеннымъ путемъ; вмѣстѣ съ нимъ спустился въ Коринѳъ, и долженъ бы отправиться съ нимъ и въ Римъ, но не отправился, а остался въ Коринѳѣ. Остался можетъ быть, по нуждѣ какой, съ согласія и св. Павла, а можетъ быть, безъ этого согласія и противъ желанія Апостолова, какъ можетъ наводить: *оста*. Всяко, по мысли св. Тимоѳея, ему слѣдовало быть въ Римѣ со св. Павломъ. Какъ его не было, а между тѣмъ св. Тимоѳей могъ подумать: какъ же это говоритъ Апостолъ, что при немъ никого нѣтъ кромѣ Луки? А Ерастъ гдѣ? гдѣ Трофимъ?—Забывъ о нихъ помянуть въ первомъ перечисленіи оставившихъ его лицъ, онъ поминаетъ объ нихъ теперь, чтобъ избавить св. Тимоѳея отъ лишнихъ думъ. Ерастъ изъ 70. Память

ноября 10. Посмотри о немъ и въ посланіи къ Римлянамъ.

Трофимъ, Ефесянинъ, сопровождалъ св. Павла изъ Ефеса чрезъ Троаду въ Македонію и Ахаію, и обратно (Дѣян. 20, 4), прошелъ съ нимъ до Іерусалима, гдѣ послужилъ поводомъ къ возмущенію Іудеевъ противъ св. Павла (Дѣян. 21, 29). Онъ былъ всегдашнимъ спутникомъ св. Павла. И предъ этимъ, когда св. Павелъ отправился изъ Ефеса въ Македонію, онъ сопровождалъ его, но заболѣлъ въ Милитѣ и оставленъ тамъ.

По этому случаю св. Златоустъ дѣлаетъ наведеніе, очень вразумительное, о путяхъ благаго Промысла Божія въ дарованіи чудесной помощи. «*Трофима оставихъ боляща*. Почему же ты не исцѣлилъ его, а такъ оставилъ?—Но Апостолы не все могли дѣлать, или не все устрояли благодатію, дабы кто не подумалъ о нихъ больше, нежели что видѣлъ. Тоже, какъ мы видимъ, случалось и съ бывшими прежде нихъ блаженными и праведными мужами, напримѣръ, съ Моѵсеемъ. Онъ былъ косноязыченъ,—почему же Богъ не исцѣлилъ его косноязычности?—Часто впадалъ въ скорбь и уныніе, и не вошелъ въ землю обѣтованную. Многое попускалъ Богъ, чтобы показать немощь человѣческой природы. Ибо, если и при этомъ безчувственные Іудеи говорили: гдѣ Моѵсей, *иже изведе насъ отъ земли Египетскія* (Исх. 32, 1)?—то чего они не сказали бы, еслибы онъ ввелъ ихъ въ землю обѣтованную? Еслибы Богъ не попустилъ ему чувствовать страхъ предъ Фараономъ, то не признали ли бы они его богомъ? Это, какъ извѣстно, сдѣлали-было съ Павломъ и Варнавою жители Листры, принявъ ихъ за боговъ. Но они, *растерзавше ризы своя, вскочиша въ народъ, зовуще и глаголюще: мужіе, что сія творите: и мы подобострастни есмы вамъ человѣцы* (Дѣян. 14, 14. 15). Также и Петръ, когда исцѣ-

лилъ хромаго отъ рожденія и когда всѣ изумлялись случившемуся, отвѣчалъ: *мужіе Израильтяне, что чудитеся о семъ; или на ны что взираете, яко своею ли силою или благочестіемъ сотворихомъ его ходити* (Дѣян. 3, 12)? Послушай еще, что говоритъ блаженный Павелъ: *дадеся ми пакостникъ плоти, да не превозношуся* (2 Кор. 12, 7). Но скажешь, что онъ сказалъ это по смиренномудрію. Нѣтъ, не такъ; не для того только *дадеся ему пакостникъ*, чтобы онъ былъ смиренномудръ, и не по смиренномудрію только онъ сказалъ это, но и по другимъ причинамъ. Ибо, смотри, Богъ не говоритъ ему въ отвѣтъ: *довлѣетъ ти благодать моя*, да не превозносишься, но что? — *сила бо моя*, говоритъ, *въ немощи совершается* (2 Кор. 12, 9). Такимъ образомъ достигались двѣ цѣли: и явнымъ являлось, какъ бывало бывающее, и все приписываемо было Богу. Посему въ другомъ мѣстѣ Апостолъ говоритъ: *имамы же сокровище сіе въ скудельныхъ сосудѣхъ*, т.-е. въ тѣлахъ немощныхъ и подверженныхъ страданіямъ. Для чего? *Да премножество силы будетъ Божія, а не отъ насъ* (2 Кор. 4, 7). Еслибы тѣла ихъ не были подвержены страданіямъ, то все было бы приписано имъ. И въ другомъ мѣстѣ мы видимъ, какъ онъ скорбитъ о болѣзни, когда говоритъ объ Епафродитѣ: *ибо болѣ близъ смерти, но Богъ помилова его* (Филип. 2, 27). И многаго онъ не зналъ съ пользою какъ для него самого, такъ и для учениковъ.“

По преданію Трофимъ усѣкнутъ въ Римѣ при Неронѣ, вмѣстѣ съ Аристархомъ и Пудомъ. Изъ 70. Память 15 апрѣля.

Ст. 21. *Потщися прежде зимы пріити. Цѣлуетъ тя Еввулъ, и Пудъ, и Линъ, и Клавдія, и братія вся.*

Помянувъ, о которыхъ прежде забылъ сказать, что ихъ нѣтъ при немъ, св. Павелъ дополняетъ одною

чертою и приглашеніе св. Тимоѳея къ себѣ, — именно,—чтобъ позаботился придти прежде зимы. Зима могла замедлить путь, могла и совсѣмъ задержать гдѣ либо до весны. А между тѣмъ была крайняя нужда, чтобы онъ скорѣе, какъ можно, былъ въ Римѣ. Вотъ и понуждаетъ.—„Какъ понуждаетъ его! Но нигдѣ не высказываетъ ничего прискорбнаго; не говоритъ: приди прежде моей смерти,—дабы не опечалить его,—но: прежде зимы, дабы тебѣ не встрѣтить препятствій“ (св. Злат.).

Внесши это дополнительное, Апостолъ продолжаетъ цѣлованія или привѣтствія самому Тимоѳею отъ разныхъ лицъ. *Цѣлуютъ тя Еввулъ*, и проч. Всѣ лица, отъ которыхъ шлется привѣтствіе, носятъ римскія имена, и были потому вѣрующіе изъ Римлянъ. Познакомиться съ св. Тимоѳеемъ они могли въ первыя узы св. Павла, когда былъ съ нимъ и св. Тимоѳей. Что нѣтъ привѣтствій отъ вѣрующихъ изъ Евреевъ, подаетъ мысль, что ихъ не было на лицо: иные замучены, иные убѣжали.

Объ *Еввулѣ* не сохранилось никакого преданія. Довольно для славы его того одного, что о немъ поминаетъ св. Павелъ.

Пудъ изъ сенаторовъ, въ домѣ своемъ принималъ святыхъ Апостоловъ Петра и Павла. Домъ его обращенъ въ церковь, названную Пастырскою. По Мартирологію Римскому онъ былъ отецъ св. мучениць Праксиды и Пруденціаны; а *Клавдія*, по Болландистамъ, была супругою его. Усѣкнутъ вмѣстѣ съ Трофимомъ и Аристархомъ. Изъ 70 Апостоловъ. Память 15 апрѣля.

Линъ первый Римскій епископъ послѣ св. Апостоловъ, какъ свидѣтельствуютъ св. Ириней и Евсевій. Изъ 70. Память 5 ноября.

Клавдія. „Видишь ли, какъ и жены были усердны и пламенны въ вѣрѣ? Такова Прискилла, такова и эта Клавдія, которыя уже распяли себя (произволеніемъ) и были готовы на подвиги (мученическіе). Женскій полъ не препятствуетъ (явиться мужественными). Подлинно, дѣло благодати Божіей, что лица этого пола могутъ тысящекратно умирать (за Христа), если захотятъ, — многія изъ нихъ дѣйствительно сдѣлались мученицами, — могутъ преуспѣвать въ цѣломудріи, и даже болѣе мужей, могутъ имѣть и скромность, и честность, и святыню (чистоту), безъ которой *никтоже узритъ Господа* (Евр. 12, 14), и презрѣніе къ богатству, и все вообще прочее" (св. Злат.).

И братія вся. „Послѣднихъ не называетъ по имени. Видишь ли, что тѣ были пламеннѣе" (св. Злат.). „Рачительнѣйшихъ перечислилъ поименно, другихъ же назвалъ общимъ именемъ" (Ѳеод.).

Ст. 22. *Господь Іисусъ Христосъ со духомъ твоимъ. Благодать съ вами. Аминь.*

Господь Іисусъ Христосъ со духомъ твоимъ. „Нѣтъ ничего лучше такого благожеланія. Не скорби, говоритъ, что я нахожусь далеко отъ тебя; Господь съ тобою. И не сказалъ: съ тобою, но: *со духомъ твоимъ*" (св. Злат.). Наши всѣ толковники въ словахъ сихъ видятъ указаніе и на благодать Св. Духа, конечно, потому, что духъ нашъ не можетъ сдѣлаться достойнымъ общенія съ Господомъ, если не будетъ возстановленъ въ своемъ чинѣ благодатію Святаго Духа. Св. Златоустъ говоритъ: „иначе Богъ и не можетъ быть съ нами, если нѣтъ въ насъ благодати духовной; ибо если она оставитъ насъ, то какъ Онъ будетъ съ нами?" — Къ сему Экуменій присовокупляетъ: Апостолъ симъ говоритъ какъ-бы: „съ наитіемъ Духа Святаго, Коего нынѣ имѣешь ты, да будетъ и Господь Іисусъ

Христосъ съ тобою.“ Такъ что благожелается „сугубая помощь: отъ благодати Святаго Духа и отъ Господа Бога, споспѣшествующаго ей“ (св. Злат.).

Благодать съ вами. Наши всѣ толковники читаютъ: *съ нами.* И, кажется, это лучше. *Съ нами,* т.-е. и со мною, какъ и съ тобою, или *съ нами,*—со мною, съ Римлянами, съ Ефесянами и со всѣми христіанами. „Включилъ и себя къ причастію благодати“ (Ѳеод.). „Наконецъ и себѣ испрашиваетъ (благодати), т.-е., чтобы всегда намъ быть благоугодными Богу, чтобы имѣть благодать съ дарами ея; ибо если она будетъ присуща намъ, то не будетъ ничего прискорбнаго. Какъ видящій царя и пользующійся его благоволеніемъ не чувствуетъ никакой скорби, такъ и мы, хотя бы лишились друзей, хотя бы подверглись какому-нибудь другому бѣдствію, не будемъ чувствовать никакой скорби, если благодать будетъ находиться при насъ и ограждать насъ. Какъ же можно привлечь къ себѣ благодать? Дѣлая угодное Богу, во всемъ повинуясь Ему. И въ большихъ домахъ не видимъ ли мы, что тѣ слуги пользуются благоволеніемъ господъ, которые отъ всей души и со всѣмъ усердіемъ пекутся о нуждахъ не своихъ, а господскихъ, которые не по принужденію только господъ, но по собственному усердію и ревности исполняютъ все хорошо? И не тогда ли, когда они постоянно находятся предъ глазами господъ, когда занимаются дома, не безпокоятся о своихъ дѣлахъ и не пекутся о своихъ выгодахъ, но считаютъ господское своимъ? Если же въ житейскихъ дѣлахъ кто презираетъ свое и заботится о господскомъ, не лишается своего, а напротивъ получаетъ большее; то тѣмъ болѣе въ духовныхъ. Презирай свое, и получишь Божіе; Самъ Онъ желаетъ этого. Презирай землю, и

получишь царство небесное; тамъ пребывай, а не здѣсь“ (св. Злат.).

„Улучить такую благодать да дастъ Богъ и намъ молитвами и написавшаго и получившаго посланіе сіе,— и да узримъ ихъ въ вѣчныхъ ихъ селеніяхъ не издали, какъ богатый Лазаря, но съ ними обитая и подъ ихъ пребывая настоятельствомъ, по благодати и человѣколюбію Господа Іисуса Христа, съ Коимъ Отцу со Святымъ Духомъ подобаетъ слава и велелѣпіе нынѣ и всегда и во вѣки вѣковъ. Аминь“ (Бл. Ѳеодоритъ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

II.

Стр.

← LOOK FOR BARCODE
on paper cover